Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский краевой объединённый музей»

СЕРИЯ «ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ»

ДЕРЗКО, ОШЕЛОМЛЯЮЩЕ, ОТЧАЯННО...

(материалы о Курильском десанте августа 1945 г.)

Петропавловск-Камчатский
«Новая книга»
2024

УДК 908(571.66)
ББК 63.3(Камч)
Д36

Дерзко, ошеломляюще, отчаянно... (материалы о Курильском десанте августа 1945 г.). — Петропавловск-Камчатский: «Новая книга», 2024. — 496 с., ил.

Д36

ISBN 978-5-907448-37-7

Книга основана на материалах, пополнивших музейные фонды в 2020—2024 гг. и вновь выявленных из более ранних поступлений. В их числе документы, переданные исследователем и журналистом Н. Н. Питомцем (г. Южно-Сахалинск), а также предоставленные руководителями КРОО «Камчатско-Курильские экспедиции» (г. Петропавловск-Камчатский) Е. М. Верещагой и И. В. Витер, заслуженным работником культуры РФ, почётным гражданином г. Петропавловска-Камчатского. Эти документы существенно дополняют и уточняют наши представления о Курильском десанте — завершающей операции Второй мировой войны.

Издание осуществлено с целью сохранения и популяризации исторического наследия Камчатского края. Рассчитано на широкий круг читателей, в первую очередь на молодёжь и школьников.

УДК 908(571.66)
ББК 63.3(Камч)

Ответственная за выпуск Е. Н. Буторова
Редактор-составитель С. В. Гаврилов

На обложке: картина А. И. Плотнова «Десант на Курильские острова», 1948 г.

© Министерство культуры Камчатского края, 2024
© КГБУ ККОМ, 2024
© С. В. Гаврилов, составление, 2024

ISBN 978-5-907448-37-7

Предисловие

Камчатский краевой объединённый музей представляет десятую книгу серии «Из фондов музея». Она является подборкой документов, авторских статей и личных материалов, в разное время подготовленных штабами воинских частей и соединений и их руководителями, журналистами и исследователями, участниками боевых действий. Эта книга, посвящённая последней боевой операции Второй мировой войны — Курильскому десанту, в нашей серии уже третья. Ранее вышли основанные на личных архивных музейных фондах сборники «На крайних восточных рубежах» (2015, фонд С. К. Юдина) и «Тех сражений славою и сейчас дышу...» (2016, фонд В. С. Акшинского). Общность тематики всех трёх книг подчёркивается одним и тем же изображением на их обложках — замечательной картиной А. И. Плотнова «Десант на Курильские острова» (1948), уже давно ставшей своеобразной «визитной карточкой» этого события, непосредственно связанного с Камчаткой. Исходным пунктом десанта, ушедшего в бессмертие, стал наш Петропавловск.

Материалы, вошедшие в настоящий сборник, хронологически охватывают не только август — сентябрь 1945 г., — время скоротечной Советско-японской войны и непосредственного освобождения Северных Курил, но выходят за эти рамки, рассказывая о предвоенной обстановке на Камчатке и послевоенном положении на островах освобождённой гряды. В ходе обработки материалов нам показалось уместным разделить собранные сведения на шесть разделов. Первый — «Документы» — включает восемь архивных источников: отчёты о боевых действиях, приказы и о награждениях. В их число входит и один личного происхождения — фрагменты письма красноармейца Г. И. Третьякова брату, отправленного адресату 3 сентября 1939 г. из Нижнекамчатска, хорошо показывающего, как шла организация воинских частей, позже составивших Камчатский оборонительный район, в каких условиях пребывали бойцы и командиры.

Второй раздел, самый объёмный, — «Воспоминания ветеранов Вооружённых сил и Курильского десанта» — образован многочисленными письмами-воспоминаниями 69 прямых участников

событий. Для удобства поиска и использования они размещены в алфавитном порядке.

Во многих случаях описанные отдельными авторами личные боевые достижения подтверждены официальными документами: выписками из приказов по воинским частям или наградных листов, а также архивными справками.

Шесть материалов следующего раздела рассказывают об одном из руководителей десантной операции — заместителе командира 101-й стрелковой дивизии полковнике Петре Алексеевиче Артюшине. В самое напряжённое и драматичное начальное время высадки именно он, единственный из «больших начальников», находился на берегу острова Шумшу. Своими действиями, распоряжениями и отвагой, проявленной на поле боя, а равно и предшествующей деятельностью, заслужил огромное уважение подчинённых, ярко отражённое в их поздних воспоминаниях.

Четвёртый раздел «Из блокнота военного корреспондента» можно назвать «авторским». Опубликованные здесь воспоминания «Курильский десант» принадлежат известному дальневосточному журналисту и писателю А. М. Грачёву (1911—1973). Об истории появления этого интереснейшего документа рассказывает подготовившая его к публикации А. А. Пономарёва.

Небольшой пятый раздел «Проявив отвагу и сноровку...» тоже авторский. Он включает одну сводную работу — очерк «Некоторые сведения об участии в Курильском десанте воинов-пограничников», подготовленный бывшим врачом лечебной физкультуры из Петропавловска-Камчатского Л. Н. Дюкаревой.

Завершающий, шестой раздел, назван «Первые сообщения и материалы о Курильском десанте». Они приводятся нами по газете «Камчатская правда», выходившей в военные годы в Петропавловске-Камчатском тиражом 11 750 экземпляров и являвшейся главным источником сведений для населения о событиях в стране и мире, в том числе и о положении на фронтах. Включённые сюда сведения охватывают время с 22 августа 1945 г. (первое сообщение Совинформбюро, упоминавшее Курилы) по 15 ноября 1946 г. (статья за подписью А. Р. Гнечко с призывом сохранять память о героях-десантниках).

Книга составлена из отдельных материалов, выявленных в последние годы в фондах нашего музея; части документов и писем ветеранов и членов их семей, некогда собранных действовавшей в городе Северо-Курильске поисковой группой «Океан» под руководством Валерия Ивановича Гайдукова. Но основное «тело»

опубликованных ниже сведений, порой уникальных, почерпнуто из объёмной коллекции, поступившей в музей в 2022 г. Её долгие годы кропотливо собирал живущий ныне в городе Южно-Сахалинске исследователь, журналист, бывший редактор газеты «Курильский рыбак» Николай Николаевич Питомец. Из текста адресованных ему многих писем следует, что они — ответы на его прямые вопросы, задававшиеся участникам операции с целью прояснения не всегда ясных её отдельных составляющих.

Ниже представлен очерк Н. Н. Питомца «Шагнувшие в легенду», специально написанный для этого издания в сентябре 2023 г.:

...6 августа 1976 г. был удивительно солнечный день. Я сошёл на песчаный — сероватого цвета — берег острова Парамушир, главного в северной части Курильской гряды. Через три с лишним недели мне должно было «стукнуть» двадцать три года. Приехал я с европейского материка на работу в рыбацком плавсоставе, имея диплом радиооператора 2-го класса за подписью капитана порта города-героя Одессы.

Тогда я не имел не только ни малейшего представления об этом дальневосточном островном крае, но и уж тем более о его героическом — тридцатилетней давности — прошлом. На этой освобождённой земле в 1975 г. (за год до моего «явления» на остров) гордо и торжественно праздновали круглую дату разгрома японских милитаристов. Победную точку в сокрушении захватчиков российских земель поставил легендарный Курильский десант.

...В районе конторы местного рыбокомбината, куда я держал курс, по прибрежному песку от улицы Набережной в сторону улицы Ильичёва, под сопку Сигнальную, деловито сновали матросы сейнеров, рыбообработчики береговой базы, судоремонтники, прочий здешний люд. Совсем рядом, метрах в трёхстах по левую сторону, другая «дорога» — деревянный настил с натянутыми вдоль него верёвками на случай шторма или тайфуна — огибала место, где стоял скромный памятник на могиле С. А. Савушкина. Далее этот немыслимый «тротуар» тянулся извилистой «колбасой» от береговых низин к «новому городу», выстроенному тяжкими усилиями людей у безопасных, на случай цунами, подножий высот — сопок. Это новое слово услышал впервые тут...

После посещения отдела кадров местные обитатели показали мне направление в сторону единственной в этих краях гостиницы. Её оштукатуренное двухэтажное здание в том самом «новом городе» оказалось зажато улицами Сахалинской и Шутова...

Спустя пять с небольшим лет моя семья заселилась в новую квартиру в двухэтажном брусовом доме с центральным отоплением и горячей водой — мечты для этих мест! Он стоял почти в центре Северо-Курильска, на улице Николая Вилкова.

Ильичёв, Савушкин, Шутов, Вилков и ещё многие-многие — имена тех героев, о которых нескольким тысячам северокурильчан, а также гостям бывшей Касивабары напоминают и сегодня улицы, скверы, памятники в честь воинов-победителей. И тех, кто остался лежать в островной земле, и выживших — чтобы являть потомкам славу павших.

Так меня, молодого человека, через эти указатели островная жизнь вводила в атмосферу истории легендарных имён. Все они в то время были на слуху — на торжественных встречах, партийных и профсоюзных собраниях, в комсомольско-молодёжных буднях и деловитых субботниках...

Нелегко было «пахать» на рыбацких сейнерах. Но время от времени я отправлял написанные под морскими впечатлениями стихи в ту газету, которую буду впоследствии выпускать уже в качестве руководителя редакции. Были среди них и стихи о десанте, сведения о котором «просачивались» из разных источников.

Затем работал в комсомольской организации базы сейнерного флота, называли меня тогда «комсомольским богом». Здесь тоже много узнал о прошлой войне. А после трудился в местной журналистике, вплоть до отъезда на Сахалин. И во все эти времена личного бытия история героического десанта с возрастающей силой будоражила меня, влекла к поискам нового — того, что ещё не было познано, что ещё не стало широко известным. В том числе и по этой причине Северо-Курильск тех лет вовсе не казался таким унылым-унылым, каким его сегодня представляют или пытаются это сделать.

Мне довелось воочию видеть приезжавших на места былых боёв Героев Советского Союза П. И. Шутова, В. А. Кота. Дважды встречался с Н. И. Осиповым — связистом бомбардировочной авиации пограничных войск, поддерживавшей наступление героев-десантников. Познакомился с отважным солдатом В. И. Лебедевым, обозначенным в книге В. С. Акшинского «Курильский десант» как «неизвестный».

Через подготовку лекционных материалов узнавал много новых имён и событий боевой операции на островах Шумшу и Парамушир. А буквально рядом, на соседней улице, тогда жил один из бойцов десанта — И. С. Гайдуков, встреч с которым также было немало.

Но самый мощный толчок новым поискам дала в 1988 г. проходившая в течение нескольких дней встреча в Новосибирске ветеранов 101-й стрелковой дивизии — основной силы десанта. Съехались сюда из разных мест СССР и ветераны других войсковых подразделений, участников этой операции.

Тогда меня, редактора газеты «Курильский рыбак» и члена райисполкома, делегировали на эту встречу. Привёз сибирякам снарядную гильзу, наполненную землёй, взятой на высоте 171,0 острова Шумшу — самом кровопролитном месте и для наших войск, и для жестокого, коварного врага.

В Новосибирске познакомился со многими замечательными во всех смыслах ветеранами былых боёв. Назову некоторых: Алексей Васильевич Авдеев; Геннадий Сергеевич Соколов, проявивший в ходе новосибирской встречи неимоверные организаторские усилия; Иван Иванович Басков; активнейший Георгий Владимирович Грищук; Иван Демидович Христенко, давший мне много ценного материала.

Особенное вдохновение будущей поисковой работе придала встреча с бывшим офицером отдела военной контрразведки «Смерш» в составе десанта Иваном Филипповичем Лаврухиным. Он жил в самом Новосибирске. По его настоянию и при его помощи мною систематически пополнялись списки участников десанта. Им я писал запросы, задавал вопросы о ходе операции и о роли различных подразделений. Очень часто эти вопросы были неудобными, но они требовали честного ответа. Вся эта работа быстро переросла в очень активную переписку с десятками человек одновременно. Так постепенно, шаг за шагом, в ходе поиска в течение многих лет собирались материалы, которые, слава богу, удалось ещё и сберечь.

Мысленно возвращаясь в август 1976 г. и далее, снова ловлю себя на том, что в ту пору совершенно не думал, что все последующие годы жизнь будет сводить меня с такими людьми и воинами. Благодаря их отваге реальностью стала легенда августа 1945-го — Курильская десантная операция. В этом десанте они шагнули в легенду. Судить же о цене и достоинствах давнего подвига уже вам — тем, кто сейчас имеет возможность знакомиться с представленными материалами.

Сейчас мы переживаем иное время, время других героев. Им очень могут пригодиться воспоминания о подвигах прошлого, чтобы на рубежах специальной военной операции самим стать сильнее духом, побеждая ненавистный всему русскому миру украинский неонацизм, переросший в укрофашизм, опасный уже и для других народов планеты.

Использованные сокращения

АКО — Акционерное Камчатское общество
АП — артиллерийский полк
БАО — батальон аэродромного обслуживания
БЧ — боевая часть (на корабле)
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодёжи
ВМБ — военно-морская база
ГАП — гаубичный артиллерийский полк
ГСМ — горюче-смазочные материалы
ДВФ — Дальневосточный фронт
ДС — десантное судно
КОР — Камчатский оборонительный район
ЛАП — лёгкий артиллерийский полк
МО — морской охотник
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НП — наблюдательный пункт
ОДДС — отдельный дивизион десантных судов
ОДПЛ — отдельный дивизион подводных лодок
ОИД — отдельный истребительный дивизион
ОИПТД — отдельный истребительный противотанковый дивизион
ОКДВА — Особая Краснознамённая Дальневосточная армия
ОП — опорный пункт
ОСБ — отдельный стрелковый батальон
ПБР — пехотная бригада
ПВМБ — Петропавловская военно-морская база
ПВО — противовоздушная оборона
ПД — пехотная дивизия
ПЛ — подводная лодка
ПП — пехотный полк
ПТО — противотанковая оборона
ПТР — противотанковые ружья
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия
СБ — стрелковый батальон
СД — стрелковая дивизия
СК — стрелковый корпус
СКР — сторожевой корабль
СП — стрелковый полк
СР — стрелковая рота
ТОФ — Тихоокеанский флот
ТЩ — тральщик
ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны
ЦВМА — Центральный военно-морской архив
ЦК — Центральный Комитет
ЧТЗ — Челябинский тракторный завод

Из отчёта штаба Петропавловской военно-морской базы о подготовке и проведении десантной операции, 11 сентября 1945 г.

...Подготовка операции и участвовавших в ней сил началась с момента получения приказа военного совета ТОФ (шифрограмма № 10524 от 15 августа 1945 г.) и продолжалась с неослабевающим напряжением в очень короткий срок, до самого начала операции.

Исходя из того, что времени на подготовку было очень мало (всего около 36 часов с переходом к месту высадки), наряду с производством штабом ПВМБ необходимых расчётов, составлением боевой документации, организацией разведки и взаимодействия сил десанта с авиацией и армией, сразу же приступили к подготовке кораблей, высадочных средств и к подтягиванию личного состава к месту посадки.

Время настолько лимитировало подготовку, что возникло опасение недоработки ряда серьёзных мероприятий по проведению операции. Через 12 часов с начала подготовки было получено разрешение военного совета ТОФ *отнести операцию на одни сутки с целью тщательной подготовки* (выделено нами. — *Ред.*).

Эти сутки позволили в некоторой степени скоординировать действия флота, авиации и армии на всех этапах операции, провести сбор всех командиров кораблей и разработать детально план операции и схему решения командира ПВМБ, увязать действия и способы выполнения непосредственными участниками и исполнителями...

ВХ-10183/1. ЦАМО. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 1. «Дело № 95. Материалы боевых действий по овладению островами Курильской гряды». Л. 153

Из материалов штаба Камчатского оборонительного района за 14 сентября 1945 г.

...Общие выводы:

1. Задачу, поставленную командующим 2-м ДВФ, войска КОР выполнили успешно. Особо отличившимися подразделениями в десантной операции являются: передовой отряд (батальон морской пехоты, батальон 302-го СП, рота пограничников, 2/138-й СП) под общим командованием заместителя командира 138-го СП майора Шутова, успешно продвинувшийся к высоте 171,0, не дав

возможности продвижению резерва противника к району высадки главных сил.

2. Успех операции достигнут:

а) скрытностью подготовки операции и перехода десанта морем (запрещением радиопередач и выхода в море транспортов, рыбаков, малая видимость на всех этапах перехода и беспечность противника, не производившего никакой разведки, даже радиолокации);

б) внезапностью и быстротой действий высадившегося передового отряда, прорвавшегося в глубину обороны противника до высоты 171,0 благодаря исключительному героизму личного состава передового отряда. Быстрое продвижение войск позволило ускорить развязку с противником, принудить его к капитуляции;

в) быстрым и умелым реагированием штаба КОР и штабов соединений на ход операции.

3. Основными недочётами десантной операции являются:

а) отдельные корабли первого и второго эшелонов десанта показали себя преждевременно (открыв огонь по береговой черте противника, которая никакого сопротивления первоначально не оказывала), тем самым нарушили основной элемент успеха операции — до последнего момента действовать скрытно, что в значительной степени привело к излишним потерям в людском и корабельном составе;

б) на транспортах не было достаточного количества мелких плавсредств, которые бы обеспечили выгрузку личного состава и артиллерии на берег на широком фронте;

в) первый эшелон десанта после высадки на берег не принял решительных мер по уничтожению фланговых опорных пунктов противника в районах мысов Кокутан-Саки, Котомари-Саки;

г) в первый день боя мало было выгружено на берег артиллерии и боеприпасов, и бой за овладение плацдармом войска вели с пехотным оружием при поддержке корабельной артиллерии и береговой обороны мыса Лопатка;

д) слабая разворотливость органов тыла частей, которые первые два дня не могли обеспечить своевременно необходимую помощь раненым, а также не смогли обеспечить горячей пищей войска, находящиеся на передовой линии.

4. Находящиеся батареи противника кинжального действия в районе высадки (мысы Кокутан-Саки, Котомари-Саки) нанесли основные потери нашим высадочным средствам. Обнаружить и уничтожить в период высадки эти батареи наши части и корабли не могли, так как они находились под землёй в капонирах, вспышек и звука выстрелов не наблюдалось.

5. Противник совершенно не ожидал высадки камчатских войск на островах Курильской гряды, а готовился к отражению американских десантов, чем и объясняются вышеуказанные его беспечность и отсутствие разведки. По показаниям командира дивизии генерал-лейтенанта Цуцуми Фусаки, 18 августа для него является «чёрным днём».

6. Ограниченность времени для подготовки операции не позволила отработать со всей тщательностью основные и обеспечивающие мероприятия, что значительно затрудняло выполнение операции, но вместе с тем в сложившейся обстановке, где скрытность являлась основным элементом операции, такая ограниченность времени себя оправдала.

Начальник штаба КОР
полковник *Воронов*.
За начальника оперативного отдела
штаба КОР майор *Радужанов*

ВХ-10183/1. ЦАМО. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 1. «Дело № 95. Материалы боевых действий по овладению островами Курильской гряды». Л. 83—84

Опросный лист на военнопленного капитана Иидзука Сакаи, взятого в плен в период капитуляции

Опрос производился в штабе 101-й СД (Катаока) 3 сентября 1945 г.

Капитан Иидзука Сакаи родился в 1919 г. на острове Хонсю, префектура Ибараки, уезд Гоки, деревня Тоэта. В 1943 г. из Саппоро (остров Хоккайдо) прибыл в Касивабару (остров Парамушир) на должность помощника начальника оперативного отдела отряда ПВО. В апреле 1945 г. переведён в штаб 91-й ПД на должность информатора (офицер разведки при оперативном отделе).

1. Что известно вашему штабу о Камчатке?

Работаю в штабе мало, о войсках предполагали: до 15 тыс. пехоты, кроме военно-морской базы и погранотряда, и до 180 самолётов. В военно-морской базе города Петропавловска считали до пяти подводных лодок, 3–4 миноносца, до 10 тральщиков и несколько рыболовецких больших судов.

2. Из каких источников получали данные о советских войсках?

Из штаба 5-го фронта, город Саппоро. Штабом дивизии вели разведку наблюдением, за кордон разведка не организовывалась. Основная задача наблюдения ставилась: контролировать Первый, Второй, Четвёртый Курильские проливы и подходы американских

судов к побережью островов. Кроме постоянных наблюдателей, назначенных из подразделений, разведорганов при штабе не было.

3. Какая авиация имелась на островах Сюмусю и Парамушир и в какой период убыла?

Авиабригада, номер не помню, штаб которой дислоцировался в Касивабаре, всего самолётов было около 70 штук, большинство истребители. В августе 1944 г. штабы бригады и одного БАО убыли в Японию. Вслед за штабом бригады убыл морской БАО, остальная авиация островов Сюмусю и Парамушир убывала мелкими партиями в 1944 г. и в начале 1945 г. Основное базирование авиации на аэродромах: Катаока, остров Сюмусю; Касивабара, Сурибацы, Курабу-Саки, остров Парамушир. Организацию БАО и нумерацию авиачастей не знаю.

4. Какие части располагались, кроме вашей дивизии, на острове Онекотан?

До двух рот нашей дивизии, других частей не было.

5. Когда убыла морская бригада и авиация с острова Онекотан?

Морских и десантных частей, а также авиации на острове не было.

6. Какие части морской пехоты дислоцировались на островах Сюмусю и Парамушир?

51-я десантная часть, остров Парамушир, Курабу-Саки, и не знаю, какой номер — Катаока на острове Сюмусю, организация не известна. Каждая часть равна примерно пехотному полку. В апреле 1945 г. почти все убыли в Японию, осталось на островах Шимушу и Парамушир около 1 000 чел.

7. Когда и откуда прибыла 91-я ПД?

91-я дивизия сформировалась на базе Курильского гарнизона в мае 1944 г., остров Парамушир, военно-морская база Катаока, командир дивизии генерал-лейтенант Цуцуми Фусаки.

8. Какая организация полка ПВО?

Полк ПВО состоит из трёх зенитных дивизионов и одного дивизиона прожекторного. В дивизионе 29 75-мм орудий и восемь автоматических пушек образца 98. По пять батарей, в каждом дивизионе: четыре батареи 75-мм пушек и одна батарея автоматических пушек. Второй дивизион и по одной батарее из других дивизионов убыли на Хоккайдо.

9. Какого образца танки в танковом полку и его организация?

Организации точно не знаю, всего танков около 40 средних, образца 97, и около 18 лёгких, образца 95 (старого типа).

10. Какие танки во 2-й отдельной танковой роте?

Точно не знаю. Думаю, лёгкие. Раньше вторая рота была отдельной. В апреле 1945 г. вошла в состав танкового полка, танков в роте около десяти. Слыхал, что есть танки, принадлежат морским частям, находятся на острове Шимушу, Катаока, характеристики танков не знаю, общее число около десяти. Полагаю, что относятся к типу средних.

На заданные вопросы капитан Иидзуки Сакаи отвечал уклончиво и сомнительно. Показание, данное капитаном, требует перепроверки.

Допрос производил с военным переводчиком лейтенантом Давиденко в присутствии помощника начальника 2-го отделения старший лейтенант Сабашвили.

Начальник разведотдела штаба
КОР майор *Кукарин*

ВХ-10183/1. ЦАМО. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 1. «Дело № 95. Материалы боевых действий по овладению островами Курильской гряды». Л. 22—33

Итоговая разведывательная сводка № 1 штаба Камчатского оборонительного района с 15 по 31 августа 1945 г. (подготовлена 15 сентября 1945 г.)

1. В течение 18 и 20 августа 1945 г. части противника вели упорные оборонительные бои за удержание северной части острова Шимушу. На ряде участков фронта пехота и танки противника переходили в контратаку. С 21 августа 1945 г. японские войска капитулировали и прекратили боевые действия.

2. Непосредственно перед фронтом КОР на острове Шимушу оборонялись части 91-й ПД в составе: 73-й ПБР, усиленной подразделениями 1-го противотанкового отряда, двумя батареями 2-го артотряда, двумя батареями зенитного артотряда, инженерным и автотранспортным отрядами; отдельный батальон морской пехоты и 11-й отдельный танковый полк. Общая численность группировки противника составляла 8 500 чел.

3. К началу боевых действий боевой состав войск противника на острове Шимушу составлял: людей — 8 480, винтовок — 4 805, лёгких пулемётов — 237, тяжёлых пулемётов — 75, гранатомётов 50-мм — 180, орудий 37-мм — 15, орудий 47-мм — 18, орудий 75-мм — 60, орудий 100-мм и выше — 5, миномётов 81-мм — 11, танков — 59.

Средняя плотность на 1 км фронта на первом рубеже: мыс Кокутан-Саки, мыс Котомари-Саки и высота 171,0 (протяжение фронта 4 км): винтовок 124, лёгких пулемётов — 9, тяжёлых

пулемётов — 3, орудий — 4, танков — 8. На втором рубеже: мыс Мураками-Саки, высота 142,0 и высота 151,0 (протяжение фронта 8 км): винтовок — 211, лёгких пулемётов — 6, тяжёлых пулемётов — 6, орудий — 5, танков — 4. Остальные боевые средства находились в резерве в районе ВМБ Катаока.

4. Артиллерия массированно не использовалась, а применялась поорудийно. Артобеспечение обороны строилось по принципу ведения косоприцельного и фланкирующего огня, простреливая все подступы к побережью и к оборонительным рубежам.

5. Танковый полк в составе шести рот средних и одной роты лёгких танков был сосредоточен в районе Катаока. С начала боевых действий рота средних танков вышла в район 3 км северо-восточнее высоты 151,0 и до двух рот средних и лёгких танков вышли в район отметки 171,0. Массированного действия танков не применялось, и только в отдельных случаях переходили в контратаку совместно с пехотой...

Ходы сообщения оборудованы для маневра, имеют ячейки и пулемётные площадки. Для укрытия личного состава и материальной части сооружены подземные укрытия, связанные развитой системой подземных галерей защитной толщиной от 5 до 50 м.

Основные оборонительные рубежи расположены на северо-западном и юго-восточном побережье острова. На острове Шимушу выявлено: дотов — 34, дзотов — 24, командных пунктов — 1, противотанковых рвов — до 40 км.

Несмотря на большие запасы взрывчатых веществ, минирование произведено в ограниченном масштабе, проволочные заграждения отсутствуют.

7. Авиация противника базировалась: шесть самолётов типа И-0 на аэродроме Беттоби острова Шимушу и три самолёта И-0 в районе Касивабара, остров Парамушир. Активных действий авиация противника не производила. В период с 18 по 20 августа было три случая налёта на штабы и боевые порядки наших войск (девять самолётовылетов). В двух случаях обстреливались наши войска пулемётным огнём и в одном случае было сброшено до шести авиабомб.

8. Перегруппировка войск осуществлялась с острова Парамушир (Касивабара) на самоходных баржах через Второй Курильский пролив (ёмкость баржи 40–50 солдат с полным вооружением).

В период боевых действий переброшено до трёх пехотных батальонов, усиленных артиллерией и миномётами. Из района Катаока переброска к линии фронта войск противника производилась на автомашинах.

9. Резервы и тылы противника располагались в районах Катаока и Касивабара.

10. Дислокация штабов: штаб 91-й ПД — Касивабара, штаб 73-й ПБР — Катаока, штаб 74-й ПБР — Бандзе (остров Парамушир), штаб 41-го отдельного пехотного отряда — центральная часть острова Мацува, штаб 129-й отдельной ПБР — в районе бухты Мессима (северная часть острова Уруппу).

11. В период боевых действий потери противника составляли: убитыми — 234 чел., ранеными — 141 чел., пленными — 139 и пропавшими без вести — 100 чел. Общие потери 614 чел., в том числе офицеров — 34, унтер-офицеров — 165, солдат — 415. Подбито и сожжено 18 танков, 75-мм пушек — 5, 47-мм пушек — 2, 150-мм пушек — одна. В период боёв захвачено: 75-мм пушек — 4 и одна 100-мм пушка.

Всего взято в плен и разоружено на 31 августа 1945 г.:

Остров Шимушу: генералов — 1, офицеров — 593, унтер-офицеров — 1 999, рядовых — 10 515, всего 13 108 чел. Винтовок — 8 597, гранатомётов 50 мм — 293, лёгких пулемётов — 232, тяжёлых пулемётов — 140, крупнокалиберных пулемётов — 2, зенитных пулемётов — 48, американских пулемётов 12,7-мм («эрликон») — 36, 81-мм миномётов — 39, 220-мм бомбомётов — 6, 20-мм зенитных пушек — 39, 37-мм орудий ПТО — 24, 47-мм орудий ПТО — 14, 70-мм гаубиц — 8, 75-мм горных пушек — 23, 75-мм полевых орудий — 32, 75-мм гаубиц — 17, 75-мм зенитных пушек — 22, 100-мм орудий и выше — 12, автомашин — 35, малых танков — 17, средних танков — 60, самолётов — 6.

Остров Парамушир: генералов — 2, офицеров — 287, унтер-офицеров — 930, рядовых — 5 808, всего 7 027 чел. Винтовок — 5 596, гранатомётов 50-мм — 42, лёгких пулемётов — 84, тяжёлых пулемётов — 730, крупнокалиберных пулемётов — 105, горных пушек 75-мм — 9, зенитных пушек 75-мм — 3, 100-мм орудий и выше — 13, самолётов — три.

Остров Араидо: офицеров — 1, рядовых — 28, всего 29 чел. Винтовок — 20, гранатомётов — один, лёгких пулемётов — 1, тяжёлых пулемётов — 1.

Остров Оннекотан: офицеров — 12, унтер-офицеров — 53, рядовых — 321, всего 386 чел.

Остров Харумукотан: унтер-офицеров — 3, рядовых — 12, всего 15 чел.

Остров Сясюкотан: офицеров — 4, унтер-офицеров — 22, рядовых — 97, всего 123 чел.

Остров Мацува: офицеров — 146, унтер-офицеров — 427, рядовых— 3 208, всего 3 781 чел. Винтовок — 2 127, гранатомётов — 98, лёгких пулемётов — 81, тяжёлых пулемётов — 43, крупнокалиберных пулемётов — 2, зенитных пулемётов — 5, [орудий] 100-мм и выше — 5.

Остров Урупну: генералов — 1, офицеров — 233, унтер-офицеров — 600, рядовых — 5 000, всего 5 834 чел. Винтовок — 3 525, гранатомётов — 95, лёгких пулемётов — 102, тяжёлых пулемётов — 50, миномётов 81-мм — 2, орудий ПТО 37-мм — 15, полевых пушек 75-мм — 8, [орудий] 100-мм и выше — 3, танков средних — 16, самолётов — 1.

Итого: генералов — 4, офицеров — 1 276, унтер-офицеров — 4 034, рядовых — 24 989, всего 30 303 чел. Винтовок — 20 187, гранатомётов— 536, лёгких пулемётов — 511, тяжёлых пулемётов — 322, зенитных пулемётов — 53, крупнокалиберных пулемётов — 109, американских пулемётов 12,7-мм («эрликон») — 72, 81-мм миномётов — 41, 220-мм бомбомётов — 6, зенитных пушек 20-мм — 39, орудий ПТО 37-мм — 39, орудий 47-мм — 14, гаубиц 70-мм — 8, горных пушек 75-мм — 32, полевых пушек 75-мм — 40, гаубиц 75-мм — 17, зенитных пушек 75-мм — 26, орудий 100-мм и выше — 20, танков малых — 17, танков средних — 76, самолётов — 10 (из них 3 исправных).

Организация соединений и частей японской армии. 91-я ПД сформировалась в июне месяце 1944 г. на базе гарнизонов северной части Курильских островов. При формировании в состав её вошли 31-й полк ПВО и Курильский крепостной артполк.

1. 91-я ПД состоит: штаб — 200 чел., 73-я и 74-я ПБР, 1-й и 2-й артотряды, отряд связи, инженерный отряд, 18-я и 19-я мортирные дивизионы, зенитный отряд, отряд ПТО и автоотряд, всего в дивизии около 15 тыс. чел.

2. Организация 73-й ПБР: штаб — 70 чел., 282-й, 283-й, 284-й, 285-й, 286-й, 287-й, отдельный пехотный батальоны по 750 чел. в каждом, отряд связи — 170 чел., рабочий отряд — 170 чел. Пехотный батальон состоит из четырёх пехотных рот и одной артбатареи (горных пушек 75-мм — 2, орудий ПТО 37-мм — 2) [Вписано — «3 — 47-мм ПТО»]. В каждой пехотной роте по три пехотных взвода и пульвзвод (три тяжёлых пулемёта во взводе). В пехотном взводе три лёгких пулемёта. Всего в бригаде людей 4 160, винтовок — 2 705, лёгких пулемётов — 180, тяжёлых пулемётов — 60, орудий ПТО 37-мм — 15, горных пушек 75-мм — 10,

тяжёлых пулемётов — 60, орудий ПТО 37-мм — 15, горных пушек 75-мм — 10. [Вписано: «ПТО 47-мм — 15»].

3. Организация и численность 74-й ПБР аналогична организации 73-й ПБР. Из состава 73-й ПБР в мае месяце 1945 г. убыл в Японию 285-й отдельный пехотный батальон, из состава 74-й ПБР. В это же время убыл в Японию 290-й отдельный пехотный батальон.

4. Первый артотряд: штаб — 50 чел., семь батарей по четыре 75-мм горных орудия и три батареи по четыре 75-мм полевых орудия в каждой батарее. Батарея состоит из команды управления, двух огневых взводов и обоза, всего в батарее около 100 чел.

5. Второй артотряд: штаб — 60 чел., шесть батарей, из них четыре батареи по четыре 100-мм пушки и две батареи по четыре 150-мм пушки. Всего в отряде 1 100 чел.

6. Зенитный отряд: штаб — 150 чел., три дивизиона, из них два огневых и один прожекторный. Огневой дивизион: штаб, три батареи по шесть 70-мм пушек и по две 20-мм скорострельных пушки «эрликон». Прожекторный дивизион: две батареи по три прожектора в каждом. Всего людей в зенитном отряде 1 500 чел.

7. Отряд ПТО: штаб, три батареи по шесть 47-мм орудий. Людей около 400 чел.

8. Мортирный дивизион: штаб, две батареи по три 220-мм мортиры. Всего людей 260 чел.

9. Инженерный отряд: штаб, три роты, всего около 850 чел.

10. Автотранспортный отряд: одна автотранспортная рота, 40 автомашин, людей 250 чел.

11. Отряд связи: одна радиорота и одна телефонная рота. Людей 246 чел.

12. 11-й отдельный танковый полк: штаб, пять рот по 10 средних и одна рота 17 лёгких танков. Всего людей около 500 чел.

13. 2-я отдельная танковая рота — 130 чел. [исправлено «150»], 10 средних танков.

14. 129-я отдельная ПБР организована в апреле месяце 1945 г. из состава 1-й Курильской группы на острове Оннекотан и переброшена на остров Уруппу. Организация бригады: рота связи — 125 чел.; три пехотных батальона по четыре пехотных роты в каждом; один артдивизион (четыре батареи по четыре 37-мм орудия ПТО и две батареи по четыре 75-мм горных пушек). Авиаотряд: четыре авиароты по 9 самолётов в каждой, всего людей около 200. Автоотряд: две роты по шесть автомашин. Танковая рота: 16 средних танков. Понтонная рота: 19 самоходных барж. Всего в бригаде 5 834 чел.

15. 41-й отдельный пехотный отряд сформирован в апреле месяце 1945 г. из состава 58-го ПП, 42-й ПД на острове Мацува. Организация отряда: штаб, два пехотных батальона, артотряд, зенитный отряд и транспортный отряд. Всего 3 781 чел.

Дислокация японских войск

Остров Шимушу: 73-я ПБР — штаб Катаока, командир бригады генерал-майор Сигино Ивао; 1-й артотряд, командир подполковник Кассиная; инженерный отряд, командир майор Фуку Секокио; две батареи зенитного артотряда; автоотряд; батальон морской пехоты; 11-й отдельный танковый полк, командир полковник Икидо (убит в бою); 2-я отдельная танковая рота, командир капитан Иторикио.

Остров Парамушир: штаб 91-й ПД — Касивабара, командир дивизии генерал-лейтенант Цуцуми Фусаки, начальник штаба полковник Яноока Макоси; 74-я ПБР (без одного батальона), командир генерал-майор Сато Масадаи; 2-й артотряд, командир подполковник Тагаути; зенитный отряд (без двух батарей), командир полковник Кайзуми; 18-й мортирный дивизион, командир капитан Амуро; 19-й мортирный дивизион, капитан Якото; отряд связи, командир майор Усуи; отряд ПТО, командир капитан Цейлю; отдельный понтонный батальон, командир подполковник Нацуми.

Остров Араидо: пехотный взвод из состава 73-й ПБР.

Остров Оннекотан: две пехотные роты из состава 74-й ПБР.

Остров Харумукотан: два пехотных отделения из состава 74-й ПБР.

Остров Сясюкотан: пехотная рота из состава 74-й ПБР.

Остров Мацува: 41-й отдельный пехотный отряд, командир полковник Уэда.

Остров Уруппу: 129-я отдельная ПБР, командир генерал-майор Них Сусуми.

Остальные острова — Рассева, Кеоси, Синсиру — оставлены японскими войсками в апреле месяце 1945 г.

Выводы:

1. Наличие 43-й и 69-й ПБР и бригады морской пехоты на Курильских островах не подтвердилось.

2. 42-я ПД без 150-го ПП и 3-я бригада морской пехоты в апреле месяце 1945 г. убыли в Японию.

3. 158-й ПП 42-й ПД на острове Мацува переформирован в 41-й отдельный пехотный отряд.

4. На базе 1-й Курильской группы на острове Уруппу сформирована 129-я отдельная пехотная бригада.

5. Оставшаяся часть Курильской группировки имела задачу: опираясь на заранее хорошо подготовленную оборону и насыщенную артиллерийско-пулемётными дотами и дзотами, оборонять острова Курильской гряды.

Начальник штаба КОР
полковник *Воронов*.
Начальник разведотдела КОР
майор *Кукарин*

ВХ-10183/1. ЦАМО. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 1. «Дело № 95. Материалы боевых действий по овладению островами Курильской гряды». Л. 9—13

Журнал боевых действий штаба 138-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии Камчатского оборонительного района

Должность и фамилия лица, ведущего журнал: первый помощник начальника штаба полка капитан Борисов И. В.

15 августа. 1. По предварительному решению командира 101-й СД 138-й СП имел задачей: 15 августа 1945 г. произвести посадку на десантные суда в районе судоремонтного завода города Петропавловска-на-Камчатке в готовности к десантной операции на остров Шимушу.

2. Батальонам и приданным средствам были поставлены задачи на сосредоточение к маршу, с ходу был организован марш в район посадки эшелона, и к 16.00 полк был в основном сосредоточен в районе судоремонтный завод по местам посадки.

В период с 17.00 до 22.00 была проведена организация посадки и посадка подразделений эшелона на десантные суда и транспорты по следующему решению и плану: а) 1-й СБ (без истребительного взвода и конного транспорта) — на ДС-525, б) 2-й СБ (без истребительного взвода и конного транспорта) — на ДС-527, в) 3-й СБ (без 7-й СР, истребительного взвода и конного транспорта) — на ДС-945, г) штаб и управление полка, рота связи, 1-я рота автоматчиков, взвод пешей разведки — на ДС-522, д) резерв полка: 7-я СР, 2-я рота автоматчиков, рота ПТР полка, пулемётный взвод 1-й пулемётной роты, сапёрный взвод и первый эшелон тыла полка — санитарная рота — на ДС-557, е) артподразделения полка, 2/279-й АП, взвод химзащиты полка — на транспорт «Емельян Пугачёв», ж) ПАГ эшелона по плану погрузки десанта — в составе 1/428 ГАП — на транспорт «Север».

16 августа. 1. По указанию коменданта погрузки около 06.00 эшелон отошёл от пирса на рейд.

2. Около 16.00 получен частный боевой приказ командира дивизии на организацию левого отряда десанта в составе двух автоматных рот 138-го СП, подразделения ПТР и сапёров, во исполнение чего была произведена следующая перегруппировка по судам. На ДС-557 был пересажен левый отряд под командой помощника начальника штаба дивизии старшего лейтенанта Синева; полковой резерв — с ДС-557 вместе с санротой — пересажен на ДС-522 к управлению и штабу полка.

3. В 16.30 16 августа на борту ДС-522 получен частный боевой приказ командира дивизии № 001: 138-му СП после захвата плацдарма передовым отрядом произвести высадку на участке: мыс Котомари-Саки, устье безымянного ручья, 4 км южнее мыса Котомари-Саки. Наступать в направлении озера, высота 142,0, овладеть восточным скатом высоты 151,0 (аэродром), в последующем наступать в направлении Катаока.

4. Было принято следующее решение: имея основную группировку на своём левом фланге, произвести одновременную высадку всех трёх батальонов на участке: мыс Котомари-Саки — устье безымянного ручья, 4 км южнее мыса Котомари-Саки, наступать в направлении озера с ближайшей задачей: овладеть безымянными высотами на рубеже отметки 142,0. В последующем наступать в направлении высоты 151,0 (аэродром).

Боевой порядок — батальоны в линию. Азимуты батальонов из точек высадки — 265° в порядке подхода — 2-й СБ, 1-й СБ, 3-й СБ, штаб полка и резерв. Одновременно было получено приказание о запрещении радиосвязи для работы на передачу.

17 августа. 1. С утра по плану морского командования эшелон в составе десанта в порядке подхода по решению вышел в открытое море (так в исходном тексте. — *Ред*.).

2. За два-три часа до подхода к месту высадки командир ДС-522 доложил, что в указанных частным боевым приказом № 001 от 16 августа пунктах высадки высаживать не может и имеет задание высадить на участке: мыс Кокутан-Саки — мыс Котомари-Саки.

18 августа. Около 05.00 эшелон десанта подошёл к острову Шимушу на участке мыс Кокутан-Саки — мыс Котомари-Саки и начал высадку.

2-й СБ на ДС-527 удачным манёвром и решительными действиями командиров ДС и батальона почти без потерь был высажен на берег. 3-й СБ, имея некоторые потери, также был высажен с ДС-945. 1-й СБ на ДС-525 попал под сильный артиллерийский огонь, был

высажен, имея значительные потери, так как высадка была произведена на расстоянии 150–200 м от берега. Командир батальона и много личного состава вышли из строя. Штаб полка с резервом на ДС-522 неудачным маневром командира судна был подведён к пункту высадки в непосредственной близости и севернее мыса Котомари-Саки и попал под сильный (слева) артиллерийский огонь артиллерийских точек с мыса Котомари-Саки. Успев высадить небольшую часть резерва (около полутора взводов), ДС-522 потерял рулевое управление, оба трапа и детали верхней оснастки, стал затопляться водой. На борту имел около 16 чел. убитых и свыше 25 чел. раненых. Получили ранения: командир полка подполковник Меркурьев, начальник штаба майор Письяуков, заместитель командира полка по политической части майор Давыденко, старший уполномоченный отдела контрразведки «Смерш» капитан Пермяков, инструктор политотдела капитан Гетманов и другие. Был убит начальник химслужбы полка старший лейтенант Волосевич, много сержантов и бойцов.

Во избежание окончательной гибели через взрыв и затопление судна всего управления полка и в целях оказания помощи раненым при полном отсутствии возможности дальнейшей высадки, ДС-522 был отведён к борту транспорта «Емельян Пугачев», о чём было донесено командиру дивизии.

По решению командира полка, утверждённому командиром дивизии, была произведена пересадка десанта с ДС-522 на ДС-523. Около 09.00 18 августа, после окончания пересадки десант вторично пошёл на высадку.

Высадившись в районе 800 м южнее мыса Кокутан-Саки, командир и штаб полка уточнили данные обстановки, организовали оказание помощи раненым, сбор боеприпасов и оружия на берегу, связались с полковником Артюшиным, организовали управление полком, послали донесение командиру дивизии.

К этому времени 2-й СБ с двумя ротами 373-го СП и частью подразделений 1-го СБ совместно с передовым отрядом вышел на северо-восточный и восточный скаты высоты 171,0, 3-й СБ (без одной роты) под командой старшего лейтенанта Александрова овладел восточными скатами безымянной высоты южнее отметки 171,0.

Отдельные мелкие подразделения 3-го СБ вместе с рядом подразделений 373-го СП (около 170 чел.) под командой капитана Мазикова вышел южнее безымянной высоты, что южнее отметки 171,0 (первые озёра), и отражал контратаки противника.

Часть резерва полка (полтора-два взвода) под командой старшего лейтенанта Ищенко, увлекаясь преследованием мелких групп противника, оторвалась от боевого порядка полка, вклинившись в оборону японцев на 6–7 км вдоль юго-восточного берега острова Шимушу, и, встретив их контратаки, стала выходить из окружения на восточный берег.

Около 18.00 18 августа после приведения в порядок подразделений была произведена полком совместно с передовым отрядом повторная атака в направлении высоты с отметкой 171,0 и безымянной высоты южнее отметки 171,0, и высоты были взяты.

К исходу дня 18 августа подразделениям полка была поставлена задача: закрепить успех, организовать меры на ночь, упрочить управление, подтянуть артиллерию, в течение ночи эвакуировать раненых и сделать всё возможное к пополнению боеприпасов.

19 августа. К 04.00, получив разрешение полковника Артюшина, была произведена смена командного пункта в район восточных скатов высоты 171,0. Около 19.00 получено указание полковника Артюшина о повышении бдительности и готовности к контратакам, в связи с прибытием парламентёров с готовностью к прекращению военных действий, как, возможно, провокацией. В течение 19 августа полк продолжал закрепление успеха, усиливая готовность к отражению возможных провокационных действий. В ночь на 19 августа и 19 августа была подтянута большая часть полковой артиллерии, часть дивизиона 1/428-го ГАП, одна батарея 279-го АП, поднесены боеприпасы и полностью эвакуированы раненые.

20 августа. 1. С 05.00 138-й СП (без 3-го СБ) со 2-й и 4-й ротами 373-го СП и ротой 60-го морпогранотряда при поддержке дивизиона 428-го ГАП получил задачу: оккупировать остров Шимушу и овладеть военно-морской базой Катаока, наступая в направлениях: а) одной усиленной стрелковой ротой — мыс Мураками-Саки, высота 151,0, овладеть аэродромом в направлении высоты 151,0, б) основными силами — по дороге на Катаока овладеть бе... (неразборчиво. — *Ред.*), мысом Иман, военно-морской базой Катаока.

Для овладения складами (1 км юго-восточнее отметки 110,0), аэродромом в районе горы Масука Яма, высотой 148,0, высотой 152,0, высотой 86,0 и побережьем бухты Накагава — выделить усиленный стрелковый батальон и к исходу дня 20 августа закончить оккупацию.

2. Противник, не выполнив условий капитуляции, отошёл на рубеж: высота 118,8 — отметка 133,0 — отметка 144,0.

3. 138-й СП с частями усиления и поддержки, имея в ГПЗ (? — *Ред.*) одну усиленную стрелковую роту, с утра 20 августа совершил марш в составе авангарда дивизии по дороге на Катаока, одной ротой оккупировал мыс Мураками-Саки и, достигнув рубежа безымянной высоты 1,5 км севернее отметки 118,8, получил боевое распоряжение: закрепиться на достигнутом рубеже.

Командиром полка было принято решение: опираясь на батальонные узлы сопротивления в районах: безымянная высота — севернее отметки 118,8 и имея круговую оборону, прочно удерживать обороняемый участок в готовности для перехода в наступление в направлении высоты 151,0.

21—22 августа. В течение 21 и 22 августа полк оборонял занимаемый участок.

23 августа. С утра полк при поддержке 1/428 ГАП, дивизиона 279-го АП в составе авангарда дивизии совершает марш в район высоты 151,0 (аэродром) с задачей приёма и разоружения капитулирующих японских войск.

Командир 183-го СП подполковник *Меркурьев*.
Начальник штаба 138-го СП майор *Письяуков*

ВХ-10183/1. ЦАМО. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 5. «Дело № 95, т. 2. Материалы боевых действий по овладению островами Курильской гряды». Л. 239—252

Журнал боевых действий отдельного учебного стрелкового батальона 101-й стрелковой дивизии

15 августа. Получен боевой приказ командира 101-й СД: батальону с 119-м ОСБ, ротой ПТР, 169-м ОИД и 1-й автоматной ротой 373-го СП совершить марш: высота 257,1 — посёлок Индустриальный — судоремзавод и к 16.00 сосредоточиться в районе судоремзавода для посадки на транспорты.

В 18.00 батальон с 1-й автоматной ротой прибыл в район сосредоточения. В 22.00 начата посадка на ДС-943, и к 04.00 посадка закончена. В 06.00 ДС-943 отошёл от пирса и встал на рейде, в 12.00 получен частный боевой приказ командира 101-й СД: батальон с 119-м ОСБ, ротой ПТР, 169-м ОИД, 1-й автоматной ротой 373-го СП составляют резерв командира 101-й СД. Высаживаться за 373-м СП и наступать за его правым флангом.

16 августа. Получен приказ сделать пересадку с ДС-943 на транспортное судно «Чапаев». В 20.30 погрузка на «Чапаев» закончена, и в 21.00 транспорт отошёл от пирса и встал на рейд.

17 августа. Транспорт «Чапаев» вместе с другими судами десанта вышел в открытое море.

Командир батальона собрал командиров рот и командиров приданных подразделений и указал порядок и очерёдность посадки подразделений на десантные средства при подходе к месту высадки.

Транспорт вошёл в Первый Курильский пролив.

К транспорту подошёл ДС-521, который был повреждён при высадке первого эшелона десанта. ДС имел три надводных пробоины и потерял левый трап. Была произведена погрузка первой очереди в составе 1-й СР, пулемётной роты и 1-й автоматной роты 373-го СП. С первой очередью сел командир батальона и адъютант батальона. Была произведена погрузка 2-й СР на ДС-557 и миномётной роты на ДС- (номер отсутствует. — *Ред.*).

На борту ДС-521 получен приказ: высадку на берег не производить до особого распоряжения.

ДС-557 и ДС- подошли к берегу. Миномётная рота высадилась, почти не имея потерь в личном составе, но, потеряв всю матчасть, за исключением двух 50-мм ротных миномётов, влилась в подразделения 138-го СП. ДС-557, не дойдя до берега 150 м, бросил якорь, был подбит и начал гореть. Командир ДС отдал распоряжение о высадке, затем, крикнув «Судно тонет!», с частью команды покинул судно. Большинство личного состава бросилось в воду, много затонуло, а часть, выплыв на берег, во главе с командиром 2-й СР пошли в направлении высоты 171,0, где влились в подразделения первого эшелона.

Заместитель командира батальона по строевой части и политчасти организовали с остатками команды отвод баржи из-под обстрела, потушили пожар и отошли в море.

На борту ДС-521 получен приказ: идти к берегу за ТЩ «Веха» и произвести высадку в районе мыса Кокутан-Саки. ДС-521 подошёл к месту высадки, спустил трап и начал высадку. Из района маяка по ДС противник открыл сильный артиллерийский огонь. Пулемётная рота произвела высадку без потерь, 1-я СР понесла небольшие потери, 1-я автоматная рота, высаживаясь на берег, понесла большие потери. Весь офицерский состав роты был выведен из строя.

Командир батальона отдал приказ командиру пулемётной роты пулемётным огнём и огнём ПТР заставить замолчать дот на маяке и блокировать его; командиру 1-й СР охватом слева овладеть опорным пунктом противника на маяке. Адъютант батальона, выдвинувшись вперёд, организовал подразделения и одиночных людей из различных частей и подготовил их к атаке маяка. 1-я СР, встретив сильное огневое сопротивление противника, заняв первую траншею, остановилась.

Адъютант батальона с группой автоматчиков атакой опорного пункта на маяке справа овладел маяком и вышел в тыл орудийному доту противника. Пулемётная рота, ведя огонь по амбразуре дота, заставила замолчать орудие японцев.

На маяке с наступлением темноты организована круговая оборона, с расчётом в течение ночи подготовить подрыв дота и уничтожить орудие японцев.

Получен приказ полковника Артюшина: отвести всех людей с маяка, так как будет бомбить наша авиация. 1-я СР, пулемётная рота вышли на берег для помощи при перетаскивании орудий. Так как орудий не было, то, захватив боеприпасы, вышли в район высоты 171,0, где поступили в распоряжение полковника Артюшина.

Вышли в район 1,5 км северо-восточнее высоты 171,0.

19 августа. Получен приказ полковника Артюшина: батальон находится в резерве с задачей быть в готовности к контратакам в направлениях: а) на восточные скаты высоты 171,0, б) по дороге через высоту 171,0, в) на западные скаты высоты 171,0.

Прибыли парламентёры от японского командования с просьбой о прекращении военных действий и заявлением о готовности к капитуляции.

Прибыла 2-я СР в составе 22 чел. во главе с командиром роты.

20 августа. Батальон с батареей АП вышел за 373-м СП по дороге в направлении Катаока и в 12.00 занял новый рубеж в 2,5 км южнее высоты 171,0 с задачей: подготовить оборону на этом рубеже и не допустить прорыва японцев по дороге. Впереди занимает оборону 373-й СП. Батальон боевых действий не вёл. Велись переговоры о подробностях и условиях капитуляции японцев.

22 августа. Прибыл заместитель командира батальона с остатками 2-й СР, всего 32 чел., которые были высажены с подбитого ДС на мысе Лопатка.

23 августа. Получен приказ командира 101-й СД: батальону со 169-м ОИД, дивизионом 279-го АП двигаться в авангарде дивизии на Катаока для приёма капитулирующих частей. Батальон прибыл в Катаока, 1-я СР вышла в район аэродрома для приёма и охраны оружия. Взвод миномётной роты выслан для охраны штаба 101-й СД.

[*Дата не читается*]. Батальон несёт службу охраны пленных, оружия и складов. Командир батальона назначен приказом командира 101-й СД старшим общевойсковым начальником в Катаока...

[*Дата не читается*]. Батальон несёт службу охраны пленных, складов и оружия.

В 10.00 получен приказ командира 101-й СД: батальону переменить место дислокации в порт Касивабара на острове Парамусир.

27 августа. Начали посадку людей и погрузку имущества на самоходные баржи.

28 августа. Батальон в полном составе прибыл в Касивабара. Получено место для расквартирования батальона, и в 09.00 батальон расквартирован по жилым помещениям. Батальон перешёл на несение службы охраны пленных офицеров японской армии и службы охраны складов.

Всего за дни боёв батальон понёс следующие потери: убитых и умерших — 24 чел., пропавших без вести — 32 чел., раненых — 26 чел. Потери в вооружении: один 82-мм батальонный и один 50-мм ротный миномёты.

Командир ОУСБ капитан *Булгаков*.
Адъютант ОУСБ старший
лейтенант Коновалов

ВХ-10183/1. ЦАМО. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 5. «Дело № 95, т. 2. Материалы боевых действий по овладению островами Курильской гряды». Л. 254—262

Из исторического формуляра 279-го артиллерийского полка 101-й стрелковой дивизии

...2. Участие в походах и боях.

1945 год.

22 июля. Полк вышел на боевые участки и занял оборону в районе Халактырка и в районе реки Половинка, 1-й и 3-й дивизионы. Полк поддерживал 302-й СП, 2-й дивизион; 428-й ГАП поддерживал 138-й СП.

15 августа. Полк получил приказ на совершение марша в район погрузки на транспорты в Петропавловский порт.

16 августа. К 17.00 полк закончил погрузку на транспорты. 2-й дивизион в составе 428-го ГАП — на транспорт «Север», остальные — на транспорты «Коккинаки» и «Урицкий».

В 18.00 полк на транспортах вышел в Авачинскую бухту, имея на ДС-671 передовую разведку от 1-го дивизиона во главе с начальником штаба 1-го дивизиона старшим лейтенантом Облицовым и оперативную группу во главе с командиром полка подполковником Тарасовым на сторожевом корабле 60-го морпогранотряда «Дзержинский».

17 августа. В 06.00 полк в составе 101-й СД лёг курсом на остров Сюмусю.

18 августа. В 07.00 передовая разведка и оперативная группа высадились на северо-восточном берегу острова Сюмусю. Выбыли из строя старший лейтенант Облицов, два разведчика и два радиста. В 19.00 с наступлением темноты началась разгрузка с транспортов. Первыми были выгружены три орудия 8-й батареи старшего лейтенанта Зацепина, которые на руках орудийных расчётов и пехоты были поставлены на ОП в районе высоты 171,1.

19 августа. Полк продолжал выгрузку матчасти, средств тяги и боеприпасов. Орудие батареи при подавлении целей противника само было подбито и убит наводчик младший сержант Коновалов.

В 20.00 закончилась выгрузка пушечных батарей.

20 августа. К 02.00 пушечные батареи 1-я, 2-я, 7-я, 8-я заняли боевые порядки: ОП западнее высоты 171,1 — 3 км, НП на скатах высоты 171,1. Полк поддерживал действия 373-го СП, продолжалась высадка гаубичных батарей с транспортов.

В 08.00 полк, поддерживая 373-й СП, в результате отхода противника продвигается вперёд на 15 км, занимает новые боевые порядки.

Продолжалась высадка гаубичных батарей.

21 августа. Полк оборудует боевые порядки, ведёт разведку. К 16.00 гаубичные батареи занимают боевой порядок на втором рубеже.

22 августа. 2-й дивизион вошёл в состав полка.

Полк ведёт разведку, оборудует боевые порядки, готовится к наступлению, поддерживает 373-й СП.

23 августа. В 07.00 полк с боевых порядков снялся и, поддерживая учебный батальон, совершает марш в бухту Катаока. 1-я батарея, командир старший лейтенант Лоськов, поддерживает ГП 3-й (? Так в тексте. — *Ред*.), 2-й дивизион поддерживает 373-й СП.

В 19.00 полк занял боевые порядки на высотах севернее Катаока. 3-й дивизион вышел из состава полка и перешёл в состав 428-го ГАП, совершая марш вдоль западного берега острова Сюмусю в район аэродрома. Полк получил приказ на погрузку и высадку на остров Парамусир.

25 сентября. В 09.00 началась погрузка на транспорты: 1-й дивизион — на пароход «Чапаев», тыл полка и 9-я батарея — на пароход «Урицкий», 3-й дивизион без 9-й батареи и штаб полка — на пароход «Туркмен». Полк поддерживает 373-й СП. 2-й дивизион из подчинения вышел.

В 06.00 3-й дивизион, штаб и тыл полка вышли из бухты Катаока к месту высадки — бухту Сурибацу-Ван.

27 августа. В 19.00 взвод управления 8-й батареи высадился вместе с группой захвата 373-го СП и до рассвета 28 августа вёл разведку в направлении Сурибацу-Ван.

28 августа. В 10.00 началась высадка в районе Сурибацу-Ван 8-й батареи и батареи штабной. Действовала разведгруппа. Штаб, штабная батарея управления 3-го дивизиона и 7-я батарея прибыли в район высадки — мыс Васильева, остров Парамусир.

10 сентября. Полк боевых действий не вёл...

6. Награды и отличия части.

Указ Президиума Верховного Совета СССР: За образцовое выполнение заданий командования в боях против японских захватчиков на Дальнем Востоке при овладении островами Симусю и Парамусир из группы Курильских островов, проявление при этом доблести и мужества, наградить орденом Красного Знамени 279-й артиллерийский полк...

ВХ-10183/2. ЦАМО. Ф. 11203. Оп. 1. Д. 1. Л. 18—29, 48

Из исторического формуляра 302-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизиии

...2. Участие в походах и в боях.

15 августа 1945 г. полк получил боевой приказ: выделить в боевой состав сводного отряда (группы захвата под командованием майора Шутова П. И., заместителя командира 138-го СП) подразделения полка в составе: 1-я рота автоматчиков, командир роты старший лейтенант Быков; 2-я рота автоматчиков, командир роты старший лейтенант Мартынов; взвод пешей разведки, командир старший лейтенант Кудрявцев; истребительная противотанковая батарея, командир батареи старший лейтенант Луб.

В распоряжение командира 373-го СП — 2-й СБ (без 4-й СР) с 8-й СР и миномётной ротой (3-го СБ), командир 2-го СБ капитан Чимирис, заместитель командира по политработе капитан Бойченко, командир 8-й СР старший лейтенант Тюрин, командир 2-й миномётной роты старший лейтенант Мельник.

Штаб полка с оставшимися подразделениями сосредоточился на новое место дислокации для обороны города Петропавловска с командным пунктом командира 101-й СД, высота Заозёрная.

Задача сводного отряда — обеспечить плацдарм для последующей высадки частей КОР на остров Симусю.

2-й СБ в составе 373-го СП 101-й СД действовал как главные силы частей КОР по овладению островами Симусю и Парамусир.

Подразделения полка, действовавшие в группе захвата, в течение двух суток геройски сражались с японским гарнизоном за каждый метр сильно укреплённого района, в результате чего на острове Симусю был обеспечен плацдарм для высадки главных сил частей КОР.

Высадка десанта (отряд захвата) производилась в ненастную погоду (туман, дождь, холод). Несмотря на неблагоприятные условия, бойцы и командиры, воодушевлённые сталинским призывом — вперёд, верные своей родине, из сильно обстреливаемых японцами горящих десантных барж, не щадя своей жизни, с боеприпасами и оружием бросались в океан, выплывали на остров и достигали цели.

С высадкой главных сил частей КОР на остров Симусю отряд захвата, отлично выполнив свою задачу, вошёл в состав главных сил частей КОР. В результате успешного и умелого наступления частей японский гарнизон не выдержал ударов Красной Армии и 3 сентября 1945 г. капитулировал. На островах Симусю и Парамусир, исконно принадлежавших русскому народу, взвилось знамя Победы.

20 августа полк по приказу командующего КОР оставил боевые участки по обороне города Петропавловска и выехал в район боевых действий — остров Симусю на кораблях «Москальво», «Менжинский» и «Рефрижератор № 2». Прибыл в порты Касивабара и Катаока (Второй Курильский пролив) 22 августа 1945 г.

24 августа 2-й СБ и спецподразделения, участвовавшие в боевых действиях по захвату островов Симусю и Парамусир, влились в состав полка.

25 августа полк выступил на захват и оккупацию островов Мацува-то, Симусиру-то, Уруппу-то.

27 августа 1-й СБ, 1-я и 2-я автоматные роты, полковые противотанковые ружья, истребительно-противотанковая батарея, минометная батарея под общим командованием командира полка подполковника Говорова, начальника штаба полка майора Полещука, заместителя командира полка по политчасти майора Тутунина захватили и оккупировали остров Мацува.

Взято пленных: офицеров — 626, солдат — 3 175, в том числе командующий гарнизоном острова Мацува полковник Уэда. Складов с боеприпасами и оружием — 7, складов с инженерным имуществом — 5, складов с техническим имуществом — 4, складов с вещевым имуществом — 15, складов с продовольствием — 12 и много других богатых современных военных трофеев.

28 августа под общим командованием командира 5-й СР старшего лейтенанта Брянова оккупирован остров Симусиру-то.

Взято пленных: офицеров — нет, солдат — нет, трофеев не оказалось. Японцы всё оборудование, казармы и другие здания облили бензином и сожгли.

29 августа 2-й и 3-й СБ под общим командованием заместителя командира полка по строевой части майора Савичева захвачен и оккупирован остров Уруппу-то.

Взято пленных: генералов — 1, офицеров — 994, солдат — 4 600, командующий японским гарнизоном генерал-майор Сусуму. Складов с боеприпасами и оружием — 12, складов с инженерным имуществом — 8, складов с техническим имуществом — 19, складов с вещевым имуществом — 28, складов с продовольствием — 25 и много других богатых современных военных трофеев.

Операцией по оккупации островов Мацува, Уруппу-то, Синсиру-то руководил лично командующий КОР генерал-лейтенант Гнечко и начальник штаба подполковник Воронов.

20 сентября военнопленные и военные трофеи острова Уруппу-то переданы командиру 2-й отдельной стрелковой бригады.

2-й и 3-й СБ сосредоточились на острове Мацува и влились в состав полка для постоянной дислокации.

Потери подразделений полка за время военных действий на островах Симусю и Парамусир.

Геройски погибли:

1. Заместитель командира 2-го СБ по политработе капитан Бойченко.
2. Начальник физической подготовки полка старший лейтенант Меркулов.
3. Командир 8-й СР старший лейтенант Тюрин.
4. Командир взвода роты автоматчиков младший лейтенант Ясаков.
5. Командир взвода роты автоматчиков лейтенант Калетвинов.
6. Командир взвода роты автоматчиков младший лейтенант Мищенко.
7. Командир взвода роты автоматчиков лейтенант Коновалов.
8. Старшина 2-й автоматной роты старшина Смирнов.
9. Командир отделения сержант Чикин.
10. Командир отделения сержант Сомов.
11. Командир отделения сержант Барков.
12. Заместитель командира отделения младший сержант Чучелин.
13. Разведчик рядовой Ушаков.

14. Автоматчик Журавлёв.
15. Автоматчик Ибрагимов.
16. Автоматчик Гумов.
17. Автоматчик Сурков.

Таблица потерь:

[Ранено 117 чел., из них 30 в группе захвата. Убито 109 чел., из них 44 в группе захвата. Пропало без вести 52 чел., из них двое в группе захвата].

ВХ-10183/1. ЦАМО. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 5. «Дело № 95, т. 2. Материалы боевых действий по овладению островами Курильской гряды». Л. 13—18

Курильская десантная операция

«Утверждаю».
Врид начальника штаба
Дальневосточного военного округа
генерал-лейтенант *Дроздов*
9 августа 1947 г.
Авторский коллектив:
подполковник *Багреев*,
подполковник *Кашаев*,
подполковник *Семёнов*

Общая обстановка в августе 1945 г. 8 августа 1945 г. товарищ Молотов по поручению советского правительства передал японскому послу в Москве ноту: «После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственно великой державой, которая всё ещё стоит за продолжение войны. Требования трёх держав — Соединённых Штатов Америки, Великобритании и Китая от 26 июля сего года о безоговорочной капитуляции японских вооружённых сил было отклонено Японией... Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Верное своему союзническому долгу, советское правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года. Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после её отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного, советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

Как известно, Япония отказалась капитулировать, и 9 августа начались боевые действия между Советским Союзом и Японией. Стремительным ударом Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов (ДВФ) советские войска форсировали таёжный хребет Хинган, песчаные степи Монголии и мощные водные преграды рек Амур и Уссури.

Военные действия фронтов развёртывались на громадном пространстве. Войска 2-го ДВФ, руководимые генералом армии товарищем Пуркаевым, наступали на материке на чрезвычайно широком фронте, нанося свой главный удар во взаимодействии с Амурской Краснознамённой флотилией из района города Хабаровска на Фугдин, Цзямусы, Харбин, вдоль реки Сунгари.

Но фронт, кроме этого, имел ещё задачу прочно оборонять Северный Сахалин, низовья Амура и полуостров Камчатку от возможных попыток японцев вести здесь активные боевые действия.

В Маньчжурии боевые действия развёртывались успешно. Советские войска, руководимые маршалом товарищем Малиновским, разгромили на нескольких направлениях фронт японской Квантунской армии и спутали расчёты и карты господ самураев. Наступление велось в столь высоком темпе, что японское командование не сумело и не успело произвести каких-либо перегруппировок своих войск. Японская военщина в Маньчжурии потерпела крах.

В то время, когда на материке проходила наступательная операция, войска Камчатского оборонительного района (КОР), входившего в состав 2-го ДВФ, заняли оборону с задачей:

а) оборонять побережье полуострова Камчатка, не допуская подхода кораблей противника к нашим берегам и высадки его десантов на полуостров; б) ни при каких обстоятельствах не допустить захвата противником районов Петропавловска, Усть-Большерецка и мыса Лопатка; в) вести воздушную и морскую разведку морей, омывающих полуостров Камчатка, с целью вскрытия и уничтожения в море силами Петропавловской военно-морской базы (ПВМБ) и авиации боевых кораблей и транспортов противника; г) не допускать внезапных налётов авиации противника на район Петропавловска.

Во исполнение этой задачи войска КОР заняли в районах, наиболее вероятных и благоприятных для высадки морского десанта противника, оборону и вели ближнюю и дальнюю авиационную

разведку в направлении островов Сюмусю и Парамусир, а также и морей, омывающих Камчатку.

Следует отметить, что на Камчатке чрезвычайно слабо развита сеть дорог. Поэтому войска КОР, разбросанные по районам обороны, были разобщены и должны были действовать в каждом районе самостоятельно.

Таким образом, на первом этапе боевых действий на Дальнем Востоке войскам КОР активных, наступательных действий не ставилось.

Наступательные действия советских войск в Маньчжурии протекали успешно. Войска 2-го ДВФ к 15 августа 1945 г., то есть за шесть суток боевых действий, с боями продвинулись далеко в глубь Северной Маньчжурии, а с 11 августа 1945 г. начали наступление на острове Сахалин.

Координированные действия Забайкальского фронта, 1-го и 2-го ДВФ и Тихоокеанского флота (ТОФ) сковали действия японских войск в Маньчжурии и Корее. Всё это создавало благоприятную обстановку для проведения десантной операции по овладению Курильскими островами.

Учитывая это, военный совет 2-го ДВФ в 07.40 15 августа 1945 г. дал командующему КОР генералу Гнечко приказ следующего содержания:

«Используя благоприятную обстановку, необходимо занять острова Сюмусю, Парамусир, Онекотан. Операцию лично возлагаю на вас. Ваш заместитель — командир ПВМБ капитан 1-го ранга Пономарёв. Силы: два стрелковых полка 101-й стрелковой дивизии, все корабли, плавсредства базы, наличные корабли торгового флота и погранвойск, 128-я авиадивизия.

В качестве передового отряда иметь в готовности две-три роты морской пехоты ПВМБ.

Немедля приступить к подготовке плавсредств, стрелковых войск к погрузке, формированию отряда морской пехоты, усилив моряков автоматчиками дивизии.

Подготовить радиосредства, обеспечивающие надёжную связь со мной и с ПВМБ на подходе и при выполнении операции».

15 августа 1945 г. в 11.00 военным советом 2-го ДВФ были поставлены следующие задачи на десантную операцию КОР:

«Ближайшая задача — овладеть островами Сюмусю, Парамусир, в последующем — островом Онекотан. Пункты высадки определить командиру ПВМБ капитану 1-го ранга Пономарёву. Исходя из пунктов высадки, вам надлежит определить объекты захвата на каждом острове и последовательность захвата.

Ваше решение на операцию и принятый ордер на переход представить шифром к 16.00 15 августа 1945 г.».

Командование и штаб 2-го ДВФ были поставлены в чрезвычайно неблагоприятные условия в отношении управления действиями КОР, так как командный пункт командующего фронтом и командный пункт командующего КОР находились друг от друга по прямой на расстоянии свыше 1 800 км. Всё управление производилось шифром по радио, тем не менее, связь не терялась и штаб фронта был всегда в курсе обстановки, в свою очередь штаб КОР своевременно получал указания командования фронтом.

Подготовка и планирование десантной операции. По получении приказа командующего 2-м ДВФ генерала армии товарища Пуркаева, командующий КОР генерал товарищ Гнечко приступил в 08.00 15 августа 1945 г. к подготовке и организации десантной операции.

Войска, предназначенные для выполнения десантной операции, находились в боевых порядках в районах обороны побережья Камчатки и поэтому были разбросаны и удалены от пунктов посадки на расстоянии от 10 до 30 км.

Штабами КОР и 101-й стрелковой дивизии была проделана большая работа по своевременному сосредоточению войск в район посадки на транспорты. Для этой цели были мобилизованы все транспортные средства города и порта Петропавловск, вплоть до легковых машин.

Специальных десантных судов в этом районе имелось недостаточно, а наличные транспорты торгового флота в большинстве своём были загружены и поэтому к приёму десанта на борт не были готовы. КОР и организациями торгового порта Петропавловск были приняты энергичные меры к освобождению транспортов от имевшихся на них грузов и скорейшей погрузке на освобождающиеся суда войск и военного имущества, выделенных для десантной операции.

Обеспечение войск боеприпасами, продовольствием, горюче-смазочными материалами (ГСМ) было произведено в момент сосредоточения войск для посадки. В течение суток войсками было подвезено со складов КОР (расстояние 15–50 км) десять суточных норм продовольствия, пять заправок ГСМ и два боекомплекта.

Из-за отсутствия достаточного времени на сосредоточение и посадку десантных войск, места посадки были подготовлены в самом Петропавловском порту и в бухте Раковой. При этом, естественно, не удалось избежать значительного скопления частей в пунктах

посадки. В течение двух дней десантные войска находились под наблюдением населения города Петропавловска. Чтобы обеспечить скрытность посадки, были приняты все необходимые меры. Было произведено оцепление всей территории порта и прилегающего района города для прекращения движения, не связанного с посадкой. На время посадки был запрещён выход рыболовецких и других судов в море, а также постороннее движение на рейде и в гавани.

Район погрузки десанта на суда прикрывался непрерывным патрулированием истребителей 128-й авиадивизии и 726-м отдельным зенитным артдивизионом, занявшим к 12.00 15 августа 1945 г. огневые позиции в районе Петропавловского порта.

Однако задержка с разгрузкой транспортов, а также большое количество материальных средств, которые нужно было погрузить на транспорты, вызвали необходимость выход десанта в море отложить на сутки. Несмотря на громадные усилия, затраченные на разгрузку пароходов торгового флота, предназначенных под транспорты, часть из них так и не разгрузилась полностью, но, тем не менее, приняв часть десанта, одновременно с другими судами вышла в море.

Чёткая организация работы, проявленная оперативность и мобильность и принятые меры по привлечению всех транспортных средств города и мобилизации местных гражданских организаций, содействие партийных и советских организаций города позволили в течение 15—16 августа весь личный состав, технические средства борьбы, боеприпасы и продовольствие десанта погрузить на транспорты в готовности к выходу для выполнения поставленной задачи. Вся эта большая и сложная работа была выполнена в течение полутора суток.

Для проведения десантной операции были привлечены следующие соединения и части КОР:

— 101-я стрелковая дивизия (без 302-го стрелкового полка);
— батальон морской пехоты численностью в 700 чел.;
— рота пограничников 60-го морского пограничного отряда;
— две роты автоматчиков 302-го стрелкового полка;
— 1/428-й гаубичный артиллерийский полк;
— 128-я авиадивизия;
— боевые корабли и катера ПВМБ.

Одновременно готовился резерв командующего КОР в составе 198-го стрелкового полка, 7-го отдельного стрелкового батальона, 2/428-го гаубичного артиллерийского полка и 128-й отдельный артдивизион.

Полки дивизии, принимавшие участие в десантной операции, были полностью укомплектованы хорошо обученным личным составом. Ещё задолго до начала военных действий с Японией вторые батальоны полков обучались десантным действиям и практически были проверены на весенних маневрах 1945 г.

Политико-моральное состояние личного состава войск, привлечённых для выполнения десантной операции, было исключительно высокое.

С личным составом были проведены беседы о целях и задачах операции. Перед выходом во всех частях проведены митинги, на которых бойцы, сержанты и офицеры клялись родине, товарищу Сталину, что они с честью выполнят приказ командования по очищению Курильских островов от японских империалистов.

Аморальных явлений при подготовке к операции и при посадке на суда не было, бойцы, сержанты и офицеры рвались скорее в бой и с нетерпением ждали той минуты, когда будет предоставлена возможность встретиться с врагом.

К 20.00 16 августа 1945 г. на борту транспортов для выполнения десантной операции было сосредоточено:

а) личного состава (офицеров, сержантов и рядовых) — 8 863 чел.;

б) конского состава (верховых, артиллерийских и обозных — 654 лошади;

в) автомобильного транспорта (легковых, грузовых, специальных) — 80 автомашин; тракторов — 32; бронемашин лёгких — 5; мотоциклов — 1;

г) технических средств борьбы: винтовок и карабинов — 4 477; пистолетов-пулемётов — 2 166; ручных пулемётов — 338; станковых пулемётов — 108; крупнокалиберных пулемётов — 9, противотанковых ружей — 197;

д) артиллерии: 122-миллиметровых гаубиц — 24; 76-миллиметровых пушек противотанковой артиллерии и горных — 44; 45-миллиметровых пушек — 27; 120-миллиметровых миномётов — 16; 82-миллиметровых миномётов — 67; 50-миллиметровых миномётов — 40;

е) раций всех систем — 74.

Таков был личный состав и боевое оснащение десанта, не считая боевых кораблей и авиации, обеспечивающих десантную операцию.

В то время, пока войска грузились на суда, в штабах проверялся и уточнялся план десантной операции.

К исходу 15 августа 1945 г. командующий КОР дал два частных боевых приказа, в которых определил ответственных офице-

ров и порядок десантной операции по захвату островов Сюмусю и Парамусир, а также порядок обороны полуострова Камчатка.

Приказы, данные на десантную операцию, предусматривали:

1. Произвести высадку первого эшелона главных сил десанта на остров Сюмусю на участке: мыс Кокутан-Саки — мыс Котомари-Саки с задачей наступать в направлении мыса Кокутан-Саки и далее в направлении мыса Мураками-Саки с задачей овладеть военно-морской базой Катаока и к исходу 18 августа 1945 г. островом Сюмусю в целом; в последующие [дни] быть в готовности наступать на остров Парамусир.

2. Командиру 101-й стрелковой дивизии сформировать:

первый бросок в составе: батальон морской пехоты, рота пограничников, автоматная рота 302-го стрелкового полка, сапёрная рота отдельного стрелкового батальона, миномётная рота 302-го стрелкового полка, взвод химиков 302-го стрелкового полка, взвод пеших разведчиков 302-го стрелкового полка;

первый эшелон: 138-й стрелковый полк, 1/428-й гаубичный артиллерийский полк, 2/279-й артиллерийский полк, 169-й отдельный истребительный противотанковый дивизион (ОИПТД), без роты противотанковых ружей;

второй эшелон десанта главных сил в составе:

первый бросок: 2/373-го стрелкового полка (две облегчённые роты), рота морской пехоты, пулемётная рота 373-го стрелкового полка, взвод миномётной роты (82-миллиметровых миномётов);

главные силы второго эшелона: 373-й стрелковый полк (без одного стрелкового батальона) и 279-й артиллерийский полк (без одного дивизиона).

Второму эшелону ставилась задача произвести высадку в том же районе, где высаживается первый эшелон, для развития его успеха, а также быть в готовности произвести высадку и на острове Парамусир с задачей наступать по побережью, овладеть военно-морской базой Касивабара и островом Парамусир в целом.

3. Использование радиосвязи до соприкосновения с противником запрещалось.

На основании принятого решения командующим войсками КОР и его боевых приказов, командир ПВМБ капитан 1-го ранга Пономарёв, назначенный командиром высадки десанта, отдал 15 августа 1945 г. свой боевой приказ № 1/оп. В своём приказе командир высадки десанта, в свою очередь, также определил организацию, порядок следования и высадку десанта и ответственных офицеров по обеспечению десантной операции.

По получении боевой задачи на высадку десанта и овладение островами Сюмусю и Парамусир от командующего КОР, командир 101-й стрелковой дивизии генерал Дьяков принял решение по карте, в которой, помимо поставленных задач командующим КОР, предусмотрел организацию отряда (названного левым) в составе: две автоматные роты 138-го стрелкового полка, взвод роты противотанковых ружей 169-го ОИПТД, отделение сапёров 119-го сапёрного батальона, отделение химической роты. Отряду ставилась задача высадиться в бухте Накагава-Ван, уничтожить противника в районе высоты 86,0. В последующем, наступая по дороге на Катаоку, уничтожить тылы, объекты и коммуникации противника.

Основная задача сложного и ответственного планирования операции выполнялась штабами КОР и ПВМБ.

Штабы командующего операцией, командира высадки, командира десанта и командиров отдельных отрядов находились в одном месте — в штабе ПВМБ, что в значительной мере облегчало согласование всех боевых документов и ускорение подготовки операции.

Штаб КОР вручал документы командирам соединений и частей сразу же после отработки таковых, следя за тем, чтобы документы доходили быстро и были правильно поняты.

Время настолько было ограниченным, что возникало опасение недоработки ряда серьёзных мероприятий по проведению операции. Исходя из этого, военным советом 2-го ДВФ было разрешено отнести начало операции на одни сутки. Эти сутки позволили скоординировать действия и организовать взаимодействие сухопутных войск, морских сил и авиации на всех этапах операции и доработать в деталях план операции, увязать действия и способы выполнения поставленных задач непосредственными участниками и исполнителями.

К 20.00 16 августа 1945 г. погрузка боевой техники и средств материального обеспечения была закончена, все вопросы взаимодействия были увязаны. Офицеры штаба КОР, ПВМБ и 101-й стрелковой дивизии ещё раз проверили готовность войск к выполнению поставленных задач.

Противник. К началу операции у командования КОР точных, проверенных данных о противнике не было. Проведённая авиаразведка островов Сюмусю и Парамусир из-за плохой видимости положительных результатов не дала.

Наблюдением с мыса Лопатка было выявлено наличие трёх зенитных батарей противника на острове Сюмусю в районах мы-

сов Кокутан-Саки, Котомари-Саки и на севшем незадолго перед этим на мель вблизи острова Сюмусю советском танкере «Мариуполь» (использован японцами для установки зенитных орудий).

Между тем, как впоследствии было установлено, на островах Сюмусю и Парамусир находилась 91-я пехотная дивизия двухбригадного состава с частями усиления. В частности, остров Сюмусю обороняла 73-я пехотная бригада, усиленная 11-м отдельным танковым полком (83 танка).

Оборона островов Курильской гряды строилась по принципу защиты самих островов и проливов между ними. Особенно развитой оборона была на островах Сюмусю и Парамусир (с целью прикрытия военно-морских баз Катаока и Касивабара с суши и моря). Оборонительные рубежи проходили главным образом по высотам на северном, северо-западном и юго-восточном побережье острова Сюмусю и северо-восточной оконечности острова Парамусир.

Непосредственно на берегу в районах наиболее вероятной высадки десантов были оборудованы опорные пункты, состоявшие из артиллерийских капониров и пулемётных дотов. В частности, на острове Сюмусю такие опорные пункты имелись в районах мысов Кокутан-Саки, Котомари-Саки. Каждый из них состоял из артиллерийского капонира с орудиями береговой обороны, наблюдательного пункта и нескольких пулемётных дотов, соединённых между собой подземными ходами. В каждом таком опорном пункте насчитывалось до 80 солдат и офицеров.

Гарнизоны имели задачу уничтожать суда, подходящие к берегу, и высадившуюся пехоту. В случае захвата побережья японцы из опорных пунктов по подземным галереям имели возможность отойти к основному рубежу обороны.

Основной оборонительный рубеж представлял собой хорошо развитую систему опорных пунктов с большим количеством дотов, дзотов и железобетонных убежищ для укрытия личного состава.

Убежища были оборудованы большей частью в скалах и имели толщину естественного грунта от 4 до 50 м, обеспечивая защиту от воздействия снарядов орудий большого калибра и авиабомб.

Выявленные в ходе боёв доты и дзоты разделялись на три основных типа:

а) доты железобетонные артиллерийские и пулемётные, толщина стен 1–1,5, перекрытия — 2 м, общее число амбразур от двух до шести; сектор обстрела 180–360 градусов. Сооружения обеспечивали защиту от 152-миллиметровых снарядов и 250-килограммовых бомб;

б) доты смешанной конструкции: лобовая часть, козырёк и часть перекрытия железобетонные, остальная часть сооружения — деревоземляная. Дот обеспечивал защиту от 152-миллиметровых снарядов;

в) дзот с тяжёлым перекрытием (три-четыре наката).

В общей сложности на одном лишь острове Сюмусю имелось 34 дота и большое количество дзотов.

Характерными особенностями построения обороны являлись:

а) большое количество подземных галерей, убежищ для жилья и складов, оборудованных, как правило, в скалах и на склонах гор;

б) рассредоточение всех боеприпасов, продовольствия и ГСМ малыми партиями, преимущественно вдоль дорог;

в) большое количество противотанковых рвов и эскарпов;

г) оптическая маскировка сооружений и большое количество макетов орудий и танков;

д) почти полное отсутствие минных полей и проволочных заграждений, несмотря на имевшиеся на островах большие запасы взрывчатых веществ и колючей проволоки (японцы не успели поставить заграждения, так как наша операция по овладению островами была для них неожиданной).

Остров Сюмусю — самый близкий к Камчатке из островов Курильской гряды, отличается от других островов сравнительно небольшой высотой — господствующими являются высоты с отметками 171,0 и 169,0.

Множество холмов, расположенных среди низких, болотистых равнин, имеющих большое количество озёр и прудов. Вследствие суровых климатических условий на острове нет почти никакой растительности. Стоянка судов возможна только на рейде во Втором Курильском проливе.

Наличие на острове ярко выраженных распадков и высот между ними позволяло противнику иметь ряд промежуточных рубежей и опорных пунктов, которые обеспечивали охрану и оборону военно-морской базы Катаока.

На острове имеется несколько профилированных дорог, позволяющих передвижение всех родов войск и транспорта.

Остров Парамусир — самый большой остров северной части Курильской гряды. Остров покрыт сплошными горами, среди которых несколько высоких вулканических вершин.

Берега острова крутые, имеют большое количество подводных камней, что затрудняет высадку десанта. Наличие больших гор ограничивает возможность маневра.

Южная часть острова дорожной связи с военно-морской базой Катаока не имеет. Поэтому находящиеся здесь японские войска в район базы могли быть переброшены лишь морем.

Наиболее удобным для высадки десанта был остров Сюмусю, поскольку он был ближе всех к полуострову Камчатка. Кроме того, его сравнительно отлогие берега, особенно в северной части, давали возможность десантным судам подойти к берегу и произвести выгрузку десанта со всеми средствами технического и материального обеспечения. Имелось также в виду, поскольку было недостаточное количество боевых кораблей ПВМБ для сопровождения десанта, прикрыть его на рейде участка высадки против возможных атак лёгких морских сил противника средствами береговой артиллерии с мыса Лопатка.

Соотношение сил. Как в дальнейшем выяснилось, соотношение сил к моменту высадки и боя за овладение островом Сюмусю было следующее:

[Наши войска/японские войска:

— батальонов — 7/5; соотношение 1,3 : 1;

— стрелковых (автоматных) рот — 28/25; соотношение 1,1 : 1;

— батарей — 22/19; соотношение 1,1 : 1;

— винтовок — 4 630/4 805; соотношение 1 : 1,1;

— лёгких пулемётов — 372/273; соотношение 1,5 : 1;

— тяжёлых пулемётов — 120/75; соотношение 1,7 : 1;

— автоматов — 2 383/–;

— гранатомётов — –/180;

— миномётов 50-миллиметровых — 36/–;

— миномётов 80- и 120-миллиметровых — 79/–;

— противотанковых ружей — 215/–;

— орудий 45- и 47-миллиметровых — 45/83; соотношение 1 : 1,3;

— орудий 75- и 76-миллиметровых — 44/60; соотношение 1,3 : 1;

— орудий 100-миллиметровых и выше — 37/5; соотношение 7,2 : 1;

— танков — –/77.

Всего:

— людей — 8 824/8 480; соотношение 1,04 : 1;

— орудий (включая миномёты от 82 мм и выше) — 205/98; соотношение 2,1 : 1;

— танков — –/47 (так в тексте. — *Ред*.);

— самолётов — 42/6; соотношение 7 : 1.]

Примечание: соотношение сил составлено без учёта возможной переброски частей 74-й пехотной бригады с северной части острова Парамусир и резерва командующего КОР, находящегося в районах мыс Лопатка, Усть-Большерецк.

Таким образом, тактическая плотность наших войск на один километр фронта высадки (при условии высадки всех эшелонов на участке мыс Кокутан-Саки — безымянный ручей, 4 км южнее мыса Котомари-Саки) создавалась: батальонов — один, орудий (включая 82- и 120-миллиметровых миномётов) — 26.

Переход десанта морем. Гидрометеослужба дала справку: «16—22 августа 1945 г. небольшая и значительная облачность, преимущественно без осадков, временами туманы. Ветры из юго-западной и западной четвертей от 0 до 5 баллов с последующим переходом к северо-западной четверти». Такой прогноз погоды вполне удовлетворял командующего операцией, так как соответствовал скрытому переходу десанта.

В 04.00 17 августа 1945 г. [десант], прикрываясь боевыми кораблями ПВМБ, снялся с якоря и вышел из Авачинской губы в море, двигаясь в дальнейшем вдоль восточного побережья Камчатки на удалении не более восьми миль от берега.

На море стоял густой туман, и корабли, как бы расплываясь в нём, были едва видны. Если туман содействовал скрытию десанта, то в навигационном отношении и в вопросах управления кораблями он создавал большие трудности.

Строй кильватера первого и второго эшелонов — согласно ордерам. Эскадренный ход — восемь узлов, курсы — переменные за флагманом.

В течение 17 августа 1945 г. в редкие моменты, когда небо несколько прояснилось, переход десанта прикрывался с воздуха патрулированием истребителей 128-й авиадивизии. Всего было произведено в течение дня 15 самолётовылетов.

Транспорты имели разные скорости. Так, пароход «Урицкий» мог дать максимально 5–6 узлов, в результате чего колонна растягивалась и теряла среднюю скорость. Поэтому этот пароход пришлось вывести из общей колонны и дать указание следовать к месту назначения самостоятельно, выделив ему один катер МО-4 для прикрытия, а корабли продолжили движение поэшелонно.

В 12.00 17 августа туман усилился, видимость понизилась до полукабельтова. Корабли были подтянуты на сокращённые дистанции и в течение всего движения в тумане не отрывались и не теряли друг друга из вида.

Пользование радиосвязью на передачу до момента встречи с противником было запрещено. Управление движением кораблей и отдача отдельных распоряжений осуществлялись с помощью семафоров (с наступлением темноты пользование семафорами было ограничено в целях светомаскировки).

В 23.35 17 августа 1945 г. туман снова усилился, корабли стянулись ещё ближе, для ориентировки были включены кильватерные огни. В 02.00 18 августа тральщик АМ-149, на борту которого находились командующий войсками КОР и его штаб, подошёл к мысу Лопатка на траверзе высоты 52,0. Здесь командующим КОР было приказано командиру 7-го отдельного стрелкового батальона подготовить место для развёртывания командного пункта штаба КОР в районе 945-й батареи береговой обороны ПВМБ и передового наблюдательного пункта в районе южной оконечности мыса Лопатка. Но вслед за тем командующий КОР, учитывая сложную метеорологическую обстановку и желая непосредственно осуществлять лично контроль за высадкой десанта, решил отказаться от пункта управления на мысе Лопатка, остался на борту корабля ТЩ-АМ-149 и вышел в район группировки главных сил.

В 02.15 18 августа корабли десанта вошли в Первый Курильский пролив. Назначенные для высадки в бухте Накагава-Ван десантные суда с левым отрядом первого эшелона из-за густого тумана и опасения разбиться о подводные камни, которых на подступах к месту высадки было очень много, получили новую задачу — войти в состав главных сил десанта и следовать к общему месту высадки.

Во время перехода на кораблях со всем личным составом десанта были проведены беседы о целях и задачах операции. Во всех ротах и батареях были проведены партийные и комсомольские собрания с вопросом «Роль коммунистов и комсомольцев в предстоящих боях».

Политотделом КОР от имени командующего были написаны и спущены в войска обращения с призывом к личному составу выполнить свой долг перед родиной, очистить исконные русские земли Курильских островов от японских империалистов. Политотделом ПВМБ была отпечатана «Памятка десантнику».

С рассветом 18 августа 1945 г. в районе Первого Курильского пролива стоял сплошной туман, силуэты кораблей едва различались в ста метрах.

Высадка десанта на берег и бой за овладение плацдармом. В 04.30 18 августа 1945 г. первый бросок под командованием заместителя командира 138-го стрелкового полка по строевой части майора

товарища Шутова, подойдя на 150–200 м к берегу острова Сюмусю, начал высаживаться на участке между мысами Кокутан-Саки и Котомари-Саки. Туман содействовал высадке. В тщательно соблюдаемой тишине отряд майора Шутова через 35 минут, не замечаемый противником, закончил высадку основных сил и начал продвигаться в направлении высоты 171,0.

Только через час японцы обнаружили высадку десанта и открыли огонь по подходящим десантным судам частей первого эшелона. Насколько неожиданным был для японцев советский десант, можно судить по тому, что передовые траншеи их не были заняты, и отряд майора Шутова, застав японцев спящими в землянках, продвинулся до двух километров без особого сопротивления.

Противник, обнаружив десант, открыл по нему сильный артиллерийский огонь из береговых батарей с мысов Кокутан-Саки, Котомари-Саки и танкера «Мариуполь» (советское судно, севшее на мель у острова Сюмусю ещё до начала военных действий и превращённое японцами в батарею).

Десантные суда, хотя и имели небольшую осадку носовой части (до 150 см), но вследствие перегрузки не могли подойти в берегу вплотную. Поэтому пришлось высаживать десант, пехоту первого эшелона в воду на глубине до двух метров. Личный состав с материальной частью под артиллерийским огнём противника добирался до берега вплавь.

Имевшиеся на одном десантном судне три лодки А-3 и две ДМН из-за отсутствия на судне свободного места для их развёртывания, надуть не удалось, а одна надутая ДМН была выведена из строя прямым попаданием снаряда в десантное судно.

Командиры предпринимали все возможные меры, чтобы ускорить высадку людей и боевой техники на берег. Так, командир 2-й сапёрной роты старший лейтенант Займинцев пытался натянуть канат с десантного судна на берег, но артиллерийским огнём противника канат вскоре был перебит.

От прямых попаданий снарядов противника несколько судов загорелись.

В 08.00 командир отряда траления ПВМБ капитан-лейтенант Олейник доложил командующему КОР: «Высадка первого эшелона в основном закончена. Противник на берегу оказал незначительное сопротивление, но ведёт сильный артиллерийский огонь фланкирующими батареями из района мысов Кокутан-Саки, Котомари-Саки. Прибыл по приказанию командира высадки для взятия второго эшелона и выхода в район высадки».

Командующий отдал приказ собрать второй эшелон и двигаться в район высадки.

Только к девяти часам утра первый эшелон десанта полностью высадился на берег, но без артиллерии. Артиллерия продолжала оставаться на транспортах — не было достаточного количества самоходных барж, мешал сильный артиллерийский огонь противника.

К тому же самоходные баржи и четыре кунгаса, предназначенные для выгрузки артиллерии и боеприпасов и с этой целью сосредоточенные на мысе Лопатка, своевременно не были использованы. Высланный за ними катер из-за сильного тумана в Первом Курильском проливе не смог найти и привести их в район высадки десанта.

Наш артиллерийский огонь, который вели корабли отряда поддержки — сторожевые корабли (СКР) «Киров», «Дзержинский» и минный заградитель «Охотск», оказался малодействительным. Стационарные батареи противника были надёжно укрыты и хорошо замаскированы, сплошной туман и значительные волны на море (в Первом Курильском проливе) не давали возможности корректировать огонь артиллерии. Однако двумя залпами СКР «Киров» удалось зажечь танкер «Мариуполь» и подавить артиллерийскую батарею на нём.

В 09.00 для уточнения действительного положения высаженных на берег частей и проверки разноречивых данных на берег высылается передовой офицерский наблюдательный пункт штаба КОР, который, попав под обстрел в момент высадки и не имея своих средств связи, задачи своей не выполнил.

Необходимо отметить, что все выброшенные с войсками радиостанции вышли на некоторое время из строя — были замочены в момент высадки с десантных судов. Радиосвязь была восстановлена с передовым отрядом только с 11.00 через приспособленную трофейную радиостанцию.

К 09.00 передовой отряд под командованием майора товарища Шутова вышел на северо-западные скаты высоты 171,0, где, встретив организованное сопротивление противника на заранее подготовленном рубеже, начал закрепляться и готовить атаку.

Чтобы не упустить время и не дать противнику сбросить в море высадившиеся части, вслед за первым эшелоном начал высаживаться и второй в составе 373-го стрелкового полка на участке высадки первого эшелона (мыс Кокутан-Саки — мыс Котомари-Саки). Высадка проходила также в условиях сильного фланкового огня береговых батарей противника из районов мысов

Кокутан-Саки и Котомари-Саки, не допускавшего выгрузки артиллерии с транспортов.

От прямых попаданий загорелись два судна. На кораблях возникла растерянность, нарушилось управление, и люди не знали, что делать. Но нашлись смельчаки-герои, которые своей отвагой увлекли за собой весь личный состав.

Комсорг 373-го стрелкового полка старший лейтенант Елмашев, когда корабль, на котором он находился, попал под сильный артиллерийский огонь и загорелся, схватил полковое знамя и со словами: «Знамя полка у меня, за мной, вперёд!», первым бросился в воду, увлекая за собой и остальных.

На другом корабле, также попавшем под сильный артиллерийский огонь противника, парторг полка старший лейтенант Шкилёв со словами: «Коммунисты! За мной!» первым бросился в воду и увлёк за собой остальных бойцов и офицеров.

Тем временем первый эшелон 138-го стрелкового полка, понеся значительные потери от артиллерийского огня при высадке, уничтожил сильно сопротивлявшийся опорный пункт противника в районе мыса Кокутан-Саки и устремился вперёд на выстрелы передового отряда к высоте 171,0, уничтожая на своём пути отдельные группы японских солдат.

К 11.30 18 августа 138-й стрелковый полк в перемешанных боевых порядках вышел к высоте 171,0, на рубеж передового отряда и, приводя подразделения в порядок, начал готовиться к совместной атаке высоты 171,0.

Несколько позднее (к 13.00) на юго-восточные скаты высоты 171,0 вышел 373-й стрелковый полк, который также начал приводить себя в порядок и готовить атаку противника, оборонявшего высоту 171,0.

Противник сильным пулемётным и артиллерийским огнём дотов и дзотов пытался сдержать наступление десанта. Фланговые опорные пункты с артиллерийскими батареями береговой обороны на мысах Кокутан-Саки и Котомари-Саки по-прежнему препятствовали выгрузке артиллерии на берег. Уничтожить эти батареи в период высадки наши части и корабли не могли, так как орудия противника находились в хорошо замаскированных подземных бетонированных сооружениях.

Ликвидировать фланговые опорные пункты противника в районах мысов Кокутан-Саки и Котомари-Саки должен был первый эшелон десанта после высадки его на берег. Но он не принял решительных мер к их блокировке, и только на другой день, когда

наша артиллерия всё-таки подавила огонь артиллерийских батарей в этих районах, дивизионные сапёры организовали блокировку опорных пунктов, взорвав в них подземные ходы сообщения и большинство долговременных сооружений.

Противник уже с 11.00 18 августа начал готовиться к контратаке, стремясь воспользоваться благоприятным моментом, когда наши части ещё не были полностью приведены в порядок и достаточно не закрепились, а в боевых порядках отсутствовала организация. К району высоты 171,0 начали подтягиваться резервы — пехота, танки и артиллерия противника. Это своевременно учёл командир второго эшелона полковник товарищ Артюшин, возглавлявший бои в районе высоты 171,0.

На вероятном направлении контратаки противника (по дороге от Катаоки и далее по южным скатам высоты 171,0) было сосредоточено большинство противотанковых средств пехоты, выдвинуты вперёд истребители танков.

В 14.00 18 августа противник силой до батальона при поддержке 18 танков и огня артиллерии из района юго-западных скатов высоты 171,0 контратаковал наши части. Несмотря на упорное сопротивление наших подразделений, противнику удалось достаточно потеснить передовые подразделения 2/138-го стрелкового полка и выйти к переднему краю обороны.

Однако решительными действиями истребителей танков и расчётов противотанковых ружей, своевременно сосредоточенных на направлениях контратаки противника, ни один его танк не прошёл боевые порядки нашей пехоты. Произведя преждевременный разворот для уничтожения наших боевых порядков, танки противника подставили свои борта под огонь наших 45-миллиметровых орудий и противотанковых ружей. В результате было подбито 17 танков и только одному удалось уйти на восточные скаты высоты 171,0.

В этом бою с танками противника немеркнущей славой покрыли свои имена герои-моряки — красноармеец Власенко, старшина 2-й статьи Бабич и сержант Рында. Комсомолец Власенко, обвязав себя гранатами, с возгласом «За родину! За Сталина!» бросился под гусеницы японского танка. Также мужественно и хладнокровно бросился под другой танк старшина 2-й статьи Бабич. Третий танк взорвал гранатой сержант Рында.

Японская пехота, идя в контратаку, отстала от своих танков и также была рассеяна и уничтожена огнём наших подразделений. В этом бою погиб геройски сражавшийся командир сводной группы передового отряда старший лейтенант Иноземцев.

Геройски действовал в бою командир передового отряда майор Шутов, умело командуя отрядом и воодушевляя личным примером подчинённых. Майор Шутов, будучи дважды ранен, не оставил строя, и, лишь будучи тяжело раненным в третий раз, он, подозвав к себе начальника штаба отряда старшего лейтенанта Дайна, приказал во что бы то ни стало приказ командира дивизии выполнить, высотой овладеть. Истекая кровью, он, собрав все силы, крикнул: «За родину! Вперёд!»

Отбив контратаку, десант в составе батальона морской пехоты, 138-го и 373-го стрелковых полков и роты пограничников 60-го морского погранотряда до 18.00 приводил себя в порядок, заняв исходное положение для атаки в районе высоты 171,0. На северных и северо-западных скатах — 138-й стрелковый полк; батальон морской пехоты — на юго-восточных скатах; 373-й стрелковый полк — на юго-восточных скатах.

Корабельная артиллерия вела огонь по юго-западным и западным скатам высоты 171,0, не допуская подхода резервов из глубины обороны противника.

Войсковая артиллерия продолжала оставаться на транспортах на рейде участка высадки, так как подать её на берег было не на чем.

В 18.00 части десанта при поддержке корабельной артиллерии перешли в атаку на высоту 171,0. Противник упорно сопротивлялся, и лишь после двухчасового ожесточённого боя высота была взята с выходом частей десанта на её западные скаты.

В ходе дневного боя было захвачено 139 пленных, 10 орудий и пять складов с различным боевым имуществом. Убито 234 и ранено 140 солдат и офицеров противника, уничтожено 17 танков.

128-я авиадивизия в течение 18 августа наносила бомбово-штурмовые удары по военно-морским базам Катаока и Касивабара с задачей подавить артиллерию береговой обороны и воспрепятствовать уходу транспортов противника из баз. Бомбометание велось группами от восьми до 16 самолётов при облачности 6–7 баллов с высоты 1 500–2 000 м. Всего было произведено 87 самолётовылетов, сброшено 344 ФАБ-100 (фугасных авиабомб весом 100 кг. — *Ред.*).

ПВМБ в течение дня огнём корабельной артиллерии подавляла батареи противника в районах мысов Кокутан-Саки, Котомари-Саки и танкера «Мариуполь», а также вела огонь по живой силе противника на западных скатах высоты 171,0 и обеспечивала участок высадки от возможных атак лёгких сил противника.

В течение дня корабли отразили несколько одиночных атак самолётов противника, пытавшихся бомбить суда.

Трудность ведения огня с кораблей по береговым целям заключалась в том, что все орудия противника были расположены в глубоких капонирах, не видимых с моря и имевших подземные ходы сообщения. После сообщения с берега, что японцы ведут огонь с севшего на мель танкера «Мариуполь», последний был обстрелян нашими судами и уничтожен пожаром.

В 20.00 18 августа десанту был отдан следующий приказ: «Задача войск остаётся прежней: овладеть островами Сюмусю — Парамусир. 101-й стрелковой дивизии с частями усиления закрепиться на достигнутом рубеже высоты 171,0, безымянной высоты в 2 км южнее мыса Котомари-Саки. Одновременно с 22.30 18 августа сильными штурмовыми группами, после артобработки батареей береговой обороны № 945, штурмовать узлы сопротивления на мысах Кокутан-Саки и Котомари-Саки, ликвидировать тем самым угрозы с тыла и дать возможность выгрузки средств артиллерийской поддержки. В 24.00 18 августа, после подавления батарей в указанных районах, произвести выгрузку артиллерии и боеприпасов для сухопутных войск десанта, действующего на берегу. 128-й авиадивизии в течение ночи произвести бомбардировочный удар по военно-морской базе Катаока и району Беттоби с задачей подавления артиллерии и сосредоточения сухопутных войск противника в указанных районах. С рассветом быть в готовности произвести удар всей имеющейся авиацией с задачей уничтожения противостоящего противника».

В течение ночи с 18 на 19 августа подразделениями 119-го отдельного сапёрного батальона, ночными действиями специально созданных групп были уничтожены береговые батареи противника в районе мысов Кокутан-Саки и Котомари-Саки. Последнее обстоятельство дало возможность к 08.00 19 августа выгрузить семь орудий и часть боеприпасов. К 11.00 эти орудия были вытащены на руках в район боевых порядков передовых частей.

Противник в течение ночи продолжал подтягивать свои резервы к полю боя из района военно-морской базы Катаока и одновременно начал подготовку к переброске подразделений 74-й пехотной бригады с острова Парамусир на остров Сюмусю. Непосредственно перед фронтом наших передовых частей на хорошо оборудованных позициях была сосредоточена 73-я пехотная бригада 91-й пехотной дивизии противника, 60 танков и артиллерия усиления.

В течение 19 августа 1945 г. части десанта, закрепившись на высоте 171,0, готовились к дальнейшему наступлению на Катаоку с последующей высадкой на острове Парамусир.

К исходу дня была выгружена половина наличной артиллерии и подан боезапас к переднему краю.

Командиру 7-го отдельного стрелкового батальона было приказано к 06.00 20 августа сосредоточиться в районе погранзаставы «Лопатка», имея при себе продовольствия на один месяц и боеприпасов три боекомплекта, с задачей произвести погрузку на корабль в указанном пункте и в первой половине 21 августа под прикрытием боевых кораблей произвести высадку на восточном побережье острова Онекотан в бухте Куроиси-Ван.

В 09.00 19 августа к переднему краю наших войск прибыли парламентёры японского командования во главе с капитаном Ямато. Они передали текст сообщения командира 91-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Цуцуми Фусаки: «1. Наши войска получили свыше следующий приказ: “Войскам сегодня, 19-го числа, к 16.00 прекратить всякие боевые действия. Примечание: оборонительные действия, предпринимать которые мы вынуждены в связи с активным вторжением противника, не являются боевыми действиями”. 2. Наши войска на основании этого приказа сегодня, 19-го числа, в 16.00 прекращают всякие боевые действия. Примечание: если после этого времени ваши войска будут атакованы, я на основании упомянутого приказа возобновлю оборонительные действия. 3. Поэтому прошу ваши войска к 16.00 прекратить боевые действия».

В 17.00 19 августа генерал Гнечко встретился с командиром 73-й пехотной бригады генерал-майором Сузино Ивай, начальником штаба 91-й пехотной дивизии подполковником Янаока Такедзи и вручил свои требования о безоговорочной капитуляции японских войск, гарантировав безопасность жизни и сохранение личного имущества не военного образца.

Японцы явно затягивали переговоры, подтягивая в это время свои резервы.

В 18.00 19 августа 1945 г. командующий КОР получил приказ военного совета 2-го ДВФ: «Не позднее 20.00 20 августа 1945 г. силами 101-й стрелковой дивизии (без одного стрелкового полка) с частями усиления и кораблями ПВМБ закончить оккупацию островов Сюмусю, Парамусир и Онекотан, разоружить и пленить японские войска».

В 10.00 20 августа 1945 г. боевые корабли ПВМБ в боевом ордере подошли к западному входу во Второй Курильский пролив в готовности к открытию огня по береговым батареям противника, если не будут выполнены предъявленные условия капитуляции.

Четыре японские батареи при входе в пролив открыли огонь по нашим кораблям, как с острова Парамусир, так и с острова Сюмусю. Через три минуты удачными залпами минного заградителя «Охотск» одна батарея противника в районе мыса Арима-Саки (остров Парамусир) была подавлена.

С 13.00 до 19.00 128-я авиадивизия группами по 12–17 самолётов наносила удары по военно-морским базам Катаока и Касивабара.

101-я стрелковая дивизия, перейдя в наступление, опрокинула противостоящие части противника и, ломая ожесточённое сопротивление японцев в системе долговременной позиционной обороны, продвинулась за день на несколько километров. К исходу дня части дивизии вышли на рубеж: устье безымянного ручья, 5 км западнее высоты 171,0, — озеро, 4 км западнее высоты 125,0, готовясь к штурму гарнизона противника непосредственно в военно-морской базе Катаока.

В 07.00 21 августа командующий КОР через своего представителя вручил командиру 91-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Цуцуми Фусаки свои требования следующего содержания: «Мои условия о капитуляции ваших войск, принятые и подписанные с вашей стороны полковником Янаока Такедзи, не выполняются. Ваши представители, ссылаясь на отсутствие приказа вашего командования о сдаче оружия советскому военному командованию, к выполнению принятых ими моих условий не приступили и 20 августа обстреляли мои корабли, совершали налёты авиации на мои войска, которые по моему приказу активных действий не вели. Следовательно, японские войска на острове Сюмусю фактически продолжают сопротивление советским войскам. Я имею приказ своего высшего военного командования о разоружении японских войск на островах Северной Курильской гряды, который и буду выполнять. Уклонение с вашей стороны от выполнения моих условий вынуждает меня принять решительные меры. Во избежание ненужного кровопролития предлагаю ответить мне: будет ли вами издан приказ о капитуляции войск перед советскими войсками? Ваш ответ жду с моими представителями».

В течение дня 21 августа 1945 г. десантные войска продолжали готовить исходные позиции для наступления, увязывали взаимодействие на местности в готовности к отражению атак противника. К исходу дня артиллерия была выгружена с транспортов и находилась на огневых позициях в районе высоты 171,0.

7-й отдельный стрелковый батальон закончил погрузку в готовности с наступлением темноты выйти в море для высадки на остров

Сюмусю. 198-й стрелковый полк продолжал погрузку на корабли в районе Усть-Большерецка.

Удар, нанесённый нашими войсками 20 августа, подействовал на противника отрезвляюще. К 21 августа 1945 г. генерал Гнечко получил от командира 91-й пехотной дивизии ответ на своё требование безоговорочной капитуляции. Японский генерал писал: «Японские войска с северной части Курильских островов прекращают всякие боевые действия, складывают оружие и сдаются советским войскам».

Капитуляция японских войск и занятие нашими войсками северной части Курильских островов. В 05.00 22 августа 1945 г. командующий КОР через своего представителя вручил командиру 91-й пехотной дивизии свой приказ, определяющий порядок капитуляции, устанавливающий места и сроки сдачи оружия и пленных на островах Сюмусю и Парамусир.

В 14.00 22 августа японские войска приступили к складыванию оружия и отведению войск в указанный район. 24 августа в районе японского аэродрома на острове Сюмусю было принято 14,8 тысяч [чел.] капитулировавших войск и шесть тысяч единиц вооружения.

Этим началась массовая сдача в плен японских гарнизонов на Курильских островах. В 12.00 25 августа передовой отряд КОР на кораблях ПВМБ овладел островом Онекотан, к 26 августа десантом КОР был занят остров Мацува, а 29 августа — остров Уруп. С занятием острова Уруп вся северная группа Курильских островов была полностью занята советскими войсками.

ККОМ ОФ 3859/154. 1947 г., г. Южно-Сахалинск. Ксерокопия

Из отчёта командира десанта генерал-майора П. И. Дьякова

Задачи и состав десанта. 13 августа (так в тексте. — *Ред*.) войска КОР получили директиву на подготовку и высадку морского десанта на острова Сюмусю, Парамушир и Аникотан.

К этому времени части занимали следующее положение:

— 101-я стрелковая дивизия с 428-м гаубичным артполком во взаимодействии с ПВМБ обороняла тихоокеанское побережье, прикрывая Петропавловское направление на фронте: бухта Саранная — Петропавловск — высота 129,6, имея общий фронт до 60 км;

— 198-й отдельный стрелковый полк с тяж[ёлым артиллерийским] дивизионом оборонял побережье Охотского моря и прикрывал подступы к Петропавловску со стороны Большерецка;

— 5-й отдельный стрелковый батальон с отдельным дивизионом прикрывал Усть-Камчатское направление;

— 128-я смешанная авиадивизия с 22-м морским авиаполком занимали аэродромы Елизово, Коряки, Начики, озеро Синичкино в готовности поддержать 101-ю стрелковую дивизию и бой ПВМБ на море.

Части продолжали совершенствовать оборону занимаемых участков и одновременно проводили необходимые хозяйственные работы.

В морской десант входили: 101-я стрелковая дивизия в полном составе, отряд морской пехоты в количестве 1 000 штыков. Десант поддерживали: 128-я смешанная авиадивизия в составе 40 бомбардировщиков и 20–25 истребителей, отряд кораблей ПВМБ в составе трёх сторожевых судов, пяти подводных лодок типа «Ленинец» и «Щука», а также катера МО и другие вспомогательные суда (тральщики, минные заградители).

Для перевозки десанта были привлечены морские транспортные суда гражданского флота от четырёх до десяти тысяч тонн водоизмещением, также самоходные баржи с откидными трапами (их было недостаточно).

Исходный район для посадки десанта — бухта Авачинская губа и порт Петропавловск-на-Камчатке.

Выше приводимая директива определяла точно также силы и состав десанта, а также сроки и место высадки — северная часть острова Симусю, не позже 18 августа.

Подготовка и планирование операции. С получением директивы было приступлено к планированию операции и вывода войск в исходные районы для посадки на суда. Части 101-й стрелковой дивизии с частями усиления в ночь с 13 августа на 14 и 15-е (так в тексте. — *Ред*.) сосредотачивались в районы судоремонтного завода и военного порта Петропавловск (ПВМБ), куда стягивались к тому времени предназначенные для перевозки десанта транспортные корабли морского флота, ПВМБ и корабли 60-го погранотряда. 298-й стрелковый полк и 7-й отдельный стрелковый батальон сосредотачивались для посадки в местах постоянной дислокации, то есть в Большерецке и на мысе Лопатка.

К утру 16 августа войска были в готовности к посадке на суда. К этому времени был утверждён план операции. План операции предусматривал три этапа:

1) подготовительный этап — четыре дня;

2) вытягивание транспортов десанта из бухты Авачинская губа и переход морем — полтора дня;

3) бой за овладение островом Симусю и захват плацдарма на острове Парамушир — два дня.

Во всех этапах решались следующие вопросы:

В первом этапе уяснялась задача, место и роль десанта в общей фронтовой операции, принималось решение и разрабатывался подробный план операции. Готовились штабы и войска, происходил сбор и подготовка транспортных посадочных средств.

Производились двукратные учения по посадке и высадке войск на побережье.

Были отработаны планы противовоздушной обороны, как в местах посадки, так и на переходе морем, а также принято решение по управлению операцией. Общее руководство операцией принял на себя командующий КОР. Командиром десанта был назначен командир 101-й стрелковой дивизии, а командиром высадки — командир ПВМБ.

Во втором этапе — выдвижение сторожевых судов боевого обеспечения — тральщиков, морских охотников, торпедных катеров и подводных лодок в место их боевого использования по охране и сопровождению десанта, вытягивание транспортов и перестроение их согласно принятому ордеру. На этом этапе предусматривалось усиленное патрулирование авиации по сопровождению десанта в море, как днём, так и ночью, также поддержка десанта со стороны корабельной и береговой артиллерии в момент его высадки на остров Симусю (береговая батарея 130-миллиметровых пушек мыса Лопатка).

В третьем этапе — высадка отряда захвата, захват и удержание плацдарма. Высадка последующих эшелонов десанта и овладение островом Симусю и плацдармом на острове Парамушир.

Этот этап предусматривал поддержку десанта со стороны авиации и морского флота при бое на суше, а также управление и питание войск по овладению островами.

В ночь с 15 на 16 августа войска, находящиеся в исходном районе для десантирования, приступили к погрузке материальной части, боеприпасов, продовольствия и личного состава на корабли десанта. В 03.00 17 августа десант был готов к выполнению поставленной задачи.

Ход боевых действий. В 04.15 17 августа десант под прикрытием авиации и сторожевых кораблей вышел в открытое море, не встречая сопротивления противника ни с моря, ни с воздуха. Преодолев расстояние в 180 миль, прикрываясь сильным туманом, нависс-

шим над островом Симусю и мысом Лопатка, достиг Первого Курильского пролива и в 03.00 18 августа приступил к высадке отряда захвата плацдарма в намеченном по плану месте, то есть на острове Симусю, его северный берег. Фронт высадки главных сил десанта определялся в 1,5–2 км между мысами Кокутан-Саки и Котомари-Саки.

Десантные суда и самоходные баржи, на борту которых находился отряд захвата, прикрываясь туманом, с приглушенными моторами подходили к берегу и без одного выстрела со стороны врага высадили отряд захвата плацдарма. Раздалось мощное русское «Ура!», нарушившее спокойный сон японцев, которые, не замедлив, открыли губительный огонь вдоль пляжа высадки из береговых батарей, зажгли несколько десантных судов и потопили часть мелких самоходных барж.

Корабли поддержки и береговая артиллерия на мысе Лопатка открыли ответный огонь и точно также подожгли советский танкер «Мариуполь», ранее потерпевший аварию в проливе и течением прибитый к японским берегам. Фронт высадки озарился светом от горящих десантных судов и танкера «Мариуполь».

Рассчитанная на внезапность, высадка отряда захвата полностью не удалась.

Отряд захвата плацдарма (морская пехота и автоматчики), используя внезапность, а в последующем огонь судовой и береговой артиллерии, встречая сильное сопротивление японцев, понеся незначительные потери, в первой половине дня выполнил свою задачу и овладел плацдармом в глубину 2–5 км и по фронту до 5 км.

Вслед за отрядом захвата плацдарма начали высадку главные силы десанта. Встречая сильное сопротивление противника и особенно его береговых батарей (которые к тому времени не были подавлены), неся потери в людях и технике, как на море, так и на суше, ломая сопротивление врага, во второй половине дня они выдвинулись на рубеж, занятый отрядом захвата, а частью сил блокировали береговые батареи, простреливающие фронт высадки. К этому времени противник подтянул свои ближайшие резервы, а также танковый полк в составе 90 танков, и при поддержке авиации начал сильные контратаки в основании фронта высадки, имея цель отрезать десант от моря и уничтожить его.

Командир десанта, высадившись на берег, организовав управление и разобравшись в обстановке, принял решение на отражение контратак и закрепление на достигнутом рубеже, имея цель в течение ночи высадить часть артиллерии средних калибров и с рассветом

при поддержке авиации продолжить наступление вглубь острова Симусю. Контратаки [японцев] были отбиты, войска к исходу первого дня операции закрепились на достигнутом рубеже, приводили себя в порядок и выгружали артиллерию и боеприпасы.

В течение ночи на 19 августа выяснилось, что противник в результате контратаки, понеся тяжёлые потери в людях и технике (было подбито 17 танков), отошёл вглубь острова на заранее подготовленные позиции. Как потом выяснилось, на главную полосу обороны, оставив отряды прикрытия и смертников, пути отхода к главной полосе минировал.

С утра 19 августа войска десанта после мощного удара авиации перешли в наступление, встречая слабое сопротивление противника, преодолев от 8 до 12 км, во второй половине дня подошли к главной полосе обороны, где и были встречены организованным артиллерийским и ружейным огнём. Попытка атаковать позиции с ходу успеха не имела, хотя наступавший на правом фланге 138-й стрелковый полк с ходу овладел двумя дотами. К исходу этого дня, ведя частные бои, войска вплотную подошли к главной полосе обороны, окапывались и вели разведку. Противник весь этот день активизировал действие своей авиации, нанося удары по войскам, судам и командному пункту командира десанта.

Отряд кораблей, пытавшийся прорваться через Второй Курильский пролив в базу Катаока, был обстрелян мощным огнём береговых батарей, понёс потери, возвратился на свою базу стоянки.

Повторные атаки главной полосы в течение 20 и 21 августа к желаемым результатам не привели. Наступившие сильные туманы и проливные дожди не позволили в полной мере использовать авиацию поддержки и судовую (далее утрачены седьмой и восьмой листы документа. — *Ред.*)...

Поэтому намеченная по плану задача: к исходу первого дня операции — овладеть островом Симусю — не соответствовала действительности. Вместе с тем, когда войсками были выполнены ближайшие задачи, план операции не предусматривал дальнейших действий войск по захвату последующих островов, в результате чего и эти задачи пришлось решать наспех, без учёта реальной обстановки.

В подготовке такой операции немаловажным вопросом является экипировка войск, особенно миномётчиков, пулемётчиков станковых пулемётов и подразделений противотанковых ружей. Эти средства не должны обременять бойца во время высадки с рейда. Выгрузка их должна идти наравне с другими видами оружия, с перегрузкой их из десантных судов на мелкие плавсредства, и только

с них производится выгрузка на берег. Исключение следует допускать в том случае, когда в составе десанта имеется достаточное количество десантных барж с откидными трапами и когда эти баржи могут вплотную подходить к берегу. То есть, мы имеем в виду такое положение, когда захвачен плацдарм и имеется возможность баржам подходить к берегу высадки.

Радиосредства связи следует с особой тщательностью сохранять от проникновения морской воды в элементы питания, так как [в случае] непринятия этих мер радиосредства быстро выходят из строя и отказывают в работе, что и случилось при высадке на берег отряда захвата плацдарма.

Из имевшихся в отряде 22 радиостанций, благодаря непринятию мер по их сохранности и, главным образом, в момент высадки, отказала в работе 21 радиостанция, и только одна подавала слабые сигналы местонахождения.

Корректировочные посты кораблей поддержки. Выше мы остановились на недочётах в совместной подготовке родов войск и отметили неслаженность в вопросах взаимодействия. В морской десантной операции с особой силой встаёт вопрос поддержки десанта корабельной артиллерией, так как до момента высадки артиллерии десанта единственным средством поддержки является артиллерия кораблей. Поэтому корректировочные посты в данном случае играют исключительную роль. Их подготовке по совместным действиям в подготовительный период следует придавать исключительное внимание. При этом посты должны отрабатывать вопрос взаимодействия не со штабом артиллерии десанта, а с теми подразделениями, кои они будут поддерживать во время боя на суше.

В проводимой операции этого не получилось. Высаженные корректировочные посты первоначально находились на командном пункте командира десанта, и не только не принесли пользу, а вред, так как корректировали огонь кораблей часто не по тем целям, как им указывалось.

Заключение. Несмотря на приведённые недочёты, операцию по захвату островов Курильской гряды следует рассматривать как заслуживающую внимания для изучения опыта войны, а также для изучения совместных действий сухопутных, морских и авиационных сил в морских операциях, и особенно при условии отсутствия флангов, ближайшего тыла и ограниченного количества войск.

31 июля 1947 г.

БН. Ксерокопия официального документа

Из отчёта по проведению десантной операции Петропавловской военно-морской базой Тихоокеанского флота по захвату острова Шимушу Курильской гряды
(с 15 по 23 августа 1945 г.)

...Батальон морской пехоты, состоящий из краснофлотцев, старшин и офицеров ПВМБ, участвуя в боях за остров Симусю, проявил исключительное мужество и отвагу. В период подхода десантных судов к вражескому берегу моряки, несмотря на большую глубину и не имея данных о том, что можно встретить на берегу, смело бросались в воду и за пять-шесть минут достигали берега. Под прикрытием темноты и тумана десантники продвигались вперёд.

Противник в первый момент, напуганный столь дерзкими действиями десантников, поспешно стал отступать к главной оборонительной линии, оказывая сопротивление на промежуточных рубежах. Но усилия врага были быстро сломлены действиями краснофлотцев.

Примеров героизма и отваги, проявленных в боях с японскими самураями на острове Симусю, очень много. Весь батальон фактически выполнял задачу, посильную только стрелковому полку...

Исключительная отвага в действиях, граничащая с дерзостью, помогла овладеть такой крепостью, как высоты 165,0, 168,0, 171,0.

Прорыв в глубину обороны противника, осуществлённый моряками, ввёл в заблуждение противника о силах десанта. В результате были открыты «ворота» для стрелковых частей, следующих за десантом.

Отмечен ряд случаев, когда краснофлотцы и офицеры, чтобы облегчить положение своих частей и подразделений, закрывали амбразуры дотов своими телами или бросались с гранатами под вражеские танки...

...18 августа 1945 г. при взятии высоты 171,0 два вражеских дота своим огнём преградили путь продвижению наших войск. Старшина 1-й статьи Вилков Николай Александрович с гранатой в руке бросился на амбразуру вражеского дота и закрыл её своим телом. В то же время на амбразуру второго дота бросился краснофлотец комсомолец Ильичёв Пётр Иванович и повторил его подвиг. Этот героический подвиг на небольшое время остановил огонь врага, позволил нашим бойцам продвигаться вперёд и блокировать вражеские укрепления...

В 09.10 батальон морской пехоты занял высоту 171,0. В 09.27 противник вновь бросил на высоту 171,0 до шести танков...

Основание: ф. 1695, оп. 0019046, д. 6, л. 23—24; ф. 1695, оп. 0019046, д. 7, л. 15.

Примечание: звание Героя Советского Союза краснофлотцу Ильичёву Петру Ивановичу присвоено в 1957 г. Наградного листа на хранении в ЦВМА нет.

Фрагменты наградных листов Героев Советского Союза

Из наградного листа *Николая Александровича Вилкова*, старшины 1-й статьи, боцмана плавбазы «Север» ПВМБ ТОФ, 1918 г. р., русского, служащего, члена ВЛКСМ, в Красной Армии с декабря 1939 г., ранений и контузий не имел, ранее не награждался. Представляется к званию Героя Советского Союза.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

При штурме дота на высоте 171,0 под перекрёстным огнём противника бросился с гранатами на пулемётный дот и, забросав гранатами, заставил его замолчать, чем облегчил закрепление группы моряков на высоте. При выполнении своего долга перед родиной погиб смертью храбрых. За беззаветную преданность родине, мужество и геройство достоин присвоения звания Героя Советского Союза посмертно.

Командующий флотом адмирал *Юмашев.*
За члена военного совета флота
генерал-лейтенант береговой службы *Муравьёв.*
__ августа 1945 г.

Звание Героя Советского Союза присвоено указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 г.

БН. Центральный военно-морской архив (ЦВМА), ф. 3, оп. 2422, д. 21, л. 17. Заверенная копия, 5 августа 1966 г.

Из наградного листа *Дмитрия Григорьевича Пономарёва*, капитана 1-го ранга, командира ПВМБ ТОФ, 1908 г. р., русского, из рабочих, члена ВКП(б) с 1930 г., ранений и контузий не имеет. Ранее представлялся за выслугу лет и выполнение заданий командования к ордену Красной Звезды и медали «За боевые заслуги». Представляется к званию Героя Советского Союза.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Предан партии Ленина — Сталина и социалистической родине. Боевой, смелый, мужественный офицер Военно-Морского Флота.

В борьбе против японских империалистов в короткий срок отлично выполнил задание по подготовке к десантной операции на Курильских островах. Умело и мужественно руководил боевыми кораблями по подавлению опорных пунктов и огневых точек противника, высадкой десанта и поддержанием наступающих войск. За умелое и мужественное поведение в бою и умелое руководство кораблями при осуществлении десантной операции на Курильских островах достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Командующий флотом адмирал *Юмашев.*
За члена военного совета флота
генерал-лейтенант береговой службы *Муравьёв.*
__ августа 1945 г.

БН. ЦВМА, ф. 3, оп. 2422, д. 21, л. 62. Заверенная копия, 5 августа 1966 г.

Из наградного листа *Тимофея Алексеевича Почтарёва*, майора, офицера-оператора по береговой артиллерии штаба ПВМБ ТОФ, 1913 г. р., белоруса, из рабочих, члена ВКП(б), в Красной Армии с 1934 г. Ранее представлялся к награждению орденом Отечественной войны 2-й степени и медалью «За оборону Ленинграда».

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

В первом броске десанта во главе батальона первым выскочил на берег и, несмотря на темноту, организовал и привёл в боевой порядок личный состав батальона, стремительным ударом прорвал первую линию обороны и вклинился в глубину вражеской обороны на 3 км. В боях за командную высоту руководил группой, состоящей из батальонов морской пехоты и армейского, захватил штаб японского батальона, отбил троекратные атаки японцев и высоту удержал за собой.

При последнем штурме высоты проявил исключительную самоотверженность. Поднимая армейский батальон в атаку, лично во весь рост первым во главе моряков ринулся в атаку, чем поднял дух пехоты и решил исход боя, заняв высоту. За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с японскими захватчиками и проявленные при этом мужество и геройство достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Командующий флотом адмирал *Юмашев.*
За члена военного совета флота
генерал-лейтенант береговой службы *Муравьёв.*
__ августа 1945 г.

БН. ЦВМА, ф. 3, оп. 2422, д. 21, л. 65. Заверенная копия, 5 августа 1966 г.

Из наградного листа *Василия Ивановича Сигова*, старшины самоходной баржи отряда высадочных средств, 1919 г. р., русского, рабочего, беспартийного, получил тяжёлое ранение в голову и руку. Ранее к награждению не представлялся. Представляется к присвоению звания Героя Советского Союза.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

В период боевых действий на Курильских островах проявил себя как храбрый и смелый боец. Все его действия и дела были подлинно героическими. Им на самоходной барже в течение трёх дней были переброшены все тяжеловесы, орудия, боезапас, снаряжение. Несмотря на то что в первый день боевых действий был ранен в голову и руки, оставался на боевом посту.

Все вставшие перед ним трудности он решал совместно со своим экипажем самостоятельно. За короткий промежуток времени исправлял повреждения.

В течение трёх дней его самоходная баржа была в движении, несмотря ни на погоду, ни на личную усталость. Работа его продолжалась и в ночных условиях. Трудности были вызваны и тем, что в первый день боевых действий одна самоходная баржа погибла, личный состав погиб, за исключением механика, который впоследствии перешёл к товарищу Сигову, у которого тоже были потери. На оставшейся самоходной барже товарищ Сигов перебрасывал грузы и последующее время на остальные острова.

За проявленную храбрость и геройство при боевых действиях, способствующих успешному выполнению поставленных задач Главной ставки, достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Командир отряда высадочных средств
и транспортов капитан 2-го ранга
Богородский.

Заключение военного совета флота:

«За проявленные храбрость, мужество и геройство при выполнении боевых заданий командования и поставленных задач Главной ставки достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Командующий Камчатской военной флотилией
ТОФ контр-адмирал *Байков*.
Член военного совета Камчатской военной флотилии
капитан 1-го ранга *Петров*»

БН. ЦВМА, ф. 3, оп. 2422, д. 21, л. 68—69. Заверенная копия, 5 августа 1966 г.

Из приказа по 198-му отдельному стрелковому полку Камчатского оборонительного района 2-го Дальневосточного фронта № 01/н от 6 сентября 1945 г., остров Парамушир

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР награждаю:

Медалью «За отвагу»:

1. Автоматчика 1-й роты автоматчиков красноармейца Арбузова Александра Михайловича — за отличное несение караульной службы по охране пленных японцев. Рождения 1915 г., русский, член ВЛКСМ, из рабочих, в Красной Армии с 1942 г. Призван Петропавловским-на-Камчатке райвоенкоматом Камчатской области. Образование: общее — четыре класса, военного не имеет...

2. Командира 2-го отделения 1-й роты автоматчиков старшего сержанта Авдеева Семёна Васильевича — за личную бдительность по охране пленных японцев. Рождения 1918 г., русский, член ВКП(б), рабочий, в Красной Армии с 1939 г. Призван Ленинским райвоенкоматом Челябинской области. Образование: общее — шесть классов, военного не имеет...

3. Помощника командира взвода 3-й стрелковой роты старшего сержанта Борисевича Павла Антоновича — за умелое руководство при высадке десанта на острова Шимушу и Парамушир, проявление инициативы и мужества. Рождения 1915 г., русский, член ВКП(б), в Красной Армии с 1939 г. Призван Куйбышевским райвоенкоматом Новосибирской области. Образование: общее — четыре класса, военного не имеет...

4. Командира отделения 3-й миномётной роты старшего сержанта Гетмана Филиппа Романовича — за умелое руководство своим отделением при высадке десанта и охране пленных японцев. Рождения 1920 г., украинец, член ВКП(б), служащий. В Красной Армии с 1940 г. Призван Иоильнульским райвоенкоматом Омской области. Образование: общее — девять классов, военного не имеет...

5. Заместителя командира отделения 2-й миномётной роты младшего сержанта Евсеева Семёна Фёдоровича — за личную бдительность при охране пленных японцев. Рождения 1918 г., русский, член ВКП(б), рабочий. В Красной Армии с 1939 г. Призван Златоустовским райвоенкоматом Челябинской области. Образование: общее — шесть классов, военного не имеет...

6. Помощника командира взвода 3-й стрелковой роты старшего сержанта Козлова Григория Гавриловича — за личный пример и умелую организацию при высадке на острова Шимушу, Парамушир и Харимкотан. Рождения 1917 г., русский, член ВКП(б), рабо-

чий. В Красной Армии с 1938 г. Призван Куйбышевским райвоенкоматом Новосибирской области...

47. Повозочного 2-й пулемётной роты ефрейтора Копцова Николая Матвеевича — за инициативу, находчивость и смекалку при высадке на остров Парамушир. Рождения 1920 г., русский, член ВЛКСМ. В Красной Армии с 1940 г. Призван Кагановичским райвоенкоматом Омской области. Образование — два класса...

48. Номера 2-го истребительного взвода красноармейца Латышенко Михаила Михайловича — за находчивость, смекалку и разумную инициативу при высадке десанта на остров Парамушир. Рождения 1916 г., украинец, член ВКП(б), рабочий. В Красной Армии с 1939 г. Призван Соколовским райвоенкоматом Северо-Казахстанской области. Образование: четыре класса...

49. Мастера вооружения, старшину артиллерийского снабжения сержанта Моргуна Владимира Кузьмича — за разумную инициативу, находчивость и смекалку по ремонту артиллерийского вооружения в подразделениях во время десантной операции на остров Парамушир. Рождения 1920 г. русский, член ВЛКСМ, рабочий. В Красной Армии с 1940 г. Призван Иоильнульским райвоенкоматом Омской области. Образование: три класса...

50. Телеграфиста роты связи ефрейтора Мезенцева Александра Георгиевича — за беспрерывную поддержку связи с подразделениями полка при высадке десанта на Парамушир. Рождения 1918 г., русский, член ВКП(б), рабочий. В Красной Армии с 1939 г. Призван Златоустовским райвоенкоматом Челябинской области. Образование: три курса рабфака...

51. Повозочного роты связи красноармейца Мухина Дементия Назаровича — за беспрерывную поддержку связи с вышестоящим командованием при высадке десанта на остров Парамушир. Рождения 1915 г., русский, член ВЛКСМ, рабочий. В Красной Армии с 1941 г. Призван Усть-Большерецким райвоенкоматом Камчатской области. Образование: пять классов...

52. Командира отделения роты связи старшину Малыхина Александра — за умелую организацию связи с командиром вышестоящего соединения, находчивость и смекалку при высадке на остров Парамушир. Рождения 1916 г., русский, член ВКП(б), рабочий. В Красной Армии с 1938 г. Призван Усть-Большерецким райвоенкоматом Камчатской области. Образование: шесть классов...

53. Командира отделения стрелковой роты сержанта Маслакова Степана Ивановича — за умелую организацию, находчивость и проявленную инициативу при высадке десанта на остров Парамушир.

Рождения 1920 г., русский. Член ВКП(б), колхозник. В Красной Армии с 1940 г., призван Калачинским райвоенкоматом Омской области. Образование: четыре класса...

54. Номера истребительной батареи красноармейца Ногтера Александра Васильевича — за находчивость, смекалку и инициативу, проявленные при высадке на остров Парамушир. Рождения 1919 г., русский, беспартийный, рабочий. В Красной Армии с 1939 г. Призван Златоустовским райвоенкоматом Челябинской области. Образование: пять классов...

87. Заместителя командира отделения 2-й миномётной роты старшего сержанта Шлыка Захара Никифоровича — за личную инициативу при высадке десанта и разоружении японских войск на острове Парамушир. Рождения 1915 г., русский, член ВЛКСМ, рабочий. В Красной Армии с 1941 г. Призван Усть-Большерецким райвоенкоматом Камчатской области. Образование: один класс...

88. Кавалериста-разведчика взвода конной разведки красноармейца Шпычкова Михаила Петровича — за успешное выполнение задания по разведке расположения японских войск и района острова Парамушир. Рождения 1915 г., кандидат ВКП(б), рабочий. В Красной Армии с 1941 г. Призван Усть-Большерецким райвоенкоматом Камчатской области. Образование: четыре класса...

89. Заместителя командира отделения 2-й стрелковой роты младшего сержанта Шишкина Матвея Ивановича — за личный пример и успешную организацию при высадке десанта на острова Шимушу и Парамушир. Рождения 1917 г., русский, член ВКП(б), рабочий. В Красной Армии с 1941 г. Призван Усть-Большерецким райвоенкоматом Камчатской области. Образование: четыре класса...

90. Заместитель командира отделения 7-й стрелковой роты ефрейтора Шмакова Андрея Никифоровича — за личный пример и умелую организацию при высадке десанта на остров Парамушир. Рождения 1912 г., русский, член ВКП(б), крестьянин. В Красной Армии с 1942 г. Призван Усть-Большерецким райвоенкоматом Камчатской области. Образование: четыре класса...

91. Повозочного полковой батареи полковой артиллерии красноармейца Потребу Павла Мироновича — за личную инициативу при высадке десанта и разоружение японских войск. Рождения 1913 г., украинец, член ВКП(б), колхозник. В Красной Армии с 1941 г. Призван Усть-Большерецким райвоенкоматом Камчатской области. Образование: четыре класса...

Командир 198-го ОСП подполковник *Филиппов.*
Начальник штаба майор *Поздря*

НВФ 4343/160. Ксерокопия

Из приказа по артиллерийской части ордена Ленина 101-й стрелковой дивизии Камчатского оборонительного района 2-го Дальневосточного фронта № 03/на от 30 сентября 1945 г., база Касивабара

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с японским агрессором и проявленные при этом доблесть и мужество наградить:

Медалью «За отвагу»:

1. Младшего сержанта Сидоренко Михаила Степановича, рождения 1918 г., командира отделения разведки штабной батареи 273-го ордена Красного Знамени артиллерийского полка.

2. Старшего сержанта Скорина Александра Степановича, рождения 1914 г., каптенармуса управления 2-го дивизиона 423-го гаубичного артиллерийского Краснознамённого полка.

Медалью «За боевые заслуги»:

1. Сержанта Архипова Сергея Васильевича, рождения 1917 г., командира отделения отдельной зенитно-пулемётной роты 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии.

2. Ефрейтора Березина Меркурия Абрамовича, рождения 1919 г., старшего разведчика-наблюдателя 7-й батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

3. Красноармейца Волховского Василия Кузьмича, рождения 1920 г., телефониста штабной батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

4. Младшего сержанта Бриткова Владимира Гавриловича, рождения 1919 г., командира отделения связи штабной батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

5. Старшего сержанта Багайцева Виталия Ивановича, рождения 1916 г., командира отделения отдельной зенитно-пулемётной роты 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии.

6. Сержанта Виноградова Игоря Максимовича, рождения 1915 г., старшину вычислительной группы 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

7. Красноармейца Гаимцева Александра Григорьевича, рождения 1919 г., ездового 7-й батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

8. Ефрейтора Горчакова Фёдора Ивановича, рождения 1919 г., старшего вычислителя вычислительной группы штаба 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

9. Сержанта Гетманского Сергея Григорьевича, рождения 1913 г., командира орудия батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

10. Старшину Дзюбу Степана Кондратьевича, рождения 1916 г., старшину 1-й батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

11. Красноармейца Демидова Константина Фёдоровича, рождения 1915 г., радиотелеграфиста 6-й батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

12. Старшего сержанта Деревлёва Михаила Андреевича, рождения 1918 г., командира отделения разведки управления 2-го дивизиона 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

13. Сержанта Екимова Владимира Савельевича, рождения 1917 г., старшину отдельной зенитно-пулемётной роты 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии.

14. Старшину Миглюка Владимира Степановича, рождения 1919 г., старшину штабной батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

15. Младшего сержанта Зиновьева Анатолия Андреевича, рождения 1919 г., заместителя командира отделения — наводчика отдельной зенитно-пулемётной роты 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии.

16. Младшего сержанта Истомина Леонида Яковлевича, рождения 1920 г., заместителя командира орудия 7-й батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

17. Сержанта Крашенинина Константина Ильича, рождения 1913 г., командира орудия 7-й батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

18. Старшего сержанта Комарова Алексея Павловича, рождения 1919 г., младшего ветеринарного фельдшера 2-го дивизиона 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

19. Сержанта Колыхалова Егора Захаровича, рождения 1919 г., старшего радиотелеграфиста 7-й батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

20. Красноармейца Клименко Петра Фёдоровича, рождения 1919 г., разведчика управления 3-го дивизиона 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

21. Сержанта Каргаполова Филиппа Ивановича, рождения 1917 г., командира отделения разведки штабной батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

22. Младшего сержанта Лобова Петра Дмитриевича, рождения 1917 г., командира отделения связи 7-й батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

23. Ефрейтора Лобанова Александра Петровича, рождения 1917 г., старшего телефониста штабной батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

24. Младшего сержанта Левкина Ивана Трофимовича, рождения 1918 г., заместителя командира отделения — разведчика отдельной зенитно-пулемётной роты 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии.

25. Красноармейца Лавренова Валентина Кондратьевича, рождения 1922 г., старшего вычислителя топографической группы 279-го артиллерийского Краснознамённого полка...

26. Ефрейтора Майцева Ивана Ивановича, рождения 1920 г., старшего вычислителя вычислительной группы штаба 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

27. Сержанта Марочкина Василия Ивановича, рождения 1918 г., командира отделения зенитно-пулемётной роты 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии.

28. Ефрейтора Мещерякова Бориса Ивановича, рождения 1919 г., разведчика-коновода штабной батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

29. Красноармейца Машукова Анатолия Семёновича, рождения 1920 г., командира отделения связи 4-го дивизиона 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

30. Ефрейтора Макарова Александра Александровича, рождения 1919 г., старшего разведчика штабной батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

31. Старшего сержанта Мешкового Алексея Гавриловича, рождения 1917 г., заведующего делопроизводством 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

32. Старшину Навалихина Георгия Лазаревича, рождения 1918 г., старшину 4-й батареи 2-го дивизиона 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

33. Младшего сержанта Пирогова Александра Алексеевича, рождения 1918 г., наводчика орудия 7-й батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

34. Ефрейтора Пустовалова Фёдора Андреевича, рождения 1917 г., старшего телефониста штабной батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

35. Сержанта Пислегина Аркадия Пислеговича, рождения 1918 г., заведующего делопроизводством отдельной зенитно-пулемётной роты 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии.

36. Младшего сержанта Селиванова Александра Якимовича, рождения 1915 г., командира орудия 5-й батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

37. Сержанта Серяпина Михаила Павловича, рождения 1918 г., командира отделения отдельной зенитно-пулемётной роты 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии.

38. Старшего сержанта Тюхтеева Ивана Семёновича, рождения 1921 г., командира орудия 1-й батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

39. Старшего сержанта Терехова Ивана Дмитриевича, рождения 1914 г., санитарного инструктора 428-го гаубичного артиллерийского Краснознамённого полка.

40. Младшего сержанта Титова Василия Ефимовича, рождения 1921 г., командира орудия 7-й батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

41. Сержанта Федоровского Агапа Дмитриевича, рождения 1918 г., начальника мастерской типа «А» 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

42. Ефрейтора Фролова Алексея Тихоновича, рождения 1920 г., старшего разведчика 1-й батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

43. Сержанта Хворостова Николая Михайловича, рождения 1919 г., писаря штаба 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

44. Старшину Ципицина Николая Петровича, рождения 1919 г., санитарного инструктора 1-й батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

45. Красноармейца Шеваликова Виктора Арсентьевича, рождения 1922 г., разведчика 4-й батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

46. Ефрейтора Шляпова Павла Николаевича, рождения 1920 г., орудийного номера 4-й батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

47. Ефрейтора Щербинина Павла Ануфриевича, рождения 1918 г., старшего телеграфиста 7-й батареи 279-го артиллерийского Краснознамённого полка.

Командующий артиллерией 101-й ордена Ленина
стрелковой дивизии подполковник *Харитонов.*
Начальник штаба артиллерии 101-й ордена Ленина
стрелковой дивизии капитан *Прусаков.*
30 сентября 1945 г.

НВФ 4343/128. Ксерокопия

Справка Центрального архива пограничных войск КГБ при Совете Министров СССР от 17 февраля 1977 г.

По документальным материалам Центрального архива пограничных войск установлено, что в освобождении Южного Сахалина и Курильских островов в войне с империалистической Японией в 1945 г. совместно с частями Советской Армии и Тихоокеанским флотом принимали активное участие следующие части пограничных войск и их подразделения:

— 60-й Камчатский ордена Ленина морской пограничный отряд, 2-й и 3-й дивизионы пограничных катеров и сторожевые корабли «Киров», «Дзержинский», минный заградитель «Охотск»;

— 52-й ордена Ленина морской пограничный отряд;

— 3-й дивизион пограничных кораблей 62-го морского пограничного отряда;

— 2-й отдельный легкобомбардировочный морской авиационный полк.

За образцовое выполнение боевых заданий командования в войне с империалистической Японией, проявленные стойкость, мужество и дисциплину при овладении островами Шумшу и Парамушир из группы Курильских островов указами Президиума Верховного Совета СССР от 14 и 19 сентября 1945 г. сторожевые корабли «Киров» и «Дзержинский» награждены орденом Красного Знамени.

Приказом Верховного Главнокомандующего № 159 от 14 сентября 1945 г. 52-му пограничному отряду, отличившемуся в боях против империалистической Японии и освободившему южную половину острова Сахалин, присвоено наименование «Сахалинский».

За образцовое выполнение боевых заданий командования Северной Тихоокеанской флотилии по высадке десанта на Южный Сахалин в порты Усиро, Эсутору, Маоко и проявленные при этом доблесть и мужество указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 г. 3-й дивизион пограничных кораблей 62-го погранотряда награждён орденом Красного Знамени с присвоением наименования «Сахалинский».

В боях за социалистическую родину при освобождении Южного Сахалина и Курильских островов, проявив высокую стойкость и мужество, пали смертью храбрых военнослужащие 60-го пограничного отряда:

— Андрианов Михаил Николаевич, старшина 2-й статьи;

— Бахтин Михаил Петрович, красноармеец;

— Безверхий Алексей Клементьевич, сержант;

— Бойко Никифор Игнатьевич, капитан 3-го ранга;

— Бородянко Степан Варламович, старшина 2-й статьи;
— Бугров Алексей Александрович, капитан;
— Бычков Михаил Васильевич, младший сержант;
— Вакунин Николай Дмитриевич, краснофлотец;
— Гаврилкин Сергей Фёдорович, старшина 2-й статьи;
— Голошумов Николай Михайлович, сержант;
— Гончаров Владимир Трофимович, красноармеец;
— Деревянко Василий Васильевич, красноармеец;
— Дубровный Алексей Петрович, старший краснофлотец;
— Елагин Константин Гаврилович, старший краснофлотец;
— Загрядский Фёдор Лаврентьевич, ефрейтор;
— Зимирев Андрей Иванович, краснофлотец;
— Зимовец Владимир Епифанович, лейтенант;
— Злобин Борис Иванович, старшина 2-й статьи;
— Иванченко Михаил Владимирович, младший сержант;
— Ильин Фёдор Иванович, красноармеец;
— Казанцев Василий Андреевич, ефрейтор;
— Калякин Василий Иванович, краснофлотец;
— Ковелёв Андрей Анисимович, красноармеец;
— Крашенинников Василий Иванович, старший краснофлотец;
— Микушов Фёдор Герасимович, красноармеец;
— Миронов Иван Васильевич, мичман;
— Новоселов Павел Петрович, старший краснофлотец;
— Одиноков Василий Иванович, краснофлотец;
— Панафидин Дмитрий Никифорович, красноармеец;
— Половинкин Лаврентий Сергеевич, старший сержант;
— Приходько Николай Петрович, старшина 1-й статьи;
— Тихонов Пётр Яковлевич, старшина 2-й статьи;
— Федченко Николай Тихонович, капитан-лейтенант;
— Целютин Виктор Виссарионович, лейтенант;
— Шуплицов Борис Иванович, красноармеец.

52-го пограничного отряда:
— Боков Сергей Иванович, красноармеец;
— Булатов Павел Григорьевич, ефрейтор;
— Иванов Николай Иванович, ефрейтор;
— Панченко Василий Петрович, младший сержант;
— Рогозин Дмитрий Тимофеевич, красноармеец;
— Рыжов Алексей Семёнович, сержант;
— Рягузов Иван Кузьмич, красноармеец;
— Чистяков Павел Павлович, сержант.

При десантной операции на острове Шумшу (Курильская гряда) 18 августа 1945 г. пропали без вести:

— Бойко Василий Егорович, красноармеец 60-го погранотряда;
— Булеев Дмитрий Дмитриевич, сержант 60-го погранотряда;
— Хасенов Темкеш, красноармеец 60-го погранотряда
— Трахунов Алексей Матвеевич, красноармеец 60-го погранотряда.

Основание: ф. 231, оп. 7, д. 389; ф. 218, оп. 1, д. 1, 370; ф. 391, оп. 1, д. 1; ф. 394, оп. 1, д. 1, 545

Фрагменты письма красноармейца Георгия Иосифовича Третьякова из Нижнекамчатска в Ставропольский край брату Сергею, 3 сентября 1939 г.

...Первым долгом сообщаю тебе, что я нахожусь на Камчатке, где кончается Дальний Восток. Братишка, меня завезли туда, где одни звери да птицы. Ты ведь читал книгу, как один был путешественник к лилипутам, точно так и я. Здесь звери, страшно смотреть, гуси летают и кричат очень страшно. Видим мы только лишь японские заводы — рыбокомбинаты, где японцы ловят рыбу и перерабатывают.

Братик, здесь люди живут как звери, их называют камчадалы. Сроду живут здесь они, ещё не были на материке и не знают представления о Москве и всех прочих областях и районах.

Братик, здесь фруктов нет никаких — не растут, только страшные леса. Людей здесь очень мало. Хороший хутор Калиновский, точно такой же, как и район Усть-Камчатска. Посмотри по карте, увидишь, где Нижнекамчатск. Там строится новый военный городок.

Чуть-чуть не пришлось мне 20 августа воевать с японцами за заводы. Посмотрим, как 20 сентября придётся выгонять их из концессии нашей, тогда придётся нам подраться. Читай в газетах о нас, как будут происходить дела.

Ещё зелени никакой здесь нет, огурцов нет, арбузов тоже, помидор тоже. Здесь нет ничего. Только то, что привезут пароходом, то и купишь. Здесь в магазинах папиросы: «Дукат» 80 копеек стоят, «Беломорканал» — 80 копеек, «Театральные» — 1 рублю 20 копеек, «Прибой» — 49 копеек стоят.

Всё дешёвое и много, только лишь зелени нет.

Я работаю радиотехником военной части, 223-го особого строительного батальона. Со мной Иванов, Рубовый, Гриша Василенко, Глубокий — ребята из нашего района, человек тридцать...

БН. Заверенная копия, 3 сентября 1939 г.

Датч-Харбор – крупная американская военно-морская база, со всех сторон зажата скалистыми сопками.

Вечером "Генерал Панфилов" заправился пресной водой, а утром, на следующий день мы пошли дальше, в бухту Кодьей, что означает на русском языке – холодная бухта. Здесь мы должны разгрузиться. Затем получить корабли для 5 дивизиона и приступить к обучению своего личного состава. Вскоре мы прибыли на место. "Генерал Панфилов" отдал якорь на внешнем рейде. На корабль прибыли советские и американские офицеры. Начались поздравления с благополучным прибытием. Наши офицеры интересовались, что нового на родине, спрашивали о своих семьях. Затем начался концерт художественной самодеятельности, подготовленный моряками в пути следования.

Вначале выступил хор. Его сменили сольные номера. Было исполнено несколько русских фронтовых песен. Особенно хорошо исполняли русские песни наши девушки с "Генерала Панфилова". Концерт закончился лихими матросскими плясками, в том числе исполнением всему миру известного танца "яблочко". Много было дружеских выкриков на английском и русском языках: "О"кей", "Хорошо", „Молодцы"...

Поздно вечером личный состав дивизиона разместился в отведенных для него домиках летнего типа, построенные американцами из сборных деревянных панелей. Это был большой городок. Выглядели они неплохо. Отопление домиков велось керосином, который подавался по трубам к оборудованным колонкам. В домиках стояли железные печи с бочками, куда заливался керосин, а затем посредством кранов подавался в топки печей.

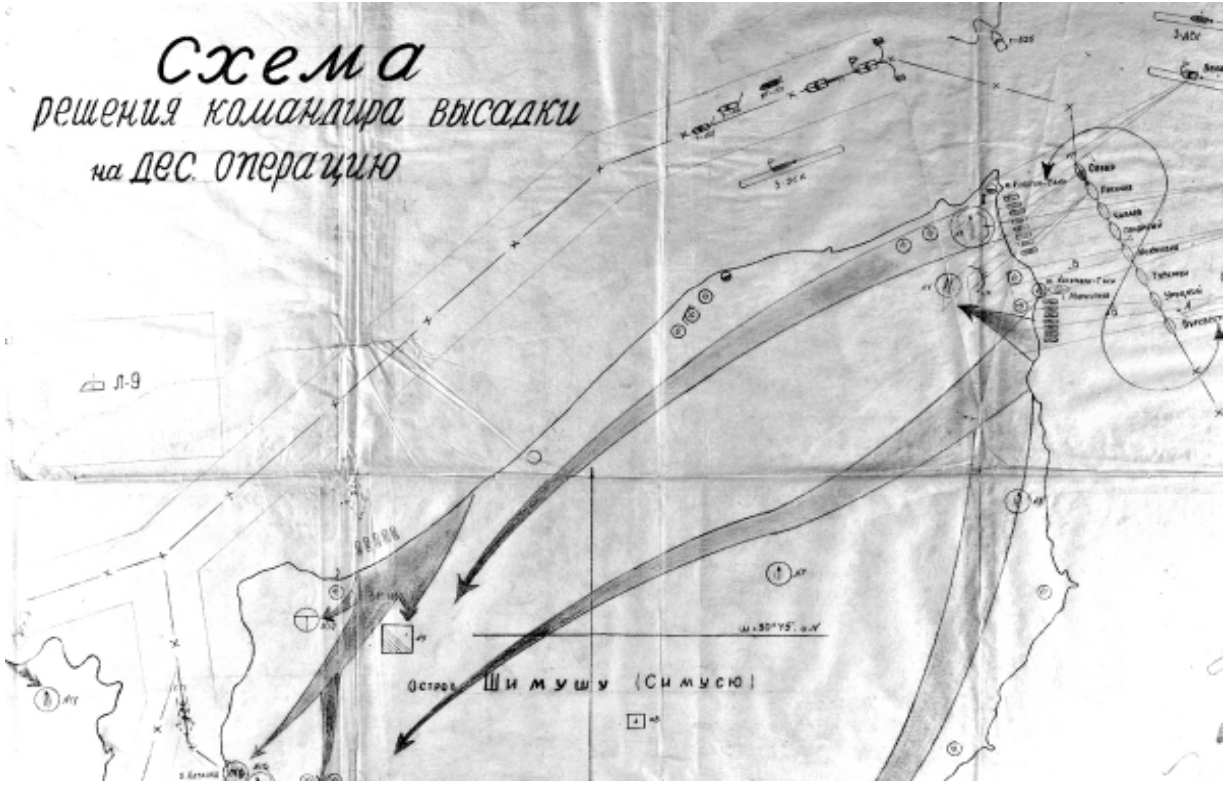
Хотя мы находились на Алеутах в июле месяце, тепла не чувствовалось; часто приходилось надевать легкие меховые тужурки, а в ночное время отапливать жилые помещения. На следующий день офицеров 5 дивизиона пригласили в штаб контр-адмирала Попова, командира 5 отряда кораблей Советского Союза, осуществлявшего закупку в США различных судов по Ленд-Лизу (взаймы или в аренду). Попов рассказал офицерам о цели их прихода и поставил задачи, которые должны решить за время своего нахождения в США.

Теперь мы ждали для своего дивизиона суда. Через неделю они прибыли в количестве 16 штук. Это небольшие плоскодонные корабли по 500 тонн водоизмещением, предназначенные только для высадки людей. Вооружение их состояло из зенитных пушек, противолодочное вооружение отсутствовало.

Страница воспоминаний И. Ф. Лаврухина с рассказом
о получении десантных судов в США
[КОКМ ОФ 38059/225]

Решение командующего Камчатским оборонительным районом генерал-майора А. Р. Гнечко о проведении десантной операции от 15 августа 1945 г. [ВХ-10183/1. Из фондов ЦАМО]

Фрагмент схемы решения командира высадки капитана 1-го ранга Д. Г. Пономарёва на операцию
[ВХ-10183/1. Из фондов ЦАМО]

Команда ТК № 35, 1945 г.: Ковылин — пулемётчик, Веснин — старшина мотористов, П. Ильичёв — радист. Сидят: Щепин — командир отделения рулевых, Горскин — лейтенант, командир, Лазеин (Ламеин, Агреин) — старшина группы минёров, Миронов — пулемётчик, Воронцов — старшина

Десантники на гидрографическом судне «Полярный» следуют к острову Шумшу (из архива В. С. Акшинского)

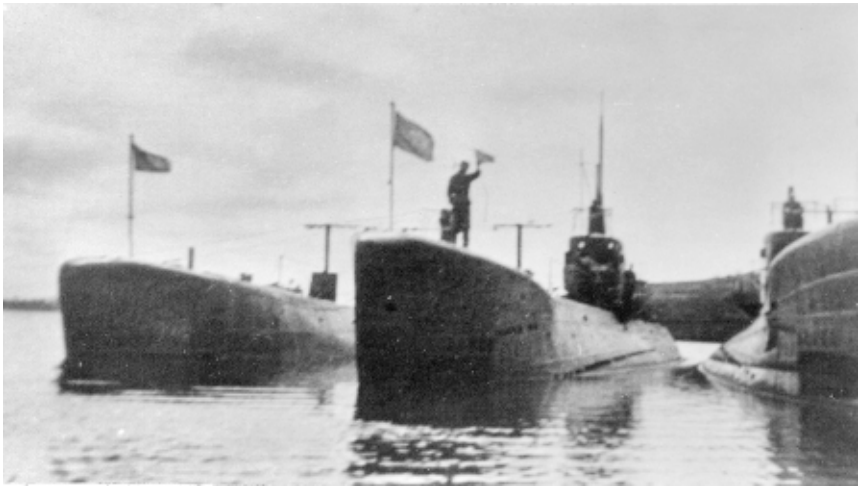
Командир 5-го отряда ДС
А. М. Верещагин
[КОКМ ОФ 31823/17]

Начальник штаба 5-го отряда ДС
Б. В. Казённый
[КОКМ ОФ 31823/17]

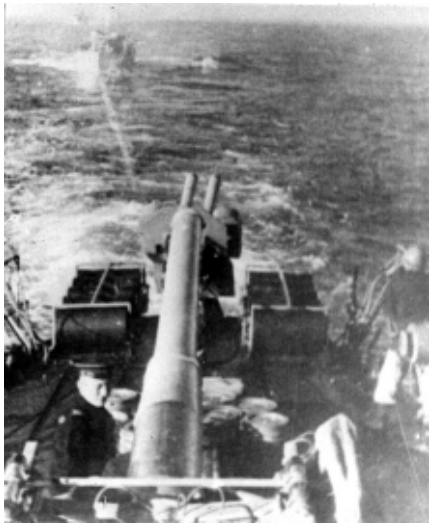

Моряки на переходе [КОКМ ОФ 31823/10]

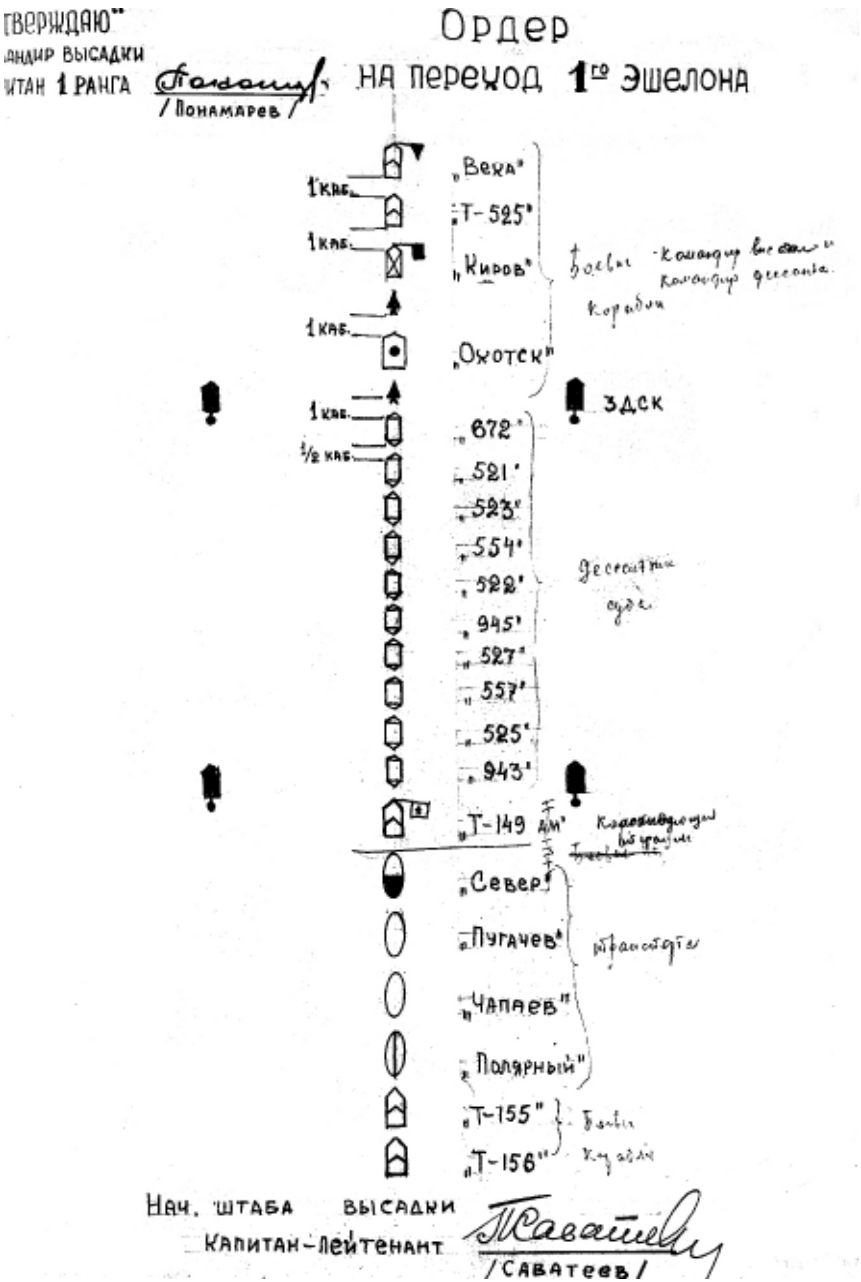
5-й дивизион подводных лодок у плавучего пирса в бухте Тарья.
Слева направо: ПЛ Л-9, Л-8, Л-10
[КОКМ ОФ 31823/21]

Переход из Петропавловска к острову Шумшу [КОКМ ОФ 31823/8]

И. И. Гаркуша, капитан 3-го ранга, командир 5-го дивизиона ПЛ
[КОКМ ОФ 31823/21]

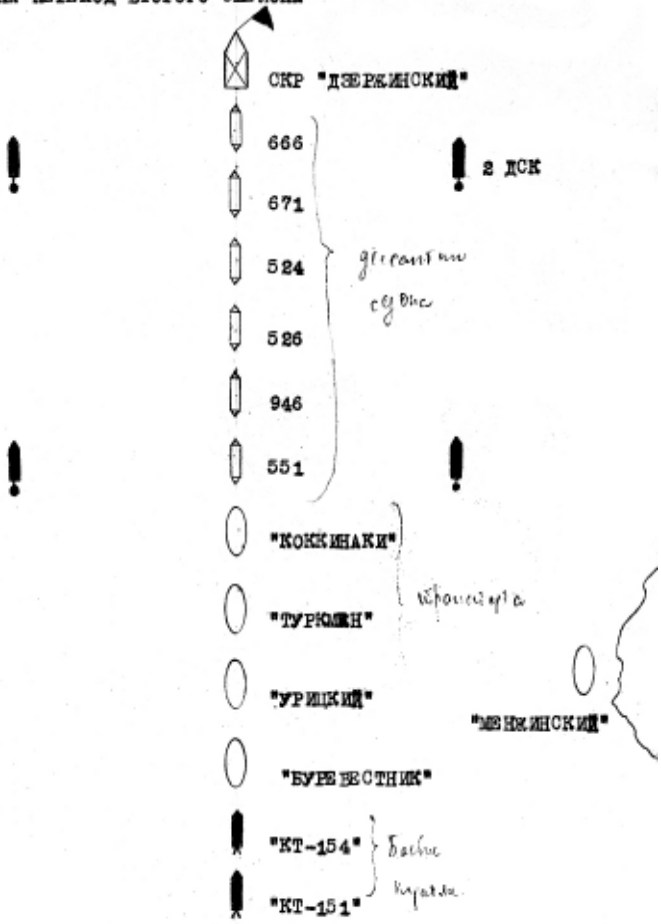

Ордер на переход первого эшелона десанта [ВХ-10183/1. Из фондов ЦАМО]

Секретно.
Экз. № 3

"УТВЕРЖДАЮ"
КОМАНДИР ВЫСАДКИ ДЕСАНТА
КАПИТАН 1-го РАНГА: (ПОНОМАРЕВ)
" августа 1945 г.

О Р Д Е Р
НА ПЕРЕХОД ВТОРОГО ЭШЕЛОНА

СОСТАВЛЕНО 3 ЭКЗ.
Экз. № 1,2 – штаб ТОФ
Экз. № 3 – штаб ПБМБ

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ВЫСАДКИ
КАПИТАН- ЛЕЙТЕНАНТ: (САВАТЕЕВ)

Ордер на переход второго эшелона десанта [ВХ-10183/1. Из фондов ЦАМО]

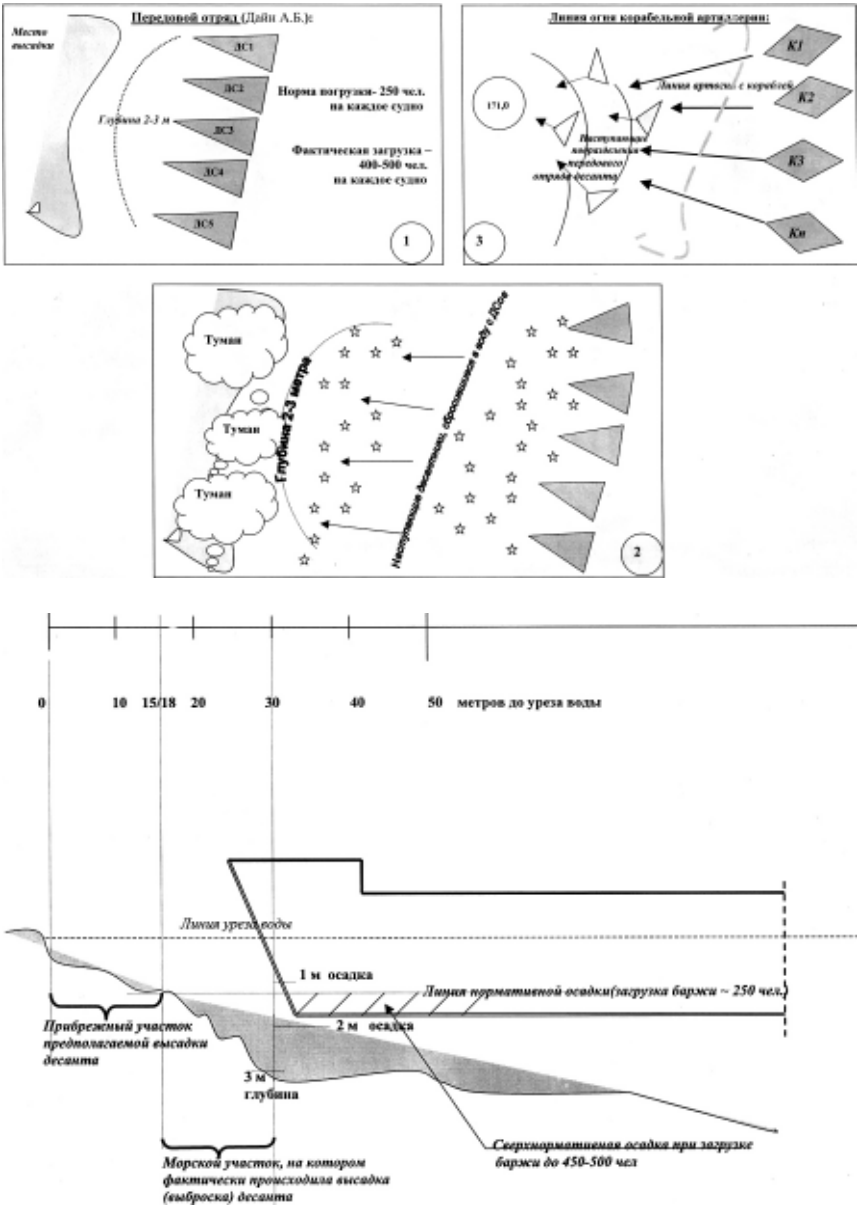

Схема начального этапа высадки передового отряда по А. Б. Даину. Реконструкция Н. Н. Питомца
[ККОМ НВФ 4343/166]

С П И С О К

десантных кораблей 5 дивизиона ,принимавших участие в боевых операциях на Курильских островах в августе 1945 года с указанием фамилий командиров кораблей, помощников и механиков.

Корабли были под номерами:

672 -флагман дивизиона. Командир корабля ст.лейтенант Царьградский, помощник командира корабля лейтенант Пермяков, механик мл.лейтенант технической службы Бреняр

671 командир корабля ст.лейтенант Ибрагимов, помощник командира корабля Попов, механику мл.лейтенант технической службы Кулаев

554 командир корабля лейтенан Гурьев, помощник командира корабля лейтенант Зайцев, механик мл.лейтенант технической службы Макарочев

525 командир корабля ст.лейтенант Котляр, помощник командира лейтенант Степанов, механик мл.лейтенант тех ической службы Сергеев

523 командир корабля лейтенант Черняков, помощник команд лейтенант Боровиков, механик мл.лейтенант технической службы Андреев.

646 Командир корабля ст.лейтенант Сухуров ,помощник коман дира лейтенант Михалдык, механик мл.лейтенант технической службы Шабаев.

945 командир корабля лейтенант Грицика, помощник командира лейтенант Гусев, механик мл.лейтенант технической службы Нестеренко

521 командир корабля лейтенант Яструб, помощик командира лейтенант Орлов, механик мл.лейтенант технической службы Константинов.

522 командир корабля лейтенант Сафронов, помощник командира лейтенант Кашенцев , механик мл.лейтенант технической службы Галачкин

Фрагмент списка десантных судов (из собрания И. Ф. Лаврухина)
[ККОМ ОФ 38059/222]

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ И КУРИЛЬСКОГО ДЕСАНТА

Авдеев Алексей Васильевич, лейтенант, командир взвода связи 302-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии

...Родился 6 февраля 1916 г. ...В двухэтажном доме в деревне Потловке была создана школа крестьянской молодёжи, которую я окончил в 1931 г. ...Осенью этого года я выехал на учёбу в Балашевский агропедтехникум, который готовил преподавателей для крестьянских школ молодёжи... Весной 1932 г. ...выехал в Москву... В январе 1933 г. уехал в Пензу, поступил в фабрично-заводское училище, по окончании в 1934 г. получил свидетельство по специальности «станочник на деревообрабатывающих станках» и направление на строившийся Евлащевский деревообрабатывающий комбинат. Инженеров, рабочую силу и оборудование поставляла нам Германия. Комбинат был построен в кратчайшие сроки, одновременно на нём готовились русские кадры, а Германия за это получала золотую валюту. Через год командные должности и квалифицированные места заняли местные рабочие. Последние два месяца я работал начальником молодёжной смены. Производительность труда росла небывалыми темпами.

Забегу вперёд. В 1947 г., после демобилизации, я приехал к сестре в город Кузнецк Пензенской области. Это в пятнадцати километрах от села Евлащево, где немцы построили деревообрабатывающий комбинат. Сестра работала в госпитале, построенном пленными из войск фельдмаршала Паулюса. Она мне сказала, что среди немцев имеется ефрейтор, который строил ДОК. Меня это заинтересовало. При встрече был удивлён до предела — им оказался тот Ганс, который меня обучал работе на четырёхстороннем строгальном станке. Долго мы с ним разговаривали. Если в 1934 г. мы с ним изъяснялись больше на пальцах, то в 1947 г. он правильно разговаривал по-русски с большим акцентом и частенько поглядывал на мои погоны с тремя звёздочками.

Несмотря на быстрый рост по служебной лестнице, не удержал меня комбинат — романтика взяла верх и потянуло меня на Дальний Восток...

Призывной возраст мой прошёл — мои одногодки собираются из армии домой, а меня держит на гражданке «бронь» (освобождение от призыва по мобилизации. — *Ред.*). Уже чувствовался запах

гари войны. Нарком обороны росчерком пера пробил бронь, и мы, рядовые необученные старших возрастов, посыпались в военкоматы как горох из мешка. Иркутский райвоенкомат в середине сентября 1939 г. провёл нам медкомиссию, а 24 сентября в товарном вагоне со станции Заводская наш состав отошёл на восток. События на Халхин-Голе обошлись без нас. На рассвете эшелон подошёл к станции Куйбышевка-восточная. Из трёх вагонов выгрузились новобранцы и своим ходом прибыли в 408-й отдельный батальон связи...

После учения меня передали в хозяйственный взвод помощником командира и присвоили звание сержанта, а должность мне определили — писарь отдела вещевого снабжения, моя гражданская работа, знакомая. Здесь я приложил все свои знания, не считался со временем...

Наступил 1941 г. Введённая мною форма учёта распространилась на большинство воинских частей Особой Краснознамённой Дальневосточной армии (ОКДВА), а мне в награду в марте 1941 г. был предоставлен десятидневный отпуск, не считая дороги, с выездом на родину. Это тогда являлось высшей наградой для солдата...

В этом году из ОКДВА были образованы 1-й и 2-й ДВФ. Наша часть входила в состав 2-й армии и стала 20-м полком связи с изменением места расположения.

21 июня 1941 г. я стоял в наряде — начальником караула полка, а днём 22-го услышал печальную новость — началась Великая Отечественная война.

В одно мгновенье мы стали суровыми и, может быть, замкнутыми. Двадцать один месяц ждал демобилизации — и всё рухнуло. Тут я задумался о военной специальности. Мои гроссбухи не прибавляли настроения, в голове была одна мысль: «Как уехать на фронт?»

Обратился к командиру линейного взвода, у него не было помощника. Теперь с радостью и усердием я стремился познавать всё то, что потребуется на фронте. Через полгода я был назначен старшиной роты, она называлась «кабельной». В феврале 1942 г. принят кандидатом в ВКП(б). За это время два раза писал рапорт об отправке на фронт, получил отказ. В апреле 1942 г. написал третий рапорт, и когда посыльный сообщил мне, что вызывает командир части, а у него в кабинете комиссар и начальник штаба, у меня ёкнуло сердце: «Мечта моя сбылась, теперь поеду на фронт». В ходе беседы комиссар мне задал вопрос: «А если мы примем отрицательное решение, как ты к этому отнесёшься?» Я ответил, что тогда сдам кандидатскую карточку и уеду на фронт. Все трое переглянулись,

и комиссар сказал: «Сумбур у тебя в голове! Поедешь в Хабаровск в ПУКС (на курсы усовершенствования командного состава. — *Ред.*), наберёшься ума, а оттуда — прямым ходом на фронт».

Я считал, что это небольшая моя победа. Прошли четыре месяца, занятия ежедневно по двенадцать часов, питание плохое. Контингент на курсах был от сержанта до подполковника, и все старались хотя бы пару ложек дополнительно получить супа.

Шёл второй год войны. В июле на плацу школы был построен весь личный состав, а всех нас насчитывалось человек триста, и был зачитан приказ. Пятидесяти слушателям было присвоено звание «младший лейтенант», нам было приказано срочно получить обмундирование. Строй нас провожал с завистью, а мы гордо шагали, думая, что вот теперь точно будем на фронте.

Среди нас были обстрелянные командиры, которые над нами посмеивались и говорили: «Дальше Кушки не отправят, больше взвода не дадут». И всё же судьба над десятками сыграла злую шутку. Стали получать документы, в них увидели, что написана камчатская 101-я стрелковая дивизия, проезд до Владивостока поездом, из Владивостока — пароходом. Выехать нам пришлось через месяц пароходом «Чавыча», и двадцать дней добирались от Петропавловска-Камчатского до Усть-Камчатска.

Село Усть-Камчатск было полурабочим посёлком. Основное предприятие — рыбоконсервный завод № 1. Путь от Усть-Камчатска до Нижнекамчатска на конях, а поскольку их у нас не было, то пешочком через деревни Николаевка и Берёзовый Яр, до отметки Хвалёнка, где стоял первый батальон 302-го стрелкового полка. Перевезли на лодке на левый берег реки Камчатки, и десятикилометровый марш-бросок до места назначения. В роте связи было два офицера: командир роты, он же начальник связи полка, старший лейтенант А. П. Чехов и его заместитель с шестью классами образования. На мою долю пришёлся первый взвод, вторым командовал С. И. Тарасов, третьим — И. С. Абрамов, радиовзводом — Гемельштейн. Мы с Тарасовым имели неоконченное среднее образование, а Гемельштейн и Абрамов — высшее. Старшина роты, помощники командиров взводов были все со средним образованием, все призыва 1938 г. С нашим прибытием была создана первая парторганизация. До девяноста процентов личного состава были комсомольцы, секретарём комсомольской организации стал мой помощник командира взвода С. П. Сумин. Всё пополнение в 1938 г. было из сибиряков и уральцев. К началу войны они были квалифицированно подготовлены и на учениях показывали отличные

результаты, физически были хорошо подготовлены, особенно в ходьбе на лыжах равнялись перворазрядникам и мастерам спорта. В этом заслуга бывшего начальника связи Голубовского. Политико-воспитательная работа велась под руководством грамотного историка, бывшего преподавателя института замполита тов. Перельмана.

Весь 1942 г. и половина 1943 г. рота связи располагалась в Нижнекамчатске, в это время была построена постоянная десятикилометровая линия связи от Хвалёнки до Николаевки. Летом, когда начинала оттаивать тундра, повело столбы, образовывались большие овраги, требовалось её постоянно ремонтировать. Солдаты не роптали, шли с большой охотой, потому что, кроме политзанятий, других занятий не было, а для многих солдат это была работа по гражданской специальности. Рядом река, много рыбы, с питанием не бедствовали. Дисциплина у ребят в роте держалась на высоком уровне. Я до сих пор вспоминаю их с гордостью, и относились мы к ним, а они к нам хорошо.

Отделение солдат круглогодично дежурило на отметке 50, это километров десять в сторону рыбоконсервного завода № 2.

Весной 1944 г. полк перебазировался на отметку Хвалёнка, а службы и семьи начсостава остались в Нижнекамчатске. Что характерно, рота связи перевезла свою казарму и поставила на берегу Тёплого озера, вода в котором не замерзала круглый год.

Шёл 1945 г. Просачивались слухи, что нам придётся воевать с Японией, и мы упорно проводили занятия по организации связи при обороне.

8 мая 1945 г. был отдан приказ всем подразделениям выйти на очистку дороги от Хвалёнки до РКЗ-2 от снега. Метали его, достигавшего двухметровой высоты, работу не завершили и отложили её до 9 мая. С 1943 по 1945 г. я был парторгом роты. Настроил радиостанцию на Москву и услышал в наушниках голос Левитана, сообщавшего, что фашистская Германия капитулировала. Подозвал солдата и приказал ему немедленно передать командиру роты, что прошу его прибыть на радиостанцию, и тихо сказал: «Конец войне». Не успел солдат добежать до комроты, а весть уже разнеслась на два-три километра, и народ без команды стал собираться к радиостанции. Стихийно начался митинг, к радиостанции подключили громкоговоритель. После митинга солдаты приступили к продолжению расчистки снега. Работали с таким рвением, что отказались от обеда и с наступлением темноты с песнями походным порядком двинулись к жилью. Командир полка и комиссар не мешали этой радости, сами работали со всеми на равных.

Ещё не было указания, что День Победы — праздник, но командир полка объявил 10 мая таковым, и он действительно прошёл празднично. Я никогда не был так рад этому празднику, который вот уже сорок три года остаётся для меня самым главным.

Среди солдат почувствовалось нежелание к учёбе, особенно к строевым занятиям. Чаще стали слышны слова «демобилизация», «учёба в институте», «обзаведение семьёй» и «работа на гражданке». Военная цензура тоже, по-видимому, ослабла. С материка от родственников и знакомых получали письма, где сообщалось, что на восток идут эшелоны с солдатами, как шли на запад в 1941—1942 гг. Летом 1945 г. в район Усть-Камчатска прибыл командующий КОР генерал-майор А. Р. Гнечко. Это стало первым предвестником того, что нам не избежать войны с Японией.

Подготовка и бои на Курильской гряде. Приезд командующего КОР означал ознакомление с обстановкой в войсках на западном побережье Камчатки. После этого последовал приказ, и 302-й полк в полном составе (с семьями начсостава) был переброшен в район Петропавловска, точнее — к подножью Авачинской сопки, которая в недавнем прошлом извергалась, отчего в лесном массиве лежал шлак, выброшенный вулканом.

Из-за отсутствия жилья в городе семьи комсостава были расквартированы в лесу между Авачинской сопкой и Петропавловском на попечении командира хозяйственного взвода тов. Ревы. Личный состав полка готовился к боевым действиям, проводились политзанятия, партийные и комсомольские собрания.

14 августа в роте связи состоялось открытое комсомольское собрание с повесткой «О поведении воина в бою». Докладывать пришлось мне, так как заместитель командира роты по политчасти был переведён в миномётную роту. Было много выступавших, в основном задавали тон командиры. Здесь же говорили о возможном выбытии в бою командира, его заместителя и так до третьего колена. Был поднят вопрос о пребывании в комсомоле товарища Смужука. Он, житель Усть-Камчатска, был призван в армию за несколько дней перед выездом в Петропавловск в возрасте тридцати шести лет, состоял членом ВЛКСМ. Секретарь комсомольской организации роты С. П. Сумин (с 1939 г. бессменный секретарь бюро ВЛКСМ роты) предложил исключить Смужука из организации, так как возраст не соответствует уставному. Смужук со слезами на глазах просил этого не делать, объясняя это тем, что у него сын и дочь тоже состоят в комсомоле. «Как я вернусь и скажу, что

перед боем меня исключили из комсомола?» Я предложил из членов комсомола его не исключать, а вернуться к этому вопросу после боевых действий. Голосованием оно было принято. Это оказался единственный случай, когда у секретарей партийного и комсомольского бюро мнения разошлись.

15 августа полк был поднят по тревоге и форсированным маршем наш путь лежал до порта Петропавловска-Камчатского. На нашем пути встретились в лесу несколько палаток с семьями комсостава (я даже и не знал, в какой палатке находится моя семья). Впереди колонны шли стрелковые роты, а затем рота связи. Все жители палаточного городка провожали взглядами своих мужей и отцов, может быть, и в последний раз... Я задержался около своей семьи на десять — пятнадцать минут, перебросились несколькими словами. Жена стояла возле палатки, рядом — сын, ему три годика и восемь месяцев, а у жены на руках — второй сын, ему шёл четвёртый месяц. И я почувствовал, что нам легче идти под японские пули, чем им оставаться в неизвестности, в лесу, не имея жилья и работы...

Погрузку войск проводили в вечернее время, порт был не освещён. Транспортные средства из-за отсутствия времени были разгружены наполовину, и после погрузки войск осадка их стала ещё больше. При подходе к острову Шумшу приблизиться к берегу ближе 100–150 м не представлялось возможным. Название парохода вспомнить не могу.

Разгрузка производилась выброской с парохода в воду, добрались вплавь и на ногах. Первая группа высаживалась с соседнего парохода, на котором находились войска, откомандированные в распоряжение майора Шутова, — 2-й стрелковый батальон (капитан Черемисин); взвод связи (лейтенант Тарасов); взвод пешей разведки (старший лейтенант Кудрявцев); химвзвод (Елизаров); пулемётная и миномётная роты.

При высадке все радиостанции и телефонные аппараты были подмочены и вышли из строя. Войска группы захвата остались без связи. Со второго парохода высадились несколько офицеров, в том числе и я, добрались до берега вплавь, свою шинель я оставил на пароходе. Дальнейшая высадка была прекращена. Единственная линия связи была установлена между 2-м батальоном и группой Шутова. Радиосвязь — рация, спасённая моряками, функционировала с командующим КОР, который находился на пароходе. Связь между пароходами осуществлялась по радио. На острове Шумшу связь в основном осуществлялась через посыльных.

К вечеру второго дня боёв я был вызван на пароход для продолжения движения на остров Матуа. Бойцы и командиры роты связи на острове Шумшу действовали как пехотинцы и были отмечены правительственными наградами: старшие сержанты Крохолев и Шашков — орденами Красной Звезды, С. П. Сумин — медалью «За отвагу». При отражении танковой атаки погиб старший лейтенант А. Л. Тюрин, командир 8-й стрелковой роты, посмертно награждён орденом Отечественной войны 2-й степени.

За время нашего перехода от острова Шумшу до острова Матуа северная группа японских войск на Шумшу и Парамушире капитулировала, командующий северной группой войск отправил телеграмму командиру острова Матуа о прекращении сопротивления и предлагал капитулировать. Командир японского 43-го усиленного полка полковник Уэда отказался выполнить приказ, мотивируя тем, что он подчиняется командованию южной группировки.

Ожидать пришлось около суток. Наше судно не выходило из пролива. Огонь ни с той, ни с другой стороны не открывался. После получения радиограммы командующего южной группой японских войск полковник Уэда отдал приказ не препятствовать высадке советских войск.

Японское командованием без сопротивления сложило оружие около пирса, снаряды, пушки, личное оружие офицеров, парашюты и прочее. Радиостанция с диапазоном коротких волн, находящаяся на сопке, держала связь с островом Хоккайдо, и японцы не собирались её демонтировать.

Прибытие основных сил 302-го полка на остров Матуа. Командир полка тов. Губанов направил группу офицеров, в их числе был и я, к полковнику Уэда с требованиями демонтировать радиостанцию. До штаба японских войск доехали на автомашине, в пути следования никаких неприятностей не было. Штаб располагался в горах, был оборудован дзот с площадью четырёхэтажного дома. Переводчик лейтенант Золотарёв изложил требования советского командования, заявил, что при их невыполнении будет открыт огонь. Уэда спросил: «Кто возглавляет советские войска?» Золотарёв ответил: «Полковник Губанов». Он постоял, посмотрел на нас, каждого в отдельности, потом на русском языке сказал: «Если это тот Губанов, который в 1923 г. был начальником заставы на реке Иман, то он свой приказ осуществит» и по-японски пояснил, что на другом берегу реки с японской стороны он был начальником заставы. После этого отдал приказ о демонтаже радиостанции.

Через полчаса радиостанция стояла в кузове нашего грузовика. Чувствовалось, что японские радисты имели квалификацию выше, чем наши...

КОКМ ОФ 38059/3. Рукопись. 1988 г.

Партийная характеристика на члена ВКП(б) с 1943 г.
Авдеева Алексея Васильевича, партбилет № 4663880

Тов. Авдеев, находясь в нашей организации с 1942 г., проявил себя с положительной стороны. Политически развит, работает над повышением своего марксистско-ленинского уровня. В партийной работе принимает активное участие, с 1943 г. по 1945 г. работал парторгом первичной парторганизации, с работой справляется хорошо. Дисциплинирован. В обращении вежлив и культурен. Добросовестно выполняет свой служебный долг, работая командиром взвода и роты. С массами связан, ведёт среди них воспитательную работу. Может нацелить и мобилизовать подчинённых на выполнение поставленной задачи. Партии Ленина — Сталина и социалистической родине предан. Морально устойчив, партвзысканий не имеет.

Начальник политотдела 302-го отдельного
стрелкового полка майор *Тутуник*.
29 декабря 1946 г.

НВФ 4343/1. Ксерокопия

Акшинский Василий Семёнович, капитан, парторг
279-го артиллерийского полка, автор книги
«Курильский десант» (1984, 1995)

...Все мы были тогда очень молоды, а я — чуть старше. Кроме того, был, наверное, чуть эмоциональней — увлекался поэзией и даже ещё позднее опубликовал небольшой сборник стихов «Края рассветные» (М., изд. «Советская Россия», 1966). В нём есть кое-что о Курилах, в том числе и стихотворение «Герой», посвящённое памяти младшего сержанта Петра Коновалова, наводчика из 2-й батареи. Командиром этого орудия был старший сержант Василий Захарович Голубев — баянист...

Этот орудийный расчёт высаживался с парохода «Коккинаки» на корабельной шлюпке, и я вместе с ними. Орудие было в разобранном виде плюс ящиков 10–12 снарядов. Добрались до берега благополучно, но вплотную к нему не подошли: загруженная шлюпка

села на грунт. Нам было по грудь. Но всё перенесли на землю — на кромку, не простреливаемую японским огнём. Потом вместе с моряками подавляли вражеские огневые точки, пока наше орудие не вышло из строя. Японский снаряд попал в панораму, и Коновалову снесло полголовы.

Коновалов был одним из лучших наводчиков полка, но скорострельность нашего орудия сдерживалась тем, что в передвижке его с места на место вручную (особенно отличились в этом моряки) в спешке был потерян маховичок горизонтальной наводки, приходилось «уточнять» наводку хоботом. Это и привело к печальным результатам последней артиллерийской дуэли Коновалова с противником. Был ранен ещё один боец из расчёта, фамилию его не помню. Голубева спасли оборонительные чехлы на связке ручных гранат, подвешенных к поясному ремню, меня — три автоматных диска, которые я снял вместе с оружием с убитого автоматчика. Из них мы натрясли более десяти осколков.

Голубев и я были награждены тогда орденами Красной Звезды, Пётр Коновалов представлен к посмертному награждению орденом Ленина, но судьба этого представления мне не известна; бойцы расчёта — Андреянов, Курганов, Орлов и Чудинов получили медали.

Но всё это — эпизод уже далёкого прошлого. Сейчас куда важнее восстановить события той поры в более широком масштабе, чем я сейчас и занимаюсь. Начало положено — книга «Курильский десант» вышла в свет, а что получится из дальнейших планов — покажет будущее. Постараюсь сделать всё возможное, если жизнь подарит для этого достаточный срок...

ККОМ ОФ 38059/15. Рукопись. 14 декабря 1984 г., г. Москва

Письмо генерал-майору П. И. Дьякову

Уважаемый Порфирий Иванович!

Я глубоко признателен вам за то, что вы внимательно прочитали, даже, как вы выразились, «изучили» мою документальную повесть «Курильский десант» и откровенно высказали о ней своё мнение, сделали ряд существенных замечаний по некоторым вопросам, освещённым в ней. Всё приемлемое из этого (замечания, советы, пожелания) постараюсь учесть при подготовке книги ко второму её изданию, если оно состоится.

Однако при всём этом в вашем письме есть и такие моменты, с которыми нельзя согласиться, так как они не соответствуют действительности. Кроме того, в нём в закамуфлированном виде проби-

вается ваша давняя неприязнь к бывшему командующему Курильской десантной операцией генералу А. Р. Гнечко. Напомню, что это особенно наглядно проявилось в ваших воспоминаниях «Десант на Курилы (эпизод Отечественной войны)», опубликованных в журнале «Днестр» за 1960 г. (№ 9, с. 96—120). На мой взгляд, это было недопустимое в военной практике очернение подчинённым вышестоящего начальника в открытой печати, к тому же и без достаточно веских оснований.

К счастью, Алексей Романович Гнечко не читал этих ваших воспоминаний, иначе он ушёл бы из жизни ранее того срока, когда это случилось. Мне он не раз говорил о вас сдержанно и тактично, но однажды, в минуту задушевного разговора и откровенности, сказал, что вы ему испортили много крови во время боевых действий на острове Шумшу и он был вынужден высказать вам всё, что накипело у него на душе. «Это был строгий разговор, — заметил он, — и я умолчу о его содержании. Но генерал Дьяков, наверное, запомнил его на всю жизнь».

Тогда же он сказал мне, что ему по сигналу из войск пришлось умерить ваши запасы трофейного имущества, которые вы пытались в личных целях вывезти с Курильских островов. Сейчас, когда его уже нет в живых, вы пытаетесь — на этот раз в самой мягкой форме — всё же бросить тень на изложенные им и записанные мною с его слов выводы и оценки всего того, что было тогда предпринято для освобождения Курильских островов.

«Алексей Романович Гнечко... — пишете вы, — допустил, по-видимому, от недостатка информации или по какой-либо другой причине, *искажение фактов*» (выделено мной).

Итак, вы усматриваете искажение фактов. Что же, давайте разберёмся. Вы пишете: «Батарея 130-миллиметровых морских пушек на мысе Лопатка по “договорённости” с Пономарёвым огонь по острову Шумшу с 15—18 августа не вела... Батарея первый залп дала в 4 часа 06 минут — 5 часов 00 минут 18 августа». Так ли это? Обратимся к ставшим сейчас уже историческим данным. В книге В. Н. Багрова «Южно-Сахалинская и Курильская операция (август 1945 г.)» (М., 1959) — первом обстоятельном исследовании на эту тему — сказано: «В 2 часа 35 минут и в 4 часа 06 минут 18 августа береговая батарея (командир батареи старший лейтенант Соколюк) произвела два огневых налёта по острову Шумшу. Первый огневой налёт продолжался 25 минут, второй — 14 минут. Стрельба батареи не могла помешать внезапности высадки, так как в течение трёх предшествующих суток батарея периодически

обстреливала укрепления острова и сейчас таким образом поддерживала установленный режим своих действий».

И это не выдумка автора, а точное изложение им событий той поры. Об этом свидетельствует сноска на авторитетный источник — архив Министерства обороны СССР, ф. 243, оп. 362/630, д. 11, л. 45.

В книге С. Е. Захарова и других [авторов] «Краснознамённый Тихоокеанский флот» об этом же сказано: «Поздней ночью, в тумане, корабли подошли к Первому Курильскому проливу. Лишь изредка ночная тишина нарушалась стрельбой артиллерийской батареи с мыса Лопатка. Уже *четвёртые сутки* эта батарея (командир старший лейтенант Соколюк) периодически обстреливала укрепления японцев на острове Шумшу, поэтому она не могла помешать внезапности высадки десанта» (см. с. 277, выделено мной).

На каком основании можно всё это подвергать сомнению, отрицать действительно происходившее?

Далее. Вы пишете: «В книге уделено большое внимание морякам. Впечатление такое, что полторы сотни моряков, действовавшие в десантной операции, разгромили две бригады японцев на острове Шумшу, а свыше восьми тысяч офицеров и солдат 101-й стрелковой дивизии внезапно появлялись то тут, то там». Как всё это получилось? — спрашиваете вы.

Но позвольте спросить и вас: откуда вы взяли, что моряков в передовом отряде было всего «полторы сотни»? В книге «Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме Японии в 1945 г.» (2-е издание, М., «Наука», 1969), по существу официальном издании Министерства обороны СССР, об этом сказано совсем иное. «Передовой отряд, — говорится там, — состоял из батальона морской пехоты, роты автоматчиков, сапёрной и миномётной рот, взвода химиков и взвода разведчиков» (с. 254). А в уже цитировавшемся издании «Краснознамённый Тихоокеанский флот» сделано по этому поводу такое уточнение: «Из 753 чел., составлявших батальон, 493 являлись коммунистами и комсомольцами» (с. 285).

Добавлю от себя: моряки отважно сражались с врагом, были примером мужества, не щадили ни сил, ни жизни в борьбе за родину, за освобождение исконно русских земель — островов Курильской гряды.

Кроме того, как попали бы на плацдарм передовой отряд, первый и второй эшелоны главных сил славной 101-й дивизии, если бы моряки боевых кораблей и десантных судов ценой больших героических усилий и многочисленных жертв личного состава не

обеспечили бы переход морем и высадку десанта в районе боевых действий. Вы подумали об этом?

Вот почему, безусловно, прав генерал А. Р. Гнечко, когда он предупреждал о «перекосе» в оценке вклада в нашу общую победу пехотинцев и моряков и отмечал, что «самое главное в Курильском десанте — боевая дружба, единство и сплочённость всех участвовавших в нём войск — пехотинцев, моряков, лётчиков, пограничников, осуществивших разгром врага общими силами, под единым руководством» («Курильский десант», с. 157).

Иное толкование по этому вопросу противоречит истине, и с ним нельзя согласиться.

В вашем письме есть и такое место: «Отражение контратаки пехоты и танков японцев... происходило 19 августа, а не 18-го, как это описали вы. Здесь просчёт во времени».

Можно подумать, что вас подводит память. Но, судя по всему, дело не только в этом. Вам, видимо, очень хочется, чтобы отсчёты времени, приводимые в «Курильском десанте», подтвердили тот боевой эпизод, который вы привели в своих воспоминаниях «Десант на Курилы». Цитирую: «В один миг дежурный взвод пэтээровцев развернулся к бою и в упор открыл по танкам огонь из противотанковых ружей. Выстрел, другой, третий... Головной танк, охваченный дымом, завертелся на месте, как волчок. Остальные, обгоняя подбитую технику, мчались прямо на командный пункт. Навстречу им по дну оврага бежало ещё одно отделение противотанковых ружей и несколько штабных офицеров с гранатами. Я схватил лежавшее возле командного пункта противотанковое ружьё и выстрелил. Столбик грязи взметнулся перед ближайшим танком, но сам он оставался невредим. Недолёт. Я выстрелил вторично. Танк клюнул, вздрогнул и замер.

— Готов, — крикнул мне в ухо солдат, второй номер расчёта. Первый номер был ранен, и мне пришлось его заменить в схватке с танками» («Днестр», 1960, № 9, с. 106—107).

Действия генерала П. И. Дьякова в этом изложении выглядят, безусловно, весьма эффектно. Однако всё это, мягко говоря, не соответствует действительности. 18 августа, в решающий день боевых действий, когда и были отбиты две контратаки японских танков, поддержанных пехотой противника, вас на берегу острова Шумшу, то есть на поле боя, не было.

В связи с этим приходится без особого желания напомнить, что же было с вами в то время. Об этом несколько лет тому назад сообщил мне бывший второй секретарь Камчатского обкома партии

Пётр Фёдорович Елисеев — представитель этого обкома ВКП(б) в войсках. «В ночь с 18 на 19 августа, — писал он, — я встретил П. И. Дьякова на корабле, в каюте, в постельном белье. Я выслушал его жалобы на боль в животе, информировал его о тяжёлом положении на фронте и просил его быть там. Утром я видел, как он со своими офицерами направился к высотам 165,0 и 171,0».

Учитывая всё это, вы сами понимаете, описанный вами «боевой эпизод» ни при каких обстоятельствах не может быть опубликован мной и в последующем издании «Курильского десанта», даже и в случае разрешения на это Приморского книжного издательства.

Много нелогичного, неточного и в ряде других ваших замечаний. Так, например, вы утверждаете, что на вооружении 279 ЛАП (у вас — 129 ЛАП) 152-миллиметровых орудий не было. С этим также нельзя согласиться. Я служил в этом полку и твёрдо знаю, что наша третья батарея была гаубичной и имела на вооружении 152-миллиметровые гаубицы. Командир этой батареи Александр Гаврилович Шеремеев жив, и вы может списаться с ним и получить от него точную справку по этому вопросу...

Ссылаясь на с. 128 «Курильского десанта», вы пишете: «Воронов не мог выехать на броневике, у нас их не было». Между тем, в ваших воспоминаниях, опубликованных в журнале «Днестр», есть такая фраза: «...эскортируемый бронетранспортёром, “Виллис” скользнул через овраг и скрылся за поворотом дороги, увозя генерала Гнечко». Вот и суди-ряди после этого о том, были ли броневики-транспортёры в войсках КОР.

Ещё вы пишете: «Командиром 7-го отдельного стрелкового батальона был не Желаннов, а майор Кранихфельд». Между тем, в наградной учётной карточке на первого сказано буквально следующее: Желаннов Василий Павлович, рожд. 1919 г. (г. Ленинград), русский, образование среднее, беспартийный, капитан, командир 7-го ОСБ, награждён орденом Отечественной войны 2-й степени... К этому времени майор Кранихфельд уже не был командиром 7-го ОСБ, находился в резерве командования и, с учётом этого, во время Курильской десантной операции был назначен комендантом острова Матуа (см. «Курильский десант», с. 135).

Подобных огрехов в вашем письме немало, и не хотелось бы дальше продолжать этот разбор. Хочу лишь повторить, что всё достоверное и полезное из ваших замечаний, советов и пожеланий, как уже сказано в начале этого ответа на ваше письмо, я обязательно использую при подготовке следующего издания моей до-

кументальной повести, если вопрос об этом будет решён положительно, на что, по совести говоря, надежды весьма и весьма ограничены...

27 января 1987 г., г. Москва

НВФ 4343/5. Фотокопия

От редактора: экземпляр этого письма В. С. Акшинский направил упоминавшемуся в нём П. Ф. Елисееву. Его сын позже переслал это письмо дочери Акшинского Наталье Васильевне, а фотокопию с него выполнил И. Д. Христенко. Копия письма самого И. Д. Христенко от 8 марта 1988 г., адресованного Н. Н. Питомцу, приведена на одном из фоторазворотов настоящего издания.

Басков Иван Иванович, лейтенант, командир огневого взвода батареи 373-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии

...О боевых заслугах полковника П. А. Артюшина вспомнить ничего не смог... В памяти моей осталось то, что он был один из уважаемых командиров нашей дивизии. Справедливый, в военном отношении грамотный, культурный, чего не хватало у других командиров и начальников...

В июле [1945 г.] полковник Алентьев, начальник политотдела дивизии, был в моём взводе, мы стояли в полной боевой готовности на боевых участках полка. Спрашивал о настроении солдат, а также спросил наводчика: «Воевать против японцев будешь?» Все ответили: «Будем!» Тогда мы поняли, что воевать будем, и просачивались слухи о скоплении на Дальнем Востоке большого количества войск.

С боевого участка по тревоге весь полк двинулся в порт на погрузку. Выдали каждому листовку, что мы должны освободить исконную русскую землю — Курильские острова. Состояние у солдат и у нас, офицеров, было такое, что мы едем на Курилы не воевать, а как завоеватели. В этом нашем сознании сыграли [роль] войска, действовавшие в Маньчжурии. У всех такое было благодушное настроение, а получилось наоборот. Поэтому мы много понесли потерь.

Наш полк грузили на десантные суда, а мы — на транспорт «Казань», то есть вся полковая артиллерия. Шли мы со вторым эшелоном. По приходе к острову Шумушу находились на транспорте двое или трое суток, высадиться было не на чем. Плавсредств для высадки не было, наблюдали за полем боя, а помочь не могли.

На третьи-четвёртые сутки высадился мой взвод первым, без лошадей, имея всего десять ящиков снарядов. При высадке пришлось раздвигать трупы, которые бил прибой. Моряки своих вытаскивали на берег, а к пехотинцам никто даже и близко не подходил. Пошёл отлив, и многих унесло в море. Находили [их тела] на мысе Васильева ещё в 1946 г., прибоем выбрасывало отдельные трупы солдат.

После высадки я получил приказ вывезти 70 тяжелораненых солдат и офицеров на вельботах и погрузить на госпиталь[ное судно], так как им никто никакой помощи не оказывал. За эти дни многие потеряли много крови и на госпитале скончались, [в том числе] и мой лучший друг Ваня Парамонов, командир миномётной роты.

После этого получили приказ — катить вручную пушки вперёд. Прибыли на передний край, заняли оборону. В течение суток боя не было. Потом рядом с нами вели переговоры, с нашей стороны — генерал Гнечко, японские представители. На следующий день пошли в наступление, и оно успеха не имело, а тут вскоре японцы капитулировали.

Погрузились снова в Катаока и пошли на высадку в бухту Сурибачи. Там постояли, посмотрели, как японцы строем уходили, а мы на них смотрели, так как с нами не было ничего, на чём могли бы высадиться, то есть были по-настоящему смертниками, если бы японцы не капитулировали. Кто нас послал на высадку без десантных средств? Это было преступление. Простояли ночь, пошли высаживаться на мыс Васильева. Там нас высаживали на своих баржах японцы. Вот так и закончился наш поход...

ККОМ ОФ 38059/41. Авторизованная машинопись. Начало 1988 г.

...Наш полк высаживался после группы захвата. В книге «Война, народ, Победа (статьи, очерки, воспоминания)», М., 1984 г., Гнечко воспоминает, что единого управления высадившимися десантами, частями в этот момент не было, так как из-за повреждения корабля сюда своевременно не могли прибыть не только командир десанта Дьяков со своим штабом, но даже оперативная группа.

Преподаватель Высшей офицерской артиллерийской школы в беседе со мной сказал, что Курильская десантная морская операция описана как самая неудачная в период Великой Отечественной войны. [Сослуживец] по приезде из Ленинграда в полк после учёбы в академии подтвердил эту версию. Где и в каких источниках, подтвердить не могу.

...По тревоге прибыли ночью в порт, погрузились на транспорт и простояли целый день. О [предстоящей] высадке знал весь город [Петропавловск]. Вот вам и скрытность операции. О листовках я писал. На госпитальном транспорте находился дивизионный оркестр. Под его исполнение мелодии «Прощай, любимый город» вышли в море.

Задачу нам, артиллеристам 373-го стрелкового полка, находящимся на транспорте, никто не ставил. Какая батарея должна высаживаться первой, на каком десантном судне, его номер и т. д. и какой роте придаёмся. Этого никто не знал, в том числе и я, командир взвода 76-миллиметровых пушек.

Настроение было такое, что идём не воевать, а заменять японцев. А какие силы, какие укрепления, об этом никто не говорил. При подходе к мысу Лопатка услышали артиллерийские выстрелы и поняли, что идём не на замену японцев, а воевать. Хорошо были видны вспышки орудий. Рано утром вошли в пролив, стали на якорь. Начало рассветать. Увидели подбитые и затопленные десантные суда. В бинокль наблюдаем, как воюет наша пехота. В это время возмущению не было предела. Почему, почему мы не высаживаемся, почему до сих пор находимся на транспорте?!

Обращаемся к начальнику эшелона капитану Котову, начальнику артиллерии нашего полка. Связи с берегом, то есть штабом полка, нет. Что делать, он сам знает столько, сколько и мы все, находящиеся на транспорте. На рейде не видно ни одной десантной баржи. При налёте отдельных самолётов торпедные катера вокруг транспортов ставят завесы. Личный состав продолжает возмущаться: имея такое грозное оружие на борту, бездействуем. В полдень увидели: в пролив вошёл эсминец. Но никто не знал, чей он. В бинокль наблюдали пушки без чехлов, они наводились на наш транспорт. Привели в боеготовность пушку и пулемёты, находившиеся на транспорте.

Состояние всех находившихся на транспорте было тревожное. Но эсминец оказался нашим и, проходя мимо транспорта, убавил ход. С него в рупор спросили: «Кто начальник эшелона?» Ответили: «Капитан Котов». На эсминце находился Гнечко.

Что делать дальше? Команды никакой не получили. Эсминец включил двигатели на полный ход и ушёл. А мы остались на своём месте. О том, что идут к нам десантные баржи, нам было неизвестно. Утром на третьи сутки мимо проходила десантная баржа. Начальник эшелона в рупор дал команду, чтобы она подошла к транспорту. Баржа подошла. На ней находились гражданские —

отец с сыном. Их упросили, чтобы они взяли на борт наши орудия. За два рейса было высажено два орудия, и они ушли выполнять своё задание...

На берегу представителя от полка не было, куда катить орудия [не ясно]. После захвата острова Шумушу погрузились снова на транспорт и пошли на высадку в бухту Сурибачи. Сопровождал нас катер, вооружённый пулемётом, а десантных средств не было. Придя к бухте Сурибачи, бросили якорь. Высаживаться не на чем. Решили спустить шлюпку и погрузили на неё канат, чтобы добраться до берега, его закрепить и начать по канату на шлюпке высаживать пехоту. Отъехали от корабля метров сто пятьдесят или двести. Канат намок и стал переворачивать шлюпку. На шлюпке приняли решение выбросить канат, иначе могли потонуть. Высадка десанта таким путём не удалась. Мы оказались в таком же положении, что и в первые дни высадки. Ночью получили команду идти на высадку к мысу Васильева.

Война окончилась. Высаживали нас японцы на своих баржах...

ККОМ ОФ 38059/43. Авторизованная машинопись, 14 марта 1988 г.

...Задача по захвату Курильских островов была выполнена, но какой ценой! Потери были большие: 138-й стрелковый полк потерял около 70, 373-й стрелковый полк, второй эшелон, — до 30 %. От морского батальона остались «рожки да ножки», от пограничной роты — командир и три солдата. Насчёт пограничников — это точно. Когда катили пушки, они шли в направлении берега, мы с ними встретились и поняли, что здесь идёт настоящая бойня.

Артиллерийской поддержки не было, за исключением батареи, которая вела огонь с мыса Лопатка. Разведка сработала плохо. На затонувшем танкере «Мариуполь» у берегов Шумушу была установлена шестиорудийная батарея, которая фланговым огнём расстреливала наши десантные суда. Обнаружили её и уничтожили эсминец «Охотск» или «Дзержинский», не помню...

Раздвигали трупы, которые прибоем било о берег, и никто их не вытаскивал, за исключением двух моряков. Они только вытаскивали своих, остальных отливом угнало и выбрасывало отдельные трупы на мыс Васильева. Представителей на берегу от полков и штаба дивизии не было, как не было связи с транспортом, на котором находилась вся полковая артиллерия. Кто за связь отвечал — не знаю. Итоги боёв до нас никто не доводил.

Вахтенный увидел, как в пролив вошёл эсминец. Он шёл полным ходом, пушки его были направлены на наш транспорт, и мы

не знали, чей он. Моряки нашего транспорта привели в боеготовность 76-миллиметровую пушку. В бинокль хорошо было видно, как стволы эсминца поворачивались в нашу сторону. Настроение было неважное. Идя мимо нас, стволы всё время поворачивались. Вдруг слышим голос в рупор: «Кто начальник эшелона и почему не выгружаетесь?» На эсминце был хорошо виден Гнечко, и после этого эсминца мы не видели.

После окончания войны фронт ликвидировался и образовался Дальневосточный округ. В 1945 г. на остров Парамушир приезжал А. И. Микоян, который с нами вёл беседу...

ККОМ ОФ 38059/51. Рукопись, 14 июня 1988 г.

Из наградного листа *Ивана Ивановича Баскова*, лейтенанта, командира огневого взвода батареи 373-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии КОР 2-го ДВФ, 1920 г. р., русский, член ВКП(б) с 1943 г. В Красной Армии с сентября 1939 г. Ранее не награждался, представляется к ордену «Красная Звезда».

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Во время боя на острове Шимушу 18 августа 1945 г. проявил исключительно большую инициативу в разгрузке боеприпасов и материальной части с пароходов под обстрелом противника. Днём, ночью, в сильный туман, на шлюпках, по грудь в воде производил выгрузку, чем обеспечил своевременное занятие огневых позиций батареи. Достоин награждения правительственной наградой — орденом «Красная Звезда».

Командир 373-го стрелкового полка
подполковник *Губайдулин.*

Резолюция: «“Наградить”. Командир 101-й стрелковой дивизии генерал-майор *Дьяков*»

30 сентября 1945 г.

НВФ 4343/26. Ксерокопия

Волчков Василий Иванович, капитан, помощник начальника штаба артиллерии Камчатского оборонительного района

...Начальником штаба артиллерии был майор Есипенко, командующим артиллерией — полковник Ф. В. Комаров.

После получения приказа о высадке десанта на Курильские острова в штабе ПВМБ приступили к разработке плана артиллерийского и авиационного обеспечения операции. Для этого была

создана оперативная группа, в её состав вошли представители штабов ПВМБ, артиллерии КОР и авиационной дивизии.

Для составления плана артиллерийского обеспечения десанта были использованы аэрофотоснимки Курильских островов, в том числе и острова Шумшу. При дешифровке аэрофотоснимков выяснилось, что у японцев значительно больше артиллерийских средств на позициях, чем было положено в их войсках по их штатам.

После высадки десанта выяснилось, что японское командование создало целую сеть ложных артиллерийских батарей с макетами на позициях, скопления макетов танков, несколько аэродромов с ложными самолётами, которые были отмечены на аэрофотоснимках.

Этого до высадки нашего десанта нам не было известно, и приходилось при планировании артиллерийского огня всё это учитывать как действительные цели. План артиллерийского обеспечения представлял два варианта. Первый — когда высадка передового отряда будет внезапной. В этом случае огонь корабельной артиллерии использовать после захвата плацдарма передовым отрядом. Второй вариант — при неудачной высадке передового отряда провести артподготовку корабельной артиллерией и авиационную подготовку по предполагаемому плацдарму высадки. По мере высадки войск первого и второго эшелонов вводить в бой приданную им артиллерию.

Наши артиллерийские силы:

— корабельная артиллерия на сторожевых кораблях «Киров» и «Дзержинский», минном заградителе «Охотск» — 11 орудий калибра 76–130 миллиметров и плюс 945-я береговая батарея на мысе Лопатка — четыре орудия калибром 130 миллиметров;

— полковая артиллерия 138-го и 373-го стрелковых полков;

— 279-й артиллерийский полк, 428-й гаубичный артиллерийский полк;

— истребительно-артиллерийский дивизион;

— зенитно-артиллерийский дивизион.

Всего в составе десанта было 205 орудий и миномётов калибра 76–122 миллиметра.

Планом предусматривалось, что 945-я береговая батарея с мыса Лопатка периодически, в течение нескольких дней, будет вести обстрел укреплений в северной части острова Шумшу. Обстрел был сделан и перед началом высадки передового отряда.

Распределение артиллерийских средств по эшелонам:

— передовой отряд высаживается с миномётной ротой;

— первый эшелон — с дивизионом 279-го артиллерийского полка и истребительно-противотанковым дивизионом (без роты противотанковых ружей);

— второй эшелон — с 279-м артиллерийским полком (без одного дивизиона) и 428-м гаубичным артиллерийским полком.

Все цели, которые были обнаружены по аэрофотоснимкам, распределены между береговой, корабельной, полевой артиллерией десанта и авиацией.

Планировалось подавление артиллерийских батарей, дотов, скоплений живой силы противника. Для этого артиллерия должна была вести по объектам противника сосредоточенный огонь; для обеспечения наступления стрелковых подразделений — подвижный заградительный огонь; для отражения контратак противника — неподвижный заградительный огонь.

В связи с принятием решения о проведении внезапной высадки передового отряда, артподготовка перед его высадкой не проводилась. Был произведён огневой налёт с мыса Лопатка. После высадки передового отряда 18 августа и захвата им плацдарма на острове Шумшу его поддерживала корабельная артиллерия. Эффективной поддержки не получилось, так как огонь не корректировался. У корректировщиков при высадке вышли из строя радиостанции (их намочили). Только к вечеру 18 августа удалось восстановить одну из радиостанций, и корабельная артиллерия поддержала штурм нашими десантниками высот 165,0 и 171,0.

В течение дня 18 августа высаживались войска первого и второго эшелонов без артиллерии. В ночь с 18 на 19 августа началась высадка дивизионной артиллерии. К утру 19 августа удалось высадить только семь орудий. К исходу 19 августа высадились все артиллерийские части. Они заняли огневые позиции и были готовы поддержать наступление наших войск. Кроме того, на огневых позициях была использована и часть японских орудий с их боеприпасами, захваченными нашими войсками при наступлении.

На японских позициях не было тягачей. Японское командование решило, что орудия перемещать не придётся, так как их батареи не могут быть захвачены. Свою оборону они считали неприступной.

Наша авиация из-за густого тумана в первой половине 18 августа не могла действовать. Высадке нашей артиллерии препятствовали японские батареи, расположенные на мысах Кокутан и Котомари. Они простреливали плацдарм высадки. С моря они были неуязвимы, корабельная артиллерия подавить их не могла.

Только после уничтожения этих батарей можно было высаживать артиллерию. Кроме того, для высадки артиллерии мы не имели специальных средств. Артиллерия тоже была погружена на неприспособленные для её перевозки суда. В нашем распоряжении была одна самоходная баржа, на которой можно было с рейда высаживать артиллерийские орудия на необорудованный берег. Артиллерия была на механической тяге.

После высадки 19 августа артиллерия заняла огневые позиции. Была налажена связь со штабами, отработано взаимодействие с подразделениями первого и второго эшелонов. Артиллерия была готова поддержать наступление наших войск в общем направлении на Катаоку.

19 августа начались переговоры о капитуляции японских войск. Боевые действия прекратились.

ККОМ ОФ 38059/63. Рукопись. 7 октября 1987 г.

...Никакими документами я не располагаю и пишу о том, что осталось в памяти.

Летом 1945 г. американская авиация неоднократно наносила бомбовые удары по северной части Курильских островов, в том числе по островам Шумшу и Парамушир самолётами В-25 с баз Аляски.

Во время налётов на Курильские острова от зенитной артиллерии японских войск самолёты получали повреждения, которые давали возможность долететь до своих баз. Пилоты повреждённых самолётов, подчас получившие ранения, вынуждены были делать посадку на территории Камчатки. На повреждённых самолётах были обнаружены фотокамеры с плёнками. Вот таким образом попали к нам фотоснимки Курильских островов. Американские лётчики, которые приземлялись на Камчатке, содержались в лагере. После окончания войны с Японией были отправлены в США.

В первый день боёв 18 августа полевая артиллерия не была высажена на остров Шумшу, ни с первым эшелоном, ни со вторым. Высадка полевой артиллерии началась в ночь с 18 на 19 августа. К утру 19 августа удалось высадить семь орудий, и то без средств тяги. 18 августа пехота вела бой без поддержки полевой артиллерии. Поддерживала наступающие войска корабельная артиллерия. После установления радиосвязи огонь корабельной артиллерии корректировался.

Перед высадкой десанта планировалось провести артподготовку по переднему краю на участке высадки десанта и по ближайшим

батареям корабельной артиллерией и береговой батареей на дальности, позволяющей вести огонь. В связи с принятием решения о проведении внезапной высадки десанта артподготовка не проводилась.

Полевая артиллерия войск должна была высаживаться с первым и вторым эшелонами для обеспечения наступательных действий пехоты, отражая своим огнём контратаки пехоты и танков противника, уничтожая огневые точки, доты и артиллерийские батареи. Из-за отсутствия высадочных средств при огне японских батарей с мысов Кокутан и Котомари артиллерия не могла быть высажена. Для её высадки имелась всего одна самоходная баржа, которой управлял В. И. Сигов. Только к исходу 19 августа была высажена полевая артиллерия на остров Шумшу.

В отношении того, какая тяга была у артиллерии, точно ответить не могу. В 428-м гаубичном артполку орудия имели в качестве тяги тракторы ЧТЗ-60. Про 279-й артполк утверждать не могу, какая была тяга...

Оборонительные сооружения на острове Шумшу были построены хорошо. Весь остров разделён на несколько оборонительных районов. Каждый район мог самостоятельно вести бой, в нём сосредоточено всё необходимое. Были построены мощные железобетонные доты, целая система ходов сообщения в полный профиль, склады с боеприпасами, продовольствием и обмундированием. Всё это тщательно замаскировано, жилые помещения врыты в землю. На огневых позициях сосредоточено большое количество боеприпасов. В неприступность своей обороны японское командование верило.

У орудий всех калибров, расположенных в дотах, дзотах и на открытых позициях, не было тягачей. Японцы считали, что их никогда не придётся перемещать.

Трудно предположить, как нам удалось бы преодолеть эти оборонительные рубежи, высаживаясь с моря, если бы не было тумана и внезапности высадки. Пришлось бы понести большие потери, ведь японское командование на Курильских островах имело и авиацию.

Оперативная группа по вопросам артиллерийского обеспечения наступающих войск и ведущих бои в первый день высадки на острове Шумшу практически ничего не могла сделать, так как полевая артиллерия не была высажена. Были задействованы только корабельные орудия. После высадки артиллерии к исходу 19 августа представители штаба артиллерии были направлены в 428-й гаубичный артполк и 279-й артполк для доведения задач по обеспечению принятого решения — наступать на Катаоку.

ККОМ ОФ 38059/62. Рукопись. 4 декабря 1987 г.

...Первый Курильский пролив имеет ширину 12 км, туманы над ним не редкость.

Об установленных японцами на танкере «Мариуполь» орудиях нам было неизвестно. Они обнаружили себя только тогда, когда наши войска начали высадку десанта. После их обнаружения они были уничтожены корабельной артиллерией.

Возможность скрытной установки орудий на танкере японцы имели. Демонстративно, в хорошую погоду, конечно, они их не устанавливали, но могли использовать туманы, ночное время, когда нет видимости.

Нашей наземной разведке с мыса Лопатка не удалось обнаружить батареи на танкере. Маскировать свои действия японское командование умело хорошо...

ККОМ ОФ 38059/60. Рукопись. 14 февраля 1988 г.

...В штабе КОР сведений о том, что среди японских войск на Курильских островах были подразделения русских белогвардейцев, не было. Не слышал я по этому поводу и разговоров.

Среди пленных солдат и офицеров японских войск русских не встречалось. По этому поводу ничего утвердительного я не могу сказать.

Были разговоры, что для создания оборонительных укреплений на Курильских островах японцы использовали китайских военнопленных. Но это только разговоры, подтверждения этому я не встречал.

ККОМ ОФ 38059/61. Рукопись. 14 мая 1988 г.

Из наградного листа *Василия Ивановича Волчкова*, капитана, помощника начальника штаба артиллерии КОР 2-го ДВФ, 1919 г. р., русского, члена ВКП(б) с 1942 г., в Красной Армии с 1938 г. Ранее не награждался, представляется к награждению орденом Красной Звезды.

Аттестация:

Партии Ленина — Сталина и социалистической родине предан. Морально устойчив, общее военное и политическое развитие хорошее. Дисциплинирован, требователен к себе и подчинённым. Как артиллерист, своё дело знает хорошо и на практике применяет правильно. Как штабной работник, в период высадки десанта на берег своим непосредственным участием энергично помогал и организовывал высадку артиллерии с кораблей на берег, чем обеспе-

чивал огневую готовность артиллерии в борьбе против японцев. Достоин награждения орденом Красной Звезды.

Заместитель командующего КОР, командующий артиллерией КОР полковник *Колпачев.*

Достоин правительственной награды — ордена «Красная Звезда».

Командующий войсками КОР генерал-майор *Гнечко.*

2 сентября 1945 г.

НВФ 4343/38. Ксерокопия

Гаркуша Иосиф Иосифович, капитан 3-го ранга, командир 5-го дивизиона подводных лодок

...Участвовал в [Курильской десантной] операции на ПЛ Л-8 в качестве командира 5-го дивизиона подводных лодок 1-й бригады подводных лодок Тихоокеанского флота с задачей ведения оперативной разведки мест высадки десанта в Первом Курильском проливе и продолжения ведения разведки и оперативного прикрытия высадки десанта на остров Шумшу от надводных сил японского военно-морского флота, а также и во время боя десанта на берегу.

ККОМ ОФ 38059/187. Рукопись, без даты, г. Ленинград

...В августе 1945 г. был капитаном 3-го ранга, командовал 5-м дивизионом подводных лодок 1-й бригады подводных лодок. В ходе приёма четырёх ПЛ — Л-8, Л-9, Л-10 и Л-13 от 3-го отдельного дивизиона ПВМБ с началом войны с Японией, 16 августа 1945 г., по приказанию командующего КОР А. Р. Гнечко и командира ПВМБ капитана 1-го ранга Д. Г. Пономарёва вышел на ПЛ Л-8 из Петропавловска на боевую позицию у входа (и выхода) во Второй Курильский пролив со стороны Охотского моря.

Для прохода в Охотское море произвёл разведку восточного побережья острова Шумшу и северо-восточной части его (мест предстоящей высадки десанта), а также всего Первого Курильского пролива. Прорыв пролива выполнил в подводном положении с 08.00 до 23.00 17 августа 1945 г.

Около 13.00 17 августа на подходе к первому проливу Л-8 была атакована до сих пор неизвестной нам подводной лодкой (японской или американской). Командир лодки противника промахнулся, две торпеды прошли у нас впереди по носу. Одна торпеда ударилась в берег мыса Лопатка и взорвалась, а вторая — вышла

на отмель у мыса Лопатка и была обнаружена личным составом 945-й отдельной артиллерийской батареи.

Японцы ставили мины в Первом проливе, но течением и штормами их вынесло из пролива, поэтому Л-8 осталась в живых, её не постигла судьба подводной лодки Л-19. Л-8 обеспечила скрытность высадки Курильского десанта своими разведданными. Высадка на остров Шумшу в 05.00 18 августа 1945 г.: 10 тыс. наших и 23 тыс. японцев. Что могло бы получиться, не обеспечив скрытность?

ККОМ ОФ 38059/184. Рукопись, 1987 г., г. Ленинград

Гайдуков Иван Семёнович, боец 302-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии

Я родился в 1914 г. в Центральной Нечернозёмной области. Когда исполнилось пятнадцать лет, поступил работать в колхоз «Прилепинский» пастухом. Потом работал в Шахтинске помощником коногона, трактористом в Тульской области. Оттуда в 1936 г. меня призвали на флот. Привезли на Дальний Восток, в город Владивосток. Попал в полуэкипаж и стал осваивать морскую службу. Вскоре перевели в Петропавловск-Камчатский.

У меня к тому времени было девять классов вечерней школы. Ещё отец мне говорил: «Поедем, сын, на Камчатку. Рыбы там полно, поедем рыбачить». Это была его мечта, так что я рад был, что попал на службу в эти края.

В 1938 г. демобилизовался. На флоте тогда служили два года. Завербовался в Усть-Камчатский рыбокомбинат старшим мотористом, до начала войны ловил рыбу. 7 июля 1941 г. меня снова призвали в армию, в 302-й стрелковый полк. В его составе я и воевал за освобождение Курильских островов. Мы день и ночь строили оборонительные сооружения, опасаясь нападения Японии на Камчатку. Японская армия сидела на Курильских островах, в любой момент могла высадить десант в наш тыл. Поэтому мы усиленно строили укрепрайон, возводили доты вдоль берегов полуострова. К нам из Америки приходили транспорты с боеприпасами, продовольствием, и японская армия могла этот единственный путь отрезать.

Пять лет строили укрепрайон. Учились воевать. Казарм не было, жили в землянках. Осваивали высадку на берег, подход на шлюпках.

Уже в 1945 г. проводили военные игры, учились высаживаться с моря, но для чего это, нам не говорили. Потом эта наука здорово

пригодилась при высадке и штурме острова Шумшу. А пока рыли окопы, землянки, ждали японский десант. Приготовления шли вплоть до 16 августа 1945 г.

16 августа нас посадили на машины и вывезли в порт. Машин было больше трёх сотен. О том, что идём в десант, никто не знал, нам не говорили. Только когда мы уже вышли к мысу Поворотному, объявили, что идём на Курилы. Флагманом шёл сторожевой корабль «Дзержинский», а всего я насчитал 36 судов. Это были американские десантные баржи. За полмесяца до этого они пришли из Америки, мы видели, как они заходили в порт.

К войне с Японией мы, конечно, готовились. Ведь японские милитаристы угрожали нашему государству, и мы знали, что рано или поздно будем с ними воевать.

С наступлением темноты десант двинулся в путь. На его протяжении на каждом судне проходили митинги. Я тоже выступал от своей роты. Поклялись, что будем стоять насмерть, вернём родине её законные земли.

Когда подходили к месту высадки, не было видно огней, не слышно выстрелов. Стояла абсолютная тишина. А потом, почти у берега, наши ошибочно открыли огонь. Мы обнаружили себя, и почти сразу японцы начали бить по судам. Били по корпусу, попадали в трюмы. Суда начали гореть. А на каждом судне — до четырёхсот солдат. До берега не дошли метров сто, тут раздаётся команда: «Вперёд!» Прыгаем за борт, и — вплавь к берегу.

Появились первые убитые и раненые. Судов семь остались разбитыми и затонули. Я был заместителем парторга роты, и когда наш парторг не выплыл, я остался за него. Воды наглотался достаточно. С собой у меня был автомат, три диска, две противотанковые гранаты, в сумке от противогаза — пятьсот патронов. Когда плыл, всё это здорово тянуло на дно. Кругом фонтаны брызг от пуль. От залпа рядом взметнуло фонтан метров на пятнадцать. Меня ранило в руку. Ещё перед выброской я сбросил американские ботинки, потому что в каждом было по три килограмма весу, остался в одних обмотках. Потом, в воде, они запутались, чуть из-за них не утонул. Плыть приходилось по-всякому: и ногами вперёд, и головой. Очень многие, кто не умел плавать, погибли.

На берегу я и не почувствовал, что стою без обуви. Где-то рядом крупнокалиберный пулемёт вёл по нам прицельный огонь, но не из дота, а из миномётной ячейки. Я, как пулемётчик, сориентировался, определил, где зона недосягаемости для него, и незаметно подкрался с тыла. Бросив гранату, уничтожил эту огневую точку. Когда

же пошёл захватить пулемёт, оттуда выскочил японский офицер. Я схватил винтовку, валявшуюся рядом с убитым, потому что своим автоматом воспользоваться не успел бы, и уложил его. С благодарностью уже потом вспомнил, как нас учили отбиваться винтовкой, сапёрной лопаткой, ходить врукопашную.

И снова вперёд. Когда мы выбили первую траншею (а там у них были казармы и склады), я вдруг обнаружил, что воюю босой. Нашёл ботинки и обулся.

Прошли почти сутки боя. На второй день пошёл проливной дождь, лил несколько дней. Полные окопы воды, и мы в воде по самые ключицы. Спасались, как могли: надели трофейные японские шинели и даже шапки. О еде вспомнили только на третий день. Нашли банки с тушёнкой, галеты, фруктовые консервы. Своё побросали, когда высаживались на берег, а сухари, что остались, размокли от морской воды и были вперемешку с песком. Кухни у нас, конечно, не было, но мы нашли муку и приспособились печь лепёшки на листе железа, потому, что японские галеты оказались рисовые, а не хлебные.

Майор П. И. Шутов вёл бой за высоты 165,0 и 171,0. Он постоянно держал связь с ротами через посыльных, отдавал приказания. На второй день он был снова ранен, а после третьего ранения его отвезли в море, на плавучий госпиталь, оборудованный на пароходе «Менжинский».

Траншеями был покрыт весь остров, и штурмовали их до самых высот. Бои шли везде. Очень много полегло на высоте. Я помню одного матроса из моей роты. Он не дополз до дота каких-то двадцать — тридцать метров, развернулся, чтобы бросить гранату, и тут его срезало пулемётной очередью. Граната так и осталась зажатой в руке.

19 августа мы услышали сообщение по радио о капитуляции японских войск. А у нас переговоры никак не шли. То и дело начиналась стрельба с японской стороны. Нам же дали команду — не стрелять. С большим трудом переговоры всё-таки состоялись. Наконец, после них, 23 августа началось разоружение. Помню, взяли в плен одного генерала.

Потом с Шумшу пошли на Парамушир. Здесь боёв не было, только отдельные стычки. Ещё при штурме Шумшу я был ранен, но мог стрелять и с поля боя не ушёл. Так в составе своего полка дошёл до самых Южных Курил, до Итурупа. Небольшие бои были везде. Там и закончил войну.

БН. Государственный исторический архив Сахалинской области (ГИАСО), ф. П-4677, оп. 1, д. 26, л. 19—21. Машинопись, 25 июля 1986 г., г. Северо-Курильск

Гепалов Аким Захарович, боец 138-го стрелкового полка
101-й стрелковой дивизии

...Любил я спорт, и он меня выручил в трудную минуту. Дело было так. В 1945 г., в августе, мы высаживались с десантного катера на остров Шумшу. Наш катер не смог подойти к берегу. Японцы нас заметили и из дота подбили наш катер, остановившийся в море, не дойдя до берега метров двести. Японцы из дотов справа и слева начали нас расстреливать.

Нам дали команду прыгать за борт в море, беря с собой всё оружие и боеприпасы. Я скинул с себя шинель, взял винтовку, ремни с патронами, спешно сбросил ботинки, надел каску и бросился за борт. Хорошо окунулся в океанскую воду и поплыл в сторону острова, с большим трудом выбрался на берег. Невольно вспомнил, как я любил заниматься плаванием. А те, кто увиливал от этого, не доплыли до берега и остались в море навсегда.

На берегу нас, десантников, собралось четырнадцать человек. Тогда П. И. Ильичёв повёл нас на подавление правого дота, добивавшего наш катер и не дававшего подойти к берегу пароходу, где была артиллерия и все боеприпасы. Ильичёв пояснил, что мы, во что бы то ни стало, должны этот дот заставить замолчать. Но как его подавить? Нечем, ведь у нас не было ни одной гранаты, а с автоматом и винтовкой трудно с дотом воевать.

Тогда Ильичёв поднялся во весь рост и с возгласом: «За нашу партию, за нашу родину!» прыгнул в траншею, откуда японцы стреляли по нашему катеру. Выстрелы вмиг затихли. Я услышал только длинную пулемётную очередь, и всё затихло. Потом поднялся и бросился за Ильичёвым.

Увидел своего командира, стоявшего на коленях с автоматом в руках и как бы заглядывавшего внутрь дота. Левой рукой я взялся за плечо Ильичёва, но он был мёртв, из его спины лилась горячая кровь. Японцев в доте уже не было. Я быстро выскочил из дота и сообщил своим товарищам о том, что наш командир мёртв.

Так как я остался среди товарищей единственным членом партии, то возглавил команду. Левый дот, устроенный на одном судне у берега, ещё работал, и мы, все как один, набросились на него. С большой злобой поубивали японцев прикладами винтовок. Было уже под вечер, когда наши пароходы смело подошли к берегу на выгрузку, а мы сделали маленький перекур. Мой боец Корнилов спрашивает: «Товарищ командир, почему вы босой?» Вот тогда

я и заметил, что без ботинок. А под высотами 165,0 и 171,0 шли сильные бои, и мы поспешили на помощь.

ККОМ 38059/82. Рукопись, 10 февраля 1985 г., г. Шостка, УССР

...В период Отечественной войны я служил в 138-м стрелковом полку 101-й стрелковой дивизии. Службу нёс исправно. У меня была большая тяга к спорту. Зимой ходил на лыжах, летом занимался водным поло. Спорт уважал, неоднократно был победителем, особенно по плаванию, и эти мои занятия в спортивных секциях пригодились при высадке десанта на остров Шумшу. А это было так.

17 августа 1945 г. наше боевое подразделение погрузили на десантный катер. Рано утром он подходил к берегу острова Шумшу. Но подойти к берегу не смогли — японский снаряд попал в моторное отделение и двигатель заглох. Катер остановился недалеко от берега, примерно метрах в двухстах. Японцы поражали наш катер как с правого дота, так и с левого, много бойцов и командиров получили ранения, многие были поражены насмерть. Слышу: командир даёт приказ немедленно прыгать за борт, захватив личное оружие. Я сбросил с себя шинель, подпоясал ремень, где были мои боевые патроны, надел каску и перебросил винтовку за плечи, почему-то сбросил ботинки и прыгнул за борт. Хорошо окунулся в морскую воду, принявшую меня неласково. Поплыл к берегу изо всех сил. Выйти на берег сразу не смог — морские волны сильно оттаскивали обратно в воду. Благодаря тому, что упирался в дно винтовкой, выбрался на берег, когда уже стало светло. В этот момент вспомнил товарищей, которые не хотели заниматься спортом: многие из них так и не доплыли до берега...

На берегу нас собралось четырнадцать человек, и тогда наш командир даёт команду: «За мной, надо разгромить правый дот!» Окружили дот, а из него японцы ведут огонь по нашему катеру. У нас гранат не было, а из винтовки и автомата мы не можем поразить японцев, сидящих в доте под землёй. Мы думали завалить отверстие дота камнями, но и их вблизи не было.

Тогда наш командир, находившийся рядом со мной, быстро вскочил во весь рост, во всеуслышание произнёс: «За родину!» и прыгнул в траншею. Сразу я услышал длинную пулемётную очередь, и всё затихло. Не медля, прыгаю в траншею, вижу своего командира убитого насмерть. Тогда я вернулся к своим товарищам, взял на себя команду, так как я среди тринадцати человек был единственным членом партии.

Второй дот (левый) мы быстро разгромили и дали возможность свободно подойти к берегу нашим кораблям для выгрузки.

После демобилизации я через бывшего корреспондента вашей газеты Ф. Сергеева спустя двадцать лет узнал, что моим командиром был П. И. Ильичёв, которому посмертно присвоили звание Героя Советского Союза...

КОКМ ОФ 38059/73. Рукопись. 13 февраля 1987 г., г. Шостка, УССР

Гоенко Леонид Павлович, старший лейтенант, командир миномётного взвода 373-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии

Я... 1920 г. р., за участие в десантной операции и боях по овладению островом отмечен медалью «За боевые заслуги». Прошло много времени с той поры, но я и по сей день испытываю неудовлетворённость и горечь от наших потерь при высадке. Почему так плохо были разведаны пути подходов к острову, почему в начальный период высадки не было той оперативной, опытной личности среди нас — необстрелянных...

ККОМ ОФ 38059/116. Рукопись, 7 июня 1987 г., г. Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР

...Наш 373-й стрелковый полк 16 августа 1945 г. по тревоге был снят с оборонительных позиций и форсированным маршем переброшен в порт Петропавловска-Камчатского. Зимнее расположение полка — озеро Синичкино. Там же в землянках жили наши семьи, в том числе моя молодая жена Екатерина Фроловна с дочерью, рождённой в ноябре 1944 г.

В порту мы были спешно экипированы всем необходимым, посажены на десантные суда (побатальонно с приданными миномётчиками, противотанковыми ружьями, со штатным вооружением, без артиллерии) и в ночь вышли в открытое море.

Под утро, на подходе к острову Шумшу, нам был объявлен приказ о том, что мы идём вслед за группой захвата (моряками и пограничниками) для овладения исконно русскими островами Курильской гряды.

Что мне больше всего врезалось в память, так это наша неудачная высадка в бухточке (названия до сих пор не знаю), куда мы подошли ранним утром в сплошной пелене тумана.

По замыслу, баржи, а их было пять, на большой скорости подходят скрытно к берегу, открывают аппарель, и мы с полной выкладкой

выходим на берег прибрежной полосы, уже отвоёванной нашей группой захвата. Но всё произошло так нелепо и скоротечно, что многие не успели опомниться. Пять барж, развернувшись по фронту, при подходе к берегу за пятнадцать — двадцать, при глубине до трёх метров попали на подводные камни. При восходе их обнаружила японская батарея, слева замаскированная на ранее торпедированном и подтянутом к берегу в 1937 г. пароходе «Урицкий» (танкере «Мариуполь», севшим на мель. — *С. Г.*), справа — крупнокалиберные пулемёты с прибрежной скалы, и обстреляли.

В момент, когда наша баржа загорелась от прямого попадания снаряда в рубку, была отдана команда: покинуть судно и вплавь выбираться на берег. Вот тут нужно понять наше состояние: первое соприкосновение с противником, первые жертвы на барже и среди солдат, прыгавших за борт с полной выкладкой за спиной!

Уже спустя мгновение раненые моряки и мы сумели перекинуть на берег канат, что дало возможность последующим, взявшись за него, прыгать в воду и выбираться на берег. Выбравшись на берег, узнали, что подбитые и горевшие баржи ушли на мыс Лопатка, увозя с собой раненых и убитых, в том числе и нашего командира — старшего лейтенанта Варыгина.

Скрывшая нас на берегу полоса тумана позволила собрать личный состав и материальную часть и по звуку шедшего впереди боя определить направление движения. Собрав два 82-миллиметровых миномёта и подчинённых бойцов, я оказался в роте старшего лейтенанта Карпенко, с которой, преодолев заградительный огонь, подошли к господствующей сопке, у подножья которой действовала группа захвата. Закрепившись у подножья, до утра отражали атаки противника.

Утром японцы предприняли яростную попытку сбросить нас, пустив с высоты лёгкие танки. Они были подбиты противотанковыми ружьями буквально на глазах. Один, исправный, моряки захватили. Потом на нём, невредимом, демонстрировали своё бесстрашие вдоль нашего расположения. (Кстати, в захваченном танке водителем была женщина, которую вытащили живой.)

Во второй половине дня, с высадкой артиллерии полка, командования и управления связи, в результате налаженного взаимодействия с кораблями и авиацией, господствующая сопка была взята. Поднявшись на вершину, мы увидели её укреплённые катакомбы, дзоты и доты с брошенными в них прикованными цепями смертниками-самураями. Несмотря на отход основных сил, отдельные снайперы оставались в тайниках. Об одном печальном случае

вспоминаю и сейчас. Так, будучи уже на вершине, мы — три неосторожных лейтенанта, вылезших на бруствер укрытия погреться на солнце — Борис Подоба, Степан Абадинский, посредине я, только пристроились, как были обнаружены снайпером. Прозвучал выстрел, и Степан был убит наповал попаданием в голову. Нелепая смерть! И это коварство японцев в тот момент, когда был получен приказ императора о капитуляции гарнизона...

Прибывший маршем в порт полк накормили, тут же посадили на суда и отправили на остров Парамушир, а мой взвод с ротой Карпенко прямым ходом послали на остров Онекотан. Тут нас япошки ждали как к себе в гости, переодевшись во всё новое из своих неприкосновенных запасов, навьючив за спину целые вьюки награбленного. Приняли у нас швартовые концы, и только мы сошли на берег, сами произвели посадку. Их не трогали — был приказ...

ККОМ ОФ 38059/114. Рукопись. Без даты

...Заботливый однополчанин В. В. Зобнин выслал книгу Акшинского «Курильский десант» и схему высадки. Прочитав её и посмотрев внимательно схему, я понял, что в первом письме, делясь своими скромными воспоминаниями... допустил ряд неточностей, которые намерен исправить...

1. Торпедированный японцами наш танкер, который стоял у места нашей высадки с самоходных барж на рассвете 18 августа, я назвал «Урицким», тогда как он в книге именуется «Мариуполем». На том танкере, как стало известно из книги, была размещена японская батарея. Она при высадке группы захвата не была уничтожена, и она-то нас и накрыла, как находившихся ближе всех в образовавшемся просвете утреннего тумана. (Хотя подход был осуществлён скрытно и, возможно, не напоровшись у берега на подводные скалы, баржи вплотную подошли бы к берегу и мы не понесли бы такие потери.)

2. Вторая ошибка. Я писал, что основная тяжесть по овладению господствующими вершинами, именуемыми в книге отметками 171,0 и 165,0, легла, конечно, на группу захвата моряков, пограничников и батальона 138-го стрелкового полка. Так оно и было, и им в книге отдан приоритет за их подвиги и мужество. Справедливо. Мы же, высадившись вслед за первым эшелоном десанта, имея стрелковое вооружение, пулемёты, противотанковые ружья и миномёты, без связи и надлежащего руководства, ведомые группой захвата, после, как собрались при высадке, собрали остатки непотопленного

вооружения и приняли непосредственное участие в овладении названными высотами. Особых подвигов не совершили, но долг свой солдатский выполнили и на место в книге не претендуем...

После взятия укреплённых высот японцы стали остатки своих войск отводить — перебрасывать на автомашинах по дороге в сторону порта Катаока. Это хорошо было видно с вершины, но наша вера в конец операции и беспечность стоили нескольких жизней солдат и офицеров, убитых оставленными для прикрытия смертниками, прикованными в дотах и дзотах.

После завершения полной высадки нашего полка с артиллерией и управлением, взятием укреплённых высот 171,0 и 165,0, наш полк форсированным маршем, вслед отходившим японским частям, прибыл в порт Катаока. Здесь после кратковременного отдыха и горячего обеда был вновь посажен на суда и отбыл на остров Парамушир для завершения операции по овладению Курильскими островами. Наш батальон с приданными взводами того же полка, не заходя на мыс Васильева (назван так впоследствии), прямым ходом прибыл на остров Онекотан. В порт Касивабара, как я ошибочно упомянул в первом письме, мы не заходили.

На высылаемой схеме я пометил место высадки нашей группы захвата и место стоянки нашего торпедированного танкера «Мариуполь», где к моменту высадки располагалась японская батарея.

Путь движения 373-го стрелкового полка в порт Катаока в составе 101-й стрелковой дивизии по единственной дороге на схеме показан...

О том, что в книге «Курильский десант» В. Акшинского мало уделено внимания начальному периоду высадки десанта, отсутствию связи, боеприпасов и управления, думаю, что это вам уже известно.

Нас при высадке, когда были обстреляны и повреждены десантные баржи, имелись потери в личном составе и материальной части, спасли опустившийся сплошной предутренний туман и та кромка берега, которую захватили моряки, пограничники и батальон 138-го полка. Здесь мы сумели собрать остатки вооружения, личный состав и двинуться в направлении ведущегося боя, соединиться с группой захвата. Моряки и пограничники нас вдохновили и даже поделились оружием и боеприпасами, особенно винтовками «Арисака», взятыми к тому моменту у сопротивлявшегося противника. За это морякам и пограничникам низкий поклон и уважение от оставшихся в живых.

ККОМ ОФ 38059/106. Рукопись. 6 июля 1987 г.

...Сравнительно недавно я вам отправил письмо, в котором внёс некоторые изменения в свои воспоминания после прочтения книги В. Акшинского. В настоящем письме постараюсь ответить на поставленные вопросы (письмо от 25 июня 1987 г.).

1. Перед посадкой на баржи (а они были специально предназначены для высадки десантов) в порту Петропавловска-Камчатского мы были доукомплектованы боеприпасами к штатному оружию, противогазами и сухим пайком. Батальон с приданными взводами (пулемётчики, миномётчики и противотанковые ружья) был погружен без артиллерии. Как вы уже знаете, основные силы полка с артиллерией высаживались после нас спустя более суток.

Были ли на барже аварийно-высадочные средства? Очевидно, да. Но воспользоваться ими, когда баржи были обстреляны и подожжены, мы не смогли по причине гибели многих моряков баржи и личного состава батальона... В спешке стали прыгать в воду, навьюченные оружием, и тонуть. Раненые моряки и тут проявили находчивость и смелость, перебросив на берег трос, помогли нам оставить горевшую баржу.

Что мы собрали на берегу из миномётов и мин? Откровенно — мало, с большим некомплектом...

Случай захвата моряками исправного танка, из тех, кои были пущены японцами с вершины сопки, хорошо помню, а вот фамилии тех смельчаков-моряков не помню. Помню также, что из одного из подбитых противотанковыми ружьями танков была извлечена девушка — член экипажа (А. Н. Найдёнов помнит этот случай). А вот была ли она русская, сказать не могу, так как к нашему приходу в то место её в живых не было. (Ожесточившись, моряки, за гибель своих товарищей, жестокость японцев, её — говорили так — разорвали пополам, взявшись за ноги.)

...Полк занял мыс Васильева, а наш батальон — с ходу остров Онекотан. Очевидно, в полку был какой-то разбор недостатков нашей высадки, хотя вероятность этого мала. Я до весны 1946 г. просидел на острове Онекотане, и только по настойчивому требованию был возвращён в полк на мыс Васильева...

КОКМ ОФ 38059/107. Рукопись. 24 июля 1987 г.

Из наградного листа *Леонида Павловича Гоенко*, старшего лейтенанта, командира миномётного взвода 373-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии КОР 2-го ДВФ, 1920 г. р., украинца, члена ВЛКСМ. В РККА с октября 1940 г., ранее не награждался. Представляется к медали «За боевые заслуги».

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

18 августа 1945 г. под сильным огнём противника с десантного судна высадился на остров Шимушу. В бою за высоту 171,0, командуя взводом 50-миллиметровых миномётов, одновременно возглавил командование стрелковым взводом, который неоднократно водил на штурм сильно укреплённого пункта противника. Достоин правительственной награды — медали «За боевые заслуги».

Командир 373-го стрелкового полка
подполковник *Губайдуллин*.
16 сентября 1945 г.

Резолюция: «Наградить. Командир 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии генерал-майор *Дьяков*. 28 сентября 1945 г.»

НВФ 4343/69. Ксерокопия

Григорьев Михаил Михайлович, начальник особого отдела 101-й стрелковой дивизии, во время Курильского десанта — сотрудник военной контрразведки

...На ваши вопросы отвечаю, что известно. С японским консулом и его сотрудниками был связан бывший начальник управления КГБ полковник Кожевников...

Там [на Камчатке] не было необходимости насаждать шпионов, так как всё было как на ладони. Консул и его помощники визуально, личным наблюдением, знали всё, что им нужно. Кроме того, у них были концессии на Камчатке, и рыбаки бывали всюду.

Для убедительности привожу пример. Когда высадились на остров Парамушир, я беседовал с бывшим директором рыбокомбината. Это был один из авторитетных руководителей, о чём мне сказал их переводчик. Он сам рассказал, что бывал во многих странах мира, владеет многими языками, кроме русского (сомневаюсь). На мой вопрос, что известно о Камчатке, он, улыбаясь, сказал: «Всё знаем».

На вопрос, какими источниками пользовались, он рассказал, что рыбаки, побывавшие на Камчатке и проплывавшие у её берегов, по возвращении устно или письменно по инстанциям докладывали руководству. Об этом говорили и другие.

Среди наших военнослужащих японских разведчиков выявлено не было. Один солдат пытался установить связь с консульством, его разоблачили и отправили на материк.

О взаимоотношениях генерала Ц. Фусаки с консулом мне не известно (знают в УКГБ). Из беседы с генералом Дьяковым, коман-

диром дивизии, мне известно, что генерал Фусаки и офицеры его штаба заявляли, что высадка для них была неожиданной. Если бы они знали, что так мало наших войск и такое плохое вооружение (нет танков, единицы противотанковых орудий, десантные суда вставали на мель далеко от берега — мишень), они бы всех нас потопили в проливе. Не исключено, что он ожидал высадку американских войск.

Подтверждением этого служит следующее:

— неоднократная бомбардировка японских островов американской авиацией. Повреждённые самолёты делали вынужденную посадку на аэродроме Елизово. Лётчиков мы интернировали, размещали в Доме офицеров, а затем отправляли на материк;

— затопленный американский пароход у острова Шумшу.

Высадку на их острова они не исключали. Это подтверждает то, что секретные документы и женщин они отправили.

Отсутствие оперативности в оказании сопротивления, я полагаю, объясняется беспечностью, потерей бдительности. Они не предполагали, что с Камчатки, где мало войск, будет десант.

Что касается высадки американских войск, они рассчитывали заранее знать об их подходе к островам: [радио]локация и другие возможности.

Что касается японских смертников, совершения ими харакири, такими примерами не располагаю...

ККОМ ОФ 38059/203. Рукопись. 21 июня 1987 г., г. Куйбышев

...В подтверждение того, что японское командование не ожидало высадки десанта и у него отсутствовали сведения о подготовке и выходе из Петропавловска наших плавсредств, привожу пример. После непродолжительных боёв и высадки на остров Шумшу наступило затишье, военное командование на Парамушире, по-видимому, полагало, что это очередная перестрелка с американскими войсками...

Сразу после высадки на Шумшу было принято решение направить группу на Парамушир с целью разведки обстановки. Командиром этой группы был назначен мой заместитель майор Милосердов, смелый, энергичный, сильный. Нам было известно расположение служебных помещений и что на окраине в небольшом особняке находится жандармерия — контрразведка частей, которые дислоцируются на Северных Курильских островах.

Высадившись с тыльной стороны острова Парамушир, Милосердов с группой солдат подошёл к помещению жандармерии, дверь которой была приоткрыта. В коридоре стояла пирамида, где аккуратно

составлено оружие. Часового не имелось. В другой комнате спокойно и крепко спали солдаты. Их разбудили, обыскали и через переводчика узнали, что начальник находится в своём кабинете за пирамидой. В кабинете стоял стол, четыре стула и большой шкаф. На стене — карта, картина и барометр.

На вопрос: Где начальник? — японский солдат показал пальцем на шифоньер. Когда его открыли, увидели, что там устроена широкая полка, на которой так же крепко спал их начальник. Его подняли, обыскали, опросили и всех до рассвета отправили на Шумшу. Характерно, что документов в отделе не оказалось.

Начальник жандармерии майор Кудо — среднего роста, широкоплечий, с бледным худым лицом, был сильно взволнован, дрожа всем телом, заявил, что он больной, у него болезнь «бере-бере». Он рассказал, что является начальником и находится в подчинении генерала Цуцуми Фусаки.

Учитывая плохое состояние его здоровья, допрашивать его не стал, через несколько дней отправил на Сахалин в особый отдел. До того как отправить, генерал Фусаки неоднократно присылал ко мне своего адъютанта с просьбой отпустить майора Кудо и направить в лагерь военнопленных офицеров, где был и сам Фусаки.

Я со своим оперативным составом разместился в том же помещении, где работал майор Кудо, а недалеко от нас было помещение, где жили военнопленные офицеры с генералом Фусаки. Сам Фусаки — высокого роста, стройного, спортивного телосложения, очень подвижный. Каждое утро делал зарядку с палкой в руках. После обеда с адъютантом перебрасывались небольшим мячом друг в друга. Была у него собака-овчарка, которая после прижилась у нас и стала понимать команды по-русски.

Был случай, когда мой коновод, рядовой Власенко, решил научиться водить автомашину, взял трофейную легковушку и поехал по дороге мимо дома, где жили военнопленные. Генерал Фусаки стоял там со своими подчинёнными. Власенко засмотрелся, хотя и видел их каждый день, и заехал в кювет, машина заглохла. Фусаки дал команду, и японцы быстро выкатили машину на дорогу.

С бывшим директором рыбокомбината беседа была больше всего о рыбной ловле, о его путешествиях.

Да! Трудов никаких [японцам] не составляло знать, что происходило в Петропавловске и других местах, а мест было мало, где находились наши войска. А когда выслали консула, то некому было наблюдать и некому было сообщать, что мы выходили из Петропавловска в направлении Шумшу.

Интересно, а как реагировала их радиолокационная установка на подход наших кораблей? Возле неё мы были с А. И. Микояном, о чём я писал.

В отношении карт, которыми пользовались офицеры, я сообщить не могу, у меня их не было. Какими разведданными пользовалось наше командование, мне неизвестно...

Я жил и работал на Парамушире, мой отдел находился недалеко от помещения, где жили пленные офицеры во главе с генералом Цуцуми Фусаки... Солдаты-японцы построили мне помещение из барака-склада для работы и помещение, где я жил с семьёй. Отношения были нормальные, никаких инцидентов не случалось. Вскоре после освобождения островов приезжал А. И. Микоян, которого я сопровождал по службе...

За выполнение спецзадания на Курилах я награждён орденом Красного Знамени...

ККОМ ОФ 38059/200. Рукопись, 29 июля 1987 г., г. Куйбышев

...Помещение, где размещался отдел жандармерии майора Кудо, деревянное, одноэтажное, небольшое, из двух комнат с прихожей, где стояла пирамида с оружием. Располагалось на высокой горе. В этом же районе японские пленные для моего отдела быстро построили помещение из какого-то хранилища, четыре кабинета, и дом, где я жил, а также казарму для взвода охраны особого отдела. Где жил Фусаки до пленения, не знаю. Радарная установка находилась на высокой горе, представляла собой небольшой квадратный, как бы дачный домик на высоком фундаменте. Внутри — одна комната, два окна, стол, стулья, аппаратура.

Милосердов рассказывал о высадке в тыл острова, назвать место не могу. Что касается сообщения Кремянского о допросе шестидесяти военнопленных — этого не было. Допрос военнопленных вели оперативные работники отдела, находившегося в Петропавловске. Начальником особого отдела был Пантелеев.

В отношении участия [в боях] женщин-японок я не слышал. Женщин на островах Парамушир и Шумшу не видел. Не исключено, что это не соответствует действительности, так же, как и то, что один [человек] мне рассказал. Узнав, что я воевал на Северных Курилах, он заявил, что его знакомый, возвратившись оттуда (где он участвовал в высадке), рассказывал о богатых трофеях: золоте, ценностях, богатых складах. В действительности в складах были рыбные консервы, галеты и витаминные конфеты. Так что сообщить того, чего я не видел лично, не могу...

Направляю фотографию с картины, [изображающей] подписание акта о капитуляции японских войск на Северных Курилах. Акт подписывался на острове Шумшу. Картину рисовал рядовой взвода охраны особого отдела 101-й стрелковой дивизии Качурин, сибиряк. При подписании присутствовали с нашей стороны: командир 101-й стрелковой дивизии генерал-майор Дьяков, командующий КОР генерал-майор Гнечко (с усами), его заместитель по политической части полковник Володко. За ним стою я, Григорьев, в каске, затем начальник штаба КОР подполковник Воронов. Он стал командиром 101-й дивизии.

Картина висит у меня в квартире, размер 1,5 на 0,9 м. Её история такова. Качурин при подписании акта был там, сидел на горке, близко. Когда возвратились в казарму, я предложил ему нарисовать, зная, что он рисует, дал ему фотографии наших офицеров. Он нарисовал, мне понравилось. Показал замполиту дивизии полковнику Алентьеву. Ему не понравилась (его лицо вышло плохо), он картину забраковал. Так она оказалась у меня...

ККОМ ОФ 38059/198. Рукопись, 9 сентября 1987 г., г. Куйбышев

...При подписании акта фотографа не было, но когда Качурин заканчивал рисовать, приезжал откуда-то корреспондент, который сфотографировал Качурина у картины. Рядовой Качурин из Свердловска или из-под Свердловска.

Подписывал акт, по моим данным, генерал Ц. Фусаки, но по уточнённым данным, подписывал генерал Кадама. Это видно из статьи командира 101-й стрелковой дивизии П. И. Дьякова в сборнике «Слово освободителей», вышедшем в 1985 г. в Сахалинском отделении Дальиздата (с. 82—83). Почему считали, что подписывал не Фусаки, а Кадама, так как все говорили только о Фусаки?

Радарная установка находилась на сопке Сигнальной, как она называлась в японском произношении, не знаю...

ККОМ ОФ 38059/196. Рукопись, 17 октября 1987 г., г. Куйбышев

История одной картины (остров Шумшу, 1945 г.)

...Репродукция этой фотографии попала ко мне много лет назад. Уже в середине 1980-х гг. энтузиасты «раскопок» истории Курильского десанта обменивались друг с другом такими вот фотокарточками, чуточку с неестественными изображениями людей, не особенно-то, вероятно, задумываясь о происхождении снимка, тиражировав-

шегося с целью распространения как среди здравствовавших в то время ветеранов штурма курильского острова Шумшу, так и среди исследователей истории десанта, а также камчатских и сахалинских краеведов...

Совсем недавно, систематизируя письма участников десанта (очень многих из них уже нет в живых), снова перечитал большинство этих посланий в мой адрес, датированных 1985—1987 гг. И вот в письме участника боёв на острове Шумшу, подполковника в отставке М. М. Григорьева из города Куйбышева встретил упоминание об истории происхождения фоторепродукции с картины и самой картины.

Пишет бывший офицер особого отдела следующее (письмо от сентября 1987 г.): «Направляю вам фотографию с картины подписания акта о капитуляции японских войск на Северных Курильских островах. Акт подписывался на острове Шумшу. Картину писал рядовой взвода охраны особого отдела... 101-й стрелковой дивизии Качурин. При подписании присутствовали с нашей стороны: командир 101-й стрелковой дивизии генерал-майор Дьяков, командующий КОР генерал-майор Гнечко (с усами), его заместитель по политчасти полковник Володко, за ним стою я, Григорьев, в каске, затем начальник штаба КОР полковник Воронов...

Картина висит у меня в квартире... Её история такова: Качурин при подписании был там, сидел близко на горке. Когда возвратились в казармы, я предложил ему нарисовать, зная, что он рисует. Дал ему фотографии наших офицеров. Он нарисовал, мне понравилось. Показал заместителю по политчасти дивизии полковнику Алентьеву, ему не понравилось — лицо вышло плохо. Он картину забраковал. Так она оказалась у меня...»

В другом письме от 17 октября 1987 г. М. М. Григорьев сообщает: «Что касается фотографий с моей картины, так это, по-видимому, мои... мне самому, не зная, что у меня есть даже картина, присылали фото. При подписании акта фотографа не было, но когда Качурин заканчивал рисовать, приезжал откуда-то корреспондент, который сфотографировал Качурина у картины».

...Было бы здорово, если бы откликнулись те, кто знал Качурина, чтобы пролить дополнительный свет на события, связанные с подписанием акта о капитуляции. Родом Качурин то ли из Свердловска, то ли из-под Свердловска — точных сведений, как вспоминал М. М. Григорьев, нет...

Н. Питомец

Восход (общественно-политическая газета), 9 апреля 2005 г., № 38. НВФ 4343/132

Грицака Александр Матвеевич, лейтенант,
командир десантного судна ДС-6 (№ 945)

...Утром 17 августа 1945 г. корабли десанта в Авачинской бухте выстроились в походный ордер и взяли курс к месту высадки. В составе десанта было 16 десантных судов, торпедные катера, транспортные суда, боевые корабли и другие плавсредства. На вверенном мне ДС-6 находился стрелковый батальон, предназначенный для высадки в первом броске.

Переход к месту высадки был очень трудным, в основном из-за плотного тумана. В то время на десантных судах радиолокации ещё не было. Шли без отличительных огней, пользоваться радио было запрещено. Сохранить своё место в ордере, особенно в тёмное время суток, было очень сложно. Многие корабли шли к месту сбора в районе высадки самостоятельно.

Место высадки было назначено со стороны Первого Курильского пролива на острове Шумшу (мы его почему-то называли Шимушу). Остров уже обстреливался нашей артиллерией, установленной на мысе Лопатка. Это помогло нам сориентироваться при подходе к месту сбора судов в районе высадки десанта.

Рано утром 18 августа 1945 г. мы подошли в район высадки. Она намечалась примерно на 04.00, во время большой воды, то есть при приливе. В это время должен был последовать сигнал по радио о начале высадки, но радист корабля его не принял. Через несколько минут в этом районе начали появляться ещё некоторые десантные корабли. Было уже за 04.00. Чувствую, что большую воду мы теряем, ибо уже начался отлив, а сигнала по радио о начале высадки нет. На время рассеялся туман, и мы обнаружили в районе сосредоточения всего три или четыре десантных корабля (десантные суда или десантные корабли — это, в моём понимании, одно и то же).

Что делать? Вкратце посоветовавшись с офицерами корабля, принимаю решение: идти на высадку. Играет десантная тревога, все на своих местах. Корабль приближается к неизвестному берегу противника, там пока тихо. Лотовый с бака измеряет глубину. Когда лот касается грунта, уменьшается скорость корабля до малого хода, а потом — до самого малого.

Берега почти не видно. Когда лотовый доложил, что глубина четыре — пять метров, застопорили машины и отдали кормовой якорь. По инерции корабль приближался к берегу. Имелось опасение, что до него ещё далеко и не хватит якорного троса. Но, к счас-

тью, расчёт оказался правильным, и корабль благополучно приблизился к берегу. Наш ДС-6 первым подошёл к берегу и начал высаживать десант. Высадка шла организованно, хотя до берега было метров пятнадцать — двадцать. Дело в том, что дно было неровным, к тому же шёл отлив.

Бойцы преодолевали эти метры, идя в воде по грудь, а где имелись углубления, то и по шею. Первые десантники уже оказались на берегу, противник пока молчал. Через некоторое время слева от нас подошёл ДС-7, справа также подошёл десантный корабль. В это время с одного из наших подошедших десантных кораблей открыли по берегу пулемётный огонь. Считаю, что это произошло случайно, ибо противник пока молчал. Но за первым начали обстрел берега противника со всех кораблей, подошедших к берегу (видимо, у пулемётных расчётов нервы были на пределе, услыхав, что кто-то начал стрелять, сами открыли огонь).

Тут же начали обстрел кораблей и японцы. Они вели огонь очень яростно из всех видов оружия (артиллерии, миномётов, пулемётов). Вели кинжальный огонь, причинявший нам много неприятностей. Появились убитые и раненые. Некоторые десантные корабли уже пылали. С нашего уже было высажено более половины десанта, но когда начался ожесточённый обстрел, высадка начала захлёбываться.

Благодаря усилиям экипажа и офицеров батальона, хотя и с замедлением, но высадка продолжилась. Начало рассветать. К берегу всё больше и больше стало подходить десантных кораблей. Когда мы завершили высадку и начали отходить от берега, стоявший слева ДС-7 получил большие повреждения двигателей. У него был перебит якорный трос, ДС-7 сам отойти от берега не мог. Мы его пришвартовали лагом с левого борта и под огнём противника оттащили от берега. Сделать это было не так-то просто: отошли с трудом. На ДС-6 на кормовой лебёдке был расписан матрос Конев, который, несмотря на ранение, лёжа включил лебёдку и начал выбирать якорь. На ют был расписан механик корабля — техник-младший лейтенант Владимир Трофимович Нестеренко. Во время высадки он был тяжело ранен, но боевой пост не оставил. Помощь ему оказали только тогда, когда корабль отошёл от берега в безопасное место.

С отходом от берега опять нашёл густой туман, видимость упала почти до нуля. Через некоторое время мы с беспомощным ДС-7 подошли к транспорту «Менжинский», переоборудованному в плавучий госпиталь. Перегрузили убитых и раненых, оставили ДС-7

и пошли за очередной партией десантников к одному из транспортов. Так началась наша ответственная боевая работа по наращиванию сил десанта на берегу. Особенно тяжёлыми были второй и третий подходы к берегу. Противник сопротивлялся с отчаянием. Несколько наших десантных кораблей стояли у берега подбитыми и горели. Их экипажи сошли на берег, где сражались. К вечеру 18 августа огонь врага ослаб.

Как я уже говорил выше, в десанте участвовали 16 ДС. После первого подхода к берегу три корабля были подбиты на месте высадки, один ДС, отойдя от берега после высадки, имея значительные повреждения, затонул в проливе. Ещё один также отошёл от берега после высадки с множеством повреждений, тоже начал тонуть. Его команду снял другой корабль, а полузатопленный ДС на следующий день прибуксировали в Катаоку, где он простоял несколько лет затопленным. Видны были только надстройки.

Итак, после первого подхода к берегу пять ДС погибло, а шесть были повреждены настолько, что принимать участие в высадке больше не смогли, были отправлены в Петропавловск на ремонт. Остались в строю, хотя и имели повреждения, пять ДС, в том числе и наш. Эти корабли и продолжали высадку десанта на Шумшу, беря войска с транспортных судов...

На следующий день я получил приказ: ДС-6 следовать с группой транспортов вдоль Курильской гряды и высаживать десант на те острова, где находились японские гарнизоны. В это время у нас на борту находился военный корреспондент журналист Александр Матвеевич Грачёв. После войны он написал книгу в виде исторического романа о Курильских островах...

Где хоронили погибших, не знаю. По-видимому, тех, кого передали на плавучий госпиталь, похоронили в море. Так хоронили с некоторых ДС. Я беседовал с бывшим командиром ДС-4 Николаем Сергеевичем Титовым. Он сказал мне, что они хоронили убитых в море, в частности так был похоронен и его помощник лейтенант Леонов. Тех, кого убили на берегу, видимо, там и похоронили. Кстати, в районе высадки на острове Шумшу установили обелиск, на нём указаны фамилии погибших. Там есть и В. Гурьев — бывший командир одного из ДС...

Должен сказать, что весь экипаж ДС-6 проявил героизм и был награждён правительственными наградами. Командир и его помощник (лейтенант Буссель) были награждены орденами Красного Знамени, механик корабля Нестеренко — орденом Красной Звезды, старшина 2-й статьи Вирясов, боцман Сульдин, матрос Конев и другие — орде-

нами Отечественной войны 1-и и 2-й степеней, матросы Соловьёв, Варфоломеев, Украинцев и другие — медалями Ушакова. Были награждены все...

Рукопись, 23 апреля 1980 г., г. Севастополь

...О том, что американская «Летающая крепость» была сбита нашими зенитчиками над мысом Лопатка, я узнал в 1949 или в 1950 г. Тогда наш танковоз, где я в то время служил, был направлен из Петропавловска на мыс Лопатку, для того, чтобы захороненные там в братской могиле останки американских лётчиков переложить в цинковые гробы (их было, кажется, шесть) и отправить во Владивосток для дальнейшей передачи в США.

Всей этой операцией руководил полковник или подполковник. Помню, что стоянка у берега была очень сложной: сильная прибойная волна, прилив, ветер... Задание было выполнено, гробы доставлены в Петропавловск...

О том, как был сбит самолёт, я знаю понаслышке, по разговорам, в том числе и от того пехотного командира. В 1943-м или в 1944-м году «Летающая крепость», отбомбившись в Японии, возвращалась на Аляску или Алеутские острова и оказалась над Лопаткой. Была сбита первыми выстрелами.

Рукопись, 2 сентября 1987 г., г. Севастополь

[Из письма «дорогому боевому другу Геннадию» (Геннадию Сергеевичу Соколову, бывшему мотористу ДС-6)]:

...О книге Акшинского. Она у меня есть, я её читал. Несмотря на то что мы с ним довольно-таки продолжительное время переписывались и я его снабжал материалами и фотографиями, в свою повесть о нас он поместил мизерно мало, да к тому же и не всё верно. В частности, он, не знаю, из каких побуждений, сделал меня старшим лейтенантом и участником Сталинградской битвы. Я там не был. Правда, недалеко от Сталинграда мне приходилось тралить магнитно-акустические мины, ибо Волга была ими почти напичкана. Материала я давал ему много. Писал и о тебе, но, видимо, он поставил перед собой цель: описать партийно-политическую работу и роль коммунистов в десантной операции. Ведь сам он в какой-то степени был политработником. Но, как говорится, бог с ним и вечная ему память. Мне кажется, что об участии нашего дивизиона в десантной операции надо писать отдельную повесть...

Безусловно, тема ленд-лиза — это большая тема, и нам, грешным, не всё здесь понятно. Мы можем сказать об этом как бы иносказательно, что «Америка России подарила пароход», а после войны решила его забрать. Ты, наверное, знаешь, что 1950-х гг., а может и раньше, американцы затребовали вернуть все корабли, данные нам по ленд-лизу. Корабли, в частности ДС, чистили и красили, доукомплектовывали и отводили в Японию. Там их отправляли под пресс и на переплавку. Об этом мне сообщили в те годы товарищи...

То, что Аляска находилась в зоне военных действий, это никак не чувствовалось. Это вполне естественно, потому что основной противник Америки — японцы — к этому времени были уже почти разгромлены. Им было не до Аляски. Поэтому, мне кажется, американцы и чувствовали себе спокойно в этом регионе, в том числе и в Колд-Бее, где они до нас готовили корабли и их экипажи к высадке десанта на побережье Франции, то бишь к открытию второго фронта. В этой высадке, насколько мне известно, участвовали и наши ДС под их номерами: 945-м и другими.

Это в некоторой степени ответ на твой вопрос, в каких ещё трёх десантных операциях, находясь в военно-морских силах США, был 945? Итак: в операции при открытии второго фронта и, кроме того, в операциях по освобождению некоторых островов в Тихом океане от японцев. Подробностей не знаю.

Теперь, как могу, отвечу на твои конкретные вопросы.

1. *Две даты, а также приход и уход из Колд-Бея?*

По-моему, вышли мы из Владивостока около середины июля 1945 г. Примерно через неделю пришли в Колд-Бей и буквально на следующий день начали приёмку. До нас такие же корабли (ДС) принимали товарищи из дивизиона, который возглавлял капитан 3-го ранга Магерамов. Наш дивизион возглавлял капитан 3-го ранга Верещагин, начальником штаба был капитан-лейтенант Борис Казенный, замполитом — капитан-лейтенант Бабич. (И. Ф. Лаврухин же, если мне память не изменяет, был особистом, и звание у него тоже, по-моему, было капитан-лейтенант.)

В Колд-Бее вместе с американцами на корабле мы пробыли примерно до 5 августа. После этого два или три дня стояли в Колд-Бее с поднятым советским флагом. После этого наш дивизион ДС в сопровождении «амика» (это или большой морской тральщик американской постройки с бортовым номером, начинавшимся на «АМ», или эсминец сопровождения военно-морских сил США, носивший название «Амик». — *Ред.*) убыл на родину. По пути зашли

в одну из военно-морских баз американцев на Аляске, заправились топливом и водой и двинулись дальше. На переходе нас застало сообщение об объявлении нашим правительством войны Японии. Через некоторое время акустик «амика» получил контакт с неизвестной подводной лодкой. По дивизиону была объявлена боевая тревога, корабли продолжили путь, идя противолодочным зигзагом. Через некоторое время контакт с подводной лодкой был потерян, и корабли пошли прежним курсом (на ДС акустической установки не было).

В Петропавловск-Камчатский прибыли примерно 14 августа 1945 г. Перед заходом в Авачинскую бухту ночь провели в бухте Ахомтен (ныне Русская. — *Ред.*), видимо, ждали лоцмана.

Вот и считай. Пришли в Петропавловск примерно 14 августа. Здесь на разгрузку, определение девиации магнитного компаса, приём десанта и прочее потратили два-три дня. После чего уже с десантом и пришли к месту высадки что-то около пяти часов утра 18 августа, и через несколько минут начали высадку десанта на остров Шумшу.

2. *Было ли известно на Мальцевской (флотский экипаж. —* Ред.*), за какими кораблями мы идём?*

Да. Под конец пребывания в экипаже на Мальцевской нам стало известно, что мы идём во главе с капитаном 3-го ранга Верещагиным за десантными кораблями для сформирования дивизиона. Дивизион состоял из 15 кораблей, так же, как и предыдущий дивизион, возглавляемый капитаном 3-го ранга Магерамовым (тоже 15 кораблей). Один из кораблей этого дивизиона (командир старший лейтенант Бакин), номера я не помню, участвовал вместе с кораблями нашего дивизиона в высадке десанта. Он при первом подходе был у берега японцами разбит. Корабль полузатонувшим остался у берега. Командир и многие другие были убиты, остальной личный состав сошёл вместе с десантом на берег.

3. *Куда после первого броска к Шумшу исчез лейтенант Буссель?*

В это время он никуда не исчез. А вот когда мы после боёв вернулись в Петропавловск, через некоторое время ему удалось (не без моей помощи) перевестись во Владивосток. Он ушёл на одном из ДС, которые отправлялись во Владивосток. К нам помощником командира пришёл Гриша Шнянфост. При высадке десанта он был ранен в щёку, лечился в госпитале вместе с нашим техникомладшим лейтенантом В. Т. Нестеренко и после излечения пришёл к нам на корабль. Пробыл он у нас также недолго. Должен сказать, что наш Владимир Буссель воевал неплохо, был мною

представлен к награждению орденом Красного Знамени. Орден он получил.

4. *Знал ли я о факте, когда при живом командире кораблём командовал старшина 1-й статьи?*

О таком факте я не знал. Но мне кажется, об этом писал в своей повести Акшинский. Мне не верится, что такое было. А может, и было. Откуда ты взял этот факт?

Теперь коротко о себе. В августе [1942 г.] досрочно окончил военно-морское училище имени Фрунзе и в звании лейтенанта начал службу на кораблях Каспийской военной флотилии. В основном командовал тральщиками, переоборудованными из рыбацких сейнеров. Тралили на Каспии и на Волге. Будучи ещё курсантом, в 1942 г. участвовал на морском охотнике МО-4 в эвакуации войск из Севастополя, буквально в дни его оставления — в конце июня и начале июля 1942 г. А ещё раньше, то есть с началом войны, воевал в составе курсантского подразделения в бригаде морской пехоты в Таллине. При оставлении Таллина находился на транспорте «Тобол». При переходе из Таллина в Кронштадт транспорт был потоплен немецкой авиацией. Из воды меня подобрал буксир и доставил в Ленинград. В конце 1941 г. из блокадного Ленинграда по «Дороге жизни» вместе с оставшимися в живых курсантами добрался до Астрахани. Там в это время находилось наше училище. Здесь в августе и был выпущен.

В марте — апреле 1945 г. перебрался во Владивосток в составе специальной команды для приёмки кораблей по ленд-лизу...

КОКМ ОФ 38059/191. Рукопись, 2 марта 1988 г., г. Севастополь

Из наградного листа *Александра Матвеевича Грицаки*, лейтенанта, командира ДС-945/6 дивизиона десантных судов, 1918 г. р., украинца, беспартийного, в Красной Армии с 1939 г. Имеет медали «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа». Представляется к награждению орденом Ленина (приписка: «Красное Знамя». — *Ред.*)

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

При выполнении боевого задания по высадке десанта на острова Симусю и Парамусир проявил себя храбрым, мужественным офицером. При подходе к берегу корабль попал под сильный артиллерийский огонь противника. Искусно маневрируя, обеспечил благополучный отход корабля от берега. Имея повреждения, корабль дважды произвёл высадку десанта под сильным артиллерийским

огнём противника. Огнём своих орудий подавлял огневые точки противника, обеспечивал продвижение наших войск на берегу. За время операции корабль Грицака перевёз и высадил 2 460 чел., 300 лошадей и более 380 т боезапаса и продуктов питания. Товарищ Грицака со своим кораблём в трудных метеорологических условиях обеспечил высадку гарнизона и десантов на острова Курильской гряды. До последнего дня выполнял боевые задачи командования по разгрузке транспортов и питания войск боезапасом и продовольствием. За отличное выполнение боевого задания, грамотное и умелое командование кораблём, за проявленное мужество при выполнении заданий представляю к правительственной награде — ордену Ленина.

Командир дивизиона капитан-лейтенант *Казенный*.

Резолюция: «Достоин награждения орденом Ленина. Командир ПВМБ ТОФ капитан 1-го ранга *Пономарёв*»

НВФ 4343/130. Ксерокопия

Из наградного листа *Владимира Алексеевича Бусселя*, лейтенанта, помощника командира ДС-945/6, 1923 г. р., русского, члена ВКП(б), в Красной Армии с 1941 г. К наградам ранее не представлялся. Представляется к награждению орденом Отечественной войны 1-й степени (вписано «Красное Знамя». — *Ред*.).

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Участвовал при высадке десанта на остров Сюмусю. В бою проявил себя мужественным и настойчивым офицером. При высадке десанта под огнём противника товарищ Буссель смело и энергично руководил действиями личного состава. При последующей деятельности корабля по выполнению боевых заданий командования по высадке десанта на острова Курильской гряды, товарищ Буссель проявил больш*ую* инициативу по разведке и исследованию берега перед подходом кораблей к неизвестным местам высадки. За мужество, смелость и инициативу достоин награждения правительственной наградой — орденом «Отечественная война» 1-й степени.

Командир дивизиона капитан-лейтенант *Казенный*.

Резолюция: «Достоин награждения орденом “Отечественная война” 1-й степени. Командир ПВМБ ТОФ капитан 1-го ранга *Пономарёв*»

НВФ 4343/129. Ксерокопия

Из наградного листа *Василия Павловича Гурьева*, лейтенанта, командира ДС-9 5-го дивизиона десантных судов, 1920 г. р., русского, кандидата ВКП(б), в Красной Армии с 1938 г. Награждён орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Сталинграда». Погиб 18 августа 1945 г. Представляется к награждению орденом «Отечественная война» 1-й степени.

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Во время высадки десанта на остров Шимушу лейтенант Гурьев показал себя храбрым, волевым офицером. При подходе к вражескому берегу корабль попал под сильный артиллерийский обстрел. Искусно маневрируя, командир подошёл к берегу и высадил десант без потерь. Ввиду отлива, корабль не смог сняться с берега. Командир был контужен, боевого поста не покинул. Личный состав и командование боролись за жизнь корабля более четырёх часов, находясь под непрерывным перекрёстным артиллерийским огнём. Несмотря на тяжёлое положение, личный состав самоотверженно боролся с водой и пожаром. Корабль получил шесть подводных пробоин, часть из них была заделана. Очаги пожара ликвидировались в самом начале. Командир осколком снаряда был убит наповал.

За проявленное мужество по сохранению жизни корабля представляю лейтенанта Гурьева к награждению орденом Отечественной войны 1-й степени.

Командир 5-го дивизиона ДС
капитан 3-го ранга *Верещагин*

НВФ 4343/127. Ксерокопия

Грицук Георгий Владимирович, капитан, в 1938—1943 гг. служил в 198-м отдельном стрелковом полку

О людях, составивших костяк полка. ...Формирование полка началось весной 1938 г., когда стало ясно, что японская военщина спит и видит, что она уже положила богатую территорию Камчатки в свой карман...

К началу 1938 г. на Камчатке имелся 60-й пограничный отряд. У него было несколько оперативно-тактических направлений: Петропавловское, где из бывшей маневренной группы отряда был сформирован 138-й горно-стрелковый полк и по его образцу — полки 101-й стрелковой дивизии; Усть-Большерецкое, где в посёлке Усть-Большерецк у реки Быстрой стояла маневренная группа в составе трёх стрелковых рот, батареи 76-миллиметровых орудий, кавале-

рийский эскадрон и хозяйственные подразделения. Эта группа составила костяк будущего 198-го стрелкового полка.

Таким образом, 198-й горно-стрелковый полк начал формироваться из личного состава погранотряда с задачей прикрытия оперативно-тактического направления для маневренной обороны Петропавловска-Камчатского как центра будущего сопротивления захватническим устремлениям японцев.

К концу 1938 г. полк включал шесть стрелковых рот (батальонов не было), батареи 76-миллиметровых орудий, пулемётную, минометную роты, взводы пешей и конной разведки, взвод противотанковой обороны (45-миллиметровые пушки) и хозяйственные подразделения. Базой размещения полка стал посёлок Большерецкого совхоза. Для подготовки младшего командного состава была организована школа младших командиров, размещённая в Усть-Большерецке, в 40–45 км западнее основной базы полка. Вместе с учебным подразделением здесь размещалась и 4-я рота полка.

Командиром полка был назначен бывший командир маневренной группы капитан Писарев. Ввиду того что роты мангруппы очень отличались от стрелковых рот пехоты (они были небольшими, примерно по 80–90 чел.), началось формирование горно-стрелковых рот по армейским штатным расписаниям того времени.

Обстановка при формировании полка. Личный состав маневренной группы был оперативно, тактически и организационно сплочённым коллективом, преданным родине. Это много значило для воспитания прибывшего пополнения. В 1938 г., после событий в районе озера Хасан, во Владивостоке, на Второй речке, была организована специальная база, где шло создание подразделений развёртываемых для обороны Камчатки частей. Для этого её включили в 45-й особый стрелковый корпус, его штаб стоял в Николаевске-на-Амуре, ему подчинялась и 101-я горно-стрелковая дивизия. Солдаты и сержанты, направленные на пополнение полка, прибыли из Северо-Кавказского военного округа (второй год службы), в основном из частей, располагавшихся в Ростове-на-Дону, Краснодаре и других городах Северного Кавказа.

Часть солдат и сержантов прислали из Сибирского военного округа (Красноярск), а младших командиров — из полковых школ и школ младших специалистов из состава 1-й Отдельной Дальневосточной Краснознамённой армии, в основном из городов Приморья.

Лично я в составе эшелона погрузился в один из оборудованных нарами трюмов парохода «Карл Маркс», построенного в 1900 г. в Германии. Через две недели прибыл на Камчатку, в Петропавловск.

Временно находился в составе медицинской части. Переход по Японскому, Охотскому морям и Тихому океану был тяжёлым, в районе Курильских островов вышло из строя рулевое управление. Пароход и нас (более четырёх тысяч солдат, сержантов и командиров) носило по воле волн, потом прибило к одному из Курильских островов. Три дня мы стояли здесь и ремонтировались. Если учесть, что сразу по выходе из пролива Лаперуза вышла из строя судовая радиостанция, то эшелон остался без связи. (В это тревожное время все военнослужащие были оформлены как гражданские переселенцы на Камчатку, так как дело происходило в японских прибрежных водах.)

После прибытия на Камчатку нас встретило командование 101-й горно-стрелковой дивизии. Её первым командиром тогда был комбриг А. М. Городнянский. Позже, командуя армией, в 1942 г. он трагически погиб в бою. У Городнянского была привычка, вернее правило, — лично знакомиться со всеми командирами. В один из дней был собран прибывший на пароходе медперсонал (врачи из Одессы, фельдшеры из Харькова). Перед нами была поставлена задача укрепления создаваемой медицинской службы дивизии, где пока не были даже развёрнуты медсанбаты.

В конце октября 1938 г. в составе маршевой роты, двигавшейся по маршруту Петропавловск — Елизово — Коряки — Начики — Начикинский совхоз — Косогоры — Ленино — Большерецкий совхоз я впервые познакомился с видами Камчатки. Камчатский край по тем временам был очень суров. Малая заселённость, отсутствие дорог создавали нам дополнительные трудности. Но я должен сказать, что личный состав как-то быстро под руководством бывших командиров-пограничников (они почти все остались, хотя некоторые были не прочь уйти обратно в погранотряд) стал приобретать своё боевое направление...

ККОМ ОФ 38059/128. Рукопись. Без даты

Оборонительные мероприятия, проводившиеся 198-м отдельным стрелковым полком. После сформирования полка, а его контингент составили: а) бывшие подразделения мангруппы 60-го Камчатского пограничного отряда, б) часть военнослужащих второго года службы, прибывшие на Камчатку в сентябре — декабре 1938 г. из резерва частей, участвовавших в событиях на озере Хасан, в) призывники 1938 г. из числа местных жителей.

Полк сформирован как горно-стрелковый в составе четырёх горно-стрелковых рот, взвода конной разведки, взвода пешей разведки,

батареи 76-миллиметровых пушек и ряда спецподразделений (сапёрная рота, рота связи, хозяйственная рота и прочие).

Командиром полка был назначен капитан (позже майор) Писарев. Ввиду того что у него не всегда была необходимая требовательность, в марте 1940 г. в полк прибыл и принял его как командир (сначала майором, а впоследствии стал полковником) Пётр Алексеевич Артюшин. Он начал учёбу солдат, сержантов и командиров тому, что необходимо на войне.

Какие оборонительные вопросы отрабатывались в то время?

Имея цель и задачу прикрытие Петропавловска-Камчатского с запада, а также долины реки Камчатки, основного сельскохозяйственного района полуострова, командир полка П. А. Артюшин проводил следующие мероприятия:

1. На возможных основных направлениях действия японцев: севернее и западнее Усть-Большерецка, северо-западнее Большерецкого совхоза — на командных высотах организованы укреплённые районы и системы дзотов, позиции артиллерийских батарей. Рылись окопы полного профиля.

2. В районах Митогинского, Микояновского и Большерецкого рыбокомбинатов в летнее время всегда находились так называемые «походные заставы» для предупреждения внезапной высадки японцев на этих направлениях.

3. На реках Быстрой и Большой полковник Артюшин создал отряд и подвижную группу на речных катерах, размещённую в посёлке Косоево (в 4–5 км юго-восточнее Усть-Большерецка), где располагалась база снабжения. Из этого пункта на катерах и самоходных кунгасах в любое время можно было перебросить силы в направлении Микояновска и Большерецка.

В 1940 г. прошли учения всех частей западного побережья Камчатки с привлечение лиц запаса. Учения проводил Артюшин, проверял действия командир 45-го особого стрелкового корпуса генерал-лейтенант Васильев. Оценка действий полка — отлично. Были отработаны следующие задачи: а) отражение высадки десанта с моря, б) встречные бои. Привлекалась авиация из Петропавловска.

Полковник Артюшин в начале 1941 г. впервые организовал (из опыта военных действий на Халхин-Голе) наступление полка за огневым валом артиллерии и миномётов.

С началом в 1941 г. войны подразделения полка заняли свои оборонительные позиции и находились на них до декабря 1941 г., когда японцы прекратили демонстративные провокации высадки десантов на полуостров. Они делали следующее: подгоняли

в прибрежные воды пять-шесть эсминцев, два-три транспорта, грузили на кунгасы солдат и технику и направляли их к побережью. И так пять-шесть раз в день. Уходила эта армада вглубь Охотского моря только тогда, когда прилетала наша авиация из Петропавловска. У нас был приказ: отражать нападение только при высадке на берег.

Примерно в январе — феврале 1942 г. японцы на нашем оперативном направлении не появлялись, и боевая учёба заключалась в основном в марш-бросках батальонов по разным направлениям. Полк к этому времени уже стал трёхбатальонного состава. Тренировали солдат в зимних лагерях, причём пищу каждый из сухого пайка готовил сам. Жили в шалашах, каждая рота примерно десять дней.

В это время состоялись несколько лыжных переходов: Усть-Большерецк — Апача — Начики — Елизово — Петропавловск и обратно; Усть-Большерецк — Мильково; Усть-Большерецк — мыс Лопатка. Они способствовали боевому сплочению полка и приданных подразделений.

Особенно успешно совершенствовалась огневая подготовка всего личного состава. Ввиду того что запасы боеприпасов были ограничены, а их доставка сопрягалась с определёнными трудностями, полковник Артюшин требовал овладеть огневым мастерством. В 1943 г. его перевели заместителем командира 101-й стрелковой дивизии в Петропавловск.

КОКМ ОФ 38059/267. Рукопись. 1988 г.

Рыболовные участки японских предпринимателей, организация работы на них. По прибытии в Большерецкий совхоз, где из состава маневренной группы 60-го Камчатского пограничного отряда формировался 198-й горно-стрелковый полк, обстановка на побережье Охотского моря была следующая.

1. Согласно одной из статей Портсмутского мирного договора, где Россия была вынуждена признать своё поражение, японцам уступались определённые позиции в экономике ряда районов Дальнего Востока. Одним из таких районов было побережье Охотского моря, где японские предприниматели были допущены к организации концессий по лову сельди, лососёвых и крабов.

На оперативном Усть-Большерецком направлении концессионных участков (играющих роль передовых плацдармов) было четыре: а) в районе Митогинского рыбокомбината, это примерно 25 км северо-западнее Усть-Большерецка, б) в районе Микоя-

новского рыбокомбината, 6 км севернее его, в) южнее Большерецкого комбината в 4–6 км и г) севернее Озерновского рыбокомбината в 6–8 км.

Японцы завозили рабочую силу только на время путины, с мая по октябрь, причём это в основном были переодетые солдаты регулярной армии, среди них царили военная организация и дисциплина. Высадив этот контингент на свои базы, до 600 чел. (примерно батальон), японцам ничего не стоило бесконтрольно выгрузить оружие и боеприпасы, так как таможенной службы не было и их суда подходили к базам свободно. Погрузка продукции и выгрузка материалов у них шла бесконтрольно. Правда, вокруг территории базы размещалась команда морской пограничной комендатуры, летом имевшая в своём составе для охраны около 25–30 чел., вооружённых в основном винтовками Мосина. Это не могло быть серьёзной силой по пресечению возможного японского проникновения вглубь полуострова.

Таким образом, Япония, располагая такими участками на побережье Камчатки, могла иметь уже готовые плацдармы для высадки больших сил. Если учесть, что таких участков имелось до сорока, то Япония могла вооружить до 24 тыс. солдат и офицеров.

В 1940 г. по требованию наркома обороны эти рыболовные участки у японцев были изъяты и заменены другими, расположенными севернее.

КОКМ ОФ 38059/268. Рукопись. 1988 г.

...Пишу об одном из событий оборонного характера, которое производилось в целях защиты Камчатского полуострова, в частности его Усть-Большерецкого направления.

После того как стало понятно, что фашистская Германия вероломно напала на СССР (а это нам, военным, стало известно примерно в 16.00 22 июня 1941 г.), в 17.30 войсковые части гарнизона были подняты по тревоге и направлены в район сосредоточения к побережью Охотского моря — от Усть-Большерецка в северном направлении (1-й и 2-й батальоны 198-го отдельного стрелкового полка) и к западу от Усть-Большерецка (3-й батальон).

Заняли имевшиеся опорные пункты. Начали готовиться к возможному отражению высадки японских войск. Надо отметить, что с июня по сентябрь 1941 г. каждый день, а иногда и ночью, с берега были видны три-четыре, а иногда до восьми военных кораблей Японии. Они производили тренировки посадки личного состава десанта на мелкие плавсредства и направляли их к берегу.

После того как по запросу командования наших сил (полковник Артюшин) из Петропавловска прилетали самолёты, два-три звена, японские корабли уходили вглубь Охотского моря, исчезали за горизонтом. У нас был приказ: открывать огонь, если японцы попытаются высадиться на прибойную полосу. Такую обстановку японские самураи всё время создавали до конца сентября 1941 г.

Перед советским командованием встал вопрос организации узла сопротивления на ближних подступах к Усть-Большерецку. Было принято решение строить его. Что усложняло это строительство? Не было материалов, цемента и камня. Почва — в основном тундра, правда, на отдельных холмах было сухо. Значит, было необходимо заготовить материал в лесных массивах, лежащих в районе реки Амчигачи, примерно в 12–18 км от берега Охотского моря.

Транспорта для перевозки древесных конструкций не имелось, да и дорог не было. Поэтому, учитывая имеющихся лошадей (взвод конной разведки, хозяйственная рота и отчасти батареи 76-миллиметровых орудий), все они были мобилизованы на перевозку. Но ввиду того, что они могли доставить всего 15–20 % нужного на день материала, ночью (для маскировки) солдаты таскали брёвна на плечах, совершая еженощно один-два рейса в район заготовок и оттуда — на строительство опорных пунктов. Все пункты были построены примерно к декабрю 1941 г. Сделаны из дерева накатные тропы и дороги для быстрого форсирования тундры между опорными пунктами.

Недочёт: ввиду сильного напряжения физических сил при этих переносах часть личного состава заболела дистрофией, что привело к созданию батальона выздоравливающих. Было организовано дополнительное питание этого личного состава, задача была такая: люди должны быстрее встать в строй.

Такая была у нас обстановка в июне — декабре 1941 г. в Усть-Большерецке.

ККОМ ОФ 38059/258. Рукопись. Август 1988 г.

Гуськов Трофим Сергеевич, политрук 7-й роты 198-го отдельного стрелкового полка

...Призван в армию в марте 1939 г., мне исполнилось 24 года. До этого работал учителем в начальной сельской школе в Северном Казахстане, около Петропавловска [Казахстанского]. Тогда нас — учителей, агрономов, ветеринарных работников — трудившихся в сельской местности, в армию не брали, давали бронь. С развёрты-

ванием армии после XVIII партсъезда её отменили и многие были призваны.

До мая 1940 г. служил в Комсомольске-на-Амуре в строительных частях, был батальонным учителем, затем заместителем политрука роты. В мае 1940 г. нас перевели в Петропавловск-Камчатский. Здесь мы занимались строительством: соорудили военный госпиталь, Дом офицеров, работали на аэродроме, возводили дома для семей офицеров. В 1940 г. по приказу наркома обороны С. К. Тимошенко все красноармейцы и младшие командиры с высшим и средним образованием должны были сдать экстерном экзамен на звание среднего командного состава. Мне присвоили воинское звание «младший политрук запаса».

С началом войны нашу строительную часть расформировали, личный состав распределили по другим существовавшим и вновь созданным частям камчатского гарнизона. Меня перевели в артиллерийский полк заместителем политрука и секретарём партийной организации батареи. В мае 1942 г. нас, семерых заместителей политруков, перевели в 198-й стрелковый полк политруками рот. Меня назначили в 7-ю роту, через месяц присвоили звание младшего политрука. Так я стал командиром — армейским политработником.

До войны 198-й полк был кадрированным, то есть с малочисленным составом. С началом войны он развернулся по штатам военного времени, увеличился вдвое. Прибыли командиры — выпускники Хабаровского пехотного училища. Большинство командиров рот были молодыми лейтенантами, мы, политруки, опыта самостоятельной работы не имели. Комиссаром, затем заместителем командира полка по политчасти был старший батальонный комиссар, позднее подполковник, товарищ Фаршатов. Он имел большой партийный стаж и опыт партийно-политической работы. Научил нас, молодых политруков, быть не только требовательными, но и чуткими. С ним работалось хорошо.

В 1943 г. заместителей командиров рот по политчасти упразднили, в батальоне остались заместитель командира по политчасти, парторг и комсорг. Меня избрали парторгом батальона, а комсоргом стал лейтенант А. В. Санников.

Наш гарнизон состоял из одного пехотного полка и артиллерийского дивизиона. Зимние квартиры находились в 10 км от берега Охотского моря. Боевые участки тянулись на несколько километров вдоль морского берега, предназначались для отражения возможной высадки японских войск. Места были удобные. Укрепление

боевых участков велось скрытно, неудобством было то, что вблизи располагались японские рыбные базы. До 1945 г. японцы с мая по сентябрь вылавливали в наших водах и перерабатывали рыбу. Поблизости ходили их катера, шхуны, с них могли наблюдать за нами.

За японцами пристально следили пограничники и пресекали случавшиеся нарушения границ отведённых им участков. Мы с пограничниками были в тесном взаимодействии, они нас извещали, что представляют собой японские рабочие, их настроения. (Вероятнее всего, они в большинстве своём были солдатами, переодетыми в рабочую форму. Это было заметно по их дисциплине.)

Я уже имел некоторый опыт партийно-политической работы как заместитель политрука, ранее избирался секретарём комсомольской организации роты, членом комсомольского бюро батальона. Но здесь встретился с трудностями: призывной состав разношёрстный — и молодые, и пожилые, низкая партийно-комсомольская прослойка. Нужно создать комсомольскую организацию, партийную группу, подобрать чтецов, агитаторов. До прибытия лейтенантов командирами взводов были в большинстве младшие командиры.

Мы, политруки, работали, не считаясь со временем, поднимали авторитет младших командиров, боевитость комсомола, партгруппы, а в роте было четверо членов и кандидатов партии. Всю работу направляли на укрепление воинской дисциплины, как основного звена боевой подготовки. Как результат, грубых нарушений дисциплины, таких, как самовольные отлучки, дезертирство, не было. Настрой красноармейцев был хороший, понимая обстановку, они прилежно овладевали оружием, приёмами ведения войны. Каждый осознавал, что ему, вероятно, придётся воевать с японцами. (А вот что придётся воевать на Курильских островах, мы представления не имели.)

Шли большие работы по укреплению боевых участков: рытьё и укрепление траншей, ходов сообщения, землянок. Строились дополнительные дороги, прокладывались гати из брёвен, их носили на себе за четыре — пять километров.

К этому времени в полку осталось 13 политработников, остальных отправили в Хабаровск на переподготовку. Впоследствии они стали хорошими строевыми командирами. Приведу пример. У нас в батальоне был политрук пулемётной роты М. Боков. После переподготовки он на фронте стал командиром роты. Как-то пришло письмо, извещавшее, что старшему лейтенанту Бокову за умелое руководство ротой вручён орден Красного Знамени. Позднее пришло сообщение, что капитану Бокову присвоено звание Героя Советского

Союза. Такие сообщения о наших товарищах становились достоянием всего полка. (Впоследствии от его родителей стало известно, что Боков геройски погиб.)

В новых условиях возникли и новые трудности в работе. Командир роты стал единоначальником, ему нужно было, помимо обучения солдат боевым приёмам, руководить воспитательной работой, направлять партгруппу и комсомольскую организацию. Пока были заместители по политчасти, командиры этим почти не занимались. В батальоне сложилась парторганизация из 24 членов и кандидатов партии, избрали партбюро из пятерых партийцев. В некоторых ротах ввиду малочисленности коммунистов не было возможности создать парторганизации, пришлось переводить членов партии из других рот.

Начался массовый приём в партию лучших красноармейцев и командиров. Опять возникли трудности: почти нет членов партии с трёхгодичным и более стажем, знающих вступающих не менее одного года (требования устава партии). Таковых у нас в батальоне оказалось всего трое. Заместитель командира полка по политчасти подполковник Фаршатов однажды собрал партийцев, могущих давать рекомендации (а их было не более десятка), дал указание: «Если ты, как член партии, за день не написал пять-шесть рекомендаций, считай, что ты не сделал ничего полезного для партии». Вот так на первых порах парторги работали по вопросу роста числа коммунистов. А в 1944 г. в батальоне своих членов партии, могущих давать рекомендации, было уже достаточно. Парторганизация батальона к концу войны насчитывала более двухсот членов и кандидатов. В каждой роте были созданы крепкие ячейки, избраны парторги и партбюро. Партбюро батальона включало девятерых. При такой партийной прослойке и активе политическая работа в ротах и батальоне была поставлена хорошо и соответствовала требованиям времени. Наш 198-й стрелковый полк считался среди полков дивизии и корпуса лучшим, подтверждением тому являются все проверки вышестоящих начальников, ставивших одну оценку — хорошо.

О взаимоотношениях с населением. Наш 198-й стрелковый полк располагался в трёх километрах от районного центра Усть-Большерецка. У нас имелись тесные связи с местными партийными, советскими, хозяйственными организациями и населением. Заместитель командира полка, как правило, был членом бюро райкома партии, комсорг полка — членом бюро райкома комсомола.

Командир полка подполковник Шурупов избирался депутатом райсовета депутатов трудящихся. На всех партийных активах района обязательно присутствовали наши военные представители. Политработники выезжали в праздничные дни и знаменательные даты с лекциями и докладами на рыбные базы комбинатов, в совхозы и колхозы, находившиеся вблизи полка. В клубе райцентра выступали воинские коллективы художественной самодеятельности, проводили занятия с подшефной средней школой района.

Местное население во время войны собирало и присылало воинам подарки, особенно ко Дню Красной Армии. Усть-Большерецкий район по преимуществу рыбацкий, в нём расположено много рыбокомбинатов. Наш полк ежегодно выделял большое количество подразделений для работы на путине. Большинство мужчин из комбинатов призвали в армию, оставались женщины и часть мужиков по брони. Все тяжёлые работы, как то: разгрузка пароходов с углём и солью, отправка продукции — проводились военнослужащими. Выделение подразделений на работу в комбинатах происходило по приказу наркома обороны. По договору с Наркомрыбпромом СССР военнослужащих обеспечивали спецодеждой, дополнительным питанием и прочим.

Мы выезжали в комбинаты при полной боевой готовности, с оружием и боеприпасами, размещались в палатках по подразделениям, с воинским распорядком дня. Воспитательная работа строилась в направлении мобилизации личного состава на выполнение и перевыполнение норм выработки, чтобы каждый воин знал, что его физический труд идёт на укрепление нашего государства и чтобы он морально был готов к отражению врага, если тот нападёт. Временами проводили учебные тревоги с занятием боевых участков.

Наш батальон трудился в большом рыбокомбинате имени А. И. Микояна, расположенном на косе вдоль реки Быстрой до устья и Охотского моря. Здесь же находилась пограничная комендатура. Мы, политработники и командиры, работали совместно с администрацией, партийным и комсомольским комитетами, ежедневно утром или в обеденный перерыв доводили до тружеников сводки Совинформбюро о положении на фронтах. Газеты мы получали два-три раза в месяц, новости слышали только по радио. Для этого на радиоузле специально дежурил товарищ, принимал «Последние известия», записывал их в журнал.

Вместе с редактором комбинатской многотиражки Фишером выпускали «Боевые листки» с итогами деятельности предприя-

тия. Лучших рабочих, в том числе и красноармейцев, заносили на ежедневную Доску почёта.

Несмотря на большую физическую нагрузку (работу и несение службы), настрой бойцов был хороший. В подразделениях не имелось нытиков, уклонистов от работы по мнимой болезни. На работу и обратно ходили строем, с песней, показывая населению военную выправку, показывая, что на такую армию можно положиться.

О Курилах. Во время войны с немецко-фашистскими захватчиками политработа заключалась в воспитании ненависти к врагам, поднятии морального духа, в убеждении, что наше дело — правое и враг обязательно будет разбит, несмотря на временные неудачи и тяжёлые условия, в которых находится наша страна. При этом не забывали о Японии, являвшейся союзником Германии, могущим в любой момент напасть на СССР и на нашу территорию — Камчатку, потому что давно вынашивала такие планы. Готовили солдат к активной оборонительной войне.

С разгромом Германии воспитательная работа стала приобретать иной характер. На Западе началась демобилизация, а у нас — нет. Солдаты старших возрастов стали задумываться о доме, задавали вопросы о демобилизации, их же получали из дому в письмах от семей. Мы объясняли воинам, что Япония оккупировала большую территорию государств Юго-Востока Азии, содержит громадную армию на границе с СССР. Беседовали о боях с японцами на озере Хасан, реке Халхин-Гол, рассказывали о зверствах, творившихся японскими оккупантами на нашем Дальнем Востоке в 1920-х гг., об отчуждении Южного Сахалина в войне с Россией в 1904—1905 гг. Говорили и о Курильских островах, являвшихся исконной землёй России...

Наш полк высаживался на Курилы во втором эшелоне... 8 августа (так в исходном тексте, видимо, 18-го. — *Ред*.) неожиданно появился самолёт. Начальник штаба дивизии объявил боевую тревогу. Весь личный состав полка в полной выкладке, с артиллерией и лошадьми (мы были на конной тяге) двинулся на боевой участок, где уже стояли пароходы. Погрузились и в ночь отправились на острова. На рассвете высадились на остров Шумшу, он был почти освобождён. Наш полк серьёзных боёв не вёл, за исключением отдельных случаев.

После освобождения Шумшу мы стали готовиться к высадке через пролив на Парамушир. На второй день утром через пролив пришли несколько десятков японских самоходных десантных барж

с белыми флагами. (Это были баржи, предназначенные для высадки десанта на Камчатку.)

Мы погрузились на них, часть подразделений оставили на Шумшу. Переправились на Парамушир и приступили к разоружению японского гарнизона. Отпраздновали День Победы над Японией. Приказом Верховного Главнокомандующего 101-й стрелковой дивизии и нашему 198-му стрелковому полку присвоены почётные наименования «Курильские».

В конце сентября решением командования 2-го ДВФ нам приказано грузиться на пароходы и отправляться на старое место. Этот приказ был воспринят восторженно. В придаток нам дали несколько сот лошадей-монголок, находившихся на пароходах, чтобы их сохранить и прокормить, так как других частей на Камчатке не имелось.

Нас передали дивизии, прибывшей в Петропавловск. С приходом в Усть-Большерецк разгрузились, на следующий день стали заниматься хозяйственными делами, заготавливать корм для лошадей. Сенокосных угодий вокруг было много. В дождь, в плащпалатках вручную косили сырое сено, складывали его шалашами и посыпали солью, чтобы не испортилось. Соль нам давали комбинаты в неограниченном количестве. Конюшен не строили, так как не имели такой возможности. В лесу вырубили поляну, защищённую от ветра, разместили на ней лошадей. Весь табун сохранили, весной передали местным властям для колхозов и совхозов.

На протяжении трёх лет полк летом строил казармы, домики для офицеров, каждый на одну семью. Лес сплавляли по рекам, крыши крыли «финской стружкой», её готовили сами. Нашлись свои инженеры, техники, соорудили собственный кирпичный «завод». В общем, всё делали сами из заготовленного нами же материала.

Первую частичную демобилизацию провели в марте 1946 г. Полностью всех демобилизовали в июле этого же года. Меня назначили заместителем начальника эшелона по политчасти. Сопровождал эшелон до Москвы...

ККОМ ОФ 38059/270. Рукопись. 20 октября 1987 г., г. Саратов

Из наградного листа *Трофима Сергеевича Гуськова*, лейтенанта, парторга 3-го стрелкового батальона 198-го отдельного стрелкового полка, 1915 г. р., русского, члена ВКП(б). Участвовал в десантной операции против японских захватчиков на острове Парамушир с 9 августа 1945 г. В Красной Армии с сентября 1939 г., призван Мамлютским районным военкоматом Северо-Казахстан-

ской области. Ранее не награждался. Представляется к медали «За боевые заслуги».

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

В период высадки десанта на остров Парамушир личным примером вдохновлял бойцов на выполнение боевого приказа по пленению и разоружению японских войск. В последующих операциях по конвоированию японских войск, по охране и обороне военных объектов на острове Парамушир проявлял инициативу и находчивость, чем способствовал выполнению боевой задачи.

Командир 198-го ОСП подполковник *Филимонов.*
10 сентября 1945 г.

НВФ 4343/179. Ксерокопия

Даин (Дайн) Товия Бенционович, старший лейтенант, начальник штаба передового отряда высадки

...Можете рассчитывать на любую информацию, которая может быть вам полезна, так как у нас, ветеранов десанта, конечно, есть желание, чтобы подробности столь сложной и дерзкой операции, а также массовый героизм её участников получили как можно большую гласность. При этом прошу учесть, что никакими документами я не располагаю, многих фамилий не помню, а планшет, где были боевые приказы, донесения, состав передового отряда и фамилии командиров подразделений, в момент высадки промок и сгнил. Я плыл вместе с бойцами. На нас сгнила и одежда, сушить которую не было возможности. Поэтому всё, что я могу поведать вам, это мои субъективные мнения...

1. Ни в каком оперативном плане высадка десанта силами КОР не предусматривалась. Он вообще не располагал силами и средствами для наступательных операций. Вооружение, начиная со стрелкового, находилось на уровне 1939—1940 гг., артиллерия — в основном на конной тяге, танков никаких, самолёты И-16. Примерно такой же был и уровень военно-морских сил. Следовательно, никакой предварительной подготовки быть не могло.

Задачу на операцию давала Ставка Верховного Главнокомандования. Срок — минимальный, по просьбе генерала Гнечко добавили двое суток. Специальных военно-транспортных средств на Камчатке не было, да и достаточного охранения военно-морские силы предоставить не могли.

Передовой отряд высаживался с пяти американских десантных судов, вооружённых автоматическими 20-миллимитровыми зенитными пушками. ДС были рассчитаны, как мне говорил командир одной из них, на перевозку 250 солдат на короткие дистанции. Мы были вынуждены грузить по 400–500 военнослужащих с полной боевой выкладкой, запасами и прочим. Поэтому ДС к берегу не смогли подойти, высадка производилась на глубине два-три метра. Многие погибали от перегрузки и неумения плавать, ещё не добравшись до берега. Эшелоны десанта доставлялись в основном на торговых судах и высаживались под шквальным пристрелянном огне.

Судите сами, «можно ли было обойтись без лишних жертв?»

2. Действительно, высота 171,0 была взята десантом (передовым отрядом) с ходу. Однако затем оставлена не отходом, а почти полным истреблением передовой части отряда жесточайшим огнём обороняющихся, а также огнём судовой артиллерии, накрывшей склон высоты, по которому мы наступали...

4. Данными разведки о чрезвычайно сильной и совершенной обороне (укрепления строились и развивались около сорока лет) мы располагали. К американцам КОР обращаться не имел возможности. Наши главные союзники — внезапность и дерзость — сработали.

Глубоко убеждён, что если бы японцы могли предположить, что действия десанта с Камчатки возможны, или даже увидели приближение его к берегу за 15–30 минут до высадки, ни одно судно, и более того, — ни один солдат живым бы не ушёл.

Наш второй союзник, но и враг — жуткий туман. Союзник — дал нам возможность высадки десанта, враг — причина гибели многих, так как шедшие сзади на 10–20 м не видели впереди идущих и стреляли зачастую в затылок. Разыскивая тело лейтенанта Иноземцева, я убедился в этом сам...

ККОМ ОФ 28039/271. Рукопись. 26 июня 1987 г., г. Москва

Из наградного листа *Товия Бенционовича Даина*, старшего лейтенанта, офицера связи штаба КОР, 1921 г. р., еврея, члена ВКП(б). В Красной армии с 23 сентября 1938 г. Ранее не награждался, представляется к ордену Красного Знамени.

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Товарищ Даин во время боевых действии исполнял должность начальника штаба группы захвата. Проявил себя как неутомимый организатор, волевой и храбрый командир. В боях за овладение высотой 171,0 товарищ Даин первым поднял ряды штурмую-

щих и одним из первых добрался до вершины высоты противника, откуда руководил боем, несмотря на огонь противника. Огромный вклад в захват высоты 171,0 старший лейтенант Даин внёс во время формирования подразделения на поле боя. Достоин правительственной награды — ордена Красного Знамени.

Командующий войсками КОР генерал-майор *Гнечко.*
2 сентября 1945 г.

НВФ 4343/183. Ксерокопия

Из приказа войскам 2-го ДВФ от 2 сентября 1945 г. № 017/н (действующая армия)

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с японцами на Дальнем Востоке и проявленные при этом доблесть и мужество награждаю:

1. Орденом Красного Знамени:

1. Старшего лейтенанта Дайна Товия Бенционовича, офицера связи штаба КОР 2-го ДВФ...

Командующий войсками 2-го ДВФ генерал армии *Пуркаев.*
Член военного совета 2-го ДВФ генерал-лейтенант *Леонов.*
Начальник штаба 2-го ДВФ генерал-лейтенант *Шевченко.*
Начальник отдела кадров 2-го ДВФ полковник *Лосев*

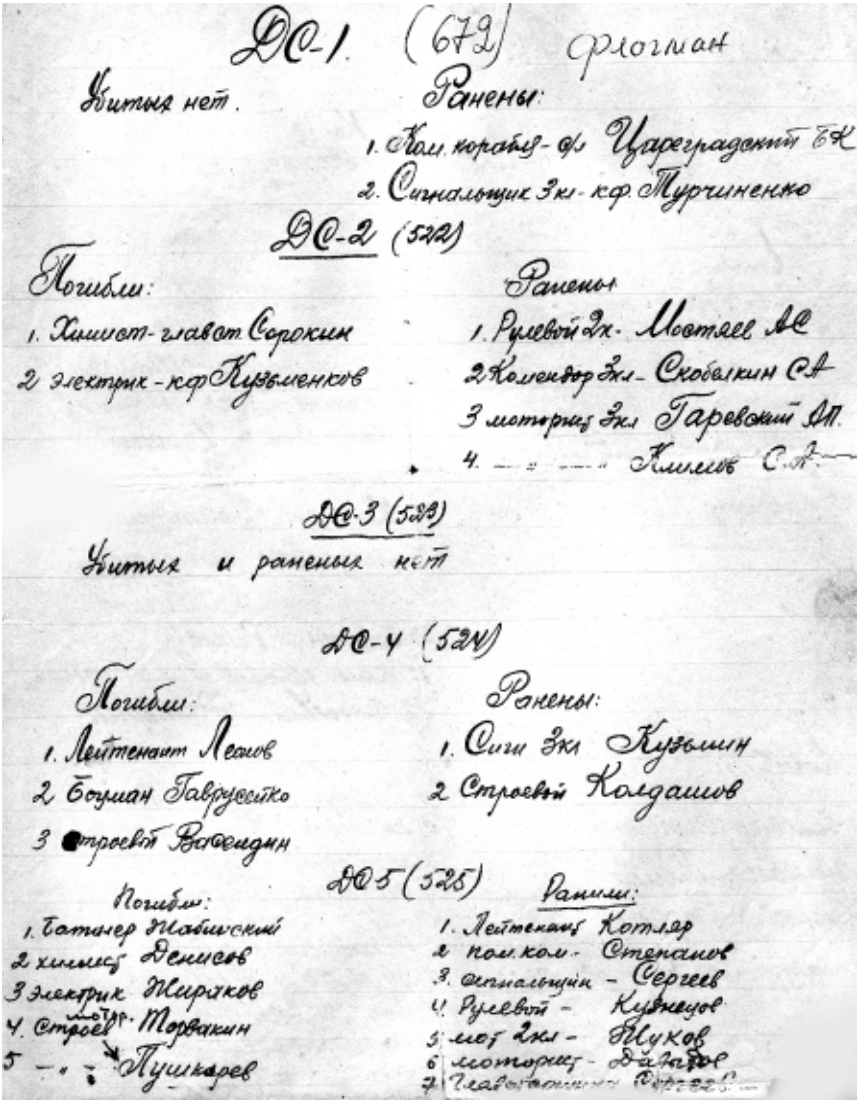
НВФ 4343/183. Ксерокопия

Даньшин Виктор Алексеевич, сержант 7-й роты 3-го стрелкового батальона 198-го отдельного стрелкового полка

...Наш 3-й взвод 7-й роты был оставлен с пленными для вывоза их во Владивосток, а остальные — как рота, так и полк — выехали на новое место. Мы вывозили [японских] солдат в Находку, а офицеров вывозил взвод из 1-го батальона, [командир] младший лейтенант Кирилюк.

Когда мы их везли, со мной случилась неприятность, положили в армейский госпиталь имени Усова на Океанской... Почему я лежал в госпитале? Во время проезда японцы подняли гай, их сразу закрыли в трюма, а генерал их всё просил встречу с капитаном парохода. В это время нас подняли «по боевой», и по неосторожности мне пуля попала в колено. Тут такой поднялся гай...

ККОМ ОФ 38059/279. Рукопись. Апрель 1988 г.

ДС-1 (679) флагман

Убитых нет. Раненые:

1. Ком. корабля - ф/ Цареградский ВК
2. Сигнальщик 3кл - кф Турчиненко

ДС-2 (522)

Погибли:

1. Химист - главст Сорокин
2. Электрик - кф Кузьменков

Раненые:

1. Рулевой 2кл - Мостяев АС
2. Комендор 3кл - Скобелкин СА
3. моторист 3кл Гаревский ЛП
4. — " — Климов СФ

ДС-3 (523)

Убитых и раненых нет

ДС-4 (524)

Погибли:

1. Лейтенант Лешов
2. Боцман Гаврусейко
3. Строевой Васюдин

Ранены:

1. Сигн 3кл Кузьмин
2. Строевой Колдашов

ДС-5 (525)

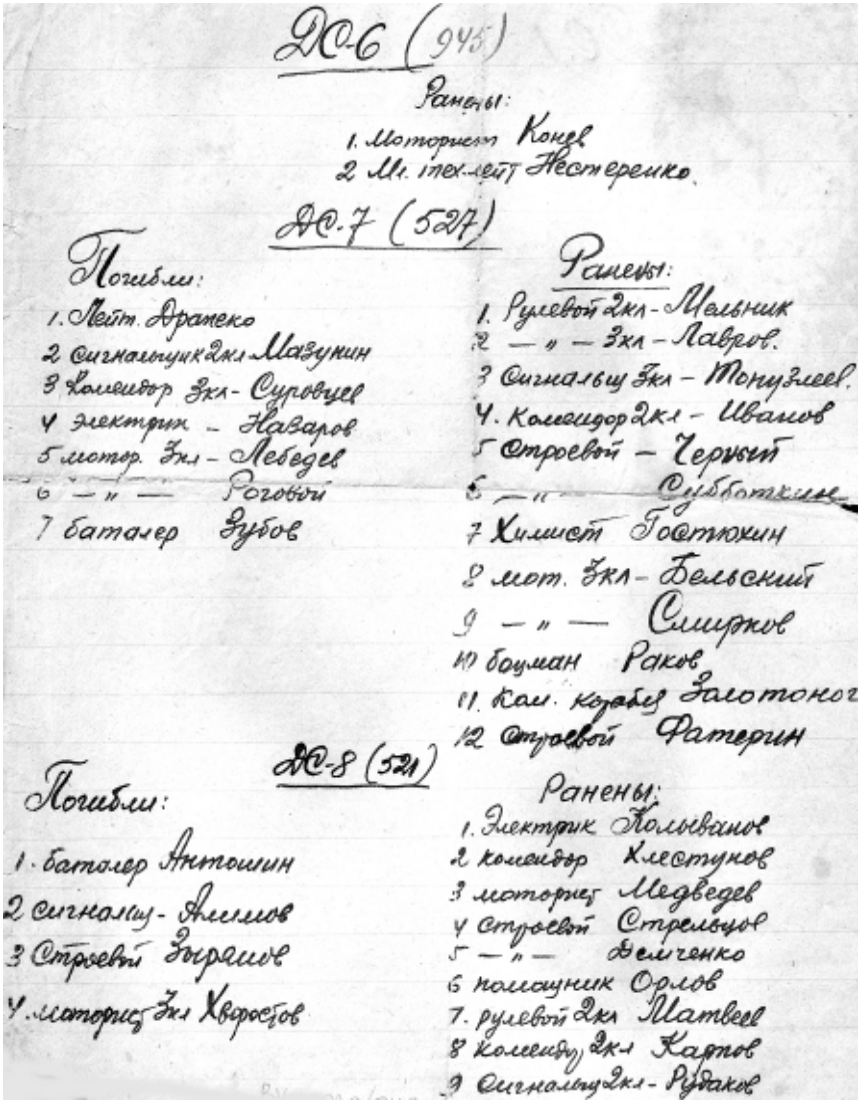
Погибли:

1. Баталер Жабинский
2. химик Денисов
3. электрик Жиряков
4. Строевой моторист Торвакин
5. — " — Пушкарев

Ранены:

1. Лейтенант Котляр
2. пом. ком. - Степанов
3. Сигнальщик - Сергеев
4. Рулевой - Кузнецов
5. мот 2кл - Жуков
6. моторист - Фёдоров
7. Главстаршина Фролов

Списки моряков десантных судов, погибших и раненных

ДС-6 (945)

Ранены:

1. Моторист Конев
2. Мл. техник-лейт. Нестеренко

ДС-7 (527)

Погибли:

1. Лейт. Драченко
2. Сигнальщик 2кл Мазунин
3. Комендор 3кл - Суровцев
4. электрик - Назаров
5. мотор. 3кл - Лебедев
6. — " — Роговый
7. баталер Зубов

Ранены:

1. Рулевой 2кл - Мельник
2. — " — 3кл - Лавров
3. Сигнальщ 3кл - Тонунлеев
4. Комендор 2кл - Иванов
5. Строевой - Черный
6. — " — Субботкин
7. Химист Гостюхин
8. мот. 3кл - Бельский
9. — " — Смирнов
10. боцман Раков
11. Кам. корабл Золотонос
12. Строевой Фатерин

ДС-8 (521)

Погибли:

1. баталер Антошин
2. сигналщ - Яшлов
3. Строевой Зырянов
4. моторист 3кл Хворостов

Ранены:

1. Электрик Колыванов
2. комендор Хлестунов
3. моторист Медведев
4. Строевой Стрельцов
5. — " — Демченко
6. помощник Орлов
7. рулевой 2кл Матвеев
8. Комендор 2кл Карпов
9. Сигнальщ 2кл - Рудаков

в ходе высадки на остров Шумшу [ККОМ ОФ 38059/220]

10. Командир Остроух
11. Строевой Шмидт
12 Радист Ивлев
13. Ком БЧ-V Константинов

ДС-9 (554)

Погибли:
1 Командир Гурьев
2 Сигн. 2кл Ситников
3 — " — 2кл. Заварин

Ранены:
1. Пом ком. Зайцев
2 Ком. БЧ-V Макарычев

ДС-10 (557)

Погибли:
1. Командор 2кл-Малаев
2 Рулевой 2кл-Кошкарев

ДС-46 (526)

Ранен пом.ком. Багаев

ДС-47 (571)

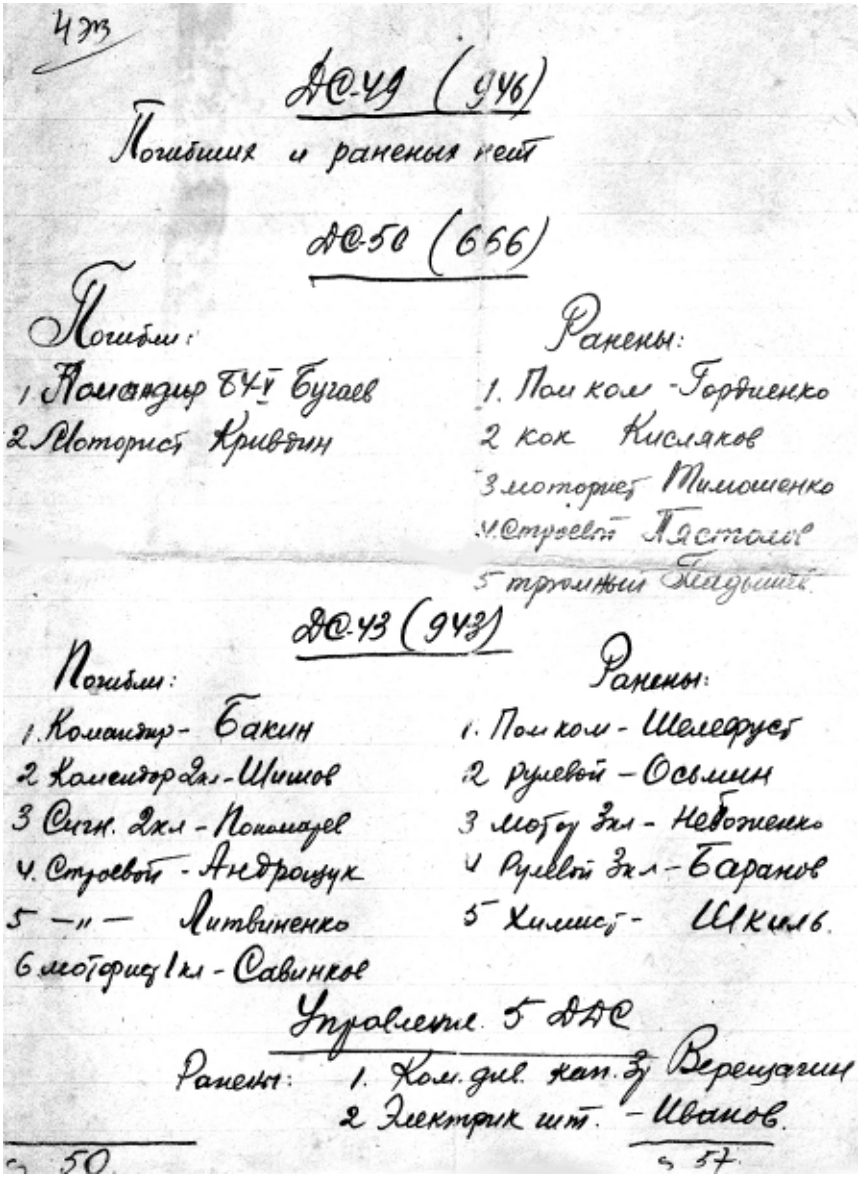
Точных данных нет. Говорят, что 16 чел потонуло.

ДС-48 (551)

Погибших и раненых нет.

ВХ 10080/242 1 лист из 1х ККОМ оф-38059/220

Списки моряков десантных судов, погибших и раненных

4 экз

ДС-49 (946)

Погибшие и раненые нет

ДС-50 (666)

Погибли:

1. Командир ВЧ Бугаев
2. Моторист Кривцун

Ранены:

1. Пом ком - Гордиенко
2. кок Кисляков
3. моторист Тимошенко
4. строевой Пастухов
5. тромпный Бездынин

ДС-43 (943)

Погибли:

1. Командир - Бакин
2. Комендор 2ал - Шишов
3. Сигн. 2кл - Пономарев
4. Строевой - Андрощук
5. — " — Литвиненко
6. моторист 1кл - Савинков

Ранены:

1. Пом ком - Шелефуст
2. рулевой - Осьмин
3. мотор 3кл - Невоженко
4. Рулевой 3кл - Баранов
5. Химинструктор - Шкиль

Управление 5 ДДС

Ранены: 1. Ком. отд. кап. 3р Верещагин
2. Электрик шт. - Иванов.

с. 50. с. 57.

в ходе высадки на остров Шумшу [ККОМ ОФ 38059/220]

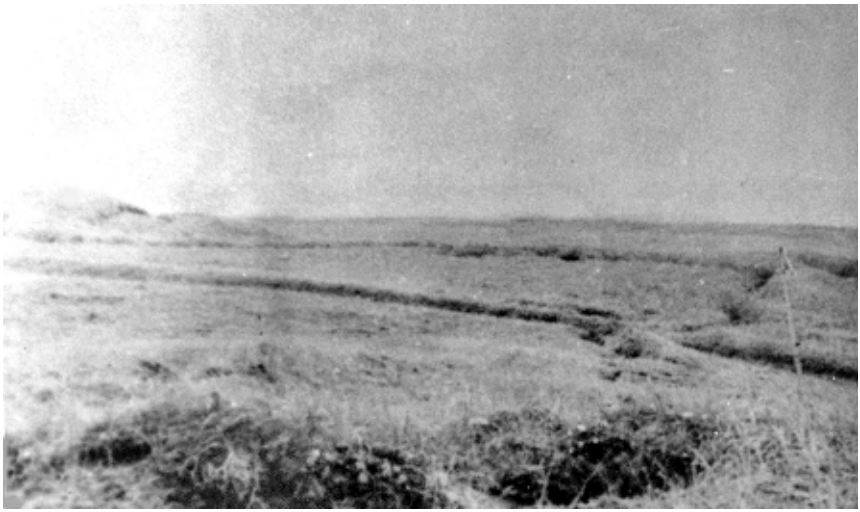
Место высадки десанта на острове Шумшу
[КОКМ ОФ 31823/9]

Амбразура японского дота
[КОКМ ОФ 31823/15]

Северная оконечность острова Шумшу — мыс Кокутан-Саки
[КОКМ ОФ 31823/8]

Остров Шумшу, 1990 г.
[КОКМ ОФ 31823/23]

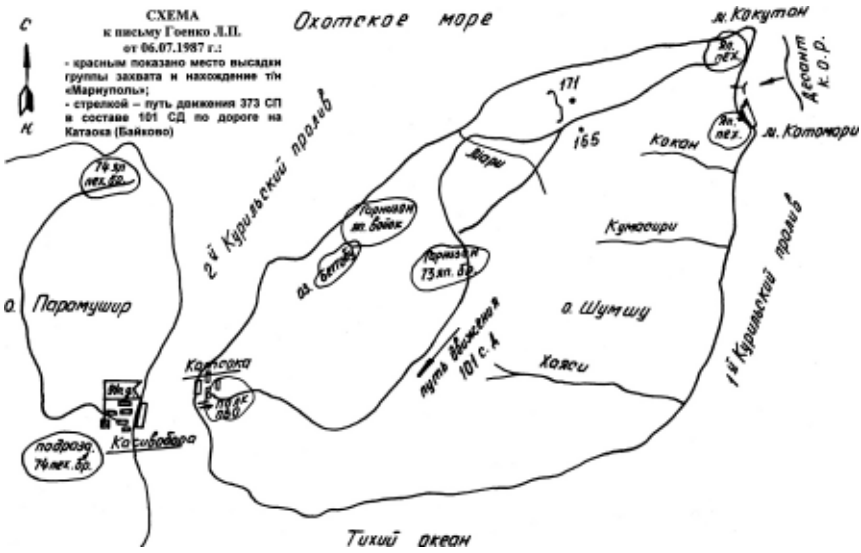

Схема высадки к письму Л. П. Гоенко от 6 июля 1987 г.
[ККОМ ОФ 38059/106]

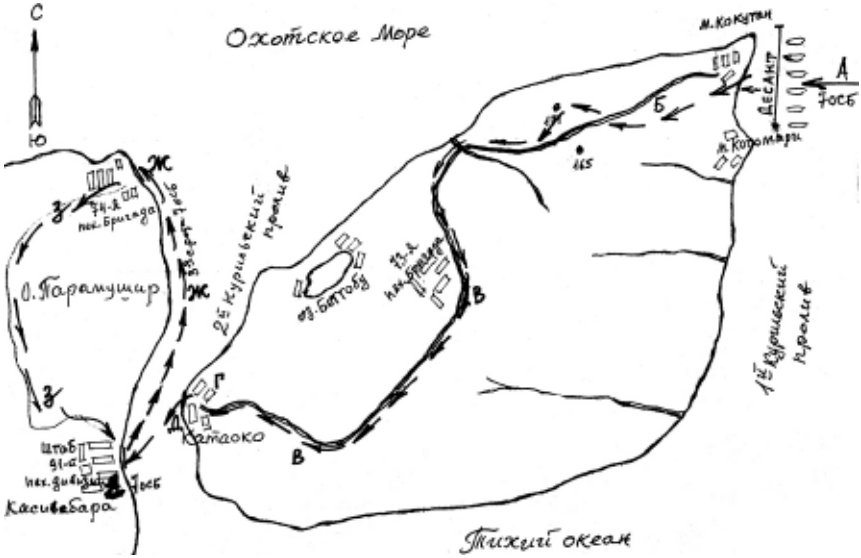

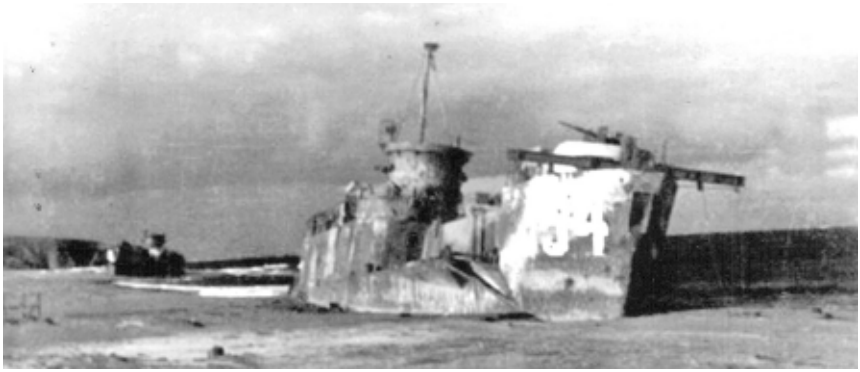
Схема высадки 7-го отдельного стрелкового батальона
к письму В. В. Зобнина от 19 мая 1987 г.
[ККОМ ОФ 38059/302]

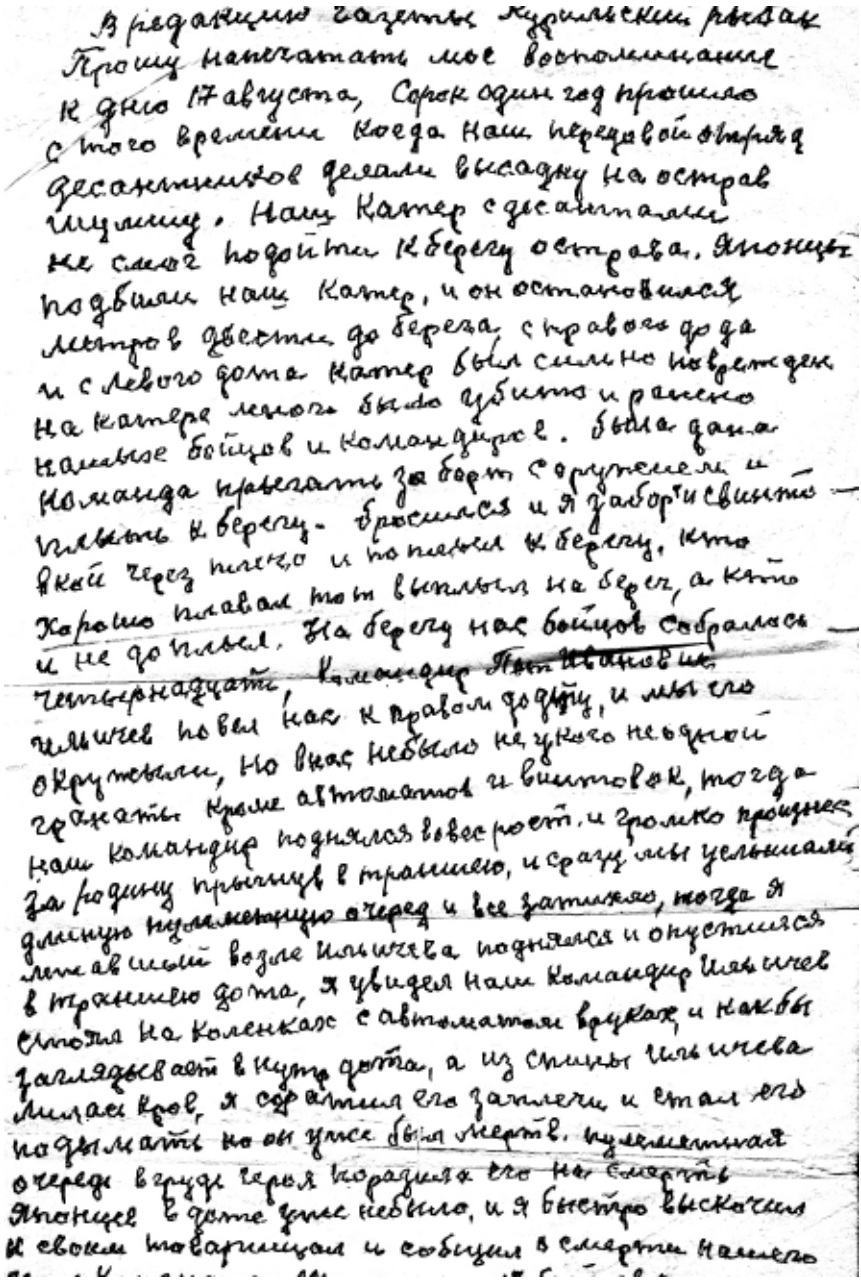
Место высадки десанта на острове Шумшу после завершения боевых действий, 1945 г. [ККОМ ОФ 38059/100]

Это же место в 1987 г. [ККОМ ОФ 38059/98]

Выгоревший корпус десантного корабля ДС-9 № 554 (командир лейтенант В. П. Гурьев) у берега высадки [ККОМ ОФ 38059/188]

В редакцию газеты Курильский рыбак
Прошу напечатать мое воспоминание
К дню 17 августа, Сорок один год прошло
с того времени когда наш передовой отряд
десантников делали высадку на остров
Шумшу. Наш Катер с десантами
не смог подойти к берегу острова. Японцы
подбили наш Катер, и он остановился
метров двести до берега, с правого до да
и с левого дота Катер был сильно поврежден
На катере многих было убито и ранено
Нашие бойцов и командира. была дана
Команда прыгать за борт с оружием и
плыть к берегу - бросился и я за борт и свинтил
якай через плечо и поплыл к берегу, кто
хорошо плавал тот выплыл на берег, а кто
и не доплыл. На берегу нас бойцов собралось
четырнадцать, Командир Постановил
Мичиев повел нас к правой дороге, и мы его
окружили, но нас небыло не одного вооружен
гранаты кроме автоматов и винтовок, тогда
наш командир поднялся во весь рост и громко прокричал
за родину прыгнул в траншею, и сразу мы услышали
длинную пулеметную очередь и все затихло, тогда я
лежавший возле Мичиева поднялся и опустился
в траншею дота, я увидел наш Командир Мичиев
стоя на коленках с автоматом в руках и как бы
заглядывает в нутро дота, а из спины Мичиева
лилась кров, я сразу его за плечи и стал его
поднимать но он уже был мертв, пулеметная
очередь в груди героя кораблика его на смерть
Японцев в доте уже небыло, и я быстро выскочил
к своим товарищам и сообщил о смерти нашего

Начало письма А. З. Гепалова от 29 июля 1986 г. [ККОМ ОФ 38059/65]

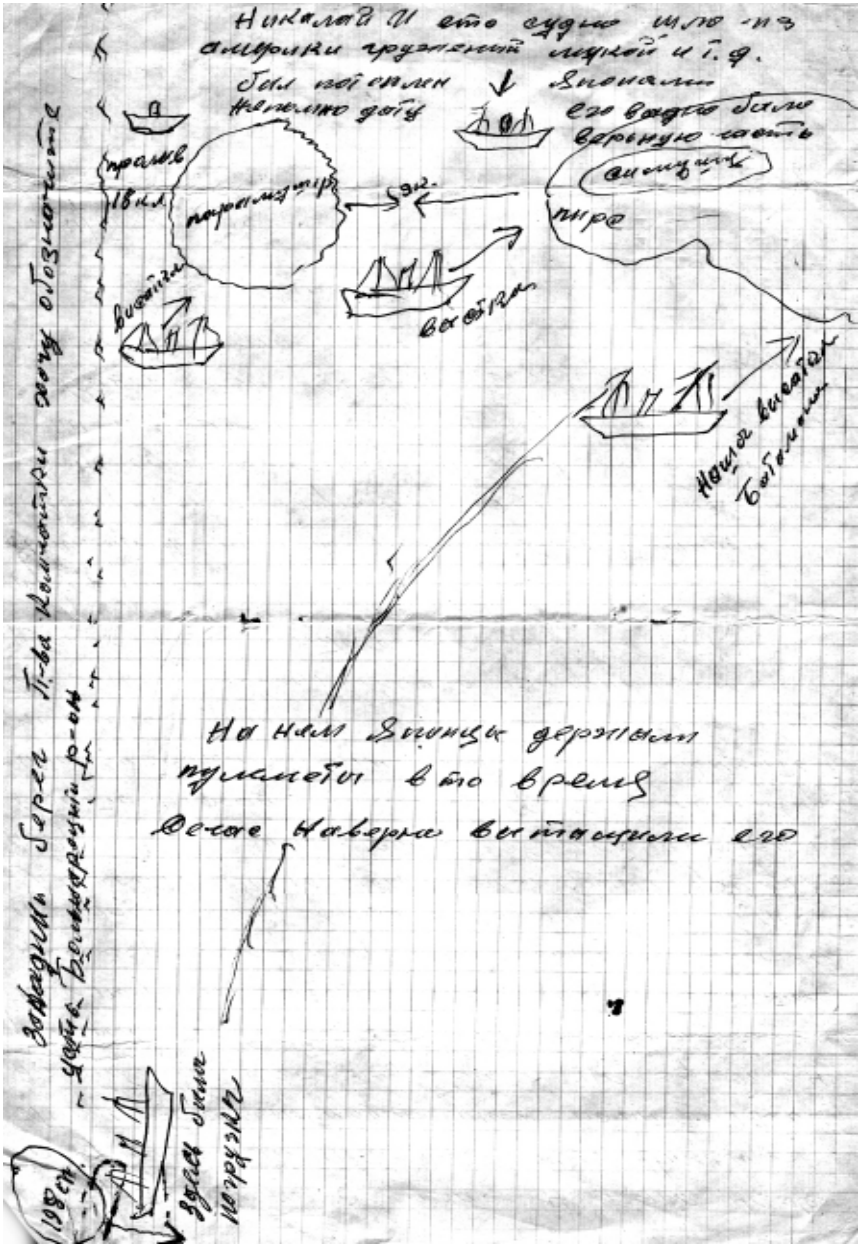

Схема высадки подразделений 198-го стрелкового полка из письма В. В. Кузнецова [ККОМ ОФ 38059/206]

Деревлев Михаил Васильевич, разведчик
в составе 101-й стрелковой дивизии

...На встрече в Новосибирске договорились: 45-летие десанта провести на Шумшу. Мне очень хотелось разыскать своих разведчиков камчатского призыва. Они, правда, не все высаживались со мной в разведгруппе (это несколько позже высадки группы захвата — морская пехота, стрелковые полки).

Я встретил своего вычислителя, и то он не входил в десант разведгруппы.

Разведчики-камчадалы:

Горбунов Павел Алексеевич, ефрейтор. До призыва проживал в Усть-Большерецке, отца у него не было, были мать и сестра. Отличный разведчик, смелый, находчивый, волевой и добрый человек. Он был со мной.

Свиязов Сергей. Где проживал, не помню.

Черненко Гоша. Проживал в совхозе в трёх километрах от Петропавловска. У него были мать и старший брат. Я пробовал писать в областной военкомат Петропавловска, в газету «Камчатский комсомолец». Но мне никто не ответил.

Здесь, в Сибири и на Урале, двух разведчиков нашёл, но один — артист из Магнитогорска, умер 12 апреля 1988 г., а из Омска жив *Павлов Сергей* — шофёр. Даже в Азербайджане нашёл *Раджабова Мамеда*, но он был не разведчиком, а коноводом. А вот камчатских не могу разыскать. Помогите, если сможете...

Действия и судьба 2-го дивизиона, а он один из 279-го артполка первый высаживался на Шумшу и поддерживал стрелковый полк, довольно интересны.

После Шумшу шли на Матуа, но пароход «Волховстрой» получил двусторонние пробоины и засел [на камнях] около острова Харимкотан...

На встрече услышал, сколько домыслов и вранья ходит всякого...

КОКМ ОФ 38059/277. Рукопись. Октябрь 1989 г.

Дёмин Родион Петрович, рядовой 1-го батальона
198-го отдельного стрелкового полка

...Я ...солдат 2-го взвода 2-й роты 1-го стрелкового батальона... Снайпер, который по мишеням пожёг много патронов, а в живую мишень — не пришлось. Так что трудно сказать, хороший я был снайпер или нет. Теоретически и практически был неплохим, но

в мирной обстановке. Помню законы баллистики и номер своей винтовки.

Вспомнил один разговор. После Курильских островов вернулись в свои казармы. Занятия продолжались так же, как до войны с Японией. Один солдат спросил командира, фамилий ни того, ни другого не помню: «Товарищ командир! Война закончилась на Западе и здесь, на Востоке, а вы нас, как и прежде, гоняете. Почему так?» — «Потому, что случится призвать тебя лет через десять — пятнадцать, чтобы ты всё хорошо помнил!» Эти слова засели в памяти... Думали ли мы тогда, что будем жить без войны сорок лет? Нет, конечно...

КОКМ ОФ 38059/152. Рукопись. 1 апреля 1985 г.

...В 198-й стрелковый полк я попал в 1943 г., когда его командиром был майор Говоров, а его заместителем по политчасти подполковник Форшатов. Об Артюшине я только слышал, что он был командиром полка. Правда то, что я окончил шестимесячные курсы снайперов, забыл, в каком полку, неподалёку от Петропавловска. Часто приходилось быть на сборах снайперов, до сих пор помню номер своей снайперской винтовки — 562. Много, много пришлось стрелять по мишеням, а вот в японца стрельнуть не пришлось. Почему, я вам отпишу.

Наш 198-й полк, командир полка, кажется, подполковник Филимонов, был, как потом мне стало известно, в резерве Верховного Главнокомандующего (командующего операцией. — *Ред.*). Прибыли мы к острову Шумшу на корабле «Полярный» вторым эшелоном, когда петропавловские полки нашей 101-й дивизии, хоть и ценой немалых потерь, но продвинулись на 1,5–2 км. Нас же повезли дальше — на Парамушир. К вечеру мы прибыли в порт Касивабара, а утром к борту нашего корабля подошли японские десантные баржи с белыми флагами.

После высадки наша рота пешком пошла в расположение их части, зашли в их казармы. Японцы были размещены в палатках. Побыв там несколько дней (не помню, или полк, или наш 1-й батальон, скорее, полк) по тревоге прибыли в порт. Погрузились на корабль «Волховстрой» и направились, как нам сказали, на юг и, шутя, добавили слова Меньшикова из кинофильма «Пётр I», что туда, где вино и женщины, то есть на острова Уруп и Итуруп.

Через сколько-то часов пути мы в трюме почувствовали двойной толчок, причём довольно чувствительный. Наш взвод был размещён на среднем ярусе. И вот вскоре после толчка мы услышали

крики с самого низа корабля, где были размещены солдаты. После выяснили, что судно напоролось на подводные камни и получило огромную пробоину, через которую со страшной силой хлынула вода. Обошлось без жертв. Случилось это часов в шесть [вечера] при сильном тумане.

Высадились мы часам к десяти утра, когда уже туман полностью рассеялся и «Волховстрой» был ясно виден. Мы его проклинали за срыв наших планов. Так мы оказались на маленьком острове Харимкотане, где пробыли до тех пор, пока не подошло за нами судно, доставившее нас опять на Камчатку. Снова началась служба, занятия, как и прежде.

Перед демобилизацией меня откомандировали с командой в Петропавловск во вновь прибывшую на Камчатку 255-ю дивизию для постройки домиков. А осенью 1946 г. я демобилизовался и приехал в Шахты, откуда и был призван в 1939 г., где и живу поныне...

ККОМ ОФ 38059/282. Рукопись. 25 января 1988 г.

...А нас «Полярный» повёз на Парамушир. Ещё раз говорю, страшновато было. Проходя узкими проливами, видели разбитые самолёты и жерла пушек. Чувствовал себя не снайпером, очень хотелось земли коснуться хотя бы одной ногой. Остальное было не страшно. Но как бы то ни было, «Полярный» привёз нас к вечеру в порт Касивабару, но к причалу не подошёл, а стал на якорь вдали. Нам было видно снующих [на берегу] людей.

Капитан «Полярного» объявил в рупор: «Солдаты, пойте песни, только не “Галю”», — стало быть, она ему не нравилась. Мы запели, но вполголоса, робко. А утром японцы на своих десантных баржах подошли к борту «Полярного» с белыми флагами. Только тут мы поняли, что произошло. Скажи капитан вечером причину, пели бы мы, наверное, иначе...

Японцы на своих баржах высадили нас на берег, на автомашинах доставили в расположение своей части, уступили нам казармы. Только мы, не помню, рота или взвод, шли пешком. Помню, что мы устраивали ночлег или привал, а утром прибыли. Не помню, какое там расстояние. Ни единого чрезвычайного происшествия не было.

Японские казармы, где мы располагались, все в земле, окна устроены в крыше. А что касается ходов сообщения, не помню, не было даже разговора на эту тему.

Что касается русских белогвардейцев, не слышал, да и вряд ли они могли там участвовать. Эти острова — для военных, молодых и именно японцев, это моё мнение...

Погрузились на «Волховстрой», расположились, где кому было указано. Нашему взводу достался второй ярус. Разделись, лежим, курим сигары. Разумеется, японские, да ещё офицерские, с мундштуками. Абсолютно спокойно, не то что на «Полярном». И вот примерно в 18.00 при сильном тумане наш «Волховстрой» напоролся на подводную скалу, проломив днище. Мы почувствовали двойной толчок и тут же услышали ужасные крики в нижней части трюма. И тут только мы поняли, что случилось. Вскоре поступила команда: «Все наверх, взять только оружие!»

Поскольку мы находились на втором ярусе и опасности своими глазами не видели, то обулись, даже, помню, обмотки намотали и прихватили с собой припасённые в дальний путь сигары и мармелад. Поднявшись наверх, увидели, что уже началась выгрузка. «Волховстрой» получил серьёзное повреждение и начал давать сигнал «SOS». В ответ на сигнал отчётливо были слышны ружейные выстрелы. На них и направились шлюпки с солдатами. Это был остров Харимкотан, на нём уже были солдаты, они-то и ответили на сигнал с нашего судна. Не помню, сколько длилась высадка, помню только, что как туман рассеялся, то «Волховстрой» оказался близко. Было около десяти часов утра. Мы его ругали за то, что он сорвал наши планы побывать на юге. Пароход долго стоял накренившись, затем его отбуксировали, а мы всё находились на этом островке. Пришло время, и нас увезли опять на Камчатку...

ККОМ ОФ 38059/281. Рукопись. 20 марта 1988 г.

Дорошко Борис Яковлевич, пулемётчик 2-го стрелкового батальона 198-го отдельного стрелкового полка

...В июле 1939 г. мои родители — Дорошко Яков Иванович и Нина Венедиктовна — с нами, двумя сыновьями, старшим Ростиславом и мной, приехали на Камчатку, в Петропавловск. Мне тогда шёл двенадцатый год. Первое время мы жили на улице Партизанской, это на склоне сопки, обращённом к ковшу Петропавловского порта, рядом со зданием НКВД...

В Петропавловске в то время среди учащихся и молодёжи широко проводились состязания по сдаче норм «Готов к труду и обороне», на значок «Ворошиловский стрелок». Радио и печать часто

рассказывали о героической защите города от англо-французского десанта.

В 1940 г. мой брат окончил школу-десятилетку и уехал учиться в Ленинград. Мы тоже переехали из Петропавловска в Кроноцкий заповедник, это севернее города на берегу Кроноцкого залива, где были открыты гейзеры.

В 1942 г., после того как пришло извещение о гибели брата Ростислава в Ленинграде в первую блокадную зиму 1941/42 гг., мы переехали из Кроноки в Усть-Большерецк. Оттуда 15 ноября 1944 г., через месяц после того как мне исполнилось семнадцать лет, меня призвали в армию и направили служить в 198-й стрелковый полк, расположенный в трёх километрах от Усть-Большерецка. К этому времени я уже был комсомольцем, вступил в комсомол в феврале 1943 г., имел 2-й разряд по бегу на лыжах.

Из новобранцев были укомплектованы две роты нашего полка — 4-я и 6-я. Часть новобранцев влили в другие подразделения. Я попал в 3-е отделение 2-го стрелкового взвода 4-й стрелковой роты 2-го батальона. Был наводчиком ручного пулемёта. Командиром нашего отделения был младший сержант Иван Дурнев, родом с Алтая. Командовал взводом лейтенант Жулич, помкомвзвода — старший сержант Савинов или Савин, сейчас уже точно не помню. Командиром роты был капитан Сазонов.

Началась упорная боевая учёба, так как уже тогда было ясно, что война с Германией идёт к развязке и скоро настанет наш черёд. Сутки были плотно заполнены занятиями по тактике, стрельбе, штыковому бою, физической подготовке, сапёрному делу, топографии, строевой подготовке и прочими военными науками. Уходили в поле из роты после завтрака и возвращались только в конце дня, несмотря на пурги и морозы. Командиры упорно делали из нас умелых солдат, и не знаю, был ли кто-либо из ребят, кто не понимал этого и не воспринимал боевой учёбы со всем желанием. Наоборот, мы были окрылены, и душа пела, оттого что наконец-то нам доверили оружие...

Знаю, что многие старослужащие солдаты, сержанты, а также офицеры не раз обращались к командованию с рапортами, просили направить на фронт драться с немцем, но им отказывали. Говорили, что они потребуются и здесь. Нам, салажатам, нельзя было и мечтать о том, чтобы тоже проситься на фронт, и нам оставалось одно — упорно учиться солдатским наукам.

В конце зимы 1944/45 гг. и весной 1945 г. прошли учения с боевой стрельбой. Нас учили наступательным боям, идти за своим

валом артиллерийского огня, не бояться разрывов снарядов своей артиллерии, ближе прижиматься к ним, чтобы неожиданно свалиться на голову обороняющегося врага. Провели несколько лыжных походов на боевые участки — откопанные нами линии траншей с дзотами и наблюдательными пунктами на побережье Охотского моря, начиная от Митоги на севере и до рыбокомбината имени Микояна на юге. На боевых участках мы отрабатывали ведение боя по отражению десанта противника.

Потом приехал генерал Гнечко. Раз появился генерал, то тревога будет обязательно, и многие из нас, чтобы быстрее встать в строй, ложились спать в брюках и гимнастёрках. Сыграли тревогу, мы вышли на боевые участки, там пробыли двое суток, вели «бой с десантом противника». Потом дали вводную: «противник» высадил воздушный десант в расположении нашего гарнизона. Мы на лыжах через тундру начали наступать на «Рощу сапог» (есть такая сопка среди тундры около Усть-Большерецка), а затем на наши казармы. Тут сыграли отбой.

Улеглись спать часов в двенадцать ночи. Пока пришли отставшие походные кухни с ужином, пока почистили оружие, развесили сушить мокрое обмундирование. И вдруг в три часа ночи снова тревога. Генерал обхитрил нас. Он знал, что с его приездом мы будем по-своему готовиться к тревоге, и чтобы проверить, как мы действительно умеем подниматься, снова сыграл её.

Одежда мокрая, портянки не лезут в разбухшие, сырые валенки. Голова гудит от недосыпа — ведь что за сон до этого на боевых участках, в окопах, у костра, на морозе да в тундре! Глаза не раскрываются. Командиры и дневальные чуть не за ноги стаскивали нас с нар. Вышли на плац, построились и с лыжами на плечо, молча, угрюмо, снова в поход на боевые участки.

Прошли километров пять, обгоняет нас повозка, запряжённая лошадью. В ней — генерал. Он проехал в голову колонны, остановился, поговорил с командирами, а нам скомандовал привал. Потом сыграли отбой тревоги, и мы пошли обратно. Днём полк выстроили на плацу, и генерал поблагодарил нас за хорошую службу.

Так нас готовили к бою. Однако в десанте на Симусю нам не довелось участвовать. Наш 198-й стрелковый полк был в резерве у генерала.

Примерно в июне 1945 г. нас вывели на боевые участки, где мы находились до начала боевых действий на островах. С началом высадки на Симусю часть наших подразделений передали в полки

101-й стрелковой дивизии. Наш полк был отдельным, в дивизию не входил.

Наши подразделения грузились в кунгасы, и катера отводили их к стоящим на рейде судам. Пришёл и наш черёд. Наша 4-я стрелковая рота и другие подразделения батальона 17—18 августа были погружены на пароход-товарняк, к сожалению, название его забыл. В полку осталась одна 6-я рота — нести караульную службу.

Утром следующего дня мы подошли к Симусю, вернее, вошли в пролив между Симусю и Парамуширом, и встали на рейде около порта Катаока, что напротив Касивабары. Погода держалась ясной. Со стороны Катаоки и Симусю слышались отдельные выстрелы, но артиллерийского огня не велось. Примерно через час подошли самоходные баржи. Они высадили нас на пирс порта Касивабары. Город был пуст, не видно ни гражданского населения, ни военных японцев, ни наших солдат. Рота оставалась в городе около двух часов. Пришёл приказ, и мы поднялись по дороге на плато, там оказался японский аэродром, вернее, пустые ангары. Самолётов не было. Рядом стояли пустые казармы, закопанные в землю, только крыши виднелись над землёй. Между собой казармы соединялись траншеями, тоже имевшими над землёй крыши в виде двускатного шалаша.

На аэродроме пробыли несколько часов. Там остался штаб батальона и другие подразделения, а нашу роту на японских автомашинах направили на противоположный от Касивабары склон с плато. Там тогда был какой-то населённый пункт или солдатские казармы и японцы. Они были выстроены и сдавали оружие. Приняв это оружие, мы вернулись в этот же день на аэродром, и наше отделение выставили в боевое охранение. В указанном нам месте заняли оборону. Ночью от казарм была слышна японская речь и крики.

Наша рота так и осталась на аэродроме — охранять военнопленных. Было их тысячи полторы: солдаты и офицеры. Офицерам сохранили холодное оружие — самурайские мечи. Вначале пленные никакими работами заняты не были, а потом мы стали водить их на ремонт дорог, заготовку дров (дёргали стланик-кедрач).

Однажды мне поручили вести человек пятьдесят в тот населённый пункт, где мы принимали оружие. Это примерно километрах в шести от аэродрома. Привёл я их туда в распоряжение командира нового подразделения, прибывшего с материка. Тогда наш полк уже вернулся в Усть-Большерецк. На острове осталась только наша рота с задачей конвоировать пленных на материк. Вместо нашего полка прибыли новые части и подразделения.

Пленные, приведённые мною, весь день заготавливали для новой части дрова: разбирали на склоне горы в штольне брёвна, крепившие стены и потолок, и выносили их наружу. Завершили работу уже к вечеру, и я повёл их домой. Колонна шла по дороге, а я — сбоку и немного сзади. У меня была винтовка СВТ с тридцатью патронами в подсумке. Вскоре стал замечать, что один хлипкий солдатик-японец отстаёт и выглядит очень уставшим, а никто из остальных солдат ему не помогает. Их пропаганда, наверное, внушала, что советские солдаты — звери, и так же, как немцы, убивают выбившихся из сил пленных. Остановил колонну и приказал двум солдатам помочь уставшему. Слышу: они со злостью стали ему что-то кричать, но потом всё же подхватили его под руки и повели. Дошли до казарм уже в темноте. Там японцы окружили меня, говорили: «Русский карашо!»

Отношения с пленными у нас были хорошие, случаев побега или попытки к нему не было, не возникало и каких-то острых конфликтов. Мы ходили в их казармы, разговаривали о жизни и войне. Многие японцы владели русским или английским языками, рассказывали, что ранее работали на Камчатке на рыбных концессиях. Я немного знал английский, в пределах школьных семи классов. Так и объяснялись, помогали мимика и жесты. Кроме того, мы и они заводили себе что-то вроде разговорников. Покажешь японцу на какой-нибудь предмет и спросишь, как он называется. Он ответит, а ты запишешь русскими буквами звучание. Я до сих пор кое-что помню...

О войне они, например, говорили, что американцы — плохие вояки. Прилетят их самолёты, сбросят бомбы куда попало, а то и просто в море. А русские не такие — кружат, высматривают, а потом бросают точно в цель. Говорили, что с американцами воевали бы ещё лет пятнадцать и неизвестно, кто бы кого победил. Признавали, что вступление в войну СССР быстро привело их к поражению. Офицеры же твердили, что только воля императора заставила их сложить оружие. Но это говорили только некоторые офицеры, а не солдаты. Император для японцев — это личность, чьи действия обсуждать нельзя, надо свято выполнять его волю.

А у нас, солдат, ходила такая байка, не знаю, насколько точная. Говорили, что японского генерала обхитрил наш генерал Гнечко. Чтобы предотвратить лишние жертвы, он будто бы приказал ночью привести к горизонту в море всю наличную плавучку, вплоть до кунгасов, и зажечь на них огни. Вызванным японским

парламентёрам он будто бы сказал, что наше стотысячное войско на кораблях ждёт сигнала к высадке, а перед высадкой он сожжёт остров огнём из «катюш» и приказал сдаваться. Японцы и согласились.

Уже находясь в плену, японцы интересовались нашим оружием. Просили показать автомат ППШ, противотанковые ружья, которые пронизывали их танки насквозь, и «катюшу». Признавались, что против такого оружия им было не устоять.

В то же время японские офицеры, а они вообще вели себя высокомерно, удивлялись, как такие с виду недисциплинированные бойцы, как мы, победили Гитлера и его вышколенных солдат-автоматов. Мы им втолковывали, что это только с виду русский солдат разболтанный, но каждый из нас, если выпадут обстоятельства, ляжет под танк или закроет амбразуру не хуже их смертников.

Что такое японская палочная дисциплина, мы видели своими глазами. Первое время их офицеры в присутствии наших конвойных за какую-нибудь оплошность начинали избивать своих солдат. Наши ребята приказывали прекратить это или физическим вмешательством прерывали эти действия офицеров. Им это не нравилось, и они жаловались нашим начальникам. Но им быстро разъяснили, что с такими порядками придётся расстаться.

Японцы любили нашу пищу, были довольны, когда их кормили из наших котлов, очень хвалили хлеб. У них же были рисовые галеты, а на обед они носили в своих котелках два шарика из варёного без соли риса, напоминавшие снежки, которыми мы кидались в детстве. Внутри этих шариков был заложен кусок какого-то морского растения свекольного цвета, который они прикусывали, когда ели рис. К обеду была ещё положена банка рыбных консервов, одна на двоих.

Запомнился мне их офицер-переводчик. Он каждый обед был на нашей кухне и всё похваливал борщ и хлеб. Нам, конечно, в то время тоже варили гораздо больше и вкусней, чем в полку у себя на Камчатке. Ведь здесь давали фронтовую норму, а это не то, что три раза в день «клёцки охоцки», как называли наши солдаты уху из солёной горбуши.

За всё время нашего пребывания на Парамушире — до середины декабря 1945 г. — имелся у нас в роте всего лишь один случай мародёрства. Однажды в штаб пришли японец-переводчик и пленный солдат. Нас построили, и наш офицер с переводчиком и тем солдатом прошли вдоль строя. Японец показал на одного из наших бойцов и сказал, что тот снял с него наручные часы. Это был рядовой Арюткин из нашего 3-го взвода. Его сразу арестовали

и затем судили военным трибуналом. Пошёл он в штрафную роту. Других конфликтов не было.

О смертниках. Видеть их в бою не приходилось. Слышал от солдат, участвовавших в боях за Симусю, что они видели смертников-пулемётчиков, прикованных к пулемёту в дотах и дзотах, что одного уже после капитуляции пришлось выжигать из дота. Дот стоял в лощине, и когда уже после боёв наши проходили по этой лощине, японец обстрелял их. К амбразуре удалось подкатить бочку с бензином и расстрелять её. Горящий бензин проник в дот и несколько дней внутри него рвались боеприпасы.

Когда мы только высадились на Парамушире, то нам офицеры говорили, что на острове в дотах имеются смертники, а в горы ушли белогвардейцы-семёновцы, и что нам предстоят операции по ликвидации и смертников, и семёновцев. Но потом эти разговоры не возобновлялись. То ли эти слухи не подтвердились, то ли обошлись без нас.

Среди пленённых офицеров был один пехотный майор. Он сносно разговаривал по-русски. В беседах с нами говорил, что изучал Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и чуть ли не является коммунистом, а потом сказал, что он был смертником. Мы над ним смеялись, говоря, что же ты изменил императору и не сделал себе харакири, раз вы проиграли войну. Он объяснял, что их не победили, а они сложили оружие по воле императора. На его одежде я не видел никаких отличительных знаков, говорящих о его принадлежности к камикадзе.

Однажды к нашему помощнику командира взвода Савинову пришёл его друг — старшина или старший сержант. Он служил в 101-й дивизии, за бои на Симусю был награждён орденом Красного Знамени. Рассказывал, что снайперы-смертники уничтожили в их батальоне всех офицеров, ведь они шли в бой как на парад: в золотых погонах, при начищенных пуговицах и в хромовых сапогах. По этим признакам снайперы их определяли и выводили из строя. В решительный момент боя друг Савинова поднял батальон в атаку и захватил сопку. За это его и наградили орденом. Имени и фамилии его не помню, помню только, что он сильно картавил.

Видел и держал в руках нож смертника, которым он должен был сделать себе харакири. Но на память ничего не сохранил, так как служить нам пришлось ещё очень много, а такие сувениры солдату не положены.

На Парамушире мы пробыли до середины декабря, всё ждали парохода, на котором должны были доставить пленных на материк.

Пришёл пароход «Урал», и наши четыре взвода погрузили на него четыре батальона японцев по тысяче человек каждый. Один из батальонов был офицерским, в нём находились офицеры всех родов войск, в том числе и моряки. Все они имели при себе самурайские мечи. На корме в отдельной каюте поместили генерала с офицером-адъютантом. Батальоны разместили в двух носовых и двух кормовых трюмах.

По пути во Владивосток за семь суток нам пришлось встретиться со штормом, снежными зарядами и шквальными ветрами. Мы круглосуточно несли караульную службу у трюмных люков, на носу, корме и у капитанского мостика. Все посты — открытые, то есть не защищённые от непогоды. На нас были шинели или трофейные шубы на искусственном меху, на ногах — ботинки.

На носовой и кормовой палубах стояли сбитые из досок туалеты, и пленные непрерывной вереницей, днём и ночью, лезли по трапам вверх из трюмов. Двое часовых у люка выпускали из трюма и пускали в него по два человека. На корме над каютой генерала располагался пост ручного пулемёта, состоявший из двух человек. Такой же пост имелся напротив, на площадке у капитанского мостика, они же размещались и в носовой части судна. Мне со своим вторым номером Лёней Гусевым пришлось стоять с пулемётом на корме. Каких-либо попыток бунта или нападения на часовых со стороны пленных не было.

Когда вошли в пролив Лаперуза, то оказалось, что он забит льдами. Капитан решил идти через японские проливы. Видимо, это было согласовано с союзным командованием, ведь в Японии уже были американцы. Нас, солдат, собрали в кают-компании и объявили об этом решении. Оно было связано с риском, так как, почуяв свой дом, японцы могут взбунтоваться, перебить нас и уйти домой. Капитан судна сказал нам, чтобы мы не трусили, что если пленные зашевелятся, он сварит их паром в трюмах.

Говорил, что на этом судне он возил пленных немцев на Балтике, от паровых котлов в трюмы проведены трубы, по которым можно подать туда пар. Так ли было на самом деле, сказать не могу...

Как только мы вошли в пролив между островами Хоккайдо и Хонсю, появился американский самолёт типа пикирующего бомбардировщика. Он всё время, пока мы шли по проливу, низко пролетал, чуть не задевая мачт. Через стеклянный колпак отлично виднелся лётчик. В отдалении, у берегов, виднелись силуэты военных кораблей. В это время мы были подняты по тревоге

и находились на палубе. Всё обошлось благополучно, и мы пришли во Владивосток.

Наш взвод сдал свой батальон на станции Океанской в 25 км от Владивостока. Там на фанерной фабрике был организован лагерь военнопленных. Мы ходили в их казармы, посмотреть, как они будут жить. Если в наших казармах на Камчатке были сплошные двухъярусные нары, то тут стояли двухъярусные деревянные кровати. На следующий день, смотрим, появились газеты-многотиражки на японском языке со снимками Красной площади, Мавзолея и Кремля. На Океанской мы жили с месяц, пока не закончились трофейные продукты. За это время не раз видели на фанерном заводе, что японцы трудятся вместе с русскими рабочими и работницами.

Другой наш взвод сдал своих пленных тоже во Владивостоке, мы их видели на работах по очистке улиц и трамвайных путей ото льда и снега. Ещё один наш взвод увёз японцев в Комсомольск-на-Амуре. Офицеров и генерала отправили в Хабаровск на суд военных преступников.

Вернулись мы на Камчатку только в феврале 1946 г. и попали в 970-й стрелковый полк, что был в Петропавловске. Осенью этого же года я, а также Борис Осипов и Вовка Абрамов добились перевода в свой 198-й полк, которому к этому времени уже присвоили почётное наименование «Курильский». Дали нам семидневный срок, чтобы пешком дойти до полка, а мы за три дня перемахнули Камчатку из города в Усть-Большерецк, все мы были оттуда. Отдохнули дома оставшиеся до срока сутки и явились в часть. А там нам дали ещё трое суток отдыха...

ККОМ ОФ 38059/276. Рукопись. 29 августа 1987 г.

...Аэродромное плато — перед глазами. Оно такое, каким было осенью 1945 г.: пустые ангары и единственный поломанный японский «кукурузник; шалаши крыш полуподземных японских казарм с окнами-форточками вдоль коньков этих крыш.

Ангары и крыши казарм сверху замаскированы дёрном. В казармах — аккуратные циновки и горки сложенных вчетверо солдатских одеял, у порога рядком стоят кеды непривычной для русского глаза формы. Большой палец — отдельный, и получается не то обувь, не то перчатка для ноги.

На холмах, что возвышаются над плато, тоже расположены казармы, а рядом с ними — батарея мощных крепостных мортир или гаубиц на стационарных установках. К ним снизу идёт узкоколейка,

по которой бегали ручные дрезины. Калибр гаубиц 200 или даже 300 миллиметров. Они смотрят жерлами на Касивабару и дальше на Сюмусю.

Горы, прикрывающие Касивабару со стороны моря, пробиты насквозь туннелями. В них установлены орудия и пулемёты. Амбразуры этих огневых точек выходят прямо на море и держат под прицелом весь пролив. В бухте Касивабары затоплено судно, и лишь его корма возвышается из воды. На ней японцы устроили дот, который закрывает вход в бухту порта.

Там, где берег на острове пологий, сооружены проволочные заграждения в несколько кольев, уходящие прямо в воду. (Рассказывают, что все эти укрепления строили пленные китайцы и американцы. Когда началась война с нами, то японцы якобы вывезли пленных на барже в море и утопили.)

Если бы японцев не принудили силой сложить оружие, то многим из нас пришлось бы сложить головы, штурмуя эти мощные укрепления...

О японском консульстве в Петропавловске. В 1939 г. я жил с родителями на улице Партизанской, 7, около управления НКВД. Это центральная часть города. В этом же районе, но только ниже по склону сопки, то есть ближе к порту, располагалось здание японского консульства. Нам, мальчишкам, было интересно поглазеть на иностранцев. Дом консульства был одноэтажный, деревянный, обшитый снаружи узкими вертикальными рейками, покрашенными в голубой цвет.

Ходили слухи, что работники японского консульства шпионят. Однажды зимой 1939/40 гг. мы, подростки, катались на лыжах на сопке выше наших домов. Там я увидел лыжника-японца. Он спускался по склону, а на шее у него болтался на ремне фотоаппарат. Возможно, он фотографировал сверху порт или военные суда в порту и на рейде. Запомнилось то, что след от его лыж был шире и имел три продольные бороздки, в то время как наши лыжи имели одну канавку.

В 1940 г. мы переехали на улицу Мишенную в Акопосёлке, идущую вдоль берега Авачинской губы. Посёлок был расположен за Култучным озером, разделяющим город на две части... Мишенная была далеко от центра города, и я больше не бывал около японского консульства... Вообще, говорили в городе, что консул — шпион и за действиями его работников нужно смотреть в оба...

ККОМ ОФ 38059/276. Рукопись. 5 ноября 1987 г.

Дьяков Порфирий Иванович, генерал-майор, командир 101-й стрелковой дивизии, командир Курильского десанта

В августе 1943 г. я был вызван командующим Дальневосточным фронтом генералом армии М. А. Пуркаевым. Причина вызова могла быть одна: наконец моя просьба об отправке на фронт удовлетворена. Но после краткого разговора с командующим я понял, что военная судьба распорядилась мной по-другому. Мне поручили командование 101-й стрелковой дивизией. На мою настоятельную повторную просьбу отправить в действующую армию генерал Пуркаев заявил: «Родину защищают не только на Западе. Зачем мы держим на Востоке миллионную армию?»

Моя стрелковая дивизия со смешанной 128-й авиационной дивизией и военно-морской базой дислоцировалась в трёх местах. Ещё с начала войны на Западе воинские части приступили к подготовке активной обороны Камчатско-Петропавловского рубежа. Теперь со штабными работниками я проверял боевую готовность частей. Солдатские будни, наполненные боевой учёбой и частыми тревогами, слились в долгие месяцы ожидания неизбежного — войны с Японией...

8 августа 1945 г. по радио было объявлено решение советского правительства о вступлении в войну против империалистической Японии... Самый памятный день того времени — 15 августа, когда началась операция по освобождению северной части Курильской гряды...

Мне выпала большая честь возглавить десантную операцию по захвату и очистке от японских войск островов Курильской гряды. Остров Шумшу был насыщен дотами, пулемётами и артиллерией, противотанковыми сооружениями, лисьими норами для «смертников»...

Вслед за первым эшелоном десанта высадился штаб дивизии и обосновался на острове, чтобы оперативнее руководить боем. Красной ракетой мы дали сигнал артиллеристам, и загрохотали орудия всех калибров. Обработав передний край обороны японцев, батарейцы перенесли огонь в её глубину. Затем — стремительная атака десантников, завершившаяся захватом господствующей высоты 171,0. Но бой продолжался, а с появлением японских танков стал ещё ожесточённее. Японцы стремились восстановить утраченное и сбросить десант в воду.

На наш командный пункт с высокого гребня в овраг по широкой долине спускались «клином» пять японских танков. Огонь их был беспорядочный, снаряды и пули не достигали цели. В бой

вступил взвод противотанковых ружей. Головная машина, объятая пламенем, была выведена из строя. Остальные упрямо шли на командный пункт. Навстречу им по дну оврага бежало отделение противотанковых ружей и несколько штабных офицеров с гранатами. В этом стремительном бою наши десантники вышли победителями. Они подбили ещё два танка, остальные развернулись и скрылись за сопкой...

...И вдруг на безымянной высоте в глубине острова взвилось огромное белое полотнище. Я видел в стереотрубу, как с высоты спускалось несколько человек с белыми повязками на руках, размахивая белыми флажками. Это были командир бригады генерал Кадама, начальник штаба подполковник Курита и два младших офицера. Японский гарнизон острова капитулировал. Это было 24 августа 1945 г.

Я доложил о прибытии парламентёров генералу Гнечко. Алексей Романович прибыл на командный пункт. Ознакомившись с условиями капитуляции, он сказал: «Хорошо, не будем терять времени, господин генерал свободен, пусть он выполняет условия капитуляции».

«Подполковник Нуррулин, — обратился я к своему разведчику, — отправляйтесь с генералом, а сопровождающий его офицер останется здесь». Я взглянул на Алексея Романовича: «Так будет лучше». Тот кивком одобрил моё решение.

Я поехал к месту капитуляции японцев — к аэродрому. Машина обгоняла гаубичные батареи. Поравнявшись с головной колонной, крикнул: «А ну, артиллеристы, к японцам в “гости”!» — «Спешим, товарищ генерал!» — выпрыгнув из кабины трактора и сложив в трубку кисти рук, прокричал полковник Пирогов. Его голос потонул в рокоте надрывающихся моторов.

Мой «Виллис» обогнал колонну, поднялся на возвышенность. С её вершины открывалась обширная равнина, поросшая, насколько охватывал глаз, мхом и кедрачом. Вдали на горизонте, ощетинившись лезвиями штыков, стояли в плотном строю батальоны пехоты японцев, а несколько позади сгрудились танки и полевая артиллерия. Я остановил машину.

Следовавшие за мной офицеры штаба тоже остановились. Вынув из чехлов бинокли, они принялись рассматривать японцев. «Вот они, самураи, — сказал начальник оперативного отделения Слабинский. — Тысяч пятнадцать, не меньше».

Не успел он договорить, как из-за поворота дороги на большой скорости выскочила камуфлированная машина марки «Форд»

с белым флагом, укреплённым на древке у радиатора. Скрипнув тормозами, машина остановилась. Из неё выпрыгнул элегантный японский офицер. Грудь его была увешана разноцветными орденскими планками и различной формы значками.

«Войска императорской армии ждут ваше превосходительство, — приложив руку к козырьку фуражки, на ломаном русском языке сказал японец. — Прошу господина генерала в более удобную машину». Офицер открыл дверцу и придержал её рукой. Склонив голову, жестом другой руки пригласил меня в «Форд». «Привык к своей», — сказал я.

«Форд» шёл впереди. Свернув с дороги, он выскочил на деревянный помост взлётной полосы аэродрома. Замедляя ход, остановился у бараков, глубоко врытых в землю. У крайнего барака стояла группа японских штабных офицеров. Они оживлённо разговаривали, жестикулируя руками. Увидев нас, притихли, вытянулись, опустив руки по швам. Потом от них отделился высокий, поджарый, с бледно-жёлтым лицом, пожилой генерал. Поддерживая левой рукой ножны шашки, правую приложил к фуражке и пошёл навстречу нам. Я сразу узнал в нём «старого знакомого» — генерала, который два дня назад заявил о готовности японских войск к капитуляции, но вслед за этим японцы перешли в наступление.

«Господин генерал, — остановившись от меня в нескольких шагах, рапортовал японец, — части всех родов японской императорской армии готовы сложить оружие». Отступив щегольски на шаг в сторону, он опустил руку и выжидающе тревожно смотрел на нас.

«А теперь, господин генерал, приступим к разоружению», — сказал я и подал команду: «Сложить оружие!»

По знаку генерала тут же по всему аэродрому понеслись команды офицеров. Забряцали штыки, застучали катки тяжёлых пулемётов, зазвенели клинки, гулко захлопали люки танков. Росла груда винтовок и автоматов. Японцы складывали оружие.

Я с офицерами штаба обходил части и, убедившись, что оно сложено, отдал распоряжение об отводе подразделений в различные пункты для временного размещения. Получив направление, японцы покидали аэродром.

На резвой лошади ко мне подскакал командир полка Меркурьев. Стройный, подтянутый, досиня выбритый, он чётко докладывал: «Батальоны развернулись и заняли высоту вокруг аэродрома, батареи встали на позиции!»

«Принимайте оружие, боеприпасы и боевую технику, отправляйте в военно-морскую базу Катаока. Пленных разместите в бараках вокруг аэродрома», — ответил я Меркурьеву.

Отдав распоряжение, я ещё раз взглянул на уходящие японские батальоны, на груды оружия, артиллерийские батареи и танки врага...

Разгромив японские силы на острове Шумшу, дивизия без передышки форсированным маршем выходила к бухтам Катаока и Рыбное. Здесь уже стояли у причалов и на рейде морские транспорты, готовые принять на борт и доставить полки на острова Парамушир, Шиашкотан и Мацуа, гарнизоны которых всё ещё не сложили оружие.

Усиленный батальон майора Булгакова, захватив в Рыбном плавсредства инженерно-понтонного полка японцев, форсировал Второй Курильский пролив и штурмом овладел Касивабарой на острове Парамушир. Находившийся там гарнизон быстро сдался в плен. Здесь прозвучал последний выстрел на Курилах.

Машина мчалась по шоссе к военно-морской базе Катаока. Мой «Виллис» выскочил на перевал. Отсюда открывалась во все стороны живописная панорама. Справа разливалась безбрежная синева вечно неспокойного Охотского моря. Впереди ослепительно белели чуть подёрнутые голубоватой дымкой снежные вершины гор острова Парамушир. Неподалёку от него тянулся ввысь, за облака, гранитный шпиль небольшого острова Алаид. А у подножия гор чернели амбразуры железобетонных чудовищ — капониров. Из амбразур торчали, чуть-чуть высунувшись, едва различимые простым глазом жерла тяжёлых пушек береговых батарей.

В широкой прибрежной долине раскинулась военно-морская база Катаока с железобетонными причалами, подземными складами и дотами, казармами и аэродромами. Все эти сооружения японцами были сделаны прочно, на века. Но век их оказался коротким.

Впереди показалась легковая машина. Чёрная, как жук, она карабкалась на перевал, оставляя позади себя длинный хвост дыма. Поравнявшись с нами, она, словно задохнувшись, остановилась, зачихала и заглохла. Из неё неторопливо вышел высокий советский морской офицер и широким шагом направился ко мне, а за ним, то семеня, то подпрыгивая, поспешали двое японских офицеров в морской форме.

«Вот командир береговой обороны базы Катаока, — показав рукой на щупленького японца, сказал мне офицер. — Он просит указать место, куда сложить оружие».

Японцы низко кланялись, улыбались. Улыбки их были похожи скорее на оскал. Я попросил полковника Артюшина заняться

с ними, а сам поехал в бухту, мне нужно было встретиться с генералом Гнечко.

Небольшой тральщик АМ-149 стоял у причала, чуть покачиваясь на волнах. На его палубе, ближе к корме, были расположены полевые радиостанции, автомашины, а в носовой части из полубашен торчали дула орудий.

Дежурный офицер штаба проводил меня в кают-компанию.

«Заходи, заходи, Порфирий Иванович!» — услышал я голос генерала Гнечко, как только открыл дверь. Рядом с креслом Гнечко стоял, вытянувшись, приземистый худой японский генерал и держал в руке подписанный им акт о капитуляции.

Алексей Романович Гнечко пригласил меня в свою каюту: «Как можно быстрее занимайте острова. Если батальоны уже на судах, как вы говорите, выступайте сегодня же». Покрутив свой длинный ус, добавил: «Корабль для вас тоже подготовлен. Желаю удачи!»...

В океане бушевал шторм. Корабли, стоявшие на рейде, метались на якорных цепях как гигантские рыбы, пойманные на крючок. Суда поменьше — сторожевые морские охотники, торпедные катера и тральщики, забившись в небольшую бухту, плотно прижимались к причалам. Волны грузно перекатывались через палубу, выплескиваясь на пирсы тяжёлой массой воды.

Мы со Слабинским вошли в ярко освещённую каюту флагмана «Киров». За столом, склонившись над картой, сидел в наглухо привинченном к полу кресле командир ПВМБ Пономарёв. Он вертел в руке циркуль, напротив стоял, намотав шнурок лупы на палец, флагманский штурман.

«Ну и погодка!» — вместо приветствия проговорил Пономарёв, встречая нас. — «Что же, морякам не привыкать к ней, — ответил я. — Вот нам, сухопутным, это в диковину». Будто не слыша, Пономарёв сказал, вставая с кресла: «Не могу, Порфирий Иванович, не могу рисковать. Обождём несколько часов. Утихнет — тогда тронемся в море». — «У моря погоды будем ждать?» — «Но мы же рискуем», — не унимался Пономарёв. «Нет, ждать не будем. Прошу дать команду: в путь!»

Флагман выбрал якорь. Глухо, будто со дна моря, донеслось гудение двигателей. Судно вздрогнуло и стало крениться, потом выпрямилось и, рассекая огромные волны, пошло вперёд. Обогнув мыс, корабль вышел из узкого пролива и, прибавляя ход, устремился в океанический простор.

Снимались с якорей транспортные и десантные суда, выстраивались в колонну и по сигналу с флагмана ложились курсом на юг.

К вечеру ветер утих, тучи разбежались, и закатное солнце бросало прощальные лучи на улегшийся океан, на корпуса кораблей, на словно сахарные вершины гор. В прозрачном воздухе с палубы далеко была видна цепь островов: Парамушир, Шиашкотан, Онекотан...

«Товарищ генерал, вам телеграмма», — офицер спецсвязи подал мне её: «Японские войска повсеместно капитулируют».

Из телеграммы было видно, что командующий операцией генерал Гнечко вышел в море и держит курс на южный остров Курильского архипелага — Уруп. Мне и Пономарёву приказывали возвратиться в Катаоку.

Флагман бросил якорь в Касивабаре на острове Парамушир. Сойдя на берег, мы всей группой офицеров штаба направились вдоль причалов к баракам. Глубоко вкопанные в землю, они были покрыты свежесрезанным дёрном с густой, подстриженной травой. Мне указали на приземистый бамбуковый домик, примостившийся на берегу небольшого, но шумного ручья, и сказали: «Здесь будете жить». А было тут красиво и уютно.

Вечерело. С моря потянуло свежим ветерком. Чуть слышался шум океанического прибоя. «Войне конец» — неотступно мелькало в голове.

Разгромив японцев на Шумшу, дивизия без передышки форсированным маршем вышла к бухтам Катаока и Рыбное, откуда, погрузившись на военные транспорты, отправилась на острова Парамушир, Шиашкотан и Мацуа, их гарнизоны всё ещё не сложили оружия. Вскоре и эти гарнизоны капитулировали.

БН. Авторизованная машинопись, без даты, г. Кишинёв

Из наградного листа *Порфирия Ивановича Дьякова*, генерал-майора, командира 101-й стрелковой дивизии КОР 2-го ДВФ, 1900 г. р., русского, члена ВКП(б) с 1925 г. В Красной Армии с апреля 1918 г., в должностях офицерского состава с сентября 1926 г. Участник гражданской войны в 1918—1919 гг. и с 9 августа 1945 г. войны против Японии. Имел три пулевых ранения в 1919 г. Ранее награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени и медалью «XX лет РККА».

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Генерал-майор товарищ Дьяков партии Ленина — Сталина и социалистической родине предан. В период боевых действий с японским империализмом отлично выполнил задания по выполнению

десантной операции дивизии на остров Шимушу в весьма сложной обстановке ожесточённого сопротивления японских войск в условиях укреплённого острова с долговременными сооружениями. Уверенно руководил войсками и добился в короткий срок захвата плацдарма, опорных пунктов врага. За смелое поведение в бою, чёткое управление войсками, проявление мужества и отваги в операции на острове Шимушу достоин награждения орденом Ленина.

Подлинный подписал командующий
КОР генерал-майор *Гнечко.*

(Передано шифрограммой № 86/ш от 21 августа 1945 г.)

Заключение военного совета фронта: «Достоин награждения орденом Суворова 2-й степени. Командующий войсками 2-го ДВФ генерал армии *Пуркаев.* Член военного совета 2-го ДВФ генерал-лейтенант *Леонов.* 29 августа 1945 г.».

НВФ 4343/3. Ксерокопия

Елисеев Пётр Фёдорович, второй секретарь Камчатского областного комитета ВКП(б)

...За несколько месяцев до начала войны с Японией Центральным Комитетом партии были заслушаны доклады секретарей Хабаровского крайкома партии Г. А. Баркова и Приморского крайкома Н. М. Пегова о состоянии дел в Хабаровском и Приморском краях в связи с подготовкой к войне с Японией. В принятом постановлении по этому вопросу были намечены конкретные меры по переключению всей экономики Дальнего Востока на обеспечение потребности Дальневосточного фронта. Это постановление сыграло огромную роль в мобилизации партийных, советских, комсомольских организаций и трудящихся Дальнего Востока, Сибири и Урала на всемерное оказание помощи Красной Армии в разгроме японских милитаристов.

...В соответствии с директивой 2-го ДВФ и ТОФ во всех сухопутных, военно-морских, воздушных и пограничных частях Камчатки была введена повышенная боевая готовность, а 15 августа 1945 г. началась энергичная подготовка десантной операции по освобождению Курильских островов.

В первый день начала войны с Японией, 9 августа 1945 г., я по заданию бюро Камчатского обкома партии выехал на западное побережье Камчатки по вопросу организации там работы партийных, советских и хозяйственных органов в условиях начавшейся войны.

В это время японские рыбопромышленники под охраной двух эсминцев на трёх судах пытались вывезти рыбу и наиболее ценные промысловые материалы со своих концессионных рыбозаводов западного побережья Камчатки. Благодаря бдительности наших пограничников, пароходы были задержаны, один в районе Ичинского, другой — Кировского и третий — Микояновского рыбокомбинатов. Из них два первые были отправлены в Магадан, а третий были вынуждены потопить самолётами МБР-2 пограничного отряда, входившими в то время в бомбардировочный полк 128-й авиадивизии. По существу, эта операция была началом боевых действий КОР против японских захватчиков.

После получения директивы о проведении десантной операции обком партии предложил мне немедленно возвратиться из командировки в Петропавловск. По прибытии утром 16 августа мне стало известно об утверждении меня представителем обкома партии при политотделе десантных войск...

Уточнив с командующим КОР А. Р. Гнечко ход подготовки десантной операции, я немедленно включился в эту большую и ответственную работу... Для подготовки десантной операции было отведено крайне ограниченное время. По этой причине специальная подготовка десантных подразделений и личного состава кораблей исключалась, а всё внимание было сосредоточено на формировании сводного передового отряда, первого и второго эшелонов главных сил, специальных десантных подразделений; подготовке боевой техники, боеприпасов, продовольствия и других вопросах, обеспечивающих успех десанта. Командование КОР, его оперативный штаб, командование и штабы всех войск, политорганы, партийные и комсомольские организации работали круглые сутки с предельным напряжением сил и обеспечили подготовку десантной операции в установленный командованием 2-го ДВФ и ТОФ срок.

Камчатский обком партии, облисполком, Петропавловский горком, Усть-Большерецкий райком партии и другие местные партийные, советские и комсомольские организации, выполняя постановление Центрального Комитета партии «О задачах партийных организаций Хабаровского и Приморского краёв в подготовке к войне с Японией», ещё до начала войны проводили большую оборонительную работу. Например, по просьбе обкома партии Государственный Комитет Обороны выделил 128-й авиадивизии три комплекта металлических взлётно-посадочных площадок. Силами трудящихся Петропавловска была построена дорога в северной части Култучного озера в черте города, а трудящимися Усть-Большерецкого района

построена проезжая дорога от райцентра до берега Охотского моря с выходом к мысу Левашова. Эти стратегически важные дороги использовались при переброске десантных войск и вооружения.

По решению областной партийной организации были направлены на политическую работу в войска КОР и ПВМБ хорошо подготовленные для этого коммунисты, в том числе работники обкома и Петропавловского горкома партии Гетманов, Агапов, Дрожжин, Кузьмин, Мочалкин и другие. А автор этих строк с первого дня подготовки к операции и до последнего дня боёв за освобождение Курильских островов был участником этих событий.

Среди работников особого отдела воинских частей, участвовавших в десанте, я встретил на острове Парамушир начальника областного управления НКВД, члена бюро обкома А. Г. Кожевникова, а на одном из десантных кораблей — редактора областной газеты «Камчатская правда» Н. И. Болдырева.

Большая работа проводилась коллективом судоремонтной верфи по ремонту военных судов, переоборудованию на самолётах бомбодержателей и другие работы, связанные с подготовкой десанта. К слову сказать, коллективом инструментального цеха верфи ещё до начала войны с Японией было подготовлено необходимое оборудование и отработана технология производства ручных гранат...

Для обеспечения десантной операции под кодовым названием «Юг», по подсчётам командования, требовалось 64 единицы различных судов, а в ПВМБ было 30 небольших кораблей, что далеко не обеспечивало доставку в район высадки десятитысячного состава десантников, большого количества военной техники, боеприпасов, горючего, продовольствия и других материалов.

Эта задача была успешно решена обкомом партии и облисполкомом за счёт мобилизации у Акционерного Камчатского общества и Дальневосточного морского пароходства потребного количества самоходных барж, катеров, кунгасов и океанских судов: «Волхов», «Максим Горький», «Пугачёв», «Чапаев», «Коккинаки», «Урицкий», «Менжинский», «Туркмен», «Буревестник», «Дальневосточник», «Красное Знамя», «Москальво», «Генерал Панфилов» и «Рефрижератор № 2». С указанных пароходов необходимо было снять большое количество народнохозяйственных грузов и подготовить их к выполнению этого ответственного задания.

Подготовка выделенных судов при активном участии коллективов морских портов, судоверфи, команд судов и населения города была завершена в установленный командованием срок, и рано утром 16 августа 1945 г. все суда были поставлены под погрузку

у причалов портов, ПВМБ, верфи и на рейдах бухт в окрестностях Петропавловска.

На перевозку военной техники, боеприпасов и продовольствия к местам погрузки партийными и советскими органами был мобилизован весь автотранспорт предприятий и организаций города.

Для погрузки военной техники на пароходы у причалов морских портов и на рейдах бухт были созданы специальные бригады из числа грузчиков портов и выделено достаточное количество плавучих средств.

Большое количество судов грузилось в районе верфи, где были быстро оборудованы металлические причалы. В этой работе и в погрузке пароходов участвовали почти все рабочие верфи и соседней с ней жестянобаночной фабрики. Однако необходимо отметить, что основная работа по погрузке судов была выполнена грузчиками морских портов. Эту работу возглавил начальник рыбного порта Я. Я. Завадский.

Когда погрузка всех десантных судов была закончена, по моему предложению было выделено из числа грузчиков-добровольцев свыше ста человек для работы на фронте по разгрузке судов. Коммунист Завадский первым изъявил согласие поехать на фронт, где успешно осуществлял руководство этой работой до конца операции.

Для помощи десантникам в борьбе с японскими захватчиками обкомом и Петропавловским горкомом партии был сформирован истребительный отряд численностью выше ста человек добровольцев — коммунистов и комсомольцев, прошедших в своё время специальную военную подготовку по программе всевобуча. Командиром этого отряда был назначен директор механических мастерских АКО коммунист И. А. Каширников.

В Петропавловске на основе школ были созданы временные госпитали, для них комсомольцы, пионеры и школьники собрали среди населения достаточное количество белья, одеял и подушек. Областной отдел здравоохранения, возглавляемый В. Азлиным, выделил врачей, медсестёр и технический персонал, прошедших специальную подготовку. Женщины города насушили для десантников около десяти тонн сухарей, в которых десантники очень нуждались в первые дни боёв с противником.

До наступления темноты, 16 августа все сухопутные, морские и пограничные войска, бойцы истребительного отряда и грузчики портов были размещены на судах. С большой теплотой и добрыми пожеланиями провожали десантников трудящиеся города Петропавловска и посёлка Индустриальный.

Вспоминаю, что когда я возвращался с судоверфи после окончания там погрузки на пароходы военной техники, на протяжении всего пути от Петропавловска до верфи шли десантники для посадки на пароходы. Их напутствовали трудящиеся: «Возвращайтесь с победой!», «Бейте врага наверняка!», «Желаем боевых успехов!»

Кто знает, о чём думали воины, идя на фронт... Очевидно, у каждого из них было много разных мыслей, но ясно было одно, что у всех десантников есть одно желание — быстрее победить врага и возвратить Курильские острова нашей родине. В этом направлении большую работу проводили политорганы, партийные и комсомольские организации частей и кораблей.

Рано утром 17 августа при строгом соблюдении скрытности и усиленном боевом охранении сторожевыми катерами военно-морской базы и морского погранотряда корабли вышли из Авачинской губы в район высадки десанта. К нашему счастью, погода была относительно благоприятной, и десантники чувствовали себя хорошо.

На всём пути следования командиры подразделений отрабатывали с личным составом конкретные вопросы высадки десанта, а политорганы и партийно-комсомольские организации проводили большую работу по разъяснению десантникам и командам кораблей задач, обеспечивающих успех операции.

Незадолго до высадки десанта на всех кораблях были проведены партийно-комсомольские собрания и митинги десантников, где они дали клятву бороться с врагом, не жалея сил и жизни. Так, например, восемнадцатилетний комсомолец-краснофлотец П. И. Ильичёв сказал: «Клянусь тебе, родина, что пока руки мои будут держать оружие, а глаза будут видеть, я буду беспощадно бить врага!» Среди десантников царил высокий накал боевого духа, положительно сказавшийся в ожесточённых боях с противником.

В район высадки десанта на остров Шумшу корабли подошли неожиданно для противника в начале пятого часа утра 18 августа 1945 г. В это время вела артподготовку наша батарея мыса Лопатка. Она периодически обстреливала позиции противника в течение последних трёх дней до начала операции и поэтому не могла помешать внезапности высадки десанта.

Первым, под прикрытием ночной темноты и тумана, на остров Шумшу высадился передовой отряд, состоявший из батальона моряков под командованием участника боёв с немецко-фашистскими захватчиками майора Т. А. Почтарёва и его заместителя по политчасти майора А. П. Перма и батальона пехоты под командованием майора П. И. Шутова и его заместителя по политчасти старшего

лейтенанта В. А. Кота. Общее руководство этим сводным передовым отрядом численностью свыше 1 500 чел. было возложено на опытного кадрового офицера майора П. И. Шутова. Одновременно с передовым отрядом высадилась на берег усиленная рота пограничников под командованием капитана Кожевникова и его заместителя по политчасти капитана Бугрова.

Ошеломлённый внезапным появлением десантников на берегу острова, противник открыл беспорядочный ружейно-пулемётный огонь. Передовой отряд и рота пограничников стремительным ударом с ходу вышибли противника из первой и второй полосы обороны. Преодолевая упорное сопротивление, не теряя скрытности и тактической внезапности, быстро двинулись вперёд, в кромешную темноту, к рассвету вклинились в глубину острова на 5–6 км и взяли в плен до ста пятидесяти солдат и офицеров противника.

Полуторатысячный отряд десантников достиг подножия высот 165,0 и 171,0, где встретил серьёзное сопротивление и вступил в бой с противником силами до восьми с половиной тысяч солдат и офицеров, хорошо вооружённых боевой техникой. С подходом подкреплений с острова Парамушир силы противника возрастали с каждым часом.

Самая трудная задача выпала на долю передового отряда. Он первый закрепился за берег, первым вступил в неравный бой, всю тяжесть удара превосходящих сил противника принял на себя и до подхода основных сил находился на последнем пределе своих сил.

После успешной высадки сводного передового отряда и быстрого его продвижения в глубь острова, под сильным перекрёстным артиллерийским огнём трёх батарей противника, расположенных на мысах Котомари и Кокутан, а также на выброшенном в 1943 г. штормом на берег острова нашего танкера «Мариуполь», начали высаживаться основные силы десантников первого и второго эшелонов.

Десантные суда из-за большого перегруза не доходили до берега на 100–200 м, и десантники под сильным огнём противника с тяжёлым снаряжением выбрасывались в холодную воду на глубине до двух метров. С большим напряжением сил, вплавь по кипящей от разрывов снарядов воде они добирались до вражеского берега. Многие не вышли на него, их унесло течением в морскую пучину.

Небольшая бухта острова, где высаживался десант, превратилась в огненный клокочущий котёл. Там бушевал смерч вражеского огня, рвались снаряды, горели суда.

Преодолевая сильное сопротивление противника, десантники под руководством опытного и волевого полковника П. А. Артюшина,

неся большие потери в живой силе и высадочной технике, только к часу дня достигли подножия высот 165,0 и 171,0, где соединились с передовым отрядом. Несмотря на преимущество противника в живой силе и технике, наши войска, промокшие до нитки, перешли в наступление по всей линии фронта.

На сравнительно небольшом участке в районе господствующих высот начались решающие сражения, в них участвовало около семнадцати тысяч наших десантников и войск противника. Наступил критический момент боя за овладение островом Шумшу. Противник упорно сопротивлялся и беспрерывно кидался в контратаки. Высоты трижды переходили из рук в руки. Наши войска продолжали драться с невероятным напряжением моральных и физических сил, неоднократно вступали в рукопашный бой, нанося противнику большие потери. Но тот не успокаивался и продолжал подбрасывать к линии фронта свежие силы с острова Парамушир, беспрерывно контратаковал наши позиции и угрожал сбросить десантников в море.

Японское командование предприняло попытку при помощи танков разорвать линию нашего фронта на две части, окружить и уничтожить наши войска. Это была первая танковая атака противника, в которой он потерял несколько машин. После этой неудачи повторил атаку и бросил против наших войск около двадцати танков и до двух батальонов пехоты. Наши войска под командованием полковника П. А. Артюшина, проявившего высокое мастерство, своевременно разгадавшего замысел противника, быстро покончили с пехотой и уничтожили семнадцать танков.

Коммунисты и комсомольцы личным примером и отвагой увлекали за собой десантников. Первыми высадились на берег острова и вступили в бой с противником командир взвода автоматчиков коммунист А. П. Белов, комсорг батальона моряков коммунист Г. П. Панкратов, командир отделения коммунист Г. В. Кулямин, комсомольцы: младший сержант И. Г. Гуло, краснофлотец М. Я. Нестеров и другие. А ведь первым подняться в атаку против врага — это самое трудное на войне. Старший лейтенант коммунист С. А. Савушкин организовал на важном участке фронта противотанковую оборону и лично сам уничтожил один танк противника, дружным огнём бронебойщиков сорвал первую танковую атаку противника. Савушкин в числе первых с криком «Ура!» бросился на штурм высоты 171,0, был смертельно ранен и умер на поле боя. На месте захоронения ему позже поставили памятник.

Парторг роты противотанковых ружей сержант Черепанов уничтожил два танка противника и один повредил, но когда он увидел, что повреждённая машина продолжает стрелять, бросился на него с гранатами и уничтожил ценой своей жизни.

Техник-лейтенант А. М. Водынин, краснофлотцы Власенко и Кобзарь, сержант Рындин уничтожили каждый по одному танку и погибли при этом смертью храбрых. Сержант Султанов на повороте вражеского танка, уменьшившего ход, вскочил на него и через смотровую щель расстрелял экипаж. Стойко отражал танковую атаку противника старшина 2-й статьи П. В. Бабич. Подорвав танк, он был тяжело ранен и вынесен с поля боя в бессознательном состоянии.

Большое мужество в боях за высоту 171,0 проявил командир роты автоматчиков Иноземцев. Он с поднятым красным знаменем в руках смело повёл автоматчиков на штурм врага и пал смертью храбрых.

Героически действовал в этих боях командир передового сводного отряда десанта майор П. И. Шутов. Будучи дважды ранен, продолжал руководить боем. Только после третьего тяжёлого ранения его вынесли с поля боя. Командование отрядом принял на себя его заместитель по политчасти старший лейтенант В. А. Кот. Он подхватил знамя, выпавшее из рук героически погибшего в схватке с противником командира роты автоматчиков Иноземцева, и с возгласом «Коммунисты — вперёд!» смело поднял десантников на штурм высоты 171,0.

Мужественно сражалась за овладение стратегически важными высотами 165,0 и 171,0 рота пограничников под командованием капитана Кожевникова. В яростных атаках погиб смертью храбрых заместитель командира по политчасти этой роты капитан Бугров.

Личный пример героизма проявил командир батальона моряков майор Т. А. Почтарёв и его заместитель по политчасти майор А. П. Перм. Оба, будучи ранены, продолжали умело руководить боем в районе высоты 165,0. Батальон под их руководством проявлял смелость и решительность. На одном из решающих участков северо-восточной части высоты вражеский одноамбразурный дот сильным пулемётным огнём наносил батальону большие потери и препятствовал продвижению. В эти решающие минуты боя старшина 1-й статьи Н. А. Вилков, будучи уже раненым, превозмогая боль, подполз к доту и бросил в амбразуру гранату, а затем повторил легендарный подвиг Александра Матросова, закрыв амбразуру своим телом. На мгновение пулемёт умолк, но через считан-

ные секунды, когда тело героя рухнуло на землю, он снова продолжил стрельбу, нанося большие потери нашим атакующим воинам. Бойцы залегли. И вот восемнадцатилетний комсомолец краснофлотец П. И. Ильичёв, по примеру Н. А. Вилкова, не колеблясь, быстро подполз к доту и бросил в амбразуру гранату и, как Вилков, тоже закрыл амбразуру своим телом. Только после этого пулемёт противника замолчал навсегда.

Героические поступки Н. А. Вилкова и П. И. Ильичёва спасли жизнь многим десантникам и обеспечили успех боя за овладение сильно укреплённым стратегически важным рубежом.

О мужестве и решительности моряков, проявленных на острове Шумшу, командующий десантной операцией генерал-майор А. Р. Гнечко писал: «С такими славными моряками можно бить любого врага». Эта высокая оценка боевых качеств морского батальона численностью 783 чел. в равной мере относится и к славным пехотинцам, артиллеристам, пограничникам, бойцам истребительного отряда, лётчикам и другим подразделениям, являвшимся основной силой состава десанта.

К исходу первого дня боёв 18 августа наши войска вышибли противника с большими для него потерями в живой силе и технике с сильно укрёпленного рубежа. Господствующие высоты 165,0 и 171,0 были заняты нами. Командующий японскими войсками в северной части Курильских островов генерал-майор Фусаки в своём дневнике записал так: «18 августа — чёрный день моей жизни».

Бои за овладение этими высотами были самым наивысшим напряжением и настоящей кровавой баней, где десантники, в мокрой одежде и усталые, с особой силой проявляли неудержимую жажду к победе над врагом.

У меня, как участника этих событий, никогда не изгладится из памяти героическое сражение наших войск за овладение этими стратегически важными высотами. Большая заслуга в этом принадлежит славным артиллеристам батареи мыса Лопатка и кораблям «Охотск», «Киров» и «Дзержинский», нанёсшим своей артиллерией удары по базам и передовым позициям противника.

Сторожевые корабли пограничного отряда «Киров» и «Дзержинский», выполняя приказ командующего операцией А. Р. Гнечко, быстро подавили батарею противника на танкере «Мариуполь», где японцы установили до двадцати орудий калибром до 75 миллиметров. Подавление этой батареи ускорило темп высадки основных сил десанта и значительно сократило потери наших войск и высадочной техники. В то же время огонь нашей артиллерии по батареям

мысов Котомари и Кокутан не давал положительных результатов, так как огневые точки там находились в хороших железобетонных подземных укрытиях.

Корабельная зенитная артиллерия стреляла по самолётам противника, пытавшимся наносить по нашим десантным судам бомбовые удары.

Наша авиация при трудных погодных условиях и дальности базирования бомбила аэродромы, военно-морские базы и передовые позиции противника.

После овладения высотами 165,0 и 171,0 положение наших войск по-прежнему оставалось напряжённым. Противник от нашей линии фронта находился в хороших укреплениях, на расстоянии 200–300 м и продолжал подтягивать свежие силы с острова Парамушир. Наши же войска использовали для укрытия только имеющиеся на высотах камни и пересечённый рельеф местности, что было далеко не достаточно для сохранения их сил.

В тылу наших войск оставались ещё не подавленные две батареи противника на мысах Кокутан и Котомари, мешавшие подвозу фронту вооружения, боеприпасов и продовольствия, а также отправку раненых на судно-госпиталь...

После взятия стратегически важных высот в этом районе наступила относительная тишина, но она периодически нарушалась одиночной стрельбой снайперов противника, часто выводивших десантников из строя, особенно офицерский состав.

Используя короткую паузу в многочасовом бою, мы с полковником П. И. Смирновым обошли весь участок фронта, посетили раненых воинов и распорядились о быстрейшем вынесении их с поля боя в захваченные у противника казармы, используемые нами под медпункты.

Несмотря на большую усталость после бессонной ночи, тяжёлой высадки и непрерывных боёв, десантники не падали духом и думали только о быстрейшей победе над врагом. Однако наступающая сырая и холодная курильская ночь заставала их в мокрой и лёгкой одежде, без запасов продуктов питания и с незначительным наличием боеприпасов, что отрицательно сказывалось на боеспособности десантников. В то же время противник, используя своё преимущество, готовился перейти в наступление.

Благодаря находчивости моряков, пронюхавших и сообщивших нам о наличии на захваченных складах противника большого количества тёплой одежды и продовольствия, мы, убедившись в правильности этих сведений, распорядились немедленно использовать

эту возможность. Решив вопрос с одеждой и продовольствием, мы тут же выехали для решения вопроса о снабжении фронта вооружением и боеприпасами на сторожевой корабль «Киров», где размещалось командование 101-й стрелковой дивизии и ПВМБ.

К большому сожалению, командир высадки десанта Д. Г. Пономарёв и командир десанта П. И. Дьяков в это время на корабле отсутствовали, поэтому без их участия пришлось решать этот важный и не терпящий отлагательства вопрос на оперативном совещании работников штабов и политотделов. По моему сообщению о положении дел на фронте было принято решение немедленно изыскать мелкий флот и организовать переброску фронту вооружения и боеприпасов, которых на десантных судах имелось в достаточном количестве. Был использован весь имевшийся мелкий флот, даже не без риска были сняты семь спасательных катеров-кавасаки с санитарного судна «Менжинский». Для грузовых работ созданы бригады из грузчиков портов и команд судов.

В результате принятых оперативных мер, под прикрытием ночной темноты, к утру 19 августа было доставлено фронту большое количество орудий, миномётов, пулемётов, боеприпасов и продуктов. Этим же транспортом были отправлены все тяжелораненые воины с фронта на «Менжинский», немедленно доставивший их в госпитали Петропавловска.

Самоотверженно работали на перевозке и погрузке команды катеров и грузчики морских портов под руководством начальника рыбного порта Я. Я. Завадского. Героизм и мужество в снабжения десантников вооружением и боеприпасами проявил старшина баржи морского торгового порта В. И. Сигов. Он, будучи дважды ранен, не оставлял своего боевого поста. Командующий десантной операцией генерал-майор А. Р. Гнечко дал высокую оценку работникам портов. В одной из своих статей он писал: «Неоценимую помощь оказали нам портовики Петропавловска».

Одновременно с обеспечением фронта вооружением и боеприпасами десантники вели бои по подавлению артиллерийских батарей противника в тылу наших войск. Первая рота морского батальона из-за технической неисправности десантного судна высадилась на берег острова Шумшу с последим эшелоном, когда передовой отряд вёл бой у подножия высот 165,0 и 171,0. Командир роты старший лейтенант Кочнев и представитель политотдела, секретарь партийной комиссии ПВМБ майор Г. С. Крившенко объединили на берегу разобщённые подразделения десантников и бойцов истребительного отряда. Они весь день вели упорные бои на подступах к батарее

противника на мысе Кокутан, оказавшейся в тылу наших войск. В результате десантники к вечеру 18 августа подавили пулемётные огневые точки в районе артиллерийского дота и брошенными в амбразуру гранатами уничтожили орудийный расчёт. Противник потерял в этих боях до одной роты солдат и офицеров.

Здесь проявили мужество и героизм коммунисты: майор Крившенко, боец истребительного отряда Матусевич и солдат Денешек, которые неоднократно поднимали десантников в атаку и показывали личный пример. После похорон с воинскими почестями погибших и госпитализации раненых, утором следующего дня эта группа войск соединилась с основными силами десанта в районе высот 165,0 и 171,0.

Ночью с 18 на 19 августа подразделение морского батальона и группа пограничников подавили последнюю батарею противника в тылу наших войск на мысе Котомари. Эту операцию возглавил майор Курбатов, павший при этом смертью героя. Сейчас этот мыс носит его имя.

Нашими войсками при активном участии пограничников и бойцов истребительного отряда был очищен тыл наших войск от разрозненных групп войск противника. В этой операции пал смертью храбрых командир истребительного отряда И. А. Каширников.

После подавления батарей и ликвидации разрозненных вооружённых групп противника в тылу наших войск, фронт бесперебойно стал снабжаться вооружением и боеприпасами. Была установлена устойчивая радиосвязь командования десантных войск с частями, бывшая в первый день слабым местом в руководстве боем. Особенно отличился в организации связи радист Г. В. Мусорин. Ему удалось сохранить свою рацию, а остальные 21 станция при высадке оказались подмочены и вышли из строя.

Так были прочно закреплены успехи первого дня боёв и созданы условия для последующего наступления и освобождения острова Шумшу. На следующий день командование десантных войск намечало перейти в наступление с целью полного овладения островом. Но до его начала, 19 августа командующий северной группировкой японских войск генерал-лейтенант Фусаки прислал к командующему десантными войсками генерал-майору А. Р. Гнечко парламентёра — полковника штаба группы войск Курильских островов Ямада со своим согласием на безоговорочную капитуляцию. Оно было принято, условлено о входе наших кораблей 20 августа в военно-морскую базу Катаока для разоружения её гарнизона.

Но, несмотря на это, японские войска продолжали оказывать сопротивление, что подтверждает такой факт. На следующий день, как и было условлено, наши войска на кораблях и судах «Киров», «Дзержинский», «Охотск», «Пугачёв», «Полярный» и тральщике ТЩ-525 вошли в район Второго Курильского пролива. Японские береговые батареи открыли по нашим судам сильный огонь, а наши корабли ответили. В результате прямого попадания на минном заградителе «Охотск» вышли из строя рулевое управление, центральное освещение и электротелеграф, несколько человек были убиты и ранены.

Благодаря умелому руководству командира капитан-лейтенанта В. К. Моисеенко, командами боевых частей в считанные минуты корабль был переведён на ручное управление и устранены другие повреждения. В это же время «Охотск» продолжал наносить артиллерийские удары по батареям и подавил одну из них. Самоотверженно сражались в этом бою артиллеристы Колчин, Курганов и Деткин. Они, будучи тяжело ранены, не покидали свои боевые посты до конца боя. Под прикрытием дымовой завесы, успешно отбивая атаки японских самолётов-торпедоносцев, наши корабли благополучно вышли из зоны обстрела батарей противника и возвратились в Первый Курильский пролив, где находился наш десантный флот в первые дни операции.

По возвращении меня из этой неудавшейся операции, я получил задание А. Р. Гнечко о переброске на передовую Усть-Большерецкого отдельного стрелкового полка и артиллерийского дивизиона. Вместе с командованием этих частей при активной помощи секретаря Усть-Большерецкого райкома партии Н. А. Шаповалова и директора рыбокомбината имени А. И. Микояна А. И. Пименова, личный состав полка и артдивизиона с достаточным количеством вооружения и боеприпасов в установленный командованием срок были доставлены в район боевых действий.

Переброска на фронт указанных частей на небольших судах «Полярный», «Буревестник» и мобилизованных мною в рыбокомбинатах 22 катерах и кунгасах в тяжёлых условиях штормовой погоды была большим риском. Эту операцию командование считало своеобразным чудом. Её успех был обеспечен благодаря большому умению, организованности и стойкости людей. Руководство мобилизованным флотом мною было возложено на А. И. Пименова. На протяжении всей операции он блестяще справлялся с возложенными на него командованием задачами по обслуживанию фронта и внёс существенный вклад в освобождение Курильских островов.

Получив подкрепление в живой силе, вооружении и боеприпасах, наши войска активизировали боевые действия и поставили противника перед фактом безоговорочной капитуляции, осуществлённой командиром бригады генерал-майором Кадамой и его начальником штаба полковником Куритой.

В результате ожесточённых боёв 23 августа полностью был освобождён остров Шумшу, считавшийся японским командованием самым сильно укреплённым рубежом обороны. В последующие два дня освобождён остров Парамушир. После этого перед командованием десанта была поставлена задача: освободить ещё около двадцати островов. При этом наши войска встретились с такими трудностями, как недостаточное количество высадочных средств, множество подводных рифов, опасных для десантных судов, и штормовая погода. В то же время, несмотря на официальную капитуляцию, отдельные части противника продолжали сопротивляться. Преодолевая эти и другие трудности, войска КОР успешно справились с поставленной задачей и к концу дня 21 августа 1945 г. освободили всю северную группу Курильских островов, включая остров Уруп...

С завершением боевых действий перед командованием десантной операции стояла задача в кратчайший срок вывести с островов на большую землю всех военнопленных и трофейное вооружение. Эта нелёгкая задача успешно была выполнена в срок, установленный главным командованием советских войск на Дальнем Востоке.

Большая работа проводилась руководством рыбной промышленности Дальнего Востока по приёму и использованию японских предприятий и решению ряда других хозяйственных задач. Этим вначале занимались партийные, советские и хозяйственные органы Камчатки, а затем Сахалинской области...

Существенный вклад в подготовку и успешное проведение Курильской десантной операции внесли организации и трудящиеся Камчатки. Об этом генерал-майор А. Р. Гнечко говорил: «Мы, участники боёв, обращаемся со словами признательности и благодарности к партийным, советским, комсомольским и общественным организациям и жителям Камчатки за их бесценную помощь войскам Курильской десантной операции в августе 1945 г.».

Трудящиеся Петропавловска организовали воинам радостную встречу. На состоявшемся массовом городском митинге они выразили сердечную благодарность славным бойцам-освободителям за возвращение Курильских островов нашей родине и были беспре-

дельно воодушевлены их ратными подвигами. Горожане оказали огромную помощь раненым. Комсомольцы, пионеры и школьники взяли шефство над госпиталями и с большой любовью ухаживали за бойцами, что плодотворно сказалось на их выздоровлении.

Семьям погибших и раненых была оказана материальная помощь. На это израсходовано около двух миллионов рублей, собранных трудящимися области из своих личных сбережений, и бесплатно выдано много одежды и обуви.

В память о погибших воинах труженики судоверфи в нерабочее время изготовили памятники, установленные в районе боёв и в городах Северо-Курильске и Петропавловске...

Что касается моего личного вклада в освобождение Курильских островов, то он был самым обычным, как и всех советских патриотов, боровшихся в Великую Отечественную войну, не жалея сил и своей жизни во имя победы над врагом.

Я от всего сердца благодарен нашей партии и правительству за оказанное мне доверие участвовать в боях за возвращение исконной русской курильской земли Советскому Союзу и выполнение других важных заданий правительства и командования Красной Армии. За это был отмечен правительственными наградами. Эту высокую оценку моей работы я отношу к нашей родной Коммунистической партии Советского Союза, в рядах которой состою с 1930 г.

БН. Государственный архив Камчатского края (ГАКК), ф. 800, оп. 1, д. 373, л. 9—44. Авторизованная машинопись, 1977 г., г. Краснодар. Ксерокопия

Из письма П. Ф. Елисееву бывшего командующего Курильской десантной операцией генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза А. Р. Гнечко

Уважаемый Пётр Фёдорович! С большим интересом прочёл ваш материал для выступления на Камчатке — воспоминания о Курильской операции. Что же? Надо отдать вам должное в объективности и сохранении в памяти основных событий.

Наиболее удачно освещены те эпизоды, где вам лично представилась возможность участвовать в боевых событиях или выполнении других заданий, связанных с подготовкой операции, в её обеспечении в рамках вашей деятельности как представителя обкома и политработника уже в новой роли — руководящего работника политического органа десантной операции.

Хорошо освещаете помощь Камчатского обкома, Петропавловского горкома и трудящихся Камчатки в подготовке десантной

операции. Не забыты советские и комсомольские организации. Впервые вы отдали должное помощи нам рыбокомбинатом имени Микояна, товарищем Пименовым. Что ещё положительно в вашем материале? Это то, что указаны имена и фамилии участников подготовки и боёв.

Одним словом, у вас, Пётр Фёдорович, очень хороший материал для выступления. В целом вы проделали большую и полезную партийно-политическую работу...

БН. ГАКК, ф. 800, оп. 1, д. 373, л. 5. Машинопись, 25 марта 1976 г., г. Москва

Пояснение П. Ф. Елисеева от 1 июля 1977 г.: «Письмо А. Р. Гнечко относится к воспоминаниям, написанным в 1975 г. в бытность моего посещения Петропавловска и Курильских островов, куда я был приглашён Камчатским обкомом КПСС и военным советом на празднование 30-й годовщины Победы над Японией».

Из письма А. Р. Гнечко

Дорогой Пётр Фёдорович! Тщательно прочитал ваш материал — воспоминания 1977 г. Вы просите сообщить моё мнение.

1. Вы много поработали над составлением своих воспоминаний...

3. Замечательно рассказано о помощи в подготовке Курильской десантной операции, оказанной камчатскими партийными, советскими, комсомольскими и общественными организациями. В частности, подробно рассказано о претворении в жизнь решений обкома вами непосредственно, как представителя бюро обкома. Мне весьма понравилась эта часть. Об этом в печати ещё не говорилось.

4. В общем, достаточно наглядно описаны события боевых действий передового отряда и мужество десантников, роль коммунистов и комсомольцев.

5. Не забыты активные действия патриотов из гражданского населения, выделенных в качестве подразделения для обеспечения тыла операции. (Здесь речь идёт об истребительном батальоне, созданном из гражданских коммунистов и комсомольцев. — *Примечание П. Ф. Елисеева.*)

6. Ваши воспоминания — замечательный исторический материал для музеев. На нём будут десятилетиями воспитываться наши молодые поколения... Спасибо вам за такой нелёгкий труд. Такой документ, как ваши воспоминания, послужит уникальным источником и памятником для изучения многим поколениям.

БН. ГАКК, ф. 800, оп. 1, д. 373, л. 6. Машинопись, 2 марта 1977 г., г. Москва

Пояснение П. Ф. Елисеева от 1 июля 1977 г.: «Второе письмо относится к исправленным и дополненным воспоминаниям 1977 г. Оба письма... опубликованы с разрешения бывшего командующего Курильской десантной операцией генерал-лейтенанта А. Р. Гнечко, который в одном из писем в мой адрес по этому вопросу писал: “Я не возражаю, ежели вы, Пётр Фёдорович, сделаете выдержки из моего краткого мнения и приложите к своим воспоминаниям”».

Из наградного листа *Петра Фёдоровича Елисеева*, второго секретаря Камчатского областного комитета ВКП(б), участника и одного из организаторов Курильской десантной операции.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

При высадке на остров Сюмусю непосредственно участвовал в отряде захвата, лично воодушевлял бойцов своей храбростью и настойчивостью. Показал исключительные организаторские способности при высадке его отделения. Поставленная задача была выполнена. Вывод: наградить правительственной наградой — орденом Отечественной войны 1-й степени.

Командующий Камчатским оборонительным районом
генерал-лейтенант *Гнечко.*
1 октября 1945 г.

БН. Ксерокопия

Зобнин Василий Васильевич, старший лейтенант 7-го отдельного стрелкового батальона

...На Камчатку я прибыл весной 1942 г. в 138-й стрелковый полк 101-й стрелковой дивизии, стоявший неподалёку от Петропавловска. Весной 1943 г. был переведён в 7-й отдельный стрелковый батальон в район Елизово, а оттуда — на мыс Лопатку, командиром взвода 82-миллиметровых миномётов.

Немного участвовал в десантах на острова Шумшу и Парамушир. Мы, 7-й отдельный стрелковый батальон, были в десанте во втором эшелоне, нам мало попало, всю тяжесть на себя принял первый эшелон.

Всеми операциями по десанту командовал лично полковник Артюшин (заместитель командира 101-й дивизии). Группу захвата плацдарма высадки десанта возглавлял заместитель командира 138-го стрелкового полка майор Шутов, его заместителем был старший лейтенант Василий Кот. В группу захвата входили автоматчики 138-го

полка, отряды моряков и пограничников. Высадились они без выстрела и углубились до трёхсот метров от берега, потом были обнаружены японцами и начался бой. В это же время подошёл десант первого эшелона. Тяжело досталось и группе захвата, и первому эшелону. В ходе боя береговая группа японских войск всё же была разбита, остатки отступили вглубь острова. Майор Шутов был тяжело ранен, и командование группой захвата принял старший лейтенант Кот.

За успешное выполнение задания командования Шутову и Коту было присвоено звание Героя Советского Союза. Перед десантом Кот был парторгом 198-го полка в Усть-Большерецке...

7-й отдельный стрелковый батальон формировался в районе Елизово на базе учебного батальона, где командиром был майор Кранихфельд. Он и стал командиром 7-го ОСБ, но перед началом войны с Японией, летом 1945 г., был отозван на должность офицера связи при командующем КОР. Командиром батальона был назначен капитан Желаннов.

7-й ОСБ был сформирован из подразделений 138, 373 и 302-го полков, 5-го ОСБ и 198-го полка. Из последнего в батальон передали в полном составе одну роту, и прибыла она в Елизово пешим порядком по дороге через сёла Коряки, Начики. Пешком поперёк Камчатки они топали дня три. Фамилию командира этой роты я забыл. Он был старший лейтенант, очень низкий ростом, немного горбатый.

Очень много фамилий я просто забыл, но при случае некоторые память возвращает: Егоров, Борисов, Шамин, Степанов, Чепурной, Астанаев, Васильев, Шигай, Николаев, Попов, Греков, Н. Дикий — фельдшер, Сенченко и другие. Есть у меня сосед из бывшей 101-й стрелковой дивизии, бывший инструктор по комсомолу в политотделе, бывший старший лейтенант, ныне полковник в отставке В. П. Тарасов...

ККОМ ОФ 38059/171. Рукопись. 12 февраля 1985 г., г. Красноярск

...Из 198-го стрелкового полка у нас в 7-м ОСБ также были: замполит майор Дроздов, командир стрелковой роты старший лейтенант Дмитрий Бахмутский, командир автоматной роты Ильгам Сагабиев, командиры взводов: младший лейтенант Сенченко, лейтенанты Васильев, Астанаев, старшина Емельянов... Попов, Кот и политотделец 101-й стрелковой дивизии Юдин живут в Львове, ходят друг к другу в гости. Попов написал повесть о В. А. Коте. Ему [Коту] присвоено звание «Почётный гражданин города Северо-Курильска» (бывший Касивабара) на Парамушире.

Ещё Попов опубликовал о 7-м батальоне повесть «Они совершили подвиг» (Повесть Н. Т. Попова «Форпост на Лопатке» опубликована в книге С. К. Юдина «На крайних восточных рубежах» серии «Из фондов музея», вышедшей в 2015 г. — *Ред.*) Попов соревнуется с Акшинским, но Акшинский — более маститый журналист, имеет специальное образование. Он был редактором областной газеты, инструктором ЦК КПСС, помощником у Ворошилова. Сейчас на пенсии, пишет о Курилах.

ККОМ ОФ 39059/170. Рукопись. 29 марта 1985 г.

...Сообщу интересный факт. Из Москвы моему соседу — полковнику в отставке Тарасову — прислали прочесть статью генерала в отставке Дьякова, где тот пишет, что когда он высадился на острове Шумшу и достиг первой траншеи, то взял у солдата противотанковое ружьё и сам лично подбил один японский танк. Но ведь это же ложь, так как Дьяков на Шумшу высадился только 19 августа, а все танки были перебиты 18 августа! 19 августа никаких танковых атак не было. Потом Дьяков очень критиковал действия Гнечко. А вся суть в том, что Дьяков после победы очень увлёкся трофеями лично для себя, многое успел вывезти. Потом его действия пресекли генерал Гнечко и второй секретарь Камчатского обкома ВКП(б) П. Ф. Елисеев, а позже и первый секретарь И. Ф. Петров. Часть награбленных трофеев у Дьякова изъяли в фонд государства. За это Дьяков мстит даже мёртвому Гнечко.

Некоторые наши товарищи высказывают мысль, что Дьяков целые сутки откладывал свою высадку на Шумшу (вместо 18-го высадился 19 августа) под предлогом повреждения судна. Но ведь до берега он мог добраться на любом катере, сейнере, десантном судне, мотоботе, лодке и прочем, так как весь флот у берега был ему подчинён.

Дьяков был назначен командиром десанта первой очереди, а вперёд высадился полковник Артюшин — командир десанта второй очереди. Дьяков высадился только тогда, когда убедился, что уже не опасно, что его не убьют, то есть свою трусость прикрывал неисправностью корабля. А потом хвалился, врал и даже клеветал...

КОКМ ОФ 38059/293. Рукопись. 27 декабря 1985 г.

...Вы интересуетесь японскими генералами. По этому вопросу советую обратиться к Борису Евгеньевичу Кремянскому. Он был военным переводчиком при командующем КОР и переводил все встречи при переговорах о капитуляции с высшим командованием

японских войск и допросы японских генералов и высших по званию японских офицеров.

Я лично имел близкий контакт с японским генерал-майором, командиром 74-й пехотной бригады, которую имел честь разоружать. Старшим у меня в этом деле был капитан Семён Мартюшев. Мы обошлись без полковников...

Этот генерал, его фамилию я забыл, — старенький по возрасту, высокий, худощавый, был очень любезен с нами в беседе через своего переводчика. Сам он также пользовался японо-русским словарём-разговорником.

Это не то, когда сложила оружие японская 73-я пехотная бригада на Шумшу. Наша 101-я стрелковая дивизия походным маршем проходила по дороге в Катаоку (Байково) мимо их гарнизона. Уже разоружённые японцы толпами стояли вдоль дороги и смотрели на нас. Некоторые были угрюмы, некоторые улыбались, а часть заядлых офицеров-самураев демонстративно повернулись, подставив свои зады, показывая, что они нас ненавидят и не желают даже смотреть в сторону победителей.

С японцами мне ещё пришлось общаться в 1946 г., когда я выехал в Петропавловск, где полгода, в ожидании демобилизации, которой очень добивался, мне пришлось служить начальником охраны лагерей японских военнопленных (от Петропавловска до Коряк было пять лагерей).

После демобилизации я прибыл в Красноярск на комбайновый завод, и снова у меня в смене оказалось примерно 70–80 японских военнопленных, с которыми пришлось работать ещё года два до их освобождения. Так что японцев я хорошо знаю, даже немного разговаривал с ними по-японски...

ККОМ ОФ 38059/295. Рукопись. 12 апреля 1987 г.

...Лебедев Василий Иванович, рядовой 302-го стрелкового полка, богатырского телосложения. В 1985 г. он был в Северо-Курильске, фотографировался в семёрке с товарищем Гайдуковым. На 90-й странице «Курильского десанта» [В. С. Акшинского] упомянут Г. В. Смолин и двое неизвестных, захвативших танк и обративших его против японцев. Со Смолиным был и В. И. Лебедев. За это он награждён медалью «За боевые заслуги». Его фото с этим танком находится у товарища Заярнова в петропавловской школе № 35...

ККОМ ОФ 38059/294. Рукопись. 14 апреля 1987 г.

...Был случай, когда на высоте на одном участке японцы подняли много белых флагов из полотенец, а когда взвод автоматчиков цепью приблизился к ним, чтобы принять их в плен, ответом были пулемётные очереди и многие наши автоматчики не вернулись назад.

Ещё до начала Курильского десанта остров Шумшу бомбила американская авиация. Я сам в бинокль видел, как из подбитого самолёта в пролив выпрыгивали на парашютах американцы, а японские истребители на них пикировали и трассирующими пулями расстреливали в воздухе. Наша артиллерия в это не вмешивалась, так как это было за серединой пролива в японской зоне.

ККОМ ОФ 38059/295. Рукопись. 16 апреля 1987 г.

...Кроме группы захвата, которую возглавляли Шутов, Кот и Дайн (примерно 1 300 чел.), основной ударной силой пехоты был десант первой очереди — 373-го полка и приданный ему 2-й батальон 302-го полка. Десантом второй очереди был 138-й полк и учебный батальон. Отдельный батальон связи был в обеих очередях. Артиллерийские части шли второй очередью. Третьей очередью был 7-й отдельный стрелковый батальон с мыса Лопатка. Поскольку он на Шумшу не пострадал, его перебросили в Катаоку и оттуда ночью — первыми в десант на Парамушир. На Парамушире был ещё один небольшой десант на разоружение японской 74-й пехотной бригады (севернее Касивабары 10–15 км)...

ККОМ ОФ 38059/297. Рукопись. 2 мая 1987 г.

...Из-за верхоглядства начальства все двадцать радиостанций были подмочены и вышли из строя. Отсутствие радиосвязи привело к тому, что наша артиллерия нанесла урон своим передовым подразделениям на высоте 171,0. Пришлось оттуда отступать, после чего японцы снова заняли эту высоту...

КОКМ ОФ 38059/298. Рукопись. 14 мая 1987 г.

...В Курильском десанте участвовали следующие воинские части 101-й стрелковой дивизии (командир генерал-майор П. И. Дьяков, заместитель по строевой части полковник П. А. Артюшин):

— 138-й стрелковый полк (командир подполковник К. Д. Меркурьев);

— 373-й стрелковый полк (подполковник В. Г. Губайдуллин);

— 198-й стрелковый полк (подполковник Филимонов), Усть-Большерецк;

— 302-й стрелковый полк (подполковник Говоров), Усть-Камчатск, участвовал 2-й батальон;

— 7-й отдельный стрелковый батальон (майор Г. И. Крайхфельд), мыс Лопатка;

— 279-й артполк (подполковник А. К. Тарасов);

— 169-й истребительный противотанковый дивизион;

— 119-й отдельный сапёрный батальон (майор Жилин);

— 38-я отдельная рота химической защиты (старший лейтенант Авдеев);

— 367-й отдельный артиллерийский дивизион (майор Богайчук);

— 428-й гаубичный полк артиллерии Резерва Главного Командования (подполковник И. Я. Пирогов);

— 103-й отдельный батальон связи (майор М. А. Дьяконов).

Активно участвовали в боевых действиях Курильского десанта 945-я береговая 130-миллиметровая батарея мыса Лопатка (командир старший лейтенант Семён Иванович Соколюк) и 1116-я батарея противовоздушной обороны флота, мыс Лопатка.

Об участии частей ПВМБ, 60-го морпогранотряда и авиадивизии хорошо изложено в повести В. С. Акшинского.

Сам десант проходил в четыре потока:

1. Группа захвата плацдарма высадки десанта (майор Шутов, старший лейтенант Кот, старший лейтенант Дайн).

2. Первая очередь десанта — 373-й стрелковый полк, 2-й батальон 302-го стрелкового полка, учебный батальон, 113-й отдельный батальон связи во главе со штабной группой под руководством генерал-майора П. И. Дьякова. Из этой высадки по ряду причин выпала штабная группа во главе с Дьяковым.

3. Вторая очередь — 138-й стрелковый полк, сапёрные части, химики и другие во главе со штабной группой под руководством полковника П. А. Артюшина.

4. Третья очередь — 7-й отдельный стрелковый батальон и 198-й стрелковый полк (резерв штаба КОР).

5. Четвёртая очередь — артиллерийские и противотанковые части, автотранспорт, тягачи, конная тяга артиллерии.

В ходе десанта из первой очереди выпала штабная группа во главе с генерал-майором Дьяковым. Она высадилась вместо 18 августа только в середине дня 19 августа, когда танковые атаки японцев были полностью разгромлены, боевые действия пехоты японцев почти прекратились.

Выравниванием обстановки было то, что вместо Дьякова, хотя и с некоторой потерей времени, высадился полковник Артюшин со

своей штабной группой и принял руководство боями, в том числе и разгромом японских танковых атак. Некоторые офицеры считают, что причина задержки высадки на одни сутки генерала Дьякова в повести «Курильский десант» не вполне оправдана, так как Дьяков мог воспользоваться любым другим судном, находившимся в его распоряжении, чтобы высадиться на берег и принять руководство десантом первой очереди, чего не произошло.

При выходе в десант, ещё в Петропавловске, штабу 101-й стрелковой дивизии и командирам 113-го батальона связи и другим полковым радистам было известно, что, вероятно, придётся до берега добираться вплавь и радиостанции намокнут и выйдут из строя. Но никто не подумал поместить их в непромокаемые резиновые или парусиновые мешки. В результате все двадцать станций «искупались» в воде и вышли из строя. Об этом может рассказать известный вам товарищ Христофоров, который был вторым номером при радиостанции и по воде тащил станцию и своего первого номера. Также не было надувных лодок, плотиков и спасательных кругов.

Вся эта безответственность некоторых офицеров привела к тому, что высадившийся десант оказался без связи с высшим командованием (штабом КОР и 101-й стрелковой дивизии), с военными кораблями и батареей мыса Лопатка. Высадившаяся пехота не знала о намечавшемся артобстреле высоты 171,0 и с ходу заняла её, а затем последовал артобстрел с кораблей и мыса Лопатка. Нашей пехоте пришлось, образно говоря, удирать назад. Были жертвы, а японцы тем временем без боя снова заняли эту высоту. И только повторным наступлением их снова выбили. Всё это испытал известный вам товарищ Христофоров, получивший ранение от своих снарядов.

При высадке десантов особенно много потонуло пулемётчиков и миномётчиков, так как до берега приходилось добираться вплавь вместе с материальной частью, которая и увлекала бойцов на дно. Никаких плотиков для пулемётов и миномётов предусмотрено не было. Вероятно, все верили, что с американских десантных судов прямо по бортовым выдвижным трапам все сухие сойдут на берег...

ККОМ ОФ 38059/299. Рукопись. 15 мая 1987 г.

...Получил документальную повесть В. Н. Багрова «Победа на островах», где о Курильском десанте, хотя и коротко, но изложено более чётко по времени и участникам...

В связи с Багровым вношу поправки в моё предыдущее письмо. Я писал, что в десант первой очереди включался 373-й стрелковый

полк, а во вторую очередь — 138-й полк. Я запамятовал. Согласно Багрову, нужно считать наоборот: первая очередь — 138-й, вторая — 373-й стрелковый полк. 138-й полк из-за повреждения десантного судна, где был штаб полка, высадился без полкового руководства и с ходу ушёл вперёд, не зная о предстоящем артобстреле высот 171,0 и 165,0, и раньше срока овладел высотой 171,0. А потом пришлось удирать назад.

Багров в своей повести также отметил два существенных недостатка, а вернее ошибки в десанте:

1. Передовой отряд (группа захвата), а за ним и подразделения 138-го стрелкового полка при высадке с ходу рванули вперёд, только вперёд, расширяя район захвата, а на берегу никого не оставили для подавления амбразур дотов, где остались японцы при орудиях и пулемётах. Они продолжали крушить десант второй очереди 373-го стрелкового полка. К этому обстрелу подключились и японские огневые средства с танкера «Мариуполь», бившие в правый фланг десанта.

2. Багров указывает, что приказ командующего КОР гласил, что в течение дня 19 августа следует полностью овладеть островом Симусю, что не соответствует реальному соотношению сил, а именно: огневые средства японцев в дотах и на «Мариуполе» не были подавлены, численное преимущество было на стороне японцев. У японцев — танки, а наша артиллерия ещё не выгрузилась на берег плюс отсутствие карт и незнание местности, отсутствие радиосвязи. Этот приказ остался только на бумаге и не был выполнен.

Багров также уточняет, что радиостанций при высадке было не двадцать, а двадцать две штуки. Одна из них начала работать.

У Багрова я «смазал» примерную схему островов и на неё нанёс путь движения 7-го ОСБ с мыса Лопатка (см. приложенные иллюстрации. — *Ред.*): *А* — с мыса Лопатка вышли в десант вечером 19 августа, *Б* — высадились на Сюмусю рано утром 21 августа, *В* — марш на Катаоку пешком утром 23 августа, *Г* — прибыли в Катаоку вечером 23 августа, *Д* — на двух десантных судах из Катаоки ночью 23 августа ушли в десант на Касивабару, *Е* — ночью 23 августа в Касивабаре заняли причалы, фланги и центр со штабом 91-й пехотной дивизии, *Ж* — утром 24 августа снарядили малый десант в составе 3-й стрелковой роты (капитан Мартюшев) с моим взводом 82-миллиметровых миномётов на разоружение 74-й пехотной бригады.

В обед 24 августа разоружили бригаду. 7-й отдельный стрелковый батальон оставался в Касивабаре, разоружая японцев. Утром

26 августа наш малый десант пешком возвратился в Касивабару. На наше место к японской 74-й пехотной бригаде прибыли из 198-го стрелкового полка.

Вечером 26 августа 7-й отдельный стрелковый батальон через пролив возвратился в Катаоку. Днём 27 августа батальон на машинах возвратился в район высадки десанта (мысы Кокутан — Котомари), а в октябре 1945 г. 7-й ОСБ снова возвратился на мыс Лопатка.

ККОМ ОФ 38059/291. Рукопись. 19 мая 1987 г.

Вы, наверное, удивляетесь, что я пока пишу вам о недостатках и ошибках Курильского десанта. Это потому, что об успехах и удачах очень хорошо и много написано В. С. Акшинским в «Курильском десанте» и другими авторами в разных статьях и публикациях, и я их разделяю и с ними согласен. Только все предпочитали обходить теневые стороны этих событий. Вот я и обратил на них внимание. У Акшинского этим теневым вопросам уделено внимание, только не в повести «Курильский десант», а в открытом письме генерал-майору П. И. Дьякову. С этим письмом Акшинский знакомил ряд бывших офицеров 101-й стрелковой дивизии (Христенко, Юдина, Кота, Тарасова, Зобнина и других), после чего отправил Дьякову. Однако Дьяков, получив это письмо, продолжал товарищескую переписку с Акшинским и делал вид, что его это не касается.

Акшинский хотел это письмо опубликовать, но вскоре Дьяков умер и надобность в этом отпала. Это письмо (копия) и сейчас хранится у дочери Акшинского Натальи Васильевны, возможно, есть копия и у Христенко. Но сейчас это не так уж и важно. В письме в основном разоблачалось бахвальство Дьякова в его статьях, переваливание его ошибок на генерала Гнечко и крохоборские замашки Дьякова в деле обращения ценных трофейных материалов, вещей, картин, антиквариата вывозом на свои квартиры и адреса с целью личного обогащения. Генерал Гнечко и второй секретарь Камчатского обкома ВКП(б) П. Ф. Елисеев (при штабе КОР) часть грузов у Дьякова изъяли и пресекли его присвоение. С этого времени Дьяков всячески мстил Гнечко.

Гнечко же был человеком высокой культуры, всесторонне образованным, больших военных знаний и в личном обращении для всех душевным человеком. В 101-й дивизии с Дьяковым служил и его сын — в учебном батальоне и 113-м батальоне связи, начальником штаба и заместителем по строевой части. Продвигался успешно.

Несколько слов о танкере «Мариуполь». Во время десанта с танкера в правый фланг десанта был открыт огонь. Батарея с мыса Лопатка сразу же его обстреляла. Танкер попытался огрызнуться, но его снаряды не достигли цели. Сделав видимость, что танкер подавлен, огонь прекратили. Японский самолёт пытался сбросить бомбу на батарею мыса Лопатка, но, встретив зенитный огонь, бросил её, не долетев до батареи. Бомба упала на песчаный откос берега и не взорвалась. Через некоторое время, когда наши самолёты пошли на бомбёжку Катаоки и Касивабары, танкер снова ожил и открыл огонь по самолётам. Тогда один наш самолёт отделился, дважды спикировал на танкер, обстрелял его и нанёс прямое попадание бомбой. Я это наблюдал лично в свой восьмикратный бинокль.

Тогда минный заградитель «Охотск», пользуясь своей броневой защитой, пошёл в атаку на танкер, непрерывно обстреливая его из всех носовых орудий. Разгромил это гнездо и поджёг его. На танкере начался сильный пожар. Не доходя до него триста или пятьсот метров, «Охотск» свернул в сторону, развернулся и ушёл выполнять свою задачу. Танкер горел всю ночь с 19 на 20 августа, и больше он признаков жизни не подавал. Христенко на пароходе «Пугачёв» был поблизости и в бинокль наблюдал лобовую атаку на «Мариуполь».

Несколько слов о камикадзе — смертниках. После разоружения японских войск на Парамушире 7-й ОСБ был возвращён в район мысов Кокутан и Котомари. Прошло уже дней десять после капитуляции, однако один дот в этом районе иногда постреливал. Тогда офицеры 7-го ОСБ — младшие лейтенанты Банников и Астанаев, старший сержант Макаров и другие по заданию штаба батальона пошли проверить этот дот. Его тыловой вход был закрыт брезентом. Младший лейтенант Михаил Банников отвернул этот брезент в сторону, вдруг оттуда ударила пулемётная очередь. Анатолий Астанаев и Виктор Макаров были серьёзно ранены, их срочно отправили в госпиталь. (Потом я слышал, что Астанаев выжил, а Макаров умер.) В ответ к доту подкатили 76-миллиметровую пушку и обстреляли вход. Потом с верхнего люка залили бочку бензина и сбросили туда гранату. В доте начался пожар, но оттуда никто не вышел. После этого послали в дот пленных японских офицеров. Они вернулись и доложили, что там было четверо японцев, они сгорели. Показали остатки обгоревших костей. Больше в этот дот никто не ходил...

ККОМ ОФ 38059/300. Рукопись. 19 мая 1987 г.

...Возможно, вам мало известно, что такое 7-й отдельный стрелковый батальон. Это — усиленный батальон, входил в состав 101-й стрелковой дивизии, а с 1944 г. — и в КОР.

7-й ОСБ сформирован в районе села Елизово на стройке № 5. Так назывался посёлок рядом с главной радиостанцией Камчатки. В него вошли роты и взводы из 198, 138, 373, 302-го полков и 5-го ОСБ, в основном старослужащие довоенного призыва. Молодых было очень мало, большинство призванных с Камчатки.

Батальон сформирован летом 1943 г. Возглавлял его очень опытный, деловой и строгий капитан (потом майор) Георгий Иосифович Кранихфельд. Летом 1943 г. началось строительство базы военно-морских береговых и зенитных батарей. Батальон предназначался для их охраны, также охраны маяка и в нужный момент помощи малочисленной (30–40 чел.) пограничной заставе мыса Лопатка.

В августе 1943 г. пароход доставил на мыс Лопатка 1-ю стрелковую роту 7-го ОСБ во главе со старшим лейтенантом (позже капитаном) Семёном Мартюшевым. Сначала жили в палатках, к осени построили землянки. В конце 1943 г. на пароходе «Ладога» на Лопатку доставили моряков с их вооружением и два взвода 7-го ОСБ: 50-миллиметровых миномётов (командир лейтенант Н. Т. Попов) и пулемётный с зенитными счетверёнными «Максимами» (командир лейтенант Г. В. Пацейко).

Зимой активно питались утками, которых подмочил [слитой нефтью] танкер «Мариуполь», и они не могли летать. Их ловили на берегу Охотского моря, палили на кострах, и в котёл. В марте 1944 г. Мартюшев заболел, его отправили в Петропавловск в госпиталь. На его место прибыл старший лейтенант Беликов.

В марте и апреле 1944 г. автоматный взвод старшего лейтенанта Петра Акулова совершил легендарный, героический лыжный переход из Елизово до мыса Лопатка.

Все находившиеся на мысу были заняты заготовкой леса и сбором плавника (брёвен и досок, выброшенных морем на берег) для строительства базы батальона. В августе 1944 г. весь батальон пароходом прибыл на мыс Лопатка. До зимы построили полуземляные казармы, землянки, сборные домики, кухню, санчасть, склады и прочее. Численный состав батальона достигал 1 200–1 300 чел. В него входили подразделения и полкового штата, такие как противотанковая артиллерия, танкетки, много спецвзводов и тыловых подразделений.

Шла усиленная боевая подготовка. На учения приезжал лично генерал-майор Гнечко. Он — строгий, но душевный человек, высокообразованный, культурный генерал, любимец всех наших солдат.

Мартюшев с 7-м ОСБ прибыл уже капитаном в должности командира 3-й стрелковой роты. С ним мой взвод, ну и конечно же я, из Касивабары ходили в малый десант к японской 74-й пехотной бригаде. Там мне пришлось лично пожать руку и побеседовать через переводчика с японским генерал-майором, командиром 74-й бригады. Он был очень учтив, любезно приветствовал нас. Состоялась беседа с японской ехидностью. А вообще-то этот малый десант был рискованным. Японцы могли нас из своих амбразур всех утопить за пять минут, так как мы шли на сейнере с баржой на буксире. Не десант, а риск и смех...

ККОМ ОФ 38059/301. Рукопись. 29 мая 1987 г.

...Получил я письмо от А. Н. Найдёнова из Иркутской области... Он малограмотен, ему уже 75 лет, но он настоящий, достойный солдат русской армии, о нём следует писать. Он был в самом пекле боя со своим командиром взвода Л. П. Гоенко. Найдёнов до последней минуты оказывал помощь на десантном судне своему командиру роты капитану Николаю Варыгину, моему другу и земляку-красноярцу, но Варыгин умер от ран на руках у Найдёнова. На их же судне капитану судна снарядом оторвало нижнюю челюсть. На судне — много убитых, пожар, многие утонули под тяжестью материальной части миномётов, не добравшись до берега. Это — самое трагическое десантное судно...

ККОМ ОФ 38059/286. Рукопись. 14 июня 1987 г.

...В сборнике «Слово освободителей» на с. 84, второй абзац снизу, генерал-майор Дьяков упоминает Рыбное (бухта на острове Шумшу)... Этот упомянутый абзац у Дьякова — липового содержания, так как Касивабару заняли без штурма, и не усиленный батальон Булгакова, а 7-й ОСБ на двух американских десантных судах под командованием полковника Артюшина и майора Кранихфельда. Комбата капитана Желанного я не считаю, так как он был до бессознания пьян, и его Кранихфельд хотел пристрелить, но этому не дал случиться заместитель командира батальона Поплавский. На этом карьера Желанного и закончилась.

ККОМ ОФ 38059/289. Рукопись. 26 июня 1987 г.

...По просьбе товарища Царёва из Владивостока мы, бывшие офицеры 7-го ОСБ, два старших лейтенанта — Зобнин и Пацейко и заместитель командира батальона по строевой части капитан

(ныне подполковник в отставке) Поплавский, написали обстоятельное письмо в Генеральный штаб Советской Армии со свидетельским подтверждением того, что пароход «Коккинаки» обеспечивал десант батальона на Шумшу в августе 1945 г.

Подобные письма с подтверждениями написали ещё трое солдат батальона. Всё это я отправил в адрес Царёва, чтобы он в совокупности с другими документами снова отправил в Генштаб для победы над бюрократизмом. Вообще-то парадокс — за участие по обеспечению десанта Царёва наградили боевым орденом Красной Звезды, а участником войны с Японией не признают. Причина — «Коккинаки» нет в архивном списке.

Да никто и не пытался заглянуть в эти архивы. Я получил письмо от автора документальной повести «Победа на островах» В. Н. Багрова. Он перечислил все архивные источники, где пароход «Коккинаки» значится участником десанта. Товарищ Багров руководителей Приморского краевого военкомата Владивостока назвал бюрократами. Это письма Багрова я тоже отослал Царёву...

ККОМ ОФ 39059/157. Рукопись. 5 июля 1987 г.

...В части малого десанта на Парамушире к японской 74-й пехотной бригаде... В нём ничего необычного нет. Если не ошибаюсь в датах, то ночью с 23 на 24 августа 7-й ОСБ, где командиром был капитан В. П. Желаннов (но он опозорился, так как спился), а фактически командовал майор Георгий Иосифович Кранихфельд (офицер связи КОР, бывший командиром батальона до Желанного) и заместитель командира по строевой части капитан Иван Зиновьевич Поплавский. Общее руководство высадкой батальона из Катаоки в Касивабару на двух десантных судах осуществлял полковник Артюшин с небольшой группой штабных офицеров 101-й стрелковой дивизии.

Полковник Артюшин свою шинель, вероятно, замочил и был одет в тёмно-синее пальто — форму японского морского офицера. Манжеты и воротник отделаны мехом. Фуражка своя, неизменные очки и на боку в деревянной кобуре старинный маузер. Поведение его было преотличнейшее, он выглядел просто как герой гражданской войны. При высадке с ходу была команда развернуться ротам: 1-я — вправо, 2-я — влево, 3-я — в центральную часть причала (или пристани) и прилегающую часть посёлка. Пулемётные, миномётные и противотанковые взводы из своих рот были приданы стрелковым ротам, как средства усиления. Рассредоточение стрелковых рот произошло быстро, 1-я и 2-я роты вышли из пределов

посёлка и заняли оборону, 3-я рота заняла прибрежную часть. Моему 3-му взводу батальонных 82-миллиметровых миномётов была поставлена задача: продвинуться от пристани вперёд по главной улице метров на 150–200 и занять оборону, перекрыть улицу и быть готовым к ведению огня.

В темноте на улице мои дозорные схватили трёх японских офицеров. Они на ломаном русском языке запросили: «Нужен полковник Артюшин». Их обыскали, оружия при них не было. Я с тремя солдатами быстро доставил их на причал и передал адъютанту, доложили Артюшину. Тот отвёл самураев в сторону и начал с ними переговоры. Это были, вероятно, парламентёры. Я вернулся во взвод. Через некоторое время мимо нас по направлению к двухэтажному зданию в глубине посёлка, где был штаб японской 91-й пехотной дивизии, проследовал полковник Артюшин в сопровождении взвода автоматчиков.

Утром меня вызвал командир миномётной роты капитан Егоров и приказал взвод с перекрытия улицы снять и быть готовым с 3-й стрелковой ротой на сейнере отправиться на разоружение 74-й бригады. Мой взвод и ещё взводы пулемётный и противотанковых ружей были приданы 3-й роте, ею командовал капитан Семён Мартюшев. В качестве транспорта нам дали сейнер, у него на буксире — большая баржа. Конечно, это мало походило на десантные транспорты. Сейчас над этим можно только посмеяться (скорость хода, наверное, километров десять в час).

На сейнере разместили пулемётчиков, миномётчиков, взводы противотанковых ружей и автоматчиков, всех остальных — на барже. На сейнер прибыл представитель штаба нашей 101-й дивизии — майор, пожилой человек, и с ним японский капитан из штаба их 91-й пехотной дивизии. В начале дня 24 августа мы отправились в путь, не зная, где предстоит высадка. Конечно, это знали капитан сейнера и наш майор. Японец что-то толковал ему. Фамилию капитана сейнера я, конечно, не знаю, а нашего майора-парламентёра Акшинский называл Курбатовым (начхим 101-й стрелковой дивизии).

Касивабара осталась позади, шли мы вдоль берега в северном или северо-западном направлении. Берег всё время у нас был по левому борту. Разговоров и шуток среди солдат не слышалось, все были немногословны. Миномётчики и пулемётчики всё время меняли прицелы по дальности до берега, готовые в любую минуту открыть огонь. И вот поворачиваем к берегу. На нас смотрят чёрные глазницы амбразур береговых дотов. На палубах воцарилась

тишина. Против амбразур миномёты бессильны. Мы можем обрабатывать только береговую линию и бить в глубину острова. Вся надежда на пулемёты, противотанковые ружья и стрелковое оружие. Но амбразур много. Из одного дота на возвышение берега выскочил японский горнист, что-то просигналил, но без последствий. И вот мы у берега. Звучит команда: «Вперёд! На верхнюю отметку берега, на перевал! В цепь и занять оборону!»

В первой прибрежной лощине находилось несколько бортовых автомашин и группа японских солдат без оружия. «Наш» японский капитан что-то им по-своему прокричал, и они стояли неподвижно. Мы не обращали на них внимания, шли вперёд и вперёд. Взойдя на перевал, по гребню заняли оборону, окопались «лёжа». Мой взвод оказался на правом фланге, занял отличные огневые позиции японской артиллерии, но орудий на них уже не было. Несколько позже сзади, ближе к берегу, в бетонном доте обнаружили японскую пушку калибром 130 или 150 мм и штук двадцать пустых стреляных гильз. Боевых зарядов уже не было. Пушка была старинная.

Как только рота заняла оборону, наш майор-парламентёр объявил: «Прошу со мной пойти двух добровольцев». К нему выбежали с автоматами старшина роты и старший сержант из оружейной мастерской. Ну и, конечно, с майором был японский капитан. Автоматчики встали по бокам, и так они двинулись вперёд. Впереди, в долине, был виден гарнизон с казармами, а на плацу — построение войск в форме буквы «П», перед ними — группа штабных офицеров. Войск было много. Такой «орешек» в случае боя нам, конечно, было бы не раскусить. Позже японский переводчик со слов генерала на мой вопрос: Сколько? — ответил, что 4 600 чел. Он, вероятно, имел в виду списочный состав бригады. В книге Акшинского названа цифра 3 600 чел. Но верно и то, и другое, так как часть войск 74-й пехотной бригады была на северо-западной окраине Касивабары, где их, примерно 1 000 чел., разоружила 1-я стрелковая рота 7-го ОСБ, командир старший лейтенант Г. С. Беликов. Второй стрелковой ротой командовал старший лейтенант А. И. Греков, она была на левом фланге пристани Касивабара. Штаб 7-го ОСБ с автоматной ротой и взводами пешей разведки, связи и сапёрным оставались у причала порта Касивабара.

Наш майор зачитал командованию 74-й пехотной бригады ультиматум, подписали акт о капитуляции, и он с этим актом и японским капитаном быстро возвратились, сели на сейнер и ушли в Касивабару. Мы остались один на один с этой армадой войск.

Транспорта у нас нет, сухопутную дорогу в Касивабару мы не знаем, ещё и нет никакой связи: радиостанции не было. Через некоторое время из гарнизона к нам вышла группа японских офицеров, человек шесть-семь. Мы, офицеры нашей группы, от своих позиций вышли им навстречу, метров на сто пятьдесят. Ждём. К нам подошёл генерал-майор, без холодного оружия, рядом с ним переводчик в гражданской одежде и человек пять офицеров с саблями за спиной. Генерал впереди, приветствовал нас под козырёк, потом поздоровался за руку с каждым. Нас было человек пять. Японские офицеры также козырнули нам. Японский генерал был пожилой, я даже подумал, что ему лет шестьдесят. Высокого роста, выше своих спутников, очень худощав, просто тоненький, подтянут, опрятно одет в свою форму. Рука у него худенькая, как у девочки. Хотел я приложить свою силу при рукопожатии, но пожалел, так как он всё же старенький.

Началась беседа. Генерал достал из кармана книжку-разговорник, читал и задавал нам вопросы на ломаном русском языке. Наши ответы передавал японский гражданский переводчик. Вопросы были такие: «Есть ли у вас семья?», «Где живут ваши родители», «Сколько вам лет» и подобные. Я спросил о численности бригады, а у переводчика — где он так хорошо овладел русским языком. Тот ответил, что служил на Камчатке в рыболовной акционерной русско-японской компании АКО (Акционерное Камчатское общество). Но не похоже, что переводчик был гражданским, выправка и движения — все офицерские.

Другой вопрос я задал для шутки: «Неудобно носить шашки (сабли) на спине?» Тогда генерал дал команду одному своему офицеру, тот отошёл в сторону и продемонстрировал фехтование на полусогнутых ногах. Владел саблей здорово.

Потом стали подходить отдельные солдаты, любопытные, с нашей и их стороны и с удаления смотрели и слушали... В ходе беседы японский генерал шаг за шагом переступал к нашим позициям. Поняв его интерес, мы заявили: «У нас свои дела, беседа окончена, возвращайтесь в гарнизон и приступайте к сдаче оружия». Разошлись.

Мы выставили вдоль дороги пикеты автоматчиков, а японцы повзводно подходили, складывали по десять винтовок в связке и прочее оружие. По другой, обходной дороге мы отправляли их назад. К концу дня всё их вооружение было взято под нашу охрану. Винтовки «Арисака», пистолеты и револьверы, американские, немецкие и бельгийские — всего более десяти систем, пулемёты и пушки. Автоматов не было.

Выход из гарнизона японцам был запрещён. Ну, а далее случались у нашей пехоты выпивки японской водки саке. У меня во взводе она выдавалась под строгим контролем по норме: крышка от котелка. Ночью с подошедшей по суше нашей частью (вероятно, с 198-м полком) случилась небольшая перестрелка. 26 августа мы свои задачи передали прибывшей смене и своим ходом по дороге возвратились в Касивабару.

ККОМ ОФ 38059/290. Рукопись. 12 июля 1987 г.

...Воспоминания, конечно, тоже нужно «фильтровать» от сказок. Вот, например, некоторые говорят, что на Шумшу где-то в доте были русские девушки, прикованные цепями к пулемётам, и они вели огонь. Но я вот в это не верю. Не мог я этого там не заметить и не услышать и увидеть на месте. Считаю, что это сказки.

А вот фотомонтаж женщин из дома терпимости (проституток) на Парамушире я видел. Там были фото девиц-азиаток, но попадались и с европейскими лицами. Ну, а кто они по национальности, там записей не было.

В 1946 г. я оказался в Петропавловске и полгода служил начальником охраны лагерей японских военнопленных в районе города. Много имел бесед с японцами, те мне подробно рассказывали и о публичных домах. Они разделялись на офицерские и солдатские. Но не каждый солдат мог там побывать.

Лагерей военнопленных в районе города и вокруг было, по-моему, пять, с общей численностью около 1 300 чел. Они были объединены в 525-й отдельный рабочий батальон (командир капитан Бугаев). По японской линии был майор, враждебный нам до мозга костей. Но были и японцы доброжелательные, некоторые не прочь были остаться в СССР. Но после их всех вернули в Саппоро на Хоккайдо.

ККОМ ОФ 38059/292. Рукопись. 21 июля 1987 г.

Игнатьев Дмитрий Евгеньевич, старшина отдельной пограничной заставы «Лопатка»

...Служить в пограничных войсках на Камчатке мне довелось восемь лет (1938—1946 гг.)... Полюбил я Авачинскую губу с её Тремя Братьями и Сопкой Любви... Очень редко нам, пограничникам, приходилось ходить на свидание на эту сопку... Помню Любу Почеревину из педагогического училища, она стала женой офицера-пограничника, служившего на заставе «Озерная». Люба вместе

с мужем охраняла госграницу, помогала воспитывать солдат, учить их грамоте и культуре.

Ещё помню Аню Акимову (теперь Анна Ивановна Железникова). После окончания педучилища Аня учительствовала на Командорских островах, учила бойцов грамоте, прививала любовь к литературе, читала стихи, участвовала в солдатской художественной самодеятельности, пела песни, поднимала настроение пограничников. А это было, пожалуй, главное в духовной жизни людей.

В 1945 г. Аня стала женой отважного матроса с минного заградителя «Охотск» Константина Павловича Железникова. В. С. Акшинский в своей книге «Курильский десант» пишет: «Отлично действовали... дальномерщик старшина 1-й статьи К. П. Железников...» Пограничники Командор любили учительницу и звали её наркомом просвещения острова...

Нас хорошо обучали пограничному делу и воспитывали политически, преданности родине. Я до сих пор, а прошло более сорока лет, с любовью и уважением вспоминаю своих командиров-воспитателей. Это были прекрасные, преданные родине люди... Многие годы командовали Камчатским морским пограничным отрядом комбриг (позже генерал-майор) Тарас Филиппович Филиппов и комиссар отряда старший батальонный комиссар (позже полковник) Иван Иванович Кротов. Генерала мы с любовью называли батей. В довоенные годы отбор в члены ВКП(б) был строгий. Я горжусь тем, что комиссар Кротов в 1940 г. дал мне рекомендацию для вступления в партию.

Расскажу о моей первой встрече с генералом и комиссаром. В ноябре 1938 г. нас, новобранцев, привезли на пароходе «Мичурин» из Владивостока. Многих отправили в маневренную группу штаба погранотряда, в пограничную школу. Дней через пятнадцать — двадцать к нам в учебную роту приехали командир отряда с комиссаром. Дежурный по роте в это время вышел из казармы и на посту остался дневальный Мартыненко, стоял в штатской одежде. Так как он был очень высокого роста и широк в плечах, как настоящий богатырь, подобрать на него обмундирование сразу не смогли. И пока ему мастерские шили одежду и обувь, он ходил в своём гигантском потрёпанном костюме и в валенках, которые старшина с трудом отыскал в каптёрке. На занятия, проходившие за пределами казармы, Мартыненко не пускали. Он работал на камбузе и иногда подменял дневального.

И вот к нам пожаловало высокое начальство. Мартыненко увидел его и выбежал навстречу, крикнул «Смирно!» и доложил, как

полагается по уставу. Командиры опешили, увидев перед собой богатыря в штатском. Терпеливо выслушав его доклад, комбриг спросил: «Ты откуда, братец, взялся в таком виде? Ведь здесь, как мы с комиссаром понимаем, воинское подразделение?» — «З ридной Вкраины, товарищу командир», — ответил Мартыненко. Командиры громко рассмеялись и спросили его, где находится дежурный по роте. «Мабуть до ветру пишов», — громко ответил солдат. Начальники засмеялись ещё громче.

Слушая разговор комбрига с Мартыненко, мы зажали животы и смеялись вместе с начальством. Комбриг подал команду вольно, пожал дневальному руку, обнял его по-отцовски и с сожалением скал: «Бедный мальчик (комбриг был тоже очень высокого роста)! Я бы тебе подарил свою форму, но мои ромбы тебе пока не подойдут».

Комбриг с комиссаром прошли по казарме, потом собрали нас в красном уголке и повели задушевную беседу. Эти люди сразу пленили нас своей добротой, культурой, знанием службы, и мы полюбили их. Они много говорили о пограничной службе, о военно-политической обстановке в мире и на Дальнем Востоке.

В пограничной школе нас учили опытные специалисты. Командовали взводами лейтенанты Новиков, Белокрыницкий и Щербаков. Нас учили: охранять границу, задерживать нарушителей, драться с оружием и без, владеть кинжалом и штыком, бороться, преодолевать препятствия, обращаться с оружием, азбуке Морзе и морскому семафору, ходьбе на лыжах. Учили и политическим вопросам. Учёба была хорошо организованной и интересной.

Умным был командир учебного взвода лейтенант Белокрыницкий. Чтобы быстро и навсегда запомнить основные части пулемёта «Максим», он сочинил припев к песне, где участвовали все основные части пулемёта. Вот куплет из песни: «Ни по гражданскому в карете,/ Ни по пехотному пешком/ Мы в бой поедем на тачанке,/ С собою “Максима” возьмём...» А вот припев Белокрыницкого: «Эй, кожух, короб, рама,/ Шатун с мотылём/ Возвратная пружина,/ Приёмник с ползуном». Пропев два-три раза эту песню с припевом, мы все отлично запомнили, как называются основные части пулемёта.

После принятия присяги получили боевое оружие, и нас стали посылать в наряд по охране границы и военных объектов. На границу выходили вместе с опытными пограничниками. Молодые ребята, мы первое время боялись каждого шороха или внезапного взлёта птицы. Но вскоре привыкли, освоились. После окончания школы нас распределили по заставам и сторожевым кораблям. Меня и других ребят оставили служить в маневренной группе при штабе отряда.

Маневренная группа — это оперативный отряд, в случае боевой тревоги немедленно выходивший (выезжавший, вылетавший или отправлявшийся на сторожевом корабле или пограничном катере) на место нарушения границы. В мирные — не тревожные — дни пограничники мангруппы охраняли особо важные военные объекты, работали в штабе отряда.

Как-то весной 1939 г. при охране военного объекта, стоя на посту в тёмную весеннюю ночь, я услышал шорох. Остановившись за углом здания, стал внимательно прислушиваться. Шорох приближался, казалось, что кто-то ползёт с остановками, наблюдая за часовым. Признаться, я крепко струхнул, салага ведь был, необстрелянный. Прыгнув в окоп, ещё более внимательно стал наблюдать за приближавшимся ко мне «диверсантом». Он продолжал ползти, но в темноте я его не видел. Определив по слуху примерное место его нахождения, стрельнул в темноту. «Диверсант» взвизгнул как раненый зверь и сразу умолк. Я выстрелил, потому что боялся диверсии, думал, что вражина забросает объект гранатами и подожжёт его.

Дал второй выстрел в воздух. Прибежала тревожная группа вместе с начальником караула. Выяснилось, что я убил собаку. Оказалось, что сука родила под объектом щенят и, боясь часового, ползком пробиралась к ним. Меня сняли с поста и отвели на гауптвахту. Это было моё первое «боевое крещение».

Утром начальник мангруппы, выслушав рапорт караульного начальника и моё объяснение, сказал: «Отлично ты стреляешь, Игнатьев, а вот струсил зря, и устав караульной службы нарушил: дал первый выстрел не в воздух, как это полагается, а в “диверсанта”. Если бы стрелял в воздух, то щенята не остались бы без матери. Ну, да ладно, молодой ещё, необстрелянный, созреешь». Я ответил: «Виноват». — «На первый раз ограничимся беседой, а если ещё раз струсишь — строго накажу», — сказал капитан. — «А за отличную стрельбу в темноте — спасибо», — на прощание заявил он и пожал мне руку.

Служба пошла, стали набираться опыта. Много занимались физической подготовкой, крепли и мужали. Совершали переходы на лыжах с полной боевой выкладкой. В свободное от службы и занятий время, хотя его было мало, находили часы для занятий художественной самодеятельностью. Ставили небольшие пьесы — скетчи, разучивали и исполняли песни, устраивали соревнования по стрельбе, ходьбе на лыжах, на физкультурных снарядах. В общем, дремать было некогда, жили весело. Питались прилично.

Иногда ходили на Сопку Любви на танцы. У нас был танцевальный кружок, им руководил лейтенант Белокрыницкий. Мы и в этом деле показывали пример. Девчата из педучилища удивлялись тому, что все мы умеем хорошо танцевать вальс, танго, фокстрот, краковяк, отбивать чечётку и исполнять «Яблочко».

Лейтенант был умница. Он не раз нам говорил: «Учитесь культуре поведения, вежливости, доброжелательности, честности. Этим вы поднимите авторитет пограничника и себя, как образованного человека». Он учил нас играть на всевозможных музыкальных инструментах, их у нас было предостаточно. Кто не ленился, за время службы познал многое. Я, например, научился играть на пианино и баяне, для себя, конечно, а не на концерте. Бывало, придём к девчатам в училище и как порядочные люди организуем веселье, кто во что горазд. А девчатам всё это нравилось, и они нас всегда встречали с удовольствием. За всё это мы говорили спасибо Белокрыницкому.

Перед финской кампанией нашего любимого лейтенанта перевели на службу в Карело-Финский погранотряд. Во время боёв с финнами он был тяжело ранен, потерял ногу. За героизм ему присвоили звание Героя Советского Союза. Об этом мы узнали из газеты «Правда», где был помещён его портрет. Гордились своим любимым командиром и старались быть хотя бы чуточку похожим на него.

Помня его наказ, я, будучи младшим командиром на заставе «Лопатка», в свободное от службы время обучал солдат игре на гитаре, балалайке и танцам. Часто разучивали и пели песни. В этом нам сильно помогала жена начальника заставы Полина Яковлевна Терентьева, она хорошо пела и играла на гитаре. Она оказалась на заставе единственной женщиной. Хотя была совсем молоденькая, лет двадцати четырёх, но относилась к нам по-матерински. Частенько помогая нашему коку, угощала нас блинами и домашними пирожками с картофельной или морковной начинкой. Радость солдат при этом была неописуемой. Таких людей никогда не забудешь!

Ещё до начала войны с Германией японцы часто нарушали нашу границу. Они заходили на своих шхунах в наши территориальные воды, ловили рыбу, били морского зверя, пытались забрасывать своих лазутчиков. Как-то сторожевик «Киров» находился в дозоре с задачей поддержания установленного режима территориальных вод. Японцы стремились проникнуть в запретные зоны с тем, чтобы приблизиться к советским берегам, поймать хорошую

рыбу и высадить шпионов или диверсантов. С такими фактами пограничникам приходилось сталкиваться постоянно.

На какие только уловки не пускались японцы! Скажем, номера судов они, словно невзначай, закрывали куском брезента, на тот случай, если судно обнаружит наш самолёт-разведчик, сообщавший, что не может опознать нарушителя. Или так: одна шхуна воровски стоит, другая занимает место на фланге, чтобы предупредить об опасности, используя мощные прожекторы. Выставив сети, хищники тут же покидают опасный квадрат. Лишь привязанный буй потом поможет хозяевам отыскать снасть.

Увидев советский корабль, браконьеры бросились наутёк. Началось преследование хищников. Попытка вызвать шхуну по радио, обращение на трёх языках в мегафон — никакого внимания. По приказу командира «Кирова» был спущен катер. Матросы-пограничники быстро заняли свои места. Неожиданно на палубу шхуны высыпала целая толпа, все с баграми и остро заточенными бамбуковыми шестами. Капитан шхуны что-то приказал, и рыбаки начали сыпать ругательствами, застучали по бортам, попробуйте, дескать, сунуться! Было видно, как сжимаются кулаки этих недавно «приветливых» нарушителей. Какой злобой наливались их раскосые глаза, когда вскрывались трюмы с незаконно добытой рыбой...

Подобных встреч с японцами у пограничников было очень много. Учитывая, что наша страна бросила все силы на разгром фашистов, японцы наглели с каждым днём. Они знали, что отвечать на их провокации нам опасно, и они на кораблях бродили около наших берегов, нахально нарушая границу.

В 1943 г. наши сторожевые корабли захватили в советских прибрежных водах почти весь японский рыболовный флот, находившийся на острове Шумшу. Мне довелось участвовать в охране самураев прямо на шхунах в Петропавловской бухте. Даже находясь у нас под арестом, они вели себя высокомерно и нагло. Прямо говорили: «Всё равно вас победим и совместно с Германией поставим вас на колени. Дальний Восток и Сибирь вплоть до Урала будут японскими». Мы были вынуждены терпеть этих наглецов, понимали, что самураи и после победы над Германией добровольно не капитулируют, их придётся силой заставить сложить оружие.

Работая в штабе морпогранотряда, я ежедневно знал обстановку на границе. Командование отряда принимало срочные меры по укреплению рубежей, обновляло вооружение на заставах, кораблях и самолётах, пополняло подразделения личным составом.

Американские самолёты очень часто наносили бомбовые удары по объектам на Курильских островах, но безрезультатно. Японцы глубоко укрывались под скалистыми горами, и бомбёжки их не пугали. Они обманывали наших союзников — строили ложные аэродромы и танкодромы.

Бывало так, что американские самолёты садились на Камчатке. Лётчики, пока их было немного, жили в здании петропавловской пограничной комендатуры. Когда же их стало много, пришлось временно занять один из залов драмтеатра (интернированных американских лётчиков содержали в здании Дома офицеров. — *Ред.*).

Мне также довелось охранять и кормить союзников. Относились они к нам, да и мы к ним, хорошо. Хорошо относился к нам и американский народ. Как известно, по ленд-лизу Америка дала нам взаймы продовольствие и оружие. Грузы в Советский Союз шли через Петропавловский порт из Сан-Франциско. Мои друзья-пограничники, которым пришлось побывать в Сан-Франциско, — Виктор Дейниченко, Александр Анишин, Александр Чернышёв — рассказывали, что местное население заваливало наши суда подарками для фронтовиков и их семей.

Вспоминаю встречу в 1943 г. в Петропавловске с Анастасом Ивановичем Микояном и Иваном Дмитриевичем Папаниным. (А. И. Микоян на Камчатке и Курилах побывал в сентябре 1945 г., речь, видимо, идёт только об И. Д. Папанине. — *Ред.*) Мне посчастливилось быть часовым около входной двери, ведшей в офицерскую столовую, где эти два крупных государственных деятеля обедали и беседовали с руководителями Камчатской области и командирами воинских частей. Через стеклянную дверь я хорошо видел их и слышал разговор о реконструкции Петропавловского порта и укреплении обороноспособности Камчатки. В 1944 г. был создан Камчатский оборонительный район.

В 1945 г. на советско-японской границе было особенно напряжённо. Больше всего нарушений границы наблюдалось на участке заставы «Лопатка». Наверное, потому, что эта застава была ближе других к Курильской гряде, то есть к Японии. И вот в начале 1945 г. меня и других ребят командировали для прохождения службы на эту отдельную погранзаставу. Граница с Японией проходила по Первому Курильскому проливу...

Помню, как наша авиаразведка обнаружила на подходе к советским территориальным водам японскую шхуну. Лётчики радировали на заставу и в штаб отряда. Начальник заставы лейтенант В. Т. Терентьев срочно связался по рации со сторожевиком «Киров»,

находившимся в Охотском море в районе заставы, одновременно дал шифровку в штаб отряда. «Киров» подошёл к берегу, взял на борт группу пограничников и двинулся навстречу японцам. Задержали шхуну уже в наших водах.

Владелец шхуны прикинулся заблудившимся, стал охать, стонать и сокрушаться. Бормотал: «Проклятый ост». Но зря он ссылался на стихию: выяснилось, что в тот день ветры восточных румбов в этой части Охотского моря не дули. При осмотре судна ребятам не понравилась палуба, точнее её небольшой участок. Недавно прошёл дождь, а этот участок палубы почему-то остался сухим. «Тут стояла шлюпка», — доложили мы командиру. Посчитали: японцы увидели наш корабль, спустили шлюпку. «Надо полагать, с гребцом», — сказал командир. Он приказал хозяину шхуны стоять на месте, а корабль пошёл на поиски шлюпки. Вскоре её обнаружили, в ней сидел человек в плаще, бросив вёсла и нахлобучив на голову капюшон.

Когда мы завели трос, как скакалку, и протащили его под килем шлюпки, оказалось, что там приделаны два крюка, но на них ничего не было. Видимо, раньше висело что-то тяжёлое, оно камнем ушло в воду... Мина? Может, хотели, чтобы на неё напоролись наши транспорты или военные корабли? Ссадив нашу группу около заставы, «Киров» ушёл в Петропавловск, конвоируя задержанную шхуну.

Так в течение 1945 г. японцы искали лазейки, изучая наше южное камчатское побережье. Охрана границы неслась настолько усиленно, что спать приходилось в форме и сапогах, чтобы не мешкать с подъёмом в случае боевой тревоги. А те случались очень часто.

В феврале 1945 г. американский бомбардировщик, подбитый японскими зенитками, перелетел через нашу заставу, упал в горах и взорвался. Он так низко шёл над землёй, что лётчики успели выпрыгнуть без парашютов в ущелье, в глубокий снег, благополучно выбрались из него и невредимыми пошли к заставе. Лишь один из одиннадцати вывихнул ногу. Мы хорошо видели, как они прыгали из самолёта. На место его падения направили группу пограничников, они и привели лётчиков на заставу. Мы их радушно встретили, оказали раненому первую помощь и накормили. Жили эти горе-вояки на заставе около месяца, потом их отправили на корабле в Петропавловск, где интернировали.

В свободное время мы разговаривали с ними, учили их русскому языку. Они с большим желанием зубрили азбуку и наши слова. Перед отправкой в город мы с ними уже объяснялись по-русски,

разучивали наши песни и играли в шахматы и шашки. Американцы хорошо пели с нами песню «Когда домой товарищ мой вернётся...» и другие. Американцы полюбили нас. Они убедились, что русские — надёжные союзники, миролюбивые и добрые люди, приветствовали хорошие отношения между Сталиным и Рузвельтом.

8 мая 1945 г. я и рядовой Колтан Кудайбергенов находились в наряде по охране границы. Утром, часов в десять-одиннадцать, возвращались с западного участка. Не доходя до заставы примерно двух километров, услышали стрельбу в районе расположения 7-го отдельного стрелкового батальона. Честно говоря, мы струхнули, думая, что японцы высадили десант и наши ведут с ним бой. Шли на лыжах. Ускорив бег, минут за десять подбежали к батальону, услышали громкие крики. Крики слышали, а солдат не видели из-за высоты. Подошли поближе, снова слышим стрельбу и крики «Ура!» Бежим к солдатам, а они — нам навстречу: «Ура! Победа! Война закончена, Германия капитулировала!»

У нас от такой радости сильно забились сердца, подкашивались ноги. Не задерживаясь, двинулись к заставе, а навстречу нам уже бежали с криками «Ура!» наши товарищи вместе с начальником заставы и его женой. Они обнимали и целовали нас, как будто это мы — победители. Василий Тимофеевич и Полина Яковлевна тоже обнимали нас. Женщина и её ребёнок плакали, они всех нас растрогали, и мы пустили слезу, не выдержав напряжения. Забыть эти минуты невозможно...

Помнится, в июне или июле наши пограничные корабли «Киров» и «Дзержинский» с позором выпроводили японский крейсер, нарушивший границу на участке нашей заставы. В это же время флотские зенитчики не раз выгоняли с нашей территории японские самолёты-разведчики.

Летом 1945 г. во время налёта на остров Шумшу японцы снова подбили американский самолёт «Летающая крепость». Он загорелся и, объятый пламенем, кое-как перелетел Первый Курильский пролив и упал на расстоянии 500–600 м от нашей заставы. По приказу начальника мы спешно побежали к горевшему самолёту. Не добравшись до него сотню метров, увидели, как он взорвался. Подойти близко и вытащить из кабины людей было невозможно: продолжали рваться патроны и снаряды. Несмотря на это, намочив в океане плащи, мы кинулись к отброшенной взрывом в сторону кабине и, рискуя жизнью, вытащили обгоревшие трупы пилотов. Их было одиннадцать, одежда успела сгореть, и тела оказались голыми.

Самолёт упал метрах в двадцати от берега Тихого океана. Вскоре прибежал Терентьев. Сфотографировали погибших и похоронили их здесь же, у обломков самолёта. Через несколько дней поставили на могиле скромный памятник. Пролетавшие через мыс Лопатка американские самолёты всегда салютовали, покачивая крыльями, могиле своих соотечественников.

15 августа 1945 г. начальник заставы получил приказ штаба морпогранотряда: наша застава вошла в состав боевой группы войск КОР, которая будет высаживаться на Курилы. Воины с Лопатки первыми вступили в сражение с японцами. Три ночи с 15 по 18 августа 945-я батарея обстреливала остров Шумшу, ещё до прибытия каравана судов с десантниками из Петропавловска.

После окончания войны с Японией, 10 октября 1945 г. я улетел в Петропавловск для прохождения дальнейшей службы в отделе разведки штаба морпогранотряда... В июне 1946 г. меня со всеми моими сослуживцами демобилизовали.

ККОМ ОФ 38059/26. Рукопись, 12 октября 1987 г., г. Кемерово

...Отвечаю на ваши вопросы:

1. Японское консульство в Петропавловске действительно было. Хорошо помню, что дом, где оно располагалось, находился на улице Советской около кинотеатра «Полярная звезда». Домик, помнится, был обшит вагонкой и покрашен зелёной краской.

В 1943 г. нашими сторожевыми кораблями были захвачены в советских водах несколько японских рыболовных шхун. Они определённое время стояли на рейде Авачинской губы. Я, кажется, вам писал, что мне довелось участвовать в охране этих японцев прямо на шхунах, на берег их не выпускали. Так вот, работники японского консульства пытались связаться со своими «рыбаками» с берега Сопки Любви определёнными сигналами, но были замечены нарядами пограничников и выдворены из этой зоны. Как руководство погранотряда поступило с ними дальше, не знаю.

Как вам уже известно из моего первого письма, нам довелось охранять в 1943—1944 гг. интернированных американских лётчиков. Был такой случай. Они жили недалеко от штаба морпогранотряда в здании петропавловской комендатуры. Мы с ними играли в волейбол около казармы. Слышим громкий разговор сержанта В. С. Аторина, он был дежурным по команде, с подошедшими к нам тремя японцами. Те пытались разговаривать с американцами. Аторин их задержал и доложил начальнику 1-го отдела штаба отряда капитану Милованову. Как выяснилось, это были работни-

ки японского консульства. Помнится, был разговор в штабе о том, что несколько консульских сотрудников были выдворены из Советского Союза, то есть из Петропавловска.

2. Да, я слышал в штабе, что на острове Шумшу среди японцев были и русские белогвардейские офицеры. Но об их деятельности мне ничего не известно...

3. Сегодня я встретился с В. С. Аториным. Вспоминали службу на границе. Теперь могу рассказать такой случай. В 1942 г. сторожевой корабль «Воровский» находился на охране госграницы на восточном побережье Камчатки в районе Усть-Камчатска. Два японских крейсера решили спровоцировать «Воровского» на конфликт, не давая ему выбраться из их окружения, пытались остановить наш корабль. Наш командир (его фамилии не помню) не растерялся и, чтобы вырваться из окружения, пошёл на таран. Японец струсил и стал уворачиваться, но «Воровский» сильно ударил его носом вскользь по борту, а потом пошёл своим курсом. Японские корабли ушли восвояси. После этого столкновения они далеко обходили наш сторожевик. Были неоднократные стычки с японцами у наших сторожевиков «Киров» и «Дзержинский». Но эти корабли были очень быстроходными и всегда могли вырваться из опасного положения, а «Воровский» был тихоходным, он ходил на паровых машинах, его котлы топили углём...

Вспомнил я ещё одного товарища — Василия Иосифовича Окишева, он долгое время служил в штабе морпогранотряда в должности начальника физической подготовки. В годы войны Окишев организовал лыжный переход двадцати сильнейших лыжников с западного на восточное побережье полуострова через Срединный Камчатский хребет во главе со старшим лейтенантом Петровым...

ККОМ ОФ 38059/33. Рукопись, 23 ноября 1987 г., г. Кемерово

...Лично участвовать в поимке вражеских диверсантов, когда бы захваченные оказались бывшими белогвардейцами, мне не приходилось. Работая в штабе морпогранотряда, я знал... что бывшие белогвардейцы проживали в районе Анадыря и бухты Провидения. Они все были на учёте у пограничников, а во время Отечественной войны за ними был установлен особый контроль. Не знаю, чтобы в числе задержанных шпионов и диверсантов нашими были бывшие белогвардейцы. Об этом мог знать только особый отдел и командование отряда...

Что касается охраны японского консульства [в Петропавловске], то она производилась органами НКВД закрыто. Милиция же

систематически патрулировала в районе консульского дома, это замечали и мы.

Японцы ходили по городу свободно, без присмотра работников НКВД. За пределы города они могли выезжать только в определённые пункты и только по особому разрешению НКВД и пограничников. Видеть выезды японцев куда-либо и на какой марке машины мне не приходилось, и ни от кого об этом я не слышал.

Я не утверждаю, но мне думается, что носить фотоаппараты, наблюдать и фотографировать порт и другие объекты сотрудникам японского консульства вряд ли разрешалось, ведь город Петропавловск находился в пограничной полосе, а в ней — особый режим, особенно для иностранцев. Кроме того, в торговом порту иногда стояли и военные корабли, и пограничные катера ПК и МО — морские охотники. Короче, сотрудники японского консульства всегда были под наблюдением пограничников и НКВД, иначе и быть не могло! Граница есть граница!

КОКМ ОФ 38059/18. Рукопись, 10 января 1988 г., г. Кемерово

...Служить мне довелось на погранзаставе «Лопатка» с января по октябрь 1945 г., а танкер «Мариуполь» сел на скалы в 1943 г. Возможно, в 1943—1944 гг. пограничники Лопатки и наблюдали работу, проводимую японцами на танкере в части установки артиллерийских батарей. Возможно, и штаб морпогранотряда, и другие штабы знали об этом, но утверждать я не берусь.

Что касается наших наблюдений за танкером в 1945 г., то мы не замечали каких-либо изменений на судне, и пушки, наверное, были хорошо замаскированы, так, что мы не могли их заметить. Возможно, японцы устанавливали артиллерию на танкере в ночное время или в сильные туманы, которые в Первом Курильском проливе бывают довольно часто.

Мне не понятно одно. Как могли не видеть пушки на танкере наши сторожевые корабли и пограничные катера, часто проходившие от него на небольшом расстоянии? Наша морская пограничная авиация также обязана была видеть всё, что происходило на танкере. Наверное, всё-таки наша разведка не досмотрела, иначе ещё до высадки десанта мы могли бы уничтожить огневые точки и даже разбить сам танкер.

Маскировка батареи на танкере была очень хорошей, поэтому ни мы, ни корабли, ни авиаразведка не знали об установленных двадцати артиллерийских стволах. Не пишет об этом и В. С. Акшинский в своей книге «Курильский десант».

Ещё я вспомнил такое: 15, 16 и 17 августа, ещё до высадки десанта, наша береговая батарея с мыса Лопатка вела стрельбу по острову Шумшу. С острова также велась стрельба по Лопатке, а вот танкер «Мариуполь», затаившись, молчал, не отвечая на нашу артиллерийскую канонаду. Наверное, не хотел себя обнаружить, и только 18 августа в момент высадки открыл огонь.

КОКМ ОФ 38059/17. Рукопись, 20 февраля 1988 г., г. Кемерово

Каньшин Иван Прокопьевич, командир взвода снайперской роты 373-го стрелкового полка

Я [1920 г. р.] призывался в начале августа 1940 г. из Алтайского края. На Камчатку прибыли в октябре, нас из Петропавловска в Елизово отправили пешком. Поселили на левом берегу реки Авачи в 373-м стрелковом полку, где мы и находились до начала войны с Германией в 1941 г. Тогда по тревоге ушли в сторону Петропавловска, в долину Кирпичную. Я служил снайпером во 2-й роте 2-го батальона.

В 1943 г. командир полка майор Винокуров, его направили на фронт под Ленинград, сформировал часть из 500 чел., я был в ней. Офицеров не имелось, поэтому я командовал снайперским взводом.

Где-то в июне нас подняли по тревоге, повели в Петропавловск, погрузили на пароход. Мой взвод снайперов разместился на палубе. Грузили походные кухни. Только их закрепили и улеглись спать, слышим — тревога. Командир полка — на палубе, даёт команду: все на Сопку Любви, а мне и моим снайперам — остаться. Когда все выгрузились с парохода, он дал мне команду обрубить крепление кухонь и выгружать их с парохода. Сказал: «Сейчас идти на Сопку Любви», подошёл, пожал руку. Только мы сошли с парохода, тот дал сигнал и отошёл в бухту.

Когда мы пришли на сопку, то тут нас построил какой-то офицер, и свой взвод тоже, и повёл нас, я шёл замыкающим. На новом месте мы прожили до августа. Потом прибыли к нам офицеры, нас расформировали и в августе нашу усиленную роту повезли на мыс Лопатку. Командовал ротой старший лейтенант Мартюшев. Жили в палатках и строили землянки. Там, на мысе Лопатка, находились 22 пограничника и пятеро маячников.

Японцы, бывало, приедут на катере и высадятся на берег. Пограничники звонят нам, мы по тревоге окружаем японцев, подходит [японский] корабль и забирает их. Такое было три раза.

Через год к нам прибыли 7-й отдельный стрелковый батальон и береговая батарея, тогда жить стало лучше и спокойнее. Находились мы на Лопатке до декабря 1946 г. До 1945 г. американцы бомбили японцев два или три раза в неделю. Японцы «прижмут» их, так они скорее к нам летят. Однажды сбили их бомбардировщик, он упал на восточный берег.

В 1945 г., когда началась война с Японией, мы стояли возле береговой батареи. Комбатом у нас был капитан Кранихфельд. В ночь на 19 августа подъехал к нам на танкетке. Я вышел из блиндажа, комбат спросил, где командир роты. Я ответил, что в блиндаже, и крикнул ему, тот вышел и доложил...

Комбатом был уже другой капитан — Желаннов, из 373-го полка. Говорит: «Товарищи, мы начинаем воевать с Японией!» В ночь на 18 августа наша батарея открыла огонь и наши окопы засыпало от сотрясения песком. Они (японцы. — *Ред.*) тоже били по нашим орудиям, одну пушку вывели из строя. Где-то в одиннадцать часов мы пошли на высадку на остров Шумшу. Когда высаживались, у нас с коня сорвался ротный миномёт. Достали его вместе со старшим сержантом Коротких и пошли в наступление. На третьи или четвёртые сутки дошли до Второго Курильского пролива, а на остров Парамушир высаживались первыми.

Когда высадились, командир роты старший лейтенант Беляк направил нас в разведку: меня и Якова Давыдова. Мы пошли вправо, немного продвинулись и когда залезли на берег — там стелющийся кедрач и стланик. Проползли метров пятьдесят и наткнулись на провода. Перерезали их и часть вырезали, чтобы больше не соединили. Пошли дальше, попали в канаву, увидели аэродром. Просидели, пока не рассвело. А японцы собрались возле ворот... (неразборчиво. — *Ред.*) ...пока мы сидели часов до десяти. Потом пошли обратно. Когда подошли вниз, глянули — слезть невозможно, но пришлось слазить, искать роту. Та ушла недалеко, нашли, а на берег уже высаживалось много солдат.

Мы стали обедать. Ко мне подошёл наш комбат Желаннов, рассказали ему про аэродром. Он взял два отделения из 1-й роты и нас, и мы пошли вверх по дороге, а рота оседлала дорогу, шедшую на аэродром. Прошли немного и свернули влево. Ещё одна группа пошла вправо.

Немного отошли от дороги и увидели дзот, направились к нему с юга, подобрались вплотную. Часовой не заметил нас, и мы ворвались в дзот. Там были японцы. Комбат сразу начал их выкидывать, и так мы этот дзот разоружили и привели пленных человек

пятнадцать. Вторая группа приняла бой, но всё же к вечеру заняла другой дзот. Она привела тоже несколько пленных.

Когда мы пришли, нам объявили, что японцы капитулировали, воевать не с кем. Мы покушали, и нас разместили возле завода. Там простояли дня два. Потом посадили на десантное судно и увезли на Шумшу. Там мы стояли до конца октября, а потом сели на пароход и отправились на мыс Лопатку, где были раньше, и пробыли там до октября 1946 г., оттуда и демобилизовался.

ККОМ ОФ 38059/193. Рукопись, 14 декабря 1987 г., Кемеровская область

...Как готовились снайперы к боевым действиям? Готовиться приходилось очень трудно, было много работы. Мы, наша 1-я рота, приехала на мыс Лопатку в августе 1943 г., а 7-й отдельный стрелковый батальон — через год, в 1944-м. Сразу начали готовить жильё на зиму, а леса нет, строили из пластов и того, что выбрасывало на берег. У меня была очень хорошая подготовка ещё с 373-го полка, снайперского взвода полковой школы.

Что были за японцы? Собирались они группами, мужчины и женщины, а как их назвать [не знаю]. Они были одеты в гражданское и говорили по-русски: «Ой, рус, иди сюда, у нас очень шанго (хорошо)». Это было два раза в 1943 г. В допросе я не участвовал. Командиром нашей роты был старший лейтенант Мартюшев, говорил: «Ишь, как они зовут!»

Мы уходили на остров Шумшу, 1-я рота, 7-й батальон и какой-то миномётный взвод, по-моему, взвод учебного батальона, который высадился на Лопатку с «Дзержинского» или «Коккинаки». Времени прошло очень много, многое забылось...

С японцами разговаривать мне не приходилось. Читал я в одной книге, что японцы с островов, где сооружались укрепления, посадили на два парохода строивших их людей, вывезли в открытое море и там затопили вместе с пароходами.

Да, вы спрашиваете о публичных домах на островах. Были, и я находил отпечатки на материи с ихних публичных домов, особенно на Шумшу и Парамушире. Женщины были русские и японки, но живых женщин я не видел. Отпечатки публичных домов (то есть фотографии. — *Ред.*) у нас все изъял лейтенант особого отдела.

На остров Парамушир высаживались первыми с десантных судов, весь наш 7-й отдельный стрелковый батальон. Наша 1-я рота занимала правый фланг против аэродрома. Я и мой товарищ — связной командира роты — пошли в разведку вправо и наткнулись

на аэродром. Когда вернулись, доложили командиру роты старшему лейтенанту Беляку.

Вы спрашиваете о В. В. Зобнине. Он служил в нашей части, в миномётной роте, командиром взвода. Мы с ним часто переписывались, он получил от меня адреса С. П. Побсосова, П. В. Казанцева, И. С. Макшова, В. К. Максарова. Это мои товарищи, из одной деревни. Мы с В. В. Зобниным переписывались до 16 июля 1987 г. Мой друг В. К. Максаров был на его похоронах, сообщил мне о его смерти...

ККОМ ОФ 38059/199. Рукопись, 12 января 1988 г., Кемеровская область

Кашинцев Евгений Матвеевич, лейтенант, помощник командира десантного судна

...Тогда я был лейтенантом, помощником командира десантного корабля № 2 [ПВМБ ТОФ]. Уточняю, корабля, а не баржи. Официально на ТОФ до 1948 г. их именовали десантными судами, после — кораблями. Корабли были в 600 т водоизмещения, неограниченной мореходности, с радиусом действия порядка 5 000 миль. Два гребных винта, [двигатели] общей мощностью 1 300 лошадиных сил. Максимальный ход — 16, экономический — 12 узлов, 224 посадочных «койко-места» для десанта...

Наш ДС-2 высаживал десант первого авангардного броска, состоявшего из шести судов. Всего в десантной операции их участвовало 16. Имея на борту порядка четырёхсот десантников, в 04.00 утра 18 августа 1945 г. мы вошли в Первый Курильский пролив. По сигналу «Липа» из строя кильватера поворотом «все вдруг влево» перестроились на боевой курс в строй фронта и пошли к месту высадки между мысами Кокутан и Котомари.

Из шести судов наше было концевым, после перестроения мы оказались на левом фланге. Поясное (судовое) время тогда было меньше на один час, чем сейчас, время одиннадцатого остового пояса; разница с московским составляла восемь часов. К моменту высадки рассвело.

Сигнал «Липа» был выбран не случайно, ибо он многократно использовался ранее нашими судами и кораблями при проходе Перового Курильского пролива. Японцы на него, как выяснилось позднее, не среагировали. Расчёт был на внезапность, но кто-то из комендоров одного из судов ещё задолго до подхода к берегу нажал на гашетку «Эрликона» и стал палить по острову трассирующими. Ему последовали и с других судов. Самураи были разбуже-

ны, приготовились к отражению морского десанта. Внезапности не получилось.

При подходе к берегу слева в двух — четырёх кабельтовых показался притопленный на мели советский танкер «Мариуполь», интернированный Японией, о котором мы понятия не имели. Неведомо нам был также и то, что на нём японцы установили артиллерию.

Ошибившись в оценке расстояния до береговой черты при первом подходе, мы несколько поспешили с отдачей кормового якоря. Полностью размотав весь якорный трос, но не дойдя до берега несколько десятков метров, мы были вынуждены повторить маневр. Когда вторично отдали кормовой якорь, ткнулись форштевнем в грунт, развернули сходни (трап-балки), обе легли на берег. Враг открыл по кораблю ураганный огонь. Откуда велась стрельба, не было видно, но стреляли методично, прямой наводкой в наиболее жизненные места. Снаряды разворотили боевую рубку, искорёжили обе сходни, разбили спасательные средства (шлюпку-девятку и два плота). Много снарядов угодило в машинное отделение. Пробило левый дизель-генератор, десятки снарядов разорвались в кубриках с десантом и на палубе. Укрыться от осколков было негде.

Минут десять, а может и больше (было не до ведения журнала боевых действий), стоял, образно выражаясь, кромешный ад. Катастрофически росло число убитых и тяжелораненых. Быстро, почти без потерь, высадился только взвод моряков из сводного батальона морской пехоты майора Почтарёва.

Состав десанта на судне был неоднороден: 1) что-то около полусотни моряков, 2) стрелковая рота 137-го (? — *Ред.*) полка, 3) штаб, управление, хозяйственная служба, музыкальная команда полка. Наиболее проворными и смелыми были моряки, они и на берегу дрались отважнее.

16 августа со стрелковой ротой удалось сделать несколько учебно-тренировочных подходов [высадок] в бухте Тарья. Это было слишком мало, но уже кое-что. Разумеется, высадка в закрытой бухте и на океанском прибое под огнём неравнозначны. Бойцы роты — в основном необстрелянные семнадцати — восемнадцатилетние юноши, частью и моря-то толком не видели. Некоторые не умели плавать, боялись воды. Ещё хорошо, что Нептун ниспослал нам на суточном переходе штиль.

Подразделения, перечисленные под № 3, были приняты на борт перед выходом из Авачинской губы. Они даже этого «кое-что» не имели. Неся большие потери, не слишком быстро стрелковая рота всё же высадилась на берег. Подразделение № 3 мы не могли

высадить. Ища укрытие на борту, большинство из них [бойцов] погибли от осколков снарядов.

Всё это я написал как бы в назидание... дабы не забывали суворовские слова: «Тяжело в ученье — легко в бою». У нас было, пожалуй, наоборот. Тщательная подготовка к любой операции — залог успеха. Победа даётся не числом, а уменьем.

Лишившись десантных трапов (они выходили на десяток метров вперёд за линию форштевня), высадку продолжать было нельзя. Прыгавшие за борт смельчаки тонули на двухметровом прибое. Командир корабля решил отходить, поставив дымовую завесу для укрытия от огня противника. Но вот сильный взрыв снаряда на юте! Мучительно умирал начальник химической службы главный старшина Сорокин, едва успев запустить дымовую аппаратуру. Будучи ещё в сознании, просил пристрелить его — осколок разворотил ему пах, нижнюю часть таза и кишечник. Он скончался через несколько минут. Была пробита дымаппаратура, вытекла дымообразующая жидкость. Другим осколком снаряда оторвало ноги мотористу Гореву, выбиравшему якорь. Был расколот аккумулятор для пуска брашпиля, выборка застопорилась. Ветром, быстрым течением корабль развернуло на якоре форштевнем к океану, кормой к Охотскому морю, правым бортом — к вражеским батареям. Можно было дать ход, только выбрав якорь под кинжальным самурайским огнём. Машинное отделение через пробоины начало заливать забортной водой.

Смелость, решительность и хладнокровие проявил командир БЧ-5 коммунист техник-лейтенант Владимир Семёнович Галочкин (1913 г. р., уроженец Нижегородской губернии). Посланный на службу по комсомольской путёвке во время становления ТОФ, он уже имел десятилетний опыт службы на подводных лодках. Ни один самурайский осколок не помешал ему принести новый аккумулятор, запустить брашпиль и выбрать якорь. Если бы не Галочкин, сидеть бы нашему ДС-2 навеки рядом с теми тремя, которые вскоре укроет Тихий океан.

Внезапно налегшая полоса тумана скрыла корабль от вражеских батарей, у нас появилась возможность осмотреться. Срочно требовалось запустить аварийно-спасательные помпы для откачки воды и выйти из-под огня. В первые ряды борцов за живучесть судна заступили коммунисты и комсомольцы. Партийная группа корабля состояла из двух членов ВКП(б) — вышеупомянутого В. С. Галочкина, секретаря группы, строевого старшего матроса Стахеева и трёх кандидатов в члены партии. Среди последних:

боцман, старшина 2-й статьи Константин Андреевич Числов (ныне прославленный капитан камчатского тралового флота, Герой Социалистического Труда), командир корабля лейтенант Леонид Сафронов и автор этих строк. В считанные дни коммунистам и комсомольцам удалось создать дружный и спаянный коллектив. Ведь только 1 августа 1945 г. корабль поднял Военно-Морской Флаг СССР и вошёл в состав ТОФ. Сплачивание экипажа происходило в основном на переходе из США в Петропавловск с 1 по 14 августа.

Подсчитали потери. Из 27 членов экипажа трое убиты: главный старшина Сорокин, командир отделения рулевых старшина 1-й статьи Мостяев, электрик Кузьменков. Шестеро тяжело ранены: рулевой Эттер, комендор Скобелкин, баталер Мокин, моторист Горев, строевой Боярко и младший сигнальщик. Выведена из строя треть команды. Примерно такой же процент потерь у личного состава десанта. Первую помощь раненым оказывал, как мог, корабельный кок Волков — большой мастер кулинарии и юмора, любимец команды.

Работу аварийно-спасательной партии возглавили Галочкин, Числов и трюмный машинист Артемьев. Заделали трубопроводы, отремонтировали уцелевшие помпы и начали откачивать воду. Пустили главные двигатели, от гребных винтов появился за кормой бурун. На каждый вал могли работать по четыре главных дизеля, но чтобы вращать вал, достаточно быть в строю и одному.

Но как управлять кораблём, если выведено из строя рулевое управление с мостика и боевой рубки? Полностью парализована телефонная связь, кроме боевой сигнализации, колоколов громкого боя. Перешли на запасное управление вслепую из румпельного отделения. Команды на руль передавались азбукой Морзе. На руль пришлось встать мне. Была перебита магистраль электропитания гирокомпаса «Сперри-XVIII», а все магнитные компасы показывали чуть ли не противоположное направление.

Особенно хочется отметить действия боцмана К. А. Числова. Вспоминая их, порой диву даёшься, откуда у двадцатичетырёхлетнего русского паренька с начальным в ту пору образованием было столько смекалки, выдержки, смелости и решительности. Надо было освободиться от заклинивших, перекошенных десантных трапов-сходней, бесполезно повисших на трап-балках. Помогла сообразительность боцмана. Загорелись кранцы с запасом первых выстрелов на спардеке. Числов бросился тушить и выбрасывать за борт раскалённые снаряды, не забыв надеть на руки асбестовые рукавицы. Надо было найти материал для заделки многочисленных

пробоин в районе ватерлинии — не без старания боцмана в ход пошли матрацы. Во второй половине дня 18 августа ошвартовались, лежа в дрейфе, у госпитального судна для передачи на него тяжелораненых и убитых.

Неожиданно из-за туч пошло в атаку звено самурайских пикировщиков. Застрекотали все пять «Эрликонов». Стреляли командир отделения комендоров старшина 2-й статьи Смирнов, командир отделения сигнальщиков старшина 2-й статьи Кузьминов, коммунист старший матрос Стахеев, кок старший матрос Волков и вездесущий старшина 2-й статьи Числов.

К вечеру Галочкин нашёл неисправность и ввёл в строй рулевое управление из рубки. В ночь с 18 на 19 августа на руле стоял Числов. Других после бессонной ночи с 17 на 18-е валило с ног от усталости...

Ставлю под сомнение ваши (В. И. Гайдукова. — *Ред.*) слова: «Приезжайте, мы точно знаем, где похоронен ваш брат». Однозначно, со стопроцентной вероятностью это сделать невозможно по следующим причинам:

1. Кроме трёх подбитых у берега ДС, погибли ещё два. Среди них ДС-1 (командир старший лейтенант Царегородцев). На нём держал свой брейд-вымпел командир 5-го отдельного дивизиона десантных судов капитан 3-го ранга Верещагин, тяжело раненный в этом бою. Высадив роту моряков, корабль принял с транспорта миномётчиков и большое количество мин.

При вторичном подходе к берегу от артиллерийского огня и возникшего сильного пожара мины стали рваться. Команда перешла на другой ДС, где находился начальник штаба дивизиона капитан-лейтенант Б. В. Казенный. Впоследствии, 22 августа, ДС-1, безжизненный и обгоревший (бортовой номер 672), был отбуксирован в Катаоку.

Ещё один десантный корабль, номер не помню, от многочисленных пробоин перевернулся и затонул в Первом Курильском проливе вместе с убитыми и ранеными. Спаслось всего семь или восемь матросов команды на плоту. Плот с уцелевшими, закоченевшими людьми дрейфовал по течению несколько часов, день был туманный. Плот случайно обнаружил сторожевик «Киров». Командир затонувшего корабля 20 августа был найден прибитым прибоем в спасательном жилете у мыса Лопатки, и не только он один. Один из спасённых до 1949 г. служил старшиной группы мотористов на ДС-6, где я был командиром. Затем он ушёл в траловый флот и впоследствии плавал механиком...

2. Сотни погибших были переданы на госпитальное судно, захоронены в братской могиле, где точно, мне не известно. Только не на Шумшу...

Пополняя материалы вашего краеведческого музея, хочу написать о действиях двух десантных кораблей, много раз подходивших к вражескому берегу. Их командиры умело маневрировали под прикрытием дымовых завес, вклинивались между погибшими кораблями, уклонялись от попаданий. Они совсем не имели потерь в личном составе и технике. Это: ДС-3 (командир Александр Григорьевич Черноков, 1911 г. р.), ДС-6 (командир Александр Матвеевич Грицака, 1919 г. р.).

...Несколько раз с 1945 по 1949 г. я бывал на Северных Курилах. Летом 1948 г. с одного из подбитых десантных кораблей матросы БЧ-5 в легководолазных костюмах сняли лопасти с гребных винтов. Тогда они уже были замыты песком, который отсасывали гидромонитором...

Рукопись, 28 марта 1979 г., г. Ногинск Московской области

Колчанов Иван Николаевич, командир взвода конной разведки 198-го отдельного стрелкового полка

...До армии я [1918 г. р.] жил и работал в Усть-Большерецке. Там же был призван в армию, в мангруппу, и летом 1938 г. попал в школу младших командиров. В Усть-Большерецке в бывшем клубе размещалась наша казарма с трёхэтажными нарами. Я был в пулемётном взводе старшего лейтенанта Косова, имелось ещё два стрелковых взвода. После школы меня назначили командиром отделения, затем помощником командира взвода. В 1943 г. я был старшиной противотанковой батареи 45-миллиметровых пушек. Затем меня перевели помощником командира взвода конной разведки, под команду старшего лейтенанта Василия Мороза. После него взводом командовал лейтенант Бесчастный, потом его в 1943 или 1944 гг. взяли в штаб, командиром взвода стал я, оставался им до конца войны с Японией и демобилизации...

Однажды на лыжных соревнованиях в полковой школе в Усть-Большерецке я обморозил член, и санинструктор... давал мне спирт оттирать, а после старшина школы, кажется, Нестеров, заставил жену нам — лучшим лыжникам — пошить чехлы...

[При] взятии в плен командующего гарнизоном генерала Сато участвовал со своими солдатами, командиром полка Филимоновым и помощником начальника штаба Аристовым...

Демобилизовался в звании старшего сержанта, больше звания так и не дали, так как имел нарушения. А должности занимал старшинские и офицерские...

Помню, как выходили в зимний лагерь в 1942—1943 гг. Сколько было там лишений, холода и голода, сколько было обморожений и простуд, вплоть до смерти! За обморожения и прогоревшие шубы строго наказывали комсостав, старшин, в том числе и меня, старшину батареи. Помню, как солдаты воровали у лошадей овёс и поедали сами, помню, как многие не выдерживали такого и шли на преступления.

Демобилизовался позже всех своих друзей, так как конные разведки после войны ликвидировались, а у меня имелось двадцать лошадей, их надо было куда-то сдать. Вот я ими и «торговал» до ноября 1945 г., пока кое-как не раздал по батальонам...

Насчёт Акшинского — он был редактором «Камчатской правды» и, видимо, как политработник участвовал в операции. Я ему по его просьбе очень много писал о жизни полка и людях. Он мне однажды сообщил: возможно, что напишу и о вас. Больше об этом не сообщал, но в гости заезжать приглашал...

КОКМ ОФ 38059/266. Рукопись. Без даты

...Ещё до службы в армии, до 1938 г., с мая 1937 г. я работал на Камчатке, в Усть-Большерецком районе. Был шофёром на стареньком газике (так в то время называли грузовик-полуторку) в Усть-Большерецком рыбкоопе. Мне приходилось ездить за продуктами из райцентра Большерецка, проезжал в сопровождении пограничников через японский рыбозавод. Это было в 1937—1938 гг. Поэтому я знал, хотя и не подробно, как работают японцы на разгрузке пароходов, на лове и обработке рыбы. Они — классные рыбаки и отличные труженики...

Японцы особенно наглели и провоцировали нас во время хасанских и халкингольских событий (1938 и 1939 гг. — *Ред.*) Встал вопрос об обороне камчатских берегов. На основе пограничных застав в Усть-Большерецке, Усть-Камчатске и Петропавловске начали организовывать пехотные полки.

В 1938 г. настал мой черёд идти в армию. В этом году пришлось с машиной переехать в рыбокомбинат имени Микояна и работать там на выгрузке пароходов, в основном продовольствия. Наступало осеннее время, приходилось трудиться по две смены, а то и сутками. В это время шёл призыв, многие парни ушли в армию, даже те, с кем я работал. Призывная комиссия бывала в комбинатах по

очереди. Начала с северных, дошла до Микояновского, потом уехала дальше — в Большерецкий и Озерновский, а меня не вызвала.

Тогда я бросил работу и поехал в Усть-Большерецк, в райвоенкомат. Там выяснилось, что повестки мне присылали, а начальство их от меня скрывало. В военкомате дали повестку и послали догонять комиссию, уехавшую в Большерецкий комбинат. Комиссию я нагнал, был признан годным к строевой службе в погранвойсках. После этого явился в райвоенкомат, откуда меня направили служить в мангруппу, расположенную в 50 км от берега моря. После прохождения карантина в мангруппе нас стали отбирать в полковую школу младших командиров, потом отправили в райцентр — посёлок Усть-Большерецк, где эта школа как раз организовывалась. Под неё отдали клуб райцентра. Это небольшое деревянное строение, точно не помню, рубленое или засыпное. Хорошо помню, что в нём в два ряда были сделаны трёхъярусные нары, где мы спали и отдыхали в свободное от службы время.

В школе было три взвода: два стрелковых (командир одного Карпов, второго — не помню) и один станковых пулемётов (командир старший лейтенант Иван Игнатьевич Косов). Все комвзводы и их помощники были исключительно хорошо подготовлены в военном отношении, знали военное дело и технику. Это были организованные и очень дисциплинированные люди, порядок в школе был крепкий.

В ходе учёбы школа несла боевую службу по охране западного побережья Камчатки — от Митогинского до Микояновского комбинатов. То и дело вдоль наших берегов курсировали японские корабли. Дело доходило до того, что они вооружали рыболовный флот, устанавливая пулемёты и пушки, подходили близко к берегу с наведёнными в нашу сторону орудиями. Обстановка была тревожной, казалось, что того и гляди японцы начнут высадку войск на нашу территорию. Нас по два-три раза за ночь поднимали по боевой тревоге, приходилось совершать марш-броски к берегу моря, где располагались зенитные и пулемётные точки, дзоты и доты. Ночью несли службу наблюдения за берегом. Видели такое: с японских судов подавались световые сигналы в сторону райцентра, а из посёлка шли световые сигналы на море. В те годы (1938—1939) это проявлялось особенно открыто. Перед заступлением на службу командиры говорили нам, что сигнализация с обеих сторон — это шифровка расположения наших огневых точек, что в Большерецке имеются белогвардейцы, связанные с японцами...

О появлении японских кораблей и вооружённого рыболовного флота у наших берегов мы докладывали в Петропавловск. Несколько

раз приходилось наблюдать, как из-за мыса Лопатка появлялся наш сторожевой корабль «Воровский». С его появлением японские суда разбегались врассыпную. Но бывали случаи, когда «Воровский» догонял одну из шхун, брал её к себе под борт, с ней догонял другую, тоже брал под другой борт и уводил их в Петропавловский порт. Так продолжалось несколько лет, вплоть до окончания войны на Западе.

После окончания полковой школы вся моя служба проходила в 198-м отдельном стрелковом полку в звании старшего сержанта — от командира отделения станковых пулемётов до командира взвода конной разведки.

Войну с Японией по освобождению Курильских островов мы начали с посадки на гражданские пароходы и рыболовные траулеры. Точное название парохода я не помню, или «Чапаев», или «Коккинаки». Но хорошо помню, что был назначен старшим по погрузке лошадей своего взвода конной разведки и лошадей истребительной батареи. Погрузка шла примитивным методом. Два солдата стояли внизу на кунгасе, подвозившем лошадей. Бойцы пропускали под брюхо ремни и верёвки и набрасывали их на крюк на тросе, спущенном с парохода. Я стоял на палубе, где работал лебёдчик, следил за правильностью крепления лошади, после чего давал лебёдчику команду «Вира!» Лошадь поднимали на палубу, затем опускали в трюм. Там её отстёгивали. Так продолжалось до поздней ночи. В ночь пароход с десантниками вышел в сторону мыса Лопатка и Курильских островов.

К ним, в частности Шумшу, мы подошли под утро. Самолёты бомбили острова Парамушир и Шумшу, чьи самолёты — опознать было трудно. Десантников высаживали на самоходных баржах. Место высадки называлось, как мне помнится, Касивабара. Я со своим взводом после высадки находился в расположении штаба полка и в его распоряжении. Запомнились такие эпизоды после высадки.

1. В ночь после неё начальник штаба полка майор Ноздря дал мне задание: пробраться в японский тыл по оврагу сзади казарм в местечко, где высаживалась пулемётная рота. Я должен был вручить её командиру пакет. При этом говорилось, сколько взять с собой конников: «Людей возьмёшь по своему усмотрению». Коли так, взял одного солдата Ивана Волокитина, он был очень подвижный и умный кавалерист. В тыл к японцам мы пробрались незаметно. По условному сигналу — свистку голосом — разыскали командира роты и вручили ему пакет. Это случилось около полуночи. Затем направились назад, в расположение штаба нашего полка.

Я ехал впереди, Волокитин — метрах в пятидесяти сзади. На прежнюю тропу я не попал, а поехал по грунтовой дороге: конь направился по пути наименьшего сопротивления.

Проехали метров сто, может, больше, и по нам открыли огонь с вышки. Как выяснилось потом, стреляла охрана японских складов. Одна пуля попала коню в переднее копыто, другая пролетела так близко, что оглушила меня. Спрыгнул с коня, чтобы отпустить его и занять оборону. Стрельба с вышки продолжалась, мне пришлось укрываться то за телеграфный столб, то за пни. Приготовил автоматные диски. Иван Волокитин вернулся с этого места на прежнюю тропу и доехал до штаба, доложил о случившемся. Начальник штаба приказал лейтенанту Федоренко, командиру взвода пешей разведки, выручить меня из беды. Спасибо Федоренко! Он прибыл к месту с взводом и гранатами заглушил огневую точку. Я вернулся в штаб.

2. Участвовал во взятии в плен японского генерала Сато, командующего гарнизоном острова. Гарнизон состоял из шести батальонов. Это, по нашему счёту, шесть тысяч человек. После примерно недельного нашего пребывания на острове много японских солдат было ещё не разоружено. После того как генерала Сато взяли в плен в наш штаб, он написал приказ о разоружении и сдаче оружия. После этого японские офицеры довели приказ до всех своих войск, началась переноска оружия к складу. Разоруженных пленных собрали в одной лощине. Хорошо помню, как они подняли бунт, стали пробиваться между охраной в горы. Мне из штаба дали распоряжение: разбить лагерь на более мелкие части, для этого прислали дополнительных солдат. Я со своими конниками с разгона пробивал путь между пленными, а солдаты нашей охраны становились в эти промежутки. Так общий лагерь военнопленных был разделён на более мелкие части.

Поводом для бунта послужил распущенный кем-то из пленных слух, что русские пленных сажают на пароходы, в море их расстреливают и сбрасывают в воду. На самом же деле пленных сажали на суда без применения оружия и никаких жертв не было. Всех их отправили во Владивосток.

3. После некоторого времени пребывания на острове начальник штаба объявил своего рода соревнование: взводу конной разведки и истребительной батарее на лошадях преодолеть пространство до самой высокой сопки на острове, установить красный флаг Победы (не помню, в честь какой даты это было). С этой задачей я справился быстрее. Сколько было можно, с бойцами подбирался ближе

к вершине. Когда лошади уже не могли идти дальше, с солдатом Ивановым пешком и ползком взобрались на сопку. Первым на верхушку забрался я, поставил флаг, а Иванов подавал мне снизу камни, чтобы его закрепить. После этого бросил противотанковую гранату, её взрыв означал, что я первым со своими разведчиками установил победный флаг над островом. Видимо, это делалось в связи с предстоящим нашим отъездом. Распоряжением начальника штаба нам из продовольственного склада отпустили несколько бутылок саке и банок консервов, в основном рыбных.

4. И последнее, что мне хотелось бы обнародовать. В моём военном билете записано: «Участвовал в войне с Японией с 18 августа 1945 г. по 3 сентября 1945 г.». Перед выездом с Шумшу из штаба полка пришло указание: представить лучших солдат и командиров к награждению. Я представил солдат Волокитина, Бабайлова, Иванова, Шлычкова и помощника командира взвода И. С. Денисенко. А себя не представил, так как сказали, что командиров подразделений представит штаб. Меня должен был представить помощник начальника штаба по разведке, таковым был старший лейтенант Бесщастный. Но поскольку я был с ним в разладе, то и остался «за бортом».

От него принимал взвод, лошадей и имущество. У него не хватило кое-какой сбруи и, что особенно важно, офицерского седла. Поэтому мы и были в раздоре. Так я и остался без награды... Зато мои солдаты получили медали «За боевые заслуги».

Демобилизовался 17 ноября 1945 г., уехал в Петропавловск-Камчатский, где работал военруком мореходной рыбопромысловой школы юнг, инспектором отдела кадров Камчатрыбфлота, секретарём профсоюза рыбников. Потом был направлен на учёбу в трёхгодичную совпартшколу во Владивосток. После учёбы с 1956 г. работал на Камчатке заместителем председателя колхоза в Усть-Камчатске, а затем уехал на материк в Горьковскую область...

ККОМ ОФ 38059/177. Рукопись, 1990 г., Горьковская область

Комаров Алексей Павлович, старший сержант, парторг управления 2-го дивизиона 279-го артиллерийского полка

Я — участник освобождения Курильской гряды в составе первого эшелона, высаживался в районе северо-восточной стороны острова Шумшу, между маяком и нашим танкером «Мариуполь», севшим на мель...

В первом эшелоне участвовали: 138-й стрелковый полк, 169-й истребительный противотанковый дивизион, рота противотанковых ружей, а также 1-й дивизион 428-го гаубичного артиллерийского полка и 2-й дивизион 279-го артиллерийского полка 76-миллиметровой горно-вьючной артиллерии. В его составе я лично и принимал участие. Командовал дивизионом капитан Александр Михайлович Бочков. (Кстати, любимец начальника артиллерии Харитонова. Может, поэтому наш 2-й дивизион, как отличник боевой и политической подготовки, и был послан в первый эшелон высадки.) Я в это время был парторгом управления дивизиона.

Наш дивизион перевозили на гражданском пароходе «Чапаев». Высадка предполагалась к обеду 18 августа, после того как десант майора П. И. Шутова и замполита В. А. Кота обеспечит плацдарм. Как происходила высадка, опишу в следующем письме... (К сожалению, следующих писем у нас нет. — *Ред*.)

Я переписывался с нашим парторгом полка В. С. Акшинским, бывшим редактором газеты «Камчатская правда», который также собирает материал к новой книге. Им уже написана одна под названием «Курильский десант», выпущена в 1984 г. камчатским издательством...

ККОМ ОФ 38059/183. Рукопись, 4 февраля 1988 г., Новосибирская область

Из наградного листа *Алексея Павловича Комарова*, старшего сержанта, младшего ветеринарного фельдшера 2-го дивизиона 279-го артиллерийского полка 101-й стрелковой дивизии КОР 2-го ДВФ, 1919 г. р., русского, члена ВКП(б). Участвовал в десантной операции против японских империалистов на острове Симусю 18—20 августа 1945 г. В Красной Армии с 1939 г., призван Ишимским райвоенкоматом Омской области. Ранений и контузий не имеет. Ранее не награждался, представляется к медали «За боевые заслуги».

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Энергично производил выгрузку боевого имущества. Самоотверженно спасал конский состав. Умело организовал партийную и комсомольскую работу в подразделении во время боя. Вывод: достоин награждения медалью «За боевые заслуги».

Командир 279-го артиллерийского полка
подполковник *Тарасов*.
16 сентября 1945 г.

Заключение вышестоящих начальников: «Наградить медалью “За боевые заслуги”. Командующий артиллерией 101-й ордена

Ленина стрелковой дивизии подполковник *Харитонов*. 30 сентября 1945 г.».

НВФ 4343/126. Ксерокопия

Из приказа по артиллерийской части ордена Ленина 101-й стрелковой дивизии Камчатского оборонительного района 2-го Дальневосточного фронта № 03/на от 30 сентября 1945 г., база Касивабара

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с японским агрессором и проявленные при этом доблесть и мужество наградить:

...Медалью «За боевое отличие»:

...18. Старшего сержанта Комарова Алексея Павловича, рождения 1919 г., младшего ветеринарного фельдшера 2-го дивизиона 279-го артиллерийского Краснознамённого полка...

Командующий артиллерией 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии подполковник *Харитонов*.

Начальник штаба артиллерии 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии капитан *Прусаков*.

30 сентября 1945 г.

НВФ 4343/128. Ксерокопия

Кот Василий Андреевич, старший лейтенант, старший инструктор политотдела 101-й стрелковой дивизии, политрук передового отряда десанта

Я родился 23 февраля 1916 г. в белорусской деревне Найда Житковического района Гомельской области. У меня до Великой Отечественной войны было семеро братьев и сестра. Все братья принимали участие в боях против фашистской Германии.

В октябре 1937 г. был призван в ряды Красной Армии, в Ленинградский военный округ. Окончил полковую школу связи. В 1938 г. присвоено звание «Заместитель политрука», в этом же году был принят кандидатом в члены ВКП(б). Во время хасанских боёв нашу дивизию перебросили на Дальний Восток. В октябре 1940 г. с отличием окончил Хабаровское военно-политическое училище и был направлен в Петропавловск-Камчатский, в 198-й стрелковый полк.

В этом полку быстро рос по службе: политрук полковой школы, комиссар батальона, парторг полка. В 1944 г. стал старшим инструктором политотдела 101-й стрелковой дивизии. В этой должности и застала меня война с Японией. 15 августа 1945 г. назначен заместителем командира по политчасти передового десантного отряда по захвату плацдарма на острове Шумшу Северо-Курильской гряды. Задача отряда — захватить плацдарм и обеспечить высадку главных сил 101-й стрелковой дивизии на остров. Отряд состоял из добровольцев морской пехоты и подразделений дивизии, около полутора тысяч человек. 17 августа десантные суда вышли в Тихий океан. 18 августа в 04.30 начали высадку десанта. Стоял сильный туман. Берег зловеще молчал. Воины были до предела напряжены. Некоторые суда попали на подводные камни и остановились в 100–200 м от берега, десант высаживался вплавь.

Наш штабной корабль остановился в 200–250 м от берега. При высадке кто-то крикнул: «Глубоко!», случилась заминка. Я сказал командиру отряда майору Шутову: «До встречи на берегу, товарищ майор!», затем крикнул: «За мной, товарищи, смелее!» — и прыгнул в воду Тихого океана. За мной поплыли солдаты, сержанты и офицеры. Отряд внезапно захватил первую и вторую траншею, продвинулся вглубь острова до двух километров. Начали готовиться к отражению контратак японцев.

Остров размерами 20 на 30 км был исключительно укреплён. Японское командование прозевало момент высадки передового десантного отряда. Он продвигался вперёд, несмотря на большие потери, с целью захвата главных высот на острове.

К восьми часам утра мы овладели первой линией траншей на склонах высот, где в каменистых скалах стояли доты. Часть подразделений отряда вклинились между высотами 165,0 и 171,0.

Видя, что наши бойцы заходят дотам в тыл, японцы бросили в бой восемнадцать танков с пехотой. Рота противотанковых ружей капитана Дербашева приняла бой с ними. Первый танк загорелся от выстрелов сержанта Костылева, под танки полетели связки гранат. Часть машин пошла в обход высоты 171,0, там находилась блокирующая группа батальона морской пехоты под командованием техника-лейтенанта Водынина с четырьмя матросами. Они приняли бой. Первый танк связкой гранат остановил лейтенант Водынин, но второй шёл прямо на него. Он бросил под гусеницу противотанковую мину, а сам погиб.

Третий танк подбил гранатами матрос И. Кобзарь, его сразила очередь противника. Четвёртый танк шёл по болоту прямо на раненого

П. Бабича. Он, превозмогая боль, бросил под гусеницы связку гранат, танк сделал резкий поворот и вмял Бабича в грязь. Погибли старшина Рында и матрос Власенко. Так геройски сражалась с вражескими танками группа лейтенанта Водынина. Остался в живых только старшина 2-й статьи Пётр Бабич.

Завязался жестокий бой за высоту 165,0. Танки и пехота противника ринулись на роту автоматчиков старшего лейтенанта Иноземцева. Он лично связками гранат подбил два танка, поднял роту в рукопашную схватку, но в этом бою погиб смертью героя. В роте случилось некоторое замешательство. Находясь неподалёку, я крикнул: «Рота, за мной, бей самураев!» и повёл людей в контратаку. Японская пехота не выдержала натиска и стала панически отступать. Бой с танками продолжался.

Младший сержант Султанов вскочил на одну из машин и уничтожил экипаж, но сам погиб. Старший сержант Черепанов подбил два танка и геройски погиб сам. Потеряв семнадцать танков, японцы прекратили атаку. Старший лейтенант Савушкин возглавил штурмовую группу на высоте 165,0. Она гранатами забросала дот и первой ворвалась на высоту, но командир — старший лейтенант Савушкин геройски погиб. Высота была захвачена, взято в плен более двухсот пятидесяти японских солдат.

Особенно тяжёлый бой развернулся за высоту 171,0, где наступал батальон морской пехоты. Корабельная артиллерия не могла подавить доты на высоте в скалах. Под губительным огнём снарядов и пуль, укрываясь за камнями и кустами, моряки и пограничники ползли к вершине. И вот раздался пронзительный свист и крики: «Полундра! Ура! За родину! За Сталина!»

Советские воины устремились вперёд на высоту, поливая самураев огнём автоматов и гранат. Неся большие потери, залегла рота морской пехоты старшего лейтенанта И. В. Кащея. В этот критический момент незаметно для противника к доту ползли два моряка — старшина 1-й статьи Николай Вилков и восемнадцатилетний матрос Пётр Ильичёв. Вилков достиг дота, забросал амбразуру гранатами, но когда из него вновь открыли огонь, бросился на дот и закрыл амбразуру своим телом. Когда застрочил пулемёт из второй амбразуры дота, матрос Ильичёв по примеру своего командира тоже бросился на амбразуру и ценой своей жизни подавил эту огневую точку. Высота была взята штурмом.

Боевое Красное знамя, которое нёс на груди Николай Вилков, было подхвачено его товарищами и водружено на высоте 171,0. Смертью храбрых погибли Николай Вилков и Пётр Ильичёв, но

они своим героическим поступком спасли жизнь многим своим товарищам.

Десантники с частями 101-й стрелковой дивизии продвигались вглубь острова. 23 августа японский гарнизон на острове Шумшу — одиннадцать тысяч солдат и офицеров — капитулировал.

За выполнение боевой задачи по овладению островом Шумшу в составе передового десантного отряда семи воинам присвоено звание Героя Советского Союза:

— майору Шутову Петру Николаевичу;
— майору Почтарёву Тимофею Александровичу;
— старшему лейтенанту Савушкину Степану Аверьяновичу;
— старшине 1-й статьи Вилкову Николаю Александровичу;
— матросу Ильичёву Петру Ивановичу;
— старшине 1-й статьи Сигову Василию Ивановичу;
— старшему лейтенанту Коту Василию Андреевичу.

Я являюсь почётным гражданином города Северо-Курильска. В день 25-летия освобождения Курильских островов был приглашён на празднование, посетил места боёв, встретился с участниками боевых действий, с гражданами города. Вместе с ними радовался переменам, произошедшим на Курильских островах. Жители города высоко чтят память воинов, освободивших эту землю. Стоят памятники Героям Советского Союза Савушкину, Вилкову, Ильичёву, их именами названы улицы.

БН. ГИАСО, ф. П-4677, оп. 1, д. 24, л. 2—5. Авторизованная машинопись, 20 января 1987 г., г. Львов

Из наградного листа *Василия Андреевича Кота*, старшего лейтенанта, инструктора политотдела 101-й стрелковой дивизии КОР 16-й армии 2-го ДВФ, 1916 г. р., белоруса, члена ВКП(б) с 1940 г. В Красной Армии с 1937 г., в должностях офицерского состава с 1940 г. Призван Житниковильским райвоенкоматом БССР. Ранений и контузий не имеет. Ранее не награждался.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Товарищ Кот, назначенный заместителем командира отряда захвата по политической части, умелой постановкой политработы обеспечил высокий наступательный порыв личного состава. Первым бросившись в бой, своим личным примером увлёк остальных, в бою вёл себя мужественно, дерзко. После ранения командира смело взял на себя инициативу руководства боем и повёл подразделение на штурм вражеских позиций. В критический момент, когда под ураганным

огнём наступающие залегли, с возгласом «Коммунисты, вперёд!» поднял бойцов и повёл в наступление. В результате высота была взята, героизм и презрение к смерти, проявленные товарищем Котом, обеспечили успешное выполнение задачи. За проявленные геройство и отвагу достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Подлинный подписал командир 101-й стрелковой дивизии генерал-майор *Дьяков*.

(Передано по телеграфу 01.09.1945)

Верно: начальник отдела кадров 2-го Дальневосточного фронта полковник *Лосев*.

Заключение военного совета фронта: «Достоин присвоения звания "Герой Советского Союза". Командующий войсками 2-го ДВФ генерал армии *Пуркаев*. Член военного совета 2-го ДВФ генерал-лейтенант *Леонов*».

2 сентября 1945 г.

Заключение наградной комиссии Народного комиссариата обороны СССР: «Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда". Указ от 08.09.1945».

НВФ 4343/138. Ксерокопия

Котляр А. Н., лейтенант, командир десантного судна ДС-5

...Я выпускник высшего военного морского орденов Ленина и Ушакова училища имени М. В. Фрунзе. С началом Великой Отечественной войны в составе отдельного батальона курсантов принимал участие в обороне Таллина, участвовал в переходе кораблей Краснознамённого Балтийского флота из Таллина в Кронштадт. Во время налёта фашистской авиации был ранен. Потом — снова училище в блокадном Ленинграде, продолжение учёбы в Астрахани. В мае — июне 1942 г. проходил практику на кораблях действующего Черноморского флота на эскадренном миноносце «Бдительный». В течение июня 1942 г. корабль совершил шесть походов в осаждённый Севастополь.

В августе 1942 г., когда войска фашистской Германии прорвались к Сталинграду, приказом Главкома Военно-Морского Флота большая группа курсантов четвёртого курса была выпущена из училища, в том числе и я. Из этого выпуска в Курильской десантной операции командирами десантных судов были: А. М. Грицака (ДС-6), В. П. Гурьев (ДС-9), В. В. Кузнецов и В. Шкряев (номера их кораблей не помню). Все они участвовали в обороне Таллина,

Ленинграда, служили на кораблях Черноморского флота, на Волге. Короче говоря, знали, что такое война.

После выпуска меня назначили командиром катера ПВО-43, потом командиром электромагнитного катера. Принимал участие в сопровождении транспортов и караванов по Волге, в боевом тралении на Волге и Астраханском рейде.

В марте 1945 г. направлен в распоряжение командующего Тихоокеанским флотом, где назначен в спецкоманду, командиром ДС-5. В июне 1945 г. спецкоманда (дивизион экипажей десантных судов, командир капитан 3-го ранга А. М. Верещагин, начальник штаба капитана Б. В. Казенный) на транспорте «Генерал Панфилов» вышла из Владивостока к месту получения кораблей в бухту Колд-Бей.

Экипажи были собраны из моряков разных кораблей. Задача (в первую очередь для командиров ДС): за короткий срок добиться хорошей слаженности экипажей, мобилизации личного состава на освоение новой техники. Изучение материальной части проходило в два этапа: на берегу — по описаниям и учебным пособиям по специальностям; на кораблях — непосредственно у механизмов и устройств. Надо отдать должное всему личному составу, что с этими задачами он справился. Свидетельством этому стал успешный переход всех кораблей в Петропавловск и их активное участие в боевых действиях.

После этого на кораблях подняли флаги Военно-Морского Флота СССР. Боевая подготовка продолжилась. Предстоял дальний переход в сложной метеорологической и навигационной обстановке. В конце июля 1945 г. дивизион взял курс на свои берега. Переход обеспечивали тральщики типа АМ. На подходе к Командорским островам мы узнали о начале войны с Японией. 12 августа 1945 г. дивизион прибыл в бухту Ахомтен. После непродолжительной стоянки там корабли дивизиона под проводкой лоцмана перешли в Авачинскую губу, затем нам было определено место стоянки на рейде в бухте Тарья.

О том, что нам предстоит участвовать в десантной операции, узнали 15 августа. Поступила команда: подготовить корабли к приёму десанта. Когда его принимать, когда и где намечается высадка, нам не сообщили. 16 августа выходили из бухты Тарья в район у входа в бухту Раковая, где производили тренировку по приёму и высадке десанта. Рано утром 17 августа десант был принят, и корабли вышли в пункт сбора — на рейд Авачинской губы.

Перед приёмом десанта командирам ДС была поставлена задача:

— кто, где и какие части (подразделения) берёт на борт;

— место высадки — остров Сюмусю между мысами Кокутан-Саки и Котомари-Саки;

— время высадки — на рассвете 18 августа 1945 г.;

— десант высадить любой ценой.

Определено место каждого корабля в походном ордере. В целях маскировки радиосвязь запрещена, станции работают только на приём. В тёмное время суток использование световых и звуковых сигналов тоже запрещено. Перед выходом в море на всех кораблях, в том числе и нашем, прошли митинги. Экипаж поклялся с честью выполнить поставленную задачу.

По команде командира высадки корабли заняли места в ордере, начали движение к выходу из Авачинской губы. Пройдя фарватеры, в строю кильватера взяли курс на Первый Курильский пролив. Погода стояла пасмурная, низкие облака, моросил мелкий дождь, слабый ветер — два-три балла. С юго-востока шла лёгкая океанская зыбь. Вскоре вошли в туман, не рассеивавшийся на всём пути до места высадки. Видимость значительно ухудшилась. Плотность тумана временами менялась, одно время с мостика я не видел полубака своего корабля. Местоположение корабля определялось только по счислению, ведшемуся помощником командира лейтенантом Юрием Николаевичем Степановым. Радиолокационные станции были лишь на некоторых тральщиках, ни один ДС их не имел. Из навигационного оборудования располагали только компасом.

Рано утром 18 августа по правому борту услышали раскаты залпов орудий береговой батареи с мыса Лопатка. На инструктаже при постановке задачи на высадку десанта указывалось, что батарея перед высадкой будет вести подготовку плацдарма. Её залпы дали возможность уточнить место нахождения корабля: за весь переход не было ни одного определения.

Взяли курс к месту высадки, туман не рассеивался. И вдруг вышли из его полосы. Перед нами в дымке показалась земля — остров Сюмусю, расстояние до берега 15–17 кабельтовых. Туман остался позади, над проливом. Увеличили ход до самого полного, идём к берегу. Дана команда: «Подготовиться к высадке десанта!» Справа на расстоянии около десятка кабельтовых два ДС уже отходили от берега. У берега виден силуэт ещё одного ДС, к нему и направлен наш корабль.

При подходе ближе оказалось, что это ДС-9, командир лейтенант Василий Павлович Гурьев, мой однокурсник. ДС-9 находился у берега, кормовой якорь выбран. (Кормовой якорь был на каждом ДС, отдавался при подходе к берегу с целью обеспечения отхода

корабля при его выборке.) ДС-9 самостоятельно отойти от берега не мог. Когда мы подошли ближе, Василий Павлович по мегафону передал: «Андрей, помоги отойти от берега!» Я ему ответил: «Высажу десант, помогу». В этой обстановке другого разговора быть не могло. Разве мог я тогда подумать, что этот короткий обмен деловыми словами будет между нами последним, что вижу Василия и говорю с ним в последний раз!

Будучи на берегу острова, узнал от помощника командира ДС-9 лейтенанта Анатолия Зайцева, что Василий Павлович убит. Потом на госпитальном судне «Менжинский» разговаривал с командиром БЧ-5 ДС-9 (фамилии его не помню, он был тяжело ранен в живот, лежал на носилках, находился в шоковом состоянии). Позже я узнал, что он умер.

На берегу шёл бой, были видны вспышки и слышались выстрелы.

При подходе к району высадки корабль не обстреливался, обстрел начался лишь на расстоянии около трёх кабельтовых. Чем ближе подходили к берегу, тем его интенсивность росла. Отдав кормовой якорь, с ходу подошли к берегу. Опущенные трапы легли на берег у уреза воды. Началась высадка, десантники быстро сбегали с трапа на сушу.

Корабль был вооружён пятью 20-миллиметровыми автоматами «Эрликон». Открыли огонь по вспышкам на флангах места высадки в районе мысов. Оценить эффективность нашего огня в то время было трудно. А позже, когда мы узнали об оборудованных у японцев огневых точках, стало ясно, что наша малокалиберная артиллерия существенного ущерба противнику причинить не могла.

Появились пробоины в надстройках от попаданий снарядов противника, а за ними — и первые раненые. Ранен рулевой-сигнальщик Сергеев, ему осколком раздробило стопу. Потом доложили, что ранен мой помощник лейтенант Ю. Н. Степанов. Чтобы прикрыт корабль от огня с берега, дал команду включить дымовую аппаратуру. Началась постановка дымовой завесы. Дым относился ветром в юго-восточном направлении.

Экипаж корабля оказывал всяческую помощь быстрейшему сходу десанта на берег. Находясь на мостике, вдруг вижу, что нос корабля начал медленно отходить от берега. Дал команду по телеграфу: «Малый вперёд!» (Телеграф находился не на мостике, а в рубке.) Получил доклад: «Машина не отрабатывает команду». Послал посыльного в машинное отделение, он тут же вернулся и доложил: «Машинное отделение затоплено!»

Корабль отнесло от берега на шесть — восемь метров, а дальше его движение прекратилось, сел на грунт. Дал команду протянуть на берег швартовые концы, их протянули и закрепили. По ним продолжалась высадка, скорее переправа оставшихся десантников и раненых.

Дал команду осмотреть все отсеки. Сошёл с мостика на спардек и тут был ранен осколками разорвавшегося снаряда в голову, руку и ногу. Матросы перевязали раны. Мне доложили, что все десантники высажены на берег. Исходя из создавшейся обстановки, дальнейшее пребывание экипажа на борту корабля с затопленной машиной, бездействующими механизмами, потерянной плавучестью, под обстрелом с берега — было признано нецелесообразным. Скомандовал экипажу покинуть борт, сойти на берег. Первыми на сушу передали раненых, затем сошли остальные моряки. С помощью матросов я последним покинул корабль — переправился по швартовым концам.

От уреза воды мы направились вглубь острова. Примерно в семидесяти метрах от береговой черты находилась первая траншея, где остановились в основном раненые. Все побывали в морской воде, начали выкручивать одежду, по возможности перевязывать раны, а возможности оказались крайне ограниченными: перевязочного материала не было, он весь остался на корабле. Но кое у кого нашлись индивидуальные перевязочные пакеты.

Из траншеи хорошо просматривался берег, место высадки. Надо отметить, что вся территория острова, прилегавшая к месту высадки, была изрезана широкой сетью траншей и ходов сообщения. Траншеи были подготовлены заблаговременно и тщательно замаскированы. С моря, даже подойдя к берегу близко, мы их не видели. Между траншеями находились отдельные командные и наблюдательные пункты, закрытые сверху, с хорошими возможностями ведения наблюдения за прилегающей местностью, и ходы сообщений. Отдельные участки траншей и пункты были обложены тростником и бамбуком.

В одном из таких помещений мне и другим раненым пришлось провести часть дня и ночь с 18 на 19 августа. Около десяти часов над местом высадки появился японский самолёт, обстрелявший траншеи и корабли. Он сбросил бомбы на корабли у берега. Одна из бомб попала в ДС-5. После этого на корабле начался пожар. Вероятно, взрывом бомбы была повреждена нижняя палуба, под которой находились топливные цистерны. Корабль долго горел как факел.

После схода на берег моряки, не имевшие ранений, двинулись туда, где шёл ожесточённый бой за господствующие высоты. На рассвете 19 августа меня вместе с другими ранеными доставили к берегу. Рано утром нас посадили на десантную баржу и привезли к борту госпитального судна «Менжинский», стоявшего на якоре в Первом Курильском проливе. Оно прибыло в Петропавловск, раненых разместили в военно-морском госпитале, развёрнутом в здании одной из школ города. В палате стояло десять — двенадцать коек, справа от меня положили раненого командира дивизиона Верещагина. При высадке он находился на ДС-1 (командир старший лейтенант Царьградский).

С большой благодарностью вспоминаю внимание и заботу о раненых со стороны медперсонала госпиталя, командования ПВМБ, трудящихся города, экипажей транспортных судов, приходивших в порт, и конечно же наших товарищей с десантных судов, участвовавших в десанте.

После выписки из госпиталя вернулся в дивизион. Корабли стояли у причала судоремонтного завода в бухте Раковой. Личный состав ДС-5 (бортовой номер 525) к тому времени был расписан по другим кораблям. В это время командование дивизиона оформляло наградные листы. Я принял участие в работе по представлению к наградам личного состава ДС-5. Все его моряки были представлены к орденам и медалям.

Вскоре на одном из кораблей я был направлен во Владивосток в распоряжение отдела кадров ТОФ, а затем назначен командиром ДС-34, командовал им до ноября 1948 г.

БН. Рукопись, 3 января 1981 г., г. Рязань

Кремянский Борис Евгеньевич, младший лейтенант, военный переводчик штаба командующего Курильской десантной операцией

В мае 1945 г. я прибыл для прохождения службы в 101-ю горнострелковую дивизию, базировавшуюся тогда на Камчатском полуострове, а точнее — на 75-м участке в Петропавловске. Служил в должности старшего инструктора политотдела дивизии по работе среди войск и населения противника.

В десантную операцию мы уходили в ночь на 17 августа 1945 г. Запомнилось, как накануне вечером, когда войска были готовы к десанту и находились на кораблях, трубач нашего оркестра вышел на корму десантного судна. В полной тишине настороженного

вечера над зеркальной гладью бухты, отражаясь эхом в сопках, зазвенела мелодия песни «Вечер на рейде».

Город притих, молча стояли семьи участников десанта, жители города, молча слушали воины. Потом мы долго не могли без волнения воспринимать эту песню, очень любили её и пели...

К исходу первого дня боя наши войска вклинились вглубь острова на 10–11 км, закрепились на занятых рубежах. Ночью боевые действия не велись, но все были начеку: подтягивалась артиллерия, налаживались связь и управление войсками. Подошёл второй эшелон. С рассветом бой возобновился. Японцам удалось перебросить часть войск с острова Парамушир, укрепить оборону. Но превосходство было на нашей стороне, в бой вступила артиллерия, и японское командование во второй половине дня выслало парламентёров. Тут уже начали искать меня.

Дело в том, что я окончил Владивостокскую спецшколу со знанием японского языка, куда был направлен из рядов срочной службы. Приведя себя в порядок после боёв, в которых я участвовал, явился к начальнику особого отдела и принял участие в допросе первых 50–60 пленных, вышедших из бункеров мыса Кокутан-Саки. Во время высадки я прыгнул в воду как все — в шинели, кирзовых сапогах, с оружием и противогазом. Но вырос я на реке Псёл (приток Днепра) и плавал как рыба. Это меня и спасло. Почувствовав под ногами дно, выполз на берег и двинулся в сторону выстрелов. Страха почему-то не было. Вокруг меня в темноте тоже ползли люди, слышались стоны, просьбы о помощи, но было очень темно и разглядеть ничего было нельзя.

Рассвет застал нас у первой траншеи японцев. Никаких команд никто не подавал, ибо многие, как оказалось позже, погибли или потеряли свои подразделения. Все войска перемешались в темноте, в воде, под выстрелами японцев. Солдаты и сержанты начали разыскивать офицеров. В том числе и ко мне обратилась группа пограничников, моряков, пехотинцев: «Младший лейтенант, командовать будешь?» — «Буду!» И принял над ними командование. С этой группой человек в 15–20 начал продвижение к высоте 171,0, где вела бой группа захвата. Так в цепи захвата и находился, там меня легко ранило в область позвоночника, но всё обошлось. Здесь меня и нашли, когда понадобилось для допроса пленных. Начальник политотдела дивизии М. А. Алентьев вызвал меня, приказал привести себя в порядок. Где-то нашли парикмахера, посадили меня на пень и побрили.

Таким образом, 19 августа после обеда начались переговоры с японскими парламентёрами. Со стороны японцев были майор,

капитан, солдат нёс [белый] флаг. Командование советских войск предложило японскому гарнизону острова сложить оружие и капитулировать. Боевые действия во время переговоров не велись. Представители японского командования, выслушав наши требования, ответили, что они доложат своему начальству и поставят нас в известность о его решении.

20 августа в 10.00 должна была состояться вторая встреча, было необходимо договориться о прекращении военных действий и принятии капитуляции. Однако достигнутую договорённость японское командование выполнять не торопилось. Его войска находились в боевых порядках и сдавать оружие не спешили. Тогда комдив Дьяков отдал приказ начальнику политотдела Алентьеву узнать у японцев причину затягивания капитуляции.

Алентьев, захватив меня и ординарца с автоматом, на «Виллисе» отправился в расположение японского штаба. От передовой наших войск до расположения японцев мы шли через долину со склона на склон (расстояние приблизительно 150–200 м) с белым флагом. За нами, высунувшись из окопов, смотрели наши, готовые в любой момент вступить в бой. Видели нас и японцы. На японской стороне нас встретил майор, подвёз на своей машине вглубь расположения войск, а затем мы ещё шли по расщелине около ста метров к блиндажу, где находился командир дивизии. Он вышел навстречу, пригласил в блиндаж, но Алентьев отказался и задал вопрос, почему не выполняется договорённость о капитуляции. Японский генерал уклончиво ответил, что пока нет разрешения императора.

Алентьев вопросов больше не задавал, и мы повернули обратно с тем же майором. Когда вернулись в наш штаб, доложили комдиву, он вызвал меня и приказал уже одному передать японскому командованию ультиматум: если до 16.00 не будет капитуляции, то будет отдан приказ о нашем наступлении. Таким же путём я с автоматчиком направился в расположение к японцам. Японский офицер сопроводил меня на машине, предложил оставить автоматчика и личное оружие и провёл к штабу, где меня встретил начальник штаба японской дивизии. Я передал ему ультиматум. Он выслушал и сказал, что поставит в известность своё командование, а пока предложил подождать у его блиндажа.

Так как до 16.00 оставалось около двух часов, а добираться обратно было ровно столько же, я попросил его предоставить мне машину, но он, извинившись, сказал, что машина занята. За кустами я увидел эту машину и сказал ему об этом. Тогда он приказал

одному из офицеров сопровождать меня. Довезли до передовой, а дальше с белым флагом мы шли опять через долину. Ощущение было не из приятных: пульнут в спину или обойдётся?

Как только я попал в расположение наших войск, стал искать связь со штабом дивизии, но связи ещё не было. Двинулся пешком, но тут меня увидел заместитель комдива полковник П. А. Артюшин и, узнав о моей миссии, дал лошадь. По дороге, увидев, что тянут связь, соединился с комдивом. До 16.00 оставалось минут пять. Когда доскакал до штаба, узнал, что японские парламентёры прибыли для подписания капитуляции, по которой гарнизон острова Шумшу должен был сложить оружие в 11.00 20 августа.

В этот день группа наших офицеров во главе с полковником П. А. Артюшиным выехала в район аэродрома для участия в принятии капитуляции японского гарнизона. Я был в составе этой группы в качестве переводчика. Когда мы подъехали к аэродрому, увидели следующее: на лётном поле в полном боевом снаряжении стояли полки японского гарнизона в числе (как выяснилось позже) 11,7 тыс. чел.

Встретил нас японский генерал-лейтенант, командир дивизии, пригласил в землянку. Несколько минут длилась беседа (как доехали и прочее), затем он попросил разрешения попрощаться с войсками. Вышли из землянки. Он прошёл метров пятьдесят навстречу войскам, подал команду «Смирно!», вынул саблю, протянул её к солнцу, вложил саблю в ножны, отдал какое-то распоряжение офицерам. Затем снова пригласил нас в землянку. На вопрос, зачем нам туда заходить, ответил, что войска будут готовиться к капитуляции. После непродолжительной беседы, в ходе которой мы попытались узнать, получен ли приказ императора, поняли, что его нет, а решение принято командованием гарнизона.

Прошло минут двадцать. Японский начальник гарнизона пригласил нас начать принятие капитуляции. Когда мы вышли из землянки, японские войска стояли в том же порядке, но без оружия, которое было сложено в тылу ротных колонн в таком порядке: ряд винтовок, ряд противогазов, ряд касок и прочее. Полковник Артюшин, уточнив строй частей, отдал команду: «Этот полк — триста метров на юг, этот — на столько-то на восток», рассредоточив войска друг от друга и от оружия. Так была принята капитуляция японского гарнизона на острове Шумшу.

Затем штаб нашей дивизии перебрался на остров Парамушир в базу Касивабара. Теперь моя миссия изменилась.

В связи с капитуляцией японских войск необходимо было оприходовать всё трофейное вооружение, боеприпасы, боевую и транспортную технику, продовольствие, вещевое имущество, горюче-смазочные материалы и прочее. Приёмка производилась через японских военных специалистов, а язык знал только я. Поэтому приходилось работать то с начальником тыла, то в артвооружении, то в особом отделе. Так продолжалось до тех пор, пока начальник политотдела полковник Алентьев не взял в свои руки распределение моего времени. Приблизительно через две недели получили приказ: выйти на сторожевике «Дзержинский» на остров Мацуа, чтобы доставить в Касивабару командира гарнизона японского полковника Уэда.

Вернувшись в Касивабару, я выполнял свою работу, обеспечивая пропаганду среди японских военнопленных, находившихся там до отправки на материк в специальные лагеря.

БН. Авторизованная машинопись, август 1985 г., г. Киев

...Понимаю вашу озабоченность по сбору материала для правдивого показа действий наших войск в период Курильской операции в августе 1945 г. Одобряю, и чем смогу, постараюсь вам помочь. Вся беда в том, что с тех событий прошло более сорока лет, многое забыто, особенно даты, фамилии. Если бы тогда кто-нибудь подсказал вести дневник, сейчас мы бы горя не знали. А так забыты фамилии (и наших, и японцев), точное время событий и другое. Но, может быть, в чём-то я вам и помогу.

Я внимательно читал документальную повесть В. Акшинского «Курильский десант». Много там интересного и правдивого, но есть и неточности, неправдивое описание событий. Действительно, сложилось так, что в 101-й стрелковой дивизии японский язык знал только я, штабного переводчика не оказалось, место было вакантным. Был переводчик у генерала Гнечко, но Василий Андреевич Кот неправильно дал вам его фамилию. Это был не лейтенант Дорохов (хотя такая фамилия была, по-моему, среди комсомольских вожаков дивизии), а лейтенант Володя Давиденко. Он в 1943 г. окончил второй курс Военного института иностранных языков в Москве и в звании младшего лейтенанта приехал к нам в школу переводчиков во Владивосток. Проучился с нами год, и в сентябре 1944 г. меня с ним направили на Камчатку. Я — в 101-ю стрелковую дивизию на должность старшего инструктора политотдела дивизии по работе среди войск и населения противника, а он — на должность переводчика японского языка КОР. К сожалению, после

окончания операции он возвратился на Камчатку, а я остался в Северо-Курильске. Поэтому о его дальнейшей судьбе ничего не знаю.

У В. Акшинского неточно описаны события, связанные с подготовкой капитуляции японских войск. Мне тогда пришлось первый раз с полковником М. А. Алентьевым выехать в тыл (никакой группы офицеров не было, был с нами его ординарец с автоматом), а второй раз по приказу генерала Дьякова мне пришлось ехать одному. Если вас интересует, почему пришлось ездить дважды и как это происходило, я в дальнейшем могу вам описать.

У Акшинского, на мой взгляд, упущен момент приёма капитуляции японских войск на Шумшу (мы тогда называли его «остров Симусю»). Тогда действительно выехала группа офицеров штаба дивизии для приёма капитуляции во главе с полковником Артюшиным. Капитуляция принималась на ложном аэродроме в центре острова Шумшу.

По-моему, представляет интерес и допрос подполковником Григорьевым первой группы (человек шестьдесят) японских военнопленных в районе между Кокутан-Саки и высотой 171,0, прямо в траншее (котловане). Интересен, я думаю, вам будет и материал об изоляции старшего командного состава, в частности полковника Уэда, командующего гарнизоном острова Мацуа, непосредственно подчинявшегося Токио, и другом.

Над подготовленными вами вопросами надо подумать, но скажу сразу, что касается «смертничества» в японский армии, самурайства, то я наяву с этими явлениями не сталкивался. Все другие события, естественно, связаны с нравами и обычаями японцев...

ККОМ ОФ 38059/198. Рукопись, 25 июля 1987 г., г. Киев

Кривошеев Николай Матвеевич, боец 198-го отдельного стрелкового полка

...Родился и жил в Татарской республике, городе Казани. На военную службу был призван из Омской области в 1940 г., на Камчатку, в Усть-Большерецк, в 198-й стрелковый полк. В 1942 г. нашу 1-ю стрелковую роту направили в Елизово и из 101-й стрелковой дивизии сформировали 7-й отдельный стрелковый батальон. В 1943 г. мы находились в селе Коряки, там заготавливали лес для отправки на мыс Лопатку, чтобы строить казармы.

В 1943 г. на пустом, не обжитом месте из пластов возвели стены и покрыли их дёрном, к зиме готовились. Было очень тяже-

ло с топливом. На себе таскали кедрачовый стланик, на нём хлеб пекли и баню топили. Ещё хуже было с водой: слева — Охотское море, справа — Тихий океан, а пресной — всего ручеёк. Как нитка — гляди порвётся, гляди замёрзнет. А какие ветра! Ходить невозможно. В столовую — ползком. Снегом её заносило до труб. Говорят: завтрака не будет, обеда не жди...

А на берегу Охотского моря стояла застава, где поочерёдно несли службу. В 1944 г. приехал к нам генерал Гнечко, вручил боевое знамя. Наш батальон принял комбат Желаннов. Я был станковым пулемётчиком, помощником наводчика. С мыса Лопатка ушли в Курильский десант...

ККОМ ОФ 38059/204. Рукопись, 12 марта 1988 г., г. Новокузнецк

Кузнецов Вениамин Владимирович, боец 198-го отдельного стрелкового полка

...Призывался в 1940 г., 17 августа попал на полуостров Камчатку, на западный берег, в Усть-Большерецкий район, в десятке километров от моря. Попал служить в 198-й стрелковый полк. Он назывался отдельным, но подчинялся КОР. Командовал КОР генерал Гнечко. Видел его три или четыре раза, прилетал на самолёте во время инспекторских проверок. Лично я от него получал благодарности за отличную стрельбу из ручного пулемёта Дегтярёва, автомата, винтовки.

В Курильском десанте принимал участие в составе этого самого 198-го полка, в 3-м батальоне, 8-й стрелковой роте. Командиром роты был старший лейтенант Фёдор Савин, командиром взвода — старший лейтенант Василий Васильевич Горбунов. Рота была численностью в 150 чел.

16 или 17 августа по тревоге весь личный состав полка был поднят, прошла погрузка рыболовными катерами на грузовой пароход. Погрузка шла днём, катерами, в открытом море, пристаней не было. Никакой задачи никто не ставил, куда и зачем плывём — никто не знал. Позднее узнал от гражданского люда, приходившего на берег провожать нас с хорошими напутствиями. А офицеры ничего не говорили. Мы спрашивали, а в ответ: «Потом всё узнаете». Погрузка закончилась, долго стояли на рейде. Пошли ночью. Курилы были недалеко, в ясную погоду их бывало видно...

Один мой друг детства служил на флоте. Позднее я с ним встретился. Экипаж весь шёл вплавь в бушлатах, при полной боевой выкладке. Он утопил автомат, из зубов выпала финка, горели бушлат

и бескозырка. Он выбился из сил, волны выносили его на берег, но так как ножа не было, то никак не мог выбраться на сушу. Кричал: «Ребята, помогите!» И вот один краснофлотец из Ялуторовска — Николай Исаков — поплыл на выручку. Взял две финки и спас его. Вскоре они захватили на берегу небольшое помещение, откуда шло управление огнём японцев. Оба награждены орденом Красной Звезды...

Какое сопротивление оказывали японцы? Они были упорные и злые до предела. Стреляли метко, особенно по тем, у кого заметят звёздочку или пуговку офицера. Нам пришлось звёздочки разворачивать назад, а офицеры обшивали пуговицы чем попало, чтобы было незаметно.

Наш полк высаживался довольно благополучно. Когда узнали, что идут потери, то старший лейтенант, парторг полка, дал команду: сбросить всё лишнее, при себе оставить оружие и патроны. Фамилия его Кот, имени не знаю. После мне стало известно, что ему присвоили звание Героя Советского Союза. Я считаю, что он достоин этой награды. Умная была команда, и не было такой потери в людях...

Приходилось говорить с пленными. Хорошо знают русский язык. Спрашиваю, где учились? Отвечают — в Харбине. Сначала не признавались, говорили «вакранай», то есть «не понимаю». Что интересно, почти у каждого солдата — портрет Сталина. Говорят: «Ваш бог. Хороший. Наш микадо — плохой». Я спрашиваю: «Носите нашего Сталина, наверное, ваши командиры вас ругают?» — «Командиры не знают, мы прячем».

Смертники приковывались, как собаки, на цепи. Ходит не больше чем на 10–15 м, бежать ему нельзя. Попадали частью по лишению свободы, бывало, что бедные родители продавали своих детей. Были две русские девушки проданы родителями, они нам говорили, потому, что были очень бедны. Они были танкистами.

Как наше подразделение высаживалось, далеко ли был берег? Был туман, ничего не видно, не далеко и не близко, потому что на столько смогли подойти суда, чтобы не сесть на мель. Нам показали, в какую сторону, а близко было или далеко, не могу сказать. Огонь был с обеих сторон такой, что всё кругом дрожало. В небе — самолёты, наши или японские, непонятно. Море горит огнём, потому что баржи были заправлены нефтью, они были разбиты.

Всё моё отделение получило благодарности от командующего корпусом и лично товарища Сталина, я и по сей день их храню, медали «За отвагу» и «За победу над Японией».

КОКМ ОФ 38059/208. Рукопись, 4 января 1988 г., Тюменская область

...Когда я прибыл в 198-й полк, была построена одна столовая, одна казарма и штаб из привезённых старых зданий, строились дома начсостава. Больше ничего не было. И вот сами, своими силами, строили себе казарму, конюшню, баню. Все вместе вместо зарядки ходили по тундре в лес за стройматериалом. Зима была на носу, торопились, изо всех сил торопились, чтобы скорее попасть в тепло...

Если мне не изменяет память, то высадка была 18 августа утром. Во сколько часов, не знаю, потому что редко у кого были часы. У нас, к примеру, только у ротного были, больше ни у кого не было. Высаживался со своим батальоном, 8-й ротой, 3-м отделением 3-го взвода, командир взвода старший лейтенант Василий Васильевич Горбунов, после он был командиром роты...

На каком корабле мы шли? Мне кажется, что он был небольшой, потому что наш полк и артдивизион, который был рядом, никак не могли поместиться, при том две роты конной артиллерии. Я думаю, что было не одно судно. Наш батальон грузился днём, во второй половине 16 августа, и погрузка ещё шла ночью. Времени прошло много, можно забыть.

Высаживался я на берег или нет? Если бы я не был на берегу, то не водил бы пленных на уничтожение ихних снарядов, 200–250 чел., со своим отделением под командой одного полковника, фамилии его не знаю. Он был инженерной службы, не нашей части, из дивизии.

Видел ли горевшие баржи? Зарево было видно, но стоял сильный туман, поэтому, что горело, понять было трудно. Мой товарищ и друг детства Степан Георгиевич Заборский, он служил на флоте, рассказал, как он тонул, его спас товарищ — Николай Исаков и другие товарищи. Так вот, он мне показывал обгоревшее обмундирование: тельняшку, бушлат. У бескозырки даже обгорели ленты, то же было и у других товарищей, с которыми я встречался. Если не было огня, то от чего могло загореться то, что было на нём?

Наш батальон высаживался в другом месте острова Симусю. Подошли рыболовецкие катера с кунгасом и сампаном на буксире. В эту плавединицу вмещалось до одной роты. С нами в то время выгружалась конная батарея, остальных батальонов полка я не видел, видимо, такая была поставлена задача.

Когда мы выгрузились, заняли оборону. Через некоторое время поступил приказ: в северной части острова не сдаётся один артиллерийский полк, нас бросили на это направление. Шли через аэродром, находившийся наверху. Восемь километров поднимались в гору,

было очень тяжело. Когда поднялись, дали отдохнуть, но ни завтрака, ни обеда не было. Потом опять подняли, километров десять шли на сближение с полком.

Дали команду занять оборону, окопаться. Кроме нашего батальона, я остальную часть полка не видел, какая у него была задача — не знаю. Утром объявили, что японский полк капитулировал. Потом сняли нас с места занятой обороны и спустили вниз, в порт, поместились в отведённых казармах. Позже водили пленных на заготовку дров: они драли сухой кедрач. И все прочие работы делали японцы под нашим наблюдением...

Были ли русские женщины-танкисты? Мой друг С. Г. Заборский и другие рассказывали, как было дело. Одна из двух вылезла в люк с белым флагом, а под ним держала пистолет. Когда к ней подошли матросы, одна из них в упор расстреляла моряков. Потом, когда её взяли матросы, за погибших товарищей, её привязали за ноги к этим же машинам и разорвали одну. Может, этого и нельзя было делать, но за смерть товарищей они отомстили. Куда делась вторая, не знаю... Я лично этих девушек не видел, врать не хочу и сообщаю со слов товарища... Жаль, что товарищ мой погиб в 1962 г. На работе его зарезало поездом...

Насчёт русской смертницы, которая была прикована к пулемёту, я не один слышал, но, как, и где, и кто она, не скажу...

ККОМ ОФ 38059/206. Рукопись, 11 марта 1988 г., Тюменская область

Лаврухин Иван Филиппович, капитан, старший уполномоченный отдела контрразведки «Смерш», начальник оперативного отдела десантной бригады

Наступила весна 1945 г. В тот год во Владивостоке она была дождливой. 10 мая 1945 г. поздно вечером меня вызвал к себе в кабинет начальник политуправления Тихоокеанского флота генерал-майор береговой службы Муравьёв. Поинтересовался моими делами, а затем спросил: «Как вы смотрите, если вас направим в США для выполнения особого задания?» Я в шутку сказал генералу, что не знаю английского языка. «Так вы же изучаете его больше года?» Теперь я всерьёз сказал, что этих знаний недостаточно. Однако генерал настоял на своём предложении, и я дал согласие. В завершение нашей беседы генерал пожелал счастливого плавания.

Утром получил направление на должность начальника распределительно-строевой части 5-го дивизиона десантных судов. Отпра-

вился в распоряжение командира капитана 3-го ранга Алексея Михайловича Верещагина. Штаб Верещагина располагался в одной из казарм флотского экипажа, в ротной канцелярии. Здесь было очень тесно и неуютно. Когда я вошёл, вокруг единственного стола на скамейках сидели офицеры о и чём-то спорили. С моим появлением спор прекратился. Я представился Алексею Михайловичу по званию и должности.

Когда наша беседа подошла к концу, комдив, обращаясь ко всем офицерам, сказал: «Пока что есть только одно название нашего дивизиона. Есть личный состав, но нет кораблей. Мы должны получить их у союзников».

Через несколько дней мы начали грузиться на торговое судно «Генерал Панфилов». Погрузка шла быстро, все работы закончились в один день, к вечеру пароход вышел в море.

Начальник штаба дивизиона капитан-лейтенант Борис Васильевич Казенный, не теряя времени, приступил к организации боевой подготовки. Расписание предусматривало всё, что можно сделать для обучения личного состава в условиях похода на торговом судне.

Миновали Японское и Охотское моря, вошли в Первый Курильский пролив. Никто из нас не предполагал, что через несколько месяцев здесь придётся драться с ещё одним хищником империализма — японскими самураями...

Мы входили в первую американскую военно-морскую базу Датч-Харбор. Ещё далеко на подходе нас встретил американский катер. «Генерал Панфилов» застопорил ход и подошёл к борту. Два американских офицера по штормтрапу поднялись на пароход. Катер отшвартовался и пошёл впереди. Американцы зашли в кают-компанию и начали проверять консульские списки. Затем был накрыт стол. После обеда американцы поставили условие, что в Датч-Харборе мы простоим одну ночь, сход на берег запрещён.

Вот и Датч-Харбор. Началась швартовка. Подводные течения разворачивали наше судно то вправо, то влево. Когда же встали к причалу, увидели объявление на английском и русском языках: «Берегись крыс!» На швартовые концы повесили «крысятники». На пирсе появились американские матросы. Между нами и американцами начались приветствия, обмен сувенирами. Интерес был взаимный. В то время боевое содружество чувствовалось с обеих сторон. Долгая совместная борьба против фашистской Германии не могла не сказаться на взаимном уважении.

Вечером «Генерал Панфилов» заправился пресной водой, утром пошёл дальше — в бухту Колд-Бей. Здесь мы должны были

разгрузиться, затем получить корабли для 5-го дивизиона и приступить к обучению своего личного состава. Вскоре прибыли на место. «Генерал Панфилов» отдал якорь на внешнем рейде, на корабль прибыли советские и американские офицеры. Начались поздравления с благополучным прибытием. Наши офицеры интересовались, что нового происходит на родине, спрашивали о своих семьях. Затем начался концерт художественной самодеятельности, подготовленный моряками в пути следования.

Вначале выступил хор. Его сменили сольные номера. Прозвучали несколько русских фронтовых песен. Особенно хорошо их исполняли наши девушки с «Генерала Панфилова». Концерт окончился лихими матросскими плясками, в том числе исполнением известного всему миру танца «Яблочко». Много было дружеских выкриков на английском и русском языках: «О кей!», «Хорошо!», «Молодцы»...

Поздно вечером личный состав дивизиона разместился в отведённых для него домиках летнего типа, построенных из сборных деревянных панелей. Это был большой городок. Выглядел он неплохо. Домики отапливались керосином, подававшимся по трубам к оборудованным колонкам. В домиках стояли железные печи с бочками, куда заливался керосин, а затем посредством кранов он подавался в топки печей.

Хотя мы находились на Алеутских островах в июле, тепла не чувствовалось, часто приходилось надевать меховые тужурки, а в ночное время отапливать жилые помещения.

На следующий день офицеров дивизиона пригласили в штаб контр-адмирала Попова, командира 5-го отряда кораблей, осуществлявшего закупку в США различных судов по ленд-лизу. Попов рассказал офицерам о цели их прихода и поставил задачи, которые должны быть решены за время нахождения в США.

Теперь мы ждали суда для своего дивизиона. Через неделю они прибыли в количестве 16 штук. Это были небольшие плоскодонные корабли по 500 т водоизмещением, предназначенные для высадки на берег только людей. Их вооружение состояло из автоматов «Эрликон», противолодочное отсутствовало. Во время высадки десанта американцами в Нормандии (Франция) эти суда были сильно потрёпаны. Их подлатали и передали нам.

Знакомство с американским командованием дивизиона десантных судов началось с банкета, устроенного комдивом мистером Данном. Прошёл банкет хорошо, весело. Ответный дал и наш комдив капитан 3-го ранга А. М. Верещагин.

Началась боевая подготовка. Принцип обучения матросов и офицеров был простой. В бараке летнего типа демонстрировались технические фильмы, смотри и запоминай. Эта «теоретическая» подготовка длилась двадцать дней, а затем начались совместные плавания американских и русских моряков. Мы уходили в море, они нам показывали приёмы управления кораблями, практическую работу машин. Мистер Данн всё время находился на мостике флагмана вместе с нашим комдивом, старался быть весёлым и много шутил.

И вот наступил день нашего отхода на родину. Командир отряда контр-адмирал Попов пожелал счастливого плавания, и наш дивизион отправился в путь. В американских водах теперь уже наши корабли сопровождали их канонерки. Но когда мы вошли в «ничьи» воды, американцы подняли на своих судах флаги, попрощались и ушли в неизвестном направлении. Как сейчас помню, в этот день стояла тихая погода, был полный штиль. Но это плохой предвестник. Из моря улетали птицы, что предвещало шторм. И он не заставил себя ждать. Началась качка. Затрещали корабли, создавалось впечатление, что они вот-вот развалятся. И так — пятеро суток. Суда бросало во все стороны, волны перекатывались через палубу. Строй кораблей в кильватере нарушался.

Я был на флагмане. Глянешь на корабли, идущие за ним, — они словно спичечные коробки, которые стихия бросала как только могла. Впечатление не из приятных. На шестые сутки шторм прекратился, началась «мёртвая» зыбь. Это — отвратительная тягучка! То корабль поднимет на гребень волны, то опустит в морскую яму. Есть не хотелось, тошнота расстраивала организм...

Через несколько суток на горизонте показался Петропавловск-Камчатский. Мы подходили к своим берегам. Они скалистые, голые, но это — наши родные берега, мы были им рады. В Петропавловск прибыли 7 августа 1945 г. Вошли в бухту, пришвартовались к пирсу. Вечером наш дивизион посетил командир ПВМБ капитан 1-го ранга Д. Г. Пономарёв. В беседе с офицерами он рассказал, что японские самолёты в море расстреляли наши пограничные катера, погибло много моряков. (Были убиты и утонули 11 чел. Это случилось 6 августа. Как выяснилось, нападение совершили не японские, а американские самолёты. — *Ред.*) «По-видимому, скоро начнутся военные действия с Японией. Надо быть готовыми», — сказал Пономарёв.

9 августа 1945 г. советское правительство официально объявило состояние войны с Японией. Мы стали готовиться к боевым

действиям. Десантная операция на Курильские острова по распоряжению военного совета 2-го ДВФ начала готовиться 15 августа 1945 г. и осуществлялась под руководством командира КОР генерал-майора А. Р. Гнечко. Руководство высадкой десанта было возложено на Д. Г. Пономарёва, командование десантом — на командира 101-й стрелковой дивизии генерал-майора П. И. Дьякова. В директиве военного совета фронта указывалось: «Ближайшая задача десантной операции — овладеть островами Симусю, Парамушир, Онекотан. Готовность войск к посадке и материальных средств к погрузке на суда — 18.00 15 августа 1945 г.»...

Перед командиром 5-го дивизиона десантных судов поставлена задача: обеспечить высадку десантных войск (только людей) на остров Симусю — передового ударного отряда в составе батальона морской пехоты, роты пограничников 60-го морского пограничного отряда, роты автоматчиков, взвода разведки, взвода химической защиты и сапёрной роты. Затем продолжать высадку личного состава главных сил десанта — 138-го и 373-го стрелковых полков, 1, 2 и 3-го дивизионов 279-го артиллерийского полка, дивизиона 428-го гаубичного артполка, 169-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона, роты противотанковых ружей, роты морской пехоты и других частей...

Следует отметить, что силы противника, его укрепления на острове нами разведаны не были. Также не было известно, имеет ли противник минные поля у побережья острова, куда нам предстояло подойти на кораблях с десантом...

На митингах, состоявшихся в частях и подразделениях КОР, на кораблях ПВМБ, солдаты, матросы и офицеры поклялись с честью выполнить свой долг перед родиной, освободить Курильские острова от японских захватчиков. Я хорошо помню тот небывалый подъём, который царил среди наших войск. Вспоминается, как мы с заместителем командира дивизиона по политической части Бабичем стояли на мостике десантного судна № 672 — флагмана — и пели песню «На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят...» Как будто собирались не в бой, а на большие торжества.

Во время посадки на корабли десанта ко мне подошёл солдат Бабаян и возбуждённо заявил: «Много раз я просил своего командира послать меня на Западный фронт, но он отказывал. Говорил, что придёт и наше время выполнить свой долг. Я очень рад, что такое время пришло. Поверьте мне, товарищ капитан, что я не пожалею ни сил, ни крови, чтобы отплатить японским самураям за все их грязные дела, которые они творили на Советском Дальнем Востоке»...

17 августа 1945 г. в 16.00 закончилась посадка на суда личного состава, погрузка боевой техники, боеприпасов, лошадей, и корабли вышли из Петропавловской бухты, взяли курс на Курильские острова.

Переход был очень сложный: 54 корабля различных классов и скоростей при потушенных кильватерных огнях провести в ночное время к месту назначения было не так-то легко. Командиры боевых кораблей, капитаны торговых судов должны были владеть большим искусством, чтобы поддерживать кильватерный строй и не допустить столкновений.

Выход кораблей из Петропавловска был дружный, при хорошей солнечной погоде. Тихий океан нас встретил спокойным. Солнце уходило за горизонт. Громадная армада кораблей растянулась на десятки километров. Были приняты меры охранения от возможного нападения подводных лодок противника.

Наступили сумерки. Надвигался туман. Тихий океан хотя и называется тихим, но капризы его могут проявиться мгновенно. Обстановка всё больше усложнялась. Поступил приказ с головного корабля, где находился штаб генерала А. Р. Гнечко, — прекратить радиообмен и связь световым семафором между кораблями, выключить все огни, в том числе кильватерные. Оставить включёнными только радиоприёмники. Нужно было обеспечить скрытность продвижения к берегам противника.

Навалился плотный туман, видимость стала нулевая. Опасность столкновения кораблей всё больше возрастала. Они шли «на ощупь», так как большинство не имело радарных установок, да и других, более надёжных, навигационных приборов. Но, несмотря на сложную обстановку, командиры и капитаны судов успешно провели корабли в Первый Курильский пролив, не допустив аварий. При входе в пролив мы уже слышали артиллерийский обстрел острова Симусю нашими орудиями с мыса Лопатка.

В 04.00 часа 18 августа все корабли благополучно прибыли в Первый Курильский пролив. Торговые суда с войсками и боевой техникой остановились на удалении от позиции, а десантные суда вышли на исходные рубежи и ждали приказа о начале высадки. На море стояла тишина, остров Симусю молчал. Туман всё ещё не рассеялся и хорошо прикрывал корабли.

Командование дивизиона — капитан 3-го ранга А. М. Верещагин, заместитель комдива по политической части капитан-лейтенант К. Ф. Бабич, дивизионный врач старший лейтенант Шульман, главный штурман старший лейтенант Архангельский и я находились

на командирском мостике. Начальник штаба дивизиона капитан-лейтенант Б. В. Казенный на флагмане не был, так как он возглавлял отряд из шести десантных судов второго эшелона. Под командованием А. М. Верещагина находились десять судов первого эшелона.

Мы ждали приказа о начале высадки десанта. Шёл тихий разговор. Но тишина продлилась недолго. Комдив сообщил, что из штаба генерала Гнечко поступил приказ начать высадку. На десантных судах завыли сирены, забили колокола громкого боя: «Боевая тревога!» В эту минуту у всех пронеслась мысль: «В бой!» Наши корабли развернулись фронтом и двинулись к берегу острова Симусю. Как только суда стали у берега, заговорили пушки. Десантники сбег*а*ли на берег, занятый противником.

Нашим кораблям в первую очередь предстояло высадить первый ударный отряд, состоявший из моряков, пограничников и других подразделений. Этот отряд должен был первым ступить на берег противника, овладеть плацдармом и дать возможность высадить основные силы десанта.

Завязался бой. Японцы открыли ураганный огонь с высот 165,0 и 171,0, мысов Кокутан-Саки, Котомари-Саки и танкера «Мариуполь». Мы оказались в кинжальном огне. Все 98 орудий врага сосредоточили огонь по кораблям и высаживающемуся десанту. От разрывов снарядов у побережья острова кипела вода.

Первый отряд десанта нам удалось высадить быстро. Однако ДС-554 (командир лейтенант Гурьев), ДС-671 (командир старший лейтенант Ибрагимов) и ДС-943 (командир старший лейтенант Вострецов) были противником разбиты, лежали у берега, горели. Командиры этих кораблей и другие офицеры погибли. Погибло и много матросов. ДС-525 также было разбито, его командир старший лейтенант Котляр тяжело ранен. Десантные суда № 521, 524, 526, 527, 666 получили пробоины, а некоторых из них увели с поля боя на буксире.

ДС-672 — флагман, где находился комдив, — первый десант высадило удачно, быстро отошло от берега и направилось за очередной группой десантников к торговым судам. На этот раз наш флагман взял штаб артиллерийского полка и снова направился к берегу. Было восемь часов утра. Туман рассеялся, ярко светило солнце и хорошо просматривались подходы к берегу острова.

Сторожевой корабль «Киров» почти у самого побережья острова обстреливал огневые точки противника. Японцы вели по нему шквальный артиллерийский огонь, намереваясь потопить его и укрыв-

шееся за ним ДС-672 с десантом. Мы оказались в артиллерийской вилке. С минуты на минуту ждали накрытия снарядами врага. Тогда Верещагин отдал командиру корабля Царьградскому приказ следовать к месту высадки десанта. Мы стали у берега и начали высаживать людей. Однако штабная «интеллигенция» оказалась трудным народом. Японцы вели огонь по кораблю прямой наводкой. Когда десантники выскакивали на трапы корабля и видели перед собой убитых и раненых, то возвращались на корабль, как ошпаренные.

К. Ф. Бабич и я бросились на трапы первыми, чтобы увлечь за собой десантников на берег. Под обстрелом ДС простояло около часа. В боевую рубку угодил снаряд, командира дивизиона А. М. Верещагина тяжело ранило в ногу, командира корабля Царьградского — в обе ноги, рулевому оторвало руку. Вышло из строя рулевое управление. Потом последовали ещё прямые попадания, корабль загорелся. Наше положение осложнилось.

Но, несмотря на это, людей высадили и на запасном управлении отошли от берега. Вдогонку ещё один снаряд угодил в машинное отделение. Корабль горел и начал наполняться водой. На борту было много раненых, их предстояло немедленно эвакуировать на госпитальное судно. Следует подчеркнуть, что с этой задачей великолепно справился дивизионный врач Шульман.

Итог нашего второго подхода к берегу с десантом на флагмане оказался тяжёлым. В строю остались всего лишь семь человек команды из тридцати пяти. Корабль был полностью выведен из строя, и его пришлось покинуть. Всего же 5-й дивизион десантных судов в начале операции потерял пять кораблей и пять получили различные пробоины. Но война есть война, и нужно было воевать, несмотря на потерю кораблей и личного состава, продолжать высадку на остров.

В памяти сохранились героические подвиги офицеров и матросов дивизиона. После того как выбыл из строя комдив Верещагин, замечательный, душевный человек с громадным самообладанием, большой выдержкой и высоким мужеством, его заменил начальник штаба дивизиона капитан-лейтенант Б. В. Казенный. Замена была достойная. Казенный после окончания военно-морского училища на Тихом океане командовал кораблями различных классов и назначений, не по возрасту был зрелым морским офицером, с хорошей подготовкой, любящим море.

Встретил я Казенного на второй день операции за боевой работой. Он стоял на мостике одного из уцелевших кораблей у берега

острова и руководил высадкой. Борис Васильевич встретил меня и замполита К. Ф. Бабича с большой радостью. Здесь он нам заявил, что до него дошёл слух, что мы погибли.

Высадка десанта продолжилась. Сохранились в памяти боевые дела командира ДС-521 лейтенанта Яструба, его офицеров — помощника командира лейтенанта Орлова, механика младшего лейтенанта технической службы Константинова и матросов. Судно в полном смысле слова было изрешечено снарядами врага. Трудно было подсчитать, сколько оно имело пробоин! Трапы для схода десанта на берег задрало кверху, корабль обгорел, потерял не менее половины личного состава. Как он только держался на плаву, да ещё выполнял боевое задание?! Экипаж этого корабля являлся примером для всего дивизиона.

Командир корабля Яструб, раненный в плечо, не покинул поле боя. Когда Казенный запрашивал по радио Яструба о самочувствии, тот отвечал: «Держимся, товарищ комдив!» Экипаж Яструба высадил на берег больше всех войск.

Командир ДС-523 лейтенант Черняков, помощник командира лейтенант Боровиков, механик младший лейтенант технической службы Андреев и матросы без устали работали над выполнением боевой задачи и справились с ней успешно. Черняков не только хорошо знал своё дело, но обладал большой хитростью. Оценив обстановку на поле боя, он, подходя к берегу с десантом, ставил свой корабль между нашими горящими кораблями, разбитыми противником, тем самым маскировал в дыму судно от прямых попаданий снарядов японцев. В результате правильно принятого командиром решения десант высаживался успешно, почти без потерь. Черняков сумел сохранить корабль от повреждений и уберечь личный состав.

«Труженики!» — так мы любовно называли командира ДС-646 старшего лейтенанта Сухурова, его помощника лейтенанта Михалдыку, механика младшего лейтенанта технической службы Шабаева и матросов. Примером экипажу служил командир. Сухуров, пожалуй, обладал всеми положительными качествами и только двумя недостатками — чрезмерной застенчивостью и молчаливостью. Он мало говорил, но много делал. На протяжении всей операции его корабль высадил столько войск, сколько было нужно. В 1946 г. мне удалось ещё раз встретиться с Сухуровым в Корее, где уже в мирное время он выполнял задание командования. И как мы были рады этой встрече!

Командир ДС-945 лейтенант Грицака, его помощник лейтенант Гусев, механик корабля младший лейтенант технической службы

Нестеренко. На этом корабле мне удалось пройти от острова Симусю до острова Уруп. Экипаж трудился на славу. В каких только переплётах он не побывал! Грицака проявил себя смелым и решительным офицером. Решения принимал правильно. Десант он высаживал успешно, сохранив корабль и свой личный состав.

Хотелось бы подчеркнуть, что на войне всё воспринимается и познаётся во много раз быстрее, чем в мирное время. А воспринять хорошее было от кого. Вступивший в должность комдива Б. А. Казенный являлся тем боевым офицером, с которого можно было брать пример. Лучше Казенного никто не имел лоцманских навыков, мужества и самообладания, умения быстро и красиво осуществлять швартовку. Казенный был строг, но и человечен. Офицеры уважали его и, я бы сказал, любили. Они тянулись к нему за знаниями, умением руководить людьми. Приказы Казенного выполнялись беспрекословно. Судам дивизиона приходилось высаживать на остров Симусю не только войска, боеприпасы, но и лошадей.

На второй день боевых действий за освобождение острова Симусю, около 23.00 комдива Казенного и заместителя командира дивизиона по политической части Бабича вызвал к себе генерал Гнечко. Его штаб располагался на тральщике. Я тоже был участником этого визита к генералу. Гнечко усадил нас за длинный стол в кают-компании и повёл разговор о том, как организовать высадку на остров лошадей, как основной тяги сухопутной артиллерии. Задача не из простых. Генерал пояснил, что за недостаточностью плавсредств для высадки артиллерии и лошадей она решается неудовлетворительно.

Японцы, по-видимому, поняли, что у нас здесь промашка, и теперь теснили наши войска к берегу, пытаясь сбросить их в море. «У нас на берегу, — продолжал генерал, — крайне мало артиллерии и конной тяги. Я прошу вас, товарищи моряки, принять мой разговор как большую необходимость и сделать всё, чтобы высадить лошадей на берег». — «Это трудная задача, товарищ генерал, — ответил Казенный, — но мы сделаем всё от нас зависящее». На этом разговор закончился, мы втроём вышли на палубу тральщика. Кругом стояла непроглядная темень, как говорят, ни зги не видать. Сели на торпедный катер, обошли свои корабли.

Комдив поставил перед их командирами задачу: обеспечить высадку лошадей, кратко поясняя поставленную генералом задачу. ДС начали подходить к торговым судам, где находились лошади. Суда располагали лебёдками. Лошадей стропили прочными ремнями под брюхо. Животные брыкались, извивались в воздухе,

ржали. Это была неприглядная картина. Вначале ДС брали на борт по десятку лошадей, а затем довели их число до шестидесяти.

Заводили животных в корабельную матросскую столовую, как могли, успокаивали и двигались к берегу. Следует отметить, что лошадей оказалось высаживать на берег легче, чем отдельные группы десантников. Когда мы подходили к острову, опустив трапы, животные сходили по ним свободно.

К исходу 20 августа задача по высадке лошадей на берег была решена. Одновременно высаживалась артиллерия. Теперь все средства ведения войны находились на берегу. На острове в полный голос заговорила наша артиллерия, опасность, нависшая над десантными войсками, была снята. На Симусю шли ожесточённые и непрерывные бои. Наши войска отвоёвывали у врага каждый метр земли. Предпринятые японцами меры — не допустить овладения десантом острова — успеха не имели. Последняя надежда у врага оставалась на танки (их у него было штук шестьдесят), но также не оправдалась. Танки были выведены из строя.

К сожалению, не могу описать всех подвигов десантников непосредственно на Симусю, так как мне на берегу острова приходилось бывать редко, да и недолго, во время случайного схода с кораблей.

21 августа наши войска овладели островом Симусю, здесь бои закончились. Теперь предстояло высадить десант на Парамушир. Поступил приказ генерала Гнечко: следовать во Второй Курильский пролив. Накануне японское командование заявило, что его войска капитулируют, никакого сопротивления при заходе наших кораблей в пролив оказывать не будут. Вечерело. Солнце уходило за горизонт. На море стояла тишина. Только высокие скалистые берега островов Симусю и Парамушир смотрели на наши корабли враждебно. Там были ещё японцы, пока они оружие не сложили.

Наши корабли шли кильватерной колонной. Впереди — большой морской охотник под командованием командира старшего лейтенанта Гусева, за ним — минный заградитель «Охотск», затем два сторожевика «Киров» и «Дзержинский». Последними двигались ДС с войсками.

Как будто ничего плохого не предвиделось. Однако японское командование оказалось коварным и своему слову изменило. Как только наши корабли вошли в узкий пролив, зажатый двумя островами, японцы открыли ураганный огонь. Мы поняли, что попали в ловушку. Командир морского охотника Гусев не растерялся, повернув свой корабль, выпустил дымовую завесу, чем прикрыл оказавшиеся в беде корабли. Это затруднило противнику ведение

прицельного огня. Однако «Охотску» снесло снарядами надстройки, на нём были убиты 12 моряков. Пострадал сторожевик «Киров». Десантные суда не успели войти в пролив и оказались в лучшем положении. Пришлось отступить, всем кораблям вернуться в Первый Курильский пролив.

Учитывая, что японское командование проявило коварство, генерал Гнечко вызвал к себе японского генерала на борт и предупредил его, что он следует во Второй Курильский пролив вместе с нами. Если же снова случится провокация со стороны японских войск, ему [генералу] не миновать похлебать солёной воды за бортом.

Второй наш заход был благополучным. Корабли вошли в бухту Катаока, а затем овладели вторым островом — Парамуширом. И снова приказ: освободить от японских захватчиков острова Онекотан, Сясикотан, Мацува, Симусир и Уруп. Она также была решена.

3 сентября 1945 г. по радио выступил И. В. Сталин. Он поздравил советский народ с победой над Японией и заявил, что Курильские острова отныне будут служить внешним поясом обороны нашей родины на Дальнем Востоке.

28 сентября 1945 г. я с группой офицеров 5-го гвардейского Курильского дивизиона десантных судов возвратился во Владивосток. Здесь был мой дом, здесь жила моя семья...

Хотелось бы вкратце сказать о недостатках десантной операции. Перед её началом, и особенно на острове Симусю, генерал А. Р. Гнечко не был достаточно обеспечен разведывательными данными о состоянии противника, его укреплениях, вооружении и количественном составе войск, а также о наличии минных полей у побережья острова. Крайне недостаточно было плавсредств, могущих обеспечить своевременную высадку артиллерии и лошадей. Имелось всего две самоходных баржи, одну из них противник потопил в начале операции. Оставшаяся не смогла высадить нужное количество пушек и лошадей, что создало угрозу нашему передовому десанту быть сброшенным в море. Слабо было поставлено оповещение командиров частей и кораблей об обстановке на боевых позициях, о движении нашей авиации, что приводило к недоразумениям. В результате наши корабли открывали огонь по своим самолётам, шедшим на выполнение боевого задания.

Огневое прикрытие десантных кораблей и высаживающегося десанта было слабое. Самолёты 128-й авиадивизии и морского полка не смогли нанести ощутимых ударов по вражеским укреплениям, так как они у японцев на острове были долговременными и глубоко замурованы под землю. Совершенно неэффективным оказалось

огневое прикрытие сторожевыми кораблями с моря. Из-за отсутствия в начале операции связи между десантом на берегу и командованием штаба генерала Гнечко огонь кораблей не корректировался. Это приводило к поражению своих войск, находящихся на острове. Была допущена излишняя доверчивость к японскому командованию при заходе наших кораблей во Второй Курильский пролив, что могло привести к трагическим последствиям. Из сообщений Совинформбюро нам было известно, что японцы на всех фронтах капитулируют «на тормозах», однако из этого надлежащих выводов сделано не было.

Все эти недостатки, допущенные при выполнении боевого задания на Курильских островах, безусловно, известны. Но я руководствуюсь одним желанием, чтобы нынешнее поколение советских моряков сделало из этого правильные выводы. «Тому, кто хотел бы на войне предвидеть всё, можно посоветовать — никогда не воевать», — сказал Наполеон. Конечно, на войне ошибки допустимы и всего не предвидишь, но желательно, чтобы их было меньше...

Приношу извинения, если не всё гладко выглядит в моих кратких воспоминаниях. В связи с отсутствием достаточных данных я не смог назвать имена многих офицеров. Большой пробел в моих воспоминаниях о матросах, опять по тем же причинам. Мною использованы личные записи, которые я вёл в ходе Курильской операции, память. Прилагаю список десантных судов с указанием фамилий командиров, их помощников и механиков.

ККОМ ОФ 38059/225. Авторизованная машинопись, 1977 г.

Из наградного листа *Ивана Филипповича Лаврухина*, капитана, старшего уполномоченного отдела контрразведки «Смерш» ТОФ, 1913 г. р., русского, члена ВКП(б), в Красной Армии с 1935 г. Ранений и контузий не имеет, ранее не награждался. Представляется к награждению орденом Красного Знамени.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

В период высадки десанта на остров Сюмусю и последующих действиях на Курильских островах показал себя мужественным и храбрым офицером. На всём протяжении оказывал активную помощь командованию дивизиона в выполнении боевых задач, своим личным примером воодушевлял бойцов, офицеров. Во время выполнения боевых задач находился на самых ответственных участках, оказывал большую помощь в деле организации высадки десан-

та. В период, когда корабль находился в исключительно тяжёлом положении в результате полученных пробоин и пожара, сам лично принимал участие в спасении корабля. Систематически предупреждал нездоровые настроения при выполнении боевых задач. За мужество и храбрость, проявленные во время боя, достоин правительственной награды — ордена Красного Знамени.

Командир дивизиона десантных судов
капитан-лейтенант *Казенный.*

Резолюция: «Достоин награждения орденом “Красное Знамя”. Командир ПВМБ капитан 1-го ранга *Пономарёв*»

НВФ 4343/142. Ксерокопия

Сведения по десантным судам, участвовавшим в Курильской десантной операции (комментарии Н. Н. Питомца)

В состав отряда транспортных и высадочных средств десанта входил 5-й отдельный дивизион десантных судов (ОДДС). Командир дивизиона капитан 3-го ранга А. М. Верещагин (см. с. 42, 51 книги В. С. Акшинского «Курильский десант», далее — книга). Начальник штаба 5-го ОДДС капитан-лейтенант Б. В. Казенный (с. 51—52 книги). Помощник командования дивизиона — начальник распределительно-строевой части капитан И. Ф. Лаврухин. Замполит 5-го ОДДС капитан-лейтенант К. Ф. Бабич (с. 51—52 книги).

В боевом составе дивизиона находились 16 плавединиц — десантных судов (ДС), переданных по ленд-лизу (Landing Craft Infantry Large) от США. В соответствии с организационным приказом № 001 штаба ПВМБ ТОФ от 15 августа 1945 г., в отряд транспортных и высадочных средств входило 15 ДС (1, 3—10, 43, 4—50), но в реальности их было 16 (добавлен ДС-2). При этом в своём составе дивизион изначально имел 15 плавединиц, но в августе 1945 г. ему был придан ДС-43 (943), входивший в состав 4-го ОДДС и находившийся тогда в Петропавловске-Камчатском на ремонте.

По сведениям из различных источников складывается приведённый ниже список десантных судов дивизиона с именами их командиров и помощников. Этот список может отличаться от уже существующих, так как в различных документах и схемах имеются ошибки, в частности в нумерации ДС (кстати, об этом косвенно упоминает в книге В. С. Акшинский, см. с. 30, сноска внизу). Кроме того, все ДС имели два номера: свой порядковый (оперативный)

и бортовой (американский), например ДС-1 (672), что также добавляло путаницы.

Таким образом, список ДС следующий:

— ДС-1 (672), флагман дивизиона, командир старший лейтенант Б. К. Царьградский (с. 51—52 книги), помощник командира лейтенант И. И. Пермяков (с. 51—52 книги);

— ДС-2 (522), командир лейтенант Леонид Сафронов, помощник лейтенант Е. М. Кашинцев;

— ДС-3 (523), командир лейтенант А. Г. Черноков (бывший начальник распределительно-строевой части капитан И. Ф. Лаврухин несколько раз ошибочно называет фамилию командира этого ДС — лейтенант Черняков. На с. 55 книги фамилия записана верно — Черноков), помощник лейтенант Д. А. Боровиков;

— ДС-4 (524), командир лейтенант Титов;

— ДС-5 (525), командир лейтенант А. Н. Котляр (на с. 55 книги звание офицера указано «старший лейтенант»), помощник лейтенант Ю. Г. Степанов;

— ДС-6 (945), командир лейтенант А. М. Грицак (неверно указана фамилия: правильно Грицака (с. 55 книги), награждён орденом Ленина, помощник лейтенант Гусев;

— ДС-7 (527), командир старший лейтенант Б. Ф. Золотоног;

— ДС-8 (521), командир лейтенант И. Д. Яструб (с. 52 книги), помощник лейтенант Б. И. Орлов (с. 52 книги);

— ДС-9 (554), командир лейтенант В. П. Гурьев;

— ДС-10 (557), командир лейтенант Кузнецов;

— ДС-43 (943), командир старший лейтенант Г. С. Бакин (с. 37 книги; И. Ф. Лаврухин, возможно, ошибочно указывает командиром этого ДС старшего лейтенанта Вострецова. Г. С. Бакин погиб, посмертно награждён орденом Отечественной войны 1-й степени; помощник лейтенант Г. В. Шилифост (с. 37 книги);

— ДС-46 (526), командир старший лейтенант В. А. Ширяев (с. 52—53 книги), помощник лейтенант Сергей Баглаев;

— ДС-47 (671), командир старший лейтенант Ю. И. Ибрагимов (с. 56 книги);

— ДС-48 (551), командир лейтенант Л. В. Алексанов, помощник младший лейтенант Н. П. Четвериков;

— ДС-49 (946), командир лейтенант В. И. Сухуров (И. Ф. Лаврухин ошибочно указывает номер этого ДС — 646);

— ДС-50 (666), командир старший лейтенант М. Л. Ширяев.

Потери 5-го ОДДС в Курильской десантной операции: ДС-1 (672), ДС-5 (525), ДС-9 (554), ДС-43 (943), ДС-47 (671).

Внимание к расхождениям: по сведениям, встречающимся в некоторых источниках, а также тем, что указаны в наградных листах, встречаются расхождения. Так, А. Н. Котляр, А. М. Грицака — не старшие лейтенанты, а лейтенанты. Фамилия командира ДС-3 в наградном листе Черноков, а не Черняков; командир ДС-46 В. А. Ширяев — старший лейтенант (с. 52—53 книги, где указано звание офицера — «лейтенант»); командир ДС-48 Л. В. Алексанов — лейтенант; командир ДС-49 В. И. Сухуров — лейтенант.

ККОМ ОФ 38059/221. Компьютерная распечатка

Лебедев Василий Иванович, красноармеец, пулемётчик 5-й стрелковой роты 302-го стрелкового полка

Доблесть солдатская

...В моей руке небольшая фотокарточка. На ней, как ни силюсь, не могу чётко разобрать лица. Снимок любительский. Но даже для любительского он, как бы это мягче сказать, не очень хорош. Его принесла почта из Куйбышева. На снимке — немолодой уже человек в берете у подбитого японского танка. Фотографии немногим более двух лет. «Возраст» танка, если считать «днём его рождения» 18 августа 1945 г., когда его подбили наши бойцы, — сорок два с лишним года. Между этими двумя датами — пропасть в сорок лет. Они снова повстречались — боец и танк. На той самой земле, где в грозовом августе советские бойцы оставили свой огненный росчерк под листком Истории, завершающим самую кровопролитную из всех войн, которые вынесла планета...

Вначале было письмо из Красноярска от В. В. Зобнина. Наша с ним внезапно оборвавшаяся переписка с апреля текущего года по июль, в последние дни которого ветеран умер, измеряется более чем двумя десятками писем, в которых Василий Васильевич с присущей ему скрупулёзностью и последовательностью рассказывал и рассказывал всё, что знал о боях на Шумшу. И то его апрельское письмо из моего личного архива, где проставлен № 2, называло восемь новых адресов здравствующих ныне участников десанта.

«Лебедев Василий Иванович, — сообщалось в письме, — рядовой 302-го стрелкового полка, богатырского телосложения. В 1985 г. он был в Северо-Курильске, сфотографировался...»

То, что было написано дальше, не сразу показалось достоверным. Не потому, что обладало малой вероятностью, причина тут иная. Однако — всё по порядку...

«На девяностой странице “Курильского десанта”, — продолжал В. В. Зобнин, — внизу упомянут Г. В. Смолин и двое *неизвестных*, захвативших японский танк и обративших его против японцев. Со Смолиным был и Лебедев В. И., за что Лебедев награждён медалью “За отвагу”»...

Действительно, в книге В. С. Акшинского «Курильский десант» на 90-й странице внизу — последним абзацем с переносом на 91-ю — записано: «Отличный механик, рядовой 302-го отдельного стрелкового полка Г. В. Смолин, до призыва в армию работавший на ремонте автомобилей и тракторов, на другом участке (боя на острове Шумшу. — *Н. П.*) привёл в исправное состояние подбитый нашими бронебойщиками вражеский танк и стал его механиком-водителем. Вместе с двумя другими воинами, фамилии которых... остаются *неизвестными*, он отважно сражался с противником, расстреливая его из японского же оружия. Не зная всего этого, трофейную машину подбили свои же воины, однако смельчаки остались живы».

Книга вышла в Камчатском издательстве весной 1984 г. — в канун 40-летия Победы. А через год с небольшим «неизвестный» десантник приезжает на остров Шумшу, находит на былом поле боя и узнаёт «свой» танк и рядом с ним фотографируется. Жаль, любительский снимок не удался...

Так почему же не сразу поверилось в сообщение о Лебедеве из письма Зобнина? Дело в том, что не слишком-то верилось, что В. С. Акшинскому не было известно о Лебедеве: ведь к моменту выхода книги в свет добровольные помощники её автора — фронтовики-дальневосточники — организовали столь разветвлённую переписку, что не попасть в её поле зрения В. И. Лебедев просто не мог. И, тем не менее, — не попал. И это было в корне несправедливо: даже спустя почти сорок лет после войны для большинства он так и оставался «неизвестным»...

В Куйбышев отправляется письмо по адресу, точно переданному В. В. Зобниным. Начинается ожидание ответа. Было, конечно, и волнение. Но не от предположения какой-то сенсации: её не было. Да и не моя в том заслуга, что с полной достоверностью установлено славное имя — ещё одно в той большой войне.

Волнение вызывалось другим: в сущности, это не так ведь мало, если в книжной странице на место слова «неизвестный» будет вписано имя того, кто совершил свой, пусть, быть может, не столь уж значительный по меркам войны, но — подвиг. И если это произойдёт, значит, историческая справедливость восторжествует снова,

как бывало уже не раз. Для всех, кто занимается поисковой работой, связанной с военной историей, не может быть большей награды.

К сожалению, не удалось выяснить у В. В. Зобнина (переписка была настолько интенсивной, что на этот вопрос времени попросту не оставалось), сообщил ли он автору «Курильского десанта» В. С. Акшинскому о том, что один из двоих «неизвестных» теперь известен. К сожалению, в апреле прошлого года умер и сам исследователь истории Курильского десанта.

И вот — письмо из Куйбышева, где на улице Севастопольской живёт В. И. Лебедев. В письме — две фотографии. О первой мы рассказали. На другой — Лебедев с группой ветеранов войны у обелиска павшим героям, что в сквере Северо-Курильска. Прав был В. В. Зобнин: крайний справа человек действительно выделяется внушительным сложением.

Ниже мы приводим с незначительными поправками и сокращениями рассказ В. И. Лебедева об эпизоде с японским танком.

«Немного о Смолине Георгии Васильевиче, — пишет Лебедев. — Он рождения — примерно 1912—1915 гг. До службы в армии Смолин и я жили в Усть-Камчатске на рыбоконсервном заводе № 66. Смолин работал на катере базы Облрыболовпотребсоюза мотористом, а я у него — учеником. Зимой Смолин на некоторое время садился на трактор или автомашину, я помогал ему в качестве стажёра.

В 1943 г. Смолина призвали в армию, и мы снова служили вместе в 5-й роте 2-го батальона 302-го стрелкового полка. В мае 1945 г. Георгия Васильевича направляют в отдалённый совхоз для оказания хозяйству технической помощи. Там он создаёт бригаду из механизаторов, в состав которой вошёл и я. Занимались ремонтом тракторов, другой сельскохозяйственной техники: Смолин слыл в нашем батальоне знатным механизатором...

16 августа рано утром нас по тревоге сняли с сельскохозяйственных работ и вернули в свою роту. В тот же день мы были погружены на десантное судно № 946, где командиром был лейтенант В. И. Сухуров. Затем вышли в море.

17 августа нам выдали боеприпасы в неограниченном количестве. Командиры и политработники довели до бойцов следующую задачу: в два часа ночи 18 августа предстоит высадиться на остров Шумшу группе захвата плацдарма, затем станут высаживаться основные силы десанта — ударная группа.

В шесть часов утра ударная группа пошла на высадку. К острову мы подошли на рассвете, берега не видно — темнота и густой туман. Японцы уже сильно обстреливали побережье — высаживаться страшно. Но приказы на войне не обсуждаются — начали высадку. Однако трапы на десантном судне до дна не доставали: бойцы прыгали в воду и плыли по волне в направлении берега — куда указывал нос судна.

Часть личного состава до берега не добралась... Запомнился такой эпизод: парторг пулемётной роты Набылкин прыгнул за борт со станком "Максима", но так и не вынырнул: ведь станок весит тридцать три килограмма...

Когда немного рассвело, стало видно, что на берегу скопились разрозненные группы солдат. Капитан Бойко, замполит 2-го батальона нашего полка, объединил всех нас в один отряд и повёл на высоту 171,0. Батальон наступал по левому флангу.

При высадке всё моё снаряжение утонуло, и на берегу я подобрал ручной пулемёт Дегтярёва и морскую шинель: так и воевал в ней до самого конца боёв. Все оставшиеся после высадки в живых на берегу объединились, так и мы со Смолиным оказались вдвоём. На подступах к высоте огонь японцев прижал нас к земле: обстрел враг вёл сильный. Затем огонь стих — появились вражеские танки. Слева от высоты 171,0 по дороге шли две машины. А в основном танки выдвигались на стыках высот 171,0 и 165,0: они ходили вдоль траншей, вырытых на подступах к высотам, поливали пространство пулемётным огнём.

Японские танки слабые, мы их быстро утихомирили. После чего всё затихло. А затем с мыса Лопатка и с кораблей поддержки десанта заговорила артиллерия. Бойко снова повёл батальон на высоту 171,0. К дороге мы дошли беспрепятственно, однако преодолеть её не смогли — прямо с высоты вёл огонь по нашим наступающим цепям крупнокалиберный пулемёт...

Кто-то из солдат доложил Бойко, что справа, в овражке, на дороге стоит японский танк. Замполит подозвал Смолина: "Посмотри, что за танк, если сможешь — прикрой дорогу..."

Смолин устремился к танку, взяв и меня с собой. Неподалёку от машины я со своим пулемётом залёг, взял на прицел подступы к ней. Смолин тем временем забрался в танк, пробыл в нём несколько минут, и тот вдруг заурчал двигателем. Смолин высунулся из люка и кричит: "Кто умеет обращаться с пушкой?"

Объявился один солдат из 373-го полка. Смолин ему скомандовал — "В танк!" Я тоже забрался внутрь, мы вывели танк на

дорогу, по небольшому склону подняли его на возвышенность и направили к высоте 171,0 — к тому самому дзоту, из которого противник вёл огонь.

Из танкового орудия мы произвели два выстрела, но попадания в дзот не получилось. Тогда Смолин вырулил машину на прямую наводку, и мы возобновили огонь. Дзот на время затих. И в этот момент батальон преодолел дорогу. Танк шёл рядом с траншеями, готовый поддерживать пехоту. Я изготовился вести огонь из пулемёта, но сделать этого не довелось. Раздался взрыв, танк остановился — разорванной оказалась правая гусеница. Мы вынуждены были покинуть неподвижную машину. Позднее выяснилось, что её подбили наступавшие бойцы из подразделения 373-го полка.

И тут снова заговорил пулемёт из дзота. Батальон подтянулся поближе к подбитому танку, но дальше мы продвинуться не смогли. А в это время справа от нас по склону продвигался моряк, он упал прямо у амбразуры. Дзот замолчал, наступавшие бойцы поднялись в атаку — высоту взяли.

В последней атаке погиб наш замполит Бойко. А моряк, закрывший собой амбразуру, был Николай Вилков. Это мы выяснили уже после боя. Своей гибелью он открыл нам, наступавшим, путь, и спас тем самым немало жизней...

Служили мы со Смолиным вместе до 1946 г. Во время первой демобилизации 1946 г. Георгий Васильевич уволился в запас и уехал в Усть-Камчатск».

На первый взгляд, в общем, рядовое по военным меркам событие описал фронтовик. Ко всему из его письма мы опустили одну фразу, свидетельствующую о том, что человек, удостоенный за тот свой бой медали «За отвагу» (а её, как нам известно из истории, получить было не очень просто — слишком высоко ценилась эта солдатская награда!), весьма скромно расценивает своё участие в боевых действиях на Шумшу. Он приписал в конце своего рассказа, где, как заметил читатель, основное место уделено Г. В. Смолину: «Мы подвига на этом танке не совершили...»

И в этой фразе — ясное до конца осознание своего воинского долга людьми из поколения, пережившего минувшую войну. В этой фразе — простое понимание солдатом своей ответственности за судьбу и честь отчей земли...

Н. Питомец

НВФ 4343/145. Курильский рыбак, 28 сентября 1987 г.

Из приказа командира 302-го стрелкового полка
101-й стрелковой дивизии 2-го ДВФ № 01/н
от 22 сентября 1945 г., остров Мацува

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с японскими агрессорами и проявленные при этом доблесть и мужество наградить медалью «За отвагу»:

...66. Пулемётчика 5-й стрелковой роты красноармейца *Лебедева Василия Ивановича*. Отважно сражался в бою, под огнём противника обеспечил боеприпасами пулемёт в боях на острове Шумушу. Рождения 1926 г., русский, беспартийный, в Красной Армии с 1943 г., призван Усть-Камчатским райвоенкоматом Камчатской области. Образование: шесть классов...

Командир 302-го стрелкового полка
подполковник *Говоров*.
Начальник штаба 302-го полка
капитан *Полещук*

НВФ 4343/146. Ксерокопия

Максаров Василий Константинович, командир отделения роты связи 373-го стрелкового полка, комсорг роты

Из наградного листа *Василия Константиновича Максарова*, сержанта, командира отделения роты связи 373-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии КОР 2-го ДВФ, 1920 г. р., русского, члена ВКП(б) с июня 1945 г. Участвовал в десантной операции на остров Шимушу против японских империалистов. В Красной Армии с 1940 г., призван Солтанским райвоенкоматом Алтайского края. Ранее не награждался, представляется к награждению орденом Славы 3-й степени.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Комсорг роты, личным примером увлекал бойцов на штурм высоты, работал по обеспечению командования бесперебойной связью. Вывод: достоин награждения орденом Славы 3-й степени.

Командир 373-го стрелкового полка
подполковник *Губайдуллин*.

Резолюция: «“Наградить”. Командир 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии генерал-майор *Дьяков*. 28 сентября 1945 г.»

Макшов Иван Семёнович, радист сторожевого корабля «Дзержинский»

...Я в то время служил на корабле «Дзержинский»... Как осуществлялась связь с береговыми частями десанта во время боевых действий? Первый эшелон десанта начал высадку в четыре часа утра (по местному времени). Высадку стали производить с десантных барж, у них осадка 2,5–3 м, и поэтому при высадке все радиостанции были подмочены. И тогда командир корабля отправил радиста Мусорина и сигнальщика. На своём корабельном катере, который имел малую осадку, они высадились и наладили связь с кораблём. И уже через наши радиостанции установилась связь со всеми батареями, как кораблей, так и с береговыми батареями и авиацией. Батарея была на мысе Лопатка.

Когда начал высадку второй эшелон, то по нему стала стрелять японская батарея, находившаяся на танкере «Мариуполь». Он до этого был затоплен у берега острова. Нашему кораблю было приказано уничтожить эту батарею. Тогда корабль подошёл поближе к танкеру, и в течение получаса его батарея замолчала. Высадка десанта продолжилась, наша корабельная артиллерия перенесла огонь на остров. Так как там у нас были свои радист и корректировщик, то огонь из корабельных орудий оказался результативным. Командиром артиллерийской боевой части был старший лейтенант Теуш, командовал кораблём капитан 1-го ранга Гончаров.

Во время этого боя я находился по боевому расписанию на большом дальномере, поэтому мне было хорошо видно, как ложатся наши снаряды. Но тут появились японские самолёты-торпедоносцы, начали кидать торпеды. Тогда пришлось открывать огонь по ним, их было штук десять, два из них сбили, остальные ушли и больше не появлялись.

В этом бою также участвовали однотипные корабли «Киров» и «Охотск». Все они были приписаны к 60-му пограничному отряду...

После того как здесь (на Шумшу. — *Ред.*) закончились бои и гарнизон капитулировал, пришёл приказ от командующего генерал-майора Гнечко: идти нам на другие острова, где ещё оставались японские гарнизоны. Мы взяли с собой командующего японскими войсками на Курильских островах и прошли все острова, где были японцы... За эти операции корабль был награждён орденом Красного Знамени.

КОКМ ОФ 38059/244. Рукопись, 10 февраля 1988 г., Кемеровская область

...Действительно, я знал Мусорина лично и остальных радистов, которые были на «Дзержинском». Это Пучков, Николай Зайцев, Василий Пылков, Иван Баженов, Николай Мусорин и я. Вы можете удивиться, почему так много? Как вы знаете, война на Западе к этому времени закончилась. Все старослужащие (мы их так называли) готовились к демобилизации, они были призваны в 1939—1940 гг. Нас с Баженовым направили на корабль из школы радистов, чтобы мы на практике подучились ещё и у них. Вот так нас оказалось шестеро радистов...

Мусорин высаживался на корабельном катере, это я подтверждаю ещё раз. После капитуляции японцев на острове вернулся на корабль и продолжал служить до демобилизации.

Вы спрашиваете, как высаживался Мусорин? Представьте себе корабельный катер: его осадка, самое большое, полтора метра, в любом месте может подойти к берегу. Вот десантные баржи — это другое дело, у них осадка до трёх метров...

КОКМ ОФ 38059/244. Рукопись, 13 марта 1988 г., Кемеровская область

Мальцев Руфим Руфимович, слесарь-механик 428-го гаубично-артиллерийского полка 101-й стрелковой дивизии

...Я ...участник десанта на Курильские острова (Симусю), был тяжело ранен разрывной пулей смертниками 24 августа 1945 г. Лечился в 131-м медсанбате, потом был переведён на Сахалин в Корсаков, а затем — на материк, в Хабаровск, в 301-й окружной госпиталь. Оттуда 16 сентября 1946 г. был демобилизован инвалидом второй группы...

Рация у радиотелеграфиста Анатолия Семёновича Малахова была выведена из строя, и он штурмовал в самое жаркое время боёв высоту 171,0, где им лично был подбит японский танк, а его товарищем расстрелян весь японский экипаж этого танка. На высоте он получил тяжёлое ранение, а товарищ его убит (фамилии я не помню)...

ККОМ ОФ 38059/243. Рукопись, 28 октября 1988 г., г. Красноярск

Из наградного листа *Руфима Руфимовича Мальцева*, младшего сержанта, слесаря-механика 428-го гаубично-артиллерийского полка Резерва Главного Командования, 1920 г. р., русского, члена ВЛКСМ. В Красной Армии с октября 1940 г., участвовал в войне против японцев с 9 августа 1945 г. Ранее не награждался, представляется к медали «За отвагу».

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Проявил личную отвагу по определению нахождения японского снайпера. В бою получил тяжёлое ранение в ногу (отнята). Достоин правительственной награды — медали «За отвагу».

Командир 428-го ГАП РГК подполковник *Пирогов.*
10 сентября 1945 г.

Заключение вышестоящих начальников: «Наградить медалью “За отвагу”».

Командующий артиллерией 101-й стрелковой дивизии
подполковник *Харитонов.*
13 сентября 1945 г.

НВФ 4343/163. Ксерокопия

Медяков Сергей Степанович, лейтенант, помощник начальника штаба по разведке 279-го артиллерийского полка 101-й стрелковой дивизии

...Был я в то время помощником начальника штаба полка по разведке. Высаживался на остров Симусю в составе первого эшелона десанта. Перед выходом десантного транспорта из Авачинской бухты, по приказу старшего начальника, командир нашего артиллерийского полка со своим штабом (начальник штаба, первый и второй помощники) были переведены на корабль «Дзержинский» для следования в составе первого отряда. Им поставлена задача: высадиться вместе с первым эшелоном, разведать цели, наметить боевые порядки артполка и подготовить данные для стрельбы по выявленным целям. Наш штаб постоянно находился вместе со штабом 138-го стрелкового полка, который наш полк должен был поддерживать.

Задачу по разведке противника мы выполнили, но пустить в ход всю артиллерию полка не удалось, так как японцы к моменту высадки всего полка капитулировали.

Высадку батарей полка я не видел — был в глубине плацдарма на линии соприкосновения с противником. На побережье острова, захваченном нами, то есть у нас в тылу, остались неподавленные огневые точки (доты), которые мешали высадке артиллерии и других частей и подразделений второго эшелона. С этими огневыми точками вели борьбу некоторые орудийные расчёты нашего полка. Но, я повторю, это происходило в нашем тылу, и я этого не видел...

КОКМ ОФ 38059/242. Рукопись, 19 сентября 1987 г., г. Свердловск

Из наградного листа *Сергея Степановича Медякова*, лейтенанта, помощника начальника 279-го артполка 101-й стрелковой дивизии КОР 2-го ДВФ по разведке, 1918 г. р., русского, члена ВКП(б). В Красной Армии с 1939 г., ранее не награждался. Представляется к награждению орденом Красной Звезды.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Первым из штабных офицеров полка высадился с группой пехотного подразделения, провёл деятельную разведку противника с добычей ценных данных для командования, что способствовало принятию правильного решения. Оставаясь на поле боя, товарищ Медяков храбро продолжал вести разведку и доразведывание ранее полученных сведений о противнике. Вывод: достоин награждения орденом Красной Звезды.

Командующий артиллерией 101-й стрелковой дивизии
подполковник *Харитонов.*
6 сентября 1945 г.
Достоин правительственной награды — ордена Красной Звезды. Командир 101-й стрелковой дивизии
генерал-майор *Дьяков.*
6 сентября 1945 г.
Достоин правительственной награды —
ордена Красной Звезды. Командующий войсками КОР
генерал-майор *Гнечко.*
7 сентября 1945 г.

НВФ 4343/161. Ксерокопия

Мезенцев Александр Георгиевич, ефрейтор, связист 198-го отдельного стрелкового полка

...Служил я в роте связи нашего полка с 1939 по 1946 г., в основном дежурил на центральной телефонно-телеграфной станции. А на ней бывало только руководство полка...

Из приказа по 198-му отдельному стрелковому полку КОР 2-го ДВФ № 01/н от 6 сентября 1945 г., остров Парамушир

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР награждаю:

Медалью «За отвагу»:

...50. Телеграфиста роты связи ефрейтора *Мезенцева Александра Георгиевича* — за беспрерывную поддержку связи с подразделениями

полка при высадке десанта на Парамушир. Рождения 1918 г., русский, член ВКП(б), рабочий. В Красной Армии с 1939 г. Призван Златоустовским райвоенкоматом Челябинской области. Образование: три курса рабфака...

Командир 198-го ОСП подполковник *Филиппов.*
Начальник штаба майор *Поздря*

НВФ 4343/160. Ксерокопия

Мотосов Георгий Александрович, старший лейтенант, начальник штаба батальона морской пехоты Петропавловской военно-морской базы в составе передового отряда десанта

...Сейчас писать о войне стало модным, и пишут многие, зачастую имея о ней смутное понятие, взятое из книг и кинофильмов, или со слов бывших участников. А последние такое «лепят», что временами становится страшно. Прошло более сорока двух лет, и проверить реальность фактов становится всё труднее и труднее.

Я о Курильской операции прочитал вещи двух авторов. Это очерк В. Н. Багрова «Победа на островах» и документальную повесть В. С. Акшинского «Курильский десант». Ещё есть третья повесть — «Падение...», название не помню и фамилию автора тоже (речь идёт о книге А. М. Грачёва «Падение Тисима-Ретто». — *Ред.*). О литературных способностях первых двух авторов судить не могу, но об их чисто военном профессионализме и участии в Курильской операции немного надо сказать.

Багров служил адъютантом у Юмашева (командующего ТОФ. — *Ред.*), верно он пишет, что служил флаг-офицером, а это... отнести, принести, передать и так далее. В Курильской операции не участвовал, да и вообще в боевых действиях нигде не участвовал. Стал историком — писал всё по бумажкам, ссылка на П. Саватеева, участника боёв, — наивна, ибо этот Саватеев сам-то не участвовал в боях за освобождение Курильских островов. Вот вам и факт, как пишутся ныне повести и очерки о войне.

Акшинский военной подготовки не имел, призван был во время войны, проходил службу в 101-й стрелковой дивизии, в Курильской операции участвовал в должности политработника — парторга 279-го артиллерийского полка. Этот был немного хитрей, ибо в своей повести всё время ссылался на командующего, ныне умершего генерала А. Р. Гнечко. А вот генералы-то в этой операции в период боёв за Шумшу просидели на кораблях. О втором генерале, это речь идёт о Дьякове — командире 101-й дивизии, тот и не смог

высадиться! Так и в повести Акшинского — сплошные «белые пятна», особенно о боях на Шумшу.

Теперь вы просили высказать своё мнение о разведке, управлении, ошибках командира передового отряда и больших потерях. Буду очень краток.

Разведка. Фактически не было никакой. Воздушная из-за плохой погоды (туман) авиацией не велась, морской не было, войсковой тоже. Все данные о противнике были даны штабом фронта, и то общего характера. Да что говорить, когда топографические карты нам вручили чуть ли не дореволюционные.

Управление. Было потеряно из-за выхода [из строя] радиостанций, единственная — старшего краснофлотца Г. В. Мусорина выжила, использовалась для корректировки артиллерийского огня, затем была передана для связи с командованием. Управления в первый день и в передовом отряде фактически не было.

Ошибка командира передового отряда. Естественно, не подавив опорные узлы противника на мысах Кокутан и Котомари, нельзя было основательно ввязываться в бои за высоты 171,0 и 165,0. Задача передового отряда — это подготовка плацдарма для первого эшелона десанта.

Потери. Они же велики. Согласно оперативно-тактическим нормам, соотношение обороняющихся и высаживающихся должно быть в пределах 1 : 3. В данной операции всё было наоборот, соотношение 2 : 1. Наши войска не готовились к десантной операции, всю войну занимались противодесантными операциями, готовились к отражению высадки японцев на Камчатку.

В этой операции было и много положительного: скоротечность подготовки, скрытность, решительность и, естественно, героизм...

КОКМ ОФ 38059/238. Рукопись, 9 августа 1987 г., Московская область

На ваш вопрос, что с нами высаживались до шестидесяти процентов заключённых, — это неправда. В батальоне морской пехоты никого из штрафников не было. Верно, в дивизии была штрафная рота, там сидел мой матрос. Его я на Симусю видел: на второй-третий день выдавал продукты с захваченного склада. Я посоветовал ему прекратить это и двинуться на передовую, иначе пуля о нём плачет. Больше я его не видел.

Если выписываете «Аргументы и факты», в № 51 (376) за 19—25 декабря 1987 г. [указано, что] малую Курильскую гряду пытались отдать Японии. Это нас всех взволновало.

КОКМ ОФ 39059/235. Рукопись, 23 декабря 1987 г., Московская область

...Это на меня сильно подействовало, и гибель в 1945 г. наших моряков вызывает вопль возмущения... Но всё меняется, вверху им видней. Но кровь, пролитая нашими, для них — это зря. Они не понимают этого. Вы извините, что я так переживаю. Это должно быть с каждым русским человеком...

Организация батальона морской пехоты. Создан был на период Курильской операции, формировался из морских частей ПВМБ ТОФ. В основном личный состав, который служил в 180-м и 50-м отдельных артиллерийских дивизионах, отдельной батарее 180-миллиметрового калибра (номер не помню), отдельном дивизионе аварийно-спасательной службы, ранее это ЭПРОН, дивизионе подводных лодок и других частях тыла ПВМБ. О штрафниках я вам писал, в батальоне их не было.

Батальон состоял из командования, штаба и отдельных служб, пяти рот (три стрелковых, одна пулемётная и одна миномётная) и отдельных взводов: автоматчиков, разведчиков, связистов, инженерно-сапёрного и комендантского. Всего в батальоне было 780 чел. Командир — майор Т. А. Почтарёв, заместитель по политчасти — майор А. П. Перм, начштаба — старший лейтенант Г. А. Мотосов. Командиры рот: старший лейтенант А. Я. Кочнов (погиб), старший лейтенант П. А. Васин (умер в 1970 г.), старший лейтенант И. В. Кащей (умер в 1975 г.), старший лейтенант Ва... (неразборчиво. — *Ред*.) и лейтенант М. Рабинович.

Командирами взводов в большинстве своём, за неимением офицеров, были мичманы и старшины, за исключением техника-лейтенанта А. М. Водынина. Офицеры, командиры рот — выпуска 1941—1942 гг. С некоторыми из них я учился в военно-морском артиллерийском училище имени Ленинского Коммунистического Союза молодёжи Украины (затем его стали называть училищем береговой обороны). С нами учились майор Почтарёв (выпуск 1938 г.), старший лейтенант Васин (выпуск 1941 г., с ним учился в одном классе), лейтенант Рабинович (выпуск 1942 г.). Мы войну хватили ещё в 1941 г., так как училище было в Севастополе. Все офицеры вполне справлялись с обязанностями командиров рот. Мичманы и старшины имели достаточный опыт руководства подчинёнными.

Рядовой состав (старшины и краснофлотцы) прослужил около восьми — десяти лет, имел хорошую закалку. Но отдельные краснофлотцы стрелкового оружия не знали и к войне на суше были подготовлены слабо. Вот пример: отстрел оружия приходилось вести при походе.

15 августа в 14.00 начали формирование, 16-го — укомплектование, 17-го — переход к месту высадки.

Вооружение батальона: винтовки, автоматы, ручные и станковые пулемёты, гранаты, в том числе и противотанковые, 50-миллиметровые миномёты, противотанковые ружья — их было около 15–20. Противотанковой артиллерии не было.

Организационно мы входили в передовой отряд, в него, кроме нашего батальона, входило около 580 чел. из 101-й стрелковой дивизии (рота автоматчиков, рота противотанковых ружей, пулемётная и миномётная роты, сапёрная рота и рота пограничников). Задача передового отряда — захват плацдарма для высадки первого и второго эшелонов десанта.

Топографические карты, по-видимому, были ещё царские, с них в 1930-х гг. сняли выкопировки. Они не отвечали никаким требованиям. Когда я высадился, наше десантное судно до берега не дошло метров 100–150. Увидел, что все, кто добрался до берега, лежат около песчаной намытости. Тогда я стал поднимать их, чтобы продвинуться от места высадки на 500–800 м, и начали окапываться. Разведка доложила, что противника перед нами нет. Около 06.00 встретился с Почтарёвым, он во главе роты шёл на мыс Котомари для уничтожения японской батареи. Он поставил мне задачу: выйти к высоте 165,0 и перерезать дорогу. Я попробовал возразить ему, но он ответил, что это согласовано с начальством. Я собрал офицеров и стал пробиваться к высоте 165,0. По опыту десантов Отечественной войны знал, что далеко отрываться от берега нельзя, ибо противник может обойти. Но эта стычка с Почтарёвым для меня явилась «роковой». Когда награждали, он это запомнил.

О первом дне боёв. ...Где высадились, я не имел сведений, да и десант имеет свои специфические действия. Каждый командир роты должен был действовать самостоятельно и в окружении. Однако радиосвязь нас подвела, и не верны разговоры, что все радиостанции были залиты водой. Часть станций «РБ», ввиду их неправильного использования, связи не обеспечивали. Все распоряжения и приказы отдавались через связных. Я не знаю, когда Шутов через корректировочный пост и радиста, старшего краснофлотца Мусорина, вошёл в связь с командованием.

Под высотой 165,0 я развернул командный пункт, и рядом со мной был корректировочный пост во главе с капитаном Гаченко, он корректировал и огонь 130-миллиметровой батареи с мыса Лопатка, и кораблей поддержки. Я лично взял трубку у радиста

(фамилии не помню) и лично обматерил старшего лейтенанта Соколюка (командира батареи на мысе Лопатка. — *Ред.*), что его снаряды рвутся в районе, где размещались наши подразделения. После развёртывания командного пункта уже представлял, где дерутся наши роты. Не буду описывать бой, это займёт много времени.

Вскоре появился Почтарёв, он взял на себя ответственность за последний штурм высот 171,0 и 165,0. Никого из сухопутного начальства я лично не видел. Высоты взяли, я дошёл до гребня высоты 165,0, где был ранен в ногу. И только после полутора — двух часов появился Почтарёв, приказал мне с ординарцем пойти на медицинский эвакопункт.

С Дайном я познакомился, когда из госпиталя ушёл дней через пять. Он был всё время в батальоне.

Об артиллерии, и почему большие потери. Артиллерия, особенно полковая, а это 45- и 76-миллиметровые пушки, имела для нас, особенно при отражении танков, большое значение. При атаках артиллерии не хватало. Как они загружались, я не видел, да и хватало начальства за этим следить. Это лучше спросить армейцев, в том числе и Дайна.

О потерях я уже писал, что по канонам потери десанта будут в три-четыре раза больше, чем обороняющихся. Здесь учтены все факторы боя, особенности высадки на необорудованное побережье, укреплённое...

В батальоне потери (убитые, тяжело- и среднераненые) составили около двадцати процентов, не считая легко раненых. Вам известно, что высадиться не смогло почти всё начальство. Дело было отдано на откуп командирам рот и батальонов...

КОКМ ОФ 38059/232. Рукопись, 19 марта 1987 г., Московская область

...Карты у меня не сохранились, да и они были секретные, по-моему, дореволюционного издания. На них, за исключением контура острова, всё изменилось. В боях мои разведчики захватили японскую карту, которая отвечала [требованиям] на день боёв, на ней, кроме рельефа, были обозначены все обороняющиеся части, и особенно противодесантная оборона: батареи, доты, дзоты, минные поля и заграждения. Эта карта была размножена и сыграла очень важную роль при дальнейшем ведении боевых действий.

Кроме мысов Котомари и Кокутан, сохранились в памяти Беттоби, аэродром и долина Нибояси — это долина смерти, где расстреляны китайцы, которые строили оборону острова.

Разведка в батальоне велась разведвзводом, в основном для себя. При высадке они использовались как разведчики-диверсанты. При обороне, когда мы взяли высоты 165,0 и 171,0, в ночное время вели разведку обороны противника, по две-три группы по 10–15 чел. Они всегда возвращались, приводили пленных, с переводчиком-японистом проводили допрос и затем отправляли в штаб дивизии.

В батальоне для управления и корректировки огня были радиостанции типа «РБ». Часть из них была подмочена водой, несмотря на то, что они при высадке были в резиновых мешках. Часть из них ввиду того, что местность была пересечённая, а они действуют на прямой видимости, использовать не смогли, ибо требовалась высокая антенна.

Корректировкой огня занимался командир корректировочного поста капитан Гаченко. Когда разрывы стали происходить в боевых порядках, а это стреляла батарея старшего лейтенанта Соколюка, я выхватил трубку у радиста (фамилии не помню), скомандовал: «Больше пять и затем десять!», то есть кабельтовых, и разрывы у нас прекратились. От батареи Соколюка корректировочного поста не было. После боёв приезжал начальник политотдела полковник Смирнов. Когда он начал объяснять, что нас хорошо поддерживала артиллерия кораблей и батарея, матросы высказали ему всю правду, что они частично били и по нам. Он возмутился и сказал мне: «Как они распустились!», [заявил], что командование батальона не ведёт борьбу с этими вредными разговорами. А сам Смирнов, не видя боя, сумел за взятие Шумшу получить два боевых ордена Красного Знамени (один от армии, второй — от флота)...

Мне известно, что командир первого эшелона генерал Дьяков не высадился, как было предусмотрено, на бой. Высадился второй эшелон во главе с полковником Артюшиным. Я его лично не видел и от него, особенно в первый день боёв, ничего не получал. Мы действовали фактически самостоятельно. Это был порыв наших людей, которых мы воспитали, отмщение за Порт-Артур и Цусиму. Надо было не подгонять людей, а сдерживать их...

ККОМ ОФ 38059/237. Рукопись, 12 июля 1988 г., Московская область

Из наградного листа *Георгия Александровича Мотосова*, старшего лейтенанта, начальника штаба батальона морской пехоты ПВМБ ТОФ, 1921 г. р., русского, кандидата ВКП(б). В Красной Армии с 1939 г., ранее к награде не представлялся. Представляется к награждению орденом Ленина (зачеркнуто, вписано — «Красное Знамя»).

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Будучи начальником штаба батальона морской пехоты, лично водил батальон на штурм высоты 171,0 (опорный пункт противника). Будучи ранен, остался в строю и продолжал руководить батальоном. В результате моряки батальона первыми ворвались на высоту и овладели ей. Захват указанной высоты решил исход боя на острове Шимушу. За умелое руководство батальоном и проявление мужества достоин правительственной награды — ордена Ленина.

Командир батальона морской пехоты
майор *Почтарёв.*
1 сентября 1945 г.

НВФ 4343/150. Ксерокопия

Найдёнов Афанасий Никифорович, боец миномётного взвода 373-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии

...Наш полк шёл во втором эшелоне... До рассвета мы стояли, ожидая распоряжений командования. Вскоре подошёл катер и передал, что командир группы захвата тяжело ранен, операцию вести не может. После по тревоге, включив даже аварийные моторы, некоторые десантные суда выбросились на берег. А наш капитан не рассчитал расстояние до берега, выбросил якорь, не дошёл метров 50–60.

От дота мы были, кажется, четвёртыми. Справа дот, а слева — выброшенный наш танкер тоже вёл пулемётный огонь, но вскоре был ликвидирован (неразборчиво. — *Ред.*)... Многоамбразурный дот поочерёдно расстреливал наши плавсредства и людей. Подошла и наша очередь. Сначала — пулемётчика, он был по национальности коряк, — прямой наводкой из пушки. Ну, а старший лейтенант был ранен в ноги тоже после прямого попадания, но, кажется, бронебойным, потому что он не взорвался. Я не успел ему посоветовать зайти за рубку, он был ранен в ногу возле самого туловища. Потребовалась медпомощь, нужно было разыскать доктора Иванова, которого я так и не нашёл.

Во всех кубриках — десятки солдат и старших чинов, все забились по углам, спасая свою жизнь. Потом корабельный доктор вёл капитана корабля с разбитой нижней челюстью. Сказал, чтобы мы его отнесли к нему в кубрик, что мы и сделали с солдатом Мякишевым. Потом мы покинули корабль, и вскорости он отошёл на мыс Лопатку, получив несколько пробоин. Дальнейшей его судьбы не знаю.

Заместителем командира миномётной роты был командир 1-го взвода старший лейтенант Туманов, командиром 2-го взвода — Л. П. Гаенко, он мой командир, 3-м взводом командовал Миргородский.

Когда высадились на берег, солдат Гильмутдинов сказал взводному Миргородскому, что выбросит противогаз, а в сумку возьмёт боеприпасов. Тот ответил, что боец будет отвечать за противогаз, а Гильмутдинов спросил, а кто будет отвечать за убитых товарищей, трупами которых усыпан берег? «Ну, тогда я ничего не знаю!» Братва ему ответила, что если так, то вали от нас, мы без тебя обойдёмся. И он ушёл, и его больше не видели. А вот за ротного Л. П. Гаенко любой боец не пощадил бы жизни.

На вторые сутки наша миномётная рота строила огневую позицию, заканчивала уже на рассвете. Откель ни возьмись — японка-смертница. Откель она появилась, никто не видел, там рядом рос стланик-кедрач. Вот она из норы и вылезла. А со стороны шёл моряк, от высоты 171,0. Она пошла ему навстречу, примкнув штык, шла парадным шагом. Он подпустил её на один взмах и ударил прикладом по голове так, что вылетели мозги. После выругался русским словом, плюнул и говорит: «Проститутка! Хотела русского моряка заколоть!»

Конечно, мы были наготове, были все внимательны. К ним ещё один танк прорвался через наши ряды, но его подбил из противотанкового ружья старший сержант Беломестных, хотя сам он погиб. Вот открылся люк танка, появляется женская фигура — русская. В одной руке маузер, в другой — граната. Только она до половины вылезла, вдруг раздался голос: «Братцы! Баба!» Так её и вытащили на штыках.

ККОМ ОФ 38059/253. Рукопись, 18 мая 1987 г., Иркутская область

...Наше десантное судно не дошло до берега примерно метров 60–70. Командир роты был тяжело ранен. Наших миномётчиков при высадке на берег утонуло шестеро, помню фамилии двоих: Березин и Ковтун, остальных позабыл. Я и сам «сходил» ко дну, потом ствол [миномёта] бросил, немного поплыл и достал ногами дно. Оглянулся назад — а ствол не утонул, чехол был плотно надет.

В книжке написано, что наш катер утонул, но я только видел, когда он отходил от дота, объятый пламенем. На берегу из командования, то есть офицеров, был только Гаенко, а заместитель командира роты старший лейтенант Туманов куда-то исчез, пришёл только на третьи сутки. После этого все бойцы стали относиться к нему с недоверием.

А получилось так уже на острове Онекотан. Братва добыла баночки с денатуратом и парафином, немного подпила, ну и стала обсуждать его поведение. Он услышал, и пошёл разлад. Из роты никого не представил к наградам, только одного Бабия, за то, что заколол связанного японца... (далее неразборчиво. — *Ред.*). Боеприпасов у нас было совсем мало, на каждый миномёт — только по два лотка, или шесть мин. Но зато била наша дальнобойная артиллерия с мыса Лопатка, пока наш моряк не добрался до берега и не просигналил, чтобы прекратили огонь по своим, так как связи не было. Она была или утоплена, или разбита...

Не было руководства ходом наступления, очень много оставалось в тылу [лиц] всех рангов — от солдата и выше. На первый день мы продвинулись до подножия высоты 171,0, уже стало темнеть. Но потом командир группы захвата подошёл, спросил, как дела. Солдаты ему ответили, что силёнок маловато. Один солдат спросил разрешения зачистить тыл, он одобрил. Тогда группа бойцов изъявила желание, и пошли. Через некоторое время смотрим — идут больше чем нас, и всяких рангов. Тогда и окружили высоту 171,0, но взять пока не взяли, до следующего дня. Там и погиб мой земляк — старшина 1-й статьи Вилков...

Да, забыл! Нам из своих миномётов пришлось вести огонь только два раза, по два-три залпа, потому что не было мин. Только на второй день разгрузили боеприпасы.

ККОМ ОФ 38059/252. Рукопись, май 1987 г., Иркутская область

...Родился в 1912 г. в Сибири, в Куйтунском районе Иркутской области. После службы в армии в 1937 г. уехал на Камчатку, в Петропавловск. Работал в коптильном цехе базы Моховой Морлова АКО до июля 1941 г., до призыва в армию, служил до августа 1946 г., был наводчиком 82-миллиметрового миномёта. Демобилизовался на Южном Сахалине после конвоирования японцев — строителей-инженеров, следующих на восстановление Сталинграда. Образование: четыре класса сельской школы.

Где находился, то есть отсутствовал, старший лейтенант Туманов, нам, всему личному составу, было не известно, он не отчитывался. После этого к нему доверия не стало, отношения испортились. Ну, а старший лейтенант Миргородский был грубый и несправедливый. Перед отправкой на Курилы по его просьбе прошла перегруппировка миномётной роты. Меня и ещё нескольких товарищей перевели в его 3-й взвод. Троих солдат из его взвода оставили на месте для охраны, потому что они заявили, что только до

первого залпа... (так в исходном тексте, далее мысль оборвана. — *Ред.*). У него в основном были солдаты приписного состава, уже имели опыт.

Я уже писал, что дальнейшую судьбу своего командира роты и капитана десантного судна после отплытия на мыс Лопатку не знаю. Наше десантное судно не горело. Численность роты тоже не знаю, потому что часть оставалась на Шумшу, а мы поехали на остров Онекотан. Позже отобрали группу плотников для ремонта казарм и квартир на Шумшу. Нас прикомандировали к 138-му полку, там и дослуживал, тоже миномётчиком, а последние два месяца — в истребительной батарее.

Много погибло [людей] в 3-й стрелковой роте и роте противотанковых ружей. Во время высадки на берег от прямого попадания авиабомбы (самолёт летал безнаказанно на бреющем полёте) загорелось десантное судно. Потери тоже не знаю. Ну, а наша авиация где-то вверху летала, потому что были низкая облачность и туман.

Опишу, как действовало высшее руководство. Командир дивизии генерал Дьяков, я его видел, сидел в окопе до прибытия генерала Гнечко, который сильно ругал его за бездеятельность. Товарищу Гнечко правильно присвоено звание Героя Советского Союза. Он действовал храбро и оперативно. Хотя по уставу нам, «винтикам», не положено обсуждать [начальство], но это правда...

Отвечаю на ваш вопрос. Да, его (танк. — *Ред.*) подбил старший сержант Беломестных. Танкистка была русская. Их было две подруги, вторая в доте — снайпером. Ну, а которую матрос убил, была японка...

ККОМ ОФ 38059/248. Рукопись, 25 июня 1987 г.

Нечепуренко Еремей Афанасьевич, командир батареи 76-миллиметровых орудий 198-го отдельного стрелкового полка

...Я родился в 1916 г., служил действительную службу с 1937 г. на станции Раздольное Приморского края. Меня зачислили в полковую школу младших командиров, учили на командира орудия. В 1938 г. японцы нарушили нашу границу у озера Хасан. Нашу школу расформировали по подразделениям. Меня направили в 4-ю артиллерийскую батарею. Я стал заряжающим 152-миллиметровой мортиры (гаубицы). Неудобная была пушка, громоздкая, да и снаряд летел недалеко. Но зато она могла стрелять под углом в семь-

десят два градуса, была удобна для «выковыривания» японцев из любых укрытий.

Участвовал в боях у озера Хасан, это было моё боевое крещение под взрывы снарядов. Там же меня приняли в комсомол, прямо в окопе. Постреляли мы хорошо: за двенадцать дней пришлось попотеть. Вернувшись в полк, завершили курсы, нам присвоили звания помощников командиров взводов. Служил в Раздольном до 30 апреля 1941 г., потом демобилизовался. Тут приехали «покупатели» по набору рабочих с разных предприятий, и я решил поехать на Камчатку. Немного поработал в Кихчике, и началась Отечественная война. Меня сразу призвали, попал в 198-й стрелковый полк, опять пошла воинская жизнь. Назначили командиром 76-миллиметровой пушки, и снова пошла учёба в укрепрайонах над берегом, вплоть до 1945 г. Мы были рассредоточены по одной пушке на разных расстояниях по берегу. Я тогда стоял на мысе Левашова.

...Забыл, какого числа, подошли вечером две десантные баржи, прозвучала команда приготовиться к погрузке. До темноты мы все погрузились: пехота, наша артиллерия. Нам поставили задачу: доплыть до берега острова Шумшу, примерно к четырём часам утра, покудова японцы спят, и без шума высадиться на остров, захватить рубеж для дальнейшего продолжения операции. Нам поступил приказ командующего Артюшина, не знаю, в каком он был звании. Вообще, забыл, что на Шумшу уже высадился десант из Петропавловска, и нас направили в обход этого острова на Парамушир. Прибыли в пролив, остановились на якоре, а высаживаться не на чем — тянем на верёвке (буксируем за собой. — *Ред*.) один рыбацкий кунгас.

Японцы молчат, в нас не стреляют. Оказалось, что с этого острова убежали японские рыболовецкие катера. Наши военные катера их догнали, через несколько часов уже вернули, и они наш полк начали высаживать на остров. Когда мы высадились, японцы ещё сидели в траншеях, ожидали, по-видимому, какой-то команды. После высадки мы заняли огневые позиции, но вести огонь нам приказа не было. Пехота начала разоружать японцев. Был назначен пункт сдачи оружия. После пришёл нам приказ — переехать в другой порт, там было большое скопление японских вояк. Нам была подана команда: грузить их на пароход. Но они сопротивлялись. Мы им говорили: «В Токио», но они, наверно, знали, что им в Токио не попасть. Ну, куда тут сопротивляться? И они лениво поползли по трапу.

Мы вернулись обратно в свой порт, это было вечером, сразу начали погрузку на пароход, чтобы плыть дальше. До парохода нас доставляли японцы на своих катерах, и мы поплыли дальше. Опять же со своим привязанным кунгасом проплыли день и ночь. К вечеру следующего дня нашёл густой туман, видимость стала пять — десять метров. Я как раз находился с ребятами на палубе. Смотрим на воду — пролив зарос морской капустой. Мы подумали: «Куда его несёт? Наверное, здесь мелко» и вдруг почувствовали очень сильный толчок, чуть не попадали. В чём дело? Дошли до трюма, а там что творится! Идёт вода, солдаты в панике лезут по трапу наверх. Один уцепится, другой схватится за него. Оторвутся, и в воду. Шум, крик. Оказывается, наше судно наскочило на скалу. Вот тут-то и пригодился наш кунгас как средство высадки.

Пароход дал гудок, через некоторое время к нам подплыла лодка с тремя человеками. Наш капитан Милованов в рупор спросил: «Кто вы?» Ответили, что с острова Харимкотан, там уже наши солдаты — тридцать человек. Опять высадка, закончили её к утру. Пароход, забыл его название, трое суток сидел на скалах, потом пришли два баржи: тянули-тянули, но так стянуть и не смогли. На четвертые или пятые стуки, по-видимому, прилив помог судну сняться с камней. За нами же пришёл другой пароход, мы погрузились на него и отправились со своим кунгасом дальше и приплыли на острова Мацува, высадились на севере, а другая группа — с юга. Ей доверили доводить дело до конца, а мы возвратились на Камчатку, в Усть-Большерецк.

Мне доводилось наблюдать за бойцами и младшими командирами, а также офицерами. Все были настроены скорей разгромить эту империалистическую Японию, чтобы она больше никому не угрожала. Как видим... они опять поднимают головы...

ККОМ ОФ 38059/254—255. Рукопись, 22 октября 1987 г.; 21 февраля 1988 г., г. Славгород Алтайского края

Никитин Михаил Степанович, старший сержант, старшина роты 13-го полевого подвижного госпиталя 101-й стрелковой дивизии

...Я родился в 1919 г., службу проходил в полевом подвижном госпитале, или, как его тогда называли, «13 ППГ в/ч 10013 КОР». Наша часть стояла в селе Елизово... До конца службы был комсоргом части, много раз принимал участие в комсомольских активах дивизии.

В августе 1945 г. наш госпиталь со всем своим хозяйством по приказу был срочно погружен на транспортный пароход и в ночь вышел в море. 18 августа мы были у первого курильского острова Симусю. На острове в это время уже шли упорные бои. Утром к нам на пароход стали поступать раненые бойцы, так как госпиталь был развёрнут прямо на пароходе.

Мы принимали раненых и сортировали их, размещая в помещениях. Тяжелораненых носили в операционную. Хорошо помню то горячее время. Хирургическое отделение возглавлял очень опытный хирург майор медицинской службы Иван Дмитриевич Каверин. Операции шли сутками, но наши врачи до конца выполнили свой долг.

Помню такой случай. Мы внесли в операционную тяжело раненного бойца, бывшего в сознании. Я хорошо слышал, как он просил Ивана Дмитриевича: «Доктор, прошу тебя, спаси меня! После войны я хочу учиться...»

Лично я тогда отвечал за организацию питания раненых, приходилось работать очень много. После оказания помощи раненых отправляли в Петропавловск, а мы продолжали принимать их и дальше.

После освобождения острова Симусю наш пароход подошёл ко второму острову — Парамуширу, где мы получили приказ выгрузиться на базу Касивабара, развернуться там и быть готовыми к приёму больных и раненых.

В скором времени Северная группировка японских войск начала капитулировать. Нашим войскам сдалось в плен более шестидесяти тысяч солдат и офицеров.

Мне было дано задание подготовить жильё к зиме. После высадки мы увидели, что японцы жили в щитовых домах, зарытых в землю. Лишь окна выходили в потолок, а все помещения сообщались между собой подземными переходами.

Продолжалась моя служба на Парамушире, на базе Касивабара, тринадцать месяцев, а в сентябре 1946 г. меня демобилизовали, и я вернулся в родной город Шадринск. Конечно, наградами нас не баловали, но медали «За победу над Японией» всем выдали...

Хочу сообщить имена и фамилии своих однополчан:

— наш бывший командир части майор медицинской службы Голуб, затем его сменил майор медицинской службы Сметанин, так как Голуб был назначен начальником медицинской службы дивизии;

— майор медицинской службы Иван Дмитриевич Каверин;

— майор медицинской службы Шуб;

— майор медицинской службы Шрейберг;
— капитан медицинской службы Галиева;
— капитан медицинской службы Рахманкулова;
— капитан медицинской службы Клавдия Барашкина;
— капитан медицинской службы Дондик;
— старший лейтенант Чекусов;
— лейтенант Ченцова;
— лейтенант Виктор Цыганков;
— замкомандира по политической части капитан Верещетин;
— начальник финансовой части лейтенант Суханов;
— младший лейтенант Приблуда;
— старшина Иван Петрович Одинцов;
— сержант Иван Наговицын;
— сержант Николай Ольхин;
— сержант Илья Байков;
— сержант Афанасий Лукьяненко;
— сержант Николай Залевский;
— сержант Михаил Дунаев;
— сержант Трофим Замойский;
— сержант Степан Гайдук;
— сержант Анатолий Белавин;
— сержант Пётр Цыганков;
— сержант Виктор Ханин;
— рядовой Вячеслав Щукин;
— рядовой Николай Усманов;
— рядовой Николай Новиков;
— рядовой Петренко;
— рядовой Дмитрий Тимошенко;
— рядовой Василий Зайцев;
— рядовой Игнатов;
— рядовой Анатолий Гаврилов;
— рядовой Петрухин.

БН. ГИАСО, ф. 1143, оп. 1, д. 2, л. 171—174об. Рукопись, 26 февраля 1983 г., г. Шадринск Курганской области

Никуленко Иван Алексеевич, командир взвода управления начальника артиллерии 101-й стрелковой дивизии

...Начну с 1939 г. Во второй половине дня 12 октября мы прибыли в Петропавловский порт на пароходе «Мичурин». Из нашего пополнения были созданы полки 101-й стрелковой дивизии —

138-й стрелковый и 279-й артиллерийский. Наша команда состояла из 39 чел., все магнитогорцы, была зачислена в батарею 279-го артполка. До нашего прибытия там не было ни одного красноармейца, а комсостав уже имелся. Командир батареи капитан Алтусов, политрук, кажется, Юферев. Командиры взводов: разведки — лейтенант Варичев, топографической разведки — лейтенант Марычев, связи — лейтенант Гладкий, АМП — лейтенант Секирянский, зенитных пулемётов — младший лейтенант Рязанов.

Батарея была укомплектована младшими командирами, большинство — сибиряки из Барабинска. Меня зачислили в топографическую разведку. Воинская жизнь началась с 14 октября, так как 13-го вечером нас, всех прибывших, расписали по подразделениям, в подразделениях — по взводам. 14-го поставили палатки и сделали коновязи для лошадей, а затем началось строительство, в первую очередь конюшни, столовой, складских помещений, затем землянок для личного состава.

24 января 1940 г. мы перешли из палатки в построенную взводную землянку. В мае наш взвод выехал к подножию Авачинского вулкана к высоте 138,1, откуда началась работа по съёмке местности для составления топографической карты крупного масштаба.

Взводом командовал младший лейтенант Герман Печерин, а я был у него коноводом-разведчиком. Мы с ним выезжали в разведку, находили тригонометрические знаки, а затем наше звено: Александр Норкин (работал на приборах — теодолите, кипрегеле), записывающий С. С. Казачий, ездовой Барановский — выезжали на места. Ставили вешки и делали измерения, то есть съёмку местности. Так два отделения работали по созданию карт с 1940 г. и до начала войны.

В двадцатых числах (месяц пропущен. — *Ред.*) 1940 г. нас вызвали из тайги в полк. Из взвода топографической разведки, согласно приказу № 0228 Наркомата обороны, пятерых, как лиц, имеющих среднее и высшее образование, отправили на трёхдневные сборы для сдачи экзаменов экстерном на младших командиров. В полку собралось 58 чел., сдали экзамен 30.

В январе 1941 г. меня назначили командиром отделения разведки при штабной батарее. В мае 1941 г. собирали для сдачи экзаменов на командиров взводов: из 30 сдали восемь.

В августе 1941 г. я был командиром взвода связи штабной батареи, затем командиром взвода управления 1-го дивизиона 279-го артполка. В 1943 г. переведён командиром взвода управления начальника артиллерии 101-й стрелковой дивизии. В мае 1945 г.

направлен в 373-й стрелковый полк на должность командира батареи 120-миллиметровых миномётов.

15 августа 1945 г. в составе 373-го стрелкового полка погрузились в Петропавловском порту на пароходы, а 18-го высадились на острове Симусю, принимали участие в освобождении Курильских островов.

В 1948 г. переведён с острова Парамушир в Прибалтийский военный округ, а в 1949 г. по ходатайству дирекции Магнитогорского металлургического комбината уволен из рядов Вооружённых сил, как специалист-сталеплавильщик...

ККОМ ОФ 38059/137. Рукопись, 16 октября 1987 г., г. Магнитогорск

Осипов Николай Иванович, связист морского пограничного авиационного полка

...До призыва в 1939 г. в Красную Армию успешно учился и окончил Казанский центральный аэроклуб. Работал в нём инструктором-планеристом, затем инструктором-парашютистом. В 1938—1939 гг. получил звание пилота запаса.

В 1939—1940 гг. окончил 4-ю Морскую пограничную школу НКВД, затем на кораблях — морских охотниках — началась моя служба по охране границ Камчатки, длившаяся до 1944 г. В 1944 г. переведён в отдельный бомбардировочный морской пограничный полк, теперь уже лётчиком. С воздуха защищал наши воды от проникновения нарушителей — японских шхун, рыболовных и не рыболовных, а попросту — шпионов. Морские охотники задерживали нарушителей и отводили их в Петропавловск...

Как моряк, скажу так: из-за перегруженности и большой осадки десантных судов они делали высадку в ста и больше метрах от берега, на глубине два метра. Поэтому десантники бросались в воду с тяжёлой ношей, не все доплывали до берега.

Радиостанции у передового отряда в количестве двадцати штук оказались подмоченными, вышли из строя. Из-за потери средств радиосвязи при высадке управление силами десанта оказалось нарушенным. Отсутствие связи затруднило эффективное применение корабельной артиллерии. Но нужно сказать, что сторожевой корабль «Дзержинский», когда [над ним] прошипел японский снаряд, всё же обнаружил орудие, укрытое на берегу дверьми, и прямым попаданием по открывавшейся для очередного выстрела двери у японского расчёта разбил орудие и снаряды к нему. Был виден сильный, мощный взрыв. После этого «шипения» над головой не стало.

В 1943 г. в проливе затонул наш танкер «Мариуполь», на нём японцы и устроили батарею из двадцати 75-миллиметровых орудий. Они открыли огонь по десанту. Но первыми же залпами корабли артиллерийской поддержки уничтожили хорошо видимую с моря батарею на танкере.

Корабли своей артиллерией мощным огневым налётом отбили атаку двадцати танков и пехоты противника, сделали из них месиво. А наши матросы, озлобленные потерей своих товарищей в «Долине чёрных бушлатов» от танка, где была офицером японка, искололи её штыками.

Поскольку корабли имеют мачты, а туман был ниже, то для японцев наши корабельные мачты были ориентирами — мишенями для обстрела и бомбометания, поэтому приходилось отбиваться зенитками. Так получилось, что над туманом тоже шли воздушные бои, но невидимые нам, только корректировщику было понятно. И вдруг из тумана вышел наш подбитый истребитель «Аэрокобра» (лейтенант Виноградов) и плавно сел на воду. Козырёк открывается, лётчик выпрыгивает, а самолёт «клюёт» носом и — в воду.

Тогда время вылета самолёта было ограничено, а поэтому из Петропавловска приходилось точно наводить его на цель, а ведь кругом свистят пули, шипят снаряды, мины. Нервы напряжены до предела: вдруг засекут японцы? Что и случилось при очередном ударе по военно-морским базам Катаока и Касивабара. В тот страшный день 128-я авиадивизия сделала около ста вылетов. Главная цель была достигнута: переброска японцев с острова Парамушир на остров Шумшу была сорвана. Это будет помниться долго.

Как-то раз лейтенант Харитонов говорит мне: «“Батя” с самолёта передать должен, что скоро будут сбрасывать листовки, чтобы японцы сдавались. Смотрите, куда будут падать, подкорректируете». С самолётов листовки сбросили удачно. Японцы их «получили».

Ещё помнится такой случай. У японцев были смертники, то есть прикованные цепями в окопах, снабжённые оружием, патронами, питанием. Под их огонь попал замполит нашего полка Василий Иванович Потехин. Притворился мёртвым, внезапно открыл огонь и убил японца.

Наша рация продолжала работать, мы выполняли свою задачу по плану, утверждённому командиром полка и командиром авиадивизии: держать тесную связь с кораблями поддержки, с самолётами и наводить на цель бомбардировщики...

ККОМ ОФ 38059/6. Авторизованная машинопись, 16 апреля 1988 г., г. Казань

Схема
обороны кораблей и судов в р-не высадки десанта с 18 по 20.8.45 г.

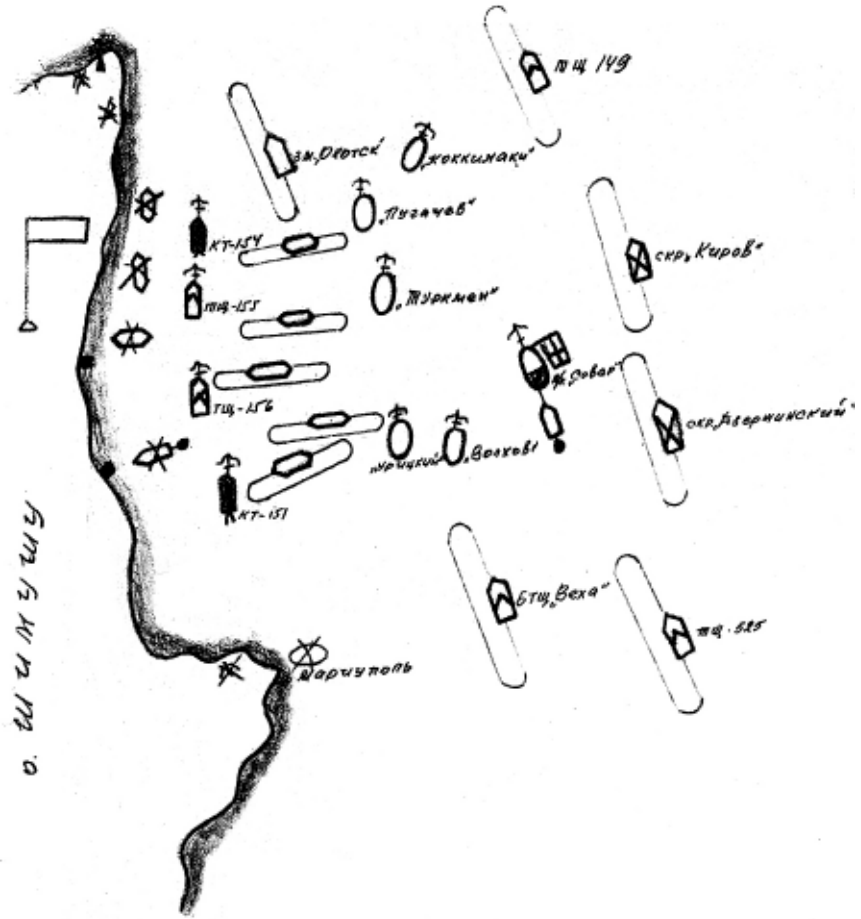
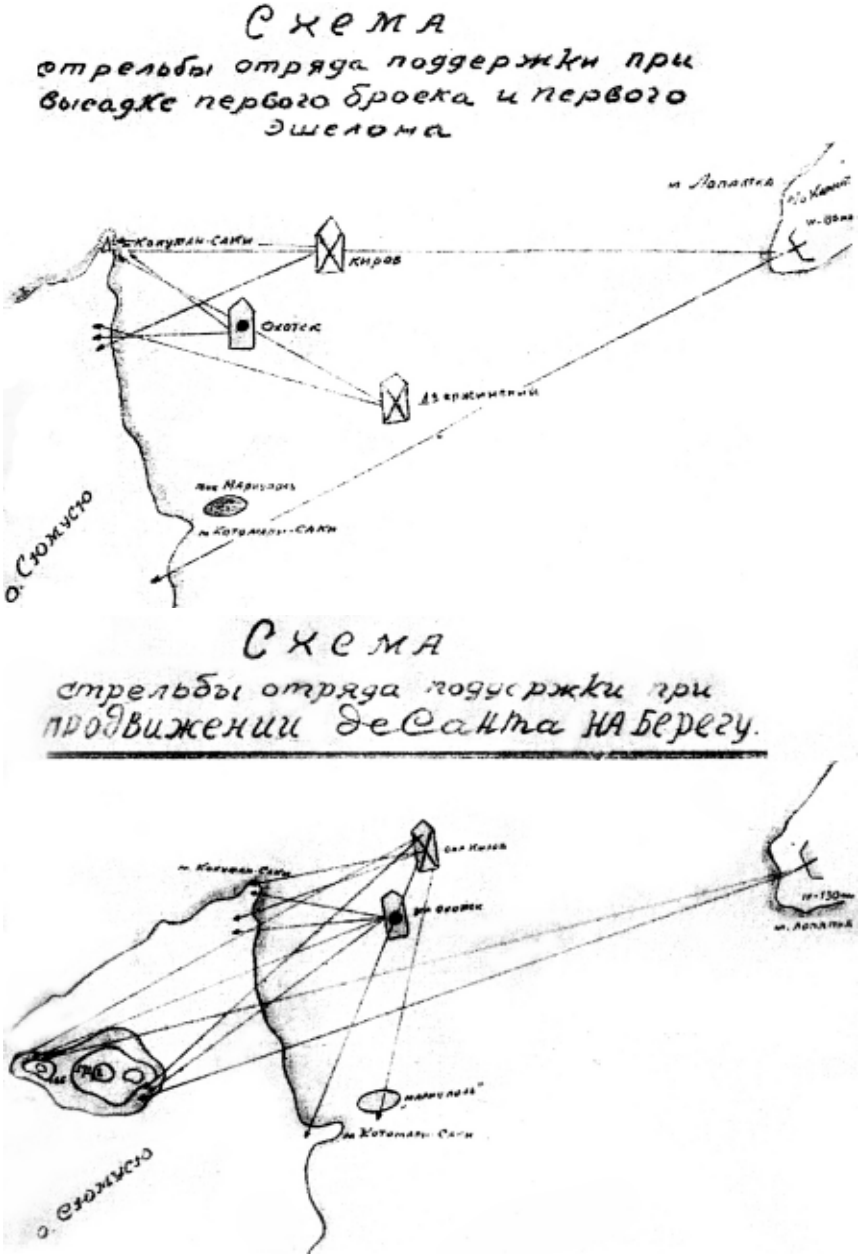

Схема обороны кораблей в районе высадки с 18 по 20 августа 1945 г.
[ВХ-10183/1. Из фондов ЦАМО]

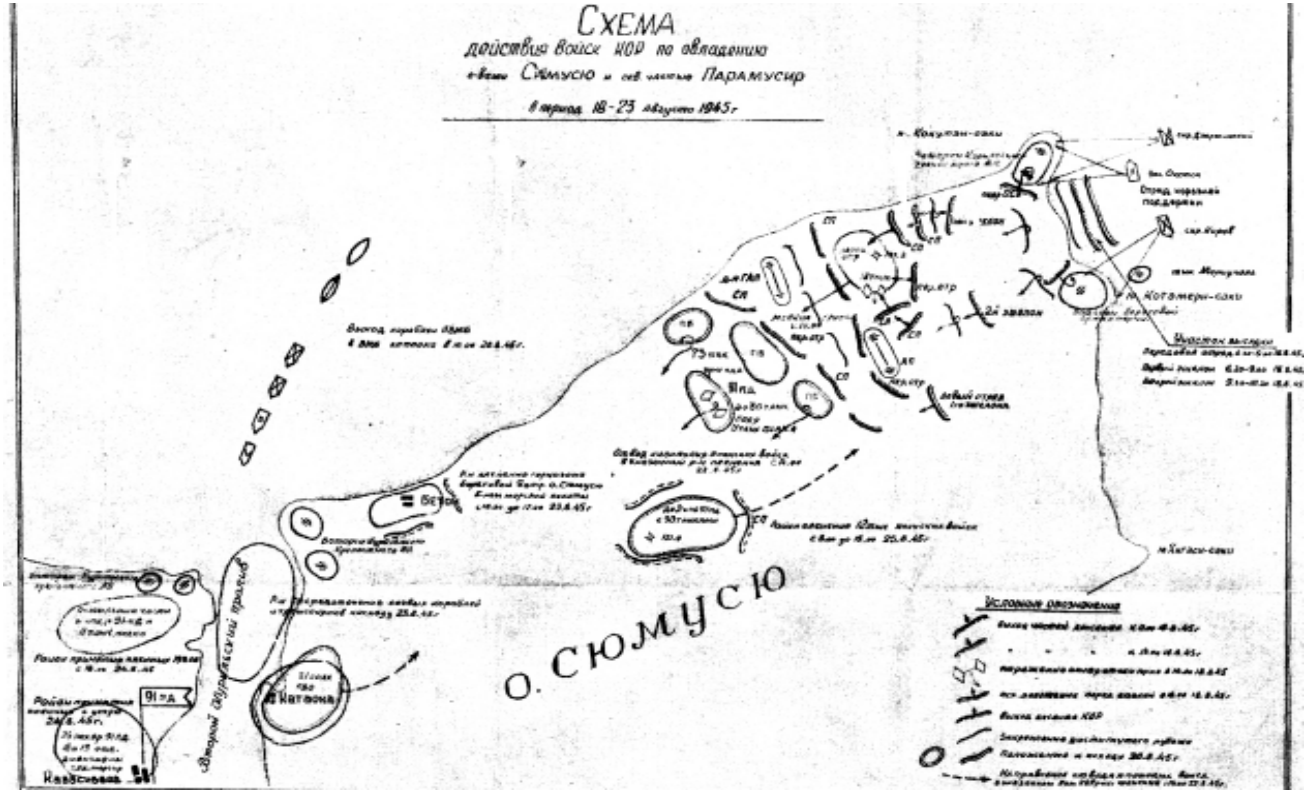

Приложения к штабному документу «Курильская десантная операция» (1947 г.): схемы стрельбы [ККОМ ОФ 38059/164]

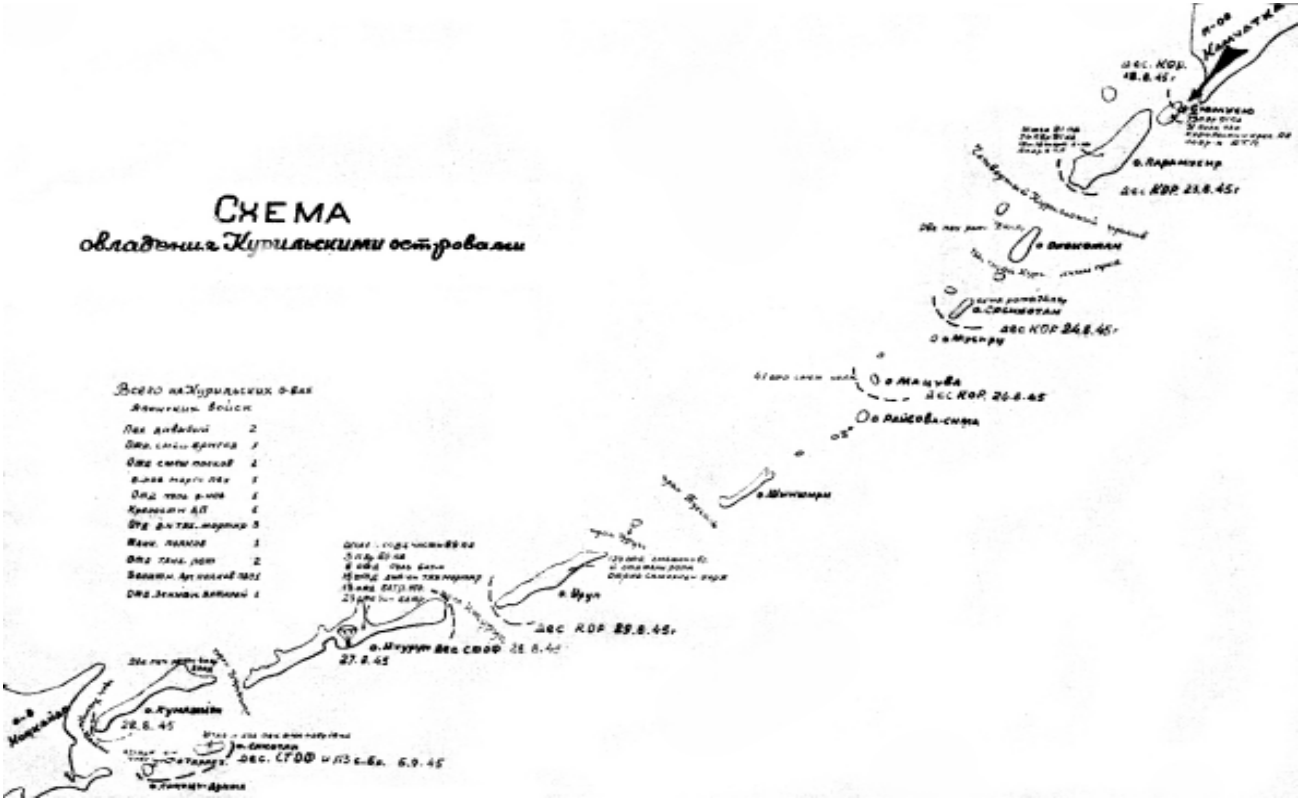
НАШИ ВОЙСКА :		НАИМЕНОВАНИЕ СРЕДСТВ	ЯПОНСКИЕ ВОЙСКА.	
Соотнош.	Кол-во		Кол-во.	Соотношен
1,3:1	7	Вагельное.....	5	1:1,3
1,1:1	28	Стрелковых (автоматных) рот.....	25	1:1,1
1,1:1	22	Батарей.....	19	1:1,1
1:1,1	4630	Винтовок.....	4805	1,1:1
1,5:1	372	Легких пулеметов.....	237	1:1,5
1,7:1	130	Тяжелых пулеметов.....	75	1:1,7
1:0	2583	Автоматов.....	-	0:1
0:1	-	Гранатометов.....	180	1:0
1:0	36	Минометов 50 мм.....	-	0:1
1:0	79	Минометов 80х120 мм...	-	0:1
1:0	215	Противотанк. ружей....	-	0:1
1,3:1	45	Орудий 45 и 47 мм.....	88	1:1,2
1:1,3	44	Орудий 75 и 76 мм.....	60	1,3:1
7,2:1	37	Орудий 100 мм и выше..	5	1:7,2
0:1	-	Танков	77	1:0 ?
		ВСЕГО :		
1,2:1	8824	Людей	8480	1:1,2
2,1:1	205	Орудий (от 82 мм и выше)	98	1:2,1
0:1	-	Танков	47	1:0 ?
7:1	42	Самолетов	6	1:7

ПРИМЕЧАНИЕ: Соотношение сил составлено без учета возможной переброски частей 74 Пр с северной части О.ПАРАМУШИР и резерва командующего КОР, находящегося в районах М.ПОПАТКА, УСТЬ-БОЛЬШЕРЕЦК .

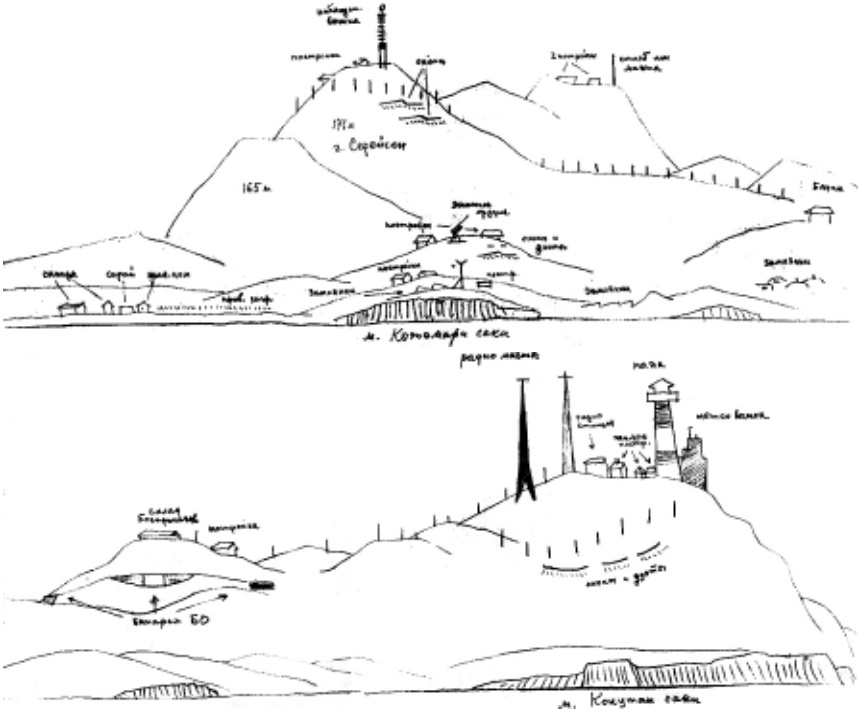
Приложение к штабному документу «Курильская десантная операция» (1947 г.): соотношение сил советской и японской сторон [ККОМ ОФ 38059/164]

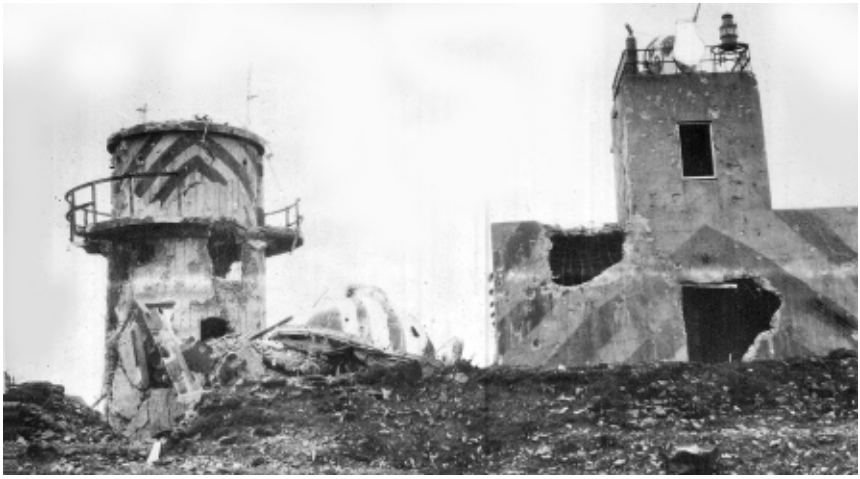
Приложение к штабному документу «Курильская десантная операция» (1947 г.): боевые действия по овладению островами Шумшу и Парамушир [ККОМ ОФ 38059/164]

Приложение к штабному документу «Курильская десантная операция» (1947 г.): схема овладения Курильскими островами [ККОМ ОФ 38059/164]

Место высадки десанта на остров Шумшу глазами очевидцев
[ККОМ ОФ 38059/163]

Разрушенный корабельной артиллерией маяк и подорванная сапёрами башня на мысе Кокутан-Саки

Десантникам оказывают первую медпомощь на острове Шумшу
[КОКМ ОФ 31823/16]

Советские морские пехотинцы у подбитого японского танка,
остров Шумшу, август 1945 г.

Г. А. Мотосов (слева) и Т. А. Почтарёв с морскими пехотинцами у высоты 171,0 [ККОМ ОФ 38059/234]

ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ!

Тов. старший лейтенант
Мотосов
Георгий Иванович

Приказом Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза товарища **СТАЛИНА** от 23 августа 1945 года № 372 за овладение островами Сюмусю и Парамушир из группы Курильских островов всему личному составу нашего соединения, в том числе и **Вам**, принимавшему участие в боях, **объявлена благодарность.**

Капитан 1 ранга
(ПОНОМАРЕВ).
1945 года.

Г. А. Мотосов (слева) и Т. А. Почтарёв у высоты 171,0 [ККОМ ОФ 38059/233]; благодарность Верховного Главнокомандующего Г. А. Мотосову от 28 сентября 1945 г. [КОКМ НВФ 4343/179]

Капитан 3-го ранга В. С. Денисов опрашивает пленных японцев,
август 1945 г. Из собрания А. Т. Царегородцева
[КОКМ ОФ 38059/74]

Капитан 3-го ранга В. С. Денисов ведёт допрос японского офицера
[КОКМ ОФ 31823/15]

Сдача японского гарнизона в плен, август 1945 г.
[ККМГИ 30326—30327]

Панаев Юрий Аркадьевич, младший лейтенант, командир взвода связи дивизиона 279-го артиллерийского полка 101-й стрелковой дивизии

Было прекрасное утро, одно из тех августовских, не так уж часто жалующих жителей прибрежных районов Камчатки. В приоткрытый полог палатки пробивался луч солнца. Чувствовалась свежесть утреннего леса. За стенками палатки слышалось пение птиц...

Но этот покой был нарушен. В палатку просунулась голова дежурного радиста: «Товарищ младший лейтенант, радиограмма из части». И подал мне бумажку. В радиограмме сухо, по-военному чётко, сообщалось, что при получении немедленно прибыть в расположение части. Дело в том, что наш дивизион находился на заготовке сена для лошадей полка. Чтобы попасть в часть, нужно было проехать вдоль Авачинской губы.

Я быстро оделся и пошёл к палатке командира дивизиона. Капитан, пробежав глазами радиограмму, посмотрел на меня, тряхнул головой и снова углубился в чтение.

— А зачем, не сказали?

— Нет.

— Надо запросить, что у них там. Узнай. Я сейчас...

В палатке, где находилась радиостанция, также шёл разговор о срочном вызове. Я спросил, сообщали ли ещё что-нибудь. Дежурный сержант ответил, что нет. Обычно радисты переговаривались между собой, а сегодня их на разговоры почему-то не тянуло.

— Запросите, в чём дело?

Радист начал вызов. Я вышел из палатки и стал ждать. Противоположный берег губы был намного выше, а ещё выше виднелись вершины Корякского и Авачинского вулканов. Розовый снег блестел в лучах солнца. Подошёл капитан. Спросил: «Ну, что?» Я сказал: «Вызывают».

Наконец из палатки вынырнул сержант и подал бумажку. Радиограмма подтверждала первую: срочно явиться в полк! «Ну что ж, — сказал капитан, — подъём, и поехали».

Где-то около десяти часов утра мы на повозках добрались до моста через реку у села Паратунка. С обеих сторон моста стояли пограничники с автоматами. Мы удивлённо спросили: «Вы чего, ребята?» Но те строго поторопили: «Проезжайте! Проезжайте!»

Въехав в село, узнали, что по радио выступал В. М. Молотов. Верная своим союзническим обязательствам, наша страна объявила войну империалистической Японии. Вмиг стихли разговоры,

приумолкли даже шутники. Все невольно подтянулись. Нам посоветовали лошадей, повозки и имущество отправить по берегу губы, а основную часть людей переправить на катерах. Переправа прошла удачно. Рыбаки старались помочь быстрей попасть в часть. Автомагистраль Петропавловск — Елизово была забита машинами. В Елизово везли авиабомбы, в обратном направлении — боеприпасы. Несколько машин остановилось, и нас довезли до части.

Прибыв, мы не узнали обычно спокойного военного городка. Все бежали, что-то несли, грузили, разгружали. Автомашины разъезжали по городку в разных направлениях, и казалось, что никому не под силу разобраться в этой коловерти.

Получили новое обмундирование и прочее необходимое. И ночью полк выехал, а к утру занял оборону вдоль Халактырского пляжа, неподалёку от Толстого мыса. 10 августа Совинформбюро сообщило, что войска Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, прорвав японские пограничные укрепления, успешно выполняют поставленные перед ними задачи. Среди солдат, да и офицеров пошли разговоры: мол, ребята в Маньчжурии ведут бои, а мы опять сидим. А вечером 16 августа поступил приказ: сниматься. Собирались быстро, без лишнего шума, и, вытянувшись в длинную колонну, двинулись в сторону Петропавловска-Камчатского.

Ночи на Камчатке в это время очень тёмные, а кроме того, везде было затемнение. При подходе к Петропавловску встретили ещё колонны войск, которые мы пропускали вперёд, а некоторые пропускали нас. Казалось, что в кромешной темноте, когда в двух шагах не различить человека, невозможно управлять такой массой людей и техники. Но всё шло гладко. Чувствовалась чёткая организованность. И вот мы вошли в город.

Петропавловск выглядел настороженно. Света не было, полная светомаскировка. Обогнув сопку у Култучного озера, мы вышли на улицу Ленинскую. И были потрясены: город не спал. Люди плотной стеной стояли на тротуарах и молча смотрели на проходящие колонны. К нам подходили горожане, что-то говорили, совали какие-то свёртки. Меня кто-то тронул за руку. Я обернулся. Пожилая женщина протягивала что-то, завёрнутое в газету. Я попытался вернуть свёрток, но она сказала: «Бери, бери, пригодится. И возвращайтесь скорей...»

Так и шли мы между двумя рядами провожавших нас горожан. У ворот порта тоже было очень много людей. Кто разыскивал родственников, а кто просто знакомых. Нас сразу подвели к стоящему у причала судну. Началась погрузка. Мощные краны брали

с причала автомашины, орудия и опускали в открытые трюмы парохода. Вскоре погрузка закончилась, и пароход, подталкиваемый буксирами, вышел на рейд. Город постепенно исчез в густом тумане. В пять часов утра 17 августа мы вышли из Авачинской губы в боевой рейс. Так начиналась Курильская операция по освобождению исконно русских островов от японских империалистов.

Впереди нас ждали тяжёлые, кровопролитные бои...

НВФ 4343/21. «Восход» (газета, Сахалинская область), 4 сентября 1984 г.

Пильховский Гаврила Васильевич, боец 198-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии

...Был призван в армию в 1941 г. в 198-й стрелковый полк, служил до окончания войны с Германией. После этого остался работать на Митогинском рыбокомбинате Усть-Большерецкого района. Когда объявили войну с Японией, был взят в 198-й стрелковый полк, и сразу в ночь — на Курильские острова: Шумшу, Парамушир.

Когда острова были полностью взяты, наш батальон (командир товарищ Алексеев) получил приказ: следовать на остров Симушир. Здесь батальон погрузился на гражданский пароход. На нём доплыли до острова Харимкотан, где пароход наткнулся на подводный риф.

На пароходе был рыбный кунгас и немного вёсел. На этом кунгасе с большими трудностями (наступала ночь, а в море — самая большая опасность для жизни) весь батальон и выгрузился на остров без жертв. Я работал ловцом на комбинате, имел опыт и управлял кунгасом. Сколько было радости, слёз, объятий, что не погибли при том случае...

У меня нет записи в военном билете, что я — участник войны...

ККОМ ОФ 38059/36. Рукопись, октябрь 1988 г., г. Новосибирск

Пименов Александр Иванович, директор рыбокомбината имени А. И. Микояна Акционерного Камчатского общества

...15 августа 1945 г. в районе нашего рыбокомбината самолётами Петропавловского погранотряда, входившими в это время в бомбардировочный полк 128-й авиадивизии, было потоплено гружёное японское судно. Его команду сняли и отправили в Усть-Большерецкий 198-й стрелковый полк.

Население Озерновского рыбокомбината, находившегося ближе всех к острову Шумшу, три дня подряд слышало стрельбу по острову из орудий батареи мыса Лопатка.

В воинских частях нашего района была введена повышенная готовность, а 18 августа войска КОР высадились и вели упорные бои с превосходящим противником на сильно укреплённом острове Шумшу.

К Курильской операции были привлечены и войска Усть-Большерецкого гарнизона, переброшенные на фронт в первые дни боевых действий за овладение островом Шумшу. Отправка воинов, вооружения, боеприпасов, горючего и другой военной техники происходила с территории нашего рыбокомбината.

Мне, как руководителю комбината, командованием гарнизона и секретарём Усть-Большерецкого райкома ВКП(б) Н. А. Шаповаловым было предложено выделить для этой цели потребное количество катеров, кунгасов и рабочих для погрузочных работ.

При активном участии капитана флота комбината В. Чернявского были укомплектованы команды катеров и кунгасов в числе свыше 50 чел. и созданы бригады грузчиков, всего более 130 чел. Команды и грузчики комплектовались из числа добровольцев, их оказалось значительно больше требуемого количества.

Первым транспортом, прибывшим с фронта 20 августа для переброски десантников, был траулер «Буревестник» АКО, капитан П. Иванов. Вскоре встало на якорь гидрографическое судно «Полярный». На нём прибыл представитель политотдела десантных войск П. Ф. Елисеев, бывший в то время секретарём Камчатского обкома партии, а до работы в обкоме он около трёх лет трудился секретарём Усть-Большерецкого райкома партии, и его хорошо знали воины гарнизона и коллектив нашего комбината.

Он кратко рассказал воинам и рабочим о сложившемся тяжёлом положении на фронте, что он прибыл в Усть-Большерецк по заданию командующего десантной операцией генерал-майора А. Р. Гнечко для обеспечения переброски на фронт устьбольшерецких войск. Его рассказ ещё больше воодушевил воинов и тружеников нашего комбината, все мы работали с полной отдачей своих сил, и за три часа были полностью загружены стоящие на рейде два транспорта, а на берегу в ожидании отправки ещё оставалась часть войск, вооружения и боеприпасов.

В этой сложной обстановке товарищ Елисеев предложил мне дополнительно выделить катера и кунгасы для доставки в район боёв воинов и боевой техники. В соответствии с этим указанием

было выделено 22 единицы за счёт флота нашего комбината и стоящих на нашем рейде катеров соседних с нами предприятий.

Все они были укомплектованы квалифицированными моряками во главе с капитаном флота нашего комбината В. Чернявским. Ответственность за доставку воинов и боевой техники, размещённой на катерах и кунгасах, П. Ф. Елисеев возложил на меня, и командование гарнизона одобрительно отнеслось к этому назначению. Так я стал участником Курильской десантной операции и беспрекословно выполнял возложенные на меня обязанности до полной победы над врагом на Курильской земле.

Переход от места погрузки до Первого Курильского пролива проходил в крайне тяжёлой штормовой погоде и с большим перегрузом кораблей и особенно мелкого флота. Ветер и волны становились с каждой минутой всё более грозными и опасными, а перегруженные кунгасы начало захлёстывать волнами Охотского моря, много воинов страдало морской болезнью. При слабой ручной технике для откачки воды стало заливать кунгасы, и мы были вынуждены пересадить часть людей на суда, и так шедшие с большим перегрузом.

В этих условиях командиры, политработники и партийно-комсомольские организации проводили большую работу за сохранение жизни каждого воина, вооружения и боеприпасов. Это воодушевило воинов в борьбе с морской стихией и вызвало повышенное стремление быстрее соединиться с десантниками, ведущими тяжёлые бои за овладение островом Шумшу.

Трудно описать радость, царившую у всех десантников, когда наши суда, преодолев большое расстояние тяжёлого морского пути, благополучно прибыли к острову. Сначала с пароходов, катеров и кунгасов сняли людей, потом, под прикрытием тёмной ночи с 20 на 21 августа выгрузили вооружение, боеприпасы, горючее и продовольствие. Эту работу выполнили мобилизованные грузчики петропавловских морских портов под руководством начальника рыбного порта Я. Я. Завадского.

В этих трудных условиях штормовой погоды переброска войск и боевой техники Усть-Большерецкого гарнизона была выполнена в установленный командованием срок и без потерь. Большая заслуга в этом принадлежит командам катеров и кунгасов нашего комбината во главе с В. Чернявским, много сделавшим для налаживания чёткой работы флота.

Об этой операции командующий КОР А. Р. Гнечко в статье, посвящённой 25-летию победы над Японией, писал: «С благодар-

ностью вспоминаю мужество, большой патриотизм устьбольшерецких рыбаков. Они сумели на открытых баржах и катерах перебросить полк на Шумшу. Командир полка Говоров считал этот переход своеобразным чудом».

Да, я, как хорошо знающий капризы Охотского моря, разделяю это мнение командования и часто задаю себе вопрос: на какой риск и ответственность за исход этой поистине дерзкой операции мы шли? Но это лишний раз подтверждает, какую силу и мужество проявили комбинатовцы, выполняя приказ командования десантной операцией.

Мы были восхищены, когда узнали, что переброшенные нами свежие войска соединились с основными силами десантников и успешно продвигаются вперёд. К исходу дня 23 августа гарнизон противника на острове Шумшу был полностью пленён, а впереди ещё предстояли серьёзные схватки за освобождение островов Парамушир, Онекотан и других, включая Уруп.

В соответствии с этими задачами десантных войск, на меня возложили задачу обеспечить наибольшее использование вверенного мне флота на переброске войск, вооружения и боеприпасов на Парамушир и Онекотан, вывозу раненых десантников на санитарное судно «Менжинский» и другие работы по обслуживанию фронта. Одним словом, работы было много, а мелкого флота не хватало.

После освобождения Шумшу и северной части Парамушира нашими войсками было захвачено большое количество самоходных барж, катеров, кунгасов противника. Но со всех десантных барж были сняты аккумуляторы, а сами они залиты водой. Благодаря мерам, принятым полковником П. А. Артюшиным и представителем политотдела десантных войск П. Ф. Елисеевым, за несколько часов силами японских военнопленных из всех барж откачали воду, обратно поставили аккумуляторы. Наши воины быстро освоили трофеи и использовали их для переброски десантников и боевой техники на южную часть Курильских островов.

Кроме этих, наши войска захватили на берегу северной части Шумшу ещё много самоходных барж. По признанию японцев, они были предназначены для высадки десанта на Камчатку, в районе Петропавловска.

После освоения нашими десантниками трофейного флота наши катера и кунгасы были освобождены от работы, связанной с дальнейшими рейсами в районы южных островов. Нас переключили, главным образом, на выгрузку военной техники и другого снабжения с пароходов, погрузку на них трофейного оружия и другие

работы по обслуживанию тыла. После выполнения этих задач, по разрешению командования, 11 сентября 1945 г. мы все благополучно возвратились в свой родной комбинат.

За время Курильской десантной операции мы потеряли один катер и два кунгаса. Их командование возместило комбинату за счёт трофейного флота.

За двадцать девять лет моей работы на Дальнем Востоке самым сильным впечатлением остаётся десантная операция по возвращению нашей родине Курильских островов. У меня, как и у других участников этих событий, никогда не изгладятся из памяти проявления поистине массового героизма наших десантников в боях с противником...

БН. Авторизованная машинопись, 10 декабря 1976 г., г. Тула

Из письма А. Р. Гнечко П. Ф. Елисееву: «Дорогой Пётр Фёдорович! Большое вам спасибо за тёплое письмо, присланное вместе с воспоминаниями Александра Ивановича Пименова. Подобные воспоминания являются ещё одним важным документом, подтверждающим проявление советского патриотизма коллективом рыбокомбината имени А. И. Микояна и любви к родине в трудное для неё время на заключительном этапе Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке по разгрому японских войск на исконно русских землях в августе 1945 г.

Содержание воспоминаний А. И. Пименова исключительно правдиво, не потеряло своей свежести и имеет большое воспитательное значение для нашего славного советского поколения молодёжи.

Со своей стороны считаю, что эти воспоминания — нужный и полезный материал не только для музеев, но и для сахалинской и камчатской областных газет...»

БН. ГАКК, ф. 800, оп. 1, д. 373, л. 3—4. Машинопись, 19 декабря 1976 г., г. Москва

Поплавский Иван Зиновьевич, капитан, заместитель командира 7-го отдельного стрелкового батальона

...Действительно, 7-й отдельный стрелковый батальон 101-й стрелковой дивизии формировался в 1944 г. Его первым командиром был капитан Кранихфельд, начальник штаба — старший лейтенант Карабаев, заместитель командира — капитан Вожнов. Я туда прибыл в звании старшего лейтенанта на должность командира пулемётной роты в октябре 1943 г. Место дислокации — село

Елизово, рядом с радиоцентром. Задача батальона: передислоцироваться в южную часть Камчатки на мыс Лопатку, там вести наблюдения за действиями противника, не допустить высадку японского десанта, захода кораблей (кроме советских) в территориальные воды СССР, контролировать действия противника в Первом Курильском проливе. Батальон расквартировался в районе озера Казачьего, там же была и погранзастава, усилен артиллерией береговой 130-миллиметровой батареи. Так начиналась деятельность батальона на новом месте, куда он прибыл в октябре 1944 г.

Место расквартирования нашего подразделения находилось в ста километрах от ближайшего населённого пункта — посёлка Озерновского. На этой территории, кроме зверей и птиц, люди, кроме исследователей, никогда не бывали.

Перед началом боевых действий капитан Кранихфельд был переведён в штаб 101-й дивизии, а комбатом назначили капитана Желаннова. Батальон был оперативно подчинён командующему Северной группой войск в составе 137-го стрелкового корпуса. За время подготовки к боевым действиям в район расположения батальона приезжали: командующий 2-м ДВФ генерал-полковник Крылов, командующий ТОФ адмирал Юмашев, командующий КОР генерал-майор Гнечко. С нами провели множество бесед, советов, рекогносцировочные работы. Так что район мыса Лопатка играл немаловажную роль в подготовке к боевым действиям. Батальон имел и другие задачи, но они носят государственный интерес и описать их не могу.

С началом боевых действий батальон составил головной отряд, задачей которого было высадиться на остров Шумшу, захватить плацдарм и обеспечить высадку войск второго эшелона. Батальон эту задачу выполнил, но в силу того, что японские части на острове сдались в плен, часть была переподчинена командиру 101-й стрелковой дивизии и получила другую задачу: разоружить 74-ю пехотную бригаду японцев, пленить их и посадить на корабли.

После выполнения этой задачи батальон получил новую, уже от командира 101-й стрелковой дивизии: собрать усиленный отряд и из порта Касивабара высадиться на остров Парамушир, захватить плацдарм и обеспечить высадку второй очереди десанта. Этим отрядом командовал я. И эту задачу батальон выполнил. После всех этих действий батальону дали время для доукомплектования, сбора всех подразделений, короткого отдыха.

Вопрос о смертниках интересует всех. Мне лично с японским полковником приходилось быть в блиндаже, где они были прикованы

и откуда вели огонь по нашим кораблям, солдатам и офицерам. Это — на мысах Кокутан-Саки и Котомари-Саки.

Конечно, были и героические поступки, и просчёты, даже смертельные исходы, но в то время командование батальона просто не имело опыта, достаточно знаний...

ККОМ ОФ 38059/7. Рукопись, 22 июля 1987 г., г. Донецк

...В зиму 1943/44 г., в связи с уходом японских рыбаков с западного побережья Камчатки, командование решило отправить на мыс Лопатку боевое охранение в составе одной стрелковой роты, усиленной миномётным и пулемётным взводами, противотанковыми ружьями. Цель: не допустить повторной высадки рыбаков, а может быть, и диверсантов.

Этот переход совершили под руководством капитана Ивана Фёдоровича Вожева, заместителя командира батальона (в 1944 г. его перевели на материк и я был назначен на эту должность).

Этот переход проходил зимой, совершался по неизведанной дороге по побережью Охотского моря. Люди шли по местам, во многих из которых ещё не ступала нога человека. Жилья по пути не было, приходилось отдыхать в палатках в суровых условиях. Продовольствие, оружие, боеприпасы везли на волокушах, сделанных из лыж...

ККОМ ОФ 38059/10. Рукопись, 19 сентября 1987 г., г. Донецк

...Японские рыбаки ушли с Камчатки в 1943 г. в зиму... а на восточном побережье их не было, и к началу подготовки и формирования Курильского десанта ни одного японца на Камчатке не было, в том числе и на мысе Лопатка...

Лыжный переход совершала 1-я рота батальона от Елизово до мыса Лопатка. Рота была усилена: пулемётный взвод, взвод противотанковых ружей. Она расквартировалась на одной сопке с батареей капитана Соколюка.

Расстояние до наших вышестоящих штабов было от 400 км и больше, а связь осуществлялась по радио в условленное время по шифровкам, а дополнительно — почтой. Её привозили на катерах, кораблях, сбрасывали с самолёта и даже доставляли на собачьих нартах. Незадолго до десанта на мысе Лопатка, кроме полковника Артюшина, побывали командующий фронтом, Тихоокеанским флотом, командующий Северной группой войск.

22 февраля 1945 г. на мыс Лопатку, прямо в центр расквартирования батальона, высадились три американских пилота, а свой

самолёт они направили в воды Тихого океана. Из их разъяснений нам стало известно, что они бомбили японские острова и были подбиты, поэтому пустили ракету коричневого цвета (что означало «Прошу помощи») и на парашютах выбросились, покинув самолёт. Позже, весной, зенитная батарея сбила американский самолёт, упавший у обрыва горы Лисий ресторан, возле Тихого океана. Экипаж погиб, там была их могила, у самого обрыва названной горы.

Мы организовали дежурство, потому что ожидали неприятностей, но их не было...

ККОМ ОФ 38059/13. Рукопись, 15 декабря 1987 г., г. Донецк

...По вопросу затонувшего (сидел на мели) танкера «Мариуполь». Было известно, что с наблюдательного пункта батареи Соколюка, действительно, шло наблюдение, вёлся журнал. Но подробности этого мне почти неизвестны, так как к этому времени у нас был куратор (направленец) — капитан Кранихфельд и все данные были у него. Наши наблюдения через обыкновенный бинокль особых изменений не выявляли. Третий пост наблюдения — маяк мыса Лопатка. Тогда группой матросов командовал старший лейтенант Литовка, но он свои наблюдения докладывал непосредственно в штаб КОР. Мы были заняты подготовкой к десанту и ведению ночных боёв в условиях море — суша — море.

ККОМ ОФ 38059/25. Рукопись, 13 февраля 1988 г., г. Донецк

Из наградного листа *Ивана Зиновьевича Поплавского*, капитана, заместителя по строевой части 7-го ОСБ КОР 2-го ДВФ, 1918 г. р., украинца, члена ВКП(б), участвовал в войне с Японией с 9 августа 1945 г. В Красной Армии с 1938 г., призван Солянским райвоенкоматом Днепропетровской области. Ранее не награждался, представляется к награждению медалью «За боевые заслуги».

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Во время высадки десанта чётко руководил разгрузкой парохода. Организовал бесперебойный подвоз боеприпасов и продовольствия во время выполнения боевой задачи, тем самым способствовал её выполнению. Достоин правительственной награды — медали «За боевые заслуги».

Командир 7-го отдельного стрелкового батальона
капитан *Желаннов*.
6 сентября 1945 г.

Заключение вышестоящих начальников: «Достоин правительственной награды — медали “За боевые заслуги”. Командующий КОР генерал-майор *Гнечко*. 11 сентября 1945 г.».

НВФ 4343/19. Ксерокопия

Пудов Степан Николаевич, старший лейтенант, парторг батальона 302-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии

...Я ушёл служить в армию из школы — был учителем. Солдатские дороги привели на Камчатку...

15 августа 1945 г. 302-й стрелковый полк 101-й дивизии, в котором я служил, узнал из приказа о наступлении. Перед нами, как и другими частями, ставилась задача: освободить северную группу островов Курильской гряды. В то время я был старшим лейтенантом, парторгом батальона. Мой путь от солдата до офицера — это обычный путь советского человека. Многие годы я делил все тяготы армейской службы с товарищами по оружию, хорошо их знал, а теперь, когда настало время более серьёзных испытаний, чувствовал, видел, как они стали ещё строже, собранней, как они были готовы выполнить любой приказ родины.

Работники политорганов, конечно, провели широкую работу. Но что характерно — советского солдата не надо в чём-то убеждать. У него высокое сознание, беспредельная преданность партии, родине, своему народу, у него высокий морально-политический дух. Каждый наш воин отлично знал, во имя чего пойдёт в бой...

Нам поступил приказ: провести освобождение центральных Курильских островов. Я вошёл в состав группы, которая должна была разоружить отдельный императорский полк, находившийся на острове Матуа. На эсминце пошли к острову и достигли его уже к вечеру. Погода стояла штормовая, но спустили шлюпки, плывём. Видим пирс, катер возле него — и ни одного человека. Тишина. Нас это удивило и насторожило. Ведь полк от своего высшего командования уже получил приказ о капитуляции. Что же означает такая тишина?

Высадились на берег. Поднялись на возвышенность. Ни души. Словно и нет никого на острове. Выслали вперёд разведку. Уже совсем стемнело, и в этой темноте раздались пулемётные очереди. Это открыли огонь японцы. Мы решили ждать утра. Об обстановке сообщили командованию полка. С рассветом на остров высадились главные силы полка. Тогда противник, видимо, до этого ещё

на что-то надеявшийся, начал складывать оружие. Но его офицеры постоянно вели себя вызывающе, нагло.

Хотя японцы долгое время хозяйничали на Курильских островах, кроме военных укреплений, по сути, ничего больше не построили. Например, их рыбаки жили в тёмных сырых землянках. На островах, собственно, и следов не было развития какого-то хозяйства. Это ещё раз говорит о том, что оккупация Курил служила империалистической Японии для военных целей...

БН. ГИАСО, ф. 1187, оп. 2, д. 10, л. 1—4. Авторизованная машинопись, 25 августа 1975 г., г. Южно-Сахалинск

Рубан Николай Григорьевич, младший лейтенант, командир взвода противотанковых ружей 2-го стрелкового батальона 302-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии

Я — участник военно-морского десанта 18 августа 1945 г. на Курильские острова... Награждён за время десанта медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды...

Ранее я писал, что на памятнике погибшим за Курилы нет фамилии и имени Байченко Петра Трофимовича, 1906 г. р., комиссара 2-го стрелкового батальона 302-го стрелкового полка. Он погиб, ведя батальон на штурм высоты 171,0 на Шумшу. Дело в том, что весь 302-й стрелковый полк в десанте не был, только его 2-й стрелковый батальон был передан в состав 373-го стрелкового полка. Байченко прибыл к нам с Запада, перед войной с Японией. О нём не дали сведений куда-нибудь. Это безобразие, если не хуже этого! Кто-то из инструкторов в 1985 г. писал мне, что он «учтёт»...

Я был в самой гуще боёв, не зря получил две боевые награды. В книге В. Акшинского на стр. 89–90 упоминается моя фамилия.

Есть много документов и фото капитуляции японцев. Сам брал в плен трёх японских офицеров и сдал их в штаб 101-й дивизии заместителю командира дивизии полковнику П. А. Артюшину и майору особого отдела 302-го полка М. Г. Резниченко.

ККОМ ОФ 38059/42. Рукопись, 21 апреля 1987 г., Татарская АССР, г. Брежнев

...Мне известно от бывшего начальника контрразведки 302-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии майора Михаила Георгиевича Резниченко, что японцы проложили подводный кабель связи с острова Хоккайдо по Курильской гряде. Прямая, не кодированная связь командующего войсками Курил с командующим войсками: на Парамушире — третья точка, Матуа — вторая, Итуруп —

первая точка и Кунашир — нулевая. Такой же кабель был проложен на юг Сахалина... Охрану кабеля и точек связи осуществляло специальное подразделение императорской гвардии. Доступ в точку был ограниченному числу лиц. Но дело в том, что он якобы не найден был тогда, в 1945—1946 гг.

...Прокладку кабеля связи вели китайцы, взятые в плен. По окончании работ все китайцы были посажены на баржу, вывезены в открытое море, и торпедами всех потопили... Повторяю, всё это мне рассказал бывший начальник контрразведки 302-го полка майор Резниченко, с которым у меня было много откровенных разговоров за три с половиной года нашей службы... Это был удивительно разнообразной осведомлённости человек...

ККОМ 38059/45. Рукопись, 17 мая — 20 июня 1987 г., Татарская АССР, г. Брежнев

Из наградного листа *Николая Григорьевича Рубана*, младшего лейтенанта, командира взвода противотанковых ружей 302-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии, 1918 г. р., украинца, члена ВКП(б). В Красной Армии с 1939 г., участник десантной операции на остров Симушу 18—20 августа 1945 г. Ранее не награждался, представляется к награждению орденом Красной Звезды.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

В период высадки десанта на остров Симушу проявил высокую организованность, храбро, смело командовал своим подразделением при высадке и во время боя. Личным примером воодушевлял и увлекал подчинённых в атаку, проявляя чудеса храбрости, распорядительности. Вывод: достоин правительственной награды — ордена «Красная Звезда».

Командир 302-го стрелкового полка
подполковник *Говоров*.
22 сентября 1945 г.

Резолюция: «Наградить. Командир 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии генерал-майор *Дьяков*. 28 сентября 1945 г.».

НВФ 4343/31. Ксерокопия

Сандюк Владимир Александрович, лейтенант, командир миномётного взвода 198-го отдельного стрелкового полка

...Ничего существенного я вам не могу сообщить, так как наша батарея 120-миллиметровых миномётов ни на Сюмусю, ни на Пара-

мушире ни одного выстрела не произвела. В. С. Акшинскому я подробно описал обо всём, вплоть до того, как я удрал из военного госпиталя, когда услышал по радио выступление В. М. Молотова об объявлении состояния войны с Японией. Как в ту же ночь командир полка приказал мне выйти в море на «кавасачке» — разыскать военное гидрографическое судно и привести его для погрузки нашего и соседнего полков.

Не знаю, как доводилась боевая задача до других подразделений полка, и не собираюсь никого упрекать, но я, командир взвода, не знал, кто, где и как выполнял эту задачу. А мы после Симусю выгрузились на Парамушире в порту Касивабара. Затем поднялись на Китанадай (плато Аэродромное. — *Ред.*), позже спустились в порт Банчжоу. Там и жили до возвращения на Камчатку...

ККОМ ОФ 38059/84. Авторизованная машинопись, 9 февраля 1988 г., г. Светлый Калининградской области

...До начала операции у нас были топографические карты, свои. Знакомились с районом возможных боевых действий. Названия населённых пунктов указывались такие, как их называли японцы. Уверен, что эти карты сохранились в архиве корпуса и дивизии. Название «Банчжоу» взято с наших карт. На острове Парамушир дислоцировались три японских гарнизона: в порту Касивабара, на плато Китанадай и с обратной стороны острова в порту Банчжоу. В такой последовательности мы и перемещались. Правда, на плато Китанадай мы находились дольше, чем до него и после.

Восхождение на Китанадай преследовало выполнение общей цели — овладение островом. «Овладевали» им без боёв. Возможно, мы составляли резерв?

Дополняю некоторые эпизоды и детали десанта. После того как мною был выполнен приказ командира полка о розыске ночью в море судна, мы привели его под погрузку. В это время из Петропавловска к нам в Усть-Большерецк, точнее, на побережье, прибыл начальник политотдела и вручал, кому это полагалось, партийные документы. Я был кандидатом в члены ВКП(б). Вручая мне партбилет, начальник политотдела спросил, как буду воевать? Я ответил, что буду воевать так, как обязан коммунист.

Позже, на Парамушире, я был назначен старшим по погрузке трофейного оружия. Мне выделили команду японских солдат и офицеров. Главным у них был барон (по словам японских офицеров). Барон с утра стоял на краю пирса и смотрел на море. Он ни разу не оборачивался в сторону работающих. Однажды перед вечером,

завершая погрузку кунгаса, я сказал одному из офицеров, что дальномер нужно оставить на земле, а погрузить его утром. Он кивнул, что выполнит.

Утром я обнаружил дальномер в кунгасе, залитый морской водой. Или кунгас был старый, или его специально пробили. Оптические приборы ценились, и дальномер было жаль. Я отчитал офицера. Он подобострастно выслушал меня, побежал, доложил старшему офицеру, который, в свою очередь, чуть не ползком приблизился к барону и доложил о случившемся. Последний что-то кратко сказал. Старший офицер немедленно выстроил всю команду в одну шеренгу и начал по порядку всем раздавать пощёчины. Я опешил. Затем подбежал к офицеру и потребовал немедленно прекратить экзекуцию...

На острове, как вам известно, оборудован подземный город. Говорят, что его строили 350 тыс. пленных китайцев, которых по окончании строительства уничтожили в море.

На складах у японцев мы обнаружили много заготовленного продовольствия, инвентаря и одежды.

ККОМ ОФ 38059/86. Авторизованная машинопись, 8 апреля 1988 г., г. Светлый Калининградской области

Санников Алексей Владимирович, офицер 3-го батальона 198-го отдельного стрелкового полка

...Непосредственно в боях не участвовал. Пока мы, 2-й и 3-й батальоны со штабом 198-го стрелкового полка, грузились севернее рыбокомбината имени Микояна на рыболовный тральщик, шли к Курилам, война кончилась, Япония капитулировала.

Помню, рано утром подошли к острову Шумшу. Тишина. У берега — полузатопленные десантные американские баржи с пробитыми боевыми рубками. Что следует отметить? Тральщик — небольшое судно, начинённое людьми «от и до», загруженное до отказа, беззащитное с воздуха, но какое было боевое настроение! Солдаты менялись друг с другом не пайками хлеба или консервами, а патронами. Погода была отличная, редкая для Охотского моря. Случись бы шторм, наш тихоходный кораблик едва ли бы уцелел.

От северного мыса острова Шумшу сразу же ушли в посёлок, ныне Северо-Курильск, где и выгрузились. Наш 3-й батальон — в северо-западной части острова. Пожалуй, из состава батальона мне одному пришлось выполнить «боевую» задачу. К вечеру коман-

дир батальона, вызвав меня, показал на видневшиеся метрах в восьмистах конусные японские палатки и приказал: «Там японцы, примерно рота, нужно их передислоцировать. На дороге, идущей на аэродром, тебя встретит кто-то из штаба и скажет — куда».

С ординарцем я двинулся напрямик к указанному месту через ольховник и кедрач. Добрались. У японцев шла вечерняя поверка, и было их там не рота, а целый батальон. Кроме двух больших палаток, имелись замаскированные низкие казармы. Пока я толмачил знаками с первым встретившимся офицером, пока нашли переводчика, то увидел, что японцы уже вышли к дороге. Но там никто меня не встретил. До штаба полка добрался быстро, получил указание вести пленных до аэродрома, там их встретит 2-й батальон, «чем твоя задача завершится».

Пока я добежал до развилки дорог, колонна пленных уже двигалась туда, растянувшись чуть ли не на километр. Солдаты шли толпой, нагруженные, как лошади, мешками с рисом, с тюками одеял (у них полагалось по пять-шесть одеял на солдата, матрацев я не видел) и другим имуществом. Запыхавшись до предела, уже на самой горе у аэродрома догнал голову колонны. Никто из наших меня там не встретил. Взял решение задачи на себя — дал приказ идущим во главе колонны офицерам располагаться в палатках, стоящих по краю аэродрома, что они, надо отметить, довольно быстро выполнили.

Отойдя немного вниз к посёлку, я и ординарец забрались в кедрач и уснули. На рассвете услышали голоса, выскочили на дорогу. Это наш батальон передислоцировался в посёлок. Доложил командиру о выполнении задачи. Мне подвели коня, и я буквально и переносно въехал в посёлок. То ли за этот «подвиг», то ли вообще «всем сестрам по серьгам» был награждён медалью «За боевые заслуги», а одновременно получил и порок сердца при «штурме» сопки. А я был тогда комсоргом батальона.

Японцы почему-то принимали меня за азиата — так определил переводчик. В 1947 г. демобилизовался, в чём мне помогла справка из госпиталя. Я чувствовал, что армия будет сокращаться, и в первую очередь — офицеры военного времени. Зачем было ждать? Уехал на Урал...

Так что моя военная эпопея мало пригодна для отражения десантной операции. А написал всё это, как тоску по Северу, тоску по ушедшему времени...

ККОМ ОФ 38059/76. Рукопись, 22 февраля 1988 г., г. Витебск

Силаев Иван Иванович, заместитель командира 3-го стрелкового батальона 198-го отдельного стрелкового полка

...В августе 1938 г. по направлению политуправления РККА группа политработников после окончания политкурсов в Ростове-на-Дону прибыла в Петропавловск-Камчатский в 101-ю стрелковую дивизию. Она только начинала формироваться, ещё не было комдива и комиссара.

Нашу группу — шесть или восемь человек, в том числе И. И. Синдеева, Сашу Кузьмина, И. И. Ускова и других — послали через камчатские хребты пешком в Усть-Большерецк. В сентябре 1938 г. был частично создан штаб 198-го стрелкового полка. Я непосредственно принимал участие в формировании подразделений — первых рот. Первым командиром к нам в 1939 г. прибыл майор Артюшин, комиссаром временно был Никитенко, а вскоре, весной 1939 г., прибыл старший политрук Нештепенко, за ним — батальонный командир Сагитов, очень толковый командир и душа полка, особенно молодых политработников.

В 1942 г. в полк на должность командира прибыл майор Писарев (невзрачная личность, пришибеевский психопат — таким он был). В это время душой полка был замечательный политработник подполковник Фаршатов. Тогда я был сначала комиссаром, а позже — замполитом 3-го стрелкового батальона.

Зимой 1942 г. мы с Сашей Ляником в составе лыжного отряда в 200 чел. (командир старший лейтенант Фёдор Соловьёв) совершили боевой 500-километровый поход через камчатские хребты в Петропавловск и обратно. Это был очень тяжёлый переход в условиях снежных буранов и пурги, сорокаградусных морозов. Питались очень плохо, в основном рыбой. В этот переход меня назначили комиссаром отряда. На моей спине образовалось более сорока фурункулов. Вот Саша Ляник и лечил мою спину. Особенно, когда мы прибыли в Начики, где два дня отдыхали и купались в горячих ключах. Здорово помогло! Два раза искупался, и пропали мои фурункулы, очень мешавшие на переходе. Поход завершили успешно.

Летом 1943 г. полк под команду принял подполковник Фаршатов, заместителем командира по политчасти был майор Удалкин... (неразборчиво. — *Ред.*). С этим начальством мы выходили в десантную операцию на Курильские острова в августе 1945 г.

Наш 198-й полк произвёл высадку с запада — из Охотского моря на остров Парамушир. Операция прошла хорошо, почти без потерь, а остальные части дивизии высаживались с востока, то есть

с Тихого океана, на американских десантных баржах, которые от термических японских снарядов горели как порох...

ККОМ ОФ 38059/80. Рукопись, 15 февраля 1988 г., г. Волгоград

Соболевский Павел Викторович, сержант, начальник радиостанции 4-й батареи 279-го артиллерийского полка

...Призвали на службу в 1939 г. из Челябинска. Направили на Халхин-Гол, а так как бои с японцами там уже завершились, нас из Хабаровска перебросили во Владивосток на Вторую речку. Здесь обмундировали и на пароходе «Мичурин», три тысячи человек, направили на Камчатку, где до нашего прибытия находились только пограничники...

Когда началась война с Германией, мы, уральцы, по инициативе С. С. Медякова собрались на плацу и дали клятву: если нападут японцы, то драться насмерть. Мы понимали, что плен — это тоже смерть, всё равно могут замучить...

9 мая 1945 г. наша 4-я батарея 2-го дивизиона 279-го артиллерийского полка 101-й стрелковой дивизии дислоцировалась на огневых позициях Толстого мыса на Камчатке. Батареей командовал старший лейтенант Давыдов, замечательный человек, знавший своё дело. Ликование охватило бойцов. Мы обнимались, бросали вверх пилотки. Стали настраиваться на возвращение домой. Но всё получилось иначе. Поступил приказ всем оставаться на своих местах. Наступили дни усиленной боевой подготовки.

На инспекторской проверке, что проводилась в районе сопки Заозёрной, наша батарея отстрелялась на отлично. За это командир батареи получил от руководства благодарность. Мне, командиру радиоотделения, за обеспечение связи наблюдательного пункта с огневой позицией начальник артиллерии дивизии Харитонов вручил ценный подарок. В него входили махорка, бельё, предметы личного обихода. Их я разделил со своими радиотелеграфистами Дуниным, Беличенко, Куликовым. Звание у меня было «сержант», отличник боевой и политической подготовки, об этом даже писали в газете.

В средних числах августа наш полк подняли по тревоге. Мы понимали, что война для нас не закончена, предстоит ещё посчитаться с японцами, но где, когда, мы толком не знали. В полной экипировке двинулись в Петропавловский порт, вместе с 76-миллиметровыми пушками на конной тяге. По прибытии в порт застали там множество частей пехотинцев, миномётчиков и других. Погрузили

нас на пароход «Пугачёв», только что прибывший из Америки после капитального ремонта. На нём, в том числе, были ребята из 373-го стрелкового полка, командир полковник Винокуров. В портовой гавани в это время находились другие гражданские пароходы, их названия я не запомнил.

Под покровом ночи все суда и корабли с десантниками, построившись в кильватер, вышли в открытое море. Это было впечатляющее зрелище! Насколько мне известно — самый многочисленный, мощный морской десант за всю историю Отечественной войны! В пути нам вручили обращение, из него вытекали цели и задачи, сводившиеся к освобождению исконно русских земель — Курильских островов. Настроение царило приподнятое, на судне даже включили музыку — песни в исполнении Петра Лещенко и другую. Вместе с тем, предстояло испытание, Его каждый из нас ожидал и переживал по-своему, но всё сводилось к тому, чтобы честно исполнить свой долг.

18 августа, когда ещё не рассвело, наши корабли встали на якорь против острова Шумшу. К судну подошла американская самоходная баржа, вмещавшая 200 чел., в неё сошли матросы и пехотинцы группы захвата. Такая же картина наблюдалась и на других кораблях. Команды подавались тихо, но чётко. Самоходки встали носом к берегу, и когда всё было готово, одновременно помчались к суше, до неё было около мили.

Оставаясь на месте, мы внимательно следили за происходящим, но берега видеть не могли из-за темноты. Время шло. Наконец после томительного ожидания пустая самоходка подошла к «Пугачёву». С неё передали, что вся группа без единого выстрела высадилась на берег, ворвалась в окопы и бьёт японцев, погнав их вглубь острова. Освободившиеся баржи стали возвращаться к своим судам для второго захода. Начало светать, синхронность плавсредств закончилась, с берега всё стало видно.

В такой обстановке к нам подошла баржа, чтобы принять очередную партию бойцов. В неё поместились: взвод управления дивизиона, разведчики, радисты, связисты, вычислители, пехотинцы 373-го полка. По команде мы двинулись к берегу. На наших глазах японцы из огневых точек танкера «Мариуполь» и противоположных стали в упор расстреливать баржи перекрёстным огнём. Били без промаха, на подходе к берегу. Один снаряд перебил передний трап, другой попал в середину баржи, в солдат. Несмотря на то что с наших кораблей по береговым позициям стреляли пушки, толку от этого было мало. Мы были просто бессильны сделать

что-либо, оказать сопротивление. Метрах в пятидесяти — ста от берега стали прыгать в воду, освободившись от противогазов, автоматов, раций, стереотруб. В таком виде, кто как мог, плыли к берегу, мечтая зацепиться за клочок земли. Многие солдаты, не умея плавать, не освободившись от ноши и одежды, тонули в морской пучине.

Мне лично, моим ребятам из отделения — Дунину, Куликову, Беличенко — удалось доплыть до берега вместе с частью уцелевших батарейцев. Взяв оружие убитых, побежали вглубь острова за бойцами группы захвата. Преследуя японцев, мы — дивизион и пехотинцы, воодушевившись, к исходу дня продвинулись на восемь километров. На пути нашего наступления встали японские танки, по размеру чуть больше «Жигулей». Мы залегли и стали в них стрелять. Один из пехотинцев без промаха бил в них из противотанкового ружья, пробивал насквозь. Кончилось тем, что экипажи сдались, оставив танки на возвышении. Попытки японцев атаковать наши порядки с воздуха окончились неудачно.

Зато смертники, прикованные к стенкам в дотах и дзотах, продолжали своё грязное дело и снайперским огнём убивали поодиночке наших солдат и офицеров. Продолжалось это до тех пор, пока гарнизон острова не сложил оружие, а снайперам их командиры дали команду сдаться. Сделать это было непросто, так как каждый из них давал присягу лично императору — биться насмерть и не сдаваться. Позже я видел смертников на склоне сопки мёртвыми, расстрелянными без суда и следствия моряками. Слишком велика была к ним ненависть за сотни погибших наших бойцов.

Японский гарнизон капитулировал, солдаты сдали вооружение, офицерам оставили холодное оружие.

На первых порах, 18 августа, продвинувшись на восемь километров вместе с остатками бойцов 2-го дивизиона (командир майор А. Бочков), 4-й батареей (командир старший лейтенант Давыдов), пехотинцами из батальона 373-го полка, мы стали окапываться, стреляя в японцев. Они приостановили отступление, тоже стали окапываться и сосредотачиваться, приблизительно в полукилометре от наших позиций. В последующие дни на остров опустился туман, пошёл моросящий дождь. В такой обстановке мы трое или четверо суток находились в окопах, охраняя участок и придумывая всякие способы согреться, так как жечь костры было категорически запрещено.

На вторые сутки перестрелка прекратилась, японцы начали сдаваться. Ночью при проверке постов был убит своими же солдатами командир взвода Рыбак, замечательный офицер, любимый бойцами.

После того как японцы были пленены, нам приказали срочно сниматься и двигаться обратно к месту высадки. Здесь мы застали страшное зрелище: весь берег был усеян телами наших солдат, которые море выбросило на землю. В одной барже, пришвартовавшейся к берегу, я увидел перешибленный снарядом трап, а в нём — мёртвых бойцов с оторванными головами, руками, ногами. Эту печальную картину не забуду, пока буду жив.

С «Пугачёва», откуда мы высадились, на берег доставляли пушки, коней. Некоторые лошади, сброшенные с борта, не хотели плыть к берегу, впоследствии утонули. Затем нас без артиллерии погрузили с пехотинцами на пароход «Урицкий», с него мы высадились на малый остров Харимкотан, захватив в плен небольшой японский гарнизон. Здесь же судно наскочило на риф, и нам пришлось пребывать на этом островке до того, как японские войска повсюду капитулировали. После этого высадились на острове Онекотан, а вслед за ним — на острове Мацуа (так мы его тогда называли), расположенном примерно посредине Курильской гряды. Гарнизон из четырёх тысяч японцев был нами пленён, все сдали оружие безо всякого сопротивления.

На этом месте началась наша мирная жизнь. Японцам отвели отдельную площадку, откуда мы должны были вывезти их на материк. В первые дни пленные японские солдаты по утрам занимались зарядкой. На вопрос нашего командования, что это значит, их офицеры ответили, что солдатам надо что-то делать. В ответ на это наше командование приказало стаскивать со всего острова в одно место уголь в мешках. Нам надо было готовиться к зиме и обживаться. Они же под нашим наблюдением выгружали снаряды и другие грузы, прибывшие с материка. Пленных вскоре отправили в Находку, их судьба нам неизвестна.

На остров Мацуа на эсминце прибыл член советского правительства А. И. Микоян. Он объявил о демобилизации. Сказал, что желающие остаться на Курилах могут трудиться на гражданских предприятиях, истребовать своих жён, если они есть. Объявил о льготах: тем, кто должен был ещё служить, повышаются жалованье и выслуга лет. Дал указание снести все японские фанзы и перестроить жильё на русский лад. Так мы стали обживать остров.

Собрали урожай картофеля, посаженного японцами. Командир батареи Давыдов поручил мне подобрать из солдат строителей и в кратчайшее время соорудить хлебопекарню, так как трофейные галеты нам до того опротивели, что мы начали болеть. Жили хорошо, питаясь трофейными консервами, японскими деликатесами, рисом.

Я подпадал под демобилизацию, как имевший неоконченное высшее образование. Вместе с другими ребятами, отслужившими свой срок, был отправлен на Камчатку, откуда, получив необходимые документы, в декабре 1945 г. мы прибыли во Владивосток, а затем — в свой родной Челябинск, откуда нас призывали на службу в 1939 г.

За боевые заслуги был награждён орденом Славы 3-й степени, который мне через несколько лет вручил горвоенкомат в Челябинске.

Несколько слов об острове Мацуа. Он имел площадь 16 кв. км, весь в тоннелях. По ним можно было пройти через весь остров под землёй и свободно укрыться от бомбёжек, пуль и снарядов. Остров окружён окопами, траншеями, дотами, дзотами. Воды мало, её японцы собирали после дождей и хранили в специальных ёмкостях. Растительность скупая — карликовые, небольшие деревья под воздействием сильных ветров и непогоды представляли собой исковерканные растения высотой четыре — пять сантиметров.

Когда мы подошли к острову, он показался нам сплошной плантацией. Как оказалось, это были картофель, петрушка и другая зелень, которые японцы с любовью выращивали для своего пропитания. Удобрением в гнёздах картофеля служили кусочки рогожи, они разлагались и давали пищу для роста и созревания превосходной картошки.

На каждом острове Курил можно было видеть мешки с рисом, уложенные в скирды, похожие на наши стога сена, аккуратно покрытые брезентом. При хозяйственном подходе этот рис можно было вывезти на материк и накормить десятки тысяч советских людей.

Оружие у японцев было допотопное, старого образца. Пушки выпуска 1905 г. Обмундирование — неприглядное, они походили, как мы смеялись, «на куль с мукой». Нехватка металла была видна хотя бы из того, что на пирсе я видел аккуратно упакованные в рогожную ткань осколки разорвавшихся бомб. Всё это приготовили для отправки на переплавку, но не успели. На островах изделий из металла, как и в фанзах, не увидишь, всё сделано из дерева, даже дверные ручки. Ящики из дерева сбиты настолько плотно, что в них свободно можно хранить воду.

Много можно было бы написать. Я даже вёл дневник, но его пришлось уничтожить в связи с досмотром контрразведчиками в Биробиджане...

ККОМ ОФ 38059/66. Рукопись, февраль 1988 г., г. Челябинск

...О роли в десантных операциях частей Артюшина и Дьякова могут судить военспецы. Нам же, рядовым, было не дано этого знать, так как мы являлись простыми исполнителями воли своих непосредственных командиров. Если бы мы после окончания войны остались в ваших краях, то знали бы, что к чему. Я, например, считаю, что Курильская десантная операция исполнена отлично...

Помню один эпизод. На Камчатке нас, всех отличников боевой и политической подготовки, собрали в Доме культуры, недалеко от Петропавловска. После окончания этого мероприятия генерал Дьяков подозвал к себе его начальника Китаева и сказал, что уезжает, а показ кинокартины не начинать, пока не приедет его жена. Уехал, а мы его жену ждали полтора часа, когда эта толстая особа прибыла на «Виллисе», и тогда нам показали кино. Власть — ничего не поделаешь...

ККОМ ОФ 38059/69. Рукопись, 6 апреля 1988 г., г. Челябинск

Из наградного листа *Павла Викторовича Соболевского*, сержанта, начальника радиостанции 279-го артиллерийского полка 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии, 1919 г. р., русского, члена ВКП(б). В Красной Армии с 1939 г., призван Челябинским районным военкоматом, участник десантной операции против японских империалистов на острове Симусю 18 августа 1945 г. Ранее не награждался, представляется к награждению орденом Красной Звезды.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Участвовал в боях с 17 августа по 3 сентября 1945 г. с Японией за освобождение островов Курильской гряды. В боях за остров Шумшу под огнём противника и бомбёжки с воздуха обеспечил бесперебойной радиосвязью батареи. За безупречную службу за весь период нахождения в Красной Армии достоин награждения орденом «Красная Звезда».

Начальник штаба артиллерии ордена Ленина
101-й стрелковой дивизии капитан *Прусаков*.
30 сентября 1945 г.

Заключение вышестоящих начальников: «Представляю к правительственной награде — ордену “Красная Звезда”. Начальник артиллерии 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии подполковник *Харитонов*. 30 сентября 1945 г.».

Резолюция: «Наградить орденом Славы 3-й степени. Командир 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии генерал-майор *Дьяков*. 30 сентября 1945 г.».

НВФ 4343/58. Ксерокопия

Соколов Геннадий Сергеевич, краснофлотец, моторист десантного судна ДС-6 (№ 945)

...К большому сожалению, у меня ничего не осталось из предметов или документов тех лет. В то время мы были настолько молоды, что будущего, где всё сохранившееся от тех дней будет составлять интерес, для нас ещё не существовало...

Те, кто ходил принимать корабли в США, зачислялись в специальную «команду 20»...

Команда корабля насчитывала 27 чел., из них три офицера. Назову пофамильно тех, кого помню:

— Грицака А. М., командир;

— Буссель, инициалов не помню, после первого боя перешёл с корабля на пароход, стоявший на рейде. Был старшим помощником командира корабля;

— Нестеренко, техник-лейтенант, механик, в бою был ранен в ноги и голову;

— Сульдин Виктор, старший рулевой, старшина 2-й статьи;

— Зайцев Павел, рулевой матрос;

— Черкасов, артиллерист, старшина 2-й статьи;

— Ковальчук Яша, артиллерист, краснофлотец;

— Соловьёв Виктор, сигнальщик;

— Сидоренко Борис, радист;

— Иванов, старшина группы мотористов, старшина 1-й статьи;

— Аристов, старший моторист, старшина 2-й статьи;

— Горшков Миша, моторист;

— Конев Семён, моторист;

— Гайниченко Саша, моторист;

— Дружинин Алёша, трюмный;

— Гаврилов Анатолий, электрик;

— Устинов, боцман, старшина 2-й статьи;

— Егоров, боцман, матрос;

— Украинцев Федя, матрос;

— Каплин, вестовой командира;

— Варфоломеев, кок;

— Вырясов, химик.

...Нашему кораблю, вернее, команде, повезло, так как в ней были раненые, а убитых не было. Были убитые среди десантных солдат. Всех раненых и убитых передали на санитарный пароход, стоявший на рейде далеко от берега, вне досягаемости японских батарей.

Точно сказать не могу, не утверждаю, но все погибшие и умершие от ран, доставленные на пароход, были похоронены на Камчатке. Дело в том, что вплоть до капитуляции Японии, после 3 сентября, наш корабль в сопровождении тральщиков и парохода, где находился десант, принимал капитуляцию на островах Онекотан, Матуа, Уруп. И когда мы вернулись на Камчатку со сбитой мачтой, разбитым правым кормовым орудием и пробоинами корпуса, а было это уже после 10 сентября, убитые были похоронены, сняты ночные светомаскировки, на рейде стояло американское гидрографическое судно, то есть город зажил мирной жизнью. И в тот вечер, вечер возвращения, мы с удовольствием пели: «Любимый город может спать спокойно»...

Мне кажется, что человек, воевавший несколько дней, сохраняет в памяти больше всяческих впечатлений, чем прошедший всю войну или воевавший долго. Это объясняется, видимо, тем, что долгие дни боёв снимают напряжение, притупляют чувства. Всё это превращается в тяжёлый, рискованный, повседневный труд. Для нас же эти бои были как яркая вспышка, где действия сменялись, но не повторялись. Мы ещё не привыкли к повседневной готовности рисковать, сознание не притупилось, и поэтому многие эпизоды тех восемнадцати — двадцати дней сохранились в памяти.

Это положение я подтверждаю таким примером. Из всей команды только трое воевали на Западе с немцами: командир корабля А. М. Грицака, радист Борис Сидоренко (на Малой Земле) и электрик Гаврилов (был юнгой на Чёрном море).

Так вот, после первого боя мы находились под сильнейшим впечатлением. Это — горящие корабли, убитые товарищи, стоны раненых, радость, что остались живыми. И вот, стоим на шкафуте, обсуждаем, волнуемся. Из радиорубки выходит Сидоренко, не в робе, как мы, а в форме «три», с двумя орденами на груди. Посмотрел на нас, улыбнулся, попросил закурить: «Ну, что, салаги, понюхали пороха? Почём фунт казацкого лиха?» И спокойно пошёл на камбуз узнать, будет ли сегодня настоящий обед или снова придётся питаться всухомятку. И позднее он мало вспоминал эти бои.

Запомнилось вот что. Рассветает. Наш корабль стоит метрах в пятидесяти от берега, идёт высадка десанта. Орудия и пулемёты десантников ведут огонь по берегу. Загорелся соседний корабль.

Снаряды рвутся вокруг корабля и впереди него. По палубе прошёл старшина рулевых Сульдин, неся в руках пустой ящик. Поднялся к носовому орудию и подставил под ноги Ковальчука, нашего Яши-артиллериста. Дело в том, что Яша — небольшого роста, и для того, чтобы вести огонь по береговым точкам, ему приходилось буквально подпрыгивать, тянуться. Это и заметил стоявший в рубке Сульдин. Но, пожалуй, этот ящик больше повлиял на нас, находившихся на верхней палубе, под огнём. Сульдин сделал всё так неторопливо, что его спокойствие передалось и нам.

Ещё одна деталь. Корабль выходил из боя, были подняты трапы, и я побежал осматривать десантные кубрики. В нас было несколько попаданий, и я не знал, всё ли там в порядке. Спускаюсь в кубрик, шума воды не слышно. Это уже хорошо. На койках лежат раненые солдаты — десантники, не успевшие сойти на берег, их человек шесть или семь. Один сидел и курил, а из-под него текла кровь. Я предложил ему помощь, чтобы уложить. Он отказался, попросил только снять с него гимнастёрку. Но сделать этого я не смог: кроме ноги, у бойца была ранена рука. Сбегал в свой кубрик, принёс ножницы и разрезал гимнастёрку и нижнюю рубашку на спине. Вся спина была покрыта точками — ранами, из каждой сочилась кровь.

Я был потрясён, увидев выдержку этого человека. Он не охал, не стонал, и только серое лицо, стиснутые зубы, в которых он держал неизвестно откуда взявшуюся самокрутку, выдавали, какую боль он превозмогает...

БН. Рукопись, 10 августа 1980 г., г. Новосибирск

...Он (И. Ф. Лаврухин. — *Ред.*) располагает значительными материалами и фактами негативного характера, происходившими во время операции. Такими, о которых мы, «салажня», ничего не знали. А излагать всё это на бумагу он не думает. Например, он рассказывал, что один из дээсов при подходе к берегу сел на банку и к тому же оказался под сильнейшим обстрелом. Командир (И. Ф. Лаврухин называет его фамилию, и такая фамилия среди командиров дээсов действительно есть) покидает на шлюпке корабль, прихватив с собой за компанию своего старпома, механика и кока.

Спасение корабля возглавил старшина группы мотористов (названа фамилия, награждён орденом Красного Знамени). Радист сообщил комдиву о том, что «на корабле нет офицеров». Корабль снялся с мели, имел пробоины, были на борту раненые и убитые. Подобрали своих офицеров и выскочили из-под обстрела. Командир

поднялся на мостик и запросил разрешения комдива сопроводить в Петропавловск вышедшие из боя три корабля, имевших пробоины и потери в личном составе. Получили они разрешение пройти до Лопатки, там подремонтироваться, пополниться людьми и вернуться к месту высадки. Но все четыре корабля ушли в Петропавловск. Только победа над Японией спасла этих командиров от военного трибунала. Но так ли всё это было?

КОКМ ОФ 38059/55. Авторизованная машинопись, 1 июня 1988 г., г. Новосибирск

Из наградного листа *Геннадия Сергеевича Соколова*, краснофлотца, моториста десантного судна ДС-6 5-го дивизиона десантных судов, 1927 г., русского, члена ВЛКСМ. В Красной Армии с 1945 г. Ранее не награждался, представляется к награждению медалью Ушакова.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

При выполнении боевого задания по высадке десанта на остров Симусю мужественно и чётко стоял на своём посту, обеспечивая безотказную работу вверенных ему механизмов. Все приказания командования корабля исполнял точно и в срок. За период операции в течение месяца обслуживаемые механизмы были в полной исправности. Представляю к награде — медали Ушакова.

Командир ДС-6 лейтенант *Грицака*.

Резолюция: «Достоин награждения медалью Ушакова. Командир 5-го дивизиона десантных судов капитан-лейтенант *Казенный*. 13 сентября 1945 г.».

НВФ 4343/50. Ксерокопия

Стрельцов Владимир Васильевич, лейтенант, инструктор политотдела по работе с комсомолом Петропавловской военно-морской базы Тихоокеанского флота

...При подготовке к десантной операции на Курилы, в которой принимали участие корабли этой базы и сформированный из матросов, старшин и офицеров батальон морской пехоты, была образована оперативная группа политотдела базы. Как участнику этой группы, мне довелось высаживаться на остров Шумшу в первом броске десанта, вместе с батальоном морской пехоты, сыгравшим значительную роль в успешных действиях передового отряда.

Высадка десанта на Шумшу готовилась весьма ограниченное время — всего двое суток. 15 августа в три часа ночи был получен

приказ о её проведении, а 17 августа в пять часов утра корабли с десантом начали выходить из Авачинской губы.

Самый северный из Курильской гряды остров Шумшу японцы обороняли гарнизоном численностью в 8 500 чел. Он мог быть быстро усилен до 23 тыс. за счёт переброски войск с острова Парамушир, находящегося к югу от Шумшу всего в 15–30 кабельтовых. Гарнизон прикрывался полком противовоздушной обороны и крепостным артиллерийским полком, имел 60 танков и семь истребителей-бомбардировщиков, пилотировавшихся лётчиками-смертниками (камикадзе). Сам остров представлял собою крепость. Доты и дзоты в нём были связаны между собой ходами сообщения и превращены в опорные пункты с круговой обороной. Склады боеприпасов, продовольствия и другого имущества, госпитали, штабы, узлы связи, электростанции находились в глубоких специальных подземных укрытиях. Орудия полевой артиллерии, расположенной в подземных казематах, могли вести огонь не только в сторону моря. При необходимости расчёты выкатывали их из укрытий и со специально оборудованных площадок стреляли в любом направлении.

С такой системой противодесантной обороны острова мы не рассчитывали встретиться, и поэтому бой за высадку для нас сразу приобрёл тяжёлый характер. А погода стояла плохая: туман, низкая облачность, неспокойное море.

Сейчас известно, что наш десант по своей мощи уступал обороняющемуся противнику: 8 824 десантника, 95 орудий и 123 миномёта. Танков не было. Только незнанием истинного соотношения сил можно объяснить, что передовому отряду была поставлена нереальная задача: с ходу продвинуться на 5–6 км в глубину острова. Предполагалось, что десант к исходу первого дня овладеет всем островом. На деле этого не получилось.

Наши десантируемые части не были обеспечены даже топографическими картами острова Шумшу. У командира батальона морской пехоты майора Т. А. Почтарёва была морская карта, на которой обозначены береговая черта острова, господствующие высоты, маяки. Многочисленные рифы и камни в прибрежной части острова на ней либо не были обозначены, либо нанесены далеко не точно. Это объяснялось тем, что наши топографы не имели точных данных, японцы держали их в секрете. Можно было бы произвести аэрофотосъёмку местности, но мешала плохая погода. Да и сроки подготовки десанта были сжатыми. Высаживаясь, мы не знали ни порядка расположения войск противника, ни их численности.

Артиллерийская подготовка высадки десанта возлагалась на два сторожевых корабля и минный заградитель «Охотск», располагавших тремя 130-, шестью 102- и двумя 76-миллиметровыми орудиями, и на четырёхорудийную 130-миллиметровую береговую батарею на мысе Лопатка (южная оконечность Камчатского полуострова). Однако при высадке 22 корректировочных постов все их радиостанции, за исключением одной, были подмочены, вышли из строя, и эффективная прицельная огневая поддержка высаживавшихся не состоялась. Полевая же артиллерия, располагавшая значительным числом орудий, из-за сложностей перегрузки на рейде и выгрузки на необорудованное побережье по причине отсутствия необходимых погрузочно-разгрузочных устройств и недостатка плавсредств смогла принять участие в поддержке десанта только на вторые сутки.

А если к этому ещё добавить отсутствие из-за плохой видимости авиационной поддержки и потерю управления в условиях яростного сопротивления японцев с применением танков и массированного артиллерийского огня, то нетрудно представить, в какой обстановке нам пришлось вести бой за высадку, а затем — за овладение островом.

Как бы там ни было, десант, уступая противнику в силах и средствах, самоотверженно добывал победу. В условиях потери управления боевые действия велись на основе инициативных и смелых решений командиров подразделений. Особенно трудно было батальону морской пехоты. Люди себя не щадили. Из 873 чел. списочного состава батальона осталось 247. Многие геройски погибли, ещё больше было раненых. Раненые, пока могли держаться на ногах, не покидали поле боя. Так, командир батальона майор Т. А. Почтарёв и после ранения продолжал руководить боевыми действиями. Начальник штаба батальона старший лейтенант Г. А. Мотосов, раненный в ногу, передвигался только при помощи палочки, но оставался в рядах десантников. Заместитель командира батальона по политчасти майор А. П. Перм в течение полутора суток ходил в цепи десантников в атаку девять раз. После первого ранения он продолжал вести бой. В девятой атаке, когда противника выбили с господствующих высот, А. П. Перм получил ещё два ранения, после чего был отправлен в медчасть. И таких примеров можно было бы привести немало.

В батальоне морской пехоты свыше сорока процентов личного состава (320 чел.) были коммунистами. Они цементировали подразделения, в бою отважно вели за собою всех, проявляя при этом

подлинное самопожертвование. Именно таким человеком был старшина 1-й статьи коммунист Николай Вилков. Он проходил службу уже по восьмому году. Служил на плавбазах подводных лодок «Север» и «Саратов». Был краснофлотцем, боцманом, старшим боцманом. Большой любитель и мастер шлюпочных гонок на вёслах и под парусом, отличный лыжник, общительный, отзывчивый и душевный товарищ, он всех располагал к себе и пользовался большим уважением и авторитетом среди сослуживцев. Во всём был примером. Пример он подавал и под вражеским огнём. В критический момент боя Николай Вилков своим телом закрыл амбразуру японского дзота, чем спас многих товарищей от гибели. Отважный воин посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Я пишу о батальоне морской пехоты, о моряках не потому, что недооцениваю действия личного состава армейских частей. Нет, не потому. В конечном счёте армейцы решили исход десантной операции. Но я был среди моряков, действовал в бою вместе с ними и потому рассказываю о них.

На другой день после взятия десантниками господствующих высот 171,0 и 165,0, где были оборудованы мощные укрепления, интенсивность боевых действий несколько снизилась. Японцы направили в расположение наших войск трёх офицеров с белым флагом. Они передали сообщение командира 91-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Фусаки Цуцуми (он же командующий Северной группой японских войск) о том, что ими получен приказ о прекращении боевых действий в 16.00 19 августа. Генерал просил прекратить военные действия с нашей стороны. Вместе с тем, он сделал оговорку, что оборонительные действия, предпринимать которые японцы вынуждены в связи с активным вторжением противника, «не являются боевыми действиями».

Получилось так, что я, проходя мимо размещавшегося в палатке командного пункта командира десанта (командир 101-й стрелковой дивизии генерал-майор П. И. Дьяков), получил неожиданное задание. Начальник штаба, командовавшего десантной операцией, подполковник Р. Б. Воронов включил меня и лейтенанта Ивашкина, переводчика японского языка из 60-го морского погранотряда, в парламентёрскую группу под командованием старшего лейтенанта И. Н. Сабишвили.

Взяв с собою трёх краснофлотцев, наша группа вместе с японскими парламентёрами перешла линию фронта и на японском грузовике прибыла на командный пункт 73-й японской бригады. Здесь мы передали ответ командующего десантной операцией

о прекращении огня и готовности доставить полномочных представителей японской стороны в расположение наших войск для подписания акта о капитуляции.

После полуторачасовой проволочки со стороны японцев, связанной с установлением фактического прекращения огня, мы с лейтенантом Ивашкиным и двумя краснофлотцами (старший лейтенант Сабишвили с краснофлотцем и японским офицером ушли для выяснения обстановки) доставили к командующему десантной операцией генерал-майору А. Р. Гнечко японских представителей. Это были генерал-майор Сизино Ивао (командир 73-й бригады, начальник гарнизона острова Шумшу), полковник генерального штаба Янаока Гокедзи и начальник штаба бригады подполковник Кончитани Муонори. После переговоров японские представители подписали акт о капитуляции. В нём было предусмотрено, что 20 августа в восемь часов утра по петропавловскому времени наши корабли войдут в акваторию военно-морской базы Катаока на юге Шумшу.

Однако когда на другой день корабли вошли во Второй Курильский пролив, они внезапно, вопреки подписанному акту о капитуляции, были обстреляны из артиллерийских орудий, расположенных по обеим сторонам пролива, и атакованы (к счастью, безуспешно) самолётом-торпедоносцем. Сторожевые корабли «Киров» и «Дзержинский», минный заградитель «Охотск», гидрографическое судно «Полярный», военный транспорт «Емельян Пугачёв» и другие суда действовали умело. Они нанесли ответные удары по артиллерийским позициям противника и под прикрытием дымовых завес вышли из-под обстрела.

Вероломство японцев во Втором Курильском проливе стоило нам немалых жертв. На одном лишь «Охотске» было трое убитых и 12 раненых. Десантники, занимавшие позиции на рубеже высот 165,0 и 171,0, узнав о коварных действиях японской военщины, перешли в наступление. Несмотря на мощные укрепления, противник был за несколько часов отброшен ещё на 5–6 км вглубь острова. Здесь уже в полную силу действовала наша полевая артиллерия. Нанесла мощные удары по противнику и авиация.

От японской стороны были получены сообщение о прекращении сопротивления и просьба прекратить огонь с нашей стороны. Огонь был прекращён, однако японцы оружия не сдавали.

Прошла ночь. 21 августа с утра мы стремились вступить в контакт с противником с целью его разоружения и пленения. Но стоило нам подойти к его позициям, как он своими действиями показывал, что намерен сопротивляться. Японские офицеры объяс-

няли нам, что они получили приказ прекратить военные действия, не стрелять, но приказа сдавать оружие не получали. Похоже, они опять хитрили. Когда мы приближались к позициям японцев на 50–60 м, они отходили метров на 100–150. Это повторялось неоднократно. Советское командование вело интенсивные переговоры, стремясь избежать ненужного кровопролития. В итоге японской стороне в ультимативной форме было предъявлено требование: немедленно сложить оружие и сдаться в плен. Японцам ничего иного не оставалось.

Капитуляцию решено было принимать с утра на другой день. К исходу дня 21 августа меня вызвали на командный пункт командира высадки, располагавшийся на сторожевике «Киров», находившемся в Первом Курильском проливе. Командир высадки капитан 1-го ранга Д. Г. Пономарёв, он же командир ПВМБ, в присутствии начальника политотдела базы полковника П. И. Смирнова приказал начальнику штаба 3-го отдельного дивизиона подводных лодок капитану 3-го ранга В. С. Денисову, выполнявшему обязанности консультанта командующего десантной операцией по военно-морским вопросам, и мне утром 22 августа идти в Катаоку — принимать капитуляцию личного состава этой базы. Тут же было объявлено, что В. С. Денисов назначен временным командиром базы, а я — его заместителем по политчасти. Вместе с нами следовал редактор многотиражной газеты «За Родину!» капитан М. Н. Лихобабин.

На другой день в шесть утра мы на катере «морской охотник» вышли выполнять приказание. Можно представить себе наши чувства, когда мы следовали по Второму Курильскому проливу, где за день до этого были обстреляны наши корабли. При входе в небольшую бухту Катаоку на одном из пирсов нас встречал командир базы капитан 2-го ранга Ито, начальник штаба капитан-лейтенант Сато и несколько других офицеров (их звания привожу в переводе на наши).

Вначале разговор с японцами шёл на английском языке: капитан 3-го ранга В. С. Денисов знал его неплохо. Потом был подключён японский переводчик лейтенант Эйди Хаттори. С пирса нас проводили на командный пункт командира Катаоки. Тот состоял из ряда довольно просторных и хорошо оборудованных помещений, размещённых на третьем от поверхности земли этаже подземного сооружения. На втором этаже был госпиталь, а на первом — различные службы.

После чаепития, во время которого была достигнута договорённость о порядке сдачи оружия и размещения пленных, мы отправили

«морской охотник» с докладом и поехали на недалеко расположенный аэродром. Там было выстроено 1 382 японских военнослужащих в военно-морской форме. Нетрудно было заметить, что обмундирование на них было новое, видимо, только что взятое со складов, чтобы не досталось противнику. По команде капитана 2-го ранга Ито с флагштока был спущен японский военный флаг. Военнослужащие поротно стали складывать оружие здесь же, на взлётно-посадочной полосе. Свой флаг мы подняли несколько позже на флагштоке единственного двухэтажного здания в Катаоке, где разместился наш штаб базы. Государственного флага у нас не оказалось, но нашёлся шлюпочный военно-морской, который и был поднят. При подъёме флага честь, наряду с нами, отдавали и присутствовавшие на этой торжественной церемонии японские офицеры.

Во Второй Курильский пролив вошли наши корабли и суда и встали на якоря. Боевые катера пришвартовались к пирсам. С севера стали подходить армейские части десанта. Японские войска на острове Шумшу были разоружены повсеместно. На другой день шло разоружение на острове Парамушир, в Касивабаре. Высадка морских десантов на все другие Курильские острова, с севера до острова Уруп включительно, проходила с 24 августа по 1 сентября с кораблей ПВМБ. На остальные острова к югу высадка осуществлялась с кораблей Северной Тихоокеанской флотилии (главная база — Советская Гавань) и ТОФ (главная база — Владивосток). Противник противодействия не оказывал.

После капитуляции японских войск на острове Шумшу я исполнял обязанности заместителя командира военно-морской базы Катаока по политчасти. Дел накопилось невпроворот, а работать было не с кем. Непосредственно подчинённого мне личного состава не было. Ко всему тому, временно исполнявший обязанности командира базы капитан 3-го ранга Денисов убыл принимать капитуляцию на других островах, и на меня свалились все его заботы. Надо было учесть и организовать охрану объектов базы. Их было много, а людей, выделенных из батальона морской пехоты, не хватало. Краснофлотцы и старшины несли охранную службу почти без отдыха. В этих условиях пришлось уделить большое внимание политико-воспитательной работе среди них, разрешению вопросов по устройству, питанию, организации отдыха людей. Много времени отнимали учёт трофейного имущества, его охрана и использование, для чего пришлось привлечь тыл ПВМБ. Надо было размещать военнопленных, устраивать их быт, вести среди них разъяснительную работу.

Чисто по-человечески нас интересовали, конечно, сами японцы. Мне, прослужившему к тому времени на Дальнем Востоке шесть лет, они представлялись хитрыми, коварными и вероломными. Нельзя сказать, что я многое выяснил и понял за короткий промежуток времени общения с ними. Однако сложившиеся стереотипы получили другую окраску.

В установлении контактов с пленными помогал нам уже упоминавшийся лейтенант Эйди Хаттори. Он был призван из запаса год назад. В Токийском университете изучал русский язык. Читал русские издания произведений Толстого, Горького, Достоевского, Пушкина и других писателей. По внешнему виду сразу можно было определить, что Эйди — не военный человек. Небольшого роста, щупленький, с шаркающей походкой, лет тридцати пяти. Мешковато свисающее с плеч обмундирование, фуражка, чаще всего надетая козырьком вкось. Словом, на вид — «замухрышка». Однако надо отдать ему должное: человек он был весьма начитанный, культурный. По-русски говорил без какого-либо акцента. Правда, иногда весьма своеобразно подбирал слова. Как-то, помнится, тёплую одежду назвал «противохолодной», но тут же рассмеялся и спросил, не ошибся ли он.

С Эйди Хаттори у нас было много бесед. В одной из них, когда между нами установились более или менее доверительные отношения, он спросил у меня, есть ли у нас комиссар и нельзя ли его увидеть. Мне пришлось сказать, что я и есть комиссар. Хаттори не поверил этому, он решил, что я пошутил и не хочу ответить на его вопрос. Тогда я спросил у него, каким он представляет себе нашего комиссара. Но Хаттори не сказал ничего определённого. Видимо, в его воображении сложился стереотип явно не в пользу комиссара...

Пленные из числа рядового состава свободно шли на контакты, выражали большое любопытство ко всему нашему. При этом следует заметить, что разговора о правящих кругах Японии не получалось. Не особенно словоохотливы были нижние чины в присутствии офицеров. Но Эйди Хаттори их почему-то не стеснял. Что касается офицеров, то, в отличие от нижних чинов, они уклонялись от разговоров вообще, особенно на политические темы. Многие японцы вспоминали о доме, о родных, тепло говорили о детях. Наблюдая жизнь пленных, можно было удивляться их непритязательности к пище и бытовым удобствам. Вызывала уважение их дисциплинированность: не могу припомнить ни одного случая, когда бы пленные нарушили установленный для них порядок.

После окончания войны с Японией прошло уже очень много лет, значительно более полувека. Для нас она была как бы продолжением Великой Отечественной и навсегда оставила в сознании глубокий след.

Воспроизведено с согласия сына автора — Владимира Владимировича Стрельцова

Танюшкин Николай Семёнович, автоматчик 7-го отдельного стрелкового батальона

С апреля 1943 г. я служил в 198-м стрелковом полку, в автоматной роте, ей командовал И. С. Сагабиев. В сентябре 1943 г. нас из Усть-Большерецка направили пешком в Елизово, но мы не дошли, нас остановили. Привезли погоны, мы стали пришивать их к шинелям. На машинах нас довезли до 5-й стройки, где началось формирование нашего батальона. Зиму с 1943 на 1944 г. мы провели на месте. По тревоге нас поднимали грузить суда продуктами питания, боеприпасами и прочим. В 1944 г. мы загрузили судно и прибыли на мыс Лопатку, где своими силами строили землянки, казармы, склады. На мысе находились зенитная и морская батареи, застава пограничников. Командующий, генерал-майор А. Р. Гнечко, держал нас в своём резерве.

Помнится танковая атака, это было на высоте 171,0. Танки идут на нас, а остановить их нечем, хоть назад в море беги. Затем появилось противотанковое оружие, было подбито несколько танков. Японцы отступили, мы пошли вперёд.

Когда мы вернулись с острова Парамушир на остров Шумшу, мне дали задание: переписывать оружие и отправлять его на судно. Пленных увозили.

Закончилась война, но один японский блиндаж продолжал стрельбу. Была дана команда о его уничтожении. Нам выдали гранаты, провели инструктаж. Подошёл капитан и предложил подкатить бочку с бензином к блиндажу, выстрелить в неё из винтовки и поджечь ракетницей. Так мы и сделали. Блиндаж загорелся, а дня через три нам сказали, что там находились смертники, прикованные цепями к пулемёту. Затем по тревоге (взводом теперь командовал Тихомиров) мы снялись с позиции и находились в японских казармах, наблюдая за обстановкой.

Мы вернулись на мыс Лопатку, где я продолжал дальнейшую службу, демобилизовался 23 июля 1949 г.

ККОМ ОФ 38059/119. Авторизованная машинопись, 1987 г., Камчатская область, пос. Усть-Большерецк

Тарасов Виктор Порфирьевич, старший лейтенант, помощник начальника политотдела 101-й стрелковой дивизии по комсомолу

...Курильская операция, особенно на её начальном этапе, во время высадки десанта и захвата берегов острова Шумшу на рассвете 18 августа 1945 г., была проведена в очень сложных условиях. На десантных судах орудий (279-й артиллерийский полк и 428-й гаубичный артиллерийский полк) почти не было, а находились стрелковые войска. Несколько десантных судов получили повреждения от вражеской артиллерии, вышли из строя.

Артиллерийские полки 101-й стрелковой дивизии и отдельные артдивизионы, ввиду недостатка десантных судов, были в Петропавловске-Камчатском погружены на обычные торговые суда. В ходе высадки первого эшелона десанта 18 августа они высадиться не смогли. Только ночью с 18 на 19 августа, а также в течение 19 и 20 августа артиллерийские части и подразделения дивизии были выгружены на берег и заняли огневые позиции в боевых порядках. Но боёв почти уже не было. Так что в ходе начального этапа нашей операции, действительно, наши наступающие стрелковые части и подразделения оказались без необходимой артиллерийской поддержки, если не считать артобстрела обороны противника с мыса Лопатка и корабельной артиллерией кораблей ПВМБ.

Кстати сказать, эта поддержка была недостаточно эффективной. Поэтому бойцам, командирам и политработникам частей и подразделений дивизии вместе с моряками — батальоном морской пехоты — пришлось сражаться, имея в руках, главным образом, стрелковое оружие (автоматы, карабины, пулемёты, гранаты, противотанковые ружья). При этом противник, находившийся на хорошо оборудованной обороне, имел в достаточном количестве ствольную артиллерию и миномёты, а также танки (на острове Шумшу у японцев был танковый полк).

Преобладанию на первом этапе сражения японцев в боевой технике наши воины противопоставили мужество, отвагу и массовый героизм. Во имя победы над сильным и коварным врагом советские воины шли на самопожертвование.

ККОМ ОФ 38059/96. Рукопись, 1 июля 1987 г., г. Красноярск

Из наградного листа *Виктора Порфирьевича Тарасова*, старшего лейтенанта, помощника начальника политотдела 101-й стрелковой дивизии по комсомолу, 1920 г. р., русского, члена ВКП(б)

с 1942 г. В Красной Армии с сентября 1939 г., призван Ленинским райвоенкоматом города Красноярска, в должностях офицерского состава с августа 1942 г. Участник десантной операции по овладению островом Симусю. Ранений и контузий не имеет. Ранее не награждался, представляется к награждению орденом Красной Звезды.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Провёл большую работу как представитель политотдела по подготовке личного состава, находящегося на десантном судне, к бою. Во время высадки, под огнём, одним из первых достиг берега. Своим примером увлёк других. Помогал в сборе высадившихся на берег бойцов и командами направлял их к месту боя. Вёл себя храбро, мужественно. Лично по заданию старшего командира организовал поставку боеприпасов с берега. Находясь в боевых порядках войск, помогал командирам в наведении порядка в подразделениях и по подготовке их к бою. Активно и добросовестно выполнил задания начальника политотдела по налаживанию партийно-политической работы в частях. Достоин награждения орденом «Красная Звезда».

Начальник политотдела 101-й стрелковой дивизии
полковник *Алентьев.*
28 августа 1945 г.

Заключение вышестоящих начальников: «Достоин правительственной награды — ордена “Красное Знамя”. Командир 101-й стрелковой дивизии генерал-майор *Дьяков*. 30 августа 1945 г.».

Заключение военного совета армии: «Достоин награждения правительственной наградой — орденом “Красное Знамя”. Командующий КОР генерал-майор *Гнечко*. 2 сентября 1945 г.».

НВФ 4343/78. Ксерокопия

Терентьев Василий Тимофеевич, лейтенант, начальник пограничной заставы «Лопатка»

...Кое-какие данные за давностью ушли из памяти, а дневников или каких-то других записей, кроме касающихся служебной обстановки, не вёл.

Я был начальником отдельной погранзаставы «Лопатка» с августа 1944 г. по июль 1946 г. Это самостоятельно действующее подразделение замыкалось непосредственно на 60-й морской пограничный отряд. Как до высадки десанта на остров Шумшу, так и во время высадки, а также после прекращения военных действий на

Курильских островах, застава непрерывно охраняла порученный участок государственной границы.

5 августа (возможно, 15-го. — *Ред.*) 1945 г. получен приказ командующего КОР генерал-майора Гнечко о вступлении заставы в состав действующих частей. Личному составу была поставлена задача: следить за подходом наших войск из Петропавловска в район Первого Курильского пролива, охранять и оборонять заставу.

Необходимо отметить, что личный состав заставы, начиная с высадки десанта и до окончания военных действий на Курильской гряде, действовал чётко и умело, как и следует служащим погранвойск. За умелые и энергичные действия в это время шесть человек награждены орденами и медалями. Орденом Красной Звезды отмечены сержант Семён Иванович Павловский и я, остальные — медалями.

До начала военных действий на острове Шумшу застава напряжённо охраняла границу. Самолёты США каждодневно производили налёты на северные острова Курильской гряды. После бомбёжки, как правило, возвращались через наши территориальные воды, а таких «рейсов», то есть нарушений границы, они за сутки иногда производили до двадцати. Эффект от этих бомбёжек был невелик, но нам хлопот было больше чем достаточно, потому что каждый случай нарушения территориальных вод подробно анализировался и с соответствующими выводами докладывался вышестоящему командованию.

Японцы в это время были более «дисциплинированны», очень редко нарушали территориальные воды, а если это и случалось, то, вероятно, в большинстве своём с разведывательными целями. Возможно, это было связано с тайной подготовкой к более внушительным действиям против СССР...

По танкеру «Мариуполь» кратко сообщу, что это судно следовало из Тихого океана в Охотское море по Первому Курильскому проливу ночью. Был сильный туман, судно потеряло ориентировку и врезалось в каменную гряду у берега острова Шумшу...

КОКМ ОФ 38059/99. Рукопись, апрель 1987 г., г. Таллин

...Танкер сел на камни, получив при этом массу пробоин, он остался на камнях на многие годы. Когда была снята команда и кое-какие уцелевшие грузы, японцы стали его приспосабливать для своих целей. И по всей вероятности, наиболее удобным он для них оказался в качестве площадки для установки орудий малого калибра. Их в последующем было поставлено около десяти.

Из имеющихся у вас сведений явствует, что якобы «батарея, установленная на танкере, нанесла нашему десанту и силам морской поддержки огромный урон». Это не совсем так. Если и был на первых порах нашему десанту нанесён урон, то не только орудиями с танкера. Более мощную силу представляли орудия восточного побережья острова Шумшу в Первом проливе, так как они любую цель, появившуюся в зоне обстрела, могли уничтожать перекрёстным огнём.

Эти орудия появились в основном в 1943 г. и ранее. Установку их мне наблюдать не пришлось, так как я прибыл на Лопатку в сентябре 1944 г., но сведения об этом в последующем я имел. Командование также эти сведения имело. То, что «на танкере действует не раскрывшая себя батарея японских орудий», — это несколько неточно. Об этом было известно, и когда планировалась высадка десанта, безусловно, в решении командования было всё учтено.

ККОМ ОФ 38059/104. Рукопись, 28 января 1988 г., г. Таллин

Из наградного листа *Василия Тимофеевича Терентьева*, лейтенанта, начальника погранзаставы «Лопатка». В Красной Армии с октября 1938 г., представляется к награждению орденом Красной Звезды...

Краткое конкретное описание личного боевого подвига или заслуг:

Партии Ленина — Сталина и социалистической родине предан. Идеологически выдержан, морально устойчив. Бдителен. Политически развит хорошо. Дисциплинирован, решителен. В своей работе проявляет разумную инициативу. К себе и подчинённым требователен. Авторитетен. Активно участвовал непосредственно в районе боевых действий на острове Шумшу, а также обеспечивал связь района боевых действий с отрядом.

НВФ 4343/71. Ксерокопия

Ткачук Николай Афанасьевич, участник освобождения Курильских островов

...При взятии нами военной базы Катаока в 1945 г. мне вместе с нашими воинами приходилось отводить под конвоем взятых в плен японских солдат и офицеров на пункты их сбора. Однажды при таком конвоировании один из пленных офицеров обратился к нам

с вопросом на чистом русском языке: «Куда вы нас ведёте?» Мы ответили: «В Токио!» Понятно, что такого намерения у нас не было. Сникнув после этого ответа, он больше вопросов нам не задавал.

Тогда нам было некогда разузнавать, кто были те пленные, что говорили по-русски. Нам надо было спешить освобождать следующие острова от самурайских захватчиков. После взятия нами военных баз Катаока и Касивабара, находившихся на Шумшу и Парамушире, мне довелось в числе передового отряда на пограничном эсминце освобождать острова Онекотан, Матуа и Симушир.

Редко, но встречались и на других островах пленные японцы, говорившие по-русски, но имевшие больше японскую, чем русскую внешность лица. Они могли быть детьми от смешанных браков русских эмигрантов, сбежавших в Японию после Октябрьской революции, или членов семёновских банд, нашедших там пристанище. Но вряд ли они могли быть детьми пепеляевцев...

В заключение хочу дать вам, ребята (письмо адресовано поисковому отряду шестого «Б» класса Северо-Курильской средней школы. — *Ред.*), хороший совет. Учите прилежно иностранные языки. Это расширит ваш кругозор, познания и культуру. Нам в войну приходилось при встречах с пленными японцами объясняться с трудом, больше знаками, как немым. На их приглашение говорить по-английски мы ответить не могли, по-японски тоже. Они же, не только офицеры, но почти все могли говорить по-английски, и хотя с пребольшим трудом, но и по-русски. Японцы проявляли любознательность к нашему языку, при возможности с жадностью изучали его, исправляли наши словари-переговорники.

Пленные японцы не пропускали случая высмеять нас за лень. У нас было принято через час работы давать им 10–15 минут перерыва. На это они нам отвечали смехом: «Рузика работай нету, рузика отдыхай. Ха-ха-ха!» Завидовали они нашему богатству, произнося с восхищением: «Рузика бурзуя!»...

ККОМ ОФ 38059/92. Рукопись, 23 декабря 1987 г., г. Петропавловск-Камчатский

Тюхтеев Иван Семёнович, старший сержант, командир орудия, парторг 2-й батареи 279-го артиллерийского полка

...Насчёт работы с нами на момент высадки. Подняли нас по тревоге, выехали на Толстый мыс, высота 148,0. Заняли оборону, вырыли окопы для расчёта и орудий. Командир батареи капитан Н. А. Курганов подошёл ко мне, говорит: «Скажу по секрету, едем освобождать Курильские острова. Нужно провести партийное

собрание». Я, как парторг батареи, объявил, что собрание будет сегодня, повестка дня и время объявим дополнительно.

Сыграли тревогу, снялись и пошли в сторону Петропавловска-Камчатского. За семь предыдущих лет все дороги туда были нами изучены. Встретили ещё батареи нашего полка. При подходе к Мишенной сопке появился парторг 279-го артполка капитан В. С. Акшинский, верхом на лошади, не умея ездить. Видно, что не артиллерист. Говорит: «Товарищ парторг, нужно провести открытое собрание. Повестка дня: “Курильские острова исконно наши, мы идём их освобождать”. И ещё — “Поведение бойцов на островах”».

Настроение было отличное, и у солдат, и у офицеров: засиделись мы. Ехали как оккупанты. Все офицеры — в блескучих погонах. Собрание провели только на пароходе, на рейде Петропавловской бухты. Доклады сделали политрук Жданов, он только что пришёл к нам, и другие работники политотдела 101-й стрелковой дивизии. А вот на собраниях чувствовался страх. Было заметно, что бледнели, краснели и дрожь проходила по телу.

Наш пароход «Коккинаки» попал под обстрел с воздуха. Кто прячется за борт, кто за установки пулемётов «Эрликон», но палуба полна солдат — не спрячешься.

Когда высаживалась наша батарея, были слышны отдельные выстрелы, но уже все [японские огневые] точки были подавлены. А на берегу мы сразу заняли огневую позицию под бруствером берега — бугра от прибоя, и моему орудию пришлось выстрелить 10–12 снарядов. Потом пришла команда: огонь отставить, капитуляция. Видим — мимо нашей огневой позиции из-за маяка идёт группа японцев с белым флагом, человек пять офицеров и солдат человек восемь, от нас метрах в 80–100, и скрылись в зарослях стланика.

Помощь десантникам осуществляла артиллерия мыса Лопатка, дальнобойная. А мы уже высадились к шапочному разбору. Но страху им придали, что вся [советская] артиллерия уже на острове. Капитуляция нас порадовала, но недолго это было, и опять стрельба. На следующий день — опять идут с белым флагом, где-то в отдалённости от нас, и снова слышна стрельба. И так продолжалось три-четыре дня.

Орудие Голубева высадилось, с ним был В. С. Акшинский...

Я немножко увлёкся и пропустил. Ехали как оккупанты, а там, на чужбине, давай погоны [золотые] снимать и вешать хаки. Те — яркие, и снайперы много вывели из строя наших офицеров.

Мало было американских десантных барж. Она подходит к берегу, и задний борт открывается и падает на берег, и орудия скатывают. А десант не допускали до берега, [поэтому] прыгали в воду с оружием, с миномётами, с противотанковыми ружьями и тонули или выплывали без оружия. А берег был завален трупами...

ККОМ ОФ 38059/108. Рукопись, 29 августа 1987 г., Новосибирская область, г. Барабинск

...Мне и нашему взводу повезло. Номер десантной баржи, на которой высаживалась на берег группа захвата, не помню (532 или 527). Она [была] изрешечена прямыми попаданиями. Нас, орудия и коней — на берег. Баржа подошла к берегу, откинулся борт или трап (как его там называют), и мы съехали на берег, где сразу заняли огневую позицию. Приливы и отливы намыли берег больше метра высотой, вот под ним и была огневая позиция.

А сколько на мотоботе [было выгружено] орудий, я, право, вам не подскажу, даже не помню — все четыре или только два были на десантной барже. Но помню, что все четыре орудия стояли по фронту на огневой позиции. С нёе и выпустили несколько снарядов, а потом началась езда с белыми флагами. И мы ещё два раза меняли огневые позиции, но не стреляли. Царёв, конечно, лучше знает, что грузили на мотобот и выгружали на берег, одно-два орудия, не больше.

У нас было огромное желание высадиться и помочь нашей группе захвата. Тяжело ей было там без поддержки артиллерии, но мы оказались бессильны чем-то помочь, догадывались, что там жарко. А насчёт радиосвязи нам не докладывали. Командиры, может, и знали. У нас было одно желание — скорей бы отомстить врагу за наших уже погибших товарищей, горели желанием: скорее, скорее на берег...

Ваш знакомый писатель слышал звон, но не знает, где он. Пушки отправили на берег, а коней нет. Вот и выбросили несколько коней, которые поплыли на берег, а один-два — вокруг парохода. Это был единственный такой момент...

Мне лично не пришлось видеть таких семёновцев [бывших белогвардейцев], но когда била дальнобойная артиллерия с мыса Лопатка, то корректировали огонь будто бы с японской стороны по нашим [кто-то] из семёновцев. Это я сам слышал разговоры от офицеров...

ККОМ ОФ 38059/110. Рукопись, октябрь 1987 г., Новосибирская область, г. Барабинск

...Вы спрашиваете, действительно ли были офицеры-белогвардейцы? Я вам писал, что я лично не видел, а от [наших] офицеров слышал, что да, они были, и огонь с мыса Лопатка дальнобойной батареи корректировали по нашим войскам. А так ли это было, точно ничего не могу написать. Те разговоры и кто говорил — сейчас не помню.

Вы пишете, что мне повезло с высадкой. Да, мы высадились, и ноги сухие. Эти точки подавили, но они опять оживали после нас, как мы видели. У них все ходы сообщения были под землёй: из казарм к дзотам на берег, в столовую, в туалет — по натянутой верёвке. Это — на случай сильной пурги.

Вспомнил ещё один момент. 18 августа под вечер подошла к нашему пароходу «Коккинаки» [баржа?], чтобы раненых перевезти на пароход. Что только там было! Никогда не забудем! Лежали прямо друг на дружке убитые и под ними раненые, безголовые, безрукие, всякие. Прямых попаданий — только снарядов восемь или десять, а также из крупнокалиберных пулемётов... Прямо страшно смотреть! Вот после этого, действительно, ненависть была у всех: скорей бы высадиться...

А нас спасал туман. Мы, счастливчики, остались живыми и дожили до семидесяти лет и больше, это просто повезло.

Насчёт политико-массовой работы. У нас был лейтенант Жданов, политработник, и старший лейтенант Перевалов, заместитель командира дивизиона. На пароходе проще было проводить. Темы: когда от России были отвоёваны Японией Курильские острова и Сахалин. Мы идём как раз освободить их, наши острова. Работы было много, но она часто прерывалась: то самолёты, то артобстрел. Это в то время как выглянет солнце, рассеется туман. А через десять минут опять всё заволакивает туманом.

Ещё один момент. Когда мы высаживались, берег был усеян трупами. Их приливом и отливом гоняло туда-сюда. Даже лиц нет, всё исшаркало о гальку. Настроение было очень паршивое, но всё равно, смеялись, шутили, это затем, чтобы отвлечь себя от такой обстановки.

Наши моряки и пехотинцы подорвали маяк, и оттуда вышли человек семьдесят пленных. Их повели к пароходу или куда-то в определённое место. Впереди наших орудий, метрах в 150–200, был намыт прибоем высокий берег. Наши их развернули в одну шеренгу и из автоматов расстреляли в упор. Человек 20–30 остались в живых, которых увели. Минут через 20–30 капитуляция, и, как на грех, мимо расстрелянных японцев — свита парламентёров, человек

10–12 с солдатами с белым флагом. Отдали честь, приложили руки к головному убору. Это на моих глазах происходило...

ККОМ ОФ 38059/111. Рукопись, 11 декабря 1987 г., Новосибирская область, г. Барабинск

Из наградного листа *Ивана Семёновича Тюхтеева*, старшего сержанта, командира орудия 1-й батареи 279-го артиллерийского полка 101-й стрелковой дивизии КОР 2-го ДВФ, 1918 г. р., русского, члена ВЛКСМ. В Красной Армии с 1938 г., призван Куйбышевским райвоенкоматом Новосибирской области. Участвовал в десантной операции против японских империалистов на острове Симусю 19 августа 1945 г. Ранее не награждался, представляется к медали «За боевые заслуги».

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Энергично работал сам и организовал личный состав по разгрузке материальной части и боеприпасов. Умело организовал партийно-комсомольскую работу в бою. Обеспечил примерность в бою коммунистов. Вывод: достоин награждения медалью «За боевые заслуги».

Командир 279-го артиллерийского полка
подполковник *Тарасов*.
17 сентября 1945 г.

Заключение вышестоящих начальников: «Наградить медалью “За боевые заслуги”. Командующий артиллерией 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии подполковник *Харитонов*. 30 сентября 1945 г.».

НВФ 4343/97. Ксерокопия

Уразметова Зифа Амирьяновна, вдова старшины роты 138-го стрелкового полка И. М. Уразметова

...Вкратце его [И. М. Уразметова] биография. Родился 15 мая 1913 г. в семье крестьянина, потом колхозника, в Башкирии, в Чишминском районе, в деревне Ново-Сафарова. Окончил четырёхклассную начальную школу, работал в колхозе. 6 ноября 1935 г. призван в армию, в 1936 г. окончил школу младших командиров при Уральском военном округе в 4-м Башкирском полку, 10-м отдельном территориальном батальоне. После действительной службы остался на сверхсрочную, был на разных должностях.

В 1940 г. мы поженились, он приезжал с Камчатки в отпуск. Тогда он был старшиной дивизионной школы. А вообще все десять лет служил в 138-м стрелковом полку, так как в нём в основном были башкиры, которые выехали на Камчатку из-под Уфы. В последнее время перед отправкой на остров он был командиром транспортной роты.

Не раз просился на фронт, на Запад. В 1942 г. чуть не отправили его по Северному морскому пути на Запад, уже шла посадка, но отправку отложили. Он часто повторял: «Вот кончится война, нам будет стыдно смотреть в глаза фронтовикам. Скажут, что мы, мол, пороха ещё не нюхали»...

Семьи комсостава жили на 75-м участке. Это недалеко от Петропавловска в сторону Корякской сопки. Мимо нас проходила единственная плохонькая шоссейная дорога. Мужья находились ближе к океану, домой заглядывали редко. Помню первую тревогу. 22 июня 1941 г. с утра мы ушли сажать картофель. Искали среди леса поляну, шли километров восемь от места, где жили. Нашли поляну с мягкой почвой, вскопали, посадили три-четыре ведра. Зажгли костёр, искупались в ближайшем озере, отдохнули. К восьми вечера вернулись домой, поужинали, поболтали с соседями — общая кухня на три семьи, в одиннадцать легли спать. Только свет погасили, кто-то стучит в дверь. Выхожу — задыхающийся посыльный: «Тревога! Началась война!» Мужей наших как ветром сдуло, минута — и их нет. Мы, жёны, всю ночь ходили вокруг домов, ох да ах, да что там...

Утром пришёл из части политрук Лукьянов, собрал нас, всё объяснил. Наступили тревожные дни. Мужья приходили редко. Мы жили своей жизнью, два дня в неделю работали в фонд обороны. Стирали бойцам бельё, чинили тару, трудились в овощехранилище, убирали в столовых, копали траншеи, строили газоубежище, таскали песок на чердаки домов, дежурили по ночам вокруг домов. Продуктов не хватало, выручала нас горбуша.

Так и жили. Пришла Победа, наступило 9 мая. Помню: ночью проснулась — страшно. Кругом стрельба! Стреляют на каждой сопке. Соседи вышли на кухню, думаем: неужели высадился вражеский десант? Ведь ждали войну с Японией. А из подъезда кричит дежурная: «Товарищи! Выходите, война кончилась!» Все выбежали из домов, обнимаются, плачут. Кто-то поёт, кто-то кричит бойцам, что стреляют с сопки, палите, мол, ещё пуще... Ночь не спали. А наши мужья всё еще жили на своих позициях, ожидая решения вопроса с Японией.

И вот 17 августа 1945 г. К вечеру я получила записку от мужа, кто передал, уже не помню. Он писал: «Дорогая. Получен приказ на посадку. Куда едем, ты знаешь. Если сможешь, приезжай провожать на второй причал. Смерть нам не страшна, но хочется получить её в бою. Если со мной что случится, не бросай Розу, вырасти. Прости за всё». До сих пор не могу себе простить, что не сумела сохранить эту его последнюю весточку, но её содержание помню дословно.

Второй причал — это на судоверфи, от Петропавловска по берегу примерно километров двадцать или больше. Как только прочитала записку, оставила дочку соседям, вышла на дорогу голосовать. Тогда с транспортом было плохо. Пока добиралась на попутке с пересадкой, солнце уже закатилось, наступили сумерки. Берег был полон народу. Машут руками, платками, плачут, шумят. Пароходы отошли вглубь бухты, видны только огни и слышна музыка: «Прощай, любимый город, уходим завтра в море...»

Я опоздала. Какая досада! Постояла, поплакала. Поехала обратно, домой добралась в два часа ночи. До сих пор стоит этот вечер перед глазами, и кажется, что и сейчас звучит музыка на втором причале. Если слышу её, плачу навзрыд.

Мы знали, что 18 августа на острове шли бои. Душа болела. 19 августа ушла в город. После обеда стало известно, что прибыл пароход с ранеными. Пошла в порт. Навстречу идёт знакомый солдат Федя, он работал пекарем в нашем полку. Спрашиваю: «Ты был на острове?» — «Был. Пришёл пароход с ранеными. Я приехал за продуктами, в основном за хлебом». Мнётся, не уходит, покраснел. Спрашиваю: «Не томи, что слышно о наших?» Тогда среди русских меня звали Зоей Павловной. Он и говорит: «Крепитесь, Зоя Павловна, старшина погиб...» Подробностей рассказывать не стал, торопился, должен был с этим пароходом идти обратно.

Я стала расспрашивать других раненых. Сказали, что только что увезли одного бойца, он без ноги, был рядом с Уразметовым. Тут же поехала на 6-й километр, в сторону Елизово, в госпиталь. Меня к раненому не пустили, от его имени о муже рассказал другой солдат. Старшина погиб, был ранен в живот, лежал минут двадцать, водил глазами, говорить не мог, потом умер...

Его гибель для меня оказалась неожиданной. Была уверена, что он не только не погибнет, но даже не получит ранения, выйдет из боя героем. Он был высоким, здоровым, ловким, сильным, опытным человеком. В полку слыл самым хорошим физкультурником и снайпером.

Недели через две пришёл ко мне его непосредственный командир — капитан Мазиков. Он приехал в наш полк в 1942 г., его жену звали Надей, детей у них не было. Он командовал 4-м батальоном. Уразметов очень полюбил этого человека, глубоко уважал его. Капитан был старше Уразметова, но не намного. Перед отправкой на остров муж просился в его батальон и был принят туда, а свою роту сдал.

Мазиков рассказал мне: «На берегу Ваня (так мужа звали по-русски) ждал тебя до последней минуты, садился на пароход последним, всю ночь стоял на палубе. Я его звал к себе в каюту, но он не зашёл, так и оставался на палубе до утра. В четыре утра приблизились к острову. Причалов там нет, близко подплыть невозможно. Прыгали в море, плыли метров двести, морская вода словно опутывала ноги. Прямо из моря начали штурм высоты...» Дальше он говорил, что Уразметов заслонил собою кого-то: или самого Мазикова, или другого начальника. Потом вынес с поля боя ещё кого-то из начальников и опять оказался рядом с Мазиковым.

Тогда я была убита горем. Молодая, осталась на краю света с малым ребёнком, плохо слушала капитана, ревела, многое не запомнила. Но хорошо помню слова капитана: «На том участке, где показались танки, молодые солдаты на секунду растерялись. Уразметов попросился к ним на помощь. Я разрешил. Он пошёл во весь рост, с гранатой в руке. Дошёл, подбодрил бойцов и поднял их в бой. Бросил гранату, но вскоре был ранен. После боя я подошёл к его телу. Живот был разорван ниже ремня осколком снаряда, виднелись кишки, даже унесло их немного. Должны его представить к званию Героя Советского Союза».

Это его слова. Потом и от многих других слышала, что должен быть указ о нём, что он будет Героем. Но такого указа не было. Может, говорили так, чтобы успокоить меня. В горвоенкомате мне дали его орден Отечественной войны 2-й степени...

БН. Рукопись, 29 мая 1979 г., г. Уфа

...Участок, где мы жили, назывался «семьдесят пятым». Там стояли четыре двухэтажных каменных комсоставовских дома, через шоссейную дорогу — два-три одноэтажных деревянных дома и магазинчик. Больше никаких построек не было. Кругом — тайга и сопки. Между Петропавловском и нашим участком в 1944 г. у подножия сопки построили Дом офицеров, он был единственным зданием среди пустыря. Вот в нём и открыли госпиталь, когда началась война с Японией.

В первую очередь привезли с острова [Шумшу] легкораненых, ходячих, которые сами могли добраться до парохода. Мы, жёны офицеров, ходили туда, как только слышали, что привезли раненых. Хотя я уже слышала, что мой муж погиб, пошла встречать раненых, имея надежду, что, может, кто расскажет подробности его гибели.

С нами в одном подъезде жил военфельдшер Мухин (имя и отчество не помню). Его жену звали Кира, у них было три девочки, самая старшая — четырёхлетняя. Отлично помню, приехал Мухин, раненый, поместили его в госпиталь. Кира была у него вечером, пришла домой довольная, что он поправится, что он легко ранен. Но на другое утро оказалось, что Мухин умер. Я, помогая нести детей Киры, взяв и свою дочь, ходила на похороны Мухина. Везли на лошадях несколько гробов, в том числе и его. Моя дочь ещё стучала по гробу: «Покажите мне папу, покажите мне папу», — повторяла Роза... Везли в сторону города, где хоронили, теперь не помню...

Ещё был госпиталь на 6-м километре. Так называлась ещё одна воинская часть, а какая, не знаю. Это — в сторону Елизово. Туда я тоже ездила. Там оказался солдат, лежавший на позиции рядом с моим мужем. К нему меня не пустили, сказали, что он тяжело ранен, ему оторвало ногу. Тогда я попросила одного легкораненого солдата, выходившего в коридор, чтобы он пошёл в палату, послушал, что скажет тот раненый о моём муже. Солдат вернулся, передал мне, что старшина был ранен в живот осколком снаряда, лежал минут двадцать живой, потом умер...

БН. Рукопись, 19 марта 1981 г., г. Уфа

...Дьяконов Михаил Андреевич (майор, командир батальона связи 101-й стрелковой дивизии. — *Ред.*) ушёл на фронт без её проводов. Вале (Валентине Михайловне Дьяконовой. — *Ред.*) потом писали, что, когда высаживался десант, ту шлюпку, где был Дьяконов, сильно обстреляли. Он был тяжело ранен, не смог выплыть на берег и утонул. Через десять дней волна выбросила утонувших, и только тогда опознали Дьяконова по ордену Красного Знамени и петлицам (видимо, погонам. — *Ред.*). Где их похоронили, Валя не знает. Нам кажется, его нет в братской могиле, где похоронили наших. Тогда ведь Дьяконова ещё не нашли. А тех, что потом нашли после девяти — двенадцати дней, где хоронили?

Роза (дочь И. М. Уразметова, спустя годы побывавшая на острове Шумшу. — *Ред.*) говорит, что у берега моря есть ещё могила. Может, это могила [выброшенных морем] потом?

БН. Рукопись, 2 августа 1981 г., г. Уфа

Представители японского командования подписывают капитуляцию. Картина рядового взвода охраны особого отдела 101-й стрелковой дивизии Качурина [ККОМ ОФ 38059/151].

Комментарий И. Д. Христенко от 20 мая 1987 г.: первый с правой стороны стола переводчик В. Е. Кремянский, второй справа — М. М. Григорьев. За Кремянским стоят: командир 101-й стрелковой дивизии генерал-майор П. И. Дьяков, начальник политотдела 101-й стрелковой дивизии полковник И. А. Алентьев, командующий КОР генерал-майор А. Р. Гнечко, начальик политотдела КОР полковник В. В. Володко, старший лейтенант М. М. Григорьев (в каске), начальник штаба КОР полковник Р. Б. Воронов

Пленные японцы. Газетная публикация. Исходное фото предоставлено Ю. А. Панаевым [НВФ 4343/24]

Японцы на аэродроме острова Шумшу после капитуляции
[ОФ 31823/25]

Над бывшей японской военной базой Катаока поднимается Военно-Морской Флаг СССР

Петропавловск-Камчатский, 1948 г. Пленный японец строит лестницу на улицу Советскую. Сзади — здание радиокомитета. Фото Г. Гайдукевича
[ГИ 26547/39]

Бойцы-противотанкисты на позициях на острове Шумшу
(из собрания А. Н. Найдёнова)
[ККОМ ОФ 38059/250]

Бойцы роты ПТР на острове Шумшу (из собрания А. Н. Найдёнова)
[ККОМ ОФ 38059/251]

Встреча десантников в Петропавловске, сентябрь 1945 г. Слева — А. Р. Гнечко [КОКМ ОФ 31823/9]

Митинг-встреча в Петропавловске, сентябрь 1945 г. [КОКМ Ф 433]

Тов. Доброе В.Ф.

УКАЗ ПРЕЗИДІЇ ВЕРХОВНОЇ РАДИ СРСР
УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНАГА СОВЕТА СССР
SSRS AUG SOVETI PREZIDIUMUNUN FORMANI
SSSR JOGARY SOVETI PREZIDIUMYNYŇ UKAZY
SSSR ALIJ SOVETI PREZIDIUMINIŊ UKAZI
UKAZI PREZIDIUMI SOVETI ALIJI SSSR
SSSR ÜLS SOVETI PREZIDIUMYNYŇ UKAZY
SSSR ÇOJUZU SOVETI PREZIDIUMUNUN UKAZI

№ 222/444.

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О присвоении звания Героя Советского Союза генералам, офицерскому, сержантскому и рядовому составу Красной Армии.

1 ОТДЕЛ Вх. № 1851 12. 9. 1945 г.

За умелое руководство боевыми операциями и за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с японскими империалистами присвоить звание ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА с вручением ордена ЛЕНИНА и медали "ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА":

1. Полковнику ЗАЙЦЕВУ Илье Васильевичу.
2. Старшему лейтенанту БИРЮКО Ивану Кузьмичу.
3. Капитану ВАСИЛЬЕВУ Павлу Ефимовичу.
4. Полковнику ВАСИЛЬЕВУ Павлу Федоровичу.
5. Генерал-майору ГЛАГО Алексею Романовичу.
6. Капитану ГРОМОВУ Ивану Петровичу.
7. Старшине ДЕЙНЕГУ Николаю Архиповичу.
8. Генерал-майору ЗЛАТОВИЧУ Гавриилу Станиславовичу.
9. Генерал-лейтенанту танковых войск КАЛЮКОВУ Федору Григорьевичу.
10. Ефрейтору КОЛЕСНИКУ Василию Степановичу.
11. Красноармейцу КОРЯКОВУ Алексею Николаевичу.
12. Старшему лейтенанту КОТУ Василию Антоновичу.
13. Подполковнику ЛОСКУНОВУ Николаю Алексеевичу.
14. Лейтенанту МАЛОЗУ Ивану Ивановичу.
15. Майору НАКОНЕЧНОМУ Анатолию Гавриловичу.
16. Генерал-лейтенанту ОЛЕНИНУ Николаю Николаевичу.
17. Генерал-майору НАРЫКАЛОВУ Григорию Никифоровичу.
18. Красноармейцу ПОПОВУ Георгию Михайловичу.
19. Лейтенанту РОМАНОВУ Николаю Федоровичу.
20. Гвардии генерал-лейтенанту танковых войск САБЕЛЬНИКОВУ Михаилу Ивановичу.
21. Старшему лейтенанту САВЧЕНКО Степану Аверьяновичу.
22. Капитану СВЕТЛИЧНОМУ Григорию Григорьевичу.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1945 г. о присвоении звания «Герой Советского Союза»

23. Старшему лейтенанту СМОРОДУ Павлу Никитовичу.
24. Капитану СМИРНОВУ Леониду Владимировичу.
25. Младшему сержанту ЖИРОВУ Александру Яковлевичу.
26. Генерал-майору ЧЕРКАШИНУ Корнилию Георгиевичу.
27. Лейтенанту ШАХАТОВУ Семену Семеновичу.
28. Майору ЮТОВУ Петру Ивановичу.
29. Старшему лейтенанту ЯШИНУ Сергею Тимофеевичу.
30. Старшему сержанту ЯКУШКИНУ Алексею Александровичу.
31. Капитану ЯРЗОВУ Артемию Сергеевичу.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР – М.КАЛИНИН.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР –
(А.Горкин)

Москва, Кремль.
8 сентября 1945 г.
№ 266/84.

Продолжение Указа Президиума Верховного Совета СССР
от 8 сентября 1945 г.

К ПРИКАЗУ ВОЙСКАМ 2 ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА № 07/н ОТ 2 СЕНТЯБРЯ 1945 ГОДА
ПО НАГРАЖДЕНИЯМ

№ п/п	Наименование орденов и медалей	По составу: Офицер.	Нач.	Админ.	В/тех.	Медиц.	Серж.	В/наем	ИТОГО	По родам войск: Пехота	Инж.	Оборон. отряды	Химич.	В/наем	ИТОГО	Из них: Награжд.	Умерло
I	Орд.Красное Знамя	I	-	-	-	-	-	-	I	I	-	-	-	-	I	-	-
2	" Отеч.войны I ст.	4	-	-	-	-	-	-	4	3	I	-	-	-	4	-	-
3	" Отеч.войны 2 ст.	3	-	-	-	I	-	-	4	4	-	-	-	-	4	-	-
4	" Красная Звезда	I2	I	5	5	I	-	-	24	20	-	3	I	-	24	-	-
5	Мед. За отвагу	I	I	I	I	-	-	-	4	I	I	I	I	-	4	-	-
6	" За боев.заслуги	6	I	5	I	-	5	8	26	I5	-	2	-	8	25	-	-
	ВСЕГО:	27	3	II	7	2	5	8	63	45	2	6	2	8	63	-	-

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА КАДРОВ 2 ДВФ
ПОДПОЛКОВНИК (МОСЕВ)

"7" сентября 1945г.

Справка к приказу 2-го ДВФ от 2 сентября 1945 г. о награждениях
[ККОМ НВФ 4343/182]

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
АРХИВ
Министерства обороны
СССР

7 июня 1978 г.
№ 4/42084

142100, г. Подольск, Моск. обл.

Гр. ГАЙДУКОВУ В.И.

На Ваше письмо, поступившее к нам из Главного Архивного Управления, сообщаем, что 128 истребительная авиационная дивизия (она же до 2 ноября 1945г. 128 отд. смешанная авиадивизия) сформирована 4 мая 1942г. в селе Елизово на Камчатке.

В период с 9 августа 1945г. по 3 сентября 1945г. 128 отдельная смешанная авиационная дивизия участвовала в боях против японских милитаристов по освобождению островов северной части Курильской гряды. [redacted] Всего за период боевых действий произведено 351 самолетовылет.

За отличные боевые действия по овладению островами Симусю и Парамусир из Северной части Курильской гряды 128 сад приказом Верховного Главнокомандующего № 0159 от 14 сентября 1945г. присвоено название "Курильская".

ОСНОВАНИЕ: ЦАМО, исторический формуляр дивизии, фонд 20168, оп.1, д.1.

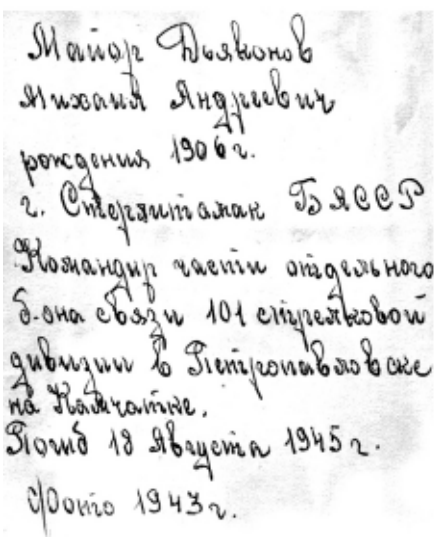
Одновременно сообщаем, что командиром 128 сад был полковник ЕРЕМИН МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ, начальником штаба 128 сад – подполковник САМАРИН АЛЕКСЕЙ ФРОЛОВИЧ, начальником политотдела 128 сад – подполковник КОВАЛЬ КОНСТАНТИН ЕВСТИХЕЕВИЧ.

За адресами настоящего местожительства вышеуказанных офицеров рекомендуем обратиться в 4 отдел Управления Кадров ВВС (г.Москва, К-160).

НАЧАЛЬНИК АРХИВОХРАНИЛИЩА (ШАТАЛОВ)

исп.Загребаева
кн

Архивная справка от 7 июня 1978 г. по запросу В. И. Гайдукова о действиях 128-й смешанной авиационной дивизии

Майор Дьяконов
Михаил Андреевич
рождения 1906 г.
г. Старшина Баер
Командир части отдельного
б-она связи 101 стрелковой
дивизии в Петропавловске
на Камчатке.
Убит 18 августа 1945 г.
Фото 1943 г.

М. А. Дьяконов, 1943 г.

А. В. Авдеев, лейтенант, командир взвода связи 302-го стрелкового полка 101-й стрелковой дивизии, 1946 г. [КОКМ ОФ 38059/1]

Полковник П. А. Артюшин [ККОМ ОФ 38059/77]

Л. В. Щепин, октябрь 1943 г. Призван в 1943 г., рулевой-сигнальщик 3-го класса 6-го ДСП ОВРА ПВМБ ТОФ. «Воевал на острове Шумшу в составе батальона морской пехоты в период с 15.08 по 01.09.1945» [НВФ 4343/100]; благодарность Л. В. Щепину [ККОМ НВФ 4343/89]

Грамота И. С. Черезова [ККОМ НВФ 4343/110]

Командир ПВМБ капитан
1-го ранга Д. Г. Пономарёв

Начальник политотдела ПВМБ
полковник П. И. Смирнов
[КОКМ ОФ 31823/12]

Командир 945-й отдельной
артбатареи С. И. Соколюк
[КОКМ ОФ 31823/42]

Командир 101-стрелковой дивизии
генерал-майор П. И. Дьяков
[КОКМ ОФ 31823/6]

Фрольцев Владимир Георгиевич, боец пулемётной роты
198-го отдельного стрелкового полка

...Родился в 1919 г., в Красную Армию призывался в сентябре 1939 г. на Урале, в городе Златоусте Челябинской области. На Камчатку нас привезли 20 ноября в район Усть-Большерецка, в 198-й стрелковый полк, где я проходил службу. Сначала окончил полковую школу младших командиров, затем работал в штабе полка писарем, потом меня перевели в штаб батальона, в 1943 г. направили в пулемётную роту. Здесь был назначен командиром отделения, затем помощником командира взвода. В этой должности участвовал в боевых действиях на Курильских островах.

Подготовка десантных войск велась с июня 1945 г. Это было заметно по боевым учениям наших подразделений и большим поступлением на Камчатку войск с западных фронтов. Шли слухи, что будет война с Японией. Но когда будет объявлена война, мы не знали...

Память в настоящий момент нас подводит, прошло-то с тех пор не год-два, а десятилетия. В связи с этим многие моменты из головы выветрились и восстановлению не поддаются, но то, что осталось в моей памяти, с большим удовольствием сообщаю.

Хорошо запомнилось, что с 17-го на 18 августа нам объявили, что наши войска приступили к боевым действиям по высадке десанта на острова Шумшу и Парамушир. В это время наш 198-й стрелковый полк и другие рода войск по приказу командующего КОР находились в третьем эшелоне, в резерве, в полной боевой готовности к выступлению из района Усть-Большерецка на грузовом пароходе «Коккинаки». Все солдаты нашего полка были старослужащие, 1938—1939 гг. призыва, хорошо тактически и физически подготовлены, умели действовать самостоятельно, смело и решительно.

Запомнился мне день 19 августа. Мы услышали сообщение по радио о полной и безоговорочной капитуляции японских войск. В это время мы находились в открытом Охотском море, не теряли бдительности, были готовы в любое время выполнить боевой приказ.

23 августа получили приказ подойти к острову Парамушир, 24-го подошли к берегу и приступили к высадке в районе аэродрома. После морского перехода при шестибалльном шторме все устали. Высаживаться пришлось на скалистый и крутой берег. К нашему счастью, японцы нам не препятствовали, выполняли приказ своего командующего о капитуляции. У нас не было плавсредств, солда-

ты и командиры использовали всё, что имелось на корабле: надувные лодки, самодельные плоты из брёвен, досок и бочек, применяли и другие приспособления, чтобы добраться до берега.

По окончании высадки нам дали короткий отдых, после чего наш полк приступил к действиям по пленению и разоружению японских солдат и офицеров. В это время со стороны японских смертников продолжалось вооружённое сопротивление, были потери среди наших солдат.

Нами пленено и разоружено до десяти тысяч солдат и офицеров противника. При сдаче огнестрельного оружия за офицерами сохранялось право носить холодное, то есть клинки. Впоследствии обнаружилась гибель наших солдат и офицеров, вскоре был приказ командующего КОР: холодное оружие изъять.

Все японские солдаты и офицеры находились под охраной наших войск до октября. В момент пленения самураи были очень озлоблены на нас, по их поведению можно было видеть, что они были готовы нас живьём съесть. Что-то ругательски бормотали, со злом бросали оружие, были злые, как дикари. Потом, уже к концу их отправки с острова, стали более открытыми, весёлыми и доброжелательными. Смотришь на них и думаешь: «Как были вы самураями, так и остались самураями». Русская пословица гласит: «Сколько волка ни корми, он всё равно в лес смотрит».

Наша идеология была социалистической морали, а не захватнической с волчьими законами, какими именно являлись японские самураи. Все наши солдаты хорошо знали и отлично сознавали, что мы боремся за освобождение своих исконных земель.

Я счастлив, что остался жив и здоров, и горжусь своими однополчанами и всеми войсками КОР, что мы с поставленными перед нами задачами с честью справились...

После отправки японских солдат и офицеров на материк, по приказу командира 101-й стрелковой дивизии наш полк был возвращён в Усть-Большерецк, где мы служили ещё год. В августе 1946 г. нас демобилизовали...

ККОМ ОФ 38059/121. Рукопись, 4 февраля 1988 г., г. Курган

Христенко Иван Демидович, старший лейтенант,
командир 5-й батареи 2-го дивизиона
279-го артиллерийского полка

...По интересующему вас вопросу о действиях артиллерии. Артиллерия 101-й стрелковой дивизии была представлена:

а) дивизионной — 279-го артполка и 428-го гаубичного артполка, в каждом полку было по три дивизиона (отсюда и название), в каждом из них было по три батареи, по четыре орудия в каждой;

б) полковой, то есть имеющейся на вооружении стрелковых полков. В каждом полку три батареи: противотанковая 45-миллиметровая (шесть пушек), 76-миллиметровая (шесть пушек) и миномётная (четыре миномёта 120- и 82-миллиметра по штатам 1941 г.). Дивизионная артиллерия, как правило, может использоваться для массированного огня, полковая — в боевых порядках пехоты для поражения целей, мешающих её продвижению.

279-й артполк имел шесть батарей 76-миллиметровых горных пушек, две гаубичных 120-миллиметровых и одну 152-миллиметровую на механической тяге, остальные восемь батарей — на конной тяге.

428-й гаубичный полк — девять батарей 122- и 152-миллиметровых орудий на механической тяге (тракторах).

Об артиллерии 279-го артполка ничего к сказанному В. С. Акшинским на с. 61—62 добавить не смогу. Действовали отдельные орудия 2-й и 3-й батарей 1-го дивизиона. Упоминаемый командир орудия Василий Захарович Голубев, возможно, добавит подробнее. Мой коллега Александр Гаврилович Шеремеев тоже расскажет о бое. Кстати, он был контужен.

О 2-м дивизионе 279-го артполка, где я командовал 5-й батареей. Командир дивизиона — капитан А. М. Бочков, замполит — старший лейтенант В. А. Зоточкин. Дивизион прибыл на транспорте «Пугачёв». 18 августа он стоял километрах в трёх севернее танкера «Мариуполь». Около двенадцати часов дня было приказано отправить на берег командиров взводов управления. От 5-й батареи послали лейтенанта Николая Наумовича Копытко и радиста Константина Фёдоровича Демидова. Их десантное судно было обстреляно на подходе к берегу, и они были вынуждены выброситься в море и вплавь добираться до берега. При этом радиостанция вышла из строя. Своими воспоминаниями К. Ф. Демидов поделился в книге «Слово победителей» (Южно-Сахалинск, 1985, с. 101).

Дивизион высаживался рано утром 19 августа, после того, как были доставлены десантные плавсредства взамен повреждённых. На берегу ещё лежали трупы десантников. Расчёты катили орудия своими силами, как мне помнится, лошади выгружались позже. Огневые позиции заняли южнее господствующих высот, а наши наблюдательные пункты — в карликовых кустарниках непосредственно за боевыми порядками пехоты западнее тех высот. Часам

к семи-восьми утра дивизион был готов к бою, однако поступил приказ воздержаться. В это время начинались переговоры о капитуляции японских войск. Четверо суток мы простояли в боевой готовности. Днём было сравнительно спокойно, ночью же начиналась отчаянная ружейно-автоматная перестрелка передовых подразделений.

В этой связи меня несколько удивили воспоминания генерала Дьякова в упомянутой книжке (с. 80). В мажорном тоне генерал пишет, как «сразу же загрохотали орудия всех калибров, сотрясая землю! В течение часа...» по его команде. Не помню я такого, и огня не вёл... Массированный, а вернее, методический огонь артиллерии вёлся до высадки десанта с мыса Лопатка. К сожалению, у меня нет [в переписке] ни одного артиллериста с Лопатки...

Огонь, который вели батареи с Камчатки, можно скорее назвать огнём по площадям, но корректировки его не было, о его эффективности стреляющие не могли знать, а с высадкой десанта его нельзя было вести из-за возможности поражения своих войск. О выносе наблюдательного пункта в район сражения артиллеристы мыса Лопатка, видимо, не подумали...

ККОМ ОФ 38059/158. Рукопись, 23 августа 1987 г., г. Новокузнецк

...Артиллерия перевозилась на торговых судах и действительно в трюмах. Лошадей при разгрузке, в целях ускорения, приходилось и сбрасывать [в море], и некоторые из них пытались плыть от берега. К счастью, лошади не тонут, поэтому они все выплыли. Но всё это было 19 августа, то есть тогда, когда бои за остров завершились, позиции стабилизировались, ни наступательных, ни оборонительных боёв уже не было.

19 августа уже был подписан акт о капитуляции, к которой японцы приступили 23 августа. А до 23-го шла безобидная перестрелка, главным образом ночью. Отдельные орудия были высажены 18 августа, а в целом 18-го артиллерия не могла высадиться, так как было не на чем. Только к утру 19 августа появились плавсредства для высадки артиллерии. По всей вероятности, их оказалось мало, они были потоплены в первой половине дня 18 августа, а другие шли с западного побережья, то есть ещё находились в пути. Это моё мнение...

Ваша версия и оценка действий группы захвата майора Шутова совершенно верная. Шутов пробежал, а огневые точки японцев остались необнаруженными и неподавленными. Сказалась неопытность. Это был первый бой. Во второй половине дня плацдарм для

высадки артиллерии был обеспечен, но, увы, высаживаться было не на чем. Условия высадки были необычны. Все десантные суда оказались перегружены, до берега не доходили на 100–150 м, то есть люди бросались в воду на глубине около 2–2,5 м с пулемётами, миномётами, противотанковыми ружьями и прочим.

Десантные суда были заказаны в Америке, и, наверное, были те, кто обосновывал их конструкцию, грузоподъёмность. Однако при загрузке, по свойственной нам психологии к перевыполнению, суда переполнили. Как у Левши — блоху подковали, но она отказалась танцевать кадриль. Бесспорно, операция по штурму острова-крепости оказалась спешной, достаточно не подготовленной. Система огневой защиты острова не была разведана, что можно было объяснить только тем, что высшим командованием в целях конспирации, а возможно и по другим причинам, о возможности десантной операции не сообщалось. Никто и никогда на Камчатке высаживаться на Курилах не собирался, всю войну прорабатывалась оборона или уничтожение высадившегося десанта. Всего одно занятие по высадке с моря провёл 138-й стрелковый полк.

Генералитет наш слишком судить нельзя — ему было приказано в три дня подготовить десант. Он выполнил приказ как мог. Нужно не забывать, что в момент десантной операции Япония фактически была разгромлена нашими фронтами в Маньчжурии и Китае...

Материал В. Зобнина вами хорошо подготовлен. Жаль, не довелось ему дотянуть (дожить. — *Ред.*) до сентября. Он очень гордился своим 7-м отдельным стрелковым батальоном, и когда узнал, что во время формирования батальона на мысе Лопатка туда из Елизова пешим порядком пришёл взвод автоматчиков (а узнал это из письма сослуживца, участника этого перехода), то загорелся идеей написать очерк. Причём начал «атаковать» для этой цели меня, убеждая, что этот переход был героический, что, впрочем, так и есть. Взвод большую часть пути шёл по бездорожью в условиях горной местности, преодолел два перевала с полной боевой выкладкой (около 50 кг), питаясь скудным тыловым пайком, в поношенных шинелях и обмотках.

Ему хотелось об этом рассказать в «Курильском рыбаке» и «Камчатской правде» ко Дню Победы над Японией — 3 сентября. После долгого колебания я согласился, при условии, что подпишем мы этот очерк вдвоём, в «Курильский рыбак» посылать не будем, как не имеющий к событию прямого отношения, а в «Камчатскую правду» пошлём к юбилею 101-й стрелковой дивизии. Для уточнения

деталей и поиска других участников перехода Зобнин поднял на ноги камчатских следопытов, и они нашли ещё одного.

Хотя ещё имелось много неясностей, которые нужно было уточнить в ходе переписки с ним, с 1 июля я стал посылать ему на рецензию первые страницы (около двенадцати) нашего общего труда. И, странное дело, послал ему три письма, но ответа не было, что совсем Зобнину несвойственно. Он по три письма на неделе присылал. Я подумал, что он ждёт окончания, но получил сообщение Н. В. Акшинской о его кончине. Неделей позже об этом сообщил его сын. Видимо, Зобнин уже не читал моего писания...

ККОМ ОФ 38059/159. Рукопись, 1 октября 1987 г., г. Новокузнецк

...Переход взвода автоматчиков из Елизово на мыс Лопатку, по сути, уникальный, так как взводу была поставлена задача: рассчитывать только на свои силы, в полной боевой готовности прибыть на место для усиления обороны. Взвод преодолел три перевала — Срединный хребет в средней части между Елизово и Усть-Большерецком; второй — у посёлка Озерновского и последний — склоны вулкана Камбального. В ту пору на двух последних перевалах господствовали лютые ветры, пурга.

Были и другие походы войск, например, батальоны 198-го стрелкового полка с учебной целью ходили от Усть-Большерецка до мыса, отрабатывая задачу сброса японского десанта, но в горах быть им не приходилось.

Пока имеется два участника перехода — В. Г. Анищенко из Благовещенска и М. М. Степанников с Камчатки. Последнего расспрашивал и его ответы прислал В. Н. Заярнов, руководитель поискового клуба «Родина». Но сведений мало, многое нужно уточнять с Анищенко. Меня очень подкупил последний эпизод форсирования перевала Камбального. Почти восемнадцать часов взвод пробивался в условиях пурги, темноты, мучительного голода и усталости. Двигались скорее по интуиции. Но я второй год не могу добиться хотя бы приблизительной характеристики этого пути, чтобы, описывая неимоверные трудности, мне не выдумывать ландшафт, которого потом никто не найдёт. Тем более что Зобнин хотел молодёжи Камчатки предложить повторить маршрут этого взвода...

Командиром взвода был старший лейтенант Пётр Акулов, а упоминаемый Поплавским капитан Вожев, видимо, имеет отношение к другому случаю. Г. В. Грицук много раз сопровождал роты и батальоны от Усть-Большерецка до мыса.

Переход взвода прошёл без огласки, и многие, кого допрашивал В. В. Зобнин, об этом помнят смутно...

ККОМ ОФ 38059/162. Рукопись, 12 декабря 1987 г., г. Новокузнецк

Из наградного листа *Ивана Демидовича Христенко*, старшего лейтенанта, командира 5-й батареи 2-го дивизиона 279-го артиллерийского полка 101-й стрелковой дивизии КОР 2-го ДВФ, 1917 г. р., русского, члена ВЛКСМ. В Красной Армии с 1938 г., участвовал в десантной операции на острове Симусю против японских империалистов 18—20 августа 1945 г. Призван добровольно, окончил Томское артиллерийское училище. Ранений и контузий не имеет. Ранее не награждался, представляется к награждению медалью «За боевые заслуги».

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Умело и уверенно руководил действиями батареи при высадке на берег и занятии боевого порядка, инженерным оборудованием его. Быстро организовал смену боевого порядка, не теряя готовности батареи к открытию огня. Вывод: достоин награждения медалью «За боевые заслуги».

Командир 279-го артиллерийского полка
подполковник *Тарасов.*
16 сентября 1945 г.

Заключение вышестоящих начальников: «Представляю к правительственной награде медалью “За боевые заслуги”. Командующий артиллерией 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии подполковник *Харитонов*. 30 сентября 1945 г.».

«“Наградить”. Командир 101-й ордена Ленина стрелковой дивизии генерал-майор *Дьяков*. 30 сентября 1945 г.».

Христофоров Георгий Дмитриевич, второй номер радиста взвода связи 5-го отдельного стрелкового батальона

...Перед высадкой на остров Шумшу я служил в 5-м ОСБ, находился на одной из точек связи на берегу Тихого океана, недалеко от деревни Халактырка. Рядом с нами стояла морская батарея береговой обороны. Нас, несколько человек, по тревоге сняли с точки и марш-броском направили в Петропавловск. Здесь меня, как второго номера радиста, объединили в группу с радистом высшего класса из нашего взвода связи. Привели нас на мыс Сигнальный, возле Сопки Любви, и погрузили на десантное

судно, баржу, бортовой номер 598 или 568. Мы вышли в море. Где и как проходили, сказать не могу, так как находился в помещении вместе с десантом. В десанте были моряки и пехотинцы, а кто что из них представлял, я ничего не знал. Наша задача была одна: высадиться на берег и установить связь с морем, точнее, с командованием.

Когда поступила команда — приготовиться к высадке, с радистом вышли на палубу. Точно помню: нам сказали, что мы будем высаживаться первыми. В темноте я разглядел, как баржи разворачиваются и берут курс на впереди лежащий остров. Наша баржа также пошла к берегу. Было раннее утро, темно, шёл мелкий дождь, «могычка», как мы его называли. При подходе к берегу я видел с нашей баржи, что ещё четыре справа тоже идут к берегу. Наша остановилась, и нам приказали прыгать в воду. По носу с обеих сторон были спущены трапы, по ним вслед за бойцами и матросами и мы побежали вниз к воде. Я заметил, что солдаты и матросы впереди нас уже прыгали в воду. Все они почему-то плыли, а до берега было далеко, наверное, больше ста метров.

Я затянул на себе потуже ремень и закинул на спину винтовку, чтобы было легче работать руками. Мой радист шёл впереди, и когда он прыгнул в воду, то сразу стал тонуть. Прыгнув с трапа, я успел его схватить за рацию и потянул за собой к берегу, помогая ему плыть. К счастью, радист отделался довольно легко — хлебнул морской воды, откашлялся на берегу. Он мне сказал, что рация подмочена и к работе непригодна, её надо сушить. В это время на берегу кто-то нас торопил, заставлял двигаться вглубь острова, и я побежал за теми, кто вышел на берег. Радист остался на берегу, и больше я его не видел.

С группой солдат и матросов в темноте наскочил на японскую казарму, вот тут и повстречал первого японца. В темноте трудно было определить, что произошло, выстрела я не слышал, но японец был убит, видимо, ножом. Честно говоря, я затрудняюсь сказать, когда началась стрельба, но стрелять пришлось через считанные минуты. Нас кто-то беспрерывно подгонял, заставлял двигаться вперёд, не останавливаться, и поэтому все стычки с японцами происходили какие-то короткие, а японцы куда-то исчезали. Я думал, что они уходят от нас по траншеям вглубь своей обороны. Когда рассвело и стало возможным увидеть, что творится вокруг, то оказалось, что сзади нас находились японцы, ведшие огонь по десанту. Страшно было смотреть, но опять нас упорно торопили вперёд и вперёд. Кругом были сопки, и везде стреляли.

Я попал в группу, которую возглавил старший лейтенант Тюрин, его фамилию узнал позже. Дело в том, что японские снайперы, когда стало совсем светло, стали чаще брать на мушку наших офицеров, и они гибли у нас на глазах. Наступило небольшое затишье, это случилось уже у подножья высоты 171,0. Тут мы немного определились — кто, откуда и кому мы должны подчиняться. Я попал в роту «недобитых», как мы себя назвали, командиром у нас были «самозванцы», то есть те, кто проявлял инициативу и геройство и вёл за собой солдат в атаку.

Штурм высоты 171,0 у нас сразу не получился. Приходилось несколько раз подниматься в атаку и опять залегать под японским огнём, но всё-таки двигались вперёд. Не доходя до вершины высоты, снова были положены. В это время поступила команда нам срочно переместиться правее и выручить роту, попавшую под перекрёстный огонь в лощине, между высотой 171,0 и рядом лежащей сопкой. Если не изменяет память, это была 8-я рота 302-го стрелкового полка, но точно не помню. Тут мы оказались в более выгодном положении, могли бить японцев сверху. Здесь солдаты проявили себя геройски.

После выполнения этого задания нас перебросили на левый склон высоты 171,0. Внизу, у подножья, проходила дорога. Мы разместились на площадке. После очередной нашей попытки овладеть вершиной были вынуждены снова вернуться на эту площадку.

Вот тут-то и началась на нас танковая атака японцев со стороны дороги, слева. Тем из нас, кто имел автомат, было приказано заставить японских солдат залечь, отрезать их от танков. Все, кто имел гранаты, были выдвинуты немного вперёд. В это время я увидел, как слева от меня в окоп прыгнул офицер с противотанковым ружьём и с первого выстрела подбил танк. Что случилось потом, я не видел, пришлось задерживать пехоту противника огнём из автомата. Успел заметить, как один из танков развернулся над окопом, где находился офицер с противотанковым ружьём. Этот танк был подбит, а я подумал, что офицера раздавили. Об этом я писал В. С. Акшинскому, он ответил, что это был старший лейтенант из 138-го стрелкового полка, назвал его фамилию, сообщил, что он остался жив. Видел, как солдат из 302-го стрелкового полка ездил перед нами на танке, пока его [танк] наши же и не подбили и заставили покинуть. Видел, как сержант в рукопашной схватке смог уничтожить несколько японцев, но кто он, сообщить не могу.

После взятия высоты 171,0 нам пришлось пройти по левому склону вниз, пересечь дорогу и выйти к аэродрому. Здесь в основ-

ном и завершилась наша эпопея на острове Шумшу. После этого нас погрузили на баржу, а потом, кажется, на пароход, точно не помню, но всё-таки нам пришлось ещё пройти вдоль Курильских островов до острова Уруп. Высадились там, за бамбуковой рощей пришлось привести к смирению японских смертников. Потом опять погрузились и высадились на острове Матуа, где уже находился наш 302-й полк...

ККОМ ОФ 38059/127. Рукопись, без даты, г. Братск

...Перед высадкой у меня за плечами было семь лет армейской службы, из них пять — воспитанника Красной Армии, музыканта духового оркестра 138-го стрелкового полка. В 5-й батальон я попал в ноябре или декабре 1944 г. После извержения Авачинского вулкана, засыпавшего наш батальон метровым слоем пепла, мы покинули своё место, вышли на берег Тихого океана и расположились между мысом Шипунским и деревней Халактыркой...

Получили короткий инструктаж — прибыть в Петропавловск в распоряжение майора Шутова. Я был вторым номером у радиста, выполнял то, что он приказывал. Все операции выполнял он, как старший боец. Рация никакой герметизации не имела — деревянный ящик и сверху брезентовый чехол. По рации было можно передавать как зуммером (морзянкой), так и голосом.

Баржа ДС имела способность приближаться к берегу на расстояние, позволявшее с применением выдвижных трапов высаживать десант на берег или, в крайнем случае, замочив ноги. На баржи было погружено гораздо больше солдат и матросов, а также боеприпасов [чем положено]. Вот первая причина, почему баржи не смогли подойти близко к берегу, осадка судна была очень большая. Поэтому нам пришлось добираться вплавь. Глубина была небольшая, но достаточная для солдат с полной боевой выкладкой, не умеющих плавать, чтобы пойти на дно. Так случилось с восемью рациями из девяти. По-видимому, баржа, где находился краснофлотец [с рацией], смогла подойти к берегу, что дало возможность ему добраться вброд до берега. Ещё, видимо, капитаны не знали места высадки, каждый действовал по своему усмотрению.

Этот десант и вся операция с высадкой на Курилы, мне кажется, была очень рискованной, но в то же время она была нужна. О том, что наш отряд был передовым, как его называли после, я не знал. Нам — солдатам — было известно, что сначала должна высадиться группа захвата, потом мы и все последующие, двигавшиеся в десантной группе к островам.

Вы спрашиваете об уверенности в победе? Я не знаю, что вам рассказывают офицеры, но они шли в десант с парадными погонами и кокардой на фуражке. Чем это кончилось, вы знаете (стали заметной целью для вражеских снайперов. — *Ред.*).

О том, что мы могли взять высоту 171,0 с ходу, ответить затрудняюсь. Во время первой попытки нас придавили к земле огнём доты и дзоты. Во время второй — артиллерийский огонь с мыса Лопатки и кораблей заставил отойти вниз. В это время появились танки, тоже заставили нас залечь. Артиллерийский огонь был вызван через семафорную связь моряками — так нам, солдатам, стало известно...

Высоту 171,0 брали уже после отражения танковой атаки, к нам подошло подкрепление, высадившееся уже под огнём японцев. Оно тоже было сильно потрёпано, имело большие потери, но всё же это было подкрепление. Нас было мало, а японец входил в силу и количеством солдат, и огнём. Когда на нас вышли танки, один офицер сказал: «Нам нужно выстоять». И мы выстояли. Наши противотанковые ружья подбили несколько машин. Это подняло дух солдат, они с гранатами пошли на танки и уничтожили их. А мы смогли выполнить свою задачу — остановили пехоту и заставили её отступить. Это дало возможность снова подняться на штурм высоты, и она была взята.

Я горжусь офицерами, такими, как Кот, ведший моряков в атаку, и наш старший лейтенант Тюрин тоже заставлял нас подниматься в атаку. Я до этого Тюрина не знал, наше знакомство было коротким. Многих других офицеров и сержантов мне тоже пришлось видеть впервые. Уже на острове Матуа узнал, что наш 5-й ОСБ влит в состав 302-го полка ещё на Камчатке...

Честно говоря, о своей службе и участии в войне я мало кому рассказывал, считал, что они — малая пылинка. Но когда прочитал книжечку В. Н. Багрова «Победа на островах», где он даёт соотношение количества войск японцев и нас, только тогда осмыслил, сколько было геройства и отваги у наших солдат и моряков, чтобы заставить японцев выкинуть белый флаг капитуляции. У меня есть фотография, где японский генерал подписывает акт капитуляции и стоят наши офицеры и генералы Гнечко и Дьяков, гордые и самоуверенные. Эту фотографию я получил на острове Шумшу, но при каких обстоятельствах, не помню...

ККОМ ОФ 38059/134. Рукопись, 22 июня 1987 г., г. Братск

...С В. В. Зобниным мне лично пришлось служить в 138-м стрелковом полку с 1938 г. по 1943 г. Я тогда был в должности «сын

полка» и играл в духовом оркестре. Командиром взвода у нас был лейтенант Каплан...

В десанте я находился среди неизвестных мне солдат, матросов и офицеров... Нам приказали двигаться вглубь острова вместе со всеми высадившимися. Нужно было как можно дальше уйти от берега, что мы и сделали. Уйти-то ушли, а японцев, которые перед нами куда-то исчезали, не уничтожили. Когда наступил рассвет, я посмотрел в сторону места высадки, там такое творилось, описать невозможно...

Была дана команда не останавливаться, двигаться только вперёд... Даже раненым оказать большую помощь времени не отводилось, надежда была на то, что сзади идут наши, они помогут. Этим воспользовался противник, и много людей погибло, которым можно ещё было жить. Сам я был легко ранен в голову и руку, волной от снаряда ударило по ушам. В тыл не пошёл, решил, что лучше быть рядом со своими. Так с ротой автоматчиков 302-го полка прошёл после Шумшу до острова Уруп и оттуда — на остров Матуа, где служил в 5-м ОСБ старшиной катера. У нас были и японские десантные баржи...

ККОМ ОФ 38059/135. Рукопись, 4 сентября 1987 г., г. Брянск

...В Петропавловский порт мы прибыли в распоряжение майора Шутова и старшего лейтенанта Дайна. Майора Шутова я знал по 138-му стрелковому полку, где был воспитанником в духовом оркестре, а старшего лейтенанта Дайна знал ещё до войны, когда он был в звании старшины, носил в петлицах четыре треугольника. И ещё я Дайна встретил уже в звании офицера на учениях. Тогда я находился в распоряжении командиров-посредников, наблюдавших за ходом учебных боевых действий, в качестве сигналиста — играл на сигнальной трубе.

Когда мы со старшим радистом выбрались на берег, состояние наше было как у каждого солдата, не выполнившего свой долг. Об этом сейчас неохота вспоминать, но получили хорошую взбучку и приказ — не задерживаться на берегу. Наше дело солдатское, в таких случаях молчи, отвечать не приходится. Я всё время старался об этом молчать, ибо о нас [там] говорили не очень лестные слова.

Мы находились в распоряжении Дайна, это, видимо, так было решено в штабе. А на самом деле всё перемешалось. На высоту шёл, пока было темно, держался поближе к морякам, они шли справа. Морячки мне сказали: «Смотри, “кочколаз”, чтобы мы тебя не перепутали с японцем». Поэтому могло и такое получиться, как

вы пишете о гибели Иноземцева. Стрелять приходилось на вспышки. Правда, немного погодя, когда прошла дрожь в теле, стал работать слух, мы уже различали, где стреляют японцы, а где наши. Японский пулемёт стреляет медленнее, и звук какой-то «ду-ду-ду», винтовки тоже можно отличить по звуку.

Утром на место высадки лучше было не смотреть. Японец вёл прицельный огонь изо всех видов оружия по нашим баржам, подходившим к месту высадки. Мы шли, торопились вперёд. Японцы перед нами исчезали, а куда, мы этим вопросом не задавались. Вот поэтому все огневые точки, ранее молчавшие, заговорили. Мы первые сразу понесли потери, многие потонули. Когда рассвело, японец на нас навалился, притом единого фронта не было, поэтому приходилось отбиваться со всех сторон. В то же время мы двигались вперёд.

У японцев все основные точки были пристреляны, да и снайперы работали хорошо. Мы шли лавиной, пока не поредели наши ряды...

ККОМ ОФ 38059/136. Рукопись, 18 октября 1987 г., г. Брянск

...Вы хотите знать правду о войне, или, вернее, о десантной высадке на остров Шумшу и другие Курильские острова. Но хочу оговориться, что не всякая правда выносится на страницы газет и книг, поэтому, может, многие, кто имеет с вами переписку, и умалчивают... Это — наши общие ошибки, тех, кто был в десанте.

Вопрос о «взбучке» — всё это было сказано на ходу кем-то из офицеров, руководивших высадкой с баржи, а кто это сказал, в темноте — рассмотреть было трудно... Радиосвязь так была нужна во время высадки, а её нет!

Но полностью нас обвинять нельзя. Когда шли на высадку, было предусмотрено, что мы будем высаживаться на берег, в крайнем случае замочим ноги или чуть повыше. Но баржа не дошла до берега на приличное расстояние, которое можно преодолеть только вплавь. Представьте, что на ваших плечах висит станок с колёсами от пулемёта «Максим» или опорная плита от миномёта, винтовка и вещевой мешок, а вы не умеете плавать, какой тут должен быть выход? Выход был один, сказанный одним офицером, стоявшим у трапа и торопившим солдат двигаться побыстрее: «Если будете тонуть, не кричите, всё равно помогать некому!» Как вы думаете, как поступали с теми, кто боялся прыгнуть в воду?

Что случилось с моим первым радистом и взводом связи, в котором я служил, я до сих пор ничего не знаю. И вообще не знаю, что случилось с 5-м батальоном. Уже на Шумшу я узнал о том, что он

влит в состав 302-го стрелкового полка. Вот так я и попал в роту «недобитых» (это солдаты, оставшиеся без командиров) и с этой ротой прошёл до острова Уруп...

Насчёт оружия, какой марки, было у японцев — не помню, но знаю отлично, что японские пулемёты — воздушного охлаждения, на треноге, и солдат стрелял сидя. Японский пулемёт, когда стрелял, можно было подсчитать количество выстрелов...

Василий Иванович Волчков с мыса Лопатка накрыл нас на подступах к вершине высоты 171,0. У меня память [об этом] осталась на голове, в ушах и на правой руке — лёгкие ранения от нашего снаряда. Но, в общем, они, конечно, нам помогли хорошо, это моё мнение...

ККОМ ОФ 38059/140. Рукопись, без даты, г. Братск

...Вы мне напомнили «парадность» наших офицеров на острове Шумшу. Дорогая расплата за это получилась. Я вам, наверное, писал, что мне пришлось попасть в роту «недобитых». Так мы называли солдат, оставшихся без командиров, а их убили японские снайперы. Блестящая кокарда и такие же погоны далеко были видны, когда рассвело, хотя и дождь шёл...

О рации помню, что это деревянная коробка, высота и длина примерно сорок, ширина примерно двадцать сантиметров. Сзади открывалась крышка на шарнирах для установки батареи и ремонта, впереди открывалась крышка, где был прикреплён ключ-морзе. Этот ящик имел сзади лямки, как у ранца, и при движении он находился за спиной. Ещё на рацию надевался брезентовый чехол. Радиуса её действия не помню.

Я себя в армии все десять лет считал музыкантом духового оркестра. Мне давали и автомат, и винтовку, и ручной пулемёт, и другое оружие, но всё-таки я оставался музыкантом. И в настоящий момент, находясь на пенсии, я музыку не покидаю, сам играю и учу ребят играть...

ККОМ ОФ 38059/141. Рукопись, 31 января 1988 г., г. Братск

Царегородцев Александр Тимофеевич, старшина 2-й статьи подводной лодки Щ-105 3-го отдельного дивизиона подводных лодок Петропавловской военно-морской базы

...Я служил младшим электриком на подводной лодке Щ-105, ей командовал опытный офицер — капитан 3-го ранга Евгений Иванович Зоткин...

9 августа 1945 г. вышли в боевой поход. До ворот Авачинской губы лодку сопровождали два сторожевика. Нам было приказано разведать на северных островах Курильской гряды места для высадки морского десанта и установить, есть ли в бухтах Катаока и Касивабара военные корабли неприятеля. Дело в том, что из-за низкой облачности и густого тумана летавшие на разведку самолёты добыть необходимых сведений не могли.

Под покровом ночи скрытно заняли позицию в заданном квадрате. В открытом океане, погрузившись на перископную глубину, почти неделю наблюдали и разведывали противника. Командир время от времени поднимал перископ, чтобы лучше разглядеть укрепления на сопках и подходы к ним со стороны океана. Днём прятались в глубине, а ночью всплывали на поверхность.

Нелегко было нести ходовую вахту: по восемнадцать часов не всплывали на поверхность, постоянно испытывали недостаток кислорода, одурманивала духота. Трюмного машиниста, старшего краснофлотца горьковчанина Владимира Соколова в свежую погоду сильно укачивало, он страдал морской болезнью. Перед выходом в море на задание ему предлагали списаться на берег, но он и слышать об этом не хотел.

Как-то лодка всплыла — потребовалось освежить воздух в отсеках от скопившейся углекислоты. Видимость была плохая. Для более тщательного наблюдения за обстановкой выставили вперёдсмотрящего — вахтенного краснофлотца Владимира Фридмана, просматривавшего горизонт в бинокль. Чтобы волны не смыли с палубы, он привязался к леерной стойке. С полчаса шли под дизелями. Неожиданно донёсся нарастающий гул — шёл какой-то быстроходный корабль. И как нарочно, сплошная пелена тумана, скрывавшая нашу лодку, начала редеть. Сразу же по переговорной трубе послышалась команда: «Боевая тревога! Срочное погружение!»

Едва успели захлопнуть рубочный люк, как лодка ушла под воду, заработали электромоторы. Но тут возник большой дифферент на нос, лодка стала терять плавучесть, начала зарываться в глубину. Видимо, заклинили горизонтальные рули. Уже слышалось отчётливое потрескивание переборок и шпангоутов. В этот критический момент старшина группы электриков главный старшина Виталий Латыш перекинул рубильники на щите, теперь гребные винты отрабатывали самый полный назад. Мы опасались разрывов глубинных бомб, но их, к счастью, не последовало. Вскоре раздался сигнал машинного телеграфа, подтвердивший правильность

действий электрика. Лодка выровнялась и, меняя скорость и курс, ушла в безопасное место. Конечно, мы были готовы к атаке, но в этом походе от нас требовалось другое: раздобыть о противнике точные сведения.

Я с тремя старшими по возрасту, более опытными подводниками нёс ходовую вахту в кормовом торпедном отсеке. Быстро открыли кингстон левой балластной цистерны, куда с шумом хлынула забортная вода. Справа от меня у торпедных аппаратов находился мичман Пантелеймон Луковенко. Он со своим подчинённым Фёдором Ильиным по команде могли в любую секунду пустить торпеды в цель. В центральном отсеке, на самом ответственном посту управлял рулями мичман Николай Раев.

Хотя командир торпедную атаку не объявлял и ни одного неприятельского корабля на дно мы не отправили, страху натерпелись, особенно в критические моменты! Это когда наша «Щука» зарылась в грунт так, что едва оторвались. Ещё когда считали каждую секунду, ждали взрыва гремучей смеси от малейшей искры в носовых отсеках: там при зарядке аккумуляторных батарей до предела скопился водород. За аккумуляторами следили электрики старшина 1-й статьи Файзулла Бабаев и старший краснофлотец Александр Шнигерь. Освежить воздух, подвсплыть в светлое время не позволяла обстановка. Но всё обошлось благополучно, лодка всплыла поздним вечером.

Несмотря на все трудности, задание мы выполнили, вернулись в Петропавловск со сведениями, очень пригодившимися командованию при проведении десантной операции.

По возвращении из трудного похода лодка пришвартовалась у причальной стенки Петропавловской судоверфи в бухте Раковой. Вскоре началась посадка десантников на боевые корабли, грузовые транспорты. На пирсе среди вооружённых моряков я увидел земляка, восемнадцатилетнего краснофлотца Ивана Степановича Куклина из села Старая Рудка Горьковской области. С ним в один день был призван Шарангским райвоенкоматом на ТОФ, а после окончания учебного отряда подводного плавания десять суток добирался из Владивостока до Петропавловска.

Тогда в проливе Лаперуза нас остановил небольшой катер с японцами в гражданской одежке. После досмотра на выходе в открытый океан прилетел самолёт и описал четыре круга, самую малость не задевая крыльями мачт. В числе пассажиров находилось немало солдат и матросов, в целях маскировки нас попросили спуститься в помещения и быть готовыми ко всему.

Корабельные комендоры-зенитчики из военных моряков были уже возле капитанского мостика, быстро развернули оба крупнокалиберных пулемёта, чтобы с первых очередей по команде поразить воздушную цель. Но она больше не появилась.

Рядом с ними стоял невысокого роста, моложавый, на вид спокойный капитан 3-го ранга Владимир Семёнович Денисов с орденами и медалями на груди. Имея оконченное академическое образование, он получил назначение на должность начальника штаба 3-го ОДПЛ и тоже следовал на Камчатку. Через три месяца, в войну с Японией, был консультантом по военно-морским вопросам у командующего Курильской десантной операцией генерал-майора А. Р. Гнечко...

Я с Иваном Куклиным поднялся по трапу на десантное судно. Мы зашли в кубрик с подвешенными в два яруса парусиновыми койками. В проходах — деревянные ящики с патронами и гранатами. Договорились, что тоже пойдём в морской десант, освобождать исконно русские земли — острова Курильской гряды.

Пока бегал на свою лодку за бескозыркой и бушлатом, Иван постарался добыть мне автомат или винтовку, да не успел. Я вернулся минут через семь, а судно уже отошло от причала и бросило якорь на рейде. Раздосадованный, я по дороге замешкался и чуть было не угодил под гусеничный тягач с пушкой на прицепе. Грохот стоял неимоверный, пыль висела облаком.

Но на десантное судно я всё-таки попал. Его привели с морским караваном из Америки по ленд-лизу. Это было ДС-2 под командованием лейтенанта Л. А. Сафронова.

При высадке мы в числе первых приблизились к острову Шумшу, подверглись ожесточённому артобстрелу. В корпусе и надстройках потом насчитали около сотни пробоин, две из них подводные. Погибло более половины экипажа.

Судно, наполненное ранеными бойцами, своим ходом пришло в Петропавловск, где за одну ночь был произведён ремонт. А нас, пятерых молодых краснофлотцев, подняли с постели, и мы с вещевыми мешками за спиной поспешили в штаб ПВМБ. После восьмикилометровой пробежки узнали, что в качестве штатных специалистов той же ночью пойдём в район боевых действий.

Наша служба на новом месте началась с приборки в кубрике, где ещё вчера лежали раненые. Мы смыли кровь со ступеней металлического трапа, переборок и палубы. На сон времени осталось совсем мало, спал плохо, мучили страшные кошмары. Перед побудкой приснился родной бревенчатый дом у тихой лесной реч-

ки Посташ в деревне Торопово и за дубовым столом сидит очень серьёзный отец. Таким его провожали всем колхозом летом 1941 г. на фронт...

В Первый Курильский пролив мы вошли на рассвете. Остров Шумшу уже был снова нашим. Слева по борту торчал хвост подбитого самолёта, врезавшегося в почерневшую сопку. Бросались в глаза развороченные снарядами и бомбами долговременные укрепления из железа, бетона и камня. Внизу, у высоты, — не один десяток вражеских танков. Вопреки предостережениям товарищей, что можно запросто подорваться на мине, я осмотрел почти все башни бронированных машин. Набрал уйму разных отвёрток и проводов, пригодившихся в моей электрике.

А у берега, на качающемся на волнах плоскодонном кунгасе прихватил офицерскую саблю с инкрустацией из белой кости на рукояти, плоский солдатский штык и пистолет с полной обоймой патронов, без единого ржавого пятнышка. Для пробы вечером с кормы сделал всего один выстрел, и его у меня тут же отобрали.

Не задерживаясь, мы двинулись дальше, держа курс на юг. По пути в полночь сыграли боевую тревогу. На самоходной барже самураи попытались удрать восвояси на остров Хоккайдо. Догнали и всех вернули в Катаоку безо всякого сопротивления. Затем перевозили военную технику, боеприпасы, снаряжение, продовольствие с парохода «Чернышевский» на северные Курильские острова до Урупа включительно. Иногда нам помогали японские вояки в мундирах мышиного цвета без погон. Судя по их лицам, все были рады, что попали в плен и остались живы...

В красном уголке нашего судна висел в рамке цветной портрет И. В. Сталина в форме генералиссимуса. Японцы узнали и часто произносили его имя. Говорили негромко, озираясь по сторонам. Видимо, их сковывала боязнь сказать лишнее слово...

В порту Катаока встретил друга Ивана Куклина. После высадки десанта командование оставило его мотористом на катере для охраны водного района. Через месяц я возвратился на подводную лодку вместе с мотористом краснофлотцем Г. М. Нечаевым. Показал ребятам саблю и штык, но не сохранил их — стянули из-под матраса, хотя в нашем экипаже никогда не случалось пропажи...

ККОМ ОФ 38059/35. Рукопись, 2 октября 1987 г., г. Чебоксары

...В боевой поход мы вышли днём 9 августа из Авачинской губы, где есть бухта Тарья. К этому были готовы: заранее приняли на борт необходимый запас торпед, боеприпасов, топлива. В Тихом

океане пробыли почти неделю, после этого лодку поставили на ремонт на Петропавловской судоверфи в плавучий док. Меня через несколько дней забрали на ДС-2, судно уже участвовало в высадке морского десанта на остров Шумшу и снова направлялось в этот район.

На лодке я находился в кормовых отсеках — шестом и седьмом. Мало знал, что делалось в центральном посту. Вести записи, фотографировать нам не разрешали. Наверх покурить выходили по одному, так как в любую минуту могла поступить команда: «Срочное погружение!» Вахтенный журнал я ни тогда, ни позже не читал...

ККОМ ОФ 38059/46. Рукопись, 18 января 1988 г., г. Чебоксары

...С Николаем Вилковым у меня связано такое воспоминание. Нас, двадцать ребят, после окончания учебного отряда подводного плавания направили для прохождения службы из Владивостока на Камчатку. Там пятерых, в том числе и меня, определили на подводную лодку Щ-105. Она тогда находилась на учениях в Тихом океане, и нам пришлось неделю ждать её. Временно расположились на плавбазе «Север», где жили подводники, возвращавшиеся из походов.

В первый день новичкам дали отдохнуть после десятисуточной дороги из Владивостока на пароходе «Ломоносов». А на следующее утро в кубрик спустился рослый, плечистый моряк в чистой парусиновой робе и сказал: «По приказу командира корабля вы пока будете в моём распоряжении. Я — боцман, старшина 1-й статьи Вилков, зовут Николаем. Родом из волжского города Наволоки, что в Ивановской области».

Старшина рассказал нам о флотских традициях, напомнил, что корабль — дом моряка, содержать его нужно в образцовом порядке. Затем отвёл нас на полубак. «Палубу драить умеете?» — спросил он серьёзно. «А чего здесь хитрого?!» — ответили мы.

Старались, как казалось, изо всех сил и с заданием справились быстро. Товарищи поручили мне доложить об этом боцману. Я отправился к нему в кормовую каюту.

Моё внимание привлекли порядок и уют в этом маленьком помещении. Отливали белизной наволочки и простыни на аккуратно заправленной койке. Бушлат, фланелька, брюки были почищены и выглажены. На полочке стояли книги: «Краткий курс истории ВКП(б)», учебники по морской практике, художественная и спортивная литература.

Пока я всё это рассматривал, неслышно вошёл хозяин каюты и спросил: «Ну, что скажете?» — «Ваше приказание выполнено». — «Сейчас проверим».

Он осмотрел палубу и недовольно заметил, что так дело не пойдёт. Взял в руки кирпич и прошёлся по дереву, потом подтянул шланг. Смыв грязь водой, пролопатил палубу резинкой, протёр насухо шварой: «Вот как у нас делают приборку!»

Нам стало стыдно. Подражая боцману, взялись за дело по-настоящему...

Вскоре после окончания войны меня перевели с подводной лодки старшим писарем на эту самую плавбазу, где шесть лет служил Николай Вилков. Позже, разбирая документы, я смог поближе познакомиться с биографией героя.

Свой воинский долг Николай Вилков выполнял честно, образцово, получил от командования 16 благодарностей. На корабле слыл высококультурным, грамотным моряком. Ещё до службы он успешно окончил судоводительское отделение Горьковского речного училища имени И. П. Кулибина. Преддипломную практику проходил на Волге, но работать попросился на Ангару. Здесь был назначен помощником капитана парохода «XX МЮД» (двадцатый Международный юношеский день. — *Ред.*). Проработал полную навигацию, и осенью 1939 г. его из Иркутска призвали служить на ТОФ.

В свободное время боцман много занимался спортом. Он метко стрелял, был хорошим лыжником, а на шлюпочных гонках под парусом или на вёслах возглавляемая им команда неизменно занимала призовые места по ПВМБ. Пожалуй, никто из старшин плавбазы не пользовался таким авторитетом, как Николай Вилков. Моряки избрали его секретарём своей комсомольской организации, дали рекомендации для вступления в ВКП(б).

Добрую, вечную память оставил Николай Вилков в сердцах тех, кто его знал. Его имя с гордостью произносили на вечерней поверке. По левому борту, где он учил нас драить палубу, выстраивался весь экипаж, кроме вахты. В торжественной тишине звучал голос главного боцмана мичмана Дениса Скоробрехи: «Старшина 1-й статьи Николай Вилков!» Правофланговый, отличник боевой и политической подготовки старший матрос Степан Лещенко чётко отвечал: «Герой Советского Союза старшина 1-й статьи Николай Вилков пал смертью храбрых в бою с японскими захватчиками!»...

ККОМ ОФ 38059/75. Рукопись, 1988 г.

Из справки отделения Центрального военно-морского архива
от 26 октября 1987 г.

...Можем сообщить следующее:

1. В журнале боевых действий подводной лодки Щ-105 указываются задачи, которые ставятся... с началом боевых действий:

а) наблюдать за районом и доносить о появлении военных кораблей, самолётов, транспортов, рыболовецких судов противника;

б) доносить о гидрометеорологических изменениях в районе позиций, способных повлиять на изменение оперативной готовности военно-морской базы;

в) уничтожать корабли противника любого назначения в охраняемом районе, сообразуясь с целесообразностью использования оружия. Задача своевременного донесения во всех случаях является главной;

г) при проведении противником десантной операции, или при производстве набеговых операций, или разведывательных действий на побережье ПВМБ, в бою выполнять задачи согласно наставлению для боя в ПВМБ.

Основание: ф. 50, д. 20341, л. 1.

Вахтенных журналов подводной лодки Щ-105 в отделении ЦВМА на хранении нет.

2. В отчёте по десантной операции на остров Шимушу говорится: «Соединения и части ПВМБ до объявления войны с Японией были переведены в 10.30 8 августа на оперативную готовность № 1. Корабли рассредоточены в Авачинской губе в готовности к боевым действиям, за исключением четырёх подводных лодок 3-го ОДПЛ (подводные лодки Щ-105, Щ-106 производили доковые работы; подводные лодки Л-9, Л-10 заканчивали вооружение после выхода из дока). В ночь на 10 августа минный заградитель “Охотск” под прикрытием подводной лодки Щ-105, к этому времени вышедшей из дока, и пяти дозорных линий кораблей охраны водного района ПВМБ произвёл постановку минных заграждений на подходах к Авачинской губе».

Основание: ф. 129, д. 17521, л. 1—2.

Других данных в отделении Центрального военно-морского архива не обнаружено.

ККОМ ОФ 38059/56. Заверенная справка. Машинопись

Из наградного листа *Евгения Ивановича Зоткина*, капитан-лейтенанта, командира подводной лодки Щ-105 ОДПЛ ПВМБ ТОФ, 1909 г. р., русского, из рабочих, члена ВКП(б). В Красной Армии

с 1 июня 1932 г., ранений и контузий не имеет. В 1944 г. представлен за долголетнюю и безупречную службу в Военно-Морском Флоте к медали «За боевые заслуги». Представляется к награждению орденом Отечественной войны 2-й степени.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

В рядах Военно-Морского Флота с 1932 г., на Тихоокеанском флоте подводником непрерывно с 1936 г. в должностях штурмана, помощника командира, командира подводных лодок разных типов. В предвоенный период много и упорно изучал боевой опыт подводников действующих флотов. В период боевых действий с японским агрессором участвовал в боевом походе в сложных метеоусловиях. Боевую задачу выполнил хорошо. За настойчивость в боевой учёбе, активное участие в борьбе с японцами достоин награждения орденом Отечественной войны 2-й степени.

Командир 3-го ОДПЛ ПВМБ ТОФ
капитан 2-го ранга *Курносов.*
10 сентября 1945 г.

НВФ 4343/44. Ксерокопия

Царёв Алексей Семёнович, старший механик парохода «Коккинаки» флота Акционерного Камчатского общества

В 1945 г. я работал в должности старшего механика парохода «Коккинаки». Это — грузовое судно-лесовоз грузоподъёмностью 3 500 т. Всё время Отечественной войны оно доставляло лес для рыбаков Камчатки, а с Камчатки вывозило во Владивосток рыбопродукцию для фронта.

В августе 1945 г. пароход «Коккинаки» находился в порту Петропавловска-Камчатского, где выгружал лес. 16 августа, согласно приказу военного командования, судно было мобилизовано для десантных операций на Курильские острова.

17 августа, приняв на борт батальон 138-го стрелкового полка с полевой артиллерией 279-го артиллерийского полка, лошадьми, боевой техникой и снаряжением, в составе других кораблей десанта вышло в море, к пяти часам утра 18 августа подошло к острову Шумшу и остановилось в Первом Курильском проливе. В это время на острове шли ожесточённые бои между морской пехотой, ранее высадившейся на остров с десантных судов в первом эшелоне, и японцами.

Японцы оказали упорное сопротивление, обстреливая наших из дотов и артиллерийских батарей, глубоко укрытых в скалах, которые из-за густого тумана не могла подавить наша артиллерия, расположенная на мысе Лопатка и на военных кораблях — минном заградителе «Охотск», сторожевых кораблях «Киров» и «Дзержинский». Кроме того, после обстрела с «Охотска» горел танкер «Мариуполь» (наше судно, севшее на мель острова Шумшу в 1943 г. и использованное японцами для расположения на нём своих артиллерийских батарей).

Также горели два десантных судна у берега острова, а ещё несколько повреждённых десантных судов подошли к транспортам, в том числе к нашему, для передачи раненых бойцов. Их мы разместили во всех каютах, а команда судна располагалась где придётся, в том числе в машинном отделении. Позднее все раненые были доставлены на госпитальное судно «Менжинский». Силами команды нашего судна одновременно на этих десантных судах, в том числе на ДС-5, тушили пожары и производили на них необходимые аварийные работы.

Дальше события развивались так. В течение дня рация, находившаяся на борту, всё время принимала с острова от морской пехоты запросы: «Дайте пушки», «Скорее дайте пушки». Однако мы, имея эти пушки на борту, не могли переправить их на берег из-за отсутствия плавсредств, так как катера с кунгасами, которые должны были подойти с Озерновского рыбокомбината, где-то задержались. В связи с этим наш капитан П. А. Глинский дал распоряжение — спустить мотобот, на котором старший помощник капитана А. В. Изаак и четвёртый механик Г. Е. Попов стали доставлять на берег солдат с пушками и лошадьми. Так на берег было доставлено несколько орудий, обеспечивших успешное наступление нашей пехоты.

Окончив выгрузку войск на остров с помощью прибывших плавсредств, также десантных барж, наш пароход сделал ещё два рейса на мыс Лопатку, откуда успешно доставил на острова Шумшу и Парамушир подразделения 7-го отдельного стрелкового батальона. Эти операции были выполнены в густом тумане, при самом близком подходе судна к берегу, среди подводных камней и рифов, в том числе, в ночное время. Все десантные операции были выполнены столь успешно благодаря отличному командованию капитана П. А. Глинского, а также благодаря самоотверженности и стойкости членов экипажа, в том числе машинной команды, выполнявшей свой долг под чётким руководством старшего механика.

В дальнейшем наше судно, доставив группу солдат на остров Алаид и погрузив трофейное японское оружие, прибыло в порт Петропавловск, где 2 сентября 1945 г. был отмечен День Победы над милитаристской Японией.

За образцовое выполнение нашим судном боевых заданий командования были награждены орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени капитан парохода П. А. Глинский и первый помощник капитана Беньковский. Я, старший механик, награждён орденом Красной Звезды (приказ командующего ТОФ № 0115 от 22 октября 1945 г., подписанный членом военного совета флота генерал-лейтенантом Захаровым).

ККОМ ОФ 38059/8. Авторизованная машинопись, 26 августа 1987 г., г. Владивосток

...По вашей просьбе посылаю свои воспоминания об участии парохода «Коккинаки» в Курильском десанте... Записал то, что запомнил. К сожалению, не помню фамилий многих членов нашей команды, дежуривших у крупнокалиберных пулемётов «Эрликон», две штуки, установленных на корме и носу судна. Японская авиация налетала из-за тумана не более двух раз, так что и мы немного постреляли.

Вообще, следует отметить, что вся команда проявила себя в высшей степени трудолюбиво, дисциплинированно, инициативно, выполняла все работы не только на вахтах, но и после них. Я и механики всё время кампании не покидали машинное отделение, обеспечивая готовность судна ко всяким непредвиденным обстоятельствам, а также его маневренность и безаварийность...

Из состава команды парохода «Коккинаки» (30 чел.), как я знаю, умерли капитан П. А. Глинский, второй механик А. Зеньков, бухгалтер А. Орехов, радист и кочегар (но их фамилий не помню). Об остальных никаких сведений не имею. Своего фото тех лет не имею...

Советую вам сделать запрос в Камчатский областной архив, а также в архив рыбного порта Петропавловска о том, имеются ли у них вахтенные журналы пароходов «Коккинаки», «Чапаев» и танкера «Максим Горький» за август 1945 г. Все указанные суда принадлежали АКО и принимали участие в Курильском десанте. В этих вахтенных журналах должны быть ценные сведения о работе судов во время войны с Японией.

ККОМ ОФ 38059/190. Рукопись, 26 августа 1987 г., г. Владивосток

Из наградного листа *Алексея Семёновича Царёва*, старшего механика парохода «Коккинаки» флота АКО Наркомрыбпрома СССР, 1912 г. р., русского, беспартийного, участника десантной операции по высадке войск на Курильские острова в августе 1945 г. Ранее не награждался, представляется к награждению орденом Красной Звезды.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Умелым руководством и расстановкой машинной команды, а также личной работой обеспечил бесперебойную работу главной машины и всех судовых механизмов, а также активное участие машинной команды в погрузо-разгрузочных работах. В период высадки десанта при трудных метеорологических условиях (сплошной туман) и под артиллерийским обстрелом с берега отличной работой главной машины обеспечил высокую маневренность судна. Активно участвовал в тушении пожара на повреждённом десантном судне № 521. Достоин награждения орденом Красной Звезды.

Капитан парохода «Коккинаки» *Глинский*,
помполит *Беньковский*.
12 сентября 1945 г.

НВФ 4343/439. Ксерокопия

Черезов Иван Семёнович, младший сержант противотанковой истребительной батареи 198-го отдельного стрелкового полка

...Служил я в 198-м стрелковом полку 101-й стрелковой дивизии с июля 1942 по август 1946 г., в истребительной противотанковой батарее. Звание — сержантское. Всё это время был комсоргом батареи, учился в дивизионной партшколе, член ВКП(б) с 1943 г.

...Большую и неоценимую помощь в комсомольской работе оказывали комсорг полка лейтенант Петрик и парторг В. Кот, которые впоследствии были переведены из нашего полка...

Население нас окружало русское, оно занималось ловом и обработкой рыбы, аборигены в основном занимались оленеводством и охотой. Связь с населением у нашего полка, конечно, была. Я к 26-й годовщине Октября (в 1943 г. — *Ред.*) получил за боевую и политическую подготовку почётную грамоту Усть-Большерецкого райкома партии и райисполкома. Если бы не было связи, я бы не получил...

О том, что 101-я стрелковая дивизия берёт начало с озера Хасан, я не знал и в политико-воспитательной работе этого не поднимал. Одно время у нас командиром батареи был капитан Назаров,

участник боёв на озере Хасан. У нас проходили беседы, вспоминали прошлое. Но не помню такого разговора, что начало дивизии идёт с озера Хасан.

Коллектив батареи в основном состоял из рабочих и служащих рыбокомбинатов западного побережья Камчатки. Были и аборигены, но мало. Коллектив постоянный, как люди пришли в начале Великой Отечественной войны, так и разошлись после демобилизации в 1946 г. Коллектив был сплочённый, дружный, знающий артиллерийское дело, с полной взаимозаменяемостью.

Безусловно, имелись трудности, но бойцы понимали, что на войне на Западе тяжелее, чем у нас. Все знали, что война с Японией будет, это — последний очаг Великой Отечественной войны, мы были готовы к ней. Когда был получен приказ о высадке десанта на Курильские острова, мы встретили его с большим одобрением.

Перед посадкой на пароход проводили открытое комсомольское собрание. Выступающих было много, все клялись быть верными воинскому долгу. При посадке на пароход случилось вот такое. Лошадей поднимали стропами, ездовой Жданов придерживал застропленное животное. Случайно его противогаз попал между стропом и лошадью, и ездового подняли вместе с лошадью на большую высоту. Противогаз выскользнул, и Жданов упал в кунгас. Его отправили в госпиталь, заменив другим солдатом.

Наша батарея высадилась на остров Парамушир. Высадка была организована хорошо, прошла быстро. Выехали прямо на японский аэродром. В это время был подписан акт о капитуляции, и на долю нашего полка выпало разоружение японской группировки на острове.

ККОМ ОФ 38059/126. Рукопись, 5 декабря 1987 г., г. Ангарск

...Наш 198-й стрелковый полк каждый день находился в боевой готовности. Он стоял в районе Усть-Большерецка. На нашем участке японские корабли систематически заходили в наши воды. Днём подойдут, остановятся, выстроят людей на палубе, а ночью освещают берег прожекторами...

Как мы готовились к борьбе с танками? Были тренировки на боевых участках: внезапное нападение танков, выбор позиций вероятного нападения, боевые стрельбы. Они проходили по подвижным целям. Для этого делали фанерный танк на салазках и тащили его лошадьми на длинной верёвке. Артиллерийского полигона у нас не было, стреляли в сторону тундры...

Нашей батарее приказ [об отправке в десант] объявили часов в десять-одиннадцать. Примерно в два часа дня к нашей батарее подошёл пароход, мы быстро погрузились. В Петропавловск мы не заходили, пришли прямо во Второй Курильский пролив, то есть между островами Шумшу и Парамушир. Второй пароход тоже погрузился в районе Усть-Большерецка, но этого я не видел, так как наш уже ушёл.

Лекций об установлении советской власти на Камчатке не было, политзанятия проходили по текущему моменту того времени.

Вспоминаю один забавный случай, произошедший в 1943 или 1944 г. Недалеко от нас стояла рота пехоты. Глубокой осенью — ночи тёмные. Во время ночного прилива и сильного шторма волны выбросили на берег большой предмет. Солдаты, конечно, не по боевой тревоге, но выбежали, хотели его рассмотреть. Увидеть-то увидели, но разобраться, что это, в темноте не смогли. Решили, что это плашкоут или кавасаки. Но раз это так, то на них могли быть люди... Уходили с берега с тяжёлым сердцем. Утром, когда начался отлив и шторм немного утих, на берегу оказался мёртвый кит.

До мобилизации я работал в Ичинском комбинате на западном берегу Камчатки. Мой товарищ в 1940 г. заведовал факторией. У него на квартире я разговаривал с эвеном лет шестидесяти. По-русски он говорил довольно сносно, понять было можно. У него был американский винчестер. Спрашивали, когда и где он его приобрёл. Рассказал, что приобрёл у американцев отец за оленье мясо и пушнину. Хотя он тогда был ещё маленьким, но это помнит хорошо.

Разговаривали с ним и об установлении на Камчатке советской власти. Он рассказывал, что «первые» русские пришли, много брали оленей, пушнины, денег не давали, всё брали даром. Потом «вторые» русские пришли, платили деньги, давали товар, потом открыли магазин. Кто были русские первые и вторые, он не знает...

Делая из его рассказа вывод, можно понять, что первые были белогвардейцы, а вторые — чекисты, а магазин — это фактория. Но это мои предположения. Могло получиться так, что чекисты брали бесплатно, попали в критическое положение, нет продовольствия, не умирать же с голоду, когда у эвена — не одна тысяча оленей!

Ещё он говорил о своей дочери, что она — самая красивая на всей планете. Замуж её отдаст только за русского, тому, кто женится на ней, даст мешок денег, много оленей. Мой товарищ подтвердил, что у него действительно есть мешок денег. Но какие деньги

были — царские, керенки, иностранные или наши, советские, и сколько, он не знает. Знает, что много...

ККОМ ОФ 38059/129. Рукопись, 20 января 1988 г., г. Ангарск

Шеремеев Александр Гаврилович, старший лейтенант, командир батареи 279-го артиллерийского полка

...В нашем полку была одна батарея 152-миллиметровых гаубиц — 3-я, которой я и командовал. В десанте, как я знаю, была одна баржа с палубой, на которую можно погрузить одну гаубицу, один трактор ЧТЗ — тягач и один боекомплект снарядов. Вот на этой барже мне в первую ночь [удалось] высадить на берег одно орудие, трактор и боеприпасы с расчётом и командира взвода лейтенанта Цуканова. С помощью морской пехоты орудие затащили в ущелье, и оно там покоилось до 14.00, до моего прибытия на остров.

Я с корабля смотрел на берег: где же моё орудие? Нашёл. Оно было в ущелье, а японцы свирепствовали, обстреливали наши десантные баржи и топили наших бойцов. Амбразура японцев была метрах в восьмистах от места нахождения орудия. У меня с ним связи не было. Тогда я по рации просил командира полка Тарасова разрешить мне выехать на остров для принятия мер по уничтожению японского дзота. Командир полка не разрешил, заявил, что я должен высаживаться с четвёртым орудием.

Я не мог удержаться и запросил разрешения связаться по радио с заместителем командира КОР по политической части, этого мне не дали. Я попросил полковника Алентьева разрешить мне выехать на остров, объяснил, что моё орудие бездействует, а японцы топят наши десантные баржи. Он поговорил с Гнечко, и генерал мне разрешил выехать.

Я взял из взвода управления девять бойцов и на спасательной шлюпке выехал на остров. Не доплыли до берега метров триста, японцы обстреляли шлюпку, она перевернулась, и мы — все десятеро оказались в воде. Плыл к берегу и считал: все ли бойцы плывут. Они доплыли, а меня свело судорогой. Я было потонул, но прибоем меня выбросило на берег. Сержант морской пехоты вытащил меня совершенно мёртвым, но откачали, и я ожил. Подозвал командира взвода, приказал выкатить орудие и уничтожить амбразуру прямой наводкой. Орудия выкатили, японцы нас обнаружили и обстреляли. Сбили панораму, убили наводчика и заряжающего, ранили командира орудия Швецова. Я приказал откатить орудие,

поставить ниже и наводить по стволу. Третьим снарядом была подавлена одна огневая точка, а вторую уничтожили с моря. Тогда высадка десанта пошла легче, и моя батарея была полностью вывезена на остров Шумшу.

Я не знаю, когда на остров высадилась остальная лёгкая артиллерия, но знаю, что 5-я батарея старшего лейтенанта Эритренко высадилась поздно вечером.

Через три-четыре часа после того как я ожил, на катере прибыли генерал Гнечко, генерал Дьяков, полковник Шаров (замполит) и другие работники штаба. Произошло награждение орудийного расчёта, командира взвода и меня...

Штаб корпуса (КОР? — *Ред.*) прибыл в расположение моей батареи для переговоров об условиях капитуляции с японским командованием. Оно не согласилось с выдвинутыми условиями, заявило, что прекращает военные действия при условии, если наши войска не будут продвигаться вглубь острова. Причём заявило, что если мы будем продвигаться, то оно вызовет авиацию и уничтожит наши корабли и живую силу. На этом переговоры закончились.

Мне приказали занять круговую оборону и окопаться глубже, что я и сделал. 24 августа мне приказали занять огневую позицию западнее, в трёх-четырёх километрах от моря, подготовить данные для стрельбы. В пять часов утра я должен был из орудий расстреливать позиции японцев на острове Шумшу, но те в 04.50 приняли условия капитуляции и сложили оружие.

Мне приказали своим ходом на тракторах прибыть в штаб полка — в порт Катаока. Прибыли, батарею через восемь часов погрузили на пароход и отправили на остров Онекотан, не дав ни одной баржи для погрузки материальной части, орудий и тракторов, кроме одной баржи ДС для личного состава. Японский гарнизон из 360 чел. без сопротивления разоружился и своими шхунами выгрузил матчасть, гарнизон. Я погрузил их на транспортное судно и отправил на мыс Васильева острова Парамушир, если память не изменяет.

Оставался на острове до марта 1946 г., после чего заболел, и меня вывезли в госпиталь в Петропавловск. Лечился девять месяцев, а потом вернулся в подразделение, продолжал службу. В 1948 г. демобилизовался...

Я одного не могу понять: почему за такое, можно сказать, преступное отношение к организации десантной операции, где погибли десятки тысяч бойцов и командиров, [никто] не понёс наказания? А наоборот — генерал Гнечко повышен в звании, получил

генерал-лейтенанта и ему присвоено звание Героя Советского Союза, а также и генерал-майор Дьяков. Даже командиру нашего полка дали награду — орден Суворова. За то, что артиллерия плохо, очень плохо поддерживала морскую пехоту и армейцев, да и корабли очень мало помогли своим огнём при высадке или вообще не помогли...

Я, конечно, награждён: два ордена Отечественной войны, два ордена Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги» и другие, восемь штук. Орден Красного Знамени, который мне обещал генерал Гнечко за высадку и уничтожение дзота, не получил...

ККОМ ОФ 38059/85. Рукопись, 4 ноября 1987 г., г. Ульяновск

...Моё орудие под командованием лейтенанта Цуканова высадилось ночью (утром) 18 августа. Я считаю, что это был первый эшелон. Я не видел и точно не знаю, когда высаживался второй дивизион, не видел ни его командира, ни командира полка. Второй дивизион состоял в основном из батарей 76-миллиметровых пушек. Только одна моя 3-я батарея имела четыре орудия — 152-миллиметровые гаубицы. Я один со своей батареей был на транспортном судне, а на каких транспортных судах находился 2-й дивизион, не знаю.

Со мной на судне находился подполковник Зидко (? — *Ред.*), уполномоченные штаба корпуса (КОР? — *Ред.*) и капитан, замполит полка Сычёв. Он даже не высадился на остров, а высаживался в порт Катаока, в штаб полка, когда японцы капитулировали. А за что Сычёв награждён орденом Красной Звезды, а Тарасов — орденом Суворова?

Не могу вспомнить, но, кажется, что выехал на шлюпке с взводом управления батареи 18-го после трёх-четырёх часов дня. При высадке утонул, но откачали, а вечером орудием моей батареи прямой наводкой был уничтожен японский дзот. Тогда были убиты наводчик и заряжающий, командир орудия ранен. В тот же вечер я был контужен с японского самолёта, а позднее был сбит наш самолёт, своими же. Лётчика спасли. Впоследствии я с этим лётчиком лежал в госпитале на Камчатке, в одной палате.

Насчёт генерала Дьякова. Он, конечно, не справился со своей задачей, и его упущения стоили многих жертв нашим бойцам. Артиллерию он высадить не сумел, а без поддержки огнём гибли люди. Насчёт полковника Артюшина ничего не знаю, я был очень болен после «купания» в море и контузии...

ККОМ ОФ 38059/93. Рукопись, без даты

...Наших самолётов я не видел. Был один, и то мы его сбили... После слышал разговор, что якобы наша авиация блокировала район высадки десанта. Но мы эту поддержку не ощущали и самолётов не видели. Кроме одного, японского. Он нас бомбил и улетел невредимым, вот [тогда] я и был контужен.

А насчёт генерала Дьякова я больше ничего сказать не могу. Это просто бездарный генерал, да и о Гнечко хорошего ничего сказать не могу. Много солдат погибло по их вине, не могли организовать высадку. А командира полка Тарасова я на Шумшу тоже не видел до того, как японцы капитулировали. Увидел его в штабе в Катаоке на том же острове...

ККОМ ОФ 38059/90. Рукопись, 10 мая 1988 г., г. Ульяновск

Щепин Лев Васильевич, старший краснофлотец Охраны водного района Петропавловской военно-морской базы, связной командира роты батальона морской пехоты передового отряда

Из наградного листа *Льва Васильевича Щепина*, старшего краснофлотца, связного командира роты батальона морской пехоты ПВМБ ТОФ, 1911 г. р., русского, рабочего, беспартийного, в Красной Армии с 1943 г. Ранее не награждался, представляется к ордену Красного Знамени.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

При штурме высоты 171,0 завалил камнями амбразуру дзота, чем обеспечил продвижение своих войск. За совершённый боевой подвиг, за обеспечение продвижения своих частей достоин правительственной награды — ордена Красного Знамени.

Командир батальона морской пехоты
ПВМБ ТОФ майор *Почтарёв*.
1 сентября 1945 г.

Заключение вышестоящих начальников: «Достоин награждения орденом Красного Знамени. Командир ПВМБ ТОФ капитан 1-го ранга *Пономарёв*».

НВФ 4343/103. Ксерокопия

О ПОЛКОВНИКЕ П. А. АРТЮШИНЕ

Из писем Г. В. Грицука

...Пётр Алексеевич Артюшин прибыл для командования 198-м стрелковым полком в августе или сентябре 1939 г., сменив на этой должности капитана Писарева. Артюшин сразу стал проводить усиленную учёбу и тренировку личного состава, готовя его к возможным боевым действиям в условиях камчатского театра военных действий, к маневренной системе обороны, имея цель прикрытия направлений со стороны Охотского моря: а) Петропавловска-Камчатского, б) долины реки Камчатки и далее Усть-Камчатска.

Осознавая и учитывая, что развёрнутых сил в Усть-Большерецком тактическом районе было очень мало, Артюшин проводил следующее:

1. Резко усилил физическую подготовку личного состава, в первую очередь, командиров, особенно в усвоении наставления по рукопашному бою под девизом: «Делай, как я», а этими приёмами он владел мастерски.

2. Отрабатывал быстрое развёртывание подразделений полка по направлениям возможной высадки японского десанта: посёлки Микояновский — Озерновский (с юга), посёлок Апача (с востока; защиту входа в ущелья Срединного хребта), откуда шло направление на Петропавловск (на восток и в долину реки Камчатки и далее до Усть-Камчатска).

3. Особенное внимание уделил лыжной подготовке, а также учёбе нахождению в лесу зимой, в шалашах, по три-шесть дней, два раза.

Я в то время занимал должность фельдшера, имел звание не очень большое, мог только по слухам иметь представление о пребывании Артюшина в лагере [в заключении]. Эти слухи были очень упорные, но сам Артюшин всегда, когда поднималась эта тема, её гасил.

Это мог бы разъяснить бывший в то время старшим уполномоченным особого отдела капитан Папичев, но его я найти не смог... Слухи, что Артюшин прибыл после какого-то нахождения в лагере, держались в полку стойко. Тому были внешние признаки: во-первых, Артюшин прибыл в солдатском обмундировании без знаков отличия, обмундировался уже в полку. Во-вторых, прибыл в полк со стрижкой под машинку, примерно так, как стригли лиц, попавших в лагеря. В-третьих, как участник гражданской войны (имел медаль «XX лет РККА», она выдавалась после 1938 г.), возможно,

имел какое-то отношение к службе в царской армии и, кажется, был прапорщиком. Во что я помню из ходивших слухов...

ККОМ ОФ 38059/31. Рукопись. 22 февраля 1988 г.

...Он — мой идеал офицера. Как мне известно, он был до войны, в 1940 г., вторым командиром 198-го стрелкового полка. К нам он приехал в то время, когда звания подполковника в Красной Армии ещё не было, и ему вскоре присвоили звание полковника. Приехал он из лагеря, ранее был репрессирован, а затем возвращён в армию. При нём 198-й стрелковый полк стал настоящим отдельным. Артюшин в начале войны развёртывал полк из ротного состава в трёхбатальонный. Где-то в конце 1944 г. или в начале 1945 г. его перевели в Петропавловск заместителем командира 101-й стрелковой дивизии. Он был офицером, работавшим под девизом «Делай, как я».

Пример первый. В лагерный период — весной 1940 г. он сделал следующее. В физкультурном городке Усть-Большерецка построил весь командирский состав и показал несколько комплексов физических упражнений на снарядах. Затем заставил при нём подойти к турнику и повторить то, что он только что проделал. Создал группы и заставил всех командиров ежедневно заниматься по «Наставлению по физической подготовке» (1938 г.), выполнять все десять комплексов.

Пример второй. В 1941 г., с началом войны, после занятия нами оборонительных рубежей на побережье Охотского моря, сам по очереди лично проводил тактические занятия по типу маневренных групп по возможным направлениям высадки противника — с походами по будущему району боевых действий.

Пример третий. Артюшин особенно уделял внимание сохранению бдительности, часто проходил по боевым порядкам полка, если кого-либо заставал спящим или невнимательным, сам мог вынуть затворы из пулемётов. Затем кричал спящим: «Бегом на командный пункт полка», сразу собирал офицерский состав и наглядно проводил совещание с показом, что можно получить при потере бдительности.

Конечно, я не могу дать характеристики его действий в Курильской операции. Но уже тот факт, что он высадился со своим вторым эшелоном вместо, как мне кажется, струсившего Дьякова, — является весомым.

Об этом может рассказать Герой Советского Союза Василий Андреевич Кот. Он был в 198-м полку на политработе во время командования полком Артюшина, служил комсоргом полка, а затем

инструктором политотдела 101-й дивизии. Мне Кот давал рекомендацию в кандидаты партии. Я пытался по этому вопросу вести переписку с В. А. Котом (он живёт в Львове), но он не стал отвечать на мои вопросы о Дьякове...

ККОМ ОФ 38059/89. Рукопись. 19 декабря 1987 г.

...Теперь об Артюшине. Когда в 1939 г. (или в 1940 г.) он прибыл командовать 198-м горнострелковым полком, то в одном разговоре с уполномоченным особого отдела Папичевым (его пока не разыскал) я и узнал тогда под большим секретом, что Артюшин прибыл прямо из лагеря. Тогда об этом не распространялись...

О японской агентуре. Примерно летом 1939 г. (или позже) в селе Кавалерском Усть-Большерецкого района органами была разоблачена группа местных жителей, в основном камчадалов, входивших в антисоветскую группу под лозунгом «Камчатка для камчадалов» и как будто бы ведших под руководством японского агента такую работу. Но это только были разговоры...

КОКМ ОФ 38059/115. Рукопись. 29 июля 1988 г.

Статья Г. Ф. Бочкарёва «Полковник П. А. Артюшин»

П. А. Артюшин чуть не с момента организации Красной Армии находился в её рядах, был настоящим бойцом, воспитателем, военачальником.

Полковник Артюшин, будучи командиром второго эшелона десанта на остров Шумшу, в трудные часы боя, когда связь командующего операцией и командира десанта с войсками, высаженными на захваченный плацдарм, была нарушена, взял на себя руководство боем. Он организовал атаки сильно укреплённых позиций японской обороны, принимал своевременные и решительные меры по отражению контратак противника, налаживанию связи и взаимодействию между родами войск. Именно разумные и решительные действия полковника Артюшина по расширению и закреплению захваченного плацдарма способствовали командованию операцией непрерывно усиливать натиск десанта на оборону противника и установить прочную связь с берегом.

Участник Курильской операции 1945 г., полковник в отставке Георгий Филиппович Бочкарёв прислал свои воспоминания о боевом соратнике П. А. Артюшине.

Пётр Алексеевич Артюшин родился 15 декабря 1900 г. в семье крестьянина села Поветкино Тульской области. Окончил сельскую школу, работал в хозяйстве отца. В тринадцать лет стал работать по найму, два года был «мальчиком» у московских богачей.

В 1918 г. вступил в комсомол и активно участвовал в молодёжном движении. Когда над Страной Советов нависла угроза гражданской войны, Пётр Алексеевич вступает в ряды большевиков, идёт добровольцем в Красную Армию. Это было в мае 1919 г.

Многие годы своей жизни Пётр Алексеевич Артюшин отдал службе в Вооружённых силах Советского государства. От бойца Коммунистической роты тульских рабочих, через учёбу на Кремлёвских пулемётных курсах, через сражения в 1920 г. с белополяками, он прошёл все ступеньки командирской «лесенки» до заместителя командира дивизии и звания полковника. Последние годы служил в Белой Церкви (под Киевом) командиром бригады и ушёл в отставку в 1953 г.

Отец полка. Мне довелось близко знать полковника Артюшина, выполнить несколько работ под его руководством, быть в период подготовки Курильской операции и начале боевых действий на острове Шумшу в его подчинении. Об этих встречах и совместной работе и хотелось бы рассказать.

Первая встреча состоялась летом 1941 г. Тогда я был офицером оперативного отделения и в составе группы прибыл в Усть-Большерецк для проверки боеготовности 198-го стрелкового полка. Нас встретил высокий, подтянутый полковник. Чисто выбритое, живое лицо, строгий проникающий взгляд, резковатые движения свидетельствовали о кипучей энергии, строгости и решительности этого человека. Это и был командир 198-го стрелкового полка П. А. Артюшин.

В процессе ознакомления с условиями, в которых находился полк, боевой подготовкой подразделений полка, оборонительными работами, которые велись на побережье Охотского моря, мы часто встречались и беседовали с бойцами и офицерами полка. Мы от многих слышали, как прибывший в 1940 г. новый командир полка Артюшин круто повернул все полковые дела в лучшую сторону. Он начал работу с наведения порядка в красноармейских столовых и казармах, с методических и показательных занятий с сержантами и офицерами, с устройства и размещения тыловых подразделений полка.

Так, считалось невозможным устройство окопов на тундристой местности, а по его приказу они были созданы насыпными из привезённой земли. Невозможной также казалась и постройка подъездных путей по тундре, а он построил дорогу, обеспечившую подвоз боеприпасов и продовольствия в любом направлении. Говорили и о других хороших делах командира. Но мне запомнилась работа Артюшина в целом — в комплексе всех мер по налаживанию боеготовности полка.

Это было зимой 1941/42 г. Комиссия, в которую я входил, из-за заносов едва добралась до Усть-Большерецка. Казалось, что в условиях такой погоды военные действия невозможны. Однако руководитель нашей группы, начальник штаба 101-й стрелковой дивизии полковник Себер сразу же по прибытии в полк объявил учебно-боевую тревогу.

И в считанные минуты всё вокруг будто взметнулось. Подразделения лыжников, боевая техника на лыжных установках, санные обозы — всё двинулось на боевые участки противодесантной обороны побережья.

Мы побывали и в очищенных от снега траншеях, и в местах обогрева личного состава, и в пунктах боевого питания, и медицинских пунктах — всё было на своих местах, все были готовы для ведения длительного боя.

Командир полка Артюшин был тогда отмечен командиром дивизии не только как умелый военачальник, но и как заботливый хозяин — отец полка.

В дивизии. На должность заместителя командира 101-й стрелковой дивизии П. А. Артюшин прибыл осенью 1942 г. Надо сказать, должность заместителя несколько специфична, и она у некоторых командиров, исполняющих эту должность, тормозит их инициативность, сужает рамки самостоятельных решений. Однако эти негативные явления возникают лишь у людей неволевых, склонных к пассивным действиям.

Пётр Алексеевич не принадлежал к разряду слабовольных. Он сразу же стал заметным во всех частях как главное лицо в вопросах боевой подготовки частей и подразделений. Ряд тактических учений, показных занятий, учебных сборов командного состава проводились под его руководством.

Весной 1943 г. я, в то время командир отдельного стрелкового батальона, был привлечён Артюшиным к подготовке и проведению батальонного тактического учения с боевой стрельбой. Такие учения в соединении проводились впервые.

Помню, как тщательно разрабатывался его план. Пётр Алексеевич вникал и в главные вопросы, и в самые мелкие подробности и детали. Тут и замысел учения, и выполнение задач батальоном по времени и рубежам, тут и действия «противника», обозначенного искусно создаваемой мишенной обстановкой, тут и разработка всех мер безопасности.

Я сделал на этот раз вывод: полковник Артюшин — один из самых опытных старших офицеров соединения, отлично знающий боевую технику, умелый организатор боевого обучения войск.

Штабные учения. Зима 1945 г. Я — начальник штаба 373-го стрелкового полка. Артюшин не раз бывал у нас, один или с группой офицеров с проверкой хода боевой подготовки, оказанием помощи по разным вопросам.

Однажды полковник приехал на своей любимице — вороной лошади (говорили, что Артюшин переправил-таки её из Усть-Большерецка в Петропавловск зимой при помощи дровней и собачьих упряжек), в полном полевом снаряжении. Поговорив о чём-то с командиром полка подполковником Губайдуллиным, он вручил мне пакет и сказал: «Командир полка — вы, действуйте!» Так начались штабные учения со средствами связи.

Подняв штаб и штабные подразделения по тревоге, я вывел их в район занимаемых боевых позиций. В течение двух суток мы почти без сна работали над выполнением учебного задания. Полковник Артюшин путём вводных умело наращивал обстановку, всё более усложняя её.

Нашему штабу пришлось организовать разведку в нескольких направлениях, обеспечить надёжную связь с подразделениями (концевыми посредниками), решать вопросы материального обеспечения боя. Штабом было изготовлено большое количество оперативных документов по боевому обеспечению войск. И во всём прослеживалась направляющая нить Артюшина. Он вникал в обязанности каждого штабного работника, отвергал или принимал его решение, составленный им документ, проверял действенность и устойчивость организованной штабом связи.

При разборе штабных учений Пётр Алексеевич отметил слаженную работу штаба 373-го стрелкового полка. Его знание нюансов штабной работы было поразительно. Щепетильность и пунктуальность, предъявляемая полковником к штабам и его работникам, не были случайными. Ведь Артюшин сам с 1931 по 1938 г. служил в должности начальника штаба полка в Ленинградском, а затем в Дальневосточном военных округах. Он воспитал многих

штабных работников, впоследствии занявших высокие посты. Так, участники Курильской операции командир 138-го стрелкового полка полковник Меркурьев был начальником штаба в полку Артюшина; начальник разведки 101-й стрелковой дивизии подполковник Нуруллин, начальник штаба 138-го стрелкового полка майор Письяуков тоже некогда работали в штабе его полка.

Полковник вступает в бой. Возглавляя второй эшелон десанта, в планировании и руководстве боем за остров Шумшу полковник Артюшин опирался на штаб и командование 373-го полка. Поэтому я остановлюсь лишь на тех действиях Артюшина, которым я был свидетель и в которых участвовал как начальник штаба этого полка.

Начну с того, что утром 18 августа 1945 г., когда передовой отряд десанта и первый бросок второго эшелона уже вели бой за захват и расширение плацдарма, полковник Артюшин, подполковник Губайдуллин и я на катере, а потом вплавь под сильным огнём японцев добрались до берега и укрылись от фланкового огня крупнокалиберного пулемёта. Я достал из полевой сумки (она, кстати, была полна морской воды) топографическую карту, и мы сориентировались на местности в сложившейся обстановке.

Первое, что приказал Артюшин, — это восстановить боевой порядок подразделений и направить их на выполнение ранее поставленных задач с учётом сложившейся на берегу обстановки. К этому времени высадился на берег и штаб 373-го полка со своими подразделениями.

Мне с частью офицеров штаба пришлось выйти в подразделения, которые уже вели бой на промежуточных позициях обороны японцев и несли потери в личном составе. Нами были приняты меры по организационному укреплению подразделений, потерявших в бою командиров, ликвидирована скученность и перемешанность боевых порядков, поставлены дополнительные задачи в соответствии с приказом Артюшина.

Здесь следует отметить, что Артюшин, предположив возможность сильной контратаки танков противника, требовал выдвижения наших противотанковых средств — подразделений противотанковых ружей — вперёд стрелковых подразделений. Этот приказ нами также был выполнен.

Возвращаясь из наступающих подразделений, я встретился с полковником Артюшиным на высоте «Плоская» (как значилась она на наших топографических картах). Перед нами открывалась вся панорама боя за господствующие высоты в обороне японцев. Около

двух десятков танков с пехотой яростно контратаковали передовые подразделения десантников. Создавалась опасность их смятия и опасного прорыва японцев к району высадки десанта.

Артюшин принял решение: создать заслон японским танкам на случай их попытки прорваться к району высадки десанта. С этой целью он отдал распоряжение задержать на близлежащих высотах только что проследовавшие подразделения 1-го батальона 373-го полка, усилить их ещё не вступившими в бой подразделениями ПТР. Используя телефонную связь, поданную от нашего штаба ко 2-му батальону 138-го полка, Артюшин через командира батальона капитана Суханова отдал нужные на этот счёт распоряжения подразделениям 138-го полка (то есть подразделениям первого эшелона десанта). Так была ликвидирована возможность прорыва японских танков к берегу, к месту высадки десанта.

После подавления танков возникла другая опасность. В результате контратаки японцев передовые подразделения десантников были потеснены к подножью высот 171,0 и 165,0. В то же время часть подразделений, наступающих с плацдарма, тоже вышла к этим высотам. Получилось скопление и частичное смешение боевых порядков. При таком положении нельзя было вести успешное наступление. Надо было вновь побывать в подразделениях, водворить в них порядок, нацелить их на новые объекты атаки и направления.

Выполняя распоряжения Артюшина, мы, офицеры штаба, прибыли в подразделения своего полка в тот момент, когда японцы вели навесной огонь из гранатомётов по скопившимся во рву десантникам. Затем, вероятно, с целью проверки активности наступающих, японцы на одном участке перешли в контратаку.

Пример мужества и стойкости показали офицеры штаба старший лейтенант Рачок и лейтенант Чекрыжев. Они смогли поднять десантников и вывести их из-под обстрела вперёд, навстречу японцам. Контратака сорвалась, противник понёс потери.

Проводя необходимую работу в подразделениях, мы неоднократно через связных получали распоряжения Артюшина. Выполняя одно из них, я побывал в 3-м стрелковом батальоне своего полка. Вместо раненого командира батальона капитана Очеретного командование поручено капитану Поколодному, вместо убитого начальника штаба старшего лейтенанта Шапкина его обязанности возложены на старшего лейтенанта Горшкова. Были также уточнены задачи батальону: он был нацелен на атаку высот в обход их с юго-запада.

Всё для победы. В ходе подготовки к решающему штурму главных позиций японцев, несмотря на то, что общее руководство боем было уже взято командующим десантной операцией и командиром десанта, полковник Артюшин по-прежнему был важным звеном в управлении войсками. К нему стекались доклады командиров различных рангов с разных участков боя. Он немедленно откликался на всякие изменения обстановки, подключая к выполнению своих распоряжений не только подразделения второго эшелона десанта, но и первого, а также подразделения передового отряда. Кроме офицеров штаба 373-го полка, он привлекал в помощь себе по руководству боем офицеров штаба и управления дивизии.

Мне довелось видеть Петра Алексеевича, отдающего в ходе боя распоряжения командиру 138-го стрелкового полка подполковнику Меркурьеву и его начальнику штаба майору Письяукову; командиру 279-го артиллерийского полка подполковнику Тарасову; офицеру корректировочного поста со сторожевого корабля «Дзержинский».

В сохранившихся у меня докладах командиров нашего 373-го полка есть ссылки на прямые распоряжения, даваемые им полковником Артюшиным. Так, командир 2-й стрелковой роты старший лейтенант Медведев пишет, что когда его рота попала под обстрел японской артиллерии, он решил вести её вправо, в обход высоты 171,0 с северо-востока. Но тут он попал в полосу наступления 138-го полка. Как быть? Увидел неподалёку наблюдательный пункт командира 2-го батальона 138-го полка капитана Суханова. Там по телефону он получил указания Артюшина и выполнил их. Командир 2-й роты ПТР 373-го полка капитан Еремеев указывает, что получил задачу по уничтожению японских танков от полковника Артюшина и выполнил её. Кстати, мы полагаем, что наш известный герой старший сержант Черепанов был из роты Еремеева. (Парторг роты ПТР старший сержант Черепанов подбил два японских танка. Загорелся и третий, но продолжал двигаться и вести огонь по десантникам. Тогда Черепанов бросился с гранатой под танк и взорвал его, при этом сам погиб. — *Прим. Ф. Сергеева*).

Командир 4-й стрелковой роты старший лейтенант Хохлов сообщил, что ещё на подходе к району высадки полковник Артюшин подходил на катере к десантному судну № 671. Здесь находились подразделения первого броска от второго эшелона десанта. Артюшин дал распоряжение командиру первого броска майору Борисову о порядке высадки на берег Шумшу.

В последующие дни боевых действий Пётр Алексеевич уже как заместитель командира 101-й стрелковой дивизии не стоял в стороне

от руководства войсками. Именно он 19 августа принимал первых парламентёров и первую партию японских военнопленных.

Славный сын Вооружённых Сил СССР. П. А. Артюшин прошёл большой жизненный путь, полный труднейших испытаний. В его служебных аттестациях указывались и недостатки, но главным отмечались его дисциплинированность, требовательность к себе и подчинённым, хорошее знание военного дела. Он получил опыт боевых действий в годы гражданской и Великой Отечественной войн.

Вот что Пётр Алексеевич писал в автобиографии, касаясь Курильской десантной операции 1945 г.: «Я получил следующий боевой опыт: в организации взаимодействия стрелковых войск с военно-морскими и военно-воздушными силами при высадке десанта на совершенно незнакомой местности; в захвате и удержании плацдарма при сильных контратаках противника; в перегруппировке в короткое время своих войск и переходе в наступление при тесном взаимодействии с военно-морскими и военно-воздушными силами».

За заслуги перед родиной Артюшин награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени (один из них за Курильскую операцию), другими правительственными наградами.

Служба полковника Артюшина в армии может явиться примером для молодого поколения офицеров. Для курильчан его имя дорого и тем, что с ним связана благодарная память о героических десантниках, освободивших исконно русские Курильские острова.

Полковник Артюшин безвременно скончался в 1967 г., но память о нём жива в сердцах воинов, служивших и сражавшихся в боях с врагом под его руководством. Эта благодарная память о Петре Алексеевиче должна жить и в каждом жителе Курильских островов.

Подготовил к печати *Ф. Сергеев*

Навсегда останется в памяти боевых соратников полковник П. А. Артюшин. Георгий Филиппович Бочкарёв, бывший начальник штаба 373-го стрелкового полка, собирая по крупицам сведения об Артюшине, любезно представил письма командиров полков, составлявших основную мощь главных сил десанта на Курильские острова.

Воспоминания бывшего командира 373-го стрелкового полка Г. В. Губайдуллина

Я знал П. А. Артюшина с 1938 г. по 12-й стрелковой дивизии, где он был заместителем командира 34-го стрелкового полка по строевой части. В те годы я работал заместителем командира 120-го

стрелкового полка 69-й стрелковой дивизии и заместителем начальника штаба 18-го стрелкового корпуса, в который входили 12-я, 69-я и 3-я Крымская стрелковые дивизии.

Артюшин был всесторонне подготовленным, отличным боевым командиром, пользовавшимся большим авторитетом и уважением окружающих. Тогда он был майором...

С момента высадки на остров Шумшу полковник Артюшин руководил вторым эшелоном десанта. Он прекрасно был осведомлён о действиях нашего полка. С ним рядом находился и командир артполка Тарасов.

После ожесточённого боя японцы подняли белый флаг на одной из высот (на 165-й или 171-й, не помню). Через некоторое время показались их парламентёры. Артюшин, Тарасов и я приняли их.

Это были первые, подчеркиваю, именно первые парламентёры в составе трёх японских офицеров. Оружие они оставили у наших бойцов по моему приказу. Запомнился казус: перед уходом японцам надо было вернуть их оружие, а одного, очень красивого клинка не хватало. Стоило больших хлопот найти и вернуть этот клинок.

Японские парламентёры просили временно прекратить боевые действия, но Артюшин требовал от них полной и безоговорочной капитуляции. Ничего не ответив, японцы удалились.

Замечу попутно, что Артюшин принял парламентёров в кителе Тарасова, так надо было «для авторитетности» — к кителю был прикреплён орден Красной Звезды.

И ещё одно замечание, более важное: в «Финале 1945-го» указано, что Артюшин к японцам для переговоров выехал на машине вместе с майором Рева. Это ошибка. Артюшин в этот день никуда не выезжал, и машины не было. Это я заявляю с полной ответственностью.

После ухода парламентёров, если не ошибаюсь, через некоторое время японцы перешли в контратаку с танками. После её отражения полковник Артюшин вызвал меня к себе и отдал боевой приказ: 373-му полку с батальоном 302-го стрелкового полка через 20–30 минут начать наступление и овладеть высотами 171,0 и 165,0.

Я поставил боевые задачи подразделениям. В это время капитан Матвеев установил телефонную связь между наблюдательными пунктами. На мой наблюдательный пункт прибыл морской офицер с корабля «Охотск» (его ко мне направил Артюшин) с рацией.

«Охотск» открыл артиллерийский огонь по японским позициям. Наши батальоны пошли в атаку и овладели высотами. Причём батальон Поколодного (после ранения Очеретного командовал 3-м

батальоном Поколодный) вышел почти в тыл японцам, понеся при этом значительные потери.

Доложить о выполнении приказа о взятии высот я прибыл на наблюдательный пункт Артюшина. Он расцеловал меня и предложил полную кружку японской саке. Я выпил и закусил мандариновым компотом. С устатку это было весьма кстати.

Полковник сказал, что доволен действиями нашего полка и объявляет бойцам и офицерам благодарность за выполнение ответственного боевого задания.

В заключение скажу: полковник Артюшин в направлении действий нашего полка был центральной фигурой и основным руководителем боевых действий. И так бы я сказал: «он — настоящий герой»...

Много лет прошло с той огненной и суровой поры. Что-то забылось вовсе, что-то помнится едва, а что-то стоит живой картиной, не тускнея со временем. Таким и помнят ветераны своего командира П. А. Артюшина, полным жизни и огня, решительным и умелым, большой личной отваги боевым офицером.

Подготовил к печати *Ф. Сергеев*

Воспоминания бывшего командира 138-го стрелкового полка К. Д. Меркурьева

Впервые я познакомился с майором Петром Алексеевичем Артюшиным, когда он прибыл в Усть-Большерецкий район принимать 198-й горностелковый полк нашей дивизии. Поскольку должность начальника штаба полка исполнял я, мне раньше других офицеров полка пришлось узнать его как командира и как человека.

Штаб этого полка в конце 1938 г. мне пришлось комплектовать заново, из лейтенантов и младших лейтенантов, прибывших в дивизию. Чтобы выяснить индивидуальные способности этих командиров, я организовал методический сбор и добился своей цели. Так сложился штаб, в который вошли лейтенант Мойко, младшие лейтенанты Письяуков, Лапин. Командиром взвода противовоздушной обороны был назначен лейтенант Переведенцев, заведующим делопроизводством Арамсон и другие. Понятно, что главной заботой тогда было — и моей, и майора Артюшина — сколачивание и подготовка штаба.

Полк был размещён очень тесно в малоприспособленных помещениях, на заболоченной местности и был плохо обеспечен в хозяйственном отношении.

Вскоре после прибытия Артюшину было присвоено звание полковника. В то время звания подполковника в Красной Армии не было. С весны 1940 г. встал вопрос о передислокации полка ближе к райцентру. В тяжелейших условиях, без транспорта полковник Артюшин сумел использовать реку и сплавы, с немалым риском перебросил основной казарменный фонд к месту нового городка полка.

Только обладая большими организаторскими способностями и огромными волевыми качествами, можно было без механизмов и автотранспорта за короткое камчатское лето построить городок полка в новом районе.

Наступил 1941 г. Встала новая задача: строительство дорог, оборонительных сооружений и других объектов, например, спортивного поля, строевого плаца. Всё это надо было создавать на таёжном участке. Нужно было корчевать огромные деревья, проводить планировку площадок.

И снова личный состав полка под руководством своего командира Артюшина выполняет хозяйственным способом эту работу за короткий срок.

В воскресный день 22 июня 1941 г. шёл спортивный праздник. Поле было расцвечено кумачом, полковой оркестр (музыкальный взвод полка) исполнял спортивные марши. И вдруг к узлу связи вызвали командира, комиссара и начальника штаба полка. Командир дивизии сообщил о вероломном нападении фашистской Германии на нашу родину.

И опять новые заботы командиру и комиссару: максимально повысить боевую готовность полка. Так во все времена командования 198-м горнострелковым (потом стрелковым) полком П. А. Артюшин был в большом напряжении, в заботах о строительстве и боеготовности оборонительного участка полка.

А потом он стал заместителем командира 101-й стрелковой дивизии. И в эти годы я не помню ни одного большого учения или боевых стрельб, которыми бы не руководил полковник Артюшин...

И вот август 1945 г., остров Шумшу. Японцы непрерывно контратакуют подразделения десанта 101-й дивизии. Действия первого и второго эшелонов десанта к полудню 18 августа возглавил полковник П. А. Артюшин.

...Десантное судно с управлением и штабом 138-го стрелкового полка подверглось кинжальному артиллерийскому огню японцев с острова. В результате оно было сильно повреждено, а многие офицеры и солдаты подразделений управления были убиты или ранены. Был убит пропагандист политотдела Гетманов, ранены замполит

майор Давиденко, начштаба полка капитан Письяуков. Получил ранение и контузию и я. Мой левый висок был буквально скальпирован.

Вместе с капитаном Письяуковым и моим адъютантом старшим лейтенантом И. И. Черных мы бросились в воду и стали добираться до берега. Нас встретили разрозненные подразделения, в том числе учебная рота.

Через некоторое время меня вызвал полковник Артюшин, невдалеке обсушивавший одежду. Первой нашей заботой, особенно капитана Письяукова, стало установление связи с подразделениями полка. Воспользовавшись трофейными катками и катушками, извлечёнными из воды у берега, организовали связь.

Оценивая моё состояние после контузии, Артюшин в течение всего дня 18 августа не разрешал мне перейти ближе к батальонам. И только ночью, после моей настойчивой просьбы, разрешил. Обнял меня и сказал: «Ну, иди!»

С утра 19 августа полковник Артюшин не единожды делал мне «разнос» за то, что моряки, смешиваясь с боевыми порядками 138-го полка, демаскировали их. Так с начала высадки и до утра 19 августа части и подразделения 101-й стрелковой дивизии были управляемы в основном заместителем командира 101-й дивизии, его волей и организованностью, стремлением к победе...

Я до конца своей жизни не забуду, как много сделал Пётр Алексеевич Артюшин для меня. Это был воистину прекрасный человек и талантливый офицер.

Подготовил к печати *Ф. Сергеев*

Курильский рыбак, февраль — март 1979 г., № 23, 26, 27, 28. НВФ 4343/102

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Ленина генералов, офицерского и сержантского состава за выслугу лет в Красной Армии [всего этим указом награждено 4 459 чел.]

За долголетнюю и безупречную службу в Красной Армии наградить орденом Ленина...

...166. Полковника Артюшина Петра Алексеевича.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Калинин.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. Горкин.

Москва, Кремль, 21 февраля 1945 г.

НВФ 4343/63. Ксерокопия

Из наградного листа *Петра Алексеевича Артюшина*, полковника, заместителя командира 101-й стрелковой дивизии КОР 2-го ДВФ, 1900 г. р., русского, члена ВКП(б) с 1919 г., в Красной Армии с 1919 г. В должностях офицерского состава с мая 1920 г. Участвовал в боях против белополяков в 1920 г., с 9 августа 1945 г. — в войне против Японии. Ранее награждался орденом Ленина, орденом Красной Звезды и медалью «XX лет РККА».

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Партии Ленина — Сталина и социалистической родине предан. Полковник Артюшин за отличное выполнение боевого задания командования по руководству высадкой десантов 101-й стрелковой дивизии на остров Шимушу, захват плацдарма, опорных пунктов врага в условиях ожесточённого сопротивления японских войск, личное проявление мужества и отваги, храбрости и твёрдого управления подчинёнными частями, достоин награждения орденом Красного Знамени.

Подлинный подписал командующий КОР
генерал-майор *Гнечко*

(Передано шифрограммой № 144 от 22 августа 1945 г.)

НВФ 4343/31. Ксерокопия

Здравствуйте дорогой
Николай Николаевич!

Пытался разыскать однополчанина П. А. Артюшина. Помнится, или кто-то писал в письме, или в личной беседе говорили мне каким полком командовал Артюшин до назначения в 101 СД. Но пока не нашел. Поэтому ни одного адреса не могу дать. Сам же никакими сведениями не владею.

По поводу генерала Довелова, то я тоже впервые от Бобкина услышал о письме Акишинского к Довелову. Оно, видимо, ответом на письмо Довелова. Письмо это читали красноярцы — Тарасов и Бобкин, но мне не показали, мотивируя тем, что я, бывая в Москве, смогу познакомиться с ним у Акишинского. Не удалось.

Об характере отношений между Акишинским и Довеловым не догадывался. В последнем письме от 1 февраля 1986г он писал мне сразу же по возвращении с больницы:

„В горке писем и новогодних открыток обратила на себя одна с незнакомым почерком из Кишинева. Вчитался и в глазах потемнело: жена генерала Порфирия Ивановича Довелова Гайга Ивановна сообщает, что он скончался 6 декабря 1985г на 85 году жизни от очередного инфаркта. Не стало еще одного ветерана гражданской и Великой отечественной."

Из письма нельзя было заключить — каково мнение В. Акишинского о генерале Довелове. Он послал соболезнование и просил меня сообщить своим о случившемся.

Письмо Н. Н. Питомцу от И. Д. Христенко с упоминанием

что я и сделал. Краснодарцы мне сообщили, что в их глазах ген. Дьяков не заслужил такой почести, как собственноручное письмо и добавили написали, что они ознакомлены. Их можно было понять — они читали письмо.

Осенью 1986 г. будучи в Москве я поставил у знакомых и Наталью Васильевну попросил мне дать копию письма. В бумагах В. С. они не нашли, а вышли ей письмо написать с Кубани. Она советовалась с Юдиным с политотдела ЮГСА и еще с кем-то по поводу письма — что делать они посоветовали ничего не делать так как мы их обоих уже нет то и нет к чему ворошить этот вопрос. Я же стремился того чтоб прочитать достать и дать оценку. Судя по рассказу Дьякова в сахалинской клинике, мне думается в письме все верно.

Значит, если Наталья Васильевна не сумеет выслать вам копию, или пожелает с задержкой во времени, то я пришлю сам фотокопию с письма вышлю. Письмо не факсимильное, вроде копии а перепечатано, видимо Натальей Васильевной, на тонкой, папиросной бумаге на 4-х стандартных страницах через один интервал.

Впечатление после чтения удручающее.

Думаю, хорошее дело Вы сделаете, если расставите в соответствии с этим письмом все точки над і.

В свою очередь если мне что-либо удастся добыть в разрезе Вашей просьбы — я сообщу.

С уважением Крылов

8 марта 1988 г.

П. И. Дьякова и В. С. Акшинского [ККОМ 38059/165]

Таблица потерь

Подразделения	Ранено				Убито				Пропало без вести			
	офиц. соств.	серж. соств.	рядовой соств.	Всего	офиц. соств.	серж. соств.	рядовой соств.	Всего	офиц. соств.	серж. соств.	рядовой соств.	Всего
Штаб полка	–	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–
Пешая разведка	1	1	2	4	–	–	2	2	–	–	–	–
1рота автомат.	1	4	12	17	2	4	13	19	–	1	1	2
2 " "	2	2	5	9	2	6	14	22	–	–	–	–
Итого с ч. засыпат.	4	7	19	30	5	10	29	44		1	1	2
8 стр. рота	1	3	13	23	1	5	8	14	–	–	–	–
9 мин. рота	–	3	5	8	–	2	–	2	–	–	2	2
Ист. батарея	–	–	2	2	–	2	1	3	–	–	–	–
2 стр. бат-он	2	11	41	54	6	17	28	46	–	6	42	48
Итого	3	23	61	87	7	21	32	65	–	6	44	50
Всего	7	30	80	117	12	31	61	109	–	7	45	52

Командир 302 стр. полка [illegible] /Губанов/

Начальник штаба [illegible] майор Бышура /Лаптуру/

У1. НАГРАДЫ И ОТЛИЧИЯ ЧАСТИ

Боевые награды с описанием подвигов, за которые они получены.	Год, месяц и число награждения, № приказа НКО СССР, дата и № указа президиума Верховного Совета СССР.	Примечание
За образцовое выполнение заданий командования в боях против японских войск на Дальнем Востоке при форсировании рек Амур и Сунгари, овладении городами Ибамусян, Бейманчжен, Линкоу полностью острова Сахалин, а также островами Симусю и Парамушир из группы Курильских островов и проявленные при этом доблесть и мужество - 302 отдельный стрелковый полк, 101 сд, Пор. Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом, Красная Звезда".	Указ президиума Верховного Совета СССР Приказ командующего 16 отр. дивизии №069 от 28 сентября 1945 года.	

Командир 302 стр. полка [illegible] /Губанов/

Начальник штаба [illegible] майор Бышура /Лаптуру/

Таблица потерь (сверху), награды и отличия 302-го стрелкового полка [ВХ-10183/1. Из фондов ЦАМО]

СЕКРЕТНО.
Экз. № 3

ПЛЕННЫЕ И ТРОФЕИ

Захваченные войсками Камчатского Оборонительного Района.

Генералов	4	Трактора-тягачи	4
Офицеров	1380	Самоходные баржи	12
Унтер-офицеров	4045	Рацийвсех систем	177
Солдат	15113	Снаряды	58397
Рыбаков	2212	Мины разные	5104
Итого людей	32654	Патроны	1161275
Лошадей	68	Гранаты	15561
Винтовок	12114	85 мм.зенитные пушки	2
Штыков	18305	Гранатометы 50 мм	4
Пулеметов легких	446	Блинки	870
Тоже станковых	304	Пулеметы 12,7 мм	36
Зенитных пулеметов	18	Гаубицы 70 мм	8
Крупнокалиберн.пулем.	21	Бомбометы 150 мм	6
Минометов 50 мм	139	Пушки 45 мм.зенитн.	2
Минометов 70 мм	43	Пушки ПТО 47 мм	14
81 мм.минометов	13	Зарядных ящиков	17
Пушки 20 мм	32	Противогазов	1889
Пушки 100 мм	2	Хим.накидки	471
Пушки 37 мм	30	Радиопередатчики	15
Пушки 50 мм	6	Аппараты БОДЭ	4
Пушки 75 мм	64	Телефонные аппараты	459
Пушки 75мм.зенитные	25	Кабель телефонный	251 км.
Гаубицы 75 мм	48	Динамомашина	11
Пистолеты и револьверы	291	Коммутаторы	40
Бинокли	815	Радиоприемники	38
Оптические приборы	309	Двигатели	15
Самолеты	6	Продскладов	5
Танки	2	Вещевых складов	2
Грузовые автомашины	119	Склады боеприпасов	17
Шанцевый инструмент	3290	ГСМ	60 т.
Паромов	4	Катеров разных	8
Прожекторных станций	6	Предприятий рыбпрома	12
		Транспортов	2

ВРИД. НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА КАДРОВ ШТАБА КОР
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ (МОРОЗОВ).

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.
Экз. № 3

РАССЕКРЕЧЕНО

ВЕДОМОСТЬ

ПОТЕРЬ ЛИЧНОГО СОСТАВА ЧАСТЕЙ КАМЧАТСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РАЙОНА ЗА ПЕРИОД С 47 ПО 31.8.45 г

Наименов. частей	Убито				Без вести				Небоевые пот.				Ранено				Итого				Примечание
	Офиц.	Серж.	Рядов.	Всего	Офиц.	Серж.	Рядов.	Всего	Офиц.	Серж.	Рядов.	Всего	Офиц.	Серж.	Рядов.	Всего	Офиц.	Серж.	Рядов.	Всего	
61 СД	38	82	270	390	37	47	267	317	-	3	3	6	37	117	238	392	78	249	778	1105	Доп.-10.
28 ГАП	3	7	16	26	-	-	4	4	-	-	-	-	3	2	7	12	6	9	27	42	Доп.- 1.
0 МПО	2	6	7	15	-	2	2	4	-	-	-	-	2	5	15	22	4	13	24	41	
ВЗ	4	-	78	82	-	-	-	-	-	-	-	-	6	-	284	290	10	-	362	372	
29 АД	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1	
ТБ НКВД	-	-	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	2	
КР "Сивуч"	-	-	-	-	-	1	3	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3	4	
ИТОГО:	48	95	373	516	3	50	276	329	-	3	3	6	48	124	544	716	99	272	1196	1567	Доп.-11.

Отп.4 экз.
13.9.45.М.Д.

ВРИД НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА КАДРОВ ШТАБА КОР
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ (МОРОЗОВ)

Пленные и трофеи, потери КОР [ВХ-10183/1. Из фондов ЦАМО]

Приказ

По 279 Артиллерийскому полку
22 Августа 1945 г.

РАССЕКРЕЧЕНО
влв. Хотаков

№ 02

Содержание: по личному составу

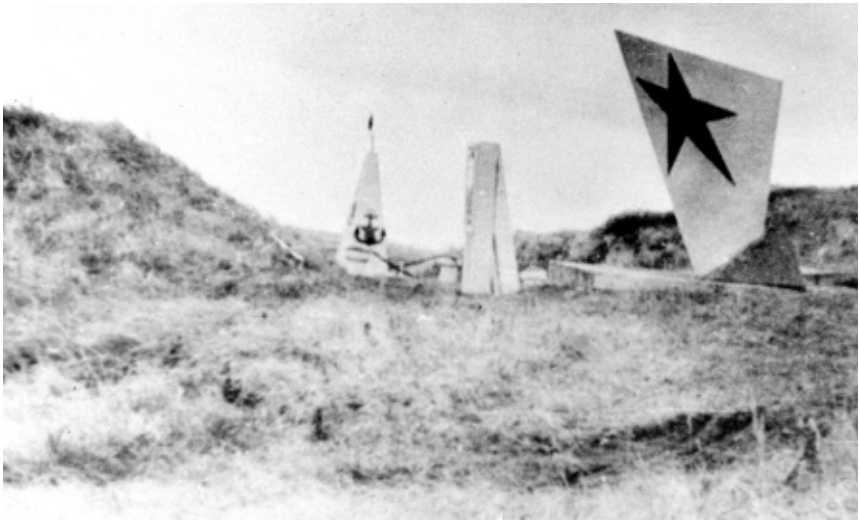
Личный состав погибший при десантной операции против японских империалистов на острове Симушу исключить из списков и всех видов довольствия

1. Лейтенанта, начальника разведки 2 дивизиона Рывака Петра Федосеевича, рождения 1918 года, уроженец село Рухово, Шимаховский район, Амурской области, убит 21 августа 1945 г, погребен на острове Симушу 2 километра юго-восточней выс 171,0 у устья дорог.
2. Старшина сержанта, командир отделения разведки Богданова Ивана Петровича, рождения 1917 года, уроженец г. Славгород, Алтайский край убит 18 августа 1945 года, погребен на о. Симушу 1,5 км. северо-восточнее „Маяка."
3. Рядового разведчика Орлова Анатолия Григорьевича, рождения 1925 года, уроженца Станция Кроутчая Новосибирской области, убит 18 Августа 1945 года, погребен на острове Симушу 1,5 км северо-восточнее „Маяка."
4. Водителя, Радиотелеграфиста Лощинина Александра Ивановича, рождения 1925 года, уроженца село. Голобуи Уваровского района, Тамбовской области убит 18 августа 1945 года, погребен о. Симушу 1,5 км северо восточнее „Маяка"
5. Сержанта старшего радиотелеграфиста Кондратьева Ивана Георгиевича, рождения 1918 года, уроженца с. Комышиновка Колудеповский район, Казахстанской области убит 18 Августа 1945 года погребен на острове Симушу северо восточнее „Маяка" 1,5 км.
6. Младшего сержанта-наводчика Коноволова Петра Филипповича рождения 1920 года, уроженца г. Омск убитого 19 Августа 1945 года погребенного на о. Симушу северо восточнее „Маяка" 1,5 километра.

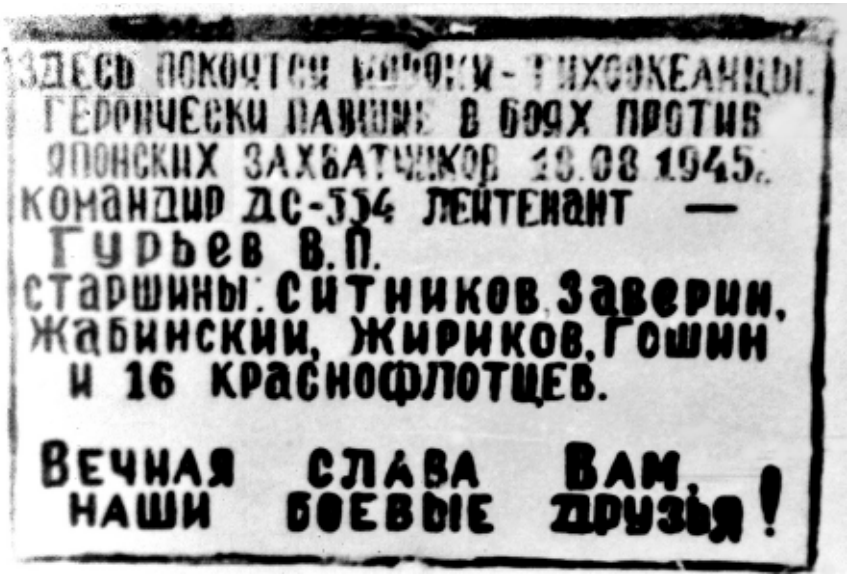
Командир 279 Артиллерийского полка
Подполковник (Тарасов)
Начальник Штаба 279 Артиллерийского полка
Капитан (Николаев)

№ 1/ТЗ
ено в дело
Шевцов

Приказ по 279-му артиллерийскому полку от 22 августа 1945 г. о погибших в боях [ВХ-10183/2. Из фондов ЦАМО]

Братские могилы на берегу острова Шумшу, 1990 г.
[ККОМ ОФ 31823/23]

Мемориальная доска на могиле моряков, павших на острове Шумшу
[ККОМ ОФ 31823/45]

У памятника П. И. Ильичёву на острове Шумшу, 3 августа 1962 г. В центре — мать героя Н. С. Ильичёва, слева — сослуживец Ильичёва (предположительно капитан 2-го ранга Попов, справа — Л. В. Щепин

Памятник на могиле Николая Вилкова, 1970 г.
[КОКМ НВФ 236]

Камчатские комсомольцы на Шумшу, 1970 г. В музее Северо-Курильска. У японского орудия. Фото О. М. Груздева [КОКМ НВФ 173—174 Ф-I]

А. М. Грачёв

Курильский десант
(предисловие и текст воспоминаний подготовлены А. А. Пономарёвой)

А. М. Грачёв (1911—1973), дальневосточный писатель, журналист, участник операции по освобождению Курильских островов от японских милитаристов. В 1943 г. был командирован в Петропавловск-Камчатский как собственный корреспондент газеты «Тихоокеанская звезда». В 1945 г. по его просьбе был включён в группу парламентёров, принимавших капитуляцию японской армии на Курильских островах. Впечатления об этих событиях легли в основу его повести «Падение Тисима-Ретто».

В представленной публикации использованы материалы из архива А. М. Грачёва, хранящиеся в его семье, и магнитофонная запись его выступления по радио (КД 1005 № 0496 «Курильский десант», звучание 21 минута 55 секунд), предоставленная и обработанная старшим научным сотрудником Гродековского музея Н. П. Гребенюковой.

В семейном архиве хранятся две тетради с воспоминаниями. Они начаты 9 августа и завершены 19 августа 1970 г. Вероятно, писатель намечал публикацию (или выступление по радио) к 25-летию окончания Второй мировой войны. Воспоминания не полные, с утратами. Отсутствуют начальные страницы, наблюдается «нестыковка» в последовательности событий. С целью воссоздания более полной картины происходящего мною соединены тексты из тетрадей с фонограммой, исключены повторы. На мой взгляд, по стилю изложения (в жанре воспоминаний) и по хронологии событий текст, прочитанный по радио, и тетради с записями воспоминаний могут рассматриваться как составные части единого материала.

В основу воспоминаний А. М. Грачёва положен его дневник. В нём он, будучи профессиональным журналистом и понимая историческое значение происходящего, скрупулёзно фиксировал не только сами события, но диалоги, реплики, незначительные, на первый взгляд, детали. Дневник вёлся во время качки на корабле, в условиях непро-

должительного свободного времени, простым карандашом, скорописью, и никто, кроме автора, не смог разобрать большую часть написанного. К сожалению, несколько лет назад дневник был утрачен.

В семейном архиве также хранится рукописный вариант очерка «Штурм острова Сюмусю», рассказывающий в деталях о высадке первого десанта на остров Шумшу через восприятие событий старшим лейтенантом Василием Котом, а также многочисленные записи, рассказывающие о военных событиях. Включённые в них диалоги, психологические характеристики заставляют предполагать, что это были «заготовки» к повести «Падение Тисима-Ретто», которую он писал в то время. Эти материалы не вошли в публикацию.

После выхода в свет повести автору поступило много писем от читателей. Включение в канву художественного произведения реальных участников курильских событий, обилие точных деталей, подлинных документов вызывали вопросы читателей. Как правило, факты, в которых, несомненно, присутствовал художественный вымысел, не подвергались сомнению, порой лишь уточнялись. Авторы писем в основном спрашивали о дальнейшей судьбе персонажей, уточняли их поступки, называли реальных участников событий, с сожалением, что о них не сказано в книге. Повесть воспринималась как документальное произведение.

Привожу письмо Николая Степановича Жульева от 22 марта 1959 г., сохранившееся в архиве и содержащее интересные факты:

«Здравствуйте, уважаемый товарищ Грачёв! На днях я прочитал вашу книгу "Падение Тисима-Ретто". Книга хорошая, просто написана, быстро читается и понятна. Но мне особенно понравилась потому, что я был участником этих событий. Я служил в то время на минном заградителе "Охотск" сигнальщиком. Танки, о которых вы пишете, увидел я. Командир — капитан-лейтенант Моисеенко — дал команду открыть по ним огонь. Тогда наши артиллеристы подбили четыре штуки.

При приёме капитуляции мы шли в порт Катаока. Впереди шёл тральщик, за ним наш корабль и за нами сторожевой корабль "Киров" или "Дзержинский", это уже забыл. В проливе между Симусю и Парамуширом японцы нам и подсыпали. Особенно нам досталось: сразу четыре снаряда попали, в том числе и в мачту, как вы и описываете. Точно и о самолёте, который нас торпедировал, только он бросил одну торпеду.

Что мне известно и что я видел, вы описываете хорошо. За эту операцию я был награждён орденом Красного Знамени, а "Охотск"

стал гвардейским. Этого вы не написали. Мне кажется, можно было бы и написать названия кораблей, тем более что "Охотск" теперь стал гидрографическим судном.

Конечно, я ничего не знаю о Грибанове, Ли-Фан-Гу и Тибу (вымышленные персонажи. — А. П.). Нам об этом отряде ничего не говорили. Хотелось бы знать, были ли такие люди на самом деле. О китайцах, что они строили укрепления, я тогда слышал. В некоторых из них был, в том числе на радиостанции и в продовольственном складе. О моряках вы зря не написали, нужно было бы написать. Если вам придётся исправлять для другого издания кое-что, то я мог бы в кое-чем помочь, так как я многое знаю и многое видел.

Я хорошо знаю товарища Стрельцова, он ходил парламентёром первый раз, и был он тогда в должности помощника начальника политотдела по комсомолу Петропавловской военно-морской базы. Я был комсоргом на "Охотске", а затем комсоргом в 10-м отдельном дивизионе торпедных катеров, и товарищ Стрельцов подробно нам рассказывал. О Суздальцеве я ничего не слышал. Если можно, напишите мне, кем вы в то время были. Видно, вы сами участвовали в операции. К чему вы дали вымышленное название этой книге?

Я написал одному матросу об этой книге. Он тогда служил радистом на "Охотске"...»

Бои за остров Шумшу. Взятие острова Парамушир. 8 августа 1945 г. я получил повестку из Петропавловского военкомата немедленно явиться к горвоенкому. Сомнений по поводу столь срочного вызова не оставалось, перед тем я только что вылетел из Хабаровска попутной «Каталиной» — летающей морской лодкой американского производства, полученной по ленд-лизу. Тогдашний редактор газеты «Тихоокеанская звезда» Алексей Васильевич Гребнев, напутствуя меня как собкора газеты, намекнул, что предстоят события на Курильских островах, я должен быть готов к ним. Этому предшествовали командировки в Амурскую область, приграничные сёла, и для меня не было тайны, что надвигаются военные действия против империалистической Японии. И вот я в кабинете горвоенкома.

— Младший лейтенант Грачёв явился по вашему приказанию!

— Садитесь. Вам поручается формирование автомобильной роты из местных шофёров и машин. Необходимые указания даны, пока начинайте с подбора личного состава и укомплектования роты.

Всего ожидал, только не этого. Автомобильное дело я знал постольку, поскольку проходил переквалификацию из кавалеристов в танкисты. Проехать несколько кругов за баранкой по танкодрому — ещё не значило стать автомобилистом. Конечно, всего этого я не сказал военкому, боялся, что отчислят. Решил — там будет видно, в конце концов нужда заставит стать автомобилистом. И вот формирую роту, собираю шофёров, беседую с ними, о войне ни слова, но по глазам, по хитрым намёкам, по какой-то особенной весёлой возбуждённости, присущей людям, когда они готовятся к чему-то большому, вижу — все до единого знают о предстоящих событиях.

15 августа на голубой глади Авачинской губы появилось уж что-то очень много незнакомых военных кораблей. Правда, к ним за годы войны здесь привыкли. Недавно, например, вошла целая армада из пятидесяти кораблей 5-го американского флота, постояли сутки. По улицам Петропавловска во всю проезжую часть ходили в обнимку наши и американские матросы, пели песни, обменивались значками, портсигарами, зажигалками. Американцы ушли, но губа пустовала недолго — вошли наши корабли, а к вечеру потянулись к порту колонны пехоты, артиллерийские части, бронемашины, обозы. Такие вещи не утаишь, и уже вскоре весь город знал, что идёт посадка военного десанта на корабли. Куда пойдёт десант, в этом тоже никто не сомневался — на Курильские острова.

Мои ребята из автомобильной роты досаждают: «Когда же нас?» Что им ответишь? — «Ждите приказа!»

Наконец, назавтра вызывает военком. Радостно волнуюсь, вот оно!

— Вы направляетесь в обком партии в распоряжение секретаря товарища Кусова. — Эти слова были как снег на голову.

— Разрешите узнать, товарищ полковник?

— Исполнять приказ!

Тороплюсь в обком. Кусов принял без промедления.

— Что случилось? Почему вы оказались командиром роты?

Объясняю.

— Ясно. Произошло какое-то недоразумение. Вы прикомандированы к десанту в качестве специального военного корреспондента «Тихоокеанской звезды». Используйте любой транспорт и немедленно отправляйтесь в район боевых действий.

До вечера остаётся пара часов, в порту стоит транспорт, который, как я узнал, скоро уходит на Курилы. Стремглав домой, быстрые сборы давно подготовленного — записных книжек, вещмешка, белья, кружек-ложек.

В ночь транспорт вышел в Тихий океан. Свинцовый туман липнет кожей, когда выходишь на палубу, корабль идёт с полностью задраенными иллюминаторами, ни одного просвета. Ночь коротаю на потёртом кожаном диване в кают-компании. Прикорнул, не раздеваясь.

Ночь с 16 на 17 августа 1945 г. в районе Первого Курильского пролива была особенно тёмной. Вытяни вперёд руку и не увидишь ладони — висит плотный туман. И тишина, ни малейшего движения в воздухе. Около четырёх часов утра наша эскадра, состоящая из боевых, транспортных и десантных судов, с полностью затушенными огнями подошла к мысу Лопатка, на траверз Первого Курильского пролива со стороны Тихого океана. Накануне, вечером, наши боевые корабли совершили огневой налёт со стороны Охотского моря на японские базы, расположенные во Втором Курильском проливе, на остров Парамушир — Катаоку и Касивабару (ныне Байково и Северо-Курильск). Это был отвлекающий манёвр, смысл которого состоял в том, чтобы японцы оттянули сюда свои войска. Как выяснилось потом, расчёт командующего оказался верным.

В начале пятого часа в эфир полетел условный сигнал для выброски десанта — «Сова». Десантные суда ринулись к берегу со стороны Тихого океана. Почти без боя в кромешной темноте войска захватили плацдарм шириной в три и в глубину полтора километра. Боевое охранение японцев почти не сопротивлялось, солдаты бежали в панике, не успев даже погасить свечи в дотах и блиндажах. На острове закрепились наши три батальона — армейский, пограничников и морских пехотинцев.

Казалось, успех обеспечен, ведь главное в подобной операции — закрепиться на берегу. И хотя командование не строило себе иллюзий насчёт лёгкой победы, немедленно готовило второй эшелон десантников.

Обстановка утром 18 августа сложилась для нас чрезвычайно тяжёлой. Первые десантники высаживались ночью, а точнее в четыре часа утра, без единого выстрела. Они сразу сбили боевое охранение японцев, продвинулись на полтора километра. Опомнившись, враг бросил в район плацдарма сильнейшую группировку пехоты, танки. На рассвете туман оторвался от моря и острова. Как раз в это время подходили к берегу десантные суда с войсками второго эшелона. Японцы контратаковали всеми силами, подожгли несколько десантных кораблей второго эшелона, погибло много десантников, но сейчас наши ухватились за плацдарм крепко, продвигаются вперёд.

Береговая артиллерия японцев открыла ураганный огонь по ним. В это же время началась вражеская атака на захваченный нами плацдарм. Это было тяжёлое испытание для наших войск. На берег ещё не была высажена артиллерия. А танки идут в атаку, за ними — неоглядная россыпь пехоты. С мысов, охватывающих бухту, куда подходили десантные суда с пехотой, японцы открыли кинжальный артиллерийский огонь, справа и слева. Загорелось и вблизи берега стало тонуть головное судно. Пехотинцам пришлось прыгать в воду, добирались вплавь, шли вброд. Они устремились на берег.

Артиллерийский огонь с наших кораблей не давал нужного эффекта — флот стоял далеко от берега. И тогда ответственный секретарь партбюро артиллерийского полка капитан Василий Акшинский вместе с комсоргом Александром Коноваловым быстро организовали погрузку пушки на шлюпку и вместе с расчётом на вёслах пошли в шквале огня на берег. Выкатив пушку на песчаную косу, они открыли огонь прямой наводкой по амбразурам мысов, где только замечали пламя орудийных выстрелов. Так было «заглушено» несколько амбразур.

Рано утром к высокому борту нашего судна прилип маленький мотобот. В нём двое в бушлатах, военные моряки, по выброшенному штормтрапу карабкаются с обезьяньей ловкостью. Вглядываюсь в их лица — оба юнцы. Один — в шлеме катерщика, другой — в мичманке, у обоих воспалённые глаза, возбуждённый вид. «Капитан, — кричит тот, что в мичманке, — снаряды есть?» Так же кричит он, когда к штормтрапу подходит капитан: «Снаряды нужны 120-миллиметровые! Пехота на острове задыхается, контратакуют самураи».

Новый мотобот привёз лоцмана, он будет вводить корабль в район боевого расположения флота. Звонки громкого боя, по тревоге поднимается весь экипаж, судно идёт в тумане тихо-тихо. К нему по пути прилипают самоходные баржи, и на них грузят снаряды. Артиллерийская канонада продолжает дубасить молотами утреннюю тишину.

Наконец я на флагманском корабле. В штабе напряжённая, но спокойная работа, ни одного лишнего слова. В оперативном отделе осторожно, чтобы не помешать, прошу направить на передний край. Десант уже продвинулся на полтора километра первого острова. «Капитан, прихватите с собой корреспондента», — приказывает начальник оперативного отдела. Садимся в ялик, за вёслами молоденький матрос, как и у тех ребят, глаза его воспалены, видно,

давно не спит, но лицо прямо-таки всё светится, расплывается в улыбке, когда начинаю расспрашивать его об участии в боевой операции.

«Хотите посмотреть на наш сожжённый корабль? — спрашивает матрос. — Нам по пути». Скоро в тумане вырисовывается надпалубная надстройка десантного судна. Матрос подводит к нему ялик. Впервые мертвецов я видел в детстве — зарубленными или покойников в гробу, а тут — обгорелые трупы, шпалерами лежащие на палубе полузатонувшего корабля. Вот она, война!

Капитан торопит, у него оперативное задание. Высаживаемся на песчаной косе. Не заходя на командный пункт, в ближайшем овраге бежим по ложбине в сторону переднего края. Он впереди — я следом. Метрах в двухстах капитан как-то неестественно ойкнул, упал, я тоже упал, просто из чувства самосохранения. Слышу — стонет, подползаю к нему и вижу: кровь на шинели. Поднял голову — лицо бледное, глаза закрыты. Бегом спустился вниз за санитарами, потому что при себе не имел даже индивидуального пакета. Вот они, плоды спешки! Через несколько минут санитары были на месте. «Посидите, — сказали мне на командном пункте, — сейчас свирепствуют смертники».

Только в сумерках попал я на передний край. Бои приостановились. К этому времени действовали лишь наши разведгруппы, преимущественно морские пехотинцы. Они подбирались группами в пять-шесть человек, подползали к траншеям японцев, бросали гранаты, а потом врывались сами, брали пленных, тащили в свои траншеи.

А назавтра — белые флажки среди зарослей кедрового и ольхового стланика. Парламентёры!

Подали ответный сигнал, встретились: «Японский генерал-майор просит встречи с советским командованием». Вызвали командный пункт группы захвата генерала П. И. Дьякова. Он приказал привести японского парламентёра к нему. С нетерпением ждём на переднем крае исхода переговоров. Наконец сообщают: японцы предлагают установить перемирие и начать переговоры с главным, как они заявили, командованием «советского войска».

А смертники продолжают стрелять. В основном в офицеров, а точнее говоря, когда увидят в оптическом прицеле ряды пуговиц на шинелях, просветы и звёздочки на погонах. Поэтому на передний край офицеры стали ходить только в солдатских шинелях и обычных касках. Как-то появился тут и сам командующий десантом генерал А. Р. Гнечко в таком же облачении, в карманах пистолет

«ТТ», несколько гранат-лимонок, рядом автоматчики. «Хлопцы, особенно не лезьте под выстрелы без нужды, заслабело у японцев, скоро начнут сдаваться», — говорит генерал.

На следующий день — ещё один белый флажок со стороны японских траншей. На этот раз парламентёр — унтер-офицер. Он принёс пачку любопытных листовок, отпечатанных на стеклографе, с довольно неказистым рукописным русским текстом. Привожу его дословно: «Сводка. Наши войска уже прекратили военные действия, и для прекращения войны теперь с Главнокомандующим вашего войска наша комиссия продолжает договор, поэтому прошу от души временно возвращаться в ваш баз. Конец».

Парламентёр, принесший эти листовки на передний край, заявил, что ему приказано дождаться ответа советского командования. Ну, естественно, его бесцеремонно выпроводили восвояси и предупредили, чтобы больше не появлялся здесь с этой провокационной галиматьёй.

Назначена встреча советского и японского командующих для окончательного решения вопроса о капитуляции японского гарнизона. Место встречи — открытое море на траверзе Второго Курильского пролива. Но стоило подойти туда нашим кораблям, как вражеская береговая артиллерия открыла по ним ураганный огонь. С островного аэродрома японцев, расположенного на месте срезанной сопки, над двухсотметровым обрывом, сорвались два морских самолёта-торпедоносца. Провокация!

Но враг просчитался, наше командование заранее предвидело такую возможность и приняло необходимые меры. Мелкие быстроходные суда немедленно поставили широкую дымовую завесу над флагманским судном, а тем временем флагман отошёл в море. Пятнадцать наших моряков убиты, многие ранены, повреждены палубные надстройки на флагманском судне — таков итог этой провокации.

Командование принимает решение прекратить дальнейшие переговоры с врагом, послать ультиматум о безоговорочной капитуляции, а тем временем ускорить подготовку к решительному штурму. Нужно сказать, что послания, которыми обменивались воюющие стороны через передний край с помощью парламентёров, японская военщина явно использовала для проволочки времени. По-видимому, вело оно подобные переговоры с американцами, их 5-й флот, армада кораблей, всё время маячил на горизонте к востоку от островов в Тихом океане.

Вот один из образчиков посланий японского главнокомандования: «Наши войска получили свыше следующий приказ: 1. Войскам

сегодня прекратить всякие боевые действия. Примечание: оборонительные действия, предпринимать которые мы вынуждены в связи с активным вторжением противника, не являются боевыми действиями. 2. Наши войска на основании этого приказа сегодня прекращают всякие боевые действия. Примечание: если после этого времени наши войска будут атакованы, я на основании вышеупомянутого приказа возобновлю оборонительные действия. 3. Поэтому прошу ваши войска прекратить боевые действия».

Одним словом, воевать не хотят, а оружие не сдают. И тогда наше командование посылает последний ультиматум: «Во избежание кровопролития в последний раз требуем: 1. Немедленно прекратить всякое сопротивление. 2. Немедленно отдать приказ своим войскам о сдаче оружия представителям советских войск на местах». Далее указывался порядок и условия капитуляции. Ультиматум заканчивался словами: «Пункт 11. Если же к 24.00 сегодня от вас не поступит положительного ответа на вышеуказанные требования, завтра утром мои войска начнут решительное наступление по всему фронту».

К вечеру японские парламентёры принесли ответ командующего группировкой японских войск на Северных Курилах генерала Цуцуми: «Японские войска готовы к капитуляции».

Ночью формируется группа советских парламентёров во главе с начальником штаба десантных войск подполковником Р. Б. Вороновым. В составе группы двенадцать человек: переводчики, автоматчики охраны, представители оперативного отдела. Задача группы — доставить в штаб японского командования инструкцию о порядке капитуляции, а затем координировать там по нашей рации действия с советским командованием. Добиваюсь включения в группу, хотя бы рядовым автоматчиком.

Утром выходим в море на малом морском охотнике. Туман, лежавший с рассвета на море и острове, стал отрываться от воды часов в восемь. Внезапно поднявшийся ветер рвал его в клочья, скатывал в белое облачко и угонял на север. Время от времени начинал моросить мелкий дождь, но тут же кончался, в разрывах облаков появлялись голубые прогалины неба.

«Особых иллюзий не строить, — напутствовал командующий, — идёте в логово коварного врага. При первом же вашем сигнале о новой провокации немедленно даю приказ войскам для решающего штурма».

«Малый охотник», как коротко называли наше быстроходное судёнышко, мчится Охотским морем по направлению Второго Куриль-

ского пролива, оставляя позади длинный белый шлейф. Входим в пролив, в длинный водный коридор, зажатый прибрежными горами островов Шумшу и Парамушир. «Если сейчас не лупанут по нам, значит, всё будет благополучно», — говорит кто-то, когда стали огибать мыс, возле которого был обстрелян корабль командующего. И вот мыс позади, чёрные глазницы амбразур в обрывах молчат, на косогорах сопок, изрезанных траншеями как муравьиными дорожками, никакого движения — проскочили.

Слева, на выходе из долины — небольшой посёлок у самого берега, два бетонированных пирса, горы железных бочек, диспетчерская вышка над двухэтажным домиком, и ни одной живой души. Подруливаем ко второму пирсу, откуда-то вынырнул легковой камуфлированный автомобиль, из него выскакивают два офицера в чёрном, ясно: из бригады морской пехоты, которую изрядно поколотили наши десантники. Четыреста трупов оставила она на поле боя.

Японские офицеры, капитан и подпоручик, ещё издали козыряют, кланяются, улыбаются. Капитан, маленький атлет, ловкий, с красивым нежным лицом, самурайская сабля явно велика для его роста. Подпоручик высокий, сухой, шинель сидит на нём мешковато. Японцы подали руки (палуба охотника на метр ниже пирса) и помогли нам вылезти наверх.

«Я — капитан Сато, — представился маленький, — очень рад познакомить роска, все готова перемирия». — «Опять перемирие!» — проворчал подполковник Р. Б. Воронов.

Мы просим провести нас к командующему. Оказалось, что того здесь нет, его штаб на следующем острове, Парамушире.

Капитану Сато и подпоручику приказано сопроводить нас в штаб, и вот мы подходим к главной базе (ныне это Северо-Курильск). Длинный бетонированный пирс забит солдатами, навьюченными ранцами в полном вооружении, облеплен с боков десантными баржами — идёт посадка пополнения для гарнизона острова Шумшу.

Зычная команда, и солдаты образуют длинный коридор по центру пирса. С трудом протискиваемся по узкому проходу солдатских шеренг. Японцы пожирают нас глазами, тут и злоба, и открытый интерес, особенно к нашим автоматам, и даже улыбки. На берегу нам любезно предлагают грузовик: «Садитесь, пожалуйста, в кузов». Подполковник Р. Б. Воронов с достоинством говорит капитану Сато: «Советские офицеры не ездят в кузовах грузовых машин». Ответ: «О хай, сейчас доложу». Проходит полчаса, пока он появляется с тремя легковыми автомашинами. Прибываем в штаб. Длинный дощатый барак, наполовину врытый в землю, наподобие

овощехранилища. Долго ведёт нас капитан Сато по коридору, наконец, открывает одну из дверей, кланяется: пожалуйста. Настоящая классная комната, вдоль стен — простые стулья, на стене ученическая доска, возле окна письменный стол, а за ним — угрюмая личность, седеющий подполковник Янаока. Мы его видели как парламентёра.

— Командующий болен, — объяснил он, — мне поручено вести переговоры.

Он, видимо, хотел сказать о перемирии, но Воронов перехватил его.

— О капитуляции, полной и безоговорочной!

— Да, да, капитуляции, — подтвердил Янаока.

Просим предоставить карты расположения войск, заминированных участков на суше и на море.

— О, карт нет, они в горова, — Янаока постучал пальцем по виску.

Все мы переглянулись, улыбаясь одними глазами. Тем временем Янаока подошёл к школьной доске, взял мелок и быстро набросал схему боевого района.

Видно, Р. Б. Воронову надоела эта галиматья. Он через переводчика строго сказал: «Спросите его по-японски, готовы ли они сейчас к тому, чтобы сложить оружие и сдаться в плен». После короткого диалога между нашим переводчиком и подполковником Янаока последовал ответ: «Готовы! Войска стягиваются к местам разоружения».

К вечеру мы двинулись по острову Шумшу на военно-морскую базу Катаока, а через час на дороге, что вела из глубины острова, показалась длинная колонна нашей пехоты. Она входила в Катаоку. Незадолго до заката солнца весь японский гарнизон был построен. По команде офицеров шеренга за шеренгой выходили из строя и клали на бетон аэродрома винтовки, ножевые штыки, пистолеты, ножи. Скоро по всей взлётной площадке лежала километровая лента оружия и боевого снаряжения. Бывшие владельцы этого «добра» отправились по своим казармам, но уже под охраной наших солдат.

Взятие острова Уруп. Капитуляция. Вскоре мы видим залив с обрывистым берегом, прочерченным в сторону моря длинным деревянным пирсом на сваях. Не успели сориентироваться, как на пирсе показались четыре фигуры японских офицеров, один из них высоко держал четырёхметровый бамбуковый шест с белой простынёй на вершине. Пристаём к пирсу, выходим лицом к лицу к япон-

цам. Белые повязки на наших рукавах указывают, что мы — парламентёры. Переводчик есть и у японцев. Но разговор у переводчиков долго не получается — они никак не могут понять друг друга. Японец, мордастый детина с бульдожьей нижней челюстью, заглядывая в книжицу, орёт как попугай одно и то же: «Познакомить росска майор Тарасова... Познакомить росска майор Тарасова...»

Видно, он очень плохо знал русский, его отстранили, и разговор с офицерами повёл наш переводчик. Вскоре нас пригласили в помещение — дощатую хибару с башенкой на крыше. Там оказался застланный солдатской простынёй стол, вдоль него — длинная скамейка, накрытая свёрнутым солдатским байковым одеялом, — для советских офицеров. Видно, они уже ждали нас. На столе — сигареты, спички и букет саранок. В комнате потрескивает чугунная печурка, жара и духота невыносимы. Наша задача — выяснить, готовы ли японские войска к капитуляции?

— Да, — отвечают, — японские войска получили приказ свыше на перемирие. Но для окончательного решения нужен ответ командующего гарнизоном.

— Как с ним связаться?

Отвечают, что пытаются, но ничего не получается, где-то обрыв на линии. Майор Радужанов вполголоса говорит мне, что не видно телефонного аппарата: «Выйди, вроде по нужде, осмотри обстановку».

Вход в домик забит японской солдатнёй, их человек двадцать. От весёлого любопытства у них рты до ушей, неприязненные взгляды. Спрашиваю, используя жестикуляцию, где туалет?

Показывают за хибару. Стараюсь осмотреться и лучше изучить обстановку. И вдруг замечаю на траве полевой телефонный провод. Выслеживаю — уходит за будку туалета. Захожу за туалет — на столбе прикреплён телефонный аппарат, полевой, военного образца. Не могу точно представить теперь, что руководило тогда мной, но решение пришло мгновенно — оборвать связь, раз скрывают. Оторвал провода от клемм. Понаблюдаем, что будет дальше.

Но едва вернулся в хибару и шепотом доложил об этом Радужанову, как из глубины острова раздались автоматные очереди. Стреляли наши автоматы, у японцев тогда их на вооружении не было. Лица японцев заметно побледнели. «Машину!» — приказал майор Радужанов, вскочив со своего места.

К хибаре вскоре подъехал грузовик, мы взобрались в него, японцы прихватили всё тот же бамбуковый шест с белой простынёй. И машина рванулась по серпантину дороги вверх на плато. И вот перед нами — плато, ровное, привольное. Японцы показывают влево —

там строчили автоматные очереди. Машина летела на всей скорости. Впереди — сооружение, похожее на овощехранилище, над землёй возвышается лишь крыша с вентиляционными трубами и оконными створками. По опыту знаем, что это казарма, такие мы видели на всех островах Курильской гряды. У неё два выхода — в торцах строения.

Машина резко тормозит у самого входа с западной стороны. К двери ведёт траншея в рост человека, а в ней просматривается каска нашего солдата. Рядом, на бруствере траншеи, видна куча японских винтовок, знаменитых «арисак». Спрыгиваем, бежим к солдату. Ясно — это наш разведчик из группы, что послана прочёсывать плато.

— В чём дело? — спрашивает майор Радужанов. — Почему стреляли?

— Да вот, роту японцев взяли в плен, а чтобы не шебаршили, дали для острастки несколько очередей в воздух.

Оказалось, что разведчики наткнулись на японскую казарму, закупорили оба выхода из неё. Приказали японцам сложить оружие. Те по очереди сдали винтовки, теперь лежавшие у обоих концов казармы. Но меня поразило другое: когда я взял одну из «арисак», то увидел, что у неё нет затвора, а патронник оказался забит землёй.

— Вы это сделали?

— А кто же? Лейтенант приказал.

По решению майора Радужанова разведчиков забрали в машину, сюда же погрузили японские винтовки и благополучно вернулись на берег. Японская рота осталась без оружия.

Вечерние сумерки уже окутали море, когда мы вернулись в хибару. К этому времени сюда приехал представитель командования гарнизона с картами острова. Именно этого мы добивались у японцев, пока шли переговоры. Мы пригласили в мотобот майора Тарасова, командира аэродромного батальона, а также капитана, привезшего карты, и затемно вернулись на корабль. Нас пригласили на ужин (далее утрачены четыре страницы рукописного текста. — *А. П.*)...

Солдат увели, на бетоне аэродрома осталась лишь длинная чёрная полоса трофейного оружия.

Но операция, оказывается, только начиналась. Как выяснилось, командующий гарнизоном не желает устанавливать контакты с советским командованием. Где он — никому не известно. Снова наш командующий вызывает парламентёров.

Договорились, что ночью нас перебросят десантной японской баржой на тридцать километров к югу, в бухту Мисима. С нами будет новый японский переводчик. Через него нам предстоит узнать пути и, в конце концов, проникнуть к командующему гарнизоном и передать ему ультиматум советского командования. Руководить группой вновь будет майор Радужанов, замечательный советский офицер.

У нас возник вопрос: почему северная часть гарнизона сдалась, а остальная во главе со штабом главнокомандующего избегает контактов с советским командованием? «Не иначе, как хотят смотаться в Японию, до дома, — высказал предположение один из офицеров оперативного отдела нашего штаба. — Посудите сами: гарнизон готов к "перемирию", его северная группа сложила оружие, а вот командующий со своим штабом чего-то крутит... Не иначе, как у них существует тайный план...»

Над этим нельзя было не задуматься. Тем не менее, приказ есть приказ: в ночь отправиться в бухту Ивами.

Вечером 1 сентября море сильно штормило. Мы погрузились в открытую японскую самоходную баржу уже затемно. Наши солдаты называли эти баржи «халактырками». Не знаю, кто придумал эту версию, а может быть, факт существовал на самом деле, но легенда выглядела так. На каждом острове Курильской гряды в действительности были баржи. Они брали, наверное, человек сто. Открытые, без навеса. Впереди — высокий плоский щит, который отпускается, когда баржа подходит к берегу, и превращается в сходню. Несколько севернее Петропавловска-Камчатского находится большой великолепный песчаный пляж, называющийся Халактырским. Говорят, что эти баржи были предназначены для высадки здесь японского десанта. Отсюда название баржи — «халактырка».

В «корыте» баржи — взвод солдат и те, кого они сопровождают: четверо парламентёров и японский переводчик, его мы звали Киёси-сан. Удивительный и интересный этот человек. Невысок, строен, атлетически сложен. Лицо — красивое, правильное, почти юношеское; улыбчивый и эмоциональный. Шутит кто-нибудь — он смеётся, весело и искренне. Серьёзный разговор — Киёси-сан весь внимание. Умён, чуток ко всему, к любому жесту и движению. Форма ефрейтора на нём сидит несколько неуклюже. Грубошерстный костюм ещё не облёг плечи и всей фигуры, видимо, надел его Киёси-сан совсем недавно.

Гадаем мы меж собой: наверное, разведчик. С каждым из нас он запанибрата. А между тем среди нас нет офицера со званием ниже

старшего лейтенанта. В японской армии тогда существовала строжайшая субординация — беспрекословное, рабское подчинение младшего старшему. Киёси-сан не придерживается этого правила. Наш вывод: мы имеем дело с опытным, умным и хитрым японским разведчиком, великолепно понимающим нас. По-русски он говорит почти безупречно, только не произносит звука «л», он получается у Киёси-сан во всех случаях как «р».

По штормующему морю в кромешной темноте баржа шла часа два. Как её вёл японский шкипер — не могу понять, вероятно, по компасу. Чернота, шум моря, никаких ориентиров. И вдруг — берег! Скрипит сходня, команда — сходи! Ночь скоротали на берегу, улеглись, как могли, ногами к прибою, в изголовье — каска.

Наступило утро. Едва размяли ноги и тело, как Киёси-сан тут как тут. Мы у подножия высоченной сопки — вулкана. Тут же крупный посёлок, казармы. Грузовик подан. Впятером садимся в кузов. Дорога уходит на юг, вдоль берега моря. Километрах в трёх поворачивает вглубь острова, по долине небольшой речки, огибающей вулкан. Грузовик бежит по насыпному, хорошо укатанному шоссе, вырезанному в склоне вулкана. В грохоте машины не разговариваем, бесполезно. Вдруг машина тормозит возле небольшого распадка, там виден домик. Весёлая команда Киёси-сан: «Выходи! Приехари!»

Сходим. Киёси-сан ведёт нас в домик. У порога встречает симпатичный, с тёмными глазами, стройный офицер с нашивками капитана. «Тадокаро, — представляется он очень скромно, по-русски. — Прошу в гости».

Заходим в небольшую комнатушку с каном — дощатым настилом вдоль комнаты, наподобие русских нар. У окна — маленький столик, на нём большая бутылка — «бим» — саке, японской рисовой водки. «Прошу отведать», — гостеприимно приглашает капитан Тадокаро. Он разливает саке по чайным чашкам. Мы, парламентёры, приглядываемся: пить или не пить? Первыми опрокидывают чашки капитан Тадокаро и Киёси-сан. Пьём и мы. Начинается обычная мужская беседа, о том о сём.

— Жаль, — говорит на чисто русском языке капитан Тадокаро. — Ушла увеселительная яхта...

— Что это такое?

— О! Девушьки!

— Плавучий бардак?

— Он самый, — смеётся капитан Тадокаро.

И мы услышали историю о том, как все островные гарнизоны Курильской гряды «обслуживала» эта «увеселительная яхта».

Посматриваем на часы. Японцы замечают этот жест. Время уже идёт к трём часам дня. «Скоро, скоро», — успокаивает нас Киёси-сан.

И вот машина уже гудит рядом. Снова садимся в кузов. Грузовик мчит нас дальше по дороге. У одного из глухих распадков, спускающихся со склона вулкана, она резко затормаживает. «Позарусто, — приглашает Киёси-сан. — Дальше пойдём песком».

По дну распадка, окружённого густым лесом, тянется бетонированная тропа. Она уходит вверх по склону вулкана. В лесу духота. Жарко. Мы в шинелях и касках. У каждого возле поясного ремня под кителем, на крючках, замаскированы гранаты-лимонки. Все мы при пистолетах. Во внутреннем кармане кителя — ещё и запасной браунинг или парабеллум. На всякий случай.

Тропа оказалась довольно длинной — километра два. Но вот лес поредел, справа показался сарай из жердей, обложенный с трёх сторон сеном. Неожиданно в полумраке сарая вдруг увидели двух красивейших лошадей — чистокровные «англичане». Впереди, на склоне откоса, — всё то же пресловутое казарменное сооружение, похожее на овощехранилище. «Позарусто, стойте. Пропуск нужен». Стоим четверть часа, любуемся лошадьми. Наконец, Киёси-сан возвращается. Спрашиваю — зачем здесь лошади? «Господина генерара ездить к шоссе. Позарусто, пойдём».

В помещении — полумрак, проходим узкий коридор, какой-то зал со створчатыми окнами в потолке, опять узкий коридор. Нигде ни души. «Позарусто, здесь ждать», — с этими словами Киёси-сан открывает слева дверь, и мы оказываемся в маленькой полутёмной комнатушке с низким потолком, нарами и чугунной печуркой. В потолке — небольшое оконце. Киёси-сан закрывает за нами дверь. Мы остаёмся одни, устало садимся на нары.

— Говорить только шёпотом, — еле слышно приказывает майор Радужанов.

— Карцер? — спрашиваю его тихо.

— Похоже.

Молчим, думаем каждый о своём. Что за «крутиловка»? Зачем все эти таинства? Мысль о том, что нам устроили ловушку, не вяжется с логикой главных событий. Да, мы ещё не знаем, сколько войск на острове. Сам факт, что пять тысяч солдат сложили оружие, говорит о том, что война окончена. Почему же тогда командующий гарнизоном вместе со своим штабом не идёт с нами на контакт? И где его штаб — здесь или в другом месте?

Вывод напрашивался один: видимо, он чего-то ждёт, возможно, его должны вывезти свои каким-то способом. А возможно, он вошёл

в контакт с американцами? Не случайно 5-й флот на протяжении всей нашей Курильской операции маячил по линии горизонта в Тихом океане.

Смотрим на часы — сидим уже двадцать минут. В коридоре послышались шаги. Дверь отворилась и перед нами — солдат с подносом, на нём две бутылки и четыре стакана. Он молча ставит поднос на нары, разливает содержимое в стаканы — шипучее, с запахом лимонада. Пить или не пить? Радужанов протягивает стакан солдату. Тот ничего не понимает. «Дозо, дозо мизо (пожалуйста, воды)», — говорит майор. Солдат понял, улыбнулся, отпил немного, вернул стакан Радужанову. Мы выпили.

Едва в коридоре утихли шаги солдата, как послышался громкий топот, дверь широко распахнулась, и мы увидели в проёме высокую фигуру седого, наголо стриженного богатыря с типичным монгольским лицом, будто вытесанным из бурого камня. На красных петлицах кителя — по одной золотистой звёздочке. Ясно, генерал-майор. Мы вскочили, взяли под козырёк — таков обязательный ритуал, принятый у парламентёров. Из-за генерала вынырнул «наш» Киёси-сан, объявил: «Генерара-майора Нихо Сусуми!»

Тот молча пожал нам руки, сказал «Охайо» (добрый день) и слега кивнул головой. Майор Радужанов выхватил из-за пазухи шинели конверт и эффектным жестом протянул его генералу. Генерал спокойно вскрыл конверт, пробежал глазами по листу бумаги, передал кому-то сзади. «Господина генерара просит вас к стору», — объявил нам Киёси-сан.

Вскоре мы уже усаживались в зале, который проходили только что. Помещение преобразилось: во всю длину зала — стол, застланный солдатскими простынями и заставленный едой и бутылками. Все места уже заняты японскими офицерами в звании не ниже капитана. Наши четыре табуретки оказались напротив высокого кресла генерала. Оно приподнято так высоко, что колени генерала упираются в край стола. Видимо, в этом состоял какой-то особый ритуал.

Обед, как пишут журналисты, «прошёл в дружеской обстановке и взаимопонимании». Когда было уже достаточно выпито и съедено, я обращаюсь к переводчику:

— Киёси-сан, спросите, пожалуйста, господина генерала, знает ли он и любит ли русскую литературу?

Тот перевёл генералу содержание вопроса. Время идёт, а генерал не отвечает. Напоминаю переводчику.

— Господина генерара думает, — глубокомысленно замечает Киёси-сан.

Время идёт. Снова напоминаю. Снова тот же ответ. Наконец:

— Господина капитана, господина генерара сказара: рюбит, знает, не очень.

Да, наверное, точнее и короче не скажешь.

Перед нашим отъездом майору Радужанову вручили пакет. Что в нём, мы не знаем. Через час мы уже были у себя, на флагманском судне. Там нас заждались — шёл уже шестой час вечера. Командующий спокойно вскрывает пакет, быстро пробегает глазами два листа бумаги, написанных по-русски и по-японски. «Всё, капитулирует! — объявляет он. — Скоро явится собственной персоной».

И действительно, не прошло и получаса, как мы увидели в море «халактырку», идущую прямым курсом к нашему судну. Наши матросы выбрасывают парадный трап. Видим: баржа пуста, только в самой её середине сидит седой человек в кресле — генерал-майор Нихо Сусуми. Возле шкиперской рубки маячит одинокая фигура офицера. «Халактырка» точно подруливает к парадному трапу. Офицер подходит к генералу, принимает плащ-накидку и прикалывает к кителю огромную пластину с орденскими колодками, рядов в восемь.

Теперь генерал Нихо Сусуми во всём параде. Слева посеребренная сабля, справа пистолет, на сапогах надраенные шпоры, на груди — награды и знаки. Он спокойно, выпрямив спину, медленно поднимается по парадному трапу на корабль, ни на кого не глядя. Его встречает наш генерал. Сзади выстроилась шеренга штабных офицеров.

Нихо Сусуми с тем же холодным спокойствием отстёгивает саблю, пистолет, берёт их в ладони как на поднос и молча, с глубоким поклоном подаёт нашему генералу. Тот принимает оружие на ладони, смотрит прямо в глаза японцу, говорит: «Спасибо, господин генерал, за благоразумный поступок. Я надеюсь, что это оружие никогда больше не скрестится с нашим. Я возвращаю его вам в полной уверенности в своих словах. Пожалуйста!» И генерал подаёт саблю и пистолет обратно японскому командующему. Тот с земным поклоном принимает оружие и вновь пристёгивает к ремням. Такова была процедура, прописанная в наших условиях капитуляции. «А теперь прошу вас отобедать с нами», — пригласил командующий, вежливо склонив голову.

Назавтра утром, 3 сентября, мы узнали ещё более радостную весть: объявлен день победы над японским милитаризмом! И в этот день последний раз отгремели над морем залпы из всех видов корабельного оружия. Но это уже были залпы салюта — залпы, возвещающие мир.

Л. Н. Дюкарева

Некоторые сведения об участии в Курильском десанте воинов-пограничников

Воины-пограничники участвовали в боях в составе передового отряда десанта (группа захвата плацдарма) как сводная рота. Она была сформирована в основном из офицеров штаба и бойцов оперативного резерва 60-го морского пограничного отряда. В её состав были включены офицеры и бойцы различных пограничных комендатур и застав: лейтенант В. Е. Зимовец (комендатура «Тиличики»), лейтенант А. Г. Вилюга (застава «Медный»), лейтенант П. С. Трухачёв (комендатура «Усть-Камчатск»), капитан А. М. Косолапков (комендатура «Провидение»), старшина С. Е. Олейник, младший сержант В. П. Еремин, ефрейтор В. С. Колмогоров и красноармеец К. Кудайбергенов (застава «Лопатка»).

Командиром роты назначили капитана Ф. В. Кожевникова, но ещё до высадки десанта его переместили на другую должность, а роту возглавил и командовал ею до завершения операции капитан Н. И. Лашманов. Его заместителем по политчасти был старший инструктор политотдела капитан А. А. Бугров, парторгом стал капитан А. М. Косолапков, комсоргом — сержант, командир стрелкового подразделения Н. М. Голошумов.

Следует отметить интересную, героическую и трагическую судьбу капитана А. А. Бугрова. В политотделе морпогранотряда в ходе подготовки десанта работа кипела сутками, домой возвращались обычно глубокой ночью. Тщательно изучали личные данные, подбирали командиров и бойцов будущего десанта. Среди тех, кто готовил десант, был и капитан Бугров. Произошёл такой случай. Одну из групп должен был возглавить офицер Т. Но он сказал, что его жена ждёт ребёнка, и командование освободило его от участия в десанте. Вместо него, несмотря на многочисленную семью, попросился капитан Бугров. В критический момент боя за остров Шумшу он показал себя настоящим героем. Организовав бойцов, восемь раз поднимал их в атаку на штурм высоты 171,0. Был тяжело ранен, но всё пытался ползти в сторону высоты. В последней атаке — девятой погиб. Когда героя нашли, то не смогли, рассказывали очевидцы, сразу оторвать его от земли. Он словно сросся

с ней, его руки чуть не по локоть ушли в разрытый гусеницами танков грунт...

Пограничники при высадке десанта действовали отважно. В их числе можно назвать командира отделения разведки сводной роты сержанта С. И. Корнюхина и комсорга Н. М. Голошумова. Храбро действовал при подавлении японского орудия в ущелье на мысе Кокутан-Саки раненый пограничник К. С. Мостовский. Старший матрос-пограничник Н. Е. Мусорин, радист-корректировщик сторожевого корабля «Дзержинский», один из всех связистов, добравшихся вплавь до берега, сумел сохранить свою рацию сухой. Позднее он рассказывал: «Я знал, что наши радиостанции боятся морской воды, и решил во что бы то ни стало сохранить свою. Набрав в лёгкие воздуха, я оттолкнулся от трапа и, держа над головой свой груз, пошёл под водой по каменистому грунту в направлении берега. Запаса воздуха хватило ненадолго, появились головокружение и звон в ушах. Короткие секунды казались вечностью. Мучительно хотелось оттолкнуться от грунта и всплыть, но я боялся подмочить рацию и сделал ещё несколько шагов».

Эта рация позволила командиру передового отряда майору П. И. Шутову доложить командующему операцией А. Р. Гнечко: «Ближайшая задача выполнена. Атакую высоту 171,0. Прошу огня. Передаю координаты...»

На одном из участков при штурме высот 165,0 и 171,0 группа пограничников под командованием капитана Лашманова обнаружила японскую миномётную батарею, обстреливавшую наши боевые порядки. Подкравшись к батарее с разных сторон, пограничники забросали самураев гранатами и с криками «Ура!» ворвались в расположение противника. Кинувшихся было назад японцев встретила огнём группа пограничников во главе со старшиной Н. Н. Карповым, заранее посланная в тыл. Деморализованные самураи, потеряв насколько человек убитыми и ранеными, подняли руки. Два исправных миномёта стали посылать мины по своим прежним хозяевам.

В этом же бою проявил отвагу и сноровку пулемётчик младший сержант С. Е. Карев. Выполняя приказ командира, он уничтожил расчёт японского орудия, а затем — огневую точку врага, сильно мешавшую продвижению их взвода. Обнаружив дзот, он вплотную подполз к нему, но гранат у бойца не было. Отважный воин нашёл выход: осторожно подкатил к амбразуре несколько каменных глыб и завалил ими неширокое отверстие амбразуры. Японский пулемётчик, лишённый видимости, прекратил огонь. Воспользовавшись

этим, наши воины стремительно рванулись вперёд. Младший сержант С. Е. Карев был награждён медалью «За отвагу», а капитан А. А. Бугров — посмертно орденом Отечественной войны 1-й степени.

При высадке десанта и в боевых действиях на острове Шумшу геройски сражались моряки-пограничники. Большую помощь десантникам оказывали экипажи пограничного сторожевого корабля «Дзержинский» (командир капитан-лейтенант А. М. Гончаров) и «Киров» (командир капитан 3-го ранга И. Д. Сизов). Впоследствии за образцовое выполнение заданий командования указом Президиума Верховного Совета СССР эти корабли были награждены орденами Красного Знамени, 45 офицеров, старшин и матросов «Дзержинского» были отмечены высокими правительственными наградами.

Огнём своей артиллерии эти корабли не давали противнику подтягивать резервы из глубины обороны, накапливать силы у юго-восточных скатов высот 165,0 и 171,0, поражали любые цели на участках островных дорог — автомашины и прочее. На «Дзержинском» чёткими действиями отличились:

— главный боцман мичман Н. А. Брашнин;

— главные старшины батареи главного калибра В. К. Дерзенко и И. М. Трофимов;

— старшины 1-й статьи группы мотористов С. И. Жаворонкин и П. И. Зачесов;

— командир отделения электриков В. А. Панкратов;

— командир отделения сигнальщиков В. К. Мирошниченко;

— радист П. Ф. Пучков;

— командир отделения минёров старшина 2-й статьи А. А. Дурандин;

— командир отделения пулемётчиков В. А. Блинников;

— командир отделения машинистов Н. С. Котов;

— командир отделения комендоров Н. М. Сильников;

— командир отделения мотористов Л. К. Чемеленко;

— старшие и строевые краснофлотцы: комендор Т. М. Бяков, дальномерщики В. Н. Елизов и Н. П. Сорокин, сигнальщик И. С. Жуков, командир отделения пулемётчиков П. С. Селезнёв, комендор А. С. Шангреев, кок С. В. Тупицын.

Чёткую и бесперебойную работу механизмов и двигателей на «Кирове» организовал командир электромеханической группы старший техник-лейтенант Ф. Г. Кузьмин, выросший в родном экипаже от краснофлотца до офицера. Так же умело действовали на своих боевых постах:

— штурман капитан-лейтенант Н. Д. Савенко;

— командир дивизиона зенитного калибра старший лейтенант Н. П. Шеек;

— командир группы трюмных машинистов главный старшина И. С. Кокарев;

— командир отделения минёров старшина 1-й статьи И. В. Седов;

— командир группы мотористов старшина 1-й статьи В. К. Морозов;

— командир отделения дальномерщиков старшина 2-й статьи Н. Д. Ефремов;

— командир отделения комендоров, комсорг корабля старшина 2-й статьи Н. М. Титов;

— краснофлотцы: трюмный машинист Б. В. Митрошкин, моторист А. В. Токарев, электрик В. Г. Широков.

Уже когда наше командование достигло с японцами соглашения о прекращении огня и наши корабли, не подозревая о коварстве врага, вошли во Второй Курильский пролив, раздались артиллерийские выстрелы.

У сторожевого корабля «Киров» было повреждено рулевое управление. Командир капитан 3-го ранга И. Д. Сизов и его помощник штурман капитан-лейтенант Н. Д. Савенко перешли на ручное управление, продолжая уверенно маневрировать в зоне обстрела и руководить боевыми действиями. Командир артиллерийской части корабля старший лейтенант П. В. Солодов под огнём противника обеспечил успешную работу комендоров, и они вели непрерывный огонь по вражеским батареям.

Особенно чётко действовали орудийные расчёты старшины 1-й статьи П. И. Лаврентьева, старшин 2-й статьи Г. И. Ведерникова и В. А. Вершинина. Под руководством инженера-капитана И. Г. Лагоши заделывались пробоины, исправлялись вышедшие из строя механизмы, повреждения электропроводки. Чётко и слаженно обеспечивали бесперебойную работу двигателей командиры правого, левого и среднего дизелей старшина 1-й статьи Власов (он же парторг электромеханической боевой части), старшина 2-й статьи Молчанов и старший краснофлотец А. А. Григорьев.

Боевой порыв моряков-пограничников был высок. Так, на «Дзержинском» к парторгу старшему лейтенанту Кондрашову обращались с заявлениями с просьбой принять в партию. Матрос Цепелев, например, писал: «Хочу в бой идти коммунистом. Не пожалею жизни для разгрома подлых захватчиков».

Корабли «Киров» и «Дзержинский» выполняли задачу по огневой поддержке десанта, подавляли огневые точки врага, отражали

налёты вражеской авиации, помогали своим огнём десантникам, атакующим вражеские укрепления. Командир «Дзержинского» Гончаров обеспечил подавление артиллерийских батарей на танкере «Мариуполь». Когда японцы бросили против десантников танки, матрос Мусорин передал об этом по рации на сторожевой корабль, и его комендоры помогли отбить танковую атаку. Командующий операцией А. Р. Гнечко передал тогда на все корабли: «Выношу благодарность артиллеристам корабля “Дзержинский” за высокое артиллерийское мастерство при оказании помощи десанту».

В боях за остров Шумшу образцы отваги, дисциплины продемонстрировали офицеры, краснофлотцы, пограничники катеров под командованием капитана 3-го ранга Скибы.

Во время боёв за высадку самоотверженно действовали пограничные катера из отряда охранения. Командиру одного из них — ПК-8 — капитан-лейтенанту Н. Т. Федченко было приказано принять с «Дзержинского» и доставить на Шумшу 16 офицеров во главе с командиром второго эшелона десантных сил, заместителем командира 101-й стрелковой дивизии полковником П. А. Артюшиным. Выполняя эту задачу, команда катера по распоряжению полковника высадила его со всей группой на корму подходившего к берегу десантного судна. После этого ПК-8 должен был вернуться в распоряжение командира высадки, но вдруг Федченко увидел, как хорошо замаскированное вражеское орудие открыло огонь по носовой части судна, где скопились приготовившиеся к высадке десантники.

Медлить было нельзя, и командир катера принял единственно правильное решение. Катер по его команде совершил дерзкий отвлекающий манёвр. Смело рванувшись вперёд, судно приняло огонь на себя, получив ряд губительных пробоин. Было убито несколько членов экипажа, на катере возник пожар. Погасить его не было никакой возможности, возникла угроза взрыва боеприпасов. В этих условиях, выполняя приказ находившегося на катере начальника штаба дивизиона капитан-лейтенанта С. Ф. Скрябина, оставшиеся в строю катерники вместе с ранеными товарищами добрались вплавь до берега и влились в ряды десантников. А катер вскоре взорвался и затонул, погиб его командир и многие члены экипажа.

Те же, кто выбрались на берег, вытащив шестерых раненых товарищей, в том числе и Скрябина, пошли в бой. Восемь боеспособных пограничников, командование которыми взял на себя по

просьбе раненого Скрябина его заместитель по политчасти капитан Я. С. Здельман, нашли на поле боя два исправных ручных пулемёта, восемь автоматов и несколько ручных противотанковых гранат. В ходе небольшого рейда они взорвали два японских склада с боеприпасами, уничтожили трёхствольный миномёт с его расчётом. При этом особо отличились комендор коммунист М. Г. Сонин и минёр комсомолец П. В. Малышев.

Будучи обнаруженными и спасаясь от вражеского обстрела, пограничники укрылись в глубокой лощине, нашли там несколько десятков наших тяжелораненых пехотинцев и моряков. Оказав им первую помощь, они вывели их, а некоторых вынесли на берег, но там не оказалось никаких плавединиц. Сигнальщику В. С. Голенову удалось связаться по флажному семафору с «Дзержинским». Прибывшие оттуда врач и санитары приняли 82 раненых бойца. После этого оставшиеся в строю члены экипажа ПК-8 влились в состав сводной роты пограничников и сражались в её рядах до полного разгрома самураев.

В боях участвовали и авиаторы-пограничники. Их 2-й отдельный морской бомбардировочный авиационный пограничный полк выполнял специальные задания командования по разведке и атаке вражеских объектов. Большую помощь десантникам оказала и корректировочная группа полка в составе лейтенанта А. П. Харитонова и стрелков-радистов Н. С. Огуя и Н. И. Осипова, высаженная с «Дзержинского». Они обеспечивали надёжную связь не только в районе боевых действий, но и с Петропавловском.

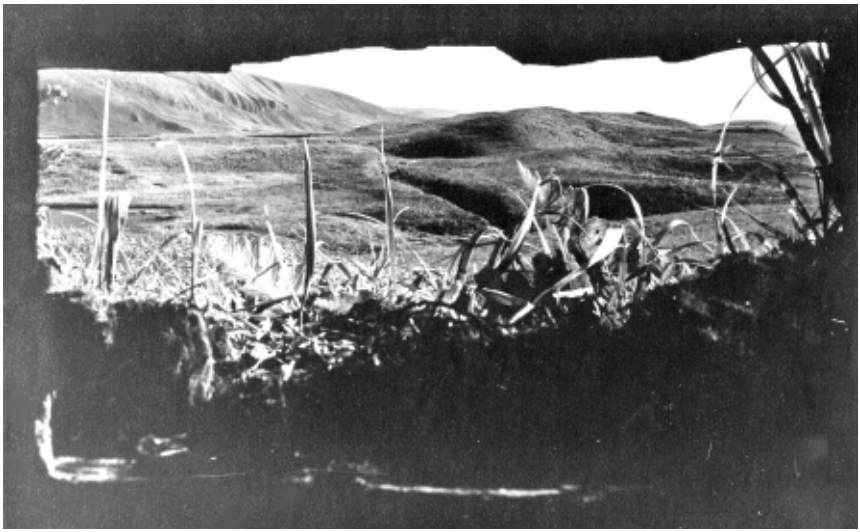
Лётно-технический и весь личный состав полка (командир подполковник В. А. Балясников, его заместитель по политчасти майор В. И. Потахин, начальник штаба майор А. П. Карягин) действовал чётко, уверенно, обеспечил выполнение боевого задания — потопил японский пароход «Косаду-мару». Он отказался следовать по указанному ему курсу, пытался вывезти с Камчатки рыбопродукцию и другие ценности. Правительственными наградами были отмечены 37 командиров, лётчиков, механиков и других специалистов. Командир полка — двумя орденами Красного Знамени, майор Потахин — орденами Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды, майор Карягин — орденами Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды.

Вот так очень коротко можно рассказать об участии пограничников в дерзком, ошеломляющем своей, где-то, возможно, даже отчаянностью, десанте по освобождению Северных Курил...

КОКМ ОФ 38059/166. Авторизованная машинопись, без даты

У братской могилы на острове Шумшу, 1970 г. Памятник установлен в 1967 г. [КОКМ НВФ 223]

Вид из амбразуры дзота, закрытого грудью П. И. Ильичёва. Фото О. М. Груздева, 1970 г. [КОКМ НВФ 2278]

Амбразура дзота, закрытая П. И. Ильичёвым, 1970 г. Возложение цветов [КОКМ НВФ 238, НВФ 264]

На месте гибели П. И. Ильичёва, остров Шумшу, 1980 г.
[КОКМ НВФ 4577, 4583; ККМГИ 18872а]

Амбразура дзота, закрытая Н. А. Вилковым. Остров Шумшу, сентябрь 1975 г. [КОКМ НВФ 1716]

Возложение венков к обелиску Н. А. Вилкова, 1970 г. [КОКМ НВФ 256]

Распорядок дня пионерского лагеря имени П. И. Ильичёва [КОКМ НВФ 2824]

Матрос поразделения, где служил П. И. Ильичёв, у памятника Н. А. Вилкову [КОКМ НВФ 259]

На праздновании 50-летия комсомола Камчатки, июль 1973 г. Живая картина «У дзота». Фото О. Дзюбы [ККОМ НВФ 1736]

Камчатская делегация у братской могилы на острове Шумшу, август 1975 г. [ККОМ НВФ 1727]

Капитан В. П. Григоренко (слева) и старшина 1-й статьи П. В. Бабич на встрече ветеранов в городе Кишинёве, 1983 г. [ККМГИ ГИ 18877]

П. В. Бабич на острове Шумшу [КОКМ НВФ 4575]

Японский танк на острове Шумшу. Фото О. М. Груздева, 1970 г. [КОКМ НВФ 2280]

ПЕРВЫЕ СООБЩЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ О КУРИЛЬСКОМ ДЕСАНТЕ

Оперативная сводка Совинформбюро за 22 августа 1945 г.

В течение 22 августа в Маньчжурии и южной части острова Сахалин наши войска продвигались вперёд по заданным направлениям.

Наши авиадесантные группы высадились в городах Дайрэн, Порт-Артур и приступили к разоружению японских гарнизонов в этих городах.

В районе южнее Камчатки наши войска высадились на острове Сюмусю (северный остров Курильской гряды). Японские войска, расположенные на этом острове, начали складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам.

За 21 августа нашими войсками взято в плен 71 000 японских солдат и офицеров, среди которых 20 генералов. В числе пленных командующий 44-й армией Квантунской армии генерал-лейтенант Хонго.

Приём капитулирующих частей и соединений Квантунской армии продолжается.

ККМГИ 5497. Камчатская правда, 23 августа 1945 г., № 168

Оперативная сводка Совинформбюро за 23 августа 1945 г.

В течение 23 августа в Маньчжурии и южной части острова Сахалин наши войска продолжали продвигаться вперёд. Войска Забайкальского фронта заняли в южной части Маньчжурии города Линьюань, Лаоян и вступили в Порт-Артур, где соединились с нашим авиадесантом.

Войска 2-го Дальневосточного фронта на острове Сахалин заняли города Мототомари, Коноторо. Южнее Камчатки войска фронта заняли острова Сюмусю, Парамушир из группы Курильских островов.

В Мукдене на аэродроме нашими войсками задержан и интернирован вместе со свитой «император» марионеточного государства Маньчжоу-Го — ставленник Японии — Пу-и.

За 22 августа нашими войсками взято в плен 35 000 японских солдат и офицеров, в том числе 15 генералов.

С 9 по 22 августа нашими войсками, по предварительным данным, захвачены следующие трофеи: самолётов — 483, танков и са-

моходных орудий — 171, полевых орудий — 642, миномётов — 298, пулемётов — 2 764, складов с боеприпасами, вооружением, снаряжением и продовольствием — 481. Приём капитулирующих японских частей и соединений продолжается.

ККМГИ 5497. Камчатская правда, 25 августа 1945 г., № 169

Оперативная сводка Совинформбюро за 26 августа 1945 г.

В течение 26 августа на Дальнем Востоке наши войска продолжали продвигаться вперёд. Войска 1-го Дальневосточного фронта в южной части острова Сахалин заняли город Рудака.

Войска 2-го Дальневосточного фронта южнее Камчатки заняли острова Онекотан, Сясикотан и Мацува из группы Курильских островов.

За 25 августа нашим войскам сдалось в плен более 35 000 японских солдат и офицеров. В числе сдавшихся в плен шесть генералов. Приём капитулирующих японских частей и соединений продолжается.

ККМГИ 5497. Камчатская правда, 28 августа 1945 г., № 171

Бессмертие

Это произошло недавно в жестоком бою за остров Сюмусю. Тогда было тихое августовское утро. Густая пелена тумана, словно гигантским занавесом, закрывала вражеские берега. На катерах шли последние приготовления к высадке десанта морской пехоты. Бойцы и офицеры ещё раз проверяли своё оружие, политработники разъясняли морякам боевую задачу.

Под прикрытием тумана катера подошли к острову. Быстро высадившись на берег, морские пехотинцы завязали ожесточённый бой. Противник яростно сопротивлялся. Перевес сил был явно на его стороне. Однако все попытки японцев отбросить десантников к морю рушились о железную стойкость моряков.

Враг не выдержал. Стремительным броском наши бойцы опрокинули сопротивление японских самураев и закрепились на подступах к господствующей высоте. Морские пехотинцы готовились к решающему штурму высоты. Вдруг из-за холма выползли вражеские танки. Они ринулись на моряков. Противник рассчитывал бронёй сломить стойкость советских бойцов. Создалось угрожающее положение. Бронированные чудовища надо было остановить любой

ценой. Наступила зловещая тишина. Лязгая гусеницами, танки приближались к рубежу, занимаемому офицером Александром Водыниным, младшим сержантом Степаном Рындиным и бойцом Михаилом Власенко. Моряки молча переглянулись.

Теперь воины ждали удобного момента, чтобы вступить в единоборство с бронированными машинами. Вот они, лежат спокойные, хладнокровные, горящие гневом к врагу — три русских моряка, беззаветно любящих свою родину, свой народ. Лейтенант Александр Водынин, не спеша, обвязался оставшимися от боя гранатами. Бойцы сразу поняли мысль офицера. Одно мгновение, и три моряка, обвязавшись гранатами, бесшумно поползли навстречу врагу. Расстояние между ними и танками быстро сокращалось. Герои молча поднялись во весь рост. Плечом к плечу, молодые, широкоплечие встали несокрушимой стеной. Их горящие ненавистью глаза впились в лязгающие гусеницы. Теперь моряки не думали о жизни и смерти, они были проникнуты одним стремлением, одной мыслью: уничтожить врага и тем самым обеспечить выполнение приказа командования. Александр Водынин сделал шаг вперёд. То же самое повторили его товарищи. «За родину, за Сталина!» — крикнули моряки и бросились под гусеницы вражеских танков.

Один за другим раздались оглушительные взрывы. Танки остановились. Вдохновлённые героическим подвигом своих товарищей, моряки рванулись вверх. Завязался ожесточённый бой. Враг безуспешно пытался приостановить горсточку морских пехотинцев. Но моряки были несокрушимы. Они мстили за погибших близких товарищей, за все злодеяния, причинённые японцами русскому народу. Самураи не выдержали стремительного удара моряков и откатились назад. Высота была занята нашими бойцами.

Три русских моряка погибли, но не пропустили врага. Умирая, они ушли в бессмертие.

Пройдут годы. Могилы японских захватчиков зарастут чертополохом, но слава о подвиге трёх моряков — беспартийного Александра Водынина и коммунистов Степана Рындина и Михаила Власенко не померкнет в веках. О них будут слагать песни, рассказывать былины. Счастливые матери своих первых сыновей назовут именами героев. Внуки и правнуки, проходя мимо могилы героев, будут снимать шапки. Каждый с гордостью скажет: «Здесь покоится прах трёх русских моряков. Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей родины!»

А. Козюлин

ККМГИ 5497. Камчатская правда, 26 августа 1945 г., № 170

А. Грачёв, Н. Иванович, Н. Лихобабин

Ворота в океан

Бастионы японской военщины. С непередаваемым ликованием и радостью встретили воины Дальнего Востока исторические слова вождя об окончании войны с Японией. Повержен последний мировой разбойник — японский империализм. Размозжена пасть хищного зверя, злобно лязгавшего зубами у границ нашей родины. Долгие годы и десятилетия жили в тревоге и беспокойстве русские люди на Амуре, в Приморье и на Камчатке. Сейчас пришёл конец этим тревогам. Глубоко запали в сердце советских патриотов слова Председателя Совета Народных Комиссаров Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина: «...Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии».

Советские патриоты с чувством горячей любви славят великого Сталина, приведшего страну к новой блестящей победе, к полному разгрому японских агрессоров. Воины Курильских соединений и кораблей безмерно гордятся тем, что им выпала честь быть участниками этой славной эпопеи, что на их долю выпала честь освобождения Курильских островов.

Восторжествовал ещё один акт справедливости — нашей родине возвращены земли, искони принадлежавшие России. Ещё в самом начале XVIII в. русские мореплаватели и землепроходцы Наседкин, Анциферов, Козыревский, Шабалин и Головнин открыли эти острова и дали им первые описания.

После того как Владимир Атласов открыл в конце XVII в. полуостров, по указу Петра I в 1702 г. на Камчатку послан был отряд служивых людей для «охраны и проведывания новых земель». Согласно этому указу, в 1704 г. камчатский приказчик Василий Колесов получил наказ пройти «в нос Камчатской земли к морю», чтобы «сметить — много ль той земли вёрст, или та Камчатская земля распространилась к иным окрестным государствам» и «проведать около той земли какие острова».

Колесов послал наряд казаков под начальством Михаила Наседкина, который в 1706 г. достиг Камчатского носа (ныне мыс Лопатка) и видел острова Курильской гряды. В своём донесении Наседкин

писал: «К носу земли нет, пришло море», но море это, в сущности, «переливы (проливы), за которыми опять значится земля». Это были первые сведения о Курильских островах.

В Якутске, получив донесение от камчатского наряда о виденных островах южнее Камчатки, вторично приказали «поделать суда, какие прилично, за переливами на море, земли и людей всякими мерами, как можно проведывать».

В 1711 г. отряд под руководством Данилы Анциферова и Козыревского на небольших лодках, обтянутых кожей, переплыл проливы и побывал на первых двух островах — Сюмусю и Парамушир. Здесь они встретили курильцев, от которых получили сведения о других островах.

В 1713 г. снаряжена была целая экспедиция «проведывания за переливами морских островов», в состав которой вошло 66 чел. служивых (стрелков) и промышленников. Во главе был поставлен Козыревский. Отряду удалось побывать на многих островах, после чего он составил первую карту всей Курильской гряды. В своём отчёте Козыревский писал, что «учинён тем островам чертёж, даже и до Матманского острова (Хоккайдо)».

В дальнейшем большую работу по описи Курильских островов проделали участники Второй Камчатской экспедиции Беринга. После экспедиции Беринга на острова стало проникать много русских с целью их освоения. В 1789 г. опись Курильских островов производил знаменитый русский мореплаватель капитан Сарычев. В 1795 г. на одном из островов была основана фактория Российско-Американской компании, которая и положила начало созданию русских поселений на Курильских островах. Хмурые, скалистые, изобилующие не только потухшими, но и действующими вулканами, Курильские острова и получили своё русское название именно потому, что они «курятся». Отважные исследователи впервые создали здесь русские поселения и организовали промыслы.

За время своего хозяйничанья на островах японцы ревностно вытравляли все русские названия, но они прочно сохраняются во всех справочниках и на всех картах мира. Названия островов, проливов, гор, мысов и бухт напоминают нам имена славных первооткрывателей — Головнина, Среднева, Сарычева, Креницина и многих других.

Гряда Курильских островов длиной в 1 270 км простирается от южной оконечности Камчатки на юго-запад к острову Хоккайдо. В гряде 36 крупных и много мелких островов, образующих естественную границу, как бы отгораживающую Охотское море от Тихого океана.

В конце прошлого столетия японские империалисты, став на путь грабежа и разбоя, завладели Курильскими островами. В течение 70 лет они воздвигали там систему сильных укреплений, которые заперли все выходы из Охотского моря в Тихий океан. На островах японцы построили доты, дзоты, установили береговые батареи, разместили сильные гарнизоны, снабжённые новейшим оружием, вплоть до танков. В результате Курильские острова, названные японцами Чи Сима («Тысяча островов»), не только закрыли путь советским судам, но и заняли определённое место в японских планах нападения на наш Дальний Восток. Достаточно сказать, что самый северный из Курильских островов — Сюмусю — расположен всего в нескольких милях от берегов Камчатки, а разделяющий пролив может быть легко перекрыт огнём современных орудий. Между островами существуют много широких и узких проливов, такие как Малый или Второй Курильский пролив, Третий Курильский пролив, пролив Надежды, пролив Дианы и многие другие. Но все они также находились под контролем японских гарнизонов, размещённых на островах.

Размером и внешней конфигурацией почти все острова различны между собою. Самый большой по размеру Итуруп. Его длина 200 и ширина 45 км. Остров Парамушир имеет свыше 100 км в длину и около 23 — в ширину. Есть такие, площадь которых немного превышает сотню квадратных километров, но каждый из них был превращён японцами в прочный бастион.

Японцы воздвигли на островах множество гранитных обелисков, на которых высекали свои разбойничьи заповеди. Эти надписи гласят: «Курильские острова — ключи к господству Японии в северных морях», в другом месте они их называли «воротами на Север». В последние годы японская военщина усиленно строила и сосредоточивала здесь многочисленные корабли и суда самых различных типов. В августовских боях наши части захватили на островах много самоходных барж, которые японцы называли «Халактырской флотилией». Этот флот предназначался для вторжения на Камчатку в районе Халактырского пляжа.

В годы Отечественной войны Япония, владея островами, держала под постоянной угрозой важнейшую коммуникацию, связывающую советский Дальний Восток с союзными государствами, а также все выходы к портам Камчатки и Чукотки. Японцы всё время мешали нашему судоходству, топили наши корабли с грузом. Понятно, что овладение сильно укреплённым островом, насыщенным долговременными огневыми сооружениями, составляло трудную задачу — для

этого потребовалось провести сложную десантную операцию. И как ни сильны были бастионы японской военщины, их упорство сломила военная доблесть Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Боевой приказ. В Н-ском порту шли приготовления к десанту. К причалам подходили всё новые колонны вооружённых людей, одетых одни в серые шинели, другие в бушлаты, из-под которых виднелась тельняшка — «морская душа». Беспрерывной вереницей двигались тягачи, таща за собой покрытые чехлами орудия, боеприпасы, снаряжение. Вместительные трюмы транспортов всё это немедленно поглощали. Где-то зазвенел баян, и бойцы пустились в лихую пляску, в другом месте затянули любимую песню моряков о гордом «Варяге». У бойцов было бодрое и приподнятое настроение. Шла погрузка на суда. На палубе крепили пушки, бойцы ударной группы в касках, с автоматами быстро рассаживались по своим местам. Этой минуты давно уже все ждали.

С началом войны с Японией перед частями 2-го Дальневосточного фронта и Тихоокеанского военно-морского флота была поставлена боевая задача — очистить Курильские острова от японских захватчиков и открыть пути в Тихий океан. Перед выполнением боевого приказа командованием предварительно была проведена большая и кропотливая работа. И вот десант в полной боевой готовности выполнить поставленную перед ним задачу.

На рассвете августовского дня десантные суда и военные корабли Тихоокеанского флота покинули свой порт. Впереди долгий путь, полный всякими неожиданностями. Свежая погода и туман не благоприятствовали переходу. Вытянувшаяся на многие мили в кильватерном строю эскадра неуклонно двигалась вперёд. На флагман беспрерывно поступали донесения о благополучном движении кораблей. Сигнальщики стояли на своих местах, зорко наблюдая за морем и воздухом. Акустики прослушивали морские глубины. Машинисты не отходили от дизелей, которые, словно часовой механизм, чеканно отбивали ход. Комендоры застыли у орудий. В любую минуту мог встретиться противник, и надо было всегда быть начеку.

Среди десантников царило воодушевление и боевой подъём. Они сосредоточенно и вдумчиво готовились к предстоящим боям. Готовили оружие, готовились сами к решительной схватке с коварным врагом — японскими самураями. Группа бойцов морской пехоты, которую возглавлял младший сержант Рындин, перед боем приняла клятву на верность своей отчизне и любимому вождю и полко-

водцу товарищу Сталину. Степан Рындин достал из кармана портрет товарища Сталина и на обороте его с волнением карандашом вывел слова: «Родина-мать, дорогой товарищ Сталин! Мы идём в бой во имя нашей победы и счастья своего народа. В бою мы не посрамим славы русского оружия и до конца выполним свой воинский долг. Мы отдадим все силы, а если потребуется — и жизнь свою на благо любимой родины». Каждый боец скрепил своей подписью священную клятву, каждый с гордым чувством ещё и ещё раз перечитывал её слова.

К парторгу т. Быкасову подходили бойцы и офицеры с заявлениями, в которых они просили партийную организацию принять их в ряды большевистской партии. Краснофлотцы Иванов, Дорота, Гаврилин и многие другие подали в этот день заявления. Они были написаны разными людьми и по-разному. Но смысл их сводился к одному: «Хочу идти в бой коммунистом. Это высокое звание я оправдаю с честью в боях против подлых японских захватчиков». Идти в бой коммунистом бойцы считали за самую высокую честь. В этом общем стремлении выражена любовь к великой партии Ленина — Сталина, горячий патриотизм верных сынов родины.

Ещё накануне в кубриках состоялись митинги личного состава морской пехоты. Бойцы выступали с взволнованными речами, выражая свою готовность и решительность драться против японского агрессора до полной победы. На митинге бойцов подразделения выступил старшина 1-й статьи Николай Вилков. Он сказал: «Родина и командование возложили на нас большую и почётную задачу. Мы идём в бой, чтобы добить фашистского зверя на Востоке. У каждого человека есть чувство страха, но каждый в силах побороть его. Ибо выше всех человеческих чувств является наш воинский долг, наша любовь к родине, стремление к боевому успеху. Во имя победы над врагом мы, не задумываясь, отдадим свою жизнь!» Слова старшины покрылись могучим русским «Ура!» и приветственными возгласами в честь великого полководца Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина.

...Корабли приближались к намеченной цели. В предрассветной мгле они подходили к указанному пункту точно в назначенные час и минуту. Бойцы выходили на верхнюю палубу, полной грудью вдыхали влажный морской воздух. Где-то здесь поблизости должен быть вражеский берег. Вдруг темноту молнией прорезали отблески орудийных залпов. Это артиллеристы старшего лейтенанта Соколюка начали обработку вражеского мыса — одного из сильнейших

участков обороны противника. Батареи сосредоточенно вели огонь по этому месту.

Японцы хранили гробовое молчание. Ни одним звуком, ни движением они не выдавали своего присутствия. Коварный враг притаился. Но вот грохот залпов так же резко оборвался, как и был начат. Это была военная хитрость — короткие артиллерийские налёты совершали моряки систематически через определённые промежутки времени.

И если японское командование могло предполагать о высадке наших войск, то уже во всяком случае оно не ожидало именно в тот час и в том месте, где наши войска наметили удар. На кораблях наступила напряжённая тишина. Вслед за условным сигналом флагмана последовала команда «все вдруг», и десантные суда, свернув под прямым углом, на полном ходу устремились к вражескому берегу.

Бой за плацдарм. Десятки небольших десантных судов, сдерживая стремительный свой ход, одновременно уткнулись носом в отлогий берег. Стоявшие наготове ударные группы по спущенным трапам быстро сходили на берег и устремлялись вглубь острова. Всюду царила тишина. Враг ещё не подозревал о грозящей ему опасности. Но вот десантники с ходу перемахнули прибрежную линию укреплений противника. Длинная очередь автомата нарушила спокойствие, и вдруг по всему берегу одновременно в бешеном клёкоте заговорили разом сотни автоматов и пулемётов.

В туманной предутренней мгле на диком и пустынном острове завязалась ожесточённая схватка небольшого отряда десантников морской пехоты с врагом, засевшим в глубоких норах — траншеях. Мелкие группы десантников впивались в японскую оборону, не оглядываясь, шли вперёд.

Море билось о берег. Новые и новые суда подходили к побережью острова. Оправившийся от неожиданного удара, враг открыл по второму эшелону ожесточённый огонь из пулемётов, миномётов, орудий. Преодолевая огневую завесу, бойцы стремительно соскакивали на землю. Они торопились скорее соединиться с ушедшими вперёд подразделениями.

На одном десантном судне от прямого попадания вражеского снаряда вспыхнул пожар. Десантники, минуя трап, бросились через борт. Они плыли и брели по горло в воде к берегу. Солёные брызги, разбрасываемые разрывами снарядов, больно ударяли в лицо, холодная вода обжигала тело. Бойцы с тяжёлой ношей за плеча-

ми, как только под ногами ощущали твёрдую землю, в едином порыве рвались вперёд и немедленно вступали в бой.

Вот она, берлога врага!

Ударные десантные группы под командованием майора Почтарёва и майора Шутова устремились в направлениях, заранее намеченных нашим командованием. Мокрая одежда мешала быстрому движению бойцов. Они сбрасывали с себя бушлаты, шинели, всё, что казалось лишним, и шли к намеченной цели, обвешанные дисками от автоматов и ручными гранатами. Морская пехота майора Почтарёва шла впереди, ломая сопротивление противника. Группы возглавлялись инициативными, бесстрашными сержантами и офицерами, готовыми на любые самоотверженные поступки ради выполнения боевой задачи.

Из дота, что был невдалеке на пригорке, по наступающим ударил пулемёт. Местность вокруг простреливалась кинжальным огнём. Цепь залегла. Но нельзя было медлить ни одной минуты. Тогда краснофлотец Верещагин вызвался подавить огневую точку противника. Взяв две гранаты, он ползком двинулся вперёд. Через какой-то промежуток времени послышался оглушительный взрыв, на вершине вражеского дота показалась высокая фигура в морском бушлате. Это был Верещагин. Взмахом руки он показал, что путь открыт.

Моряки врывались в траншеи, проникали в землянки, взрывами гранат прокладывали себе дорогу в дзоты и доты, уничтожая засевших там самураев. Группа моряков во главе с лейтенантом Стрельцовым со всех сторон окружила траншею, в которой укрылись японские солдаты и офицер. Наши бойцы короткими очередями из автомата прочесали все подходы к траншее. Видя безвыходность дальнейшего сопротивления, самураи сдались в плен. Насмерть перепуганный японский офицер извлёк из кобуры пистолет и отстегнул шашку. Дрожащими руками он передал свои военные доспехи лейтенанту. С каким отвращением смотрели наши бойцы на этих трусливых вояк. Где их хвалёный «самурайский дух»?

На каждом шагу наступающих встречались доты и дзоты, откуда японцы вели яростный огонь из пулемётов. Всё пространство перекрывалось огнём в несколько слоёв. Краснофлотцы смело шли на штурм и уничтожали их. Михаил Рощин подобрался к одному из дотов, забросал его гранатами и заставил замолчать находящийся в нём пулемёт. Краснофлотец Щепин завалил камнями амбразуру другого дота и тем самым обеспечил продвижение вперёд наступающих. Старший лейтенант Васин лёг за пулемёт, расчёт

которого вышел из строя, и в упор расстрелял две огневые точки японцев. Затем поднял в атаку моряков и вышел на северный скат важной высоты. В разгар боя краснофлотец Волченко при разрыве вражеской мины своим телом прикрыл командира взвода и спас ему жизнь.

Бой разгорался на ближних дистанциях, переходя в рукопашные схватки. И всюду бойцы и офицеры морской пехоты, шедшие впереди, показывали своё превосходство над противником в доблести, мужестве, находчивости и боевом умении.

...А в это время на берегу, там, где высаживались новые подразделения десантников, разгорелось сражение. Японцы всё яростнее усиливали огонь. Со всех десантных судов последовали ответные залпы. Горящие ленты трассирующих пуль радугой повисли в воздухе. Они указывали цели для наших артиллеристов. Грянул сокрушительный залп с кораблей — это комендоры офицеров Моисеенко и Сизова в упор громили вражеские огневые точки.

На берегу бушевал ураган. Рвущиеся снаряды поднимали на воздух технику врага, разносили в клочья самурайские гнёзда. Особенно сильный артиллерийский огонь на берегу японцы вели с флангов. С правой стороны била вражеская батарея. Слева — на полузатонувшем заброшенном судне — японцы замаскировали мощные орудия, которые держали под перекрёстным огнём северную и восточную часть берега. Немедленно сюда перенесли наши корабли, как говорят бойцы, свой чудесный артиллерийский огонёк. И после первых ударов там, где стояло полузатонувшее судно, вспыхнуло зарево пожара, а затем раздался оглушительный взрыв. Теперь японцы вели огонь из одиночных уцелевших бетонированных подземелий. Но их с каждой минутой становилось всё меньше. Артиллерия в упор расстреливала амбразуры дотов и дзотов, бойцы гранатами забрасывали вражеские огневые точки. Берег очищен от врага. Плацдарм завоёван.

Это было уже утром. Оно наступило незаметно. Розовая кромка окаймила небо над морем. Из мрака выступили очертания холмистой земли, и с берега можно было видеть, как далеко в глубине острова рвутся снаряды, движутся вперёд цепи — то дрался десант, цепко ухватившийся за захваченные им рубежи.

Сквозь огонь. Утром шёл жаркий бой. В условиях средней видимости вражеские батареи с мыса Кокутан, что находится на правом фланге наших войск, и с высоты, находящейся на нашем левом фланге, усилили перекрёстный артиллерийский огонь по десантным судам. Опомнившийся враг решил всеми средствами

воспрепятствовать высадке на остров нового десанта советских войск, а тем временем контратаковать десантников, уже находившихся на острове, и сбросить их в море.

В этот момент самураи имели много преимуществ. Их артиллерийские позиции были расположены глубоко под землёй и вели огонь через узкие амбразуры по ранее пристрелянной местности. Между их батареями, как потом выяснилось, были устроены ходы сообщения, лисьи норы. Для каждой амбразуры японцы имели по три-четыре запасных орудия. Если наш снаряд уничтожал одно орудие, они выкатывали на его место второе и продолжали вести огонь. Для успешного развития операции командование поставило задачу быстро наращивать силы на острове и одновременно подавить вражеские батареи. Всё время, когда происходила высадка, орудия всех наших кораблей вели ураганный огонь по вражеским батареям.

...От экипажей десантных судов, высаживающих войска под непрерывным огнём врага, требовалось не только мастерское умение водить суда в сложных условиях боя, но и мужественно, бесстрашно отражать огонь врага, смело подходить к берегу и производить высадку войск. В этих условиях многие экипажи проявили непревзойдённую храбрость, достойную советских моряков-героев. Особенно хорошо действовали суда командиров тт. Чернокова, Сухурова, Алексанова, Грицака, Яструба.

Никогда не сгладится в памяти героизм экипажа десантного судна № 672. Высадив первый десант, корабль быстро принял с транспорта новый и устремился к берегу. На подходе к берегу он попал в зону артиллерийского огня японцев. Почти одновременно на корабле разорвалось четыре вражеских снаряда, возник пожар. В эту минуту личный состав работал как никогда чётко и слаженно. Находящиеся на судне десантники бросились тушить пожар. Появились раненые. Лейтенант Пермяков, увидев, что огонь подбирается к снарядам, бросился к противопожарным шлангам, но они оказались перебитыми. Тогда он, рискуя жизнью, своим телом прикрыл снаряды и, несмотря на ожоги, стал выкатывать их из опасного места. Так, борясь с огнём под взрывами вражеских снарядов, экипаж корабля до конца выполнил боевую задачу. И когда судно потеряло управление, а течением стало нести его на батарею врага, экипаж поклялся не покидать корабля и полностью потушить пожар.

На судне № 943 во время высадки десанта также возник пожар, но экипаж продолжал выполнять боевое задание. Краснофлотец Андрущук стоял у крупнокалиберного пулемёта, когда огонь стал

подбираться к его боевому посту. Герой, не обращая внимания на пламя, продолжал вести непрерывный огонь по вражеским батареям, стреляя трассирующими пулями. Тем самым он указывал цель нашим кораблям прикрытия.

Отлично действовал экипаж судна командира Александра Грицака. Он одним из первых подошёл к берегу и начал высадку бойцов. Закончив эту операцию, он немедленно отправился за новым десантом. Во время второго подхода к берегу в судно попали три снаряда. Однако чёткий ритм боевой работы экипажа не был нарушен. Корабль высадил воинов и приступил к выполнению нового боевого задания.

Так героические экипажи десантных судов, наперекор всем попыткам врага помешать высадке десанта, своей непреклонной большевистской волей сорвали замысел самураев и обеспечили планомерное накопление войск на отвоёванном плацдарме. Получая непрерывное подкрепление, наши десантники смогли начать штурм главных позиций врага на острове Сюмусю.

Штурм высоты. Первая линия обороны японцев смята, уничтожена. Между передним краем десантников и морем, где происходила высадка, было уже несколько километров. Эта полоска земли недёшево далась — японцы зубами держались за берег острова. Преодолев многочисленные полевые и железобетонные укрепления, мощные противотанковые рвы, в несколько линий опоясывавшие прибрежный район, десантники вышли на простор. Впереди виднелись новые доты и новые рубежи. Но несколько километров, пройденные с боем, были уже могучей опорой для людей, готовых умереть за каждый шаг отбитой у врага земли.

Они шли напрямик к дороге, змейкой извивавшейся по холмам. Коряжистый кустарник, низко стлавшийся по земле, связывал движение. Под ногами жёстко шуршала загрубевшая трава. Карликовая растительность острова не могла скрыть от глаз наших бойцов передвижения японских войск. По всему видно было, что они спешно стягивают подкрепления для защиты высоты. А к ней-то моряки как раз и двигались. «Что ж, чем больше будет японцев на высоте, тем лучше. Скорее с ними произведём расчёт, — заключил моряк. — Издревле повелось, что русский воин не считает врагов, а находит и бьёт их».

На пути наступающих встретились огороды, а в низине широкого оврага — строения. Ещё несколько минут тому назад тут размещался один из отрядов многочисленного гарнизона острова. Казармы и другие постройки были врыты в землю. На поверх-

ность выходили лишь одни крыши, выложенные плотным слоем дёрна. В казармах пусто. Как видно, самураи бежали отсюда спешно и не по доброй воле. В офицерской комнатке на фанерном столике остались чашки с горячим кофе, дымились недокуренные сигареты. На циновках в беспорядке разбросаны сапоги, брюки, офицерские мундиры со всеми регалиями — орденами, медалями, аксельбантами. Тут же лежали самурайский меч, пистолеты и... коллекция фотографий гейш местного публичного дома. Видно, не вовремя подняли наши бойцы господ офицеров, которые не успели даже принять утренний кофе.

На противоположном склоне оврага, низко склонившись на руль, во весь дух мчался велосипедист. Он был в одном нижнем белье. Но ему не удалось добраться туда, куда он хотел. Автоматная очередь сократила его путь. Незадачливый велосипедист сделал преждевременную и последнюю остановку у обочины шоссейной дороги.

Не задерживаясь, моряки двинулись дальше. Они подошли к высоте и стали обтекать её с трёх сторон. Высота была сильнейшим узлом обороны японцев. Это — ключевая позиция к господству над островом. На её подступах и скатах японцы оборудовали исключительно мощные, современные укрепления. Высота опоясана окопами, траншеями, всюду видны орудийные дворики, пулемётные гнёзда, одиночные ячейки, ходы сообщения. На каждом шагу встречались амбразуры дотов. Их железобетонные стенки достигали двух метров толщины. Огромные подземелья связывали туннели, насквозь проходящие под сопкой. На скатах японцы установили батареи, среди которых были крупного калибра. На вершине высоты установлена мощная радиолокаторная станция. Здесь же находился главный командный пункт.

Противник готовился к защите, он всеми силами и средствами, любой ценой стремился удержать высоту в своих руках. Но нет крепостей, перед которыми остановился бы советский воин. Над полем неожиданно послышался оглушительный свист. Он пронёсся по цепи из одного конца в другой. Затем раздался громовой возглас «Полундра!», и моряки, поднявшись во весь рост, устремились на штурм высоты.

Коммунисты вышли вперёд. Верные сыны великой партии Ленина — Сталина примером воодушевляли воинов на подвиги и победу. Кандидат партии Чурбанов, выдвинувшись со своим пулемётом вперёд, в упор расстреливал врага. В разгар боя в другом пулемётном расчёте остался в живых один коммунист Атаманенко,

его пулемёт продвигался вслед за цепью и метким огнём поддерживал наступающих.

Японцы стали поспешно подтягивать новые подкрепления. По дороге, огибающей высоту, показались грузовики с пехотой. Две машины приближались к тому месту, где, искусно замаскировавшись, лежал пулемётчик Гаврилин. Подпустив машины на близкое расстояние, Гаврилин скосил несколько десятков вражеских солдат и офицеров.

На всех участках бой принимал ожесточённый характер. Японцы из всех огневых средств вели бешеный огонь по нашим бойцам. Но нельзя было останавливаться, нельзя было допустить ни малейшего ослабления натиска атаки, порыва наступающих. Тогда без всякой команды, повинуясь лишь долгу патриота, горячо любящего свою отчизну, смельчаки вырвались вперёд. Они шли навстречу врагу под ураганным огнём, не думая об опасности. Коммунист старшина 1-й статьи Николай Вилков направился к вражескому дзоту. К другой огневой точке противника пошёл краснофлотец Пётр Ильичёв. Отважные воины вступили в неравную борьбу с врагом, которого прикрывали бетонированные стены дзотов. По лабиринтам подземных ходов японцы могли свободно маневрировать, без помех подносить боеприпасы, подбрасывать пополнение в людях. В то же время нашим бойцам приходилось действовать открыто, подходить к дзотам по местности, на которой всё было видно как на ладони и сплошь простреливаемой кинжальным огнём.

Николай Вилков подполз к вражескому дзоту. Всего в нескольких метрах была амбразура, откуда виднелось жерло вражеского пулемёта, злобно лающего, словно пёс из подворотни. Резким рывком Вилков метнул гранату. На минуту огонь из дзота прекратился. Потом, видимо, заметив смельчака, японцы открыли по нему огонь. Вилкова тяжело ранило. Несмотря на это, отважный моряк поднялся и смело пошёл на амбразуру.

Такой же неравный поединок произошёл и у другого дзота, где действовал краснофлотец Ильичёв. Подвергаясь смертельной опасности, моряки шли с непреклонной решимостью победить врага во что бы то ни стало. И когда все средства были исчерпаны, отважные воины, верные сыны своей родины повторили бессмертный подвиг Александра Матросова. В решающий момент штурма высоты Николай Вилков и Пётр Ильичёв своими телами закрыли амбразуры вражеских дзотов и тем обеспечили победу наступающих.

Боевые товарищи обнажили головы над трупами героев. Из-под полы бушлата, покрывавшего бездыханное тело Вилкова, виднелся

утолок красной материи. Это было боевое знамя, которое он нёс на своей груди, чтобы водрузить на вершине высоты как символ победы советского оружия. Бойцы поклялись над трупами героев отомстить подлым самураям за смерть своих товарищей.

Вскоре подразделения морской пехоты, которые возглавляли офицеры Матосов, Перм, Овсянников, Кощей, ворвались на высоту. Японцы понимали, какой важной позиции они лишались. С потерей высоты перед противником стояла реальная угроза потери всего острова. Поэтому японцы, решив любой ценой вернуть её, пошли в контратаку.

Истребители танков. Сквозь орудийный гул, разрывы гранат и трескотню автоматов и пулемётов откуда-то издалека послышался шум моторов. Вначале он был гулким и неясным. Низкая густая облачность, серая сырая мгла стелились по земле, сокращая видимость до нескольких сотен метров. Ясно было, что всякая возможность к действию авиации исключена. Между тем рокот всё больше нарастал. «Танки идут», — послышалось с левого фланга. — «Братва, черепахи самурайские ползут», — как эхом отозвался чей-то голос на правом фланге.

Через минуту показались танки. Вытянувшись в линию, они двигались вначале по шоссе, а затем, приняв боевой порядок, с двух сторон начали обходить высоту. Впереди простиралась холмистая местность. Используя её, вражеские танкисты намеревались скрытно зайти в тыл нашим позициям, отрезать подразделения, штурмующие высоту. На полном газу танки вышли в лощину, тянувшуюся до подножия сопки. Вокруг наступило напряжённое ожидание. Не сбавляя хода, бронированные машины врага выскочили на вершину холма. Сколько их? Один... пять... десять... пятнадцать... двадцать... Вот они двинулись в атаку. Находясь на противоположном скате высоты, японцы считали себя в непоражаемой зоне нашего артиллерийского огня и поэтому были уверены в своём успехе. Не доходя 70–100 м до наших позиций, танки открыли огонь из пушек и пулемётов.

Несмотря на создавшееся серьёзное положение, десантники не дрогнули, они стойко и мужественно встретили врага. Грянули первые залпы из противотанковых ружей, и несколько машин сразу же задымили. Враг продолжал напор. Вот основная колонна танков, намереваясь пройти по восточному склону высоты и вдоль шоссейной дороги, двинулась на прорыв нашей линии. Обстановка усложнялась. Японцы располагали выгодной позицией, и танки били по рубежу моряков прямой наводкой.

Навстречу танкам вышли моряки — люди крепкой души. Каждый из них в эту минуту вспомнил клятву, написанную перед боем младшим сержантом Степаном Рындиным: «Родина-мать, дорогой товарищ Сталин! Мы идём в бой во имя нашей победы и счастья своего народа. В бою мы не посрамим славы русского оружия и до конца выполним свой воинский долг. Мы отдадим все силы, а если потребуется — и жизнь свою на благо любимой родины». И вот наступил момент, когда слова клятвы должны были воплотиться в жизнь.

Младший сержант Степан Рындин первым приблизился к головному танку и метнул в него связку гранат. Машина каруселью завертелась на одном месте. Но и сам Рындин был тяжело ранен. Превозмогая мучительную боль, он смело пошёл на танк, чтобы прикончить его последней гранатой. У самого танка отважный моряк был сражён очередью вражеского пулемёта.

Несколько танков вырвалось вперёд. На их пути встали другие моряки. Они бесстрашно вступали в единоборство с бронированными машинами. Обвязавшись гранатами, с возгласами: «За родину! За Сталина!» одни бросались под гусеницы, другие в упор расстреливали через смотровые отверстия экипажи танков. Геройской смертью погибли техник-лейтенант Александр Водынин и старший сержант Иван Кобзарь. Они отдали свою жизнь на благо своей любимой родины, во имя победы над врагом.

Один за другим охватывались пламенем танки. В воздухе пахло смрадной гарью. После первых стычек с моряками японские танкисты больше не решались идти в лобовую атаку. Они прибегали к замысловатым маневрам, но ничего уже не могло их спасти — их всюду настигала смерть. Взвод старшины Белова стойко выдержал натиск ринувшихся на него танков и уничтожил гранатами два танка. Краснофлотец Зелинов выскочил навстречу танку, гранатой подбил гусеницу, а затем уничтожил весь экипаж.

Вот группа танков направилась к рубежу, занятому бронебойщиком младшим сержантом Третьяковым. Когда машины приблизились на расстояние выстрела, Третьяков открыл огонь. Первым же выстрелом был подбит головной танк. Остальные продолжали двигаться на огневую позицию. Младший сержант произвёл два выстрела и подбил ещё два танка. Парторг роты старший сержант Черепанов двумя выстрелами из противотанкового ружья подбил два танка, а третий забросал гранатами. Сержант Белаудинов незаметно подобрался к одному танку и бросил внутрь его гранату. Сопротивлявшийся экипаж был уничтожен.

Снайпер Вьюгов из укрытия вёл огонь по удирающим японцам. Вдруг он заметил, что из подбитого танка выскочил японский офицер и спрятался в траншее. Двумя прыжками атлет-боец оказался рядом с японцем. Вытащив самурая из траншеи за ноги, Вьюгов размахнулся и ударом о танк прикончил незадачливого вояку. «Плюгавый народ. Не более тридцати килограммов весом», — сказал моряк своему соседу.

Группа танков двигалась на позиции подразделения старшего лейтенанта Борисова. Бойцы отделения бронебойщиков сержанта Иванова приготовились принять бой. Когда танки подошли на близкое расстояние, Иванов подал команду: «По самурайским танкам огонь!» Наводчик Худяков первым открыл огонь из своего противотанкового ружья. Головной танк остановился и стал обстреливать наши окопы. Но вот он загорелся. Оттуда стали выскакивать вражеские танкисты, однако наши пулемёты не дали им уйти, самураи были уничтожены. Пока рядовой Худяков расправлялся с головным танком, второй двигался на окоп командира отделения Иванова. Сержант Иванов не растерялся. Он пропустил танк через свой окоп и метнул ему вслед гранату. Танк загорелся. Остальные вражеские машины, не вступая в бой, повернули обратно.

На левом фланге бой с танками вело подразделение старшего лейтенанта Тюрина. Появившись неожиданно из-за холмика, два танка устремились на ячейку, занимаемую старшим лейтенантом Тюриным и группой бойцов. Один вражеский танк был подбит на полпути, но другой шёл упорно вперёд. Вот он уже влез на бруствер окопа. В критическую минуту бойцы не дрогнули. В этой схватке геройской смертью погиб старший лейтенант Тюрин, но подразделение его не отступило ни на шаг. Когда танк развернулся, чтобы выйти из окопа, со всех сторон к нему бросились наши бойцы и, мстя за своего командира, забросали его гранатами. Танк был уничтожен. Бой подходил к концу. Оставив восемнадцать подбитых и сожжённых танков, японцы позорно бежали. В этом бою, длившемся несколько часов, было взято в плен около 150 японских солдат и офицеров, захвачены три батареи, много подземных складов с боеприпасами и продовольствием и другое военное имущество.

Десантники прочно закрепились на высоте, на вершине которой гордо развевался красный флаг, доставленный к сопке павшим смертью храбрых Вилковым. Вскоре пришла ещё радостная весть. Ударная группа десантников под командованием политработника майора Крившенко в противоположном конце острова овладела важным узлом обороны японцев и водрузила красное знамя над маяком.

Чувствуя неизбежную гибель, командование японской группировки островов начало переговоры о капитуляции.

Лицо врага. Сокрушительный удар, нанесённый нашими десантными войсками японским самураям на острове Сюмусю, ошеломил врага и привёл его в смятение. Японцы считали свои позиции на острове Сюмусю неприступными. Уже после капитуляции некоторые японские офицеры признавались, что эти позиции, по их предположениям, могли остановить любую атаку танков, не говоря уже о пехоте. Заносчивые самураи жестоко ошиблись. Наши моряки и пехотинцы-десантники взломали эту «неприступную» оборону, овладели ключевой позицией острова — высотой С. и, оказавшись в тылу главных позиций, готовы были атаковать их. Стала очевидной явная неустойка японцев на Сюмусю.

Когда красное знамя уже развевалось над высотой С., в двенадцать часов дня на вражеских позициях показался белый флаг. Несколько японцев отделились от линии своей обороны и стали размахивать флагом, вызывая наших представителей для переговоров. К ним навстречу на машине выехали полковник т. Артюшин и майор т. Рева. Одиннадцать лет прослужил на дальневосточной границе Павел Иванович Рева. Он в совершенстве изучил нравы и повадки своего коварного соседа, поэтому, когда показался белый флаг, т. Рева заметил: «Начинают что-то мудрить».

Встреча произошла в нейтральной зоне. Усердно козыряя и слащаво раскланиваясь, японцы заявили, что они желают вести переговоры о заключении перемирия и о порядке сдачи оружия советским войскам. При этом они передали нашим представителям письмо командующего японскими войсками в северной части Курильских островов генерал-лейтенанта Цуцуми Фусаки на имя командующего советскими войсками. Ниже мы дословно приводим текст этого письма:

«Наши войска получили свыше следующий приказ: 1. Войскам сегодня 19-го числа к 16.00 прекратить всякие боевые действия. 2. Примечание: оборонительные действия, предпринимать которые мы вынуждены в связи с активным вторжением противника, не являются боевыми действиями. Наши войска на основании этого приказа сегодня, 19-го числа, в 16.00 прекращают всякие боевые действия. Примечание: если после этого наши войска будут атакованы, я на основании упомянутого приказа возобновлю оборонительные действия. 3. Поэтому прошу ваши войска к 16.00 прекратить боевые действия. Командующий японскими войсками в северной части Курильских островов».

Для переговоров о порядке разоружения на наш командный пункт с японской стороны прибыли генерал-майор Сузино Ивао, полковник Янаока Токедзи и подполковник Кончитани Муонори. Советское командование поставило перед ними следующие условия капитуляции, изложенные в письменном виде:

«Ваш текст сообщения, переданного через парламентёра, получен в 14.00 19 августа с. г. Боевое действие прекращаю в 16.00 19 августа при условии: 1. Немедленно прекратить всякое сопротивление. 2. Немедленно отдать приказ своим войскам о сдаче оружия представителям советских войск на местах. 3. Всех солдат и офицеров для передачи в плен на острове Сюмусю к 24.00 местного времени 19 августа с. г. собрать в районе 8 км северо-восточнее Катаока, а на острове Парамушир — 5 км севернее Касивабара в 08.00 20.8.45 г. 4. О сдаче в плен остальных солдат и офицеров с других островов будет указано дополнительно. 5. Ответственность за сохранность и исправное состояние вооружения, сооружений, как сухопутных, так и морских (складов, портов), по состоянию на 16.00 19.8 возлагаю на вас».

Далее в условиях было указано, что всем офицерам и солдатам гарантируются безопасность жизни и сохранение личного имущества невоенного образца. Здесь же было установлено точное время встречи нашего командующего с японским командующим. Эти условия безоговорочно приняли и подписали уполномоченные главнокомандующего генерал-лейтенанта Цуцуми — генерал-майор Сузино, полковник Янаока и подполковник Кончитани.

Кажется, всё ясно — соглашение о порядке капитуляции японских войск и их разоружении достигнуто, представители японского командования собственноручно подписали официальный документ. Но ещё издавна миру было известно, что каждым шагом японцев был шантаж, каждый шаг сопровождался провокацией. В этом мы вскоре лишний раз убедились.

...На следующее утро наши корабли с представителями советского командования вышли в район расположения главных баз японцев для встречи двух командующих, как было указано в соглашении. Сигнальщики вели зоркое наблюдение за морем и берегами. К 10 часам утра туман оторвался от моря, небо стало проясниваться, и теперь было хорошо видно каждую складку на скалистых берегах острова. Вот недалеко и район, где должна произойти встреча. Однако никакого судна там не оказалось.

Сигнальщик с мостика докладывал командиру флагманского корабля:

— По левому борту вижу японские батареи и укрепления на берегу. Возле батарей японские солдаты.

— Усилить наблюдение, — приказал командир.

Корабли продолжали идти своим курсом. Не исключена возможность, что японское судно задержалось где-нибудь в пути и поэтому запаздывает.

— Вижу движение возле японских батарей, — снова доложил сигнальщик. — Выходим на траверз батарей.

— Наблюдать! — ответил командир корабля.

Через несколько минут сигнальщик снова доложил:

— Японские солдаты скрылись. Не вижу ни одного человека.

Вслед за этими словами в тишине моря глухо прогремели орудийные выстрелы с берега. Рядом с флагманским кораблём взметнулись фонтаны воды от взрывов снарядов. За первым залпом последовали второй, третий... Теперь снаряды стали рваться рядом с другим кораблём.

«По японским провокаторам — огонь из всех орудий!» — отдан был приказ. Началась ожесточённая артиллерийская дуэль. По бортам ведущего корабля били осколки вражеских снарядов. Вот один снаряд ударил в мачту, продырявив её и угодив в стрелу, взорвался. Другой снаряд пробил несколько переборок и упал в машинном отделении, не взорвавшись.

Наши корабли стали разворачиваться на обратный курс, одновременно ставя дымовую завесу. Все орудия кораблей вели непрерывный огонь по вражеским батареям. Сигнальщики доносили с наблюдательных постов о взрывах на японских батареях. Тем временем со стороны японских баз показались самолёты. Вот они снизились над кораблями, и видно было, как от них отделились торпеды. Отстреливаясь и искусно маневрируя, корабли быстро выходили из зоны огня береговых батарей врага. Теперь японцы, видимо, надеялись на свою авиацию, но торпедная атака вражеских самолётов была успешно отбита. Сбросив груз торпед, не достигнув своей коварной цели, японские самолёты больше не решились появляться над нашими кораблями.

После боя нам показали один скорбный документ. То был комсомольский билет за № 142039 на имя Николая Михайловича Бушевца. Год рождения 1918, время вступления в ВЛКСМ — июнь 1932 г. С билета смотрит фотография мужественного смуглого юноши с прямым взглядом. Сквозь книжечку прошли три осколка вражеского снаряда. На последней странице билета надпись: «Погиб на боевом посту смертью храбрых». Николай Бушевец был комендором.

Попытка врага путём подлой провокации нанести нашим войскам предательский удар — сорвалась. Но она не могла остаться безнаказанной, и наше командование решило проучить японских самураев.

В логове. По приказу нашего командования войска начали усиленную подготовку к решительному наступлению. Ставилась задача — сокрушительным ударом полностью очистить острова Сюмусю и Парамушир от японских самураев. Шла перегруппировка частей, подтягивалась артиллерия. С занятием стратегических рубежей десантниками положение наших войск значительно упрочилось, к тому же мы имели явное превосходство перед противником в авиации, артиллерии и автоматическом оружии.

Подлая провокация японцев вызвала взрыв возмущения и негодования среди наших бойцов. Люди буквально рвались в бой, чтобы рассчитаться с подлым врагом, и требовались большие усилия, чтобы сдержать их от преждевременных активных действий.

Руководствуясь соображениями благоразумия, советское командование перед отдачей приказа о штурме японских позиций послало японскому командующему последнее ультимативное требование, в котором прямо ставился вопрос: «Во избежание ненужного кровопролития предлагаю ответить мне, будет ли вами отдан приказ о капитуляции ваших войск перед советскими войсками?»

В ответ нашему представителю была вручена бумажка, содержащая провокационную галиматью, рассчитанную на простаков. В этой филькиной грамоте было написано буквально следующее:

«Сводка. Наши войска уже прекратил военное действие. И для прекращения войны теперь с главнокомандующим вашего войска Советского Союза в области “Кокутан” наша комиссия продолжает в договоре. Поэтому прошу от души временно возвращаться в ваш баз. (Конец)». Эта гнусная стряпня не была даже подписана и совершенно очевидно не давала ответа на ясно поставленный вопрос.

Но вот срок, установленный командующим, подходит к концу. По всему фронту наши войска приготовились своим огнём смести врага с лица земли. Японцы чувствовали свою гибель и, не находя другого выхода, вынуждены были безоговорочно капитулировать. Их ответ гласил: «Японские войска в северной части Курильских островов прекращают всякие боевые действия, складывают оружие и сдаются советским войскам. Командующий японскими войсками в северной части Курильских островов генерал-лейтенант *Цуцуми Фусаки*». Какая лаконичная форма ответа! Не от хорошей

жизни японский генерал заговорил так ясно и коротко, что весьма нетипично для кудреватого дипломатического языка японской военщины.

Утром 22 августа, приняв с борта флагманского корабля представителей советского командования, морской охотник лейтенанта Шеховнина вышел в море. Его путь лежал к вражеским берегам — в морскую базу японцев, в их логово. Резкие порывы ветра, туман и волнение моря затрудняли движение катера. Но недаром катерников называют неутомимыми тружениками моря. Экипаж морского охотника накануне всю ночь под дождём совершал трудные рейсы. Сейчас он получил новое ответственное задание — первым войти в логово врага, а это значит — не исключена возможность подвергнуться вероломному нападению коварного врага.

Набирая скорость, катер стремительно шёл по заданному курсу вдоль острова. Вблизи виднелись хмурые и, казалось, пустынные берега. Но стоило внимательно присмотреться, чтобы даже невооружённым глазом увидеть в скалах замаскированные амбразуры, орудийные гнёзда, траншеи. Всюду было безлюдно, тихо, мертво. Обогнув скалистый выступ мыса, входим во Второй Курильский пролив. Настороженность у всех возросла. Командир катера маневрирует — сквозь рёв мотора чаще слышится его властный голос с приказанием увеличить или сбавить обороты.

Откроют огонь? Не заманивают ли в ловушку?

Входим в самую узкую часть пролива. С обеих сторон возвышаются скалистые берега. Подполковник Воронов докладывает на флагман обо всём пути катера. «Если станут стрелять, то непременно с этих укреплений», — замечает майор Рева. Но кругом стояла мёртвая тишина.

Сквозь серую пелену тумана на левом берегу показались слабые очертания строений. Это военно-морская база японцев Катаока — одна из берлог злобного и хищного врага. И чем ближе подходим к берегу, тем отчётливее виднелись разрушения — это были, как потом рассказали сами японцы, следы работы американской авиации. Тут и там виднеются каркасы сгоревших зданий, лежат груды изуродованного огнём металла, оборудования, конструкций. Развалины и пепелища — это они получили за Пирл-Харбор. А за бредовую идею мирового владычества, за военный разбой и грабежи, чем японцы занимались на протяжении десятилетий, — расчёт впереди.

Подходим к пирсу. Над уцелевшим зданием морской комендатуры болтается белый флаг. Нигде не видать ни единой живой души. Вдруг из-за поворота вынырнули два камуфлированных лиму-

зина и остановились у пирса, где швартовался наш катер. Из машин вышли два низкорослых офицера в морской форме, и ещё на почтительном расстоянии они стали подобострастно раскланиваться и козырять представителям советского командования.

Японцы изображали на своих лицах покорность и повиновение, каждое слово и жест они сопровождали слащавой улыбкой. Но нетрудно было разглядеть за этой лицемерной маской всю наглость и хитрость врага. В начавшихся переговорах японцы не давали прямого и исчерпывающего ответа ни на один вопрос.

Представитель японского командования капитан Сато на требование советских представителей передать карты расположения батарей, складов и других военных объектов прикинулся непонимающим. Извиваясь как уж, он начал говорить о том, что советские офицеры прибыли очень рано. Сейчас по токийскому времени восемь часов, а переговоры должны начаться в десять. И только после того, как японские часы были переведены по поясному времени — на два часа вперёд, а Сато был предупреждён об ответственности, самураи стали давать более вразумительные ответы.

Пересекая пролив, подходим к причалу на острове Парамушир. Это — Касивабара. Здесь помещается штаб всей группы японских войск, это — резиденция командующего. Та же встреча, те же улыбочки, то же подобострастие японских офицеров. Но здесь много японских солдат. Они окружают нас плотной толпой, молча разглядывают. У всех угрюмые лица — и у шестнадцатилетних юношей, и у морщинистых стариков.

Вместе с начальником штаба полковником Янаока Токедзи направляемся в штаб командующего. В полутёмном мрачном подземелье гнетущая пустота. Десятки комнат, отделений обставлены убогой мебелью, вокруг всё голо. Было видно, что здесь подготовились к нашей встрече. Как в Катаоке — и здесь, только благодаря решительным действиям советских представителей, был найден «общий язык» и нам удалось убедить незадачливых японских вояк, что отныне мы здесь хозяева.

Конец воинам Ямато. Старые вехи рушились с поражающей быстротой. Ещё несколько часов тому назад вот этот приземистый, с жутким оскалом зубов японский солдат раболепствовал перед своим офицером. Сейчас он проходит мимо, не замечая его, и в то же время подобострастно козыряет русскому военному без различия рангов. Больше того, японские офицеры, проходя мимо наших бойцов-автоматчиков, словно по команде, чётко отбивали шаг и козыряли по всем правилам военного искусства.

И в то же время японские войска — солдаты и офицеры — пытались не подавать вида, что они побеждённые — пленники. Как видно, командование постаралось внушить им, что японская армия всего-навсего прекратила войну, но ни в коем случае не сброшена в бездну. Чувствовалось это на каждом шагу. В одном месте группа японских солдат переодевалась в новые мундиры, только что взятые ими из склада, другие запасались продовольствием. Большинство же было занято «личными» вещами, они неизвестно куда и зачем уносили тяжёлые свёртки, ящики, чемоданы. Все настолько были увлечены своими «частными делами», что никто из них не заметил, как быстрой походкой последовал к причалу сам их генерал.

Усевшись на десантную двухкилевую баржу из «Халактырской флотилии», генерал Цуцуми отбыл «с визитом» к советскому командующему. На этот раз на корме развевался флаг не Восходящего Солнца, а болтался на древке самый обыкновенный белый кусок материи. На борт флагманского корабля японский генерал, адъютант и свита взошли при всех орденах и в парадной форме. Короткий разговор в небольшой каюте командующего советскими войсками был последним в военной карьере японских самураев. Отныне они просто пленники советских войск. Враг был повержен окончательно и бесповоротно.

...В полдень выезжаем на аэродром — к месту сбора капитулировавших японских войск. Машина еле-еле преодолевает ухабы. За рулём сидит скуластый японец и всё время улыбается. Остановив машину, он мигом выскакивает из неё, предупредительно открывает дверцы и кланяется, низко кланяется и улыбается. Когда мы уходим, он снова кланяется и снова улыбается.

Это, так сказать, непременный ритуал японской вежливости. Это — фасад, показная сторона. Но вот такие же японцы, которые сейчас так слащаво улыбаются, в спину направляют ножи и стреляют из-за укрытий по нашим бойцам. Эти же самые японцы, что теперь так низко изгибаются в поклонах, готовились стать рабовладельцами, хозяевами советских земель.

Мы проходим вдоль рядов японских частей, выстроившихся на бетонированной площадке аэродрома. Здесь можно видеть более откровенные выражения лиц. Японцы стоят понуро и по временам исподлобья бросают в нашу сторону взгляды, полные бессильной ярости и злобы. Строй солдат тянется бесконечно. На обочине поля стоят танки, орудия, зенитные установки, автомашины. Тут же рядом лежат сложенные в штабеля снаряды, мины, военная

техника и имущество, приготовленные для сдачи. Ровно в 12 часов был спущен японский флаг над штабом части, а затем было указано место, куда нужно складывать оружие.

Японские офицеры истошным голосом выкрикивали команды, потом одна за другой начали двигаться колонны войск. Японские солдаты, шедшие в строю, непомерно выпячивали грудь, высоко выбрасывали ноги и усердно печатали шаг. Они хотели выглядеть бравыми воинами Ямато. Но это никак не получалось. Солдаты наступали друг другу на ноги, спотыкались и смешивались в рядах. Огромные заплаты на штанах, массивные ботинки и рваные обмотки дополняли это жалкое зрелище. Быстро положив личное оружие и снаряжение, солдаты мелкой рысцой отбегали в сторону и, подогнув под себя ноги, садились на землю. После принятия оружия японские войска были направлены в специально отведённые для них лагеря.

В шестнадцать часов дня над штабом был поднят флаг Военно-Морского Флота СССР. В этот день на островах Сюмусю и Парамушир сложили оружие и сдались в плен более двадцати тысяч японских солдат и офицеров, в том числе два генерала.

Прошёл день, полный напряжённого боевого труда. На землю спустилась тихая звёздная ночь. На рейде чуть виднелись силуэты кораблей. Они несли дозорную службу, охраняя отдых наших воинов. Люди, стоявшие на вахте, услышали из репродукторов знакомые позывные московских радиостанций. Все настороженно прислушались: «Внимание, говорит Москва!»

Личный состав кораблей с напряжённым вниманием слушал приказ Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина. В приказе упоминалось о занятии нашими войсками двух островов из Курильской гряды — Сюмусю и Парамушира. «Это о нас говорит товарищ Сталин», — с волнением говорили воины. С каким радостным чувством слушали они голос из Москвы — сердца нашей родины, который, облетев всю страну, дошёл до самого отдалённого участка фронта — на рубежи Тихого океана. Благодарность вождя была лучшей похвалой и наградой воинам Курильских соединений и кораблей.

На рассвете корабли и суда, взяв на борт часть наших войск, вышли на юг, вдоль островов Курильской гряды. После того как в жестоких сражениях были сокрушены японские войска на Сюмусю и Парамушире, гарнизоны других островов сдавались без боя. Только завидев вдали наши корабли, японцы поспешно выбрасывали огромные белые флаги. 23 августа наши войска заняли острова

Онекотан, Сясикотан и Мацуа, а спустя два дня — были заняты острова Шанширн и Уруп. Над островами Курильской гряды гордо реял советский флаг.

Разоружение японцев на острове Уруп. В последних числах августа наши корабли в сплошном тумане подошли к одному из южных островов — Урупу. Высадившиеся на остров разведчики доставили двух японцев — унтер-офицера и солдата, задержанных на берегу. Смертельно перепуганные самураи на допросе с готовностью показали, что войска на острове Уруп готовятся к капитуляции, что они очень рады окончанию войны.

Выделенная командованием группа штабных офицеров под руководством майора т. Радужанова вместе с пленными отправилась на мотоботе для переговоров с японским командованием. Под вечер мы разыскали в тумане бухту. Едва мотобот пристал к пирсу, как на берегу, до того пустынном, показались три японских офицера. В руках одного из них была трёхметровая бамбуковая палка, на которой белела намотанная материя. Японец с удивительной поспешностью размотал тряпку и торжественно поднял её над головой. В воздухе заколыхалась белая простыня. Незадачливые самураи, несмотря на всю унизительность этого ритуала, торжественным маршем, чеканя шаг, пошли к нам навстречу. У каждого из них на левой руке была белая повязка. Не доходя до нас метров пять, они взяли под козырёк.

Майор Радужанов объяснил японским офицерам цель нашего приезда. Любезно раскланиваясь, они пригласили нас в помещение. Тесная конура с чёрными от копоти дощатыми стенами была жарко натоплена. Появились раскладные кресла, застланные одеялами. За каждым словом приторно гримасничая и раскланиваясь, японские офицеры предложили кресла советским офицерам, а сами уселись на простых стульях. На столе быстро появились цветы, скатерть.

Нам объяснили, что скоро приедет старший офицер, с которым можно будет вести официальные переговоры. Мы обратили внимание на отсутствие телефона, хотя по всему было видно, что здесь — важное служебное помещение. Не подавая вида, стали доискиваться — где же телефон. Вскоре один из автоматчиков разыскал его: телефон оказался запрятанным на дворе в грязном углу за какой-то будкой. При каждом случае сообщить что-нибудь своему командованию один из японских офицеров незаметно выходил из помещения и бежал к телефону. Поистине в крови самураев живёт дух

коварства и провокации: даже безоговорочно капитулируя, они продолжают творить какие-то тайные козни.

Спустя полчаса мы увидели спускающийся с горы грузовик, набитый японцами. Над грузовиком развевалась белая простыня. Грузовик подъехал к конуре, и в помещение вошёл японец с блестящей саблей и нашивками майора. Весь вылощенный, он стал раскланиваться нам, пожимая каждому руку. Его переводчик — мордастый увалень с тяжёлой нижней челюстью и узким лбом, вертясь, словно выдрессированный пёс, с глупой напыщенностью стал выкрикивать слова: «Познакомить — военный офицер майор Тагосава! Я очень рад с вами познакомить! Перевод, человек, по-русски и по-английски! Чем я могу вам послужить?! Как ваша фамилия?!»

Японцам объяснили, что наш командующий требует командующего японскими войсками на острове Уруп к себе на корабль. После длительной волокиты Тагосава объяснил, что генерал находится очень далеко в горах, а сейчас ночь на дворе, да к тому же и дороги очень плохие, так что генерал-майор Сусуми не может сейчас прибыть. Тогда майор Радужанов потребовал все имеющиеся карты расположения японских войск и системы обороны на острове. После длительных препирательств карты были получены. Захватив с собою майора Тагосаву — командира батальона и всех штабных офицеров, знавших положение войск на острове, мы вернулись на флагманский корабль.

Тем временем на остров начали высаживаться наши десантные войска. К утру они заняли все командные позиции японцев, обезоружили части японцев, находившихся в зоне этих позиций, и утром уже были хозяевами острова.

В десять часов утра на флагманский корабль был доставлен генерал-майор Нихо Сусуми. Вот он, поверженный сын Ямато, типичный солдафон с прямой, словно топором вытесанной фигурой и большим квадратным лицом сатрапа. Вначале он держится с достоинством и важностью своего вчерашнего положения, но, едва ступив на борт корабля, — куда девалась самурайская спесь — как торопливо он принялся отстёгивать саблю и пистолет, чтобы вручить их победителю. Приглашённый к столу, он несколько раз откланялся и только тогда занял предложенный стул.

Акт о безоговорочной капитуляции японских войск на острове Уруп подписан. Наш командующий возвращает генералу его саблю и пистолет, по поводу чего самурай рассыпается в многочисленных поклонах и знаках благодарности.

Тем временем на обширной площадке выстроились длинные шеренги японских солдат. Представители нашего командования обходят строй. Раздаются зычные команды японских офицеров, и солдаты тянутся в струнку. Мы вглядываемся в их лица. Они бесстрастны, повинуясь команде «Смирно!» Но вот подана команда «Вольно!» Лица солдат оживают. На одних написаны страх и покорность, на других — плохо скрываемая злобная ненависть. Они вяло наблюдают за тем, как японские офицеры передают их советским офицерам по строевым запискам, как другие солдаты усердно таскают связки винтовок и штыков и складывают их в штабеля, как советские бойцы погружают всё это на автомашины.

К вечеру заканчивается разоружение и приём пленных. В этот день нашим войскам сдались в плен 5 600 японских солдат, больше сотни офицеров и один генерал. Захвачены огромные склады продовольствия и боеприпасов. Многочисленные доты и дзоты, траншеи и туннели, огромное количество снарядов и патронов — всё это говорит о том, что японцы были решительно настроены удержать за собой остров Уруп. Но могучие удары Красной Армии в Маньчжурии, удар, нанесённый японцам Курильскими частями на острове Сюмусю, выбили самурайский дух из воинов Ямато.

Нам довелось беседовать со многими японскими офицерами. На вопрос, почему японские войска капитулировали, они почти в один голос отвечают: «Его величество император приказал». При упоминании слова «император» они обычно вытягиваются в струнку и берут руки по швам. По тому, с каким автоматизмом отвечают на этот вопрос, видно, что это заученная фраза, которую вдалбливали, очевидно, всем солдатам. Лицемерие этой фразы разоблачается многочисленными ответами. Те же офицеры на вопрос, почему разгромлена гитлеровская разбойничья армия, отвечают: потому что она оказалась слабее Красной Армии.

Один офицер, капитан Ионита, определённо заявил, что Красная Армия — самая сильная армия в мире своим вооружением и боевым духом солдат. Уже этими словами он разоблачает лицемерие фразы о приказе императора как причине капитуляции. Истинный же смысл этой фразы состоит в том, чтобы сохранить самурайский дух у своих солдат, вдолбить им, что японская армия не побеждена. Не выйдет!

Укрощённый зверь. В первые дни переговоров о капитуляции японцы держали себя вызывающе и нагло. После разоружения произошла разительная перемена. Теперь они на каждом шагу

всеми силами и средствами подчёркивали своё смирение и покорность. Не зная японцев, можно было подумать, что стая кровожадных шакалов перевоплотилась в сущих ангелов.

Это волшебное превращение происходило, что называется, на глазах, мгновенно. Своё раскаяние японцы, особенно офицерский состав, всячески выпячивали напоказ. Они отрекались от своих традиционных заповедей грабежа и разбоя. Различные издания, обильно заполнявшие, хотя и немногочисленные, библиотеки, они выбрасывали как ненужные. Груды книг в виде хаотического хлама были свалены в овраги и помойные ямы. Японцы выбрасывали газеты и журналы, в которых печатались антисоветские фальшивки. Они воровато прятали и сжигали карты «Великой Японской Империи до Урала». Они поспешно уничтожали глупейшие картинки с изображением бравого самурая, который прикладом винтовки разбивает советский танк и одним пальцем пронзает красно-звёздный самолёт.

Словом, японцы уничтожали все улики, все следы своих преступлений, всё, что хоть в какой-либо мере напоминало их враждебность к советскому народу. Теперь из уст самурая нередко можно было слышать покаянные причитания, всевозможные выражения любви и дружественных чувств к России. Но советских людей, видавших столько подлостей вероломного врага, трудно было обмануть. Тем более что за маской покорности и мнимой дружественности японцы никак не могли скрыть своих привычек и повадок. А эти повадки, словно отрыжка у пьяницы, давали о себе знать во всём и на каждом шагу.

Японские офицеры стали проявлять самое назойливое стремление к встречам с советским командованием. Они всё время пытались разрешить какие-то важные вопросы. Получив однажды согласие на приём, японцы появились в нашем штабе в ту же минуту. Их лица выражали необычайную почтительность и любезность. Из длинных рассуждений японских офицеров можно было понять, что они хотят пригласить советских офицеров на банкет, устраиваемый японцами в честь победителей. Но они очень сожалеют, что у них нет подходящего места и ассортимента угощений. Затем, долго не мешкая, они вручили «послание» японского генерала, в котором тот покорнейше вопрошал: надолго ли хватит у нас риса для прокормления японцев и какая «противохолодная одежда» будет предоставлена в распоряжение бывших японских солдат.

По условиям капитуляции японцы прекрасно знали, какое количество продовольствия, какая тёплая одежда и личные вещи

остаются в их распоряжении. Но они, прикинувшись Иванами непомнящими, хотели что-то ещё выторговать. Видя, что этот номер не проходит, они принимаются за другое. «Ми вас приглашай в Токио, — говорит японский переводчик лейтенант Хаттори, — милости просим!» И тотчас Хаттори каждому суёт в руки записку с полным наименованием своего домашнего адреса. Он любезно приглашает в гости и заверяет, что будет очень рад.

Наши офицеры не могут скрыть улыбки. Они напоминают этому жалкому отпрыску самураев, что представители советского командования без приглашения давно уже находятся в Токио. Хаттори глупо мигает глазами. Потом, сделав судорожное усилие, чтобы изобразить улыбку, быстро лепечет:

— Холосо, осень холосо. Когда ви отпускай нас в Токио? — неожиданно меняет он разговор.

— Вы об этом своевременно узнаете.

— Брагодарю.

Хаттори низко кланяется. Разговор окончен, но японец не уходит, он мнётся, он хочет ещё что-то сказать. Собравшись с духом, он заговорил: «Я осинь, осинь хоцу вас махорка». Ему сделали самокрутку из моршанской махорки. Затянувшись, японец стал судорожно кашлять и вытирать слёзы. Отдышавшись, Хаттори возобновляет разговор уже как будто на новую тему: «Я осинь люблю русский музыка». В доказательство своих слов он тут же запел известную песенку «Солнце всходит и заходит»...

Хаттори вообще выдаёт себя за страстного поборника русской культуры. Он, оказывается, четыре года изучал в Токийском институте русский язык. Он читал Горького, Толстого, Чехова, Шолохова. Ему нравится всё — и Толстой, и наши колхозы, и Красная Армия. Особенно ему нравится наш флот. Последнюю фразу Хаттори пояснил так: у Японии сейчас нет флота, и хорошо было бы уехать сейчас в Японию на советских кораблях.

После таких излияний любви ко всему советскому переводчика спросили, почему японское командование не приняло мер по разоружению смертников, которые до сих пор стреляют в наших бойцов. Японец сделал испуганные глаза и поспешно удалился.

Но так говорит и действует не один Хаттори. Он только развязнее и болтливее других. Подлый и коварный враг делает всё, чтобы смягчить свои преступления и улизнуть от ответственности и возмездия. Он всеми способами старается уверить в своей любви, расположить к себе. Мы хорошо знаем, что хищник пытается скрыть своё стремление лишь на время притаиться смиренным и спрятать

свои когти. Мы знаем также, что он сохраняет в себе ярость бешеного зверя. Но как бы он ни пытался это сделать, истории теперь известно, что отныне хищный зверь укрощён раз и навсегда.

Словарь оккупантов. На протяжении всего периода разоружения японских войск на Курильских островах, при неоднократных разговорах с японцами мы не встретили ни одного офицера, который бы добровольно сознался, что он знает хоть одно слово из русского языка. Переводчики — это, как правило, нижние чины, к тому же с большим трудом владеющие разговорной речью.

В самом ли деле японские офицеры совсем не знают русского языка? Этому нельзя поверить, как и многому тому, что говорили нам многие японские офицеры о себе. Вот характерный пример такого двоедушия. На острове Уруп при первой высадке мы случайно завели разговор с одним японским офицером — капитаном Ионито. Он — командир батальона. На наш вопрос капитану, бывал ли он когда-нибудь в России, Ионито ответил, что в 1930 г. был в Охе в качестве рабочего на нефтепромыслах японской концессии. Кроме того, в 1932 г. он работал на Китайско-Восточной железной дороге машинистом и там соприкасался с русскими. На вопрос, давно ли он служит в армии, Ионито ответил, что был призван из запаса четыре года тому назад. Словом, перед нами предстал человек очень мирный — он рабочий.

Спустя неделю нам снова довелось беседовать с этим офицером. То ли в памяти самурая стёрлось лицо недавнего собеседника, то ли его подвела смена одежды, а может быть, в психологии самурая произошли за это время какие-то изменения, но он предстал теперь совсем в ином виде. Разговор произошёл случайно. У капитана была замечена торчащая из кармана большая планка с орденскими колодками. Она вызвала у нас естественный интерес, и самурая попросили показать её. Здесь было девять различных по цвету колодок.

— Вот эта — высшая японская награда, — объяснил переводчик, указывая на среднюю, голубого цвета колодку.

— За что получил её капитан?

— Он участвовал в военных действиях в Маньчжурии в 1932 г., и его рота отличилась там храбростью, — ответил переводчик, объясняя слова капитана.

— Давно ли капитан служит в армии?

— Двадцать пять лет.

Потом, не дожидаясь вопросов, Ионито рассказал, что он очень любит военную службу, является прекрасным фехтовальщиком

и мастером штыкового боя, что занимает третье место по фехтованию в армии. На вопрос, есть ли у капитана семья, он ответил, что в Осаке у него жена и двое детей.

— Чем занимается его семья?

— Она занимается земледелием.

— Сколько у неё земли?

— Пять гектаров заливной земли под рисом и 52 гектара под овощами.

Так выявилось второе лицо самурая. Можно ли после всего этого поверить капитану Ионито, что он не знает русского языка? Мы не верим ему.

Не верим не только потому, что он уже «соприкасался» с русскими, будучи «рабочим» в Охе и на КВЖД, но, прежде всего, потому, что в офицерских школах японской армии обязательным предметом является изучение русского языка.

Наконец, не верим потому, что все двадцать пять лет этот самурайский отпрыск собирался к походу в Россию как оккупант, как хозяин, как помещик.

А вот другой случай. На острове Сюмусю к капитану Сато обратились на русском языке с требованием указать расположение важных военных объектов. Он отрицательно замотал головой, давая понять, что не понимает, о чём идёт речь. При вторичном требовании самурай повторил то же самое. Тогда один из наших офицеров заметил вслух:

— Он понимает, но не хочет в этом признаться.

Сато, скривив улыбку, сказал по-русски:

— Нет, не сынаю... Не сынаю.

— Вы говорите по-русски?

В ответ он снова мотает головой:

— Не сынаю.

— Врёт, знает он русский язык, — опять кто-то заметил. Сато быстро метнул взгляд в сторону говорящего и громко рассмеялся. Потом открыл словарь и указал на слово «лгать».

— Нет, я не лгал, — ответил японец, обнажая лошадиные зубы.

Капитанов Ионито и Сато, как и других их коллег, прикидывающихся ныне благожелателями и друзьями русских, с головой выдаёт разговорный словарь, который они безуспешно прятали и уничтожали. Мы сделали дословные выписки из этого пособия. Назначение словаря — облегчить оккупанту его бандитскую роль, поэтому он составлен из готовых фраз в том виде, в каком эти фразы произносятся на русском языке.

Первый раздел: «Стой! Не беги! Слезай с коня. Брось оружие на землю. Кто ты? Руки вверх, я тебя обыщу. Чем ты занимаешься? Какой ты нации?» Ответ: «Я русский». В скобках поставлено: «монгол, китаец, кореец». И дальше: «Ты советский гражданин? Покажи паспорт (или пропуск). Выскажи всё прямо, а то тебя расстреляют. Ты подвергнешься пытке. Ты предпочитаешь смерть? Какие у тебя вещи с собой? Открой сумку. Наверное, ты шпион». Такой разговор должен был бы произойти между оккупантами и задержанным ими на захваченной нашей земле советским гражданином.

Вот оккупанты вошли в советское село. На этот случай тоже есть образец разговора: «Ты здешний или приезжий? Как называется это село? Сколько здесь населения? Сколько дворов? Где находится милиция и ГПУ? Сколько здесь партийных? Где сельсовет? Кто председатель сельсовета? Веди нас к нему».

Авторы словаря по опыту 1918—1922 гг. знают, что их не хлебом-солью будут встречать советские люди. Про этот случай они предвидели следующий разговор: «Кто-то из этого села выстрелил в наш отряд? Мы будем преследовать и выяснять, кто это сделал. Ясно, что бандит вбежал в это село. Всё село отвечает за этого бандита».

Авторам словаря грезится, что Красная Армия бежит от японских самураев, воины Ямато победоносно идут по её стопам. Вот они встретили прохожего. Здесь должен был бы произойти такой разговор: «Видел ли ты по дороге красноармейцев? Находятся ли красноармейцы в селе? В каком направлении их позиции? Правда ли это всё? Если окажется правда — тебе награда. Никому не говори о справке».

И так далее. Весь словарь составлен в таком духе. Излишне говорить о том, как обернулись мечты авторов словаря. Нам только хочется подметить одну характерную деталь. В словаре есть перечень всех русских и японских блюд от холодных закусок, ракушек, мидий до украинского борща и сибирских пельменей. В разделе приправ к блюдам какой-то самурай аккуратно вывел карандашом название пропущенной авторами словаря приправы: «Морская капуста». Не думалось, видимо, авторам словаря, что эта приправа займёт место на столе сынов Ямато. Теперь заняла. Довоевались!

Дорога открыта. Корабль идёт вдоль Курильской гряды. Проходим мимо больших и малых островов, вытянувшихся тысячекилометровой цепью среди необъятных морских просторов. И как бы далеко ни находились острова один от другого, нельзя остаться

незамеченным при проходе в проливах между ними. Эта цепь крепко держала на запоре все входы и выходы из Охотского моря в Тихий океан.

Почти на каждом острове — конические сопки — вулканы. Их вершины уходят за облака, которые тяжёлыми шапками повисли на склонах, в то же время яркие лучи солнца освещают пустынную землю. Подобная картина наблюдается на многих островах. Нигде не видать никаких признаков жизни.

На небольшом острове Мацува, что расположен в самом центре Курильской гряды и где капитулировал четырёхтысячный гарнизон, мы также не встретили следов мирной жизни. К небольшой бухте спускаются две дороги. На берегу оборудованы причалы для небольших судов.

Идём вверх по дороге. В скалах и на склонах холмов всюду зияют глазницы дотов. На поверхности в разных местах виднеются постройки — это казармы, склады, разбитые ангары. Старший лейтенант Шапша, первым высадившийся со своим подразделением на этот остров и пленивший японского полковника Уэду с его войсками, делится впечатлениями: «Обитателями острова были только военные, здесь нет ни одного мирного поселенца, ни одного строения гражданского типа».

Теперь мы воочию лишний раз убедились, что японский империализм захватил Курильские острова с одной-единственной целью — превратить их в военные бастионы, в плацдарм для нападения на русские земли. У островов в довоенное время лишь в летние месяцы появлялись японские промышленники. Они приходили сюда целыми флотилиями на промысел рыбы и морского зверя. Закончив сезон, они возвращались домой. Но и те люди, которые составляли основной контингент «промысловиков», были резервистами.

Никто из мирных жителей не мог обосноваться на островах — в этом диком царстве военщины. Шинель и казарма, военная муштра и проповеди разбоя и грабежа — вот всё, что составляло жизнь островов. Это был гигантский военный лагерь, причём он отнюдь не служил целям защиты самой Японии, а был средством агрессии, трамплином для прыжка на чужие земли.

Адская машина военщины десятилетиями работала здесь с чудовищной методичностью. Культ солдатчины, казалось, водворён навечно. Хозяева-японцы — маршировали, а невольники, привезённые из Китая, Кореи, Маньчжурии, рыли подземелья и возводили бетонные укрепления. Причём японский империализм насаждал на островах особую породу военщины. Многие гарнизоны были

укомплектованы императорскими частями, так называемыми отрядами камикадзе — смертниками.

Здесь на островах японцы хотели показать, что и им не чужда культура. В доказательство в Катаоке они соорудили музей. Впрочем, это и является единственным заведением, как будто непосредственно не относящимся к военщине. Но стоит только заглянуть внутрь крохотной комнатки, именуемой музеем, чтобы убедиться во всём убожестве «музейной редкости». В деревянных ящиках под стеклом размещены два десятка экспонатов, в числе которых имеются самый обыкновенный ржавый трёхдюймовый гвоздь, осколок снаряда, винтовочная пуля, заспиртованная морская рыба и несколько образцов камня и глины. Вот и всё.

Зато в просторном и хорошо оборудованном помещении в Касивабаре размещался дом терпимости. Здесь всё недвижимое имущество стоит на своём месте. Нет только гейш. Музей японцы оставили со всеми его реликвиями, но вот гейш они поспешно вывезли ещё до прихода наших войск.

Всё это теперь осталось в прошлом, к чему не может быть возврата. Всего несколько дней тому назад, как Красная Армия сокрушила на Курильских островах оплот японского империализма, а какие разительные перемены и контрасты здесь произошли! Советские войска освободили исконно русские земли от японской военщины, и теперь отсюда больше не угрожает нашей мирной работе и жизни никакая агрессия. Советские люди принесли на острова свой особый уклад жизни, творческого труда, новый ритм во всей деятельности.

Над островами впервые за долгие годы зазвенела русская песня. Вместе с частями Красной Армии сюда пришли радость, веселье, культура. Ни в Катаоке, ни в Касивабаре не было ни театров, ни клубов. Но вот уже сейчас артисты Камчатского областного драмтеатра ставят здесь спектакли. В полуподвальной казарме, пренебрегая неудобствами, они играют с большим подъёмом одинаково хорошо и «Падь Серебряную», и «Позднюю любовь», и «Хозяйку гостиницы», дают концерты. Это первый театр на Курильских островах за всё время их существования.

В другом месте развернула кипучую деятельность бригада художественной самодеятельности Тихоокеанского флота. Её весёлые песни, звонкая, веселящая душу музыка вселяет бодрость, уверенность в советских людей.

Из подземелий на свет выползают постройки. Всё больше вырисовывается деревянных зданий, освобождённых из-под слоя земли.

Вот уже видны контуры улиц, и на одном из зданий появилась самодельная вывеска с надписью «Комендатура города Катаока».

Снуют по дорогам автомашины, пешеходы. Сейчас здесь преобладают военные, но с каждым днём всё больше появляется гражданских лиц. Это специалисты: инженеры, строители, рыбники, врачи, партийные и советские работники. Они по-хозяйски ко всему присматриваются, горячо обсуждают свои проекты, высказывают смелые мысли — они планируют, как построить здесь новую жизнь.

А там, в проливах, под красным вымпелом, полным ходом идут пароходы, зная, что им больше не угрожает никакая опасность, ибо дорога в океан советским кораблям открыта!

ККМГИ 5497. Камчатская правда, 8, 9, 12, 14, 16, 18, 19, 22, 23, 25, 28—30 сентября 1945 г., № 178, 179, 181, 182, 184—186, 188—190, 192—194.

Герой Советского Союза Василий Кот

Вскоре после того как был получен приказ о штурме северных островов Курильской гряды — Сюмусю и Парамушира, в штаб соединения был вызван инструктор политотдела по партийно-организационной работе старший лейтенант Василий Кот. Высокий статный офицер с худощавым юношески свежим лицом и белокурыми волосами отчеканил с белорусским акцентом: «Старший лейтенант Кот явился по вашему приказанию». Ему предложили сесть и внимательно слушать. Волевое лицо молодого офицера с синими острыми глазами было строго и сосредоточено.

«Командующий принял решение создать группу захвата, которая должна подготовить плацдарм для высадки главных сил на острове Сюмусю. В состав группы захвата входят части нашего соединения, морской пехоты и пограничников. Командует группой захвата майор Шутов, ему подчинены майор Почтарёв — командир части морской пехоты, старший лейтенант Иноземцев — командир стрелковых подразделений и капитан Кожевников — командир подразделения пограничников. Вы назначаетесь заместителем по политчасти командира группы захвата майора Шутова. Подробную инструкцию вы получите, но постарайтесь усвоить главное: ваша задача решает судьбу операции. Костьми лягте, но плацдармом овладейте и удержите его до высадки главных сил».

Беседа закончена. Василий Кот получает подробную инструкцию у начальника политотдела, и задача теперь совершенно ясна ему.

Ночью он лёг спать позднее обычного и долго не мог заснуть. «Костьми лечь, но плацдарм отвоевать и удержать». Вспомнились

два старших брата — Александр и Иван, павшие в боях против немецких захватчиков. Брат Павел начал войну против немцев в Белостоке, прошёл с боями до Воронежа и затем путь от Воронежа до Берлина; начал войну рядовым, теперь майор, награждён двумя орденами и тремя медалями. Брат Михаил прошёл путь до Берлина. Славно воевали братья, бесстрашно, подлинно героически. Ещё несколько дней назад он по-ребячески завидовал им, сетовал на то, что ему, прослужившему восемь лет в армии, не довелось своими руками бить немецко-фашистских разбойников, и от этого как-то неловко чувствовал себя Василий перед братьями. Теперь он был доволен: и на его долю выпала честь повоевать. «Лечь костьми, но плацдарм завоевать и удержать». О смерти он не думал, голова была занята мыслями о том, как победить.

На следующий день к вечеру группа захвата погрузилась на десантные суда. Старший лейтенант Василий Кот чётко знал, что ему делать. Нужно было внушить людям ясную и глубокую убеждённость, что от них зависит исход всей операции, что в случае надобности они должны действительно лечь костьми, но выполнить свой высокий патриотический долг. Эту суровую логику должен понять каждый боец. Понять и руководствоваться только ею.

Корабли подходили к району высадки десанта. На всех кораблях проводилась большая политическая работа — ставились конкретные задачи каждому коммунисту и комсомольцу, партийные собрания оформляли приём в члены партии новых людей, подавших заявления о желании пойти в бой коммунистами. Речи были короткие, ясные, простые.

В два часа ночи в непроглядной темноте все услышали гул орудий. То наша артиллерия обстреливала вражеские укрепления. В это время на кораблях среди десантников родилась клятва родине, великому отцу и другу Сталину. Каждый желающий мог подписать эту клятву. «Победить!» — подписали все до единого. В эту ночь на десантных судах никто не спал. Василий Кот обходил кубрики корабля, на котором он плыл вместе с командующим группы захвата майором Шутовым. Среди десантников царило бодрое, приподнятое настроение. Шутки, смех, остроты по адресу самураев можно было слышать во всех кубриках. Слушал Василий Кот бойцов, улавливал их настроение, говорил с десантниками и проникался неколебимой верой в успех операции.

Четыре часа. Корабли по условному сигналу сворачивают с курса и направляются к вражескому берегу. Бойцы насторожились, начали вглядываться вперёд, во тьму.

Четыре часа тридцать минут. Судно, на котором находятся майор Шутов и его заместитель по политчасти старший лейтенант Кот, уткнулось в рифы. До берега метров шестьдесят — семьдесят. По кораблю пронеслись слова приказа майора Шутова: «Вперёд, на берег!» Несколько человек бросаются по сходням в воду. Дна нет. На сходнях короткая заминка. Старший лейтенант Кот уже здесь. «Я пойду вперёд, товарищ майор», — обратился он к командиру группы. Они обменялись горячими рукопожатиями, и Василий Кот решительно ступил на край сходни. «За мной, вперёд!» — крикнул он и бросился в воду. Он плыл и чувствовал, как вокруг и позади плещется вода — это плывут бойцы.

Вышли на берег. Тут уже группируются десантники, высадившиеся с других судов, здесь же майор Почтарёв, старший лейтенант Иноземцев. Врага не слышно. Либо он не знает о высадке, либо притаился. По мере накопления на берегу десантников, они строятся по подразделениям. Набралось уже достаточно бойцов, чтобы начать продвижение вперёд.

Десантники во главе с майором Почтарёвым, старшим лейтенантом Иноземцевым, старшим лейтенантом Котом и другими офицерами устремляются на первую высоту. Показались землянки. Они пусты, видны следы поспешного бегства японцев, даже свечку не загасили. Но вот откуда-то спереди застрочили пулемёты японцев, затрещала дробь винтовочных выстрелов. Били по нашим наступающим цепям. Стало ясно, что враг был захвачен врасплох, теперь опомнился, привёл себя в порядок. Чувствовалось, что подступы к высоте хорошо пристреляны. Вскоре вражеская пуля насмерть сразила командира стрелкового отряда старшего лейтенанта Иноземцева, появились убитые, раненые среди десантников. Кот взял командование отрядом на себя. Пренебрегая опасностью, он вырвался вперёд и увлёк за собой залёгших бойцов.

Рядом бесстрашно вёл впереди своих бойцов майор Почтарёв. Цепи неуклонно двигались на высоту. Вот и вершина. Враг отошёл на склоны, но сильный огонь из дзота приковал цепи к земле. Василий Кот отбирает пятерых бойцов и отдаёт приказание подавить дзот, до которого метров семьдесят. Воины ползком достигают его, взбираются наверх. В амбразуры полетели гранаты. Дзот умолк, но вскоре оттуда опять стали стрелять. «Сделайте связку гранат!» — крикнул Кот. Через минуту связка гранат полетела в амбразуру, и дзот окончательно заглох.

Бой разгорался. В десять часов утра японцы справа, где были моряки и пограничники, бросили танки. В это же время японцы

с криками «Банзай!» полезли на высоту, чтобы сбить отряд Кота. «Лежать на месте! Позади море! — передал Василий Кот приказ по цепи. — Без команды не стрелять!»

Вот уже японская пехота почти у гребня, некоторые солдаты вырвались вперёд, до них было метров пятнадцать. В это время наши бойцы уже видели, как справа горят танки врага. «Гранатами по самураям!» — скомандовал старший лейтенант Кот. Самураи покатились назад, им вслед заговорили очереди автоматов. Атака танков и пехоты отбита, но бой продолжался. К двум часам дня на отвоёванный плацдарм высадились наши главные силы, а в шесть часов вечера началась атака второй, главной высоты. Старший лейтенант Кот был и здесь всё время впереди. Под огнём врага он бесстрашно вёл за собой десантников. Он не прятался за укрытия, не переползал, оставаясь всё время на ногах. Вот по правому флангу открыл сильный огонь вражеский дзот. Там цепи залегли и не могут оторваться от земли. Майор Почтарёв, заменивший раненого майора Шутова, посылает Василия на правый фланг. Через две минуты он здесь. «За родину, за Сталина! Вперёд!» — крикнул он и устремляется вперёд цепи. Бойцы вскакивают и с криками «Ура!» атакуют врага.

К восьми часам вечера наши десантники овладели главной высотой. В числе первых, кто выбрался на её вершину, был старший лейтенант Кот.

На следующий день утром группа бойцов во главе со старшим лейтенантом блокировала здесь дзот и захватила в плен 64 японских солдата. Это было начало капитуляции японцев. Правительство высоко и по достоинству оценило боевые подвиги старшего лейтенанта Василия Кота — ему присвоено звание «Герой Советского Союза».

А. Грачёв

ККМГИ 5497. Камчатская правда, 9 октября 1945 г., № 200

Виктор Альфутин

Герои Курильских островов
(отрывки из поэмы)

Безбрежен Тихий океан.
Куда-то вдаль под небосводы
Катя задумчивые воды,
Спокойно дышит великан.

Лениво волны мёртвой зыби
Проходят сонной чередой.
Лишь чайка взмоет над водой
Крылом в серебряном изгибе,
Да резвые порой дельфины
Покажут бархатные спины,
И бьёт фонтан кита ключом,
Искрясь под солнечным лучом.
Богато, вольно и широко,
Хозяйских ожидая рук,
Простёрлись с севера на юг
Просторы Дальнего Востока.
Его немые берега
Лежат, рисуясь в небе синем,
И их в безмолвии пустынном
Ничья не ведает нога.
Никто их сонного покоя
Веками здесь не нарушал,
Шумит лишь океан меж скал
Ворчливым рокотом прибоя.
Порой проснётся в гневе старый,
Весь разъярённый океан,
Безумной страстью обуян.
Обрушит грозные удары,
Дробя за волнами волну
Об их гранитные массивы,
Своей встряхнуть стараясь силой
Их вековую тишину...
Никто не делал там походов,
Ничьи не плавали суда,
Но вот направились туда
Отряды русских мореходов.
Среди бесчисленных открытий
Отважных русских моряков —
Гряда Курильских островов
Была одним из тех событий,
Которые для разных стран
Стяжали мировую славу, —
Открыли русские, по праву,
Ворота в Тихий океан.

И с той поры, пройдя веками,
Земля та русскою слыла...
Она захвачена была
Японцев алчными руками.

* * *

Прошли года, и вот настало,
Что сердце русское так ждало:
Истории неумолимый бег
Ускорил русский человек.

* * *

В природе тихо — всё молчит.
Восхода первые лучи
Вершин высоких дальних сопок
Уже касаются слегка.
Седых снегов их вечный хлопок
В красе серебряной сверкал.
В лучах чудесных перламутра
Вставало августовское утро.

* * *

В порту забиты все причалы,
Казалось, всё сошлось сюда:
Друг к другу дружески прижали
Борта десантные суда.
Сплошным потоком валят люди,
Там надрывались тягачи,
Таща в чехлах тела орудий.
Тут тесной кучкой усачи
Стоят, во всю дымя махоркой.
А там внушительною горкой
Снаряды в ящиках лежат.
За ними, выстроившись в ряд,
Пестря зелёными чехлами,
Стоят орудия. А там,
Где сопка с редкими домами, —
Всё люди, люди по кустам.

Везде по берегу пестрели
Красноармейские шинели.
Чернели на бортах судов
Бушлаты, ленты моряков.
Под шум моторов в бухте узкой
И резких выкриков команд
И день, и ночь велась погрузка:
Морской готовится десант.
Глухой стоит над бухтой гуд.
К судам всё новые колонны
Бойцов, страной вооружённых,
Широкой поступью идут.
Всё это быстро поглощают
Судов просторные трюма...
Вечерняя на землю пала тьма,
Погрузка кончена, матросы отдыхают.
Один, готовясь, чистит автомат,
Другие, встретившись со старыми друзьями,
Делились самыми заветными мечтами,
Припомнив с нежностью далёкие дома.
А там беседует моряк бывалый Митин
О прошлых и о будущих боях.
«Товарищи! Сейчас начнётся митинг!» —
В открытых кто-то прокричал дверях.
Бойцы на митинг в кубрике собрались,
Туда, где в золоте стоит Москва,
Летели пламенные, жгучие слова.
Сердца матросские, как море, волновались,
От ярких слов забившись горячей.
И выразил смысл всех речей,
Все мысли, чувства моряков
Своею речью Николай Вилков:
«Ты, знаешь, родина, сынов своих любовь!
В боях жестоких, не жалея кровь,
Смелы, упорны и крепки
Отважно бились моряки.
У стен героев-городов
Полки советских моряков
Громили полчища врагов,
Ни сна, ни устали не зная.
Прими ж теперь, страна родная,

Огонь священных чувств и слов
Своих бесстрашных моряков.
Мы вновь с победою вернёмся!
Священно в том тебе клянёмся!»
Окончен митинг, моряки
Сильнее сжали кулаки:
Гуляют чувства на просторе...
Десант с рассветом вышел в море.

* * *

С потушенными в ночь огнями
Армадой тёмной над волнами
Вдоль берегов родной земли
Идут с десантом корабли.
Тумана пеленой одеты,
Грозны во тьме их силуэты.
Кругом — немая тишина,
Лишь грузно бьёт о борт волна.
Но вот ночной крепчает ветер,
Бросая в борт фосфорным светом
Волну невероятных форм —
Разыгрывается в море шторм...
Всю ночь туман над кораблями
Стоит молочными полями.
Седой сердитый океан
Под утро разогнал туман.
Открылся берег вдруг отлогий —
Чужой, в немом молчанье строгий.

* * *

Быстро по сходням сбегают матросы,
Крепко зажав автоматы в руках.
Вырез груди — океанская просинь:
Полосы тельных матросских рубах.
В первый блиндаж ворвал*и*ся с разгона,
Вдруг впереди затрещал автомат, —
Первый моряк опустился без стона —
Тени проснулись японских солдат.
Всё затрещало, взревело в окружье,
Видны проборы проторенных троп.

«К бою гранаты!» — Лихое оружье!
Взрыв потрясает японский окоп.
Бьют корабли: ввысь — взвизги снарядов,
Красная сеть эрликоновских трасс,
Треск беспрерывный сухой автоматов,
Взрывы снарядов — «Рр-раз!» Рр-р-аз!»
Доты и дзоты огнём ураганным
Льют по широким матросским рядам,
Ливнем смертельным, дождём беспрестанным
Враг преградил все пути морякам.
К камням прижата матросская рота
Перед пространством, где царствует смерть.
Это пространство — от борта до борта,
Сколько шагов в нём — попробуй-ка смерь.
Видит моряк — захлебнулась атака,
Роте морской не прорваться вперёд.
Там впереди пулемётом зло такал
Сеющий смертью вражеский дзот.
«Глотку японцу заткнуть разрешите?» —
Громко спросил у комроты Вилков.
«Что ж, попытайтесь, но только смотрите —
Лучше ползти вон вдоль этих кустов!»
Взял краснофлотец соседа гранату,
Вставил запал, осторожно пополз
К дзоту, навстречу смертельному граду,
Нежно гранату, как детище, нёс.
...Дзот ненавистный совсем уже рядом.
Сжал Николай своё тело в комок.
Точно дистанцию вымерив взглядом,
Бросил гранату — японец замолк!
«Что, самурай, чуешь русский народ!» —
Крикнул Вилков и с такими словами
Бросился к дзоту большими скачками.
Ожил вдруг пулями сеющий дзот!
Будто железом ожгло раскалённым
Крепкую, гневно дышащую грудь:
Пал рядом с дзотом внезапно сражённый, —
«Что ж, неужели окончен мой путь?» —
Думал Вилков, поминутно слабея,
Хрип раздавался в пронзённой груди.

В гневе моряк, всё сильней свирепея,
Медленно полз: «Ну, постой, погоди!
Врёшь же ты, сволочь! Моряк ещё жив!» —
Поднял Вилков над землёю фигуру —
Рядом совсем амбразура лежит.
Бросившись, телом закрыл амбразуру!
В рьяном порыве матросская рота
Вся поднялась, свято мщеньем горя,
Ринулась к дзотам морская пехота,
Грянуло грозно морское «Ура!»...

ККМГИ 5496. Камчатская правда, 23 февраля 1946 г., № 4771

Чтить памятник бессмертной славы

Ещё свежи в памяти трудящихся Камчатки дни курильских боёв, когда все жители полуострова своими трудовыми подвигами помогали воинам-дальневосточникам громить японских самураев. Трудящиеся Камчатки внимательно следили за развитием боевых событий на Курилах, с гордостью слушали по радио высокую оценку, данную Верховным Главнокомандующим товарищем Сталиным успешным боям советских войск на Курильских островах. Кроме патриотической гордости советских людей за успех своих войск, жители Камчатки знали, что каждый третий воин на поле боя — это сын, брат, муж, отец, ибо среди воинов-курильцев было немало камчатских жителей.

Отгремели выстрелы, закончились боевые операции. Советские люди вновь стали хозяевами исконно русских Курильских островов. Тысячи воинов вернулись к своим семьям, к мирному труду, чтобы продолжать строить счастливую жизнь, скорее залечивать раны, нанесённые войной. Но как и на других фронтах, на Курильских островах пали смертью храбрых, отдав свою жизнь за родину, бессмертные герои — солдаты, матросы, сержанты и офицеры. Областные партийные, советские и общественные организации трудящихся Камчатки решили увековечить память и славу героев Курил. Воздвигнут памятник на братской могиле в Петропавловске и памятник на месте боёв в городе Северо-Курильске.

Прошёл год с тех пор, как тысячи трудящихся Камчатки в дни празднования 28-й годовщины Октября, в торжественной обстановке открыли величественный одиннадцатиметровый обелиск — памятник бессмертной славы героям-воинам, павшим за возвращение нашей родине исконно русских земель. Советские люди с чувством

гордости и уважения останавливаются перед памятником для отдания почестей героям, прах которых покоится под обелиском.

Памятник героям курильских боёв — это памятник неувядаемой славы советского народа, отстоявшего честь и независимость социалистической родины, это памятник представителям великой многонациональной советской семьи. Смертью храбрых за советские Курильские острова пали русские, коряки, украинцы, чукчи, башкиры, айны, киргизы, азербайджанцы, грузины, армяне, узбеки и представители других народов великого Советского Союза.

Историки, поэты напишут о павших героях Курил поэмы, книги, создадут песни и былины, на которых будущее счастливое поколение социалистического общества будет воспитываться и с благодарностью вспоминать о пионерах — строителях новой жизни.

Мы, современники, должны с особым уважением чтить великую и светлую память лучших сынов нашей отчизны, отдавших свою бесценную жизнь за счастье и свободу нашей матери-родины. Каждый педагог должен воспитывать у школьников горячую любовь к памятникам героям, погибших за Курильские острова. Партийные, советские, общественные организации обязаны воспитывать у граждан Камчатки чувство гордости, чувство беспредельного уважения к бессмертной памяти о лучших сынах нашей родины, отдавших на защиту социалистической отчизны самое дорогое — жизнь.

Областному музею необходимо собрать возможно более полные материалы о героических действиях воинов, павших смертью храбрых в боях за возвращение Курильских островов нашей родине. Только забвением памяти доблестных защитников можно объяснить такие факты, когда дети залезают на памятник, ломают ограду, когда нет даже сторожа для постоянной уборки и наведения порядка.

Нельзя допускать небрежного поведения хотя бы отдельных граждан у памятников, ибо иногда оно превращается в кощунство. Это дело заботы городских властей. Забота о постоянном содержании в торжественно-красивом состоянии памятника героям боёв за Курилы — дело чести трудящихся Петропавловска и всей Камчатки.

Может быть, время коснётся крепости стали и краски обелиска, «но священные имена их не исчезнут в океане вечности. Имена их бессмертны, как дела их. Они всегда будут воспламенять любовь к родине в сердцах своих потомков» (В. Белинский). Так будем достойными современниками героев-курильцев, отдавших свою жизнь за счастье советских людей в борьбе за независимость нашей родины.

А. Гнечко, Герой Советского Союза

ККМГИ 5496. Камчатская правда, 15 ноября 1946 г., № 259

Содержание

Предисловие 3
Использованные сокращения 8

Документы

Из отчёта штаба Петропавловской военно-морской базы 9
Из материалов штаба КОР 9
Опросный лист на военнопленного капитана Иидзука Сакаи 11
Итоговая разведывательная сводка № 1 штаба КОР 13
Журнал боевых действий штаба 138-го стрелкового полка 19
Журнал боевых действий отдельного учебного стрелкового батальона 23
Из исторического формуляра 279-го артиллерийского полка 26
Из исторического формуляра 302-го стрелкового полка 28
Курильская десантная операция 31
Из отчёта командира десанта генерал-майора П. И. Дьякова 52
Из отчёта по проведению десантной операции ПВМБ 58
Фрагменты наградных листов Героев Советского Союза (Н. А. Вилков, Д. Г. Пономарёв, Т. А. Почтарёв, В. И. Сигов) 59
Из приказа по 198-му отдельному стрелковому полку КОР 62
Из приказа по артиллерийской части ордена Ленина 101-й стрелковой дивизии КОР 65
Справка Центрального архива пограничных войск КГБ 69
Фрагменты письма красноармейца Г. И. Третьякова 71

Воспоминания ветеранов Вооружённых сил и Курильского десанта

Авдеев Алексей Васильевич 82
Акшинский Василий Семёнович 89
Басков Иван Иванович 95
Волчков Василий Иванович 99
Гаркуша Иосиф Иосифович 105
Гайдуков Иван Семёнович 106
Гепалов Аким Захарович 109
Гоенко Леонид Павлович 111
Григорьев Михаил Михайлович 116
Грицака Александр Матвеевич 122
Грицук Георгий Владимирович 130
Гуськов Трофим Сергеевич 136
Даин (Дайн) Товия Бенционович 143
Даньшин Виктор Алексеевич 145
Деревлев Михаил Васильевич 156
Дёмин Родион Петрович 156
Дорошко Борис Яковлевич 159
Дьяков Порфирий Иванович 169

Елисеев Пётр Фёдорович 175
Зобнин Василий Васильевич 191
Игнатьев Дмитрий Евгеньевич 207
Каньшин Иван Прокопьевич 219
Кашинцев Евгений Матвеевич 222
Колчанов Иван Николаевич 227
Комаров Алексей Павлович 232
Кот Василий Андреевич 234
Котляр А. Н. 238
Кремянский Борис Евгеньевич 243
Кривошеев Николай Матвеевич 248
Кузнецов Вениамин Владимирович 249
Лаврухин Иван Филиппович 252
Лебедев Василий Иванович 267
Максаров Василий Константинович 272
Макшов Иван Семёнович 273
Мальцев Руфим Руфимович 274
Медяков Сергей Степанович 275
Мезенцев Александр Георгиевич 276
Мотосов Георгий Александрович 277
Найдёнов Афанасий Никифорович 283
Нечепуренко Еремей Афанасьевич 286
Никитин Михаил Степанович 288
Никуленко Иван Алексеевич 290
Осипов Николай Иванович 292
Панаев Юрий Аркадьевич 304
Пильховский Гаврила Васильевич 306
Пименов Александр Иванович 306
Поплавский Иван Зиновьевич 310
Пудов Степан Николаевич 314
Рубан Николай Григорьевич 315
Сандюк Владимир Александрович 316
Санников Алексей Владимирович 318
Силаев Иван Иванович 320
Соболевский Павел Викторович 321
Соколов Геннадий Сергеевич 327
Стрельцов Владимир Васильевич 330
Танюшкин Николай Семёнович 338
Тарасов Виктор Порфирьевич 339
Терентьев Василий Тимофеевич 340
Ткачук Николай Афанасьевич 342
Тюхтеев Иван Семёнович 343
Уразметова Зифа Амирьяновна 347
Фрольцев Владимир Георгиевич 362
Христенко Иван Демидович 363
Христофоров Георгий Дмитриевич 368

Царегородцев Александр Тимофеевич 375
Царёв Алексей Семёнович 383
Черезов Иван Семёнович 386
Шеремеев Александр Гаврилович 389
Щепин Лев Васильевич 392

О полковнике П. А. Артюшине

Из писем Г. В. Грицука 393
Статья Г. Ф. Бочкарёва «Полковник П. А. Артюшин» 395
Воспоминания бывшего командира 373-го стрелкового полка Г. В. Губайдуллина 402
Воспоминания бывшего командира 138-го стрелкового полка К. Д. Меркурьева 404
Из Указа Президиума Верховного Совета СССР 406
Из наградного листа П. А. Артюшина 407

Из блокнота военного корреспондента

А. М. Грачёв. Курильский десант 416

«Проявив отвагу и сноровку...»

Л. Н. Дюкарева. Некоторые сведения об участии в Курильском десанте воинов-пограничников 434

Первые сообщения и материалы о Курильском десанте

Оперативная сводка Совинформбюро за 22 августа 1945 г. 446
Оперативная сводка Совинформбюро за 23 августа 1945 г. 446
Оперативная сводка Совинформбюро за 26 августа 1945 г. 447
А. Козюлин. Бессмертие 447
А. Грачёв, Н. Иванович, Н. Лихобабин. Ворота в океан 449
А. Грачёв. Герой Советского Союза Василий Кот 482
В. Альфутин. Герои Курильских островов 485
А. Гнечко. Чтить памятник бессмертной славы 491

Научно-популярное издание

ДЕРЗКО, ОШЕЛОМЛЯЮЩЕ, ОТЧАЯННО...
(материалы о Курильском десанте августа 1945 г.)

Серия «Из фондов музея»

Ответственная за выпуск Е. Н. Буторова
Редактор-составитель С. В. Гаврилов
Корректор Л. В. Орлова
Макет, вёрстка С. В. Гаврилова
Дизайн обложки О. И. Набутовской

Подписано в печать 17.11.2024.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 30,98.
Тираж 300. Заказ № 113.

Издательство «Новая книга».
683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60.
Тел./факс 8(4152) 41-12-60

Отпечатано в ОАО «ИПК "Дальпресс"».
690950, г. Владивосток, пр-т Красного Знамени, 10